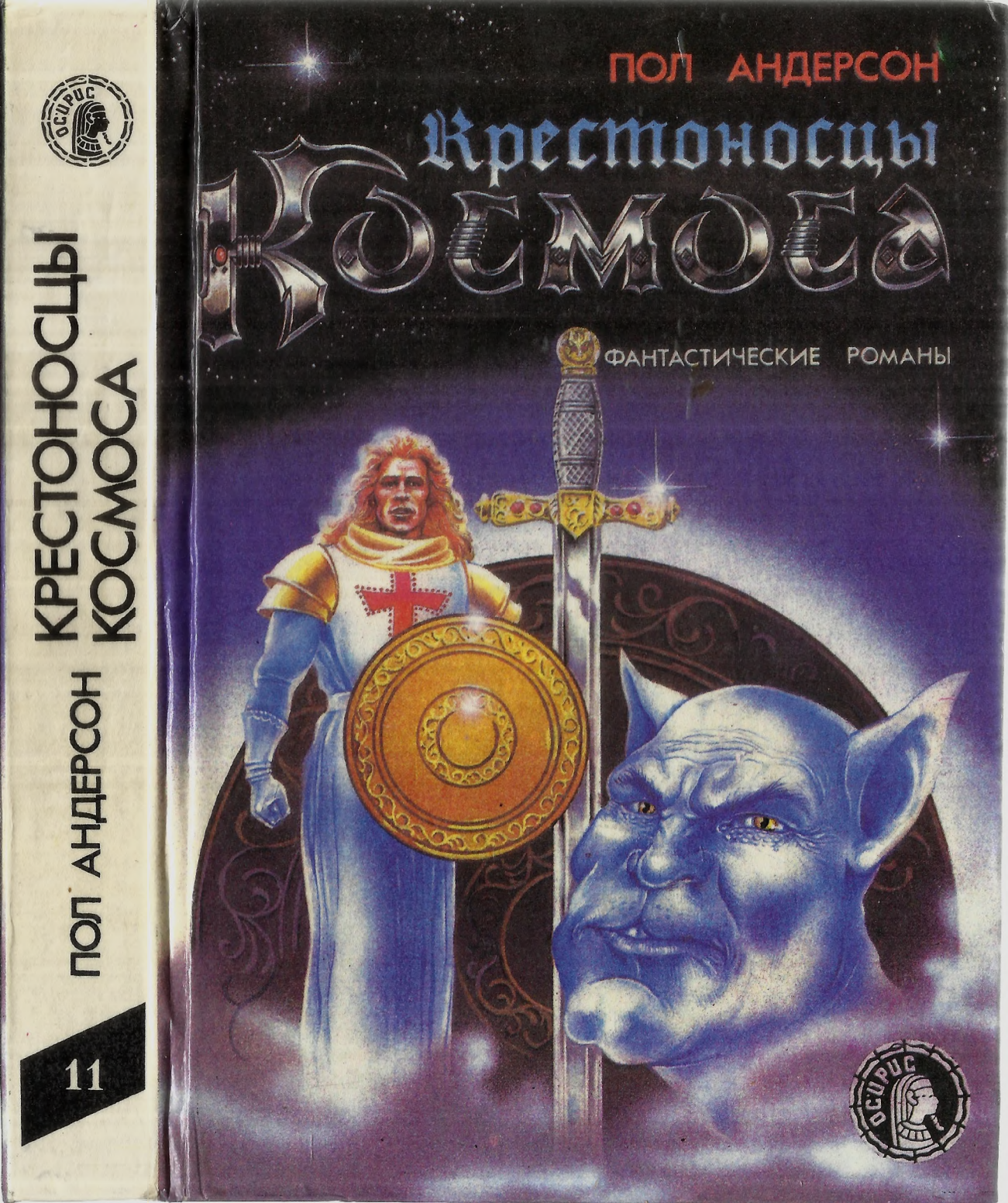
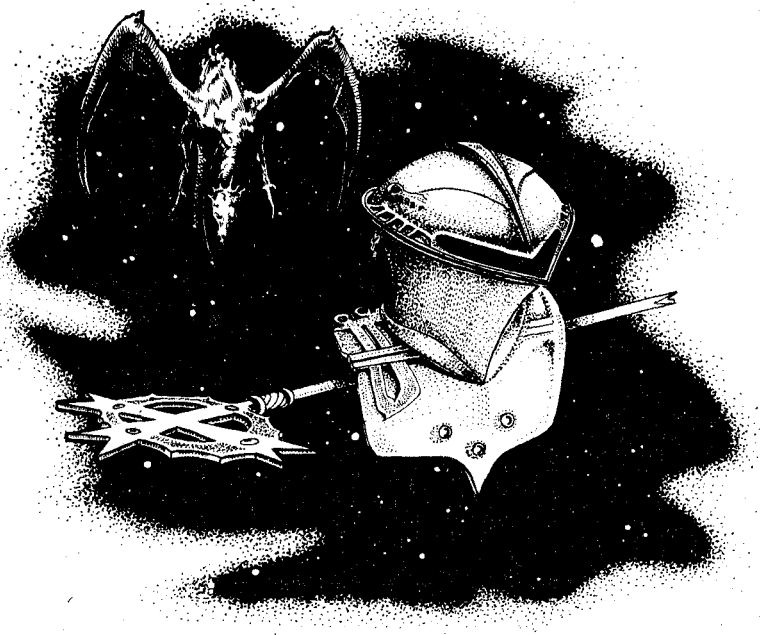

ПОЛ АНДЕРСОН
Крестоносцы Космоса
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
ПОЛ АНДЕРСОН
КРЕСТОНОСЦЫ КОСМОСА
11

ПОЛ АНДЕРСОН

Крестоносцы Космоса

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Москва
Центрполиграф
1992

ББК 84.7 (США)
А65

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 11

Андерсон Пол

А65 Крестоносцы космоса: Фантастические романы. Пер. с англ.- "Осирис". Вып. 11 - М.: Центрполиграф, 1992. - 480 с.

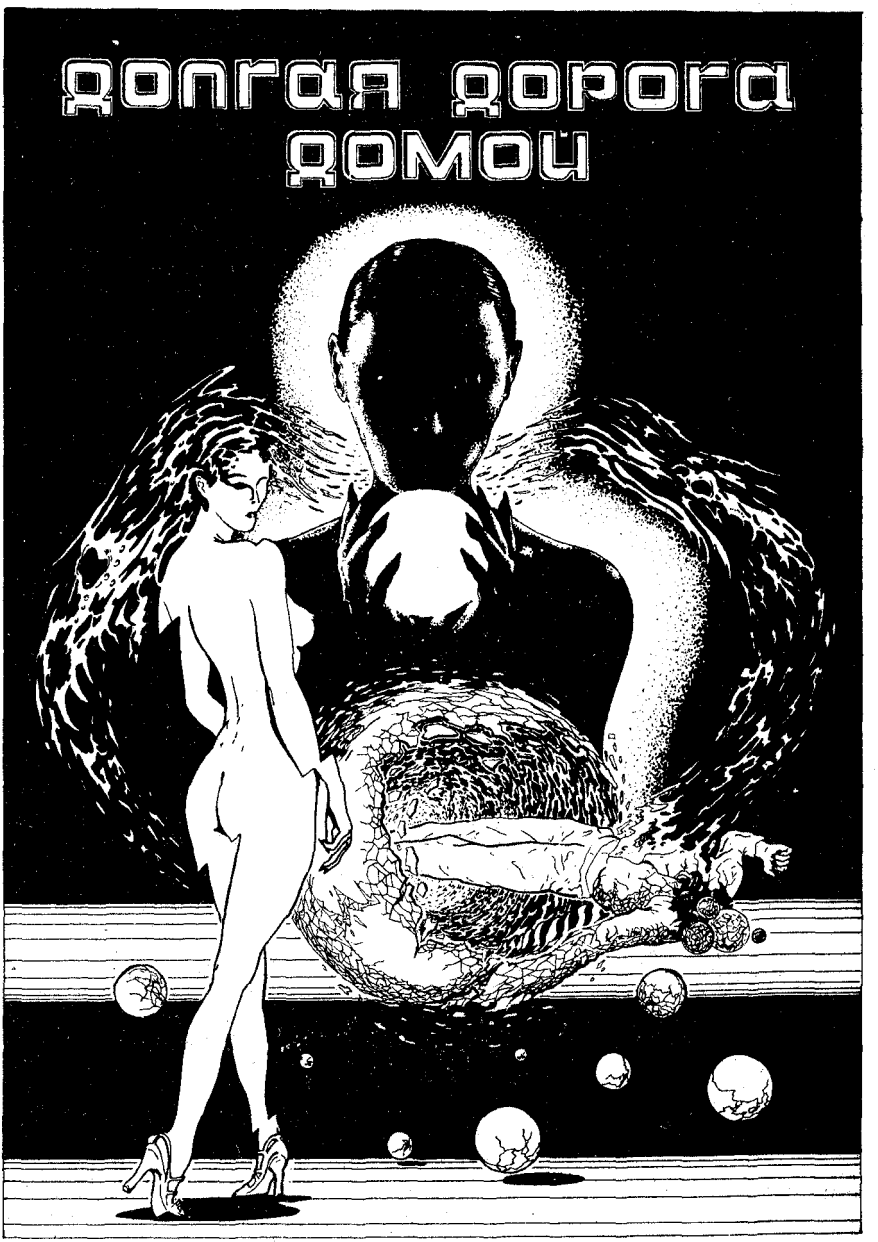
Пол Андерсон - один из самых знаменитых писателей-фантастов современности. За четыре десятилетия литературной работы он опубликовал более пятидесяти романов и двухсот рассказов и повестей. Семь раз он был удостоен престижной премии "Хьюго", трижды получал премию "Небьюла", стал лауреатом многих других литературных наград. Человек поразительной эрудиции, он перемешивает в своих творениях историю, науку, древние мифы, познания из самых экзотических областей - и в результате создает миры, в которые невозможно не поверить.

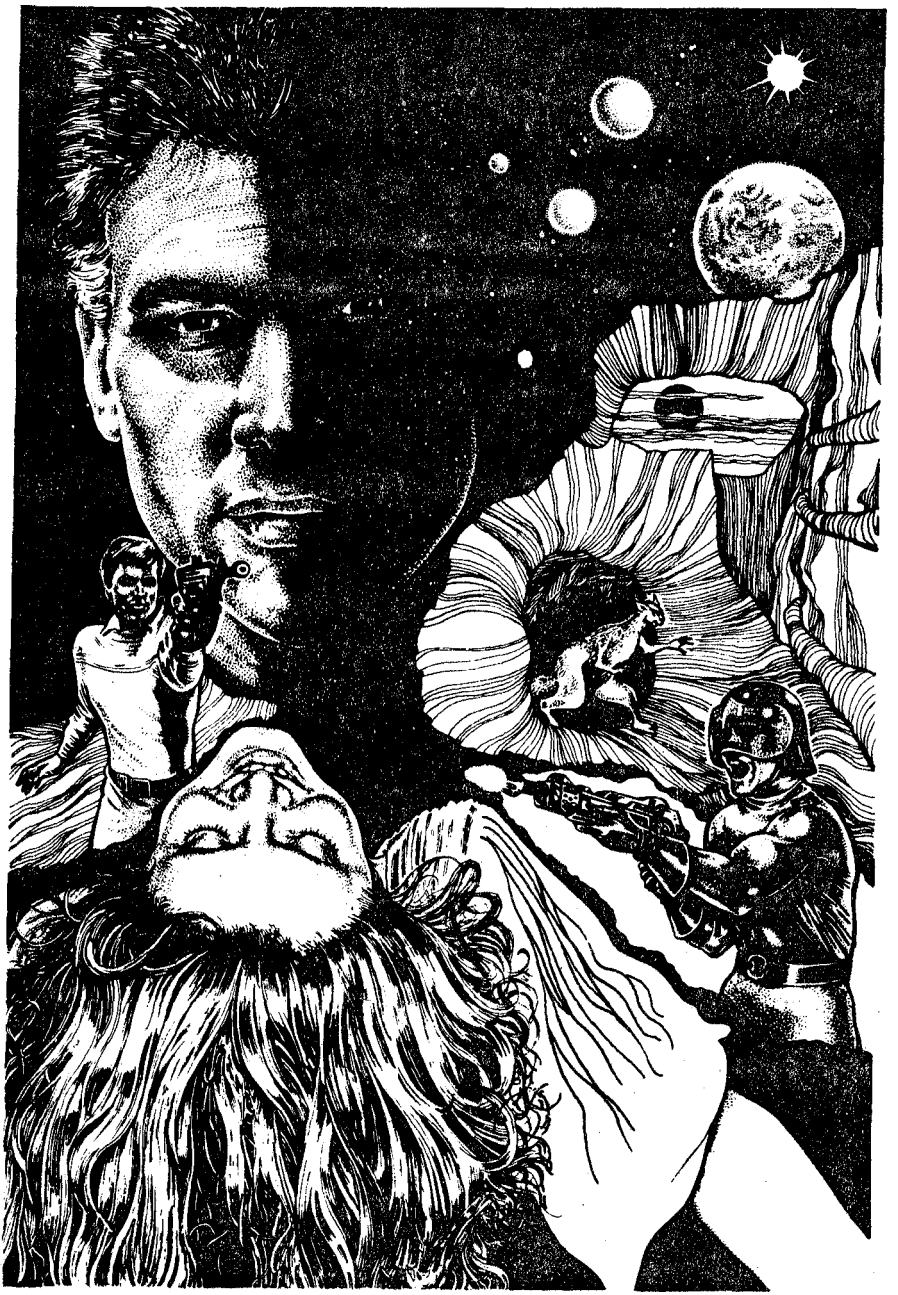
В данной книге собраны лучшие романы писателя.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0002-9

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1992 г.

ДОЛГАЯ ДОРОГА
ДОМОЙ

1

Космический корабль повис во тьме, пронизанной звездами. Мгновение царило молчание, затем раздался голос:

— Где Солнце?

Эдвард Лэнгли развернулся в кресле пилота. В кабине царила тишина, лишь чуть слышно подвывал вентилятор, и в неестественном безумии раздавались удары его сердца.

— Я... не знаю... — наконец сказал он. Слова звучали жестко, глухо. На экране контрольной панели, что давал обзор на весь небесный свод, он видел Андромеду, Южный крест, Орион, но нигде в этой кристальной мгле не было знакомого блеска.

Невесомость казалась похожей на бесконечное падение.

— Мы в основном районе, это точно, — помолчав минуту, сказал он. — Созвездия более или менее похожи. Но... — его голос стих.

Четыре пары глаз жадно шарили по экранам.

Затем Мацумото сказал:

— Вот здесь... Во Льве... Яркая звезда. Вы ее видите?

Они уставились на блестящую желтую искру.

— Цвет, как мне кажется, правильный, — сказал Блостейн. — Но она ужасно далеко.

После некоторой паузы он неуверенно хмыкнул, уселся рядом со спектроскопом, навел его на звезду, фокусируя изображение на эталонном снимке солнечного спектра и нажал клавишу блока сравнения. Красный цвет не загорелся.

— Все те же, смещенные вправо, линии Фраунгофера, — медленно выговорил он, — та же интенсивность в каждой линии, с точностью в несколько квантов. Или это Солнце, или его брат-близнец.

— Далеко? — спросил Мацумото.

Блостейн уткнулся в фотоанализатор, считывая показания с диска, и полоса света скользнула по его пальцам.

— Ноль три года, — сказал он. — Не очень далеко.

— Все же далековато, — проворчал Мацумото. — Мы должны оказаться в одной десятой светового года. Неужели опять двигатель барахлит?

— Вряд ли, — проговорил Лэнгли. Его руки легли на пульт управления. — Я прыгну поближе?

— Нет, — сказал Мацумото. — Если мы ошиблись, определяя свое местоположение, то еще один прыжок отправит нас прямо в недра Солнца.

— Или в ад, или в Техас,* — в тон ему отозвался Лэнгли.

Он ухмыльнулся, хотя к горлу подкатила тошнота от такого предположения.

— Отлично ребята. Отправляйтесь на корму и начинайте ремонтировать эту старую рухлядь. Раньше найдем неисправность — раньше попадем домой.

Они кивнули и вышли из кабины. Лэнгли вздохнул.

— Ничего не поделаешь, придется ждать, Сарис, — сказал он.

Холатанин не ответил. Он никогда не говорил без особой необходимости. Его огромное, ладно скроенное тело лежало неподвижно в противоперегрузочном кресле, специально подогнанном для него. Глаза настороженно блестели. От него исходил слабый запах, напоминавший запах травы под солнцем на широком поле. Казалось, он находился вне этого узкого металлического гроба, будто принадлежал открытому небу и струящейся воде.

Лэнгли подумал: "Ноль три светогода. Не много. Я скоро приду к тебе, Рэгги, если смогу переползти это расстояние".

Включив автоматическое управление на случай, если поблизости окажется случайный метеорит, Лэнгли почувствовал себя свободным от ответственности командира.

— Это не займет много времени, — сказал он. — Немного знаний потребуется, чтобы наладить эту груду старья. Ну, а пока партию в шахматы?

Сарис Хронна и Роберт Мацумото были на "Эксплорере" шахматными партнерами, они провели множество часов, склонясь над доской. Странно было всегда наблюдать за ними: за человеком, чьи предки покинули Японию, перебравшись в Америку, и существом с планеты, удаленной на тысячи светолет, поглощенными этой игрой древних персов. Осознание этого единства давало Лэнгли ощущение безбрежности и всемогущества времени больше, нежели бесконечная пустота, которую они пересекали чаще, чем бесчисленные планеты, кружащиеся во тьме.

---

* Американская поговорка (*Прим. перев.*)

— Нет, сп-пасибо, блеснули белые клыки, и горло образовало звуки, для которых никогда не было предназначено. — Я предпочту завершить новую и необычную концепцию.

Лэнгли кивнул. Даже после многих недель совместной жизни он не мог понять характера холатанина. Подобно зверю, поджидающему в густом лесу добычу, Сарис мог часами сидеть с мечтательным видом и философствовать на непонятные темы.

— Ладно, парень, — сказал он. — Тогда я пока займусь вахтенным журналом.

Толкнув в футе от себя дверь в стене, Лэнгли пробрался через люк в узкую комнату. Наконец он получил возможность немного размяться в этой крошечной комнатке. Зацепившись ногами за светлый стул, прикрученный к стене, он перегнулся через стойку.

Журнал лежал открытым, удерживаемый тонкой магнитной вставкой. С неторопливостью, которая была ничем иным, как следствием борьбы с собственным нетерпением, он перелистнул страницы.

На титульной странице значилось:

Отдел госдепартамента США по астронавтике, И/К "Эксплорер", экспериментальный рейс, начат 25 июля 2047 г.

Цель:

Исследование суперпривода.

Дополнительная цель:

Сбор сведений о других звездах и их возможных планетах.

Экипаж:

Капитан и пилот Эдвард Лэнгли, 32 года, домашний адрес: Лорами, шт. Вайоминг, окончил Годдардовскую академию, звание — капитан астронавтической службы, космонавт с 18 лет. (Длинный послужной список, включая Меркурианский бросок.) Медаль Меррита за героизм при спасении "Ареса". (Конечно, должен же был кто-то сделать это, и если б они знали, как мало я тогда успел.)

Инженер по электронике Роберт Мацумото, 26 лет, домашний адрес: Гонолулу, Гавайи, служащий Космического корпуса, звание — А/С лейтенант. Работал на Луне, Марсе, Венере. Изобретатель топливного инжектора и кислородного регенератора.

Физик Джеймс Блостейн, 27 лет, домашний адрес: Рочестер, Нью-Йорк, гражданский. Работал на Луне в качестве политического представителя Инженерно-астронавтического корпуса. Основные работы в области теоретической физики, создатель нескольких экспериментальных систем для их проверки.

Биолог Том Форелли.

"Да, Том мертв. Он умер на неизвестной планете, которую мы посчитали безопасной, и никто не знал, что он умирает от острой аллергии — это была одна из смертей, подготовленных чужой эволюцией. Мы сожгли его там, и душа его отправилась к Богу, который, очевидно, был далеко от тех мест — зеленого неба и шепчущих красных трав".

Глаза Лэнгли остановились на фотографии на стене. Рыжеволосая девушка улыбалась ему сквозь дымку лет и миль. "Рэгги, дорогая, — подумал он, — я возвращаюсь домой!"

Космонавты не имеют права жениться. Их единственное право — нестись, сломя голову, меж звезд верхом на метле ведьмы — так они называли свой корабль с двигателями, принцип работы которых никто из них не понимал толком. И когда к Лэнгли пришло приглашение, она увидела в его глазах такое страстное стремление, что, не колеблясь, предложила ему согласиться. Она направила его к далеким звездам, а сама осталась на Земле. Рэгги была беременна.

"Скажи, зачем идешь на этот подвиг?"

И отвечает мне корабль:

"Чтобы покинуть наше время,

Чтоб парусом лететь над морем..."

"Никто, кроме меня, — подумал он. — Ладно, это было в последний раз". Я уже стар для этой работы, и не заметил, как все стремления иссякли. Вот жребий игрока и его выигрыш. Я возвращаюсь домой. Я скоро буду дома, мы обоснуемся на ранчо и будем разводить чистопородных лошадей, и лишь ночью я позволю себе глядеть на звезды сквозь дым из своей трубки.

Но зато моему ребенку теперь принадлежит не только стерильная Луна, бесплодный Марс, ядовито-горчичная адская дыра Венеры... Ему должны принадлежать роскошь и тайны всей Галактики, и уже его металлические скакуны будут пастись среди звезд."

Лэнгли начал быстро перелистывать журнал. В остальной его части были всевозможные данные: характеристики двигателя, звездные координаты, элементы планетных орбит, массы планет, температуры и составы атмосфер, небрежные наброски универсальных креплений. Каким-то образом эти сухие факты взбодрили его.

Лэнгли запихнул в трубку несколько табачных листков. Сделать это и разжечь трубку при невесомости было настоящим искусством. Спасибо небесам, этот корабль оборудовали всем необходимым. В большинстве известных ему кораблей совершенно нельзя было курить на борту, так ценился кислород. Эта возможность уже давала понять, что "Эксплорер" — необычный

корабль. Хотя размерами он был мал, но имел двигатели и баки реактивной массы крейсера, мог опускаться на любую планету, размерами с Землю или менее, мог маневрировать после входа в атмосферу, мог поддерживать жизнь экипажа годами, мог выдержать любое испытание. Строился он шесть лет и стоил десять миллиардов долларов.

Перед мысленным взором Лэнгли промелькнула история полетов в космос. История была недолгой. Большинство специалистов сомневались в необходимости подобных исследований. Космические станции были полезны, лунные базы имели военную ценность, но внешняя часть Солнечной системы считалась бесплодной, враждебной пустыней, интересной только с научной точки зрения, может быть, своими нестабильными элементами. Но однажды физический парижский журнал опубликовал статью. Некто Лефевр исследовал аспекты дифракции электронов с точки зрения единой теории поля. Он использовал новый оригинальный вариант экспериментальной установки с гидромагнитными элементами, и результаты — темный круг с расплывчатыми краями и пятна на фотографической пластине (в общем, ничего эффектного!) — оказались абсолютно неожиданными. Ученый смог это объяснить только следующим образом: электроны двигались от точки к точке мгновенно, не задерживаясь на разделяющем их расстоянии.

В Калифорнии использовали сверхмощный ускоритель с пучком частиц почти в грамм эквивалентной массы, и результаты подтвердились.

В Ленинграде теоретик Иванов, заинтересовавшись экспериментами, выступил с объяснением полученных данных: континиум не четырехмерен, существует не менее восьми ортогональных направлений — модернизация старых квантово-механических гипотез о еще одной параллельно сосуществующей Вселенной. Вещество двигалось через "гиперпространство" от точки к точке мгновенно, как бы далеко эти точки не находились.

Мгновенно! Это значило, что звезды с их неотрытыми планетами были на расстоянии взмаха ресниц. Понадобилось 10 лет разработок, и появилось устройство, которое могло совершить скачок от околоземной станции к орбите Плутона. Когда потом его обнаружили радиотелескопом, приборы показали, что времени на прыжок не было затрачено, и животные на борту не пострадали. Затруднение вызвало только то, что аппарат обнаружили в нескольких миллионах миль от планируемого места доставки. Повторение экспериментов дало огромный процент ошибок при отработке задаваемых координат выхода, что усугубляло ситуацию при гигантских межзвездных расстояниях. Иванов и технические специалисты пришли к выводу, что

это следствие принципа неопределенности Гейзенберга, усиленное влиянием отдельных элементов электроцепей.

Так что задача была чисто техническая — усовершенствовать отдельные цепи, чтобы космический корабль мог точно попадать в любые желаемые точки пространства.

Но такая работа требовала изрядного количества времени, чтобы ошибки не завели корабль на планету или, что еще опаснее, внутрь ее, и больших экспериментальных работ по точной настройке блоков управляющей системы. Наиболее подходящим вариантом было создание опытного корабля с экипажем экспертов, которые могли бы проводить доработки, проверяя их на дальних прыжках. Так в США был создан "Эксплорер".

Лэнгли просмотрел записи за прошлый год: неустойчивые прыжки от звезды к звезде, ругань и тяжелая работа, счетчики, неустойчивое управление, медленная и упорная борьба за победу. С трудом одну за другой, перекраивали схемы, постепенно улучшая их, и вот, наконец, прыжок от Холата обратно к Земле.

С помощью философов Холата, чьи нечеловеческие умы, рассмотрев проблему со всех сторон, нашли окончательное решение. Поставленная перед экипажем задача была решена, и сейчас "Эксплорер" возвращался домой, неся человечеству Вселенную.

Мысли Лэнгли опять вернулись к мирам, которые он видел: удивительным и прекрасным, ужасным и мертвым...

Затем он открыл последнюю страницу журнала и, взяв ручку, записал:

"19 июля 2048 года, 16.30 час. Вышли на расстояние 0,3 светового года от Солнца. Ошибка — предположительно — следствие неустановленной разрегулировки двигателей. Подрегулировка производится в данный момент. Положение..."

Он проклял свою забывчивость и вернулся в пилотскую кабину снимать отсчеты звездных координат.

Тощая угловатая фигура Блостейна висела в воздухе, остроносое лицо было запачкано смазкой, волосы растрепаны более обычного.

— Не могу найти причины, — доложил он. — Мы проверили все, от мостовых сопротивлений до процессорной логики, вскрыли гиромагнитные ячейки, никаких признаков отказа. Может, стоит распотрошить все?

Лэнгли задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Пожалуй, хватит.

Вошел приземистый плотный Мацумото, его вечная жевательная резинка во рту придавала ему слегка придурковатый вид.

— Нашему кораблю просто не повезло с едой, — сказал он. — У него расстроился желудок. Все эти связи в сложных системах настолько запутаны, что больше похожи на человеческий организм, чем на машину..

— Да, — протянул Лэнгли. — Блистательный ум в полном отчаянии от своего создания.

Он уже снял координаты. Эфемериды дали ему положение Земли, и он настроил сверхпривод, учтя максимальное значение возможной погрешности.

— Пристегнитесь и держите ваши шляпы, господа.

Он ничего не почувствовал, когда переключил главный тумблер. Да и что можно ощущать вне потока времени? А искра Солнца внезапно превратилась в тускло-багровый диск — это настроились светофильтры, ослабляя его блеск.

— Ура! — завопил Мацумото. — Жди меня, Гонолулу!

По спине Лэнгли поползли мурашки.

— Нет, — сказал он.

— Что?

— Взгляни на солнечный диск. Он недостаточно велик. Мы должны были оказаться в одной единице от него, а на самом деле оказались на треть далее.

— Нормально, — сказал Мацумото.

Губы Блостейна нервно дрогнули.

— Не так плохо, как могло быть, — сказал он. — Мы доберемся на реактивной тяге.

— Это не самый лучший способ, — ответил Лэнгли. — Мы думали, что система управления позволяет контролировать точку выхода с точностью около процента. Мы проверили это в системе Холата. Но почему мы не можем получить такую точность в нашей системе?

— Ну и что? — нахальная физиономия Мацумото светилась довольством. — Мы можем использовать асимптотический способ?

Мысль о том, что, преодолев бесконечность, придется прыгать рядом с Землей, не достигнув ее, была для Лэнгли нестерпимой. Он отбросил это предложение и занялся приборами, пытаясь успокоить себя.

Они попали в плоскость эклиптики, и телескоп сразу же идентифицировал Юпитер. Затем приборы показали, что Марс и Венера должны быть примерно на той же линии. Но их не было.

Лэнгли, изумленный всем этим, осмотрелся вокруг

— Положения планет неверные, — сказал он. — Мне кажется, что я узнал Марс... Но он зеленый...

— Ты пил? — спросил Блостейн.

— Ни капли, — ответил Лэнгли. — Глянь-ка в окуляр: вон диск планеты, на правильном расстоянии и в том же месте, где должен быть. Но он не красный, а зеленый.

Некоторое время они молчали.

— Есть идеи, Сарис? — спросил Блостейн тихим голосом.

— Мне пока нечего сказать, — его глубокий голос был совершенно бесстрастен, но в глазах светилась мысль.

— К дьяволу! — Лэнгли в отчаянии запустил двигатель. Солнечный диск прыгнул в экранах.

- Земля, — сказал Блостейн. — Я узнаю ее в любом виде.

Планета висела в ночи, голубая и переливающаяся, рядом Луна — капля расплавленного золота. Слезы заполнили глаза Лэнгли.

Он снова глянул поверх приборов, уточняя положение. Они были еще в половине астрономической единицы от цели. Этого было достаточно для ракетных двигателей, но требовало времени, а Рэгги ждала. Он установил приборы на точку выхода в 8000 километрах от цели.

Прыжок!

— Теперь мы гораздо ближе, — сказал Мацумото. — Но мы не сможем проделать подобный маневр еще раз.

На мгновение злость на машину наполнила Лэнгли. Но он взял себя в руки и снова припал к приборам. В этот раз расстояние составило около 60 000 километров. Еще один расчет, теперь уже с учетом орбитального движения. Когда часы отсчитали выбранный им момент времени, он включил сверхпривод.

— Мы рядом!

Она висела, окутанная облаками: пятнистые континенты, яркая радиальная звезда — отраженный, сфокусированный океаном, свет солнца. Лэнгли щелкал пальцами, считая показания радаров. В этот раз ошибка была почти нулевой. Из ракеты рванул огонь, их вжало в кресла, когда Лэнгли бросил корабль вперед.

"Регги, Рэгги, Рэгги..." — мысль о ней переполняла его.

"Мальчик или девочка? Он вспомнил, и это было словно час назад, как они пытались выбрать имя, они даже боялись, как бы у него не было плоскостопия, когда им домой принесли сертификат на рождение ребенка. О, Рэгги! Как много я потерял!"

Они вошли в атмосферу.

Корабль ревел и грохотал. Сейчас они скользили по длинной пологой спирали, и должны были облететь полмира, прежде чем приземлиться. Глухой свист раскалывал воздух.

Лэнгли был поглощен уравнениями, а Блостейн, Мацумото и даже Сарис Хронна не отрывали глаз от экранов. Так получилось, что холатанин спросил первым:

— Это множество огней — ваш Нью-Йорк?

— Нет... Мы где-то над Ближним Востоком, как мне кажется, — Блостейн взглянул вниз, на окутанную тьмой Землю и на мерцающее скопление огней. — Да, это может быть все, что угодно.

— Никогда не видел города таких размеров на этой высоте без телескопа, — сказал Мацумото. — Анкара? Значит, там сегодня необыкновенно ясная ночь.

Шли минуты.

— Это Альпы, — сказал Блостейн. — Видишь, на них лунный свет? Боб, черт подери, я же знаю, что города такого размера там не может быть!

— Он такой же большой, как Чикаго, — Мацумото замолчал. Когда он заговорил снова, то слова вылетали с трудом. — Джим, ты смотрел на Землю внимательно, когда мы выскочили?

— Более или менее, а что?

— Ха... Что... что...

— Вспомни. Мы были достаточно далеко, чтобы разглядывать детали, но я видел Северную Америку так ясно, как вижу тебя. И я должен был увидеть арктическую шапку, я ее миллион раз видел из космоса, а теперь там всего несколько темных пятнышек островов, а снега нет вовсе.

Воцарилось молчание. Блостейн отрывисто проговорил:

— Включи радио.

Они пересекли Европу и летели теперь над Атлантикой, снижая скорость — их допекало тормозным теплом. Тут и там в пустынных водах появлялись скопления светлячков — плавающие города, которых здесь никогда раньше не было.

Мацумото медленно повернул верньер радио. Слова потекли из динамика — бормотание, не вызвавшее ни у кого никаких чувств.

— Какого черта? — зашипел он. — Что за язык?

— Не европейский — это я могу сказать точно, — сказал наконец Блостейн. — Даже не русский — его я знаю достаточно, чтобы определить. Может, какой-нибудь восточный?

— Не японский и не китайский. Я перейду на другую волну?

Корабль плыл над Северной Америкой, вместе с утренней зарей. Они заметили, что береговая линия стала отступать вглубь материка. Лэнгли отрабатывал стабилизацию корабля. Во рту он чувствовал злую горечь.

Неизвестная речь была на всех диапазонах. Далеко внизу земля зеленела — огромные изогнутые полосы полей и лесов. Где города, поселки и фермы, где дороги, где весь мир? Лэнгли пытался найти космодром без маяков Нью-Мексико — свою основную базу. Они были еще достаточно высоко, чтобы получить

широкий обзор сквозь пелену плывущих облаков, но он увидел Миссисипи, и затем, дальше, как ему показалось — Плато. После этого не составляло труда сориентироваться. Город внизу можно было разглядеть в деталях, но он не был похож ни на один из известных ему городов. Пустыня Нью-Мексико стала зеленой, иссеченной ирригационными каналами.

— Что же случилось? — у Блостейна был вид человека, получившего удар в солнечное сплетение. — Что же случилось?

Вдруг нечто появилось в поле зрения — длинная черная сигара, непринужденно поравнявшаяся с ними. Не было никаких признаков реактивных двигателей, ракет или пропеллеров — вообще ничего подобного. Предмет приблизился, он был втрое длиннее "Эксплорера", и Лэнгли увидел ровный ряд орудийных башен с дулами, наведенными на них.

Судорожно пронеслись мысли о вторжении из космоса чудовищ со звезд, сумевших покорить Землю за один единственный год. Затем мгновенно ослепили глаза бело-голубые вспышки, разрывы вспыхнули перед носом "Эксплорера", и он почувствовал шок от резких ударов.

— Они стреляют перед носом корабля, — сказал он мертвым голосом. — Нам лучше приземлиться.

Далеко внизу виднелся комплекс зданий, и открытая площадка между ними казалась бетонной. Черная сигара кружила над ней. Лэнгли нацелил "Эксплорер" и повел его вниз, к Земле.

Когда он отключил двигатели, навалилась тишина. Он отстегнулся от кресла и выпрямился. Лэнгли был немалого роста, когда встал, то ощущение создалось мрачноватое — серая униформа, серые глаза, черные волосы, изборожденные преждевременной сединой, длинное лицо с крючковатым носом в темных пятнах ожогов от лучей чужих солнц... А когда заговорил, мрачным был и его голос.

— Пойдемте. Мы должны выйти и узнать, чего они хотят.

2

Лорд Браннох ду Кромбар Третий, Адмирал Флота, Высокий Нобль Тора, посол Лиги Альфа Центавра к Солнечному Технону не выглядел представителем высокоразвитой цивилизации. Он был гигантом 6,5 футов ростом, с плечами такой ширины, что казался квадратным: желтая грива Торианского атамана закрывала уши, сворачиваясь блестящими кольцами над массивными ключицами, голубые глаза весело блестели из-под густых бровей. Лицо его было грубым, тяжелым, коричневым от загара, изборожденным старыми шрамами. Его шикарная пижама

центаврианского кроя была чрезвычайно пестра: блестящие кружева окружали горло. Он был хорошо известен как спортсмен, охотник, дуэлянт, мощный любовник, веселый гуляка и непревзойденный знаток чудес иных планет. Апартаменты, которые заполняло это громоздкое тело, были украшены цветами, орнаментами, трофеями, массивными стойками для книг.

Все это достаточно хорошо отражало его характер и, кроме того, служило камуфляжем, скрывая один из проницательнейших умов в обозримой Вселенной.

О вышеназванных качествах можно было бы догадаться хотя бы по бокалу вина в его руке, когда он сидел, развалясь, на балконе. Это была не грубая сивуха его родной планеты, а одно из лучших венерианских коллекционных марочных вин, и он потягивал его с явным пониманием. Браннох был не один. Рядом в баке сидело четыре чудовища, правда, их было не видно.

Утреннее солнце золотило округу своими лучами, освещая воздушные шпили и упругие линии воздушных мостов Лоры в безмятежном небе. Он жил, как предписывал ему того его ранг, в верхней части города, голос которого доносился сюда, как шепот — далекая песня машин.

Лишь единственный момент нарушал гармоничную панораму металла и цветного пластика — то место, где город, как утес, обрывался с высоты 4000 футов к окружающим его паркам. Несколько фигур людей на краю террас и мостов казались муравьями, почти невидимыми на таком расстоянии. Служебный робот следовал за ними — он был предназначен для некоторых работ, слишком сложных для примитивных людей-рабов.

Браннох расслабился, он чувствовал себя умиротворенным. Все шло отлично. Его информаторы действовали оперативно и точно: он много такого знал о Сол, что с началом войны станет ценной информацией. Он отловил дракона в африканском заповеднике Министра Танарака, он достиг грандиозного успеха в последнем визите в лунное Казино, он купил очень приличную девку несколько дней назад, последний торговый корабль с Центавра привез ему вести о его поместье Фрейе, где начался сезон сбора шишек. Правда, новости были более, чем четырехлетней давности, но все же благоприятные.

Подобострастное гудение робота прервало его размышления. Лениво приподнявшись, он перебрался в соседнее кресло.

Звонил некто, знавший его специальный и весьма секретный номер, но это могло быть и случайностью. Он нажал клавишу, и незнакомое лицо уставилось на него. Собеседник ритуально поклонился, прикрыв глаза, и сказал смиренно:

— Нуждаюсь в аудиенции, господин.

— Сейчас? — спросил Браннох.

— Н-н-немедленно, господин, как только с-с-сможете.

Подобный выговор мог сойти за почтительную дрожь в голосе в его августейшем присутствии, но на самом деле повторение согласных в начале слов было паролем, довольно эффективным, когда речь шла о подслушивании, что случалось нередко. Говорившим был Верис ту Хайем, Младший Министр и капитан Солнечного военно-технического Разведывательного Корпуса, одетый как всегда в обычную гражданскую одежду и поношенную ежедневную маску. Они встречались только в случае крайней необходимости. Браннох ответил ему согласно протоколу в соответствии с занимаемым положением, сказал, что встретится с ним, и... связь прервалась. И только после этого он почувствовал себя не в духе. Поднявшись, он проверил автоматические роборужья и сунул одно из них себе под тунику. Подобная история могла обернуться попыткой убийства, если агенты Чантхавара решили, что с них хватит. Или это может быть...

Он, кажется, раскусил замысел ту Хайема, и кривая презрительная улыбка исказила черты его лица. Это так просто, так ужасно просто — убрать человека. Он хотел встретиться с гордым честолюбивым аристократом, недостатком которого были лишь молодость и неопытность. Агенты Бранноха тогда передали ему психозапись ту Хайема, и показалось, что попался обещающий материал... Таким образом он приглядывал за ним, но даже столь малое внимание со стороны представителей внешней силы было чересчур для Высшего Нобля, адмирала и посла. Он связал его одной или двумя нитями, пристроив к компании себе подобных — блистательных аристократов самого высокого положения с их фантастическими женщинами, изысканными беседами, роскошными приемами и редкими винами. Браннох подбросил ему идею, которая, если бы молодой честолюбец к ней прислушался, потрясла бы звезды, и естественно, что он принес бы некоторую выгоду и себе, ничем не нарушая своей присяги. Браннох позволил ему довольствоваться роскошными палатами, рисковать и начать выигрывать невероятные суммы.

И вот этот человек теперь идет его убивать.

В несколько дней тогда фортуна Младшего Министра повернулась спиной к нему, он утонул в долгах, его начальники стали допекать его из-за связи с послом, его кредиторы (подставные лица, о чем он не подозревал), конфисковали его имущество и отняли жену, а Браннох получил все это. И сейчас, спустя три года, он стал шпионом в собственном Корпусе, потому что только один Браннох и поддерживал ту Хайема, а любая, даже крошечная его промашка, позволяет ему шантажировать его. Когда-нибудь, если он добудет что-то действи-

тельно стоящее, Браннох сможет даже выкупить его жену (а тот настолько глуп, что любит ее), а затем вернуть ее обратно.

Очень просто. Браннох не испытывал ни удовольствия, ни боли, превращая человека в свой инструмент. Это было частью его работы: он был далек от сочувствия к уничтоженным им людям. Только презрение — оно делало его неуязвимым.

Появился ту Хайем со свитой, и дверь открылась перед ним. Ту Хайем вошел и произнес полагающиеся приветствия. Браннох не пригласил его сесть.

— Итак? — спросил он.

— Сиятельный лорд, у меня есть информация, возможно, полезная вам. Я решил, что будет лучше, если я сообщу ее вам лично.

Браннох ждал. На псевдолице перед ним появилось выражение, которое при желании можно было бы назвать патетическим.

— Мой лорд, как вам известно, я был в Меско-Филд. Позавчера странный космический корабль вошел в атмосферу Земли и произвел посадку. — Ту Хайем пошарил в тунике и извлек кассету, которую вставил в сканнер. Его руки дрожали. — Это изображение космического корабля.

Сканнер воспроизвел трехмерное изображение над крышкой стола. Браннох присвистнул.

— Дьявольщина! Какого же типа этот корабль?

— Страшно древний, мой лорд. Взгляните, там даже используются реактивные двигатели — энергия расщепления урана для ускорения ионов.

Браннох увеличил изображение и продолжал изучать его.

— М-м-да. И откуда же он взялся?

— Я не знаю, мой лорд. Мы запросили даже Технон, подразделение записей, и они ответили, что это конструкция эпохи ранних космических полетов, возможно, даже догравитационный период. Может быть, это какой-нибудь древний корабль одной из утерянных колоний.

— М-м-да. Значит, экипаж, возможно... Нет наверняка вне закона. Трудно поверить, что они отправились в полет тысячу лет назад. Что слышно об экипаже?

Браннох щелкнул клавишей, и изображение трех гуманоидов в странных серых мундирах, чисто выбритых, с короткими прическами в стиле Солнечных Министерств появилось на экране. — Это все?

— Нет, мой лорд. Если бы так, я не счел дело столь важным. Был еще один, негуманоид, неизвестной расы. У нас есть снимок, сделанный в спешке.

Чужак был снят бегущим. Здоровая зверюга — 8 футов дли-

ной, включая толстый хвост, двуногая, наклонившаяся в беге вперед, две мускулистые руки, оканчивающиеся четырехпалыми кистями. Он был похож на зайца, возможно, млекопитающее и был покрыт гладкой шерстью цвета красного дерева. Голова округлая, с грубыми чертами, глаза посажены высоко, метелки длинных жестких волос торчали по углам рта и над удлиненными глазами.

— Мой лорд, — сказал ту Хайем почти шепотом, — они появились из кабины неожиданно и были задержаны на период исследований. Но внезапно чужак бросился бежать. Он оказался сильнее людей, сбил троих на своем пути и бежал быстрее, поэтому мы не смогли ему помешать. Анестезирующие ружья были приготовлены заранее, но ничего не получилось. Они не стреляли! Я попытался выстрелить в него из своего ручного блестера. Заряд был смертельный, но ничего не произошло. Последующие выстрелы тоже ничего не дали. Маленький робот, попавшийся этому существу на пути, вспыхнул и сгорел. Пилот разведчика пытался стрелять, но его ружье не сработало, система управления была повреждена. Ближайший шлюз, который мы держали закрытым, открылся, как только он его достиг. Один человек из наших попытался сфокусировать на нем нейтральный траккер, когда тот бежал к лесу, но и это не дало никакого результата, даже пока существо было в пределах досягаемости. Затем мы продолжили охоту за ним с воздуха, подняли по тревоге патрули всех районов, но никаких следов не нашли. Мой лорд, это невозможно!

Лицо Бранноха казалось вырезанным из темного дерева.

— Так, пробормотал он. Его глаза остановились на снимке бегущего существа. — Совершенно голый, никакого оружия, ничего искусственного. Как оценить его силу?

— Грубо, пять сотен ярдов, мой лорд. Это приблизительно то расстояние, на котором наше оружие не действовало на него. Он двигался слишком быстро для дальнодействующего оружия, которое не могло быть применено в эти несколько секунд.

— Как остальные?

— Остальные, казалось, были поражены не меньше нас, мой лорд. Они не были вооружены, и не делали попыток сопротивления. Их язык неизвестен. Сейчас они проходят обучение в Соляре, и я не имею доступа к ним. Но отделение Записей сообщило нам — из документов следует, что их язык — древнеамериканский. Документы переведены, но я пока не могу вам сообщить их содержания.

"Древнеамериканский! — подумал Браннох. — Как стар этот корабль, откуда он?" И спросил:

— Какие еще материалы у вас есть?

— Масса всяких документов, изображений и множество других вещей найдено на борту. Но... это очень непросто — доставить их вам.

Браннох проворчал равнодушно:

— Это все?

Ту Хайем приоткрыл рот:

— Все, мой лорд. Что еще я могу сделать для вас?

— Многое, — сказал Браннох резко. — Кроме всего прочего я хочу получить полный текст допросов, желательно прямую запись. Также точные сообщения о всем предпринятом в этом деле, ежедневные доклады о продвижении поисков чужака... Да, многое.

— Мой лорд. У меня нет такого авторитета...

Браннох передал ему имя и адрес.

— Обратитесь к моему другу и полностью изложите проблему. Он объяснит, с кем надо связаться и каким образом надавить на соответствующих людей.

— Мой лорд, — ту Хайем вцепился ему в руку. — Я надеюсь, мой лорд... вы з-знаете... м-моя жена...

— Это пока слишком низкая ставка в деле против твоих долгов, — сказал Браннох. — Если из этого выйдет толк, я сам решу насчет вознаграждения. Можешь идти.

В полной тишине ту Хайем повернулся и вышел.

Браннох оставался в недвижимости, пока продолжался весь разговор, а затем опять прогнал все снимки. Отпечатки были ясные, четкие — страница за страницей покрывал текст, который показался ему очень странным. "Надо перевести", — думал он, и мозг услужливо подсказал ему имя человека, который сделает это.

Он сидел, развалясь в большом кресле, затем встал и прошел к северной стене комнаты. Ее занимала движущаяся стереопанорама, весьма традиционная, а за ней находился бак с водородом, метаном и аммиаком под давлением в 1000 атмосфер и при температуре минус 100 градусов, а также находилась видео- и звуковая аппаратура.

— Привет тебе, Тримкас, — сказал он добродушно. — Все бдишь?

— Я здесь, — отозвался механический голос. Говорил ли это Тримкас первый, второй, третий или четвертый, Браннох не знал, да это и не было главным.

— Что ты думаешь?

— Возможно, чужак обладает телекинетической силой, — произнесли монстры равнодушно. — Он генерирует электронные потенциалы в элементах электронных схем. Для этого до-

статочно ничтожной телепатической энергии, гораздо меньшей, чем для непосредственного управления деталями оружия.

— С большой вероятностью это значит, что он телепат только до некоторой степени: чувствительность к электрическим и нервным импульсам и способность индуцировать такие импульсы в нервной системе других. Однако он, возможно, с трудом читает мысли охраны. Его поступок скорее был попыткой оставаться свободным до тех пор, пока он сможет контролировать ситуацию. Но что он захочет сделать дальше — непредсказуемо, так как о его психологии почти ничего неизвестно.

— Да, я и сам подумал так же, — сказал Браннох. — О корабле есть какие-нибудь соображения?

— Выяснение должно начаться с перевода этих документов, но существует вероятность, что корабль не с забытой колонии, а с самой Земли — из далекого прошлого. Блуждая в космосе, они натолкнулись на планету этого чужака и прихватили его с собой. Расстояние до этой планеты зависит от возраста корабля, и если окажется, что ему около 5 тысяч лет, то расстояние до планеты не более 2,5 тысячи световых лет.

— Очень далеко, — сказал Браннох. — Обозримая Вселенная простирается на 100 светолет.

Он зашагал по́ комнате, обхватив себя руками.

— Я сомневаюсь, что загвоздка в людях, — сказал он. — Особенно, если они действительно с Земли. Тогда они представляют только исторический интерес. Но этот чужак сейчас — этот электроннотелепатический контроль — совершенно новое явление. Только представь себе такое! — Его глаза сверкнули. — Выводить оружие из строя, даже обратить его против владельца — обезоружить сам Технон!

— Такие же мысли, без сомнения, придут и в голову Салар, — сказал Тримкас.

— Ну, да. Поэтому они так настаивают на поимке. Если они не смогут это сделать, люди из экипажа помогут им. Даже если его схватят, он еще будет находиться под влиянием товарищей по экипажу. Так что подружиться с ними — вещь более важная, чем я себе представлял, — Браннох ходил по комнате, прокручивая факты в голове.

Вдруг он почувствовал себя очень одиноким. Те, кто ему могли помочь здесь — его телохранители, агенты, его шпионская сеть — все они были ничтожной кучкой перед враждебными миллиардами Сол. И надо 4,5 года, чтобы мысли достигли дома... и столько же времени флоту, чтобы добраться сюда. Неожиданно ему вспомнился дом: обрывистые, нанесенные ветром горы Тора, небеса, гудящие от свиста бурь, травянистая степь и лес, широкие светлые равнины, серые моря, катящие при-

ливные волны, влекомые притяжением трех лун, крепко удерживаемых массой планеты... Дом его предков, камни и балки, сдерживающие тяжесть прокопченных стропил и древних боевых стягов, его лошади и охотничьи псы, и протяжный крик загонщиков, гордые споры аристократов, твердый, медленный говор крестьян; великая тишь зимнего снегопада и первые зеленые язычки весны — любовь и нежность к своему дому наполнила болью его сердце.

Но он был правитель, а дорога королей трудна. "К тому же, — и тут он усмехнулся, — ограбить Землю — прекрасная шутка, пусть придет только день".

Его миссия была внезапно поставлена под угрозу. Он должен раздобыть этого чужака для Центавра, чтобы ученые могли изучить и воплотить его силу в военных целях. Недостаток заключался в том, что он должен упредить Сол в том же самом — убрать чужака в случае необходимости.

Он отбросил мысль воспользоваться своими агентами: чем большему числу людей будет известно об акции, тем меньше шансов на успех. Нет, это лучше сделать, использовав тех космонавтов. Но как заинтересовать людей, чей мир канул в небытие вот уже 5000 лет?

Вернувшись к сканнеру, он прогнал кассету в обратном порядке. Некоторые изображения показывали сцены уличной жизни. Там также была фотография женщины, весьма привлекательной.

Некая идея пришла ему в голову. Он вернулся на балкон, поднял свой бокал и приветствовал утро легким смешком. Да, это был прекрасный день.

3

Лэнгли проснулся от удушья и оглянулся вокруг. Он был один.

Минутой позже он выпрямился в постели и стал вспоминать. Земля оказалась почти неузнаваема: не было полярных шапок, моря изменили свои очертания, неизвестные города, неизвестный язык, непонятные люди. На все эти вопросы напрашивался один ответ, от которого он приходил в состояние, близкое к панике.

Сразу после посадки Сарис Хронна неожиданно бежал (почему?), а он и его спутники были разобщены. Затем появился человек в голубом, который разговаривал с ним в помещении, полном загадочных машин — они жужжали, щелкали и вспыхивали. Потом, после того как сработала одна из них, наступила

темнота. Он погрузился в дремоту, наполненную бормотанием каких-то голосов. И сейчас он проснулся одинокий и несчастный.

Медленно он окинул взглядом свою клетку. Это была крохотная комната. В центре ее стоял топчан, в углу раковина умывальника, словно выросшая из зеленого мягкого резиноподобного пола. В стене маленький вентилятор. Двери, как ни искал, он не обнаружил.

Лэнгли чувствовал себя потерянным, и попытался собрать последние остатки мужества, которым прежде обладал. Ему хотелось плакать, но события последних дней слишком опустошили его.

"Рэгги, — думал он. — Они могли вернуть хотя бы твою фотографию. Ведь это все, что у меня осталось".

Что-то щелкнуло у дальней стены, открылась ранее незримая дверь, вошли трое.

Звук заставил Лэнгли подскочить на месте, и это дало ему понять, насколько натянуты его нервы.

Он откинулся назад, пытаясь уловить детали внешнего облика незнакомцев. Но это оказалось трудным. Они принадлежали к другой цивилизации, их одежда и тела создавали впечатление, которое трудно было описать, потому что не хватало понятий.

Двое были гигантами семи футов ростом, их мускулистые тела затянуты в тщательно подогнанные плотные черные мундиры, головы выбриты. У них почти не было различий, широкие коричневые лица были совершенно одинаковы. Близнецы?

Третий был гораздо меньше, чуть ниже среднего роста, гибкий и изящный. Он носил белую тунику, темно-голубой плащ, мягкие котурны на ногах, а солнечный круг с глазом был на его груди таким же, как и двоих за его спиной. Лэнгли заметил гладкую красновато-коричневую кожу, высокие скулы, чуть поднятые углы глаз; прямые черные волосы тщательно уложены на голове по кругу. Лицо его можно было назвать красивым — широкий лоб, блестящие черные глаза, вздернутый нос, пухлые губы. Движения этого человека создавали впечатление нервной натуры.

Все трое были вооружены.

Лэнгли почувствовал себя беспомощным и бессильным из-за наготы. Он попытался сделать непроницаемое лицо, но сомнительно, что у него это получилось. Перехватило дыхание.

Шедший впереди изящно кивнул ему.

— Капитан Эдвард Лэнгли, — обратился он, произнося слова с сильным акцентом. Его голос был тихим, резонирующим, подобным великолепно настроенному инструменту.

— Да.

Пришедший говорил на чужом языке, но Лэнгли понимал его так, если бы это был его язык. Это был носовой, высокотональный язык, но с простой и логичной грамматикой. Среди всех прочих чувств у Лэнгли появилось огромное удивление своим собственным знаниям, взявшимся вроде бы ниоткуда.

— Позвольте представиться. Я — Министр Чантхавар Танг во Лурин, начальник оперативного отдела Солярного политехнического Разведывательного корпуса, и, надеюсь, ваш друг.

Лэнгли почувствовал , что его мозг цепенеет, но все же попытался проанализировать сказанное. Существует три формы обращения: к высшим, низшим и прочим. Чантхавар использовал последнюю, причем в вежливой, дружелюбной манере. Его фамилия имела префикс "во Лурин", очевидный эквивалент префиксу "фон" или "де" в эпоху Лэнгли. Однако только низшие слои аристократии имели такие украшения, высшие же носили титулы, подобные древним королям.

— Спасибо, сэр, — ответил он сдержанно.

— Вы должны извинить нас, мы могли показаться вам невежливыми, — сказал Чантхавар со странной привлекательной улыбкой. — Ваши товарищи в безопасности, и вы можете встретиться с ними. Однако, как космонавты, вы должны понять, что мы вынуждены были так поступить со свалившимися к нам на головы неизвестными пришельцами.

Он дал знак одному из охранников, и тот положил на пол сверток с одеждой. Одежда была подобна той, которую носил Чантхавар, но без военного символа и пылающей звезды.

— Если вы не возражаете, капитан, то примите ее, это обычная одежда свободнорожденного, и в ней вы будете чувствовать себя сообразно своему положению.

Лэнгли взял в руки одежду. Материал был мягким, приятным на ощупь. Чантхавар показал ему, как пользоваться застежками, которые служили пуговицами. Затем он запросто присел на койку и помог Лэнгли одеться. Охрана в это время напряженно следила за дверью.

— Вы понимаете, что произошло с вами? — спросил Чантхавар.

— Я думаю... да, — ответил Лэнгли нерешительно.

— Я прошу вас рассказать об этом, — голос Чантхавара был мягким. — Ваш журнал перевели, и, таким образом, я узнал, что полностью вам не удалось наладить суперпривод.

— Существует соответствующая теория, — сказал Лэнгли. — Согласно ей корабль двигается через гиперпространство.

— Ваша теория неверна, это выяснилось вскоре после вашего вылета. В действительности корабль проектировался на волно-

вые пакеты, восстанавливаясь в точке выхода; его вещество существовало в виде электромагнитных волн, обладающих свойством обратной транспозиции в другой точке пространства — времени. Примерно так специалисты объяснили мне, и я не претендую на полное понимание математического аппарата этой теории. Конечно, для пассажиров на борту время не изменяется, но для внешнего наблюдателя скорость корабля не превышает скорости света. Лучшей системы не было найдено, и я сомневаюсь, что она вообще существует. Ближайшая звезда — Альфа Центавра, и путешествие до нее занимает сейчас 4,5 года.

— Мы не знали этого, — сказал Лэнгли горько. — Для нас главной проблемой было позиционирование. Из-за этого мы так много сил потратили на доводку нашей системы, так и не занявшись вопросом нужного для перелета времени. Мы считали, что теряли время только для определения своего положения среди звезд. Неудивительно, что так сложно было найти Землю. Она двигалась по своей орбите так же, как и Солнце, а мы этого не знали и рвались домой. — Внутри у него все ныло от жгучей горечи. — Мы преодолели более пяти тысяч световых лет. Наверное, на столько же лет мы и опоздали с возвращением.

Чантхавар кивнул.

— Я не думаю, — Лэнгли проговорил с надеждой в голосе. — Я не думаю, что вы можете отправить нас назад, в прошлое?

— Увы, извините, — сказал Чантхавар. — Путешествия во времени невозможны даже теоретически. В наше время есть многое, чего не было в вашу эпоху: антигравитация, генная инженерия, преображенные Марс и Венера, обитаемые луны Юпитера, но, без сомнения, чудо путешествия во времени недоступно даже волшебнику.

Лэнгли проговорил неуверенно:

— Что же случилось за все это время?

Чантхавар пожал плечами.

— Что и следовало ожидать. Перенаселение, исчерпание природных ресурсов, войны, голод, эпидемии, уменьшение населения, коллапс и следующий цикл. Я думаю, что вы найдете нынешних людей слишком отличающимися от прежних.

— Объясните мне, пожалуйста, что вы сделали со мной?

— Обучение языку? Это несложно. Обычный гипнотический процесс, совершенно автоматизированный, и даже не использующий высшие отделы мозга. Вы были подключены к этой системе и, как я вижу, результат вполне удовлетворительный.

Он чувствовал смертельную тоску, мозг как бы раздваивался, хотя и пытался, чисто машинально, или, повинуясь инстинкту

самосохранения, сосредоточиваться на деталях. Нет. Нет! Что угодно, только все теперь совершенно безразлично.

— Каков этот мир сейчас? И что я буду в нем делать?

Чантхавар подался вперед и впился в него внимательным взглядом. Лэнгли усилием воли заставил себя быть внимательным.

— Межзвездная эмиграция началась примерно в ваше время — но не очень интенсивно, из-за ограниченности суперпривода и относительного недостатка пригодных к обитанию планет. Затем последовал трудный период, после него — коллапс, и большинство беженцев, покинувших Сол, постарались скрыть свои маршруты, опасаясь, как бы их не нашли позднее. Мы предполагаем, что существует множество таких затерянных колоний, раскиданных по Галактике, и что некоторые из них могли развиться в очень своеобразные цивилизации, но, как мы предполагаем, по оценке и косвенным контактам, они находятся не далее 200 световых лет. У кого могли быть причины углубиться далее? Однако продолжим... Как мне помнится, произошло 28 мировых войн, вернувших Солнечную систему к варварству и уничтоживших колонии на ближайших звездах. Восстановление потребовало много времени, но около 2000 лет назад Солнечная система объединилась вокруг Технона, и это продолжается до сих пор. Колонизация возобновилась, но уже преобладает тенденция размещать колонии ближе к дому, под контролем. До этих пор эмиграция была предохранительным клапаном, помогавшим избавиться от тех, кто был недоволен новым порядком.

Но так долго продолжаться не могло. Расстояния громадны. Различные природные условия породили разницу в цивилизациях — иное мышление и жизнь. Около 1000 лет колонии откололись и после войны мы признали их независимость. Сейчас существует около дюжины таких миров, с которыми мы поддерживаем отношения — Лига Альфа Центавра наиболее мощная из них.

Если вы захотите узнать больше о Вселенной, вам надлежит разговаривать с членами Коммерческого общества. А сейчас, я думаю, лучше вернуться к современной Земле.

— Да, я хотел спросить, — сказал Лэнгли, — что такое Технон?

— Технон — это гигантский социоматематический компьютер, постоянно получающий новую информацию от своих агентов и вырабатывающий решения по основной политике, основываясь на их докладах. Машина более надежна, менее эгоистична и не склонна к взяткам, как люди, — Чантхавар усмехнулся. — Да и зачем человеку мучиться размышлениями?

— Мне показалось, что существуют классы, в том числе и аристократы?

— Да, если это можно так сказать. Это те, кто участвует в осуществлении политики Технона и принимает мелкие ежедневные решения. Для этой цели существует класс Министров. Под ними — Общинники. Это наследственное, но не столь неподвижное образование, чтобы, скажем, Общинник не мог возвыситься до Министра.

— Там, где мы побывали, — сказал Лэнгли медленно, — мы всегда считали, что лучше управлять случайностью, чем полагаться на нее, а ведь наследственность — дело случая.

— В наше время это не имеет значения. Я же говорил о генной инженерии, — Чантхавар положил свою руку ему на плечо и слегка сжал его — это был вовсе не дружественный жест, как заметил Лэнгли, а нечто другое. — Послушайте, капитан, я не посылаю вас к дьяволу за то, что вы сказали, но другие могут сделать это и послать гораздо дальше. Это я вам намекнул.

— Что мы можем... я и мои друзья... делать? — Лэнгли услышал в своем голосе смущение и раздражение.

— Ваше положение вдвойне необычно, не так ли? Я назвался вашим патроном, и вы получите квазиминистерский ранг. На некоторое время... Это, кстати, не благотворительность. — Технон имеет фонд на непредвиденные обстоятельства, и вы были квалифицированы, как непредвиденное обстоятельство. В конце концов мы найдем вам какое-нибудь занятие, но не беспокойтесь относительно перехода в Общинники. Если ничего не изменится, ваши знания о прошлом позволят вам стать историками и посвятить этому оставшуюся часть жизни.

Лэнгли кивнул. Ему было все равно, так или по-другому. Рэгги уже нет в живых.

Да, Рэгги умерла. За пять тысяч лет она стала пылью и от нее осталась только его память. Он пытался вернуть себя к реальности, сосредоточиться на важных деталях, необходимых для выживания в этом новом мире, но воспоминания терзали его, как нож.

Он никогда не увидит ее снова!

И ребенок стал пылью, и его друзья стали пылью, и его народ стал пылью: мир жизни и реальности, величественных зданий, песен, слез и желаний стал несколькими пыльными листами в каком-нибудь забытом архиве. А сам он как будто бы превратился в призрак.

Лэнгли нагнул голову, ему хотелось плакать, а Чантхавар смотрел ему в глаза.

— Это не шутка, — сказал Чантхавар доброжелательно и

добавил спустя минуту: — Учтите мой совет и пока сосредоточьтесь на текущих делах. Это обычно помогает.

— Да, — сказал Лэнгли, не глядя на него.

— Вы же собираетесь здесь пустить корни.

— Я подумаю.

— Ладно, если захотите, можете отправиться куда-нибудь. — и затем неожиданно резко добавил: — Очнитесь! Попытайтесь отвлечься. Я покажу вам кое-какие чудеса.

Лэнгли сидел, уставившись в пол.

— Есть одно дело, в котором вы можете помочь уже сейчас, — сказал Чантхавар. — Из-за него я и явился к вам, хотя мог бы вызвать в свой кабинет. Дело весьма секретное.

Лэнгли смотрел на его губы, вспоминая, как Рэгги гладила его по волосам, а потом обнимала. Это было пятьдесят веков назад.

— Дело касается чужака, который был с вами. Как его имя, кажется, Сарис Хронна?

— Вроде бы. А что случилось?

— Он бежал, вы знаете. И мы не можем его найти. Он опасен?

— Не думаю. Во всяком случае, он нам не досаждал. Его соотечественники обладают острыми охотничьими инстинктами, но совершенно мирны во всех других отношениях, и весьма дружелюбны. Сарис отправился с нами взглянуть на Землю, кем-то вроде посла. Возможно, он бросился бежать из-за того, что ему в голову пришла некая мысль. Может быть, он боялся очутиться в клетке?

— Он может управлять электронными и магнитными цепями. Вы знали это?

— Конечно. Это удивило нас вначале. Его раса — не телепаты в обычном смысле, но они чувствительны к нервным импульсам, особенно к эмоциям, и могут, в свою очередь, транслировать их. Я... в действительности же я не знаю, может он читать человеческие мысли или нет.

— Мы ищем его, — сказал Чантхавар. — Есть ли у вас какие-нибудь предположения по поводу того, где мы можем его найти, или что мы можем сделать в этом направлении?

— Я... подумаю над этим. Но я уверен, что он не опасен, — Лэнгли замолчал, задумавшись. Он мало знал о разуме холатанина. — Это не люди.

— Вы записали, что их планета расположена в нескольких тысячах световых лет от Сол. Она, конечно, неизвестна нам. Мы не хотим причинить ему какого-либо вреда, но хотели бы обнаружить его.

Лэнгли скользнул по собеседнику взглядом. Под подвижной,

улыбающейся маской лица Чантхавара крылось возбуждение, в глазах — охотничий блеск.

— Почему вы так торопитесь? — спросил космонавт.

— Есть несколько причин. Главным образом по причине того, что он не прошел карантин и может занести опасные для Земли микроорганизмы. Мы сталкивались с подобным прежде.

— Мы провели на Холате несколько месяцев. Я никогда не чувствовал себя настолько здоровым, как там.

— Это все равно должно быть проверено. Кроме всего, ему ведь нужно питаться, и он может заняться грабежом. Так есть у вас какие-нибудь идеи по поводу того, где его можно искать?

Лэнгли опустил голову.

— Я обязательно подумаю над этим, — сказал он осторожно. — Возможно, я найду ответ, но сейчас сказать что-либо трудно.

— Хорошо, сказал Чантхавар с кривой усмешкой, — пойдемте, пообедаем.

Он поднялся. Лэнгли последовал за ним. Они вышли из помещения, и оба охранника последовали за ними на расстоянии шага. Космонавт едва ли обращал внимание на залы и вертикальные антигравитационные шахты, через которые они продвигались. Он был погружен в свои мысли.

"...Моя дорогая, я никогда не вернусь. Ты ждала, и ты старилась, и ты умерла без меня, а я никогда не вернусь к тебе. Я... прости меня, прости. Прости. Все пыль..."

И где-то уже в подсознании бродили мысли, еще недоверчивые и осторожные: "Чантхавар кажется довольно милым. Но он из высшего руководства. Зачем ему лично гоняться за Сарисом? Доводы, которые он привел, слишком слабы, и что-то, более важное, министр скрыл. Что же мне делать?"

4

В доме Министра Улиона, высокого комиссионера металлургии, был прием. Присутствовала верхушка Солар и внешних миров, и Чантхавар привел туда экипаж "Эксплорера".

Лэнгли в сопровождении агента двигался по коридорам с обрамленными колоннами, и воздух был пронизан мягким светом, дробившимся и отражавшимся среди зеркальных стен. За ними топало с полдюжины телохранителей, одинаковых гигантов. Чантхавар объяснил, что они являлись его персональными рабами — результатом хромосомной дубликации экзогенетического банка. В них было нечто, не совсем человеческое.

Космонавт старался преодолеть ощущение собственной не-

уклюжести, хотя не мог и вообразить, что выглядит привлекательно даже со своими тощими волосатыми ногами, высовывающимися из-под туники. Он, Блостейн и Мацумото были разъединены своими свитами с самого момента освобождения. Теперь у них появилась возможность пообщаться. Они сидели кружком, почти не разговаривая, в основном ругаясь шепотом, наполненным болью; все было ново, но внезапно опустошающе. Они приняли приглашение Чантхавара без особого интереса. Какое дело может быть у трех привидений на приеме у живого человека?

Зал, в котором они находились, был совершенно великолепным, кресла и прочая мебель были будто бы отлиты по фигуре человека и появлялись по вызову. Лэнгли вспомнился покрытый клеенкой кухонный табурет, жестянка с пивом перед ним, ночное небо над Вайомингом и Рэгги, сидящая рядом.

— Чантхавар, — спросил он внезапно, — у вас еще есть лошади? — Это слово существовало на нынешнем языке Земли.

— Что?... Я не знаю, — собеседник взглянул на него с удивлением. — Никогда не видел ни одной, знаю только о них из истории. Но где-то, кажется, они есть... Да, на Торе есть для развлечения, если нет на Земле. Лорд Браннох часто надоедает своим гостям рассказами о лошадях и собаках.

Лэнгли вздохнул.

— Если их и нет в Солнечной системе, то вы можете синтезировать хотя бы одну, — сказал Чантхавар. — Можно делать очень хороших животных по заказу. Вы когда-нибудь охотились прежде на драконов?

— Даже представить себе не мог, — сказал Лэнгли.

— Нам повезло, что этой ночью здесь будут очень важные люди, — сказал Чантхавар. — Если вам удастся понравиться кому-нибудь из них, ваше будущее обеспечено. Держитесь, например, подальше от леди Халин, ее муж ревнивец, и он ухлопает вас, как безмозглого раба, если я не вмешаюсь. Будьте осторожны. Например, увлечение молодых интеллектуалов — играть в осмеяние современного общества. Смотрите, ведь вы можете заразиться этим от них. Избегайте говорить что-либо, что можно истолковать как двусмысленность. Итак, вперед, и постарайтесь приятно провести время.

Они решили не идти туда, а уселись в удобные кресла, которые повезли их. Один раз они провалились в гравитационную шахту — это было довольно жуткое ощущение — езда в невесомости. В конце пути, который Лэнгли оценил в три мили, они подкатили к проходу, прикрытому искусственным водопадом, и оказались в руках охранников в золоченой одежде.

Первое впечатление Лэнгли было совершенно потрясаю-

щим. Зал был диаметром в полмили: в водовороте пламени бегущих цветов разместилось примерно несколько тысяч гостей. Зал, казалось, не имел крыши и был открыт мягкому ночному небу с массой звезд и полной луной, но Лэнгли решил, что крыша невидима. С головокружительной высоты город казался прелестной сияющей декорацией.

Воздух заполняли ароматы, свежесть и музыка, струившиеся из каких-то таинственных источников. Лэнгли прислушался, но звуков было слишком много. Все же создавалось впечатление, что играют музыканты — слишком отличалась гамма. Он пробурчал вполголоса Блостейну:

— Я всегда думал, что после Бетховена трудно написать что-либо новое. Вот мы оказались где-то в далеком будущем, и я прав.

— Аминь, — сказал физик. Его узкое, длинноносое лицо было унылым.

Чантхавар повел их к хозяину, невероятно толстому и багровому человеку, в маленьких черных глазах которого, однако, не было властности.

Лэнгли произнес положенные фразы, которые представитель одного министра должен адресовать другому, и склонился перед ним.

— Человек из прошлого, а? — Улион прочистил горло. — Интересно. Очень интерес-но. Хотелось бы поболтать с вами когда-нибудь. Хр-м-пф? Ну, как вам здесь?

— Весьма впечатляюще, мой лорд, сказал Мацумото с непроницаемым видом.

— Хм-м-м. Ха. Да-а. Прогресс. Изменения.

— Очень многое изменилось, мой лорд, — рискнул Лэнгли. — Но еще больше осталось без изменений.

— Хм-пф. Ха-ха. Да-а. — Улион повернулся поприветствовать еще кого-то. — Хорошо подмечено, дружище. Хорошо подмечено, в самом деле, — в его голосе проскальзывали нотки смеха.

Лэнгли тоже кивнул стройному молодому человеку со щеками, покрытыми пятнами.

— Эй, сюда, давайте выпьем, — пригласил Чантхавар.

Стол приблизился к ним, он поднял два хрустальных бокала и передал один из них молодому человеку, который произнес:

— Я хотел встретиться с вами, как только услышал о вашем возвращении. Я окончил здешний университет, занимался историей. Тема: Общие элементы всех мыслителей, пытавшихся коррелировать искусство с основными принципами общества." Чантхавар поднял одну бровь.

Его относительно простая одежда выделялась среди драго-

ценных и разукрашенных нарядов, сверкающих вокруг них.

— И вы достигли каких-то выводов, мой друг? — спросил он.

— Несомненно, сэр. Я обнаружил 27 книг, которые сходились во мнении, что на стадии зрелости культур производит соответствующий тип искусства, простого и мощного. Сверхдекорированные, подобные нашему — признак вырождения государства, в котором создание истощает дух.

— Ах, так. Встречали ли вы работу, в которой рассматриваются ранние стадии развития поселений на Торе, когда они боролись с природой и друг с другом все время, и прославились, как самое драчливое племя во Вселенной? Типичные образцы их искусства перекручены и запутаны больше, чем виноградные лозы. С другой стороны, в последние дни Марсианской гегемонии они пришли к ящичной простоте. Читали ли вы комментарии Сарду? Жимарип? Или девять кассет "Техники исследований"?

— Ладно, ладно, сэр. Я внесу их в мой список, но даже с работами, которые вы мне посоветовали, он будет не слишком внушителен.

Чантхавар, явно наслаждавшийся собой, приводил множество примеров трехтысячелетней давности. Лэнгли остался предоставленным себе.

Какая-то весьма симпатичная женщина с глазами навыкате обняла его обеими руками и сообщила, что восхищена, видя человека из прошлого и она уверена, что тогда была интересная эпоха, и люди тогда были мужественны. Лэнгли почувствовал облегчение, когда остролицый пожилой человек отозвал ее, и она ушла, надув губы. Ясно, что женщина занимала подчиненное положение в Техноне, хотя Чантхавар как-то упоминал о некоторых выдающихся женщинах-руководительницах.

Затем он неуклюже поплелся в буфет, где утешился вкусными блюдами и большим количеством вина. Как долго еще будет продолжаться этот фарс? Каким-то образом он умудрился выбраться наружу.

А на улице было лето. Лето царило теперь на Земле все время — планета с помощью человека вошла в межледниковый период. Если бы рядом была Регги. Но Рэгги умерла и ее нужно забыть. Он хотел побыть немного наедине с собой и с землей, в которой она покоилась давным-давно.

Какой-то жалкий тип, невыносимо вежливый, обнял его руками за шею и стал расспрашивать о "спальной технике" в его эпоху.

— Хочешь девочку? Ми-нистр Улион очень гостеприимен, ты правиль-но сделал, что пришел, мы п-пока повесел-лимся, а потом цента-вриане разнесут всех нас в п-пыль.

— Это правда, — поддержал говорившего стоявший рядом молодой человек. — Совершенно непонятно, почему мы поддерживаем с ними отношения? Это такие же люди, как ты. Могли бы они драться в твое время, капитан Лэнгли?

— Если бы им было необходимо, то они дрались бы, — проговорил американец. — Я так думаю.

— Живучая порода. Вы завоевали звезды, потому что не боялись лягнуть другого. Мы — нет. Мы стали мягкими здесь, в Солнечной системе. Скоро будет большая драка, самая большая за последнюю тысячу лет, а мы не знаем, как это делается.

— Вы служите в армии? — спросил Лэнгли.

— Я? — молодой человек выглядел удивленным. — Наша армия — рабы. Их разводят и дрессируют для работы. Высшие офицеры — министры, но...

— Ладно, а как вы оцениваете отношение вашего собственного класса к службе?

— Ничего стоящего. Они никуда не годны. И рабы-специалисты — тоже. Центавриане, хотя они называют себя свободнорожденными, но подходят для драки. Если бы мы могли...

— Сынок, — сказал Лэнгли измученно. — Мог бы ты взглянуть на людей с расколотыми черепами, выпущенными кишками, ребрами, торчащими сквозь кожу? Или на лицо человека, который собирается убить тебя?

— Нет... нет, конечно, сэр. Но...

Лэнгли пожал плечами. Он встречал таких и прежде, дома. Потом он пробормотал извинения и побрел прочь. Блостейн последовал за ним, и они перешли на английский.

— Где Боб? — спросил Лэнгли.

Блостейн оскалил зубы.

— Когда я видел его в последний раз, он втрескался по уши в одну из местных девиц. Миленькая крошка. Может, он натолкнулся на хорошую идею...

— Для него, — продолжил Лэнгли.

— Но это не для меня. Не сейчас, по крайней мере, когда-нибудь, — Блостейн выглядел усталым. — Ты знаешь, я думал, что когда-нибудь все плохое вдруг может исчезнуть, что человеческая раса научится каким-то образом компенсировать свои чувства. Я был пацифистом, ты знаешь — интеллектуальным пацифистом, просто потому, что мог ощущать кровавый, безмозглый военный фарс как никто другой, — Блостейн тоже был немного пьян. — И решение оказалось таким простым. Вот оно — прямо перед тобой. Мировое правительство с зубами. И все. И нет больше войны. Не расстреливают людей. Не грабят источники сырья, не сжигают маленьких детей. Я думал, что нашей тупоумной расе за 5000 лет вколотили какой-то урок здесь,

дома. Вскопни, ведь на Холате никогда не было войны. Почему же мы так глупы?

— Я думаю, межзвездная война крайне сложный вид конфликта, — сказал Лэнгли. — На решение конфликта — годы путешествия только в одну сторону.

— М-да. А также малая экономическая заинтересованность. Если планета может быть колонизирована вся, целиком, она в конце концов перейдет к полной самостоятельности. Это две причины, почему вот уже тысячу лет нет настоящих войн, с тех пор как откололись колонии.

Блостейн еще более сжался, стараясь прикрыть свои ноги.

— Но все-таки одна причина существует. Мы можем ее легко определить. Богатые минералами планеты Сириуса, его слабое правительство и сильные правительства Сол и Центавра. Оба правительства хотят эти планеты. Никто не может позволить другому завладеть ими — это невыгодно. Я тут потолковал с одним офицером, который выразил ситуацию почти теми же словами, только он добавил еще что-то насчет грязных варваров с Центавра.

— Хотел бы я знать, как можно воевать на расстоянии 4,5 световых лет, — сказал Лэнгли. — Ты можешь послать гигантских размеров флот с фрахтерами, заполненными оборудованием. Допустим, ты встретил вражеский флот и уничтожил его в космосе. Затем ты бомбардировал вражеские планеты... Ты знаешь, они обладают оружием, способным уничтожить целые материки. Девять десятых в двадцатой степени эргов на грамм. Да, и ведь сейчас есть вещи, подобные синтетическим вирусам и радиоактивной пыли. Итак, ты уничтожишь цивилизации на этих планетах. Вот и все. Просто. Только при этом ты должен быть уверен, что вражеский флот не доберется до тебя, поскольку твой собственный дом тоже полностью беззащитен. Сол и Центавр будут интриговать, препираться еще десятилетия. До тех пор, пока одному из них не станет ясно, что он впереди. Тогда — фейерверк.

Блостейн глотнул вина и продолжал:

— Конечно, всегда существует вероятность того, что, несмотря на уничтожение противника, его корабли достигнут твоей родной планеты и подвергнут ее бомбардировке. Тогда обе цивилизации вернутся к пещерному уровню развития. Но когда такая перспектива останавливала политиков? Или психотехнических администраторов, как они называются сейчас. Решение здесь единственное... Фу, что-то меня тошнит...

Чантхавар нашел Лэнгли несколькими минутами позднее и взял его за руку.

— Пойдемте, — сказал он. — Его Сиятельство, Глава обеспечения Технона, желает встретиться с вами. Его Сиятельство — очень влиятельный человек...

— Блистательный Салон, я хочу представить вам капитана Эдварда Лэнгли...

Это был высокий худой старик в длинной голубой робе и плаще. Его тонкое лицо казалось интеллигентным, но что-то непреклонное, фанатическое виделось в очертаниях рта.

— Интересно, — сказал он отрывисто, — Я узнал, что вы забрались слишком далеко в космос, капитан.

— Да, мой лорд.

— Ваши документы уже были представлены Технону. Каждый клочок информации, несмотря ни на что, есть ценность. Только при ясном знании всех фактов машина может принять решение. Вы были бы потрясены, узнав, какое количество агентов занято проверкой данных. Государство было бы благодарно вам за вашу услугу.

— Ничего особенного, мой лорд, — сказал Лэнгли с должным почтением.

— Это достаточно много, — ответил служитель машины. — Технон — основа Солнечной Системы — без него мы пропадем. Его расположение неизвестно никому, кроме высших рангов моего ордена, его слуг. Для этого мы рождены и выращены, для этого мы отвергли семейные узы и мирские наслаждения. Мы так устроены, что при любой попытке передать наши секреты, а этого невозможно избежать, — мы умираем — автоматически. Я рассказываю вам об этом, чтобы дать понять, что такое Технон.

Лэнгли не знал, что ответить. Салон доказывал, что хотя Сол пока не утеряла своей жизненной силы, но она обесчеловечилась.

— Мне говорили, что в составе вашего экипажа был инопланетянин неизвестной расы, но он бежал, — сказал старик. — Я заинтересовался этим. Это существо — совершенно непредсказуемо, и ваш бортжурнал дает о нем слишком мало сведений.

— Мне казалось, он совершенно безвреден, мой лорд, — сказал Лэнгли.

— Это мы выясним. Сам Технон приказал найти его или уничтожить немедленно. Итак, что вы об этом думаете и есть ли у вас какие-нибудь предложения относительно поиска?

Опять эта тема. Лэнгли похолодел. Проблема Сариса заставила покрыться холодной испариной. Эти вечные ОГБ, КВГБ! Как же — человек, который пытается бороться, может быть опасен!

— Я должен сообщить тебе, хотя это и секрет: он убил троих моих людей и угнал их флайер, — сказал Чантхавар. — Куда он мог бежать?

— Я... должен подумать, — поперхнулся Лэнгли. — Это большое несчастье, мой лорд. Поверьте мне, я приложу все силы, но... как говорится, вы можете привести лошадь к воде, но пить ее нельзя заставить.

Чантхавар улыбнулся. Особенностью его стиля поведения был психологический нажим — убил и снова воскресил, забавляясь. Лэнгли подумал, что такой характер можно найти в произведениях Шоу, Уальда или Ликока.

Салон жестко проговорил:

— Этой лошади лучше пить, и побыстрее, — и кивком отпустил их.

Чантхавар заметил какого-то знакомого и пустился в горячий спор о способах смешения некоторых напитков.

Лэнгли внезапно схватила чья-то волосатая рука. Она принадлежала крупному пузатому человеку в непривычно выглядевшей здесь одежде: серый халат и тапочки, кольца с алмазами и рубинами. Голова его была массивной, с беспорядочными кудрями рыжих волос. Это первая борода, увиденная Лэнгли здесь. Удивительно проницательные светлые глаза. Довольно высокий голос выделялся неземными интонациями.

— Здравствуйте, сэр. Очень рад вас видеть. Мое имя Голтам Валти.

— К вашим услугам, мой лорд, — сказал Лэнгли.

— Нет, нет, у меня нет титула. Бедный старый жирный подхалим Голмат Валти не принадлежит к высокородным. Я из Коммерческого Общества, а мы не имеем титулов... Не можем себе позволить. Трудно быть честным в нынешние времена, когда и покупателей и продавцов разъединяет зависть к твоей выгоде, а настоящие благородные люди, имеющие свои родовые поместья уже давно отошли в прошлое. Я из Аммона, в системе Тау Кита. Конфетка, а не планета — золотое пиво и славные девушки, которые его тебе подносят, ах, да!

Лэнгли заинтересовался. Валти повел его к дивану, они присели и решили подкрепиться.

— Я главный представитель в Сол, — продолжал Валти. — Вы должны как-нибудь прийти и посмотреть нашу контору. Там сувениры с сотен планет, я уверен, вам это будет интересно. Но пять тысяч лет скитаний, да... это много даже для торговли. Вы много видели, капитан, очень много. Эх, если бы снова стать молодым...

Лэнгли отбросил церемонии и задал несколько прямых вопросов. Получая информацию от Валти, надо было запастись

терпением: бесконечные упоминания о каких-то параграфах перемежались с жалостливыми сентенциями, но иногда что-то выплывало.

Общество существовало тысячу лет, или чуть более, охватывало все планеты, даже с нечеловеческими расами. В основном оно занималось межзвездной торговлей, частенько товары шли с планет, не известных в этом малом секторе Галактики. Предметы роскоши, экзотические вещи, но также и важное промышленное оборудование, количество которого росло пропорционально освоению планетарных ресурсов туземных цивилизаций. Для персонала Общества гигантские космические корабли были домом. Мужчины, женщины, дети жили там всю жизнь. У них были свои законы, обычаи, язык.

— Цивилизация имеет свою логику, капитан Лэнгли, горизонтальные цивилизации пересекаются с вертикальными, укоренившимися на планетах, и в своем тяжком пути переживают их все.

— Есть ли у вас столица, правительство?

— Детали, дружище, обсудим позднее. Взгляните на меня — одинокий старик. Хотя, возможно, я могу вам предложить кое-какие маленькие развлечения. Вы случайно не останавливались в системе Тау Кита? Нет? Там замечательно. Вас заинтересовали бы двойное кольцо системы Осириса, туземцы Хоруса и прекрасные, прекрасные долины Аммона, да, да!

Древние названия планет тоже изменились, но Лэнгли определил их по древним мифическим образам, которые при перечислении всплыли в его памяти. Валти углубился в воспоминания о мирах, виденных им во времена утраченной юности, и Лэнгли было приятно слушать его.

— Ха! Они здесь!

Валти подпрыгнул и, сопя, поклонился.

— Мой лорд, мой драгоценнейший лорд! Как давно я не видел вас.

— Всего две недели, — усмехнулся белокурый гигант в ярко-розовой куртке и голубых штанах. В одной волосатой руке он держал бокал с вином, другой лапал крошечную девицу, из танцовщиц. Она сидела на его плече и визгливо смеялась.

— Между тем ты надул меня на 1000 солариев твоими поддельными костями.

— Мой блистательный лорд, очевидно, судьба улыбнулась и тогда, и сейчас, видя мою беспомощность — ведь кривая вероятного распределения зависит от нее. — Валти потер руки. — Возможно, мой лорд, у вас на следующей неделе найдется время для реванша?

— Может быть... Тьфу! — Гигант снял девушку с плеча и

поставил на пол. — Ладно, уматывай отсюда, Тора или как там тебя... Увидимся после. — Его ясные голубые глаза уставились на Лэнгли. — Это тот древний человек, о котором я слышал?

— Да, мой лорд, я могу вас познакомить. Капитан Эдвард Лэнгли. Лорд Браннох ду Кромбар, посол Центавра.

Это был один из тех пугающих, ненавидимых людей Тора. Он и Валти — были первыми людьми кавказского типа, встреченными Лэнгли в этом мире. Вероятно, их древние предки покинули Землю до того, как расы смешались почти в единый тип и, возможно, факторы окружающей среды способствовали сохранению их отличительных черт. Браннох сел рядом и принялся шумно рассказывать какую-то неприличную историю. Лэнгли вспомнил анекдот про ковбоя, и хохот Бранноха заставил дрожать стекла.

— Так вы еще пользовались лошадьми? — спросил он, отсмеявшись.

— Да, мой лорд. В краях, где я вырос, пользовались и лошадьми, и автомобилями. Я бы... я хотел бы разводить их сам.

Браннох, казалось, почувствовал боль в его голосе и удивительным чутьем понял привязанность космонавта к своему дому.

— Я думаю, вам понравится Тор, капитан, — заключил он. — У нас еще просторно. Как они могут дышать среди 20 миллиардов кусков толстого жирного мяса в Солнечной Системе? Не понимаю! Почему бы вам не заглянуть когда-нибудь к нам?

— Я подумаю над вашим предложением, мой лорд, — сказал Лэнгли, и, кажется, не покривил душой.

Браннох откинулся назад, вытянув свои непомерно длинные ноги.

— Мне там немного досталось, — сказал он. — Пришлось удирать, а моя семья нашла быстрый конец от врагов. Я болтался по свету сотни лет независимого времени, прежде чем выпал случай вернуться. Мое увлечение — планетография, только поэтому я хожу на твои приемы, Валти, старый брюхатый жулик. Скажите, капитан, вы имели когда-либо дело с Проционом?

Полчаса шел разговор о звездах и планетах. Это несколько успокоило душу Лэнгли. Его захватили образы многоглазых чужаков, пронзающих бесконечность космоса.

— Кстати, — сказал Браннох, я слыхал, что вы на своем корабле привезли инопланетянина, а он удрал. Это правда?

— Ах, да, — подхватил Валти. — Я тоже хочу знать. Он, кажется, проделал это очень странным способом? Что толкнуло его на такой отчаянный поступок?

Лэнгли похолодел. То, что говорил Чантхавар — не было ли это секретным? У Бранноха были, конечно, свои осведомители,

и у Валти тоже. Американца охватил озноб от столкновения с неодолимыми силами, между которых он попал.

— Хотел бы я добавить его к своей коллекции, — лениво протянул Браннох. — Ничего, это ему не повредит. Если он настоящий телепат, то он уникален...

— Общество тоже интересуется этим делом, — сказал Валти застенчиво. — Планета может получить кое-что при торговле, даже если использовать данные, привезенные из такой затянувшейся прогулки.

Мгновением позже он сонно добавил:

— Думаю, плата за такую информацию будет щедрой, капитан. — Общество имеет свои маленькие причуды, и жаждет найти новую расу первым. Да... на этом можно сделать деньги.

— Эту ставку я делаю сам, — сказал Браннох. — Пара миллионов солариев и мое покровительство. Сейчас трудные времена. Могучий патрон... с этим нельзя не считаться...

— Общество, — подчеркнул Валти, — имеет право экстерриториальности. Оно может гарантировать убежище, так же, как и отъезд с Земли, которая вскоре может стать местом, не очень полезным для здоровья. И, конечно, денежное вознаграждение — три миллиона солариев, как поощрение за новые научные данные.

— Трудно спорить в таком деле, — сказал Браннох. — Но я уже говорил — вы можете повидать Тор или вообще поселиться там. Три с половиной миллиона.

Валти застонал.

— Мой лорд, вы хотите обойти меня? Я еще должен и семью содержать.

— Ха-ха! По одной на каждой планете, — засмеялся Браннох. Лэнгли сидел неподвижно. Ему показалось, что он понял, почему все хотят заполучить Сариса Хронну — но что из этого? Гибкая фигурка Чантхавара показалась в толпе.

— Ах, вот вы где, — сказал он, церемонно приветствуя Бранноха и Валти. — К вашим услугам, мой лорд и сударь.

— Привет, Чанни, — сказал Браннох, — присаживайся. Отчего нет?

— Другие господа тоже хотят видеть капитана. Извините.

Когда они пробирались в толпе, Чантхавар повернулся к Лэнгли.

— Эти люди интересовались чужаком?

— Да, — сказал Лэнгли устало.

— Я так и думал. Солнечное правительство почти наполовину состоит из их агентов. Ладно, не будем об этом.

Гнев охватил Лэнгли.

— Послушай, сынок, — сказал он, выпрямившись, и глядя

в глаза Чантхавару сверху вниз. — Я не вижу, чем был обязан какой-нибудь из этих шаек. Почему ты обращаешься со мной, как с ребенком?

— Я не ограничиваю твоего общения, хотя могу, — сказал Чантхавар мягко. — Это нетрудно, а бестию рано или поздно мы поймаем. Я только хочу предупредить, что если она попадет в чьи-то руки, а не мои, то плохо будет тебе.

— Почему бы не запереть меня и покончить с этим?

— Я надеюсь, ты поможешь избежать ошибок при поимке. Это дело достаточно деликатное, — Чантхавар молчал, затем неожиданно серьезно сказал: — Знаешь, почему я занимаюсь политикой? Ты думаешь, я хочу власти? Ее хочется дуракам, которые хотят командовать другими дураками. А для меня это прекрасная игра — ведь жизнь так скучна. Что я еще могу придумать, кроме того, что уже делал сотни раз? Что может быть лучше, чем соревнование с умами Бранноха и этого толстопузого бородача? Тут можно и победить, и проиграть. Но я хочу победить.

— Даже путем соглашения?

— Не обманывайся Браннохом. У него самый ясный и холодный ум в Галактике. Честно говоря, я был бы очень огорчен, если в конце концов пришлось бы его убить, — Чантхавар отвернулся. — Пошли выпьем.

5

Тьма окружала скорчившегося Сариса Хронну, и влажный ветер со стороны канала нес тысячи чужих запахов. Ночь была полна страха.

Он лежал на жухлой траве, в грязи, на берегу канала, прижимаясь животом к земле и напряженно вслушиваясь.

Луны не было, но звезды виднелись высоко и ясно, ему хватало их света, а низкий пульсирующий гул напоминал о далеком городе. Он взглянул вниз, на узкую линию канала. Правильные ряды шелестящей под ветром травы тянулись до горизонта, какая-то темная округлая масса виднелась в трех милях от него. Его ноздри втягивали запах холодного сырого воздуха, зеленой травы, он слышал медленное легкое движение струй ветра, далекий крик птицы, всерхъестественно глубокий звук от пролетавшего в нескольких милях над ним воздушного судна. Его нервы ловили дрожь и пульсацию чужих нервов — вот так когда-то он лежал на Холате в ожидании животных, на которых охотился, чувствуя, как плывут над степью бесконечные шорохи ночи. Но сейчас он был добычей. Он был чужой;

каждый запах, каждый образ, нервные импульсы мыши или жука причиняли боль, даже ветер шептал другим голосом.

За его ожиданием и страхом пряталось горе. Он прошел через время и пространство, он оставил планету, которую любил, и весь свой народ, жену, детей и сородичей. Он оказался таким одиноким, как не был никто из его расы. Один, совсем один.

Философы Холата с подозрением отнеслись к кораблю людей — вспомнил он с унынием. С их точки зрения, Вселенная, все ее объекты и процессы были логичны и неизбежно конечны. Бесконечность являлась концепцией, отвергаемой инстинктом неправоты, даже когда речь шла о математических или физических моделях космоса, поэтому идея движения через световые годы вне времени была им чужда.

Но блеск новизны рассеял древние страхи. Появилось множество откровений о небе, о новом корабле; стало так интересно работать, учиться, находить ответы на вопросы, решать задачи, которые их холатанский мозг даже не мог представить.

Настороженно вступил он на борт корабля.

И в результате Сарис Хронна бежит через лес, похожий на кошмар, увертываясь, уклоняясь от преследуемых его энергетических стрел, которые, шипя, вспыхивают на его пути; пригибаясь, кувыркаясь, стараясь избежать все известные ему охотничьи западни и уловки, пытаясь спасти свою ненужную никому жизнь.

Его острые, как у собаки, зубы блеснули, когда он раздвинул губы. Где-то здесь находилось нечто живое. И это нечто хотело его убить.

Если бы он мог вернуться — эта мысль была подобна яркой вспышке в вое и грохоте ночной бури. Холат не мог сильно измениться даже за 2000 лет, прошедших с тех пор, как земной корабль покинул его. Его народ не застыл, он развивался все время в соответствии с изменением климата, поверхности планеты, согласно великому ритму времени. Он мог бы снова стать полноправным членом своей расы.

Но...

Что-то скользнуло в небе. Сарис Хронна вжался в траву. Его глаза превратились в узкие желтые щели, когда он напрягся, пытаясь разглядеть то, что было в небе.

Да, движение, но не живое — холодное облако электронов в кристалле, металл, пульсации, подобные тем, что чуть затрагивали его нервы. Это был маленький летательный аппарат, медленно кружащийся в небе. Он был оснащен детекторами и охотился за ним.

Может быть подчиниться? Люди с "Эксплорера" были порядочными, а к Лэнгли он даже испытывал чувство, похожее на

уважение. Может быть, их далекие родственники столь же благоразумны? Нет! Слишком рисковано. Подозрительность была отличительной чертой его расы.

У них, на Холате, не было космической техники. Орудия труда изготовлялись из кремния и кости, аборигены путешествовали пешком или на долбленых челноках с веслами и парусом, кормились охотой и рыбалкой, держали громадные стада мясных животных, полуприрученных телепатическим контролем. Один холатанин на Земле мог справиться с дюжиной землян, но один космический корабль мог превратить его планету в мир смерти.

Летательный аппарат скрылся за пределами ощущений. Сарис Хронна облегченно вздохнул.

Что делать, куда идти, где спрятаться?

Внезапно он вспомнил детенышей, маленьких и пушистых, лежащих в пещере на шкурах или в хижине из дерна, копошащихся около груди матери. Он рыдал, вспоминая беззаботные солнечные дни, уютные зимние ночи, когда они сбивались в кучу, разговаривая, играя, напевая старинные песни, нежась во всепроникающем тепле единой эмоциональной связи, вспоминая времена, когда отец брал его на охоту. С каким нетерпением он ждал ее...

Маленькая изолированная семейная группа была сердцем его общества, без нее он чувствовал себя потерянным, а ведь все они давно мертвы.

Летательный аппарат вернулся. Он летал по спирали. Сколько их там, в нескольких милях над землей?

Его мозг напрягся, отгоняя страх. Жизнь Холата была основана на порядке, ритуале, на традиционных взаимоотношениях между старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, на умиротворенности и спокойствии пантеистической религии, на утреннем и вечернем семейном обряде, где каждый на своем месте, где царят равновесие, гармония, ясность, где все знают, что жизнь — всеобщий союз. И вот он прячется в чужой тьме, и на него охотятся, как на зверя.

Сложившиеся стереотипы жизни не обременяли, потому что накапливающееся напряжение снималось в погонях и бесшабашных ярмарках, где кланы встречались для торговли, обсуждения планов и взаимных претензий, в молодежных компаниях с питьем и весельем.

Но здесь, ночью...

Эта штука опустилась ниже.

Мускулы Сариса напряглись, сердце забилось сильнее. Пусть только приблизится, он перехватит управление и размажет их об землю!

В этот момент он не был полностью готов к убийству. В холатанских семьях не было грубых отцов или драчливых, задиристых братьев — они все были одинаковы; те, кто был особенно одарен, поддерживались близкими и могли позволить себе совершенствовать свои способности — занимались искусством. Сарис был из таких, способности у него проявились с детства. Позднее он направился бы на учение в один из университетов.

Он проявлял склонности к физическим наукам.

"Как хорошо было на Холате", — думал он, сжимаясь, в то время как металлическая смерть медленно спускалась к нему.

Книги переписывали от руки на пергаменте, но в них содержался всего лишь отзвук знания. Астрономия, физика и химия были элементарны по сравнению с человеческой наукой. Биотехнология, разведение животных и использование экологии были примерно равны в областях, не требующих применения приборов. А математики на Холате имели врожденные способности и в этом было их превосходство.

Сарис вспомнил, как был удивлен Лэнгли быстрым освоением английского языка подростком, изучившим неэвклидову геометрию и теорию функций. Лэнгли получил некоторое понятие о разнообразных школах в философии, об оживленных дискуссиях между ними, и в дальнейшем полностью признал, что четкая логика, высокоразвитая семантика, слитые воедино на прочной эмпирической основе, сделали их более ценными инструментами, чем любые другие, созданные человеческой расой. Те же философы, которые сумели определить взаимосвязь между разделами высшей алгебры и этики, сумели найти ключ к неполадкам в системе управления "Эксплорера".

Аппарат парил, похожий на птицу, готовую броситься на добычу. Он был еще далеко — должно быть, у них есть детектор, возможно, инфракрасный. Сарис решил не двигаться.

Для него все кончится, когда бросят бомбу. Лэнгли рассказывал ему о бомбах. Вспышка, грохот, которые он уже не ощутит, исчезновение, вечная тьма...

"Ладно, — думал он, чувствуя, как ветер нежно ласкает его шерсть, — немного пожалей себя". Он прожил хорошую жизнь и был одним из лучших учеников, который с его жаждой нового, казалось, мог бы внести вклад во взаимоотношения сходных культур, осваивавших его планету. Позднее он должен был остепениться, создать семью, преподавать в университете. Но даже если вместо этого его ждет смерть на неизвестной земле, все равно жизнь была хорошей.

Нет, нет! Все восстало в нем. Он не должен умереть, нет! Не должен, до тех пор пока не узнает, как защитить Холат от этих

безволосых чудовищ, как предостеречься от них и как бороться с ними. Его мускулы вздулись, готовые бороться и победить.

Воздушный аппарат опускался медленно, в выступах корпуса посвистывал ночной ветер. Его мозга коснулся водоворот электрических и магнитных струй, и он задрожал.

Нет, выждать! Есть лучший способ. Аппарат сел на поле в доброй сотне ярдов от него. Сарис подтянул под себя руки и ноги и весь напрягся. Сколько их там? Трое. Двое вышли наружу, третий остался внутри. Он не мог видеть через высокую траву, но чувствовал, что эти двое несут какой-то предмет, но это было не оружие, а скорее детектор, Слепые в темноте, они, однако, могли проследить его путь.

Но они, конечно, не уверены, что это Сарис. Их инструмент мог зарегистрировать только отбившихся от стада животных или человека. Сарис почувствовал острый запах адреналина их страха.

Сарис Хронна, скользя по мокрой траве, побежал на четвереньках прочь.

Кто-то пронзительно завопил. Разряд энергии разрезал воздух над ним, загорелись высокие стебли травы, и запах озона обжег его ноздри. Он не мог справиться с этим оружием так, как до этого парализовал двигатель и передатчик аппарата.

Бешено билось сердце, он бросился через выжженное пятно травы и, прыгнув, достиг ближайшего человека. Тот упал, он руками разорвал ему горло и отскочил в сторону, так как другой мог в это время выстрелить.

Кто-то кричал, панически плакал в темноте. Ружье, из которого был сделан выстрел, звонко ударилось о металл корпуса где-то в районе носа аппарата. Сарис прыгнул и очутился на крыше. Человек, оставшийся снаружи, освещался вспышками света энергетических разрядов, пытаясь поймать его своим лучом.

Хладнокровно холатанин прикинул расстояние. Далековато. Он завыл, вновь скользя по земле.

Вспышка света, и грохот бластерного разряда ударил в то место, где он только что был. Сарис покрыл расстояние до человека в три прыжка. Подпрыгнув в воздух, он резко ударил и почувствовал, как рвутся чужие мышцы шеи под его пальцами.

Теперь вперед. Сарис нащупал люк. Тот открывался внутрь и фиксировался простейшими механизмами, с которыми он мог справиться. Он еще чувствовал ужас сидящего внутри аппарата человека. Ладно... Он отыскал один из бластеров, мгновенно поняв его устройство и принцип действия. Рука обхватила рукоятку, один палец пришелся на клавишу, значит, огонь вылетает из раструба, а регулятор устанавливает мощность выстрела. Он поэкспериментировал с оружием и был удовлетворен

своими дедуктивными способностями. Вернувшись к аппарату, он встал напротив люка.

Человек внутри прижался к противоположному борту, сжимая ружье в дрожащих руках и пронзительно крича от страха, что этот дьявол сейчас вломится внутрь. Сарис прощупал его телепатически и выяснил, что еще один вход располагается в кормовой части — хорошо! С треском выбив дверь одной рукой, он выстрелил, целясь в угол. Бластер неудобно лежал в руке, но одного разряда хватило.

Кабина наполнилась запахом горелой плоти. Сейчас надо было все делать быстро; другой аппарат мог быть поблизости. Собрав все оружие, он пролез на место пилота, слишком маленькое для него, и начал изучать панель управления.

Принцип устройства летательного аппарата был незнаком науке времен Лэнгли. Он не мог понять символы над приборами и переключателями. Но проследив электронные цепи и гиромагнитные поля, используя логику, он разобрался, как управиться с этой штукой.

Взлетел он немного неуклюже — перестарался, манипулируя переключателями. Он быстро поправил положение аппарата и завис над землей. Скоро он был высоко в небе, стремительно пронзая темноту. На одном экране было светящееся изображение карты с движущейся красной точкой, которая указывала его местонахождение. Отлично.

Он не мог оставаться в этой машине долго — его опознали бы и посадили, но надо воспользоваться ею, чтобы найти себе безопасное место, а потом пустую машину можно и отправить в океан. Для этого необходимо было овладеть программированием автопилота.

Но куда лететь? Что делать?

Ему нужно место, чтобы подумать, место, откуда он мог бы наблюдать и к которому мог бы возвращаться, где он мог бы отсидеться, если судьба отвернется от него. И еще необходимо время для подготовки решений.

Эти люди — странная раса. Он не понимал их. Он много разговаривал с Лэнгли, они дружили, но в нем все же было много непонятного. Это близкая к религии концепция завоевания всего пространства просто ради себя была чужда холатанам. Кроме всего — бессмысленная погоня за чистым абстрактным знанием; люди находили какое-то неясное, почти непристойное удовольствие, манипулируя чисто дедуктивными безличными категориями.

Эти новые люди, населяющие Землю, могут попытаться завоевать Холат. Расстояние гигантское, но нельзя ни в чем быть уверенным.

Самое мудрое и безопасное — разрушить их цивилизацию, вернуть назад в пещеры. Это безумный план, но надо попытаться, надо что-то делать, надо сыграть, натравливая одну группировку на другую. Он уже давно понял, почему они хотят поймать или убить его.

Он должен выждать, понаблюдать и подумать, прежде чем решить, как ему поступать. Для этого нужно место, где можно спрятаться, и он уже знал, где можно найти такое. Во всяком случае, можно было попытаться. Он изучил неподвижную карту, сопоставляя ее с той, что видел у Лэнгли, и ввел ее в свою эйдетическую память, расшифровывая символы и учитывая изменения за 5000 лет. Затем он повернул аппарат на северо-восток и расслабился в ожидании.

6

Утром из комнаты Лэнгли были удалены все следы похмелья, обслуживающий робот прикатил завтрак на столике и убрал посуду, когда Лэнгли поел. После завтрака делать было нечего, оставалось сидеть и размышлять. Пытаясь преодолеть депрессию, Лэнгли заказал себе книги; раб-домоуправитель показал ему, как управляться с приспособлениями в его апартаментах. Машина, щелкая, разыскала в городской библиотеке микрофильм, сделала копию и выдала ее космонавту, который вставил микрофильм в свой сканнер.

Блостейн пытался читать роман, затем какую-то поэму, затем специальные статьи, и в итоге отшвырнул их. С его ограниченными знаниями тексты были совершенно непонятны. Он сообщил Лэнгли, что все написано на высоком уровне, в сложной форме, полной намеков на классическую литературу двухтысячелетней давности.

— "Поп и Драйден" — пробормотал он с отвращением. — Но им-то было хоть что сказать. Что ты накопал, Боб?

Мацумото, который пытался сориентироваться в современной науке и технике, пожал плечами.

— Ничего. Все написано для спецов, считается, что читатель знает азы. Совершенно нет популяризации. Все, что я просмотрел — сплошь руководства для тех, кто занимается непосредственно этими разделами науки. Муть голубая с какими-то Загановскими матрицами... Но при этом все же ощущается, что ничего реально нового за последние пару тысяч лет.

— Стабильная цивилизация, — сказал Лэнгли. — Они полностью уравновешены, каждый на своем месте, все идет достаточно гладко, и не существует ничего, что выбило бы их из колеи. Может быть, на Центавре по-другому?

Он вернулся к своим кассетам, к истории, пытаясь выяснить, как все это произошло. Это было удивительно трудно. Первое, на что он наткнулся, была ученая монография, перенасыщенная непонятными сведениями в узкой области. Ничего для "обычного" человека, если бы это доисторическое животное могло существовать. Чем ближе он подвигался к настоящим временам, тем более понимал, что перед ним застывшая в узкой специализации цивилизация, чье будущее, как ему показалось, лежит в прошлом.

Большинство выдающихся открытий после изобретения сверхпривода приходились на долю параматематической теории человека, как индивидуальности, так и общественной единицы, что позволило перестроить общество, сделать его стабильным, предсказуемым и логичным. Отсутствовали работы, посвященные структуре Технона. Их наука не была совершенной, да этого и не могло быть: такие происшествия как революции в колониях были совершенно не предусмотрены. Но цивилизация была стабильной, с мощной отрицательной обратной связью, она немедленно приспосабливалась к новым условиям.

Средства социальной организации служили не для освобождения людей, а туже затягивали ярмо — небольшому числу ученых было необходимо наблюдать за реализацией своих планов, поэтому они или их потомки, которые с прекрасным человеческим рационализмом могли применять и свои методы, просто использовали силу. Вследствие всего вполне логично, что у власти стояли наиболее сильные и интеллигентные — обычный человек был просто не способен манипулировать с силами, которые могли в один день очистить планету от всего живого. Также логично было организовано управление: избирательное воспитание, управляемая наследственность, психологические тренировки. Возможность производства эффективных работ, которые могли принести известную долю удовлетворения, — в общем, все совершенно логично. Обыкновенный человек не являлся объектом приложения никаких усилий, потому что концентрация и централизация власти, все более и более возраставшие с Индустриальной революцией, внушили ему традицию подчинения. Если бы ему даже и дали свободу, он не знал бы, что с ней делать.

Лэнгли мрачно отметил, что другого и не могло быть.

Подключился Чантхавар и предложил прогуляться по городу, который назывался Лора.

— Я знаю, вам показалось здесь поначалу довольно скучно, — извиняющимся тоном сказал он, — просто последнее время у меня было много дел, но буду рад показать вам завтра

город и ответить на все наши вопросы, если смогу. Мне кажется, это был бы прекрасный способ адаптации.

Когда он отключился, Мацумото сказал:

— Кажется, он не такой гад, как все остальные. Но если он какой-то аристократ, то почему все делает сам?

— Мы — что-то новенькое, вот поэтому он и носится с нами, — сказал Блостейн. — Просто что-то новенькое.

— Или, — пробурчал Лэнгли, — он нуждается в нас. Мне совершенно ясно, что он никак не может добиться от нас чего-то нужного ему под гипнозом, или чем они там еще пользуются сейчас...

— Ты думаешь, что все дело в Сарисе? — нерешительно спросил Блостейн. — Слушай, Эд, у тебя есть хоть малейшая идея по поводу того, где находится эта выдра-переросток и что он затеял?

— Нет... Пока еще нет, — сказал Лэнгли.

Они говорили по-английски, но было совершенно ясно, что где-то здесь спрятан микрофон, а записи всегда можно перевести.

— Еще неясно, — добавил он.

Лэнгли сам поражался своей сдержанности. Он всегда чуждался всякого рода шпионажа, тайных сделок, считая, что космонавту необходимо быть сдержанным, отрешенным, не спо*собным к клевете и интригам, процветающим в* метрополии.

Он всегда был готов заниматься именно делом, и если вдруг сталкивался с ложью, то винил только себя. Был чувствителен к мнениям других, а сейчас это ему было безразлично. Ведь так просто уступить, сотрудничать с Чантхаваром и, вообще, плыть по течению. Как узнать, кто прав. Ведь Технон, кажется, представляет порядок, цивилизацию, закон, да и бессмысленно противопоставлять себя 20 миллиардам человек и 5000 годам истории.

Если бы рядом была Рэгги, он уже давно сдался бы, и не рисковал своей шкурой ради принципов, в которых вовсе не был уверен.

Но Рэгги умерла, да и у него осталось совсем мало сил, чтобы жить дальше. Тут не до игры с судьбой в его почти безвыходном положении, хотя он пришел из общества, которое возлагало на каждого человека ответственность все решать самому.

Чантхавар появился на экране перед обедом и, еще зевая, заявил:

— Пришло время вставать! Ну что, пойдем?

Следом за ними отправилось полдюжины телохранителей.

— Для чего они? — спросил Лэнгли. — Защита против общинников?

— Общиннику об этом даже трудно подумать, — ответил Чантхавар. — Если только они могут думать, в чем я иногда сомневаюсь. Нет, они нужны мне для защиты от моих конкурентов. Браннох был бы рад видеть на моем месте другого.

Я много знаю о его агентах. Кроме того, имеются соперники и внутри Технона. У меня нет долгов, взяток я не беру, поэтому они вынуждены действовать без их привычных "тонкостей", а напрямик.

— А чего они добьются, убив тебя? — спросил Блостейн.

— Положения, может, какой-то части моего имущества. Но могут стать и самыми отъявленными моими врагами: я люблю щелкать судьбу по носу в отличие от многих нынешних влиятельных деятелей. Мой отец был весьма мелким министром на Венере, мать — из общинников. Я получил свое положение, пройдя много испытаний и... растолкав локтями своих братьев, — Чантхавар усмехнулся. — Неплохая штука — конкуренция, она привела меня в высший класс, признаваемый всем Техноном.

Они оказались в прозрачной трубе — путепроводе, и его движущиеся кольца подняли их на головокружительную высоту над городом. С этой высоты Лэнгли мог видеть, что Лора построена как единое целое: не было отдельно стоящих зданий — все соединены, еще ниже находились сплошные крыши следующих уровней. Чантхавар указал на близкий горизонт, где торчала одинокая решетчатая башня.

— Станция контроля погоды, — сказал он. — Большинство того, что вы видите, относится к городу, Министерскому народному парку. Но все, что находится за этой дорогой, принадлежит Тарахою. Он — один из чудаков, которые стремятся укрыться от природы, вот и построил все это.

— Есть ли у вас небольшие фермы? — спросил Лэнгли.

— О, Космос, нет! — Чантхавар изумленно взглянул на него. — Они есть только на планетах Центавра, но я думаю, трудно придумать что-нибудь менее эффективное. Почти вся наша пища синтезируется, остальное выращивается на министерских землях, также, как шахты и фабрики, — все они являются собственностью какого-нибудь министра. Таким образом, каждый класс сам себя содержит, как и Общины, которые на внесолнечных планетах могут брать аренду. Здесь человек может иметь то, что он заработал. Государственные работы так же, как и вооруженные силы, финансируются промышленностью во имя Технона.

— Но что делают общинники?

— У них есть работа, у большинства — в городах, у некоторых — на полях. Многие работают ремесленниками, мастерами.

Технон следит за порядком, занимается демографическим контролем и производством, так что экономика функционирует нормально. А теперь сюда — тут вам должно быть интересно.

Это был музей. Прежняя планировка немного изменилась, хотя появились какие-то незнакомые приспособления для улучшения обзора. Чантхавар повел их в историко-археологический отдел посмотреть экспонаты их времени. Печально было видеть, как мало дошло до этих веков — несколько монет, потускневших вопреки электролитическому восстановлению, осколки стеклянного стакана, фрагменты каменной доски с названием какого-то банка, ржавый остов древнего кремниевого ружья, найденный в Сахаре при проведении ирригационных работ, мраморный обломок какой-то статуи. Чантхавар сказал, что сохранились еще египетские пирамиды, часть сфинкса, несколько кусков бетонных дорог — все, что осталось от уничтоженных городов, обломки дамб в Америке и России, а также несколько кратеров от водородных бомб. Но все остальное в музее относится уже не менее, как к 35 столетию.

Время неумолимо, оно безжалостно к гордым человеческим достижениям, исчезающим одно за другим. Лэнгли заметил, что посвистывает, как бы придавая себе храбрости. Чантхавар заинтересованно навострил уши.

— Что это?

— Окончание Девятой симфонии. Когда-нибудь слышали?

— Нет, — странно было видеть выражение задумчивости на широком костлявом лице Чантхавара. — Это прекрасно. Мне нравится такая музыка.

Они позавтракали на террасе ресторана, где машины обслуживали вычурно одетых, с утонченными манерами, аристократов. Чантхавар оплатил счет и пожал плечами.

— Я ненавижу кидать деньги в мошну Министра Агаза — ему тоже нужна моя голова — но надо признать, он держит хорошего шеф-повара.

Охранники не ели: они были приучены есть редко и быть неутомимыми в своей бдительности.

— Что ж, — сказал Чантхавар, — верхние уровни мы в основном осмотрели. Теперь нечто иное. Пойдемте, спустимся вниз.

Гравитационный лифт бросил их на дно тысячефутовой пропасти, и они вступили в другой мир. Здесь не было ни солнца, ни неба: стены и конструкции из металла, полы мягкие и упругие, узкие, плохо освещенные лабиринты переходов. Воздух достаточно свеж, но весь пронизан дрожью и пульсациями — дыханием гигантских машин. Коридоры-улицы — низ-

кие, узкие, наполненные движением и шумом голосов.

Это были общинники. Лэнгли застыл на мгновение при выходе из лифта, наблюдая за ними. Он не знал, что ожидал увидеть, возможно, и нечто, одетое в серое томби, но был поражен.

Хаотичная масса напомнила ему то, что он когда-то видел в городах Азии. Одежда — дешевый вариант министерской туники для мужчин, длинные платья для женщин — сплошные униформы — зеленые, голубые, красные, но встречались и грязные, заношенные. Мужчины были с бритыми головами. Лица людей отражали смесь всех рас, которые существовали когда-то на Земле. Множество голых детей копошилось и играло тут же, прямо под ногами толпы. Не чувствовалось разделения полов, обязательного для верхних уровней.

Киоск в одной из стен был набит дешевым, грубым фаянсом, и женщина с ребенком на руках торговалась с торговцем. Рослый, почти обнаженный, носильщик горбился под тяжестью какой-то ноши. Двое парней на корточках сидели посередине дороги, играя в кости. Старик со стаканом в руках дремал у входа в таверну. Двое, один в зеленом, другой в красном, неуклюже дрались: несколько любопытных обступили их. Ярко выраженная проститутка соблазняла какого-то работягу со слабоумной физиономией. Худощавый, с острым лицом, торгаш — с Ганимеда, как пояснил Чантхавар, — тихо шептался с жирным туземцем. Богатый, видимо, человек, катил по улице в крошечном двухколесном аппарате, двое слуг расчищали перед ним дорогу. Ювелир сидел в своей будке, склонясь над браслетом. Трехлетний ребенок споткнулся, шлепнулся на пол, ударился в слезы, на которые никто не обратил внимания, да и едва ли он мог быть услышан в таком шуме. Подмастерье сопровождал своего мастера, неся ящик с инструментами. Пьяный блаженно раскинулся у стены. Продавец протягивал тарелки, полные аппетитных, дымящихся кусков, расхваливая нараспев свой товар. Все это сумел увидеть Лэнгли, попав в бурлящую толпу. Чантхавар, где-то высмотрев сигареты, предложил их всем и, взяв себе одну, повел их дальше — каждый шел между двумя охранниками. Люди оглядывались, таращились на них, а затем возвращались к своим делам.

— Мы пойдем пешком, — сказал Чантхавар. — Здесь нет движущихся путей.

— Что это за мундиры? — спросил Блостейн.

— Различные профессии — металлурги, пищевики и так далее. У них система гильдий, довольно высоко организованных, требующих несколько лет ученичества. Между гильдиями существует острая конкуренция. Общинники живут и обеспе-

чивают себя сами, мы избегаем вмешиваться в их дела. Полиция — рабы, принадлежащие городу, — удерживает их в соответствующих рамках, если возникают какие-нибудь беспорядки. Чантхавар указал на крепкого мужчину в стальном шлеме.

— Нет смысла нагонять их сюда много. У общинников нет оружия, они не способны угрожать кому-либо. Все их воспитание поставлено таким образом, что они соответствуют этой системе.

— Эт-то кто такой? — Мацумото указал на человека в алой одежде, с лицом, закрытым маской, с ножом на поясе; он быстро скользил между людей, отталкивая тех, кто ему мешал.

— Убийца. Есть и такая гильдия, хотя большинство из них занимается кражами и взломами. Общинники не имеют роботов — мы поддерживаем их предприимчивость. Им не дозволяется иметь огнестрельное оружие, так что это вполне безопасно и даже развлекает. Мы их разъединяем, — сказал Чантхавар, разведя руками. — Что ж поделать? Полное равенство невозможно. Известно из истории, что неоднократно пытались всем и каждому дать право голоса, но это всегда было обречено на провал, всегда через несколько поколений худшие политики вытесняли лучших. Потому что, по определению, половина людей имеет интеллект ниже среднего или чуть выше среднего. Вы никуда не сможете деть эти толпы — Земля так переполнена.

— Все дело в культуре, — сказал Лэнгли. — В наше время были страны, отвергнувшие прекрасные конституции и погрязшие в диктатурах, но это потому, что у них не было предпосылок, не было традиций. Некоторые же, вроде Великобритании, создали основы для таких традиций и в подобных обществах может присутствовать чувство общего сотрудничества.

— Мой друг, вы не можете создать новую цивилизацию, — сказал Чантхавар, а реформировать эту вы можете, только используя имеющийся материал. Основатели Технона знали это. Но такие дела делать уже поздно. Вы взгляните вокруг — способны эти обезьяны думать о проблемах открытой политики? — Он вздохнул. — Перечитайте историю, смело взгляните ей в лицо: войны, эпидемии и тирании — естественное состояние человека. Так называемый золотой век — флюктуация, которая исчезла быстрее, чем кто-то это понял, мы же только как 300 поколений из пещер. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на попытку создания других законов природы. Так что пользуйтесь существующими законами природы.

Лэнгли отвернулся.

На продолжавшейся прогулке ему было интересно наблюдать за работой на заводах, где люди, подобно муравьям, копошились у металлических гигантов, ими созданных, узнать о

школах, где несколько лет учебы, включая курс гипнотренинга, были достаточны, чтобы снабдить необходимыми навыками, увидеть темные, дымные, неряшливые таверны, квартиры с крошечными комнатами, но умеренными удобствами и даже со стереоскопическим шоу; довольно веселые развязные сборища в храмах, где толпа качалась и распевала гимны Отцу — это напоминало ему лагерные сходки старых времен; маленькие магазинчики, выстроившиеся вдоль улицы, — и в них поразительные изделия народного искусства последних уцелевших ремесленников; базар, похожий на гигантский кратер, набитый галдящими женщинами. Да, увидено было много...

После обеда, который устроила Община торговцев, Чантхавар, улыбнувшись, сказал:

— У меня сегодня ноги отвалятся. Хотите развлечься? Город известен своими пороками.

— Ладно... хорошо, — сказал Лэнгли. Он немного выпил, острое пиво шумело в голове. Он не хотел женщину, хотя его уже не мучили воспоминания, но здесь все же следует быть смелее. Ведь пока кошелек полон векселей и монет. — Куда?

— Думаю, во Дворец Снов, — сказал Чантхавар, выводя их на улицу. — Это любимое развлечение всех уровней.

Сквозь голубоватый туман виднелся вход в здание, в котором было множество маленьких комнат. Они вошли в одну и там надели "жизненные маски". Живая синтетическая плоть обожгла кожу лица, входя в соприкосновение с нервными окончаниями и как бы становясь частью живого существа.

— Здесь все равны, и никто не имеет имени, — сказал Чантхавар. Развлекайтесь.

— Каковы ваши желания, господа? — голос шел ниоткуда, холодный и как будто нечеловеческий.

— Основной тур, — сказал Чантхавар, — Обычный. Сюда вложите сотню соляриев, вот в эту щель, каждый в свою. Тут дорого, но зато впечатляет.

На чем-то, похожем на сухое, взбитое, пушистое облако, они были подняты вверх. Охранники бесстрастной кучкой остались при них. Двери распахнулись. Они повисли под ароматным небом, среди сюрреалистических звезд и лун, глядя вниз на пустынный, явно неземной ландшафт.

— Частично иллюзия, частично реальность, — сказал Чантхавар, — здесь можно получить все, что только захотите себе вообразить, но за хорошую цену. Глядите...

Облака плыли сквозь струи, которые голубым, красным и золотым огнем как бы пронизывали их тела. Могучий торжественный музыкальный аккорд потряс все вокруг. В языках вью-

щегося пламени Лэнгли заметил девушек прекрасных форм, танцующих в воздухе.

Потом они очутились под водой, или тем, что казалось водой, где тропические рыбы плавали в зеленоватой хрустальной глубине мимо кораллов, а волны под ними переливались и мерцали. Затем они очутились в залитой красным сиянием пещере, где музыка будоражила кровь горячими толчками.

Следующей картиной была огромная и веселая компания людей, поющих и смеющихся, танцующих и жадно глотающих пищу. Какая-то пухлая девица хихикала и дергала Лэнгли за руки — его слегка качало, будто бы воздух был насыщен наркотиком. Ему надоело и он резко рыкнул: "Убирайся!". Вращаясь в рокочущем водопаде, кувыркаясь в воздухе, который, казалось, уплотнился так, что в нем можно было плавать, он полетел мимо гротов и ущелий, залитых странным светом к вращающемуся мутно-серому вихрю, где видимость была не более ярда. Здесь, в сыром жирном тумане, который, казалось, скрывает в себе что-то сверхъестественное, они застыли.

Темный силуэт Чантхавара зашевелился, и в его приглушенном голосе послышалось странное напряжение:

— Хочешь ли ты сыграть подобно Творцу? — Шар дымного пламени пульсировал в его ладонях, а из него вылетали и таяли в бесконечном пространстве солнца, планеты, луны, народы, цивилизации и истории. — Ты можешь творить их такими, какими пожелаешь.

Две звезды столкнулись и взорвались.

— Ты можешь сам видеть, как растет и изменяется мир, в любых, самых мельчайших деталях, миллионы лет в минуту, ты сможешь испепелить его ударом молнии или, спрятав, поклониться и служить ему. — Солнце в руках Чантхавара померкло, окутанное туманом. Крошечные искры планет начали кружиться вокруг него. — Дай мне рассеять туман. Пусть будет свет. Пусть будет жизнь.

Что-то начало двигаться во влажном дымном воздухе. Вдруг Лэнгли увидел тень, шагнувшую между новорожденным созвездием и бесконечной далью. Рука схватила его за предплечье, и он увидел тусклое пятно псевдолица. Он рвался, пытался освободиться, кричал, но другая рука крепко обхватила его за шею. Скользнула проволочная петля, стягивая его лодыжки. На него навалилось два человека. Бешено сопротивляясь, он слепо отпрянул в сторону. В темноте он дотянулся рукой до щеки, по которой текла искусственная кровь.

— Чантхава-ар!

Бластер выстрелил с чудовищным грохотом, и блеснувший разряд пролетел рядом с ним.

Схватившись свободной рукой за живот, он упал на колени, голова раскалывалась от страшной боли.

— Свет! — кричал Чантхавар. — Избавьтесь от этого тумана! — Мгла стала медленно распадаться на части. Сначала обнажилась глубокая ясная тьма, чернота открытого вакуума, в которой звезды плавали, как светлячки. Затем вспыхнул полный свет.

Распростершись около Чантхавара, умирал человек, его живот был распорот энергетическим лучом. Охранники бестолково суетились. Больше никого не было. В комнате, освещенной холодным светом, Лэнгли судорожно думал, как мучительно видеть эту пустоту там, где только что были мечты.

Через некоторое время он и агент внимательно посмотрели друг на друга. Блостейна и Мацумото не было.

— Это... тоже... часть развлечения? — выдавил с трудом Лэнгли.

— Нет. — Охотничий блеск засветился в глазах Чантхавара. Он смеялся. — Прекрасная работа! Хотел бы я иметь этих ребят в своем штате. Ваши друзья были оглушены и похищены прямо у меня на глазах. Пошли!

7

Какое-то время слышались ругань и крики — это Чантхавар отдавал приказы в визифон, организуя погоню. Затем он принялся бегать вокруг Лэнгли.

— Я, конечно, перетрясу весь этот крольчатник, — сказал он. — Но я не думаю, что похитители еще где-то здесь. Роботы не могли описать тех, кто отсюда вышел, так что у нас нет никаких зацепок. Но я не успокоюсь, пока не найду, кто из служащих заведения помог провернуть им это дело. Я поднял по тревоге всю организацию — большая часть моих сотрудников будет здесь через полчаса. Другая группа возьмет под контроль Бранноха.

— Бранноx? — переспросил Лэнгли удивленно. Его сознание оцепенело, он не мог реагировать так же быстро, как его собеседник.

— Это же ясно! Кто еще? Не думал я, что он сможет организовать такую операцию на Земле! Они поволокли, конечно, твоих друзей прямо к нему, а он уже спрячет их где-нибудь на нижних уровнях. Немного шансов найти их среди 50 миллионов общинников, но мы попытаемся. Должны попытаться!

Полицейский принес и передал Чантхавару небольшой металлический предмет.

— Сними маску. Смотри — это электронный трассер, мы попытаемся проследить след псевдолица по характерному запаху. Не удивляйся. Я не думаю, что похитители воспользовались масками, взятыми в Доме Снов, но мы сможем узнать, откуда они были взяты. Прикрепи трассер к себе на одежду, ты нам можешь помочь. Вперед!

Несколько человек в полной тишине двинулись за ними. Чантхавар промчался через главный вход. Сейчас в нем было что-то от ищейки — ироничный философ превратился в охотника. На аппарате гудел индикатор.

— Есть след, все правильно, — бормотал он. — Если только не становилось бы так холодно — проклятье! Зачем так усердно вентилировать нижние уровни? — Он ускорил шаг, его люди шли за ним. Кишевшие в коридорах толпы бесследно растаяли.

Лэнгли был совершенно растерян. Все происходило быстрее, чем он мог воспринимать — яд Дома Снов все еще бродил в его крови, и мир казался нереальным. Боб, Джим... Великая тьма поглотила их. Сможет ли он увидеть их снова?

Они плавно опускались вниз по вертикальному стволу гравитационной шахты. Чантхавар проверял каждый вход, который они проплывали. Непрерывный рокот расположенных в глубине машин постепенно усиливался, переходя в рев. Лэнгли мотал головой, пытаясь прояснить сознание и овладеть собой. Это походило на сон, который он должен был гнать от себя, но его медленно несло между призраков в черноту. Он обязан взять себя в руки, успокоиться. Ведь это наваждение, надо вытряхнуть его из головы. Он хотел избавиться от бреда.

Дрожь прошла по коже.

Индикатор вспыхнул ярче.

— Сюда! — Чантхавар нырнул в портал. — След слабый, но может быть...

Охранники последовали за ним. Лэнгли дернулся было, но завис, скользнул еще ниже и вступил на следующий уровень.

Здесь было неуютно. Тускло освещенные, грязные, почти пустынные улицы. Закрытые двери сливались со стенами. Ноги ступали по гниющим отбросам. Грохот и вибрация машин, казалось, заполняли всю Вселенную. Он пошел быстро, держась ближе к выступам стен и стараясь не высовываться.

Медленно его мозг прояснялся. Старик в грязной одежде сидел, выставив ноги за дверь и следил за ним узкими монголоидными глазами. Небольшая кучка детей играла в стенной нише, освещенной мерцающей люминесцентной лампой. Худая женщина, крадучись, приближалась к нему, обнажая гнилые

зубы в деланой улыбке. Но скоро она отстала. Рослый парень в истрепанной грязной одежде стоял, привалившись к стене, и следил из-под полуприкрытых век за его продвижением. Это были трущобы, самая старая секция, нищая и запущенная, последнее убежище калек. Здесь жили те, кого суровая жизнь верхних уровней швырнула вниз, те, чья жалкая жизнь не представляла никакого интереса для Технона. И этой жизни очень соответствовал грохот печей и мельниц.

Лэнгли остановился. Он с трудом дышал. Осторожная рука высунулась из узкого прохода, нежно нащупала кошелек на его поясе. Он шлепнул по ней, и легкие детские шаги дробно зазвучали в темноте.

"Это глупо, — думал он, — меня могли убить за наличные. Ищи полицейского, и он выведет тебя отсюда, сынок".

Он пошел дальше по улице. Безногий нищий полз за ним следом, скуля, но он не посмел вынуть деньги. Новые ноги ему можно вырастить, но это дорого. Позади невдалеке тащилась оборванная пара. Где же полицейский? Неужели никто не следит за тем, что здесь происходит?

Огромная фигура появилась из-за угла. У нее было четыре ноги, туловище с руками, нечеловеческая голова. Лэнгли окликнул это чудовище.

— Как отсюда выйти? Где ближайшая шахта наверх? Я заблудился!

Чужак мрачно глянул на него и пошел прочь. "Не граварю на инглезе"

Этногород, секции которого были предназначены для визитеров других рас, наверно, где-то недалеко. Там может быть безопасно, хотя большинство отделений, вероятно, закрыто — их атмосфера смертельно ядовита ддя человека. Лэнгли пошел вслед за чужаком. Его преследователи сократили дистанцию. Музыка грохотала и выла из открытой двери. Это был бар, там были люди, но не те, на помощь которых он мог бы рассчитывать.

Наконец вернулась ясность мышления. Лэнгли отчетливо понял, как крепко он влип. Двое обогнали его и встали в проходе. Они были рослые и слишком хорошо одетые для общинников. Один из них слегка поклонился:

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

Лэнгли остановился, весь похолодев.

— Да, — сказал он сдавленно. — Да, пожалуйста. Как выбраться из этой секции?

— Вы здесь чужой, сэр? — Они подошли вплотную, один справа, другой — слева. — Мы проводим вас. Верным путем.

"Слишком любезны!"

— А что же вы здесь делаете? — мрачно поинтересовался Лэнгли.

— Так, прогуливаемся, сэр.

Их речь была слишком правильной, слишком вежливой. У него мелькнула мысль: "Они такие же общинники, как и я!"

— Не затрудняйтесь. Я... я не хочу мешать вам. Только укажите направление.

— Ах, нет, сэр. Это так опасно. Это слишком нехорошее место, сэр, чтобы быть здесь одному. — Сильная рука взяла его под локоть.

— Нет! — Лэнгли помертвел.

— Обязательно, сэр! Я так боюсь за вас, сэр.

Умелый толчок, и он был уже между ними.

— Все будет хорошо, сэр, вы только расслабьтесь, не упрямьтесь.

Громоздкая фигура раба-полицейского попалась ему на глаза. Лэнгли задохнулся.

— Пустите меня, — сказал он. — Пустите, или...

Пальцы сомкнулись на его горле, не сильно, но он не смог дышать. Когда он пришел в себя, полицейского уже не было.

Он шел, оцепенев. Перед ним открылся вход в гравишахту. "Они выследили меня, — думал он судорожно, — конечно, они выследили. Я не знаю, насколько человек может быть глуп, но постараюсь держаться этой ночью, и цена этой глупости будет чудовищной".

Неизвестно откуда появилось трое мужчин. Они были в серых робах Общества.

— А-а, — сказал один. — Так вы нашли его! Спасибо!

— Что это? — спутники Лэнгли отшатнулись. — Кто вы? Что вам надо?

— Мы жаждем видеть доброго капитана дома, — ответил один из людей в сером. На его аккуратном, бородатом лице мелькнула улыбка, и он ловко выхватил пистолет.

— Это незаконно... Это оружие...

— Возможно. Но вы очень быстро умрете, если захотите того. Так-то лучше. Капитан, идите с нами...

Лэнгли вошел в шахту между своими новыми похитителями. Ему показалось, что это лучший вариант.

8

Незнакомцы вели его, не вступая в разговор. Они, казалось, знали все пустые, редко используемые коридоры, и постоянно поднимались вверх окольными путями, но весьма быстро, и по

их непроницаемым лицам трудно было предугадать маршрут. Лэнгли пытался расслабиться, чувствуя себя измученным этим длинным, темным и трудным днем.

Снова верхний город, блестящие шпили, алмазный блеск светильников. Воздух был теплый, сладкий, и он почувствовал, как долго не дышал таким воздухом. Недалеко от выхода из шахты возвышалась массивная восьмигранная башня, увенчивающая комплекс зданий. Эти постройки резко отличались своей архитектурой от принятой Техноном. В ее северной части размещались буквы, они периодически вспыхивали, и можно было прочитать: "Коммерческое общество".

Пройдя навесной переход, все четверо направились ко входу в ближайшее здание. Но как только они повернули за угол, маленький черный флаер приземлился прямо перед ними. Оттуда загремел усиленный аппаратурой голос:

— Не двигаться! Стоять на месте! Это полиция!

Полиция!

Лэнгли неожиданно почувствовал слабость в коленях. Он должен был предвидеть — Чантхавар не мог оставить эту зону неохраняемой, он должен был поднять тревогу, когда космонавт исчез, его организация действовала четко, и вот сейчас они заберут его!

Три торговца застыли неподвижно, их лица одеревенели. Дверь открылась, и из здания, к которому они направлялись, вышел еще один человек. В это время пять черных рабов и министерский офицер выбрались из флаера. Голтан Валти, а это был он, направился к ним, нервно потирая руки. Офицер вежливо поклонился.

— Добрый вечер, сэр. Я рад видеть, что вы нашли капитана. Вы весьма учтивы.

— Спасибо, мой лорд, — поклонился Валти. Голос его был резкий, почти пронзительный, он раздул свои вислые щеки и учтиво нагнул лохматую голову. — Вы можете пройти, но ваши убийцы нам не потребуются.

— Мы должны отвезти капитана домой, — сказал офицер.

— Ах, сэр, вы, конечно, позволите предложить нам свое гостеприимство этому несчастному чужеземцу. Таково твердое правило Общества — никогда не оставлять гостей без внимания.

— Я сожалею, сэр, но я должен... — В неясном, мерцающем свете было видно, как нахмурился офицер, и нечто угрожающее появилось в его голосе. — Позднее, возможно, но сейчас он должен идти с нами. У меня есть приказ.

— Я сочувствую вам, сэр. Мои глаза наполняются слезами при мысли о ссоре с вашим сиятельством. Но этот старый не-

лепый, беспомощный человек, каковым являюсь я, визжащий там, где надо мурлыкать, ни за что не пойдет на это! И я должен напомнить вам, мой лорд, увы, против своей воли, которая жаждет только самых дружественных взаимоотношений, что вы вышли за пределы вашей юрисдикции. Согласно Лунному Договору Общество имеет право экстерриториальности. Гордый сэр, только из уважения к вам я не прошу вас предъявить паспорт.

Офицер выпрямился:

— Я сказал вам — у меня есть приказ, — проговорил он хриплым голосом.

Фигура торговца вдруг показалась неожиданно громадной на фоне неба. Казалось, он весь ощетинился. Но голос оставался прежний:

— Сэр, мое сердце обливается кровью. Но все-таки я позволю себе напомнить вам, что это здание вооружено и хорошо охраняется. Дюжина тяжелых орудий направлена на вас, и к сожалению, я должен буду прибегнуть к этому. Капитан отдохнет у нас. И только потом он сможет отправиться домой. А сейчас было бы весьма негостеприимно держать его на сыром воздухе. До брой ночи, сэр.

Он взял Лэнгли под руку, и они пошли к двери. Остальные торговцы последовали за ними, и дверь закрылась.

— Мне кажется, — медленно сказал космонавт, — слишком много внимания к моей персоне.

— Я даже не мог надеяться говорить с вами, капитан, вот так вот, с глазу на глаз, — ответил Валти. — Но я не думаю, что вы откажетесь сейчас от бокала доброго аимонийского вина. Правда, оно немного пострадало при перевозке, и вы, с вашим утонченным вкусом, сразу же обнаружите это, но ваш покорный слуга все же склонен настаивать, что оно превосходное.

Они прошли в зал, и двери сразу же открылись перед ними.

— Мой кабинет, капитан, — заметил Валти. — Пожалуйста, входите.

Это была большая, с низким потолком, слабоосвещенная комната, вдоль стен — полки, заполненные не только микрокассетами, но даже и самыми настоящими томами книг ин фолио*. Стулья были старые, потертые и удобные, стол большой и весь завален бумагами, воздух насыщен крепким, устоявшимся запахом хорошего табака. Лэнгли обратил внимание на экран, где двигалась стереоскопическая фигура. И вдруг он услышал, что она говорила:

"Существовать или исчезнуть — вот задача,
Возможно ли душе свободной принимать удары
Слепой судьбы, не лучше ли пройти

*Ин фолио (*лат.*) — четверть листа (*Прим. перев.*)

Через Вселенную мучений
И положить всему конец?..”

Актер имел косичку, носил меховую шапку, лакированный нагрудник, облегающий черную одежду и ятаган на боку. Фоном ему служило нечто вроде греческой крепости. Но боже, боже! Он понял. Это же Гамлет! А текст отличался от канонического, — ведь прошло 5000 лет.

— Старинное народное действо, как я думаю, капитан, — сказал Валти, входя за ним, — интересный материал. Очевидно, периода Марсианского междуцарствия.

— Нет, — сказал Лэнгли, — вдвое старше.

— Да?! Это даже ваше время?! Очень интересно! — Валти выключил экран. — Ладно, прошу вас, садитесь и отдыхайте. Сейчас сюда принесут подкрепиться.

Какое-то существо с обезьянку ростом, с клювообразным носом и странными светящимися глазами между маленьких антенок вошло, держа в тощих руках поднос. Лэнгли пододвинул к себе стул, взял бокал горячего ароматного вина и тарелку с кексами. Валти засопел и сделал глубокий глоток.

— Ах! Эта штука смягчает мои старые кости. Я боюсь медицины, она никогда толком не знала человеческого тела, которое всегда найдет совершенно новый способ заболеть. Но хорошее вино, сэр, хорошее вино, симпатичная девочка и родной дом — это самое лучшее лекарство, какое можно себе представить. Тхакт, сигары, пожалуйста.

Обезьяноподобное создание весьма забавно прыгнуло к столу и ухватило коробку. Они взяли по одной сигаре, и Лэнгли нашел ее недурной.

Существо взобралось на плечо Валти, начало что-то искать в своей зеленой шерсти и хихикать. Его глаза все время были направлены в сторону космонавта.

— Ладно, — пробормотал Лэнгли. После нескольких последних часов он чувствовал себя совершенно измотанным. Не надо было больше бороться, он расслабился и почувствовал, как усталость переполнила его. Но голова оставалась необычайно ясной. — Ладно, мистер Валти, так что же все это значит?

Торговец выпустил клуб дыма и откинулся назад, вытянув свои короткие ноги.

— Вы очень быстро начинаете действовать, — слегка усмехаясь, сказал он. — Я рад случаю, который позволил нам встретиться.

— Зато другие, кажется, этим недовольны.

— Конечно. — Глубоко посаженные маленькие глаза блеснули. — Но это дает им время поразмыслить, как подступиться ко мне. Ну, а вы пока здесь отдохнете, а потом отправитесь

домой, и я не буду вас задерживать. Старый добрый Чантхавар сейчас явно не в форме, хотя я думаю, он еще порадуется.

— Да... Он пытается найти моих друзей. — Лэнгли почувствовал, как острая боль кольнула его. — Вы не знаете, кто их похитил?

— Я догадываюсь. — В голосе Валти слышалось участие. — У меня есть свои агенты в Соляре, и я более или менее в курсе того, что произошло.

— Тогда где они? Что с ними?

Угрюмая складка легла около рта его собеседника.

— Я очень опасаюсь за них. Они, возможно, в руках лорда Бранноха. Они будут освобождены, я в этом уверен, но... — Валти вздохнул, — у меня нет агентов в его организации, так же, как и его — в моей... Я надеюсь, обе наши организации слишком малы, неподкупны и хорошо управляемы — в отличие от Сол. Мы мало знаем друг о друге.

— Но вы уверены, что это был он?

— Кто же еще? Чантхавар не нуждается в моих подсказках, он и так может отдать приказ арестовать кого угодно в любое время. Никакие другие внешние организации не имеют к этому отношения, они слишком слабы. Браннох известен как глава центаврианской военной разведки в Сол, хотя так далеко он еще никогда не заходил. Да и вообще, нет другой военной силы в этой части Галактики, кроме Сол, Центавра и Общества.

— А почему... — медленно спросил Лэнгли, — почему Браннох сделал это?

— Разве это не ясно? Все из-за чужака, Сариса Хронны. Они не могут догадаться, где его искать. Вы даже не представляете, какая лихорадка из-за него началась. Вас сторожили каждую минуту агенты всех трех сил. Я проиграл все варианты, некоторые отверг, ведь Общество — организация мирная и неодобрительно относится к сомнительным операциям, и Браннох знает об этом. Я сразу понял, что случилось, и послал около сотни человек искать вас. К счастью, одной группе повезло.

— Они успели в последнюю минуту, — сказал Лэнгли, — и выхватили меня у двух других. Я полагаю, те были центаврианами.

— Конечно. Ну ладно... Я не думаю, что Браннох попытается штурмовать наше убежище. Очевидно, он сейчас надеется получить информацию от ваших друзей. Что вы думаете об этом?

— Согласен, — Лэнгли полуприкрыл глаза и выпустил длинную струю дыма. — Хотя на их счет я сомневаюсь. Они никогда не были близки с Сарисом. Я же, напротив, болтал с ним часами — хотя до сих пор не могу толком понять, что натворил этот горемыка.

— Ах, вот что... — Валти уткнулся носом в свой бокал с вином. На его тяжелом лице не было никакого выражения. — Вы до сих пор не знаете, почему он так нужен?

— Я думаю, для военных целей представляет интерес его способность управлять электронной аппаратурой или подавлять ее действие, и, соответственно, все, что из этого вытекает. Но я удивлен тем, что у вас до сих пор нет машины, которая бы делала то же самое.

— Наука давно умерла, — сказал Валти. — Я видел миры, в которых она еще прогрессирует, хотя и не так, как раньше, ведь я знаю разницу между живой и мертвой наукой. Дух свободного научного поиска превратился в инстинкт покоя в известной части человеческой цивилизации; застывшие социальные формы и тот факт, что не открывается ничего, что не было бы предсказано теорией, объясняет это... В конце концов, разнообразие законов природы ограничено, и этот предел был достигнут. Теперь большинству исследователей не хватает настойчивости. Сол находится в стагнации, застой варварских культур прикрывается машинной технологией. Общество — единственная организация, благоприятно относящаяся к установлению научных связей. Тупик. Да, да, мы в тупике.

Лэнгли попытался сосредоточиться на его рассуждениях, стараясь отогнать охватывающий его сердце мучительный страх.

— И сейчас появилось нечто новое, не укладывающееся в стандартную теорию. И каждый, кто пытается изучить это новое, познать его и воспроизвести, сразу же оказывается в самом центре гигантских военных интересов. Да-а. Я понял вашу мысль.

Валти смотрел на него сквозь полуприкрытые веки.

— Есть, конечно, способы заставить человека говорить, — сказал он. — Нет, не пытки, ничего подобного — наркотики, развязывающие язык. Чантхавар не рискнул испробовать их на вас, потому что если бы не удалось, то весьма неприятные последствия применения этого метода могли в дальнейшем оттолкнуть вас от любых размышлений по этой проблеме. Но сейчас, в отчаяньи, он может так поступить, если ему станет ясно, что вы нашли решение. Вы понимаете меня?

— Почему я должен говорить вам?

Валти казался очень терпеливым.

— Только Обществу можно доверить это опасное оружие.

— Можно довериться только одной партии, — сказал Лэнгли холодно. — Но какой — это зависит от меня. Я уже слышал подобные вещи прежде.

— Давайте разберемся — предложил Валти. — Сол — за-

стывшая цивилизация, интересующаяся только сохранением статус-кво. Центавриане хвастаются грандиозными достижениями в захвате новых земель, но они — ребята с придурью. Если они победят, начнется оргия разрушения. То, что получится из этого, будет копией их общества, к новизне они не склонны. Если им удастся выкачать что-то из Сариса, они нападут сразу же, начав самую разрушительную войну в истории, масштабы которой сейчас невозможно вообразить. Другие, меньшие государства, не лучше, даже если они додумаются использовать это оружие более эффективно.

— Я не знаю, — сказал Лэнгли. — Но мне кажется, что этим людям нужна сейчас хорошая встряска. Центавриане могли бы это устроить.

— И без какого-либо толку. Что такое Центавр? Тройная звезда с системой. Альфа А имеет две орбитальные планеты — Тор и Фрейю. Альфа Б — две наполовину заселенные, годные к дальнейшему освоению планеты. Проксима — тусклый красный карлик, имеет одну непригодную для заселения планету — холодный гигант Трим. На нем существовала крохотная, основанная с громадными трудностями шахтерская колония. Ториане завоевали и ассимилировались с людьми других планет уже давно. Они установили контакт с триманами, предоставили им современную технологию. Вскоре туземцы, уже весьма цивилизованные, сравнялись со своими учителями. Затем Трим отказался признать их право на поселение в районе Проксимы. В разразившейся войне он добился своего, и в результате было подписано соглашение, но Трим одержал в ней верх, и его представители заняли ключевые посты в Лиге. Браннох имеет триманских наблюдателей на Земле, и я не удивлюсь, если узнаю, кто из них здесь настоящий глава. У меня нет предубеждений к негуманоидам, но тримане не нравятся мне — настолько они далеки от людей. Я подозреваю, что они используют нас, как инструмент для достижения собственной цели. Обдумайте ситуацию, изучите историю, и, я думаю, вы согласитесь со мной. Центаврианские завоевания, то есть уничтожение нескольких миллиардов невинных людей, не являются следствием их горячей варварской крови. Это ход в очень старой и очень большой шахматной партии.

— Ну, ладно, — сдался Лэнгли. — Может быть, вы и правы. Но чего хочет ваше прекрасное Общество? Вы что — нация... — Он замолчал, не найдя слова для обозначения святых и ангелов и, наконец, слабо произнес: — Чем вы лучше других?

— Мы не империалисты, — сказал Валти. — Мы торгуем между звездами.

— Возможно, очищая карманы всех клиентов.

— Ну что ж, честный предприниматель должен жить. Но у нас нет планет, и мы не стремимся ими владеть, наш дом — космос. Мы не убиваем только из предосторожности, и уклоняемся от борьбы, просто уходя. Во Вселенной всем хватит места, и длительные переходы позволяют нам побеждать врагов, просто продлевая себе жизнь. Мы сами и есть народ, со своими традициями, законами, историей — единственная нейтральная и гуманная сила в обозримой Галактике.

— Тогда объясните мне, — сказал Лэнгли, — правильно ли я понял ваши слова? Вы должны иметь центральное правительство, то есть тех, кто организует и направляет вас. Кто они? Где они?

— Я буду совершенно честен, капитан, — мягко сказал Валти. — Я не знаю.

— Что-о?

— Никто не знает. Каждый корабль полностью самостоятелен в своих делах. Мы направляем доклады в планетные представительства, получаем наши деньги. Куда идут доклады и откуда деньги, я не знаю, как не знают и канцелярские крысы из этих контор. Существует цепочка связных с секретными бюрократическими ячейками, что делает невозможным слежку на расстоянии десятков световых лет. У меня высокий ранг, я посещаю Солярные министерства как представитель Общества и вполне свободен во многих своих решениях, но сейчас я получил специальные приказы по секретной связи. Должен быть хоть один из шефов здесь, на Земле. Но где он и кто он, или что — я сказать не могу.

— Каким же образом... это правительство... руководит вами?

— Мы повинуемся, — сказал Валти. — На кораблях обязательна дисциплина, даже для тех, кто, подобно мне, были набраны с планет, а не родились, как остальные, в космосе. Существуют ритуалы, соответствующие клятвы, если хотите. Я не знаю случая, чтобы существующий порядок нарушался. Но мы — свободные люди, и среди нас нет ни аристократов, ни рабов.

— Кроме ваших боссов, — пробурчал Лэнгли. — Они уж своей выгоды не упустят.

— Незачем было читать дрянные сентиментальные книжонки. Такая секретность вызвана не какими-то грязными или сомнительными обстоятельствами, капитан. Если местоположение нашего руководства и его лидеры будут обнаружены, они могут подвергнуться угрозе нападения и уничтожения. А раз так, то бюрократический аппарат вынужден будет раствориться, исчезнуть, вплоть до хирургического изменения внешности. Сам я готов поступить так же в случае необходимости.

Под руководством этих боссов, как вы их назвали, Общество процветает тысячу лет со дня основания. Мы — сила, с которой считаются. Вы видели, как обошелся я с тем полицейским офицером?

Валти сделал глубокий глоток и вновь вернулся к разговору.

— Выслушайте мое предложение. У нас есть маленькие межпланетные флаттеры, скрытые всюду на Земле. В любое время вы можете добраться до них. Прочь с Земли, укройтесь в пучинах космоса до тех пор, пока вас не подберет наш вооруженный световой крейсер. Если вы поможете мне найти Сариса, я помогу вам бежать и сделаю все, чтобы освободить ваших спутников. Сарис будет изучен, но без какого-либо насилия, и если он захочет, он сможет вернуться в свой мир, к себе домой. Вы сможете работать на Общество или обосноваться на какой-нибудь колонизированной планете за пределами зоны, известной Сол и Центавру. Там есть масса прекрасных планет и широкий спектр культур, и вы снова сможете почувствовать себя дома. Ваши деньги дадут вам возможность нового старта. Я не думаю, что вам понравится где-нибудь на Земле. Да и вряд ли вам захочется принимать на себя ответственность за развязывание войны, которая опустошит планеты. Я считаю, что лучше всего вам сотрудничать с нами.

Лэнгли уставился в пол. Усталость переполняла его. "Чтобы попасть домой, надо преодолеть световые годы, и пройдут века, пока вновь найдет Рэгги, — эта мысль вдруг обожгла его. — Но..."

— Если честно, — проговорил он наконец, — я не знаю, как вам ответить. И из чистой предосторожности он сказал: — Поймите, я не знаю, где Сарис. Сомневаюсь, что и сам смог бы найти его.

Валти скептически поднял бровь, но промолчал.

— Мне надо собраться с мыслями, — оправдался Лэнгли. — Просто необходимо хотя бы выспаться.

— Как хотите. — Валти выдвинул ящик стола и принялся в нем рыться. — Но помните, что вскоре Чантхавар или Браннох смогут сами получить от вас все, что им нужно. Ваше решение, если, конечно, оно действительно будет вашим, должно быть принято как можно быстрее.

Он извлек маленькую пластиковую коробочку и сунул ее в руку Лэнгли.

— Это коммуникатор, несущая частота которого меняется по закону случайности. Он может поддерживать связь только с таким же точно аппаратом, который есть у меня. Если вы захотите найти меня, то нажмите на эту кнопку и говорите, не обязательно держать его около рта. Я могу даже попробовать

спасти вас, применив оружие, но этого лучше избегать. Отверните край вашей накидки, подвесьте его под одеждой, и он будет незаметен при обычном поверхностном осмотре.

Лэнгли встал.

— Спасибо, — пробормотал он. — Вы разрешите мне уйти? — Или это очередной трюк, чтобы сбить меня с толку?

— Не беспокойтесь, капитан, — Валти, переваливаясь, пошел впереди него к выходу.

Вооруженный полицейский аппарат ждал сразу за углом.

— Я уверен, вы окажетесь дома. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, — ответил Лэнгли.

9

Контроль погоды объявил на сегодня в этом районе дождь, и Лора застыла под низким серым небом. Вершины высоких башен терялись во мгле. Выглядывая из окна своей комнаты, Браннох видел только влажный блеск гладких металлических стен, исчезающих в струях дождя. Раз, другой сверкнула молния, он приказом открыл окно, и резкий порыв влажного ветра освежил его лицо.

Браннох чувствовал себя как в клетке. Он мерял шагами комнату, садился, вставал, вновь начинал ходить. Он снова и снова яростно впивался в донесение и отскакивал от него — его переполняло бешенство.

— Ничего! — сказал он. — Черт подери, абсолютно ничего! Они не знают, они совершенно не могут себе представить, куда делась эта тварь. Их память была просмотрена до клеточного уровня, и ничего, что мы могли бы использовать.

— У Чантхавара есть ключ к разгадке? — спросил ровный механический голос Тримкаса.

— Нет. В последнем сообщении моего агента Меско говорилось, что склад был вскрыт в ту же ночь, когда угнали флаер, и несколько коробок с космическим пайком исчезли. Понятно, что все это проделал он, потом поставил управление флаера на автоматику, а сам спрятался в какой-то щели, где, очевидно, и отсиживается до сих пор.

— Было бы весьма странно, если бы человеческая пища полностью подходила для него, — сказал Тримкас. — Наиболее вероятно, что основные продукты его питания сильно отличаются от ваших, так что возможно простейшее накопление ядовитых белков или их нехватка. Следовательно, он заболеет и умрет.

— Это может длиться недели, — прорычал Браннох, — и,

кроме того, он может найти способ получить то, в чем нуждается, тем более, что для этого может быть необходимо малое количество элементов, ну, например, титана, или еще чего-нибудь. Да, в конце концов, он сможет обойтись и без какого-то компонента. Я тебе говорю, нельзя терять времени.

— Мы помним об этом, — ответил Тримкас. — Вы наказали агентов, которые упустили Лэнгли?

— Нет. Они сделали все, что возможно, но судьба была против них. Они почти взяли Лэнгли в Старом Городе, но вооруженные члены Общества перехватили его. Может быть, он уже подкуплен Валти? Было бы неплохо придавить этого жирного слизняка.

— Нет.

— Но...

— Нет. Полиция Совета запрещает убийство членов Общества.

Браннох *злобно выругался.*

— Они, что, боятся прекращения торговли с Центавром? Мы должны строить свои собственные торговые корабли. Мы должны быть независимы во всем. Придет день, когда Совет увидит...

— Как, ты создашь новую династию, управляющую новой Центаврианской гегемонией? Возможно ли это? — легкий сарказм прозвучал в искусственном голосе. — Но продолжай свой доклад, ты знаешь, мы предпочитаем вербальный контакт. Ни Блостейн, ни Мацумото не дали абсолютно никакой полезной информации.

— Ладно... Да, они сказали, что если кто и может договориться с Сарисом о встрече, то это только Лэнгли. К несчастью, он единственный, кого не удалось поймать. Сейчас Чантхавар окружил его таким количеством охранников, что заполучить его будет невозможно, — Браннох запустил пятерню в свою желтую гриву. — Такой же приказ — охранять его — я, конечно, отдам и моим людям. Они не позволят Чантхавару спрятать Лэнгли где-нибудь еще. Так что ситуация тупиковая.

— Что предполагается сделать с двумя пленниками?

— Что? Ну, они еще в Старом Городе. Анестезированные. Думаю, я сотру из их памяти все происшедшее и отпущу их. Они не представляют интереса.

— Нет, — ответил голос. — Если вернуть их Чантхавару, то ему, возможно, удастся, воздействуя их примером, повлиять на Лэнгли, тогда их совместные действия могут стать опасными для нас. Также опасно продолжать держать их под охраной. Поэтому их необходимо убрать, а тела дезинтегрировать.

Браннох замер. В тишине затянувшейся паузы крупные

капли дождя особенно усердно забарабанили по стеклу. Он покачал головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Уничтожение противника из соображений необходимости — это одно. Но мы не убиваем беспомощных пленников на Торе.

— Ваши соображения логически несостоятельны. Отдайте распоряжения.

Бранноx застыл в неподвижности. Цилиндрическая стена плавно закруглялась перед его глазами, дождинки слились в одну серебристую струю, бегущую по стеклу.

Внезапно ему пришло в голову, что он никогда не сможет увидеть Триман. Существовали, правда, стереоснимки, но под чудовищным давлением атмосферы планеты диаметром 50 тысяч миль и грузом тройной земной силы тяжести ни один человек не мог жить. В этом мире, где лед был горной породой, где реки и моря из жидкого аммиака бурлили под ударами ураганов, способных снести всю землю, где жизнь основывалась на реакциях водорода и аммиака, исключая воду и кислород, ледяную тьму разрывали красные вспышки взрывающихся газов. Но население превышало 50 миллиардов, а история этой объединенной нечеловеческой цивилизации насчитывала миллион лет. Этот мир был не для людей, и он иногда жалел, что люди послали туда, в кипящую тьму, роботов, чтобы установить контакт с Триманом, что они продали им последние достижения электроники, которые могли надежно работать в условиях их планеты с учетом их химических ресурсов.

Он представил, что находилось внутри этого бака-робота. Четыре толстых диска шести футов в диаметре, совершенно голубые, каждый опирался на шесть коротких ног со ступнями шириною в фут; между каждой парой ног — трехпалая рука фантастической силы. Вздутие в центре диска — неподвижная голова с четырьмя глазами, расположенными вокруг древовидных щупалец на макушке и барабанных перепонок ушей. Ниже был рот, окруженный бахромой мелких щупалец — они помогали принимать пищу. Невозможно было поговорить с одним из них отдельно от другого. По речи также нельзя было отличить Тримкас-1 от Тримкас-2.

— Мы будем обсуждать наши проблемы или прекратим? — раздался искусственный голос. — Вы не очень-то любите нас.

Это было еще одним их дьявольским свойством. На большом расстоянии триманин мог читать мысли, и невозможно было скрыть их от него. Это было еще одной причиной, почему они

являлись ценными советниками. Вторая причина была связана с первой — они обходились в общении между собой без акустической речи, обмениваясь непосредственно мыслеобразами, образуя своеобразную цепь, в которой терялась индивидуальность, но умножался интеллект. Преимущества такого мультимозга позволили им занять сильное положение в Лиге Альфа Центавра.

Но они не были людьми. В них не было ничего человеческого. Они торговали с Лигой, обменивались необходимыми материалами. Они вошли в Совет и заняли в нем высокое положение, но эти способности делали их мозг квазибессмертным и совершенно чуждым. Ничего не было известно об их культуре и искусстве. Даже если у них и существовали эмоции, то они были абсолютно непонятными, и потому контакт и общение с человечеством могли проходить только в плоскости холодной логики.

А человек, конечно, никогда не был только логической машиной.

— Ваши мысли спутаны, — сказал Тримкас. — Вы можете прояснить их, перейдя к вербальному общению.

— Я не хочу убивать этих людей, — сказал Браннох зло. — Это этический вопрос. Я никогда не смогу забыть этого.

— Ваше общество предписывает вам единственный образ действия, — сказал Тримкас. — Подобно большинству ваших концепций, это простой, ничего не значащий пережиток. В едином обществе, которое человек еще не создал, подобная этика должна быть изжита, но не вопреки существующим условиям. Вы должны приказать, чтобы тех людей убили.

— А если я не сделаю этого? — спросил Браннох мягко.

— Тогда Совет узнает о ваших колебаниях и недисциплинированности, и это может навлечь на вас неприятности.

— Совет может и не узнать. Я могу разрушить этот ваш бак. И вы лопнете, как глубоководные рыбы. Очень печальный исход.

— Вы не сделаете этого. Вы не сможете обойтись без нас. Кроме того, факт вашей вины будет известен всем триманам в Совете, как только вы предстанете перед ними.

Плечи Бранноха поникли. Они уели его и знали об этом. Но согласно приказам, которые он получал из дома, за ним всегда оставалось последнее слово.

Он наполнил себе стакан, выпил залпом. Затем щелкнул тумблером спецсвязи.

— Говорит Янтри. Выкинь те два мотора. Разбери на части. Немедленно. Все...

Дождь хлынул бесконечным тяжелым потоком. Браннох

опустошенно глядел наружу. "Ладно, что было, то было, я пытался..."

Стакан вина согрел его. Это было не по правилам, но он убил много людей и прежде, правда, ни одного своими руками. Почему смерть этих людей должна чем-то отличаться от других смертей? Слишком большая ставка. Две жизни против целой культуры.

Здесь была земля. Всегда были космос и жизненная сила, земля — место пустить корни, место строить дома и растить сыновей. Было что-то притягательное в этом городе. Деньги — ерунда, жар снов, блуждающий огонек, похитивший много жизней. Только в земле здесь была сила.

И вся Земля была гигантской ярмаркой. Он встряхнулся, приходя в себя, изгоняя последние остатки холода из крови. Много еще предстояло сделать.

— Мне кажется, — сказал он, — что Лэнгли придет сегодня.

— Мы прочитали это в твоем мозгу. Но нам еще не ясно, почему Чантхавар отпускает его.

— Для того чтобы подловить меня, конечно, — вот главное. А также он должен угодить высоким авторитетам, тем, кто требует максимальной свободы для Лэнгли, а некоторые из них в моих руках. Отличная штука — сентиментальные чувства к человеку из глубокого прошлого. Вообще-то Чантхавар должен игнорировать их, если хочет чего-нибудь добиться; но сейчас он явно хочет использовать Лэнгли в качестве наживки для меня.

Браннох оскалил зубы в усмешке, он чувствовал себя почти удовлетворенным. "Я опять в игре. И он еще не догадывается о моей сегодняшней игре, потому что есть нечто такое, чего он предположить не может. Я приму Лэнгли для беседы. Если он знает, где Сарис, мы сможем прочитать это у него в мозгу, уж я постараюсь навести его на соответствующие мысли. Если же он не знает, то я смогу подстроить все так, чтобы он занялся этим вопросом, и когда он найдет ответ, мы выудим этот ответ из него.

— Все это очень сложно, — сказал Тримкас, — ведь он будет под контролем Чантхавара, и тот сможет нас опередить.

— Я знаю. Но я приведу в действие всю организацию — шпионаж, саботаж, террор по всей Солнечной системе. Это его отвлечет, отсрочит арест и допрос Лэнгли, и тот будет все делать для нас. Следовательно, мы сможем... — Раздался звонок. — Это должен быть он. Пусть входит!

Лэнгли медленно вошел, внезапно замешкавшись около дверей. Он выглядел очень утомленным. Одежда, которую он носил, явно ему не подходила, его можно было легко принять за неудачника, даже если бы он и не был представителем такой

древней расы — в основном по походке, движениям и тысячам других мелочей. С какой-то глубокой симпатией Браннох подумал, насколько же он должен быть одинок. Но тут же с внутренним смешком одернул себя: "Очнись!"

Центавриании пошел навстречу, его огненно-красная туника взметнулась над плечами от резких, порывистых движений. Он улыбнулся.

— Добрый день, капитан. Это просто здорово, что вас направили ко мне. Я как раз хотел поговорить с вами наедине.

— Я не могу оставаться здесь долго, — сказал Лэнгли.

Браннох вскользь глянул в окно. Боевой корабль висел прямо напротив, и дождь стекал по его бокам. Сквозь прозрачный пластик были видны люди, застывшие возле систем управления огнем. Не было никакого шанса украсть капитана.

— Хорошо, присаживайтесь. Выпьем? — спросил он, опуская свое громадное тело в кресло. — Все уже, наверное, надоели своими глупыми вопросами о вашем времени, о том, как вы себя сейчас здесь чувствуете, и поэтому я не хотел бы еще раз возвращаться к этой теме. Но мне хотелось бы порасспросить вас о планете, на которой вы останавливались.

— Худое лицо Лэнгли было непроницаемо.

— Послушайте, — сказал он медленно. — Я пришел сюда, чтобы найти здесь своих друзей и забрать их.

Браннох пожал плечами.

— Я сожалею... — Его голос был искренним и сочувствующим. — Но, как вы видите, у меня их нет. Я действительно хотел бы с ними пообщаться, но кто-то перехватил их раньше.

— Если это не ложь.

Браннох глотнул из своего стакана.

— Послушайте, я не могу доказать вам это. И не осуждаю вас за это подозрение. Но почему вас так быстро направили ко мне? Есть кто-то заинтересованный в этом? Коммерческое Общество, например...

— Да, они, — кивнул Лэнгли.

— Я знаю. Они сцапали вас этой ночью. Мир слухом полнится. Должно быть, с вами уже поговорили. Откуда вы знаете, что они говорили правду? Голтан Валти — хитрая бестия. Он любит думать о себе, как о пауке в центре паутины, и он недалек от истины.

Лэнгли смотрел на него с мукой в глазах.

— Так это вы или не вы послали тех людей? — спросил он резко.

— Клянусь честью, не я, — Браннох, не сомневаясь, прибегнул к дипломатии. — Я не имею отношения к тому, что случилось этой ночью.

— Там было две группы. Одна — это Общество. Другая?..

— Возможно, также агенты Валти. Ведь было бы здорово, если вы думали бы о нем, как об избавителе. Или... есть еще одна возможность. Чантхавар сам устроил это похищение. Может быть, он хотел допросить их, а вас подержать в резерве. Когда вы отбились от него на прогулке, люди Валти воспользовались этим случаем. Или Валти сам в руках Чантхавара, или даже можно предположить, как бы фантастично это ни звучало, что Чантхавар — марионетка Валти. Есть разные варианты подкупа... Браннох улыбнулся. — Я представляю, какой вы получите хороший нагоняй, когда вернетесь к другу Чанни.

— Да, конечно. Я ему расскажу, что произошло. Я уже достаточно пообтерся здесь! — Лэнгли сделал глубокий глоток из своего стакана.

— Я изучил этот вопрос, — сказал Браннох. Я хотел разобраться сам. До сих пор не удалось до чего-либо докопаться. Дело не в том, что нет ключа к разгадке — этих ключей слишком много.

Лэнгли сжал пальцы в кулак.

— Как вы думаете, я увижу своих ребят снова? — спросил он.

— Трудно сказать. Но не стоит терять надежды. И не допускайте попыток торговать их жизнями в обмен на вашу информацию.

— Я не знаю... откуда мне знать... подумаю. Слишком большой риск.

— Нет, — проговорил Браннох. — Я не думаю, что это будет трудно для вас.

Он решил не тянуть дальше и задал ключевой вопрос:

— Вы знаете, где Сарис Хронна?

— Нет. Откуда?

— А какие-нибудь идеи? Приблизительно какое-нибудь место?

— Ничего не знаю.

— Вам, конечно, не хочется об этом говорить, — сказал Браннох. — Я не буду приставать к вам. Но помните, я готов на многое, окажу покровительство, помогу попасть на любую выбранную вами планету ради этой информации. В мир, куда лучше нынешней Земли... всего через пару лет.

— Так вы уже предлагаете план, как попасть на нее?

"Черт подери! Цепкий, как бульдог". Браннох радушно улыбнулся:

— Вы наслушались наших врагов, — сказал он. — Я допускаю, мы не ангелы. Мы фермеры, рыбаки, шахтеры, механики. Наше дворянство очень мало чем отличается от мелких арендаторов, разве что большим количеством земли. Зачем вам поль-

зоваться взятой в местной библиотеке книгой, полной пропаганды, посмотрите на все сами. С тех пор как мы получили независимость, Сол все время пытается лишить нас ее. Основная идея Технона — единая цивилизация под его контролем. Но наша нация — это культура, которая доросла до права выбирать и идти собственным путем. Никто не может объединить человечество, не уничтожив своеобразия отдельных культур. Да и в конце концов, мы не можем объединиться с ними, умирающими, и с машиной, которая делает все для этого.

Сол — угроза нашему достоинству. Сол склонна к безделию, ее кровеносные сосуды огрубевают, и мы ничего не хотим от нее. Когда она пытается воздействовать на нас, мы сопротивляемся. Естественно, что возникает необходимость разрушить Технон и оккупировать эту систему. Я не думаю, что они от этого что-то потеряют. Мы смогли бы загнать этих овец на самый нижний уровень человеческого существования. Мы не хотим схватки, нам хватает того, чем мы владеем, но мы бы им показали, если бы захотели.

— Я слышал подобные аргументы и прежде, — сказал Лэнгли. — Они берут свое начало из моих времен. Эта дрянь не стала лучше за все прошедшие века.

— Они никогда не исчезнут. Люди от природы бунтовщики и революционеры. Всегда будут существовать конформисты и те, кто склонен подчиниться силе. Вы должны признать, капитан, что некоторые из этих вечных аргументов лучше, чем некоторые другие.

— Я тоже так думаю... — Лэнгли выпрямился. — Но я ничем не могу помочь вам. Местонахождение Сариса мне совершенно неизвестно.

— Ладно, не будем об этом больше. Отдохните, капитан. Вы выглядите очень уставшим. Хотите еще стаканчик?

Разговор затянулся почти на час, затронув вопросы о других звездах и планетах. Браннох вовсю демонстрировал свое обаяние и надеялся, что не без успеха.

— Я должен идти, — сказал Лэнгли наконец. — Мои няньки, видимо, весьма недовольны.

— Как скажете. Приходите всегда в любое время, — Браннох указал ему на дверь. — Вот выход. Он всегда гостеприимно раскроется перед вами, когда вы пожелаете. Я думаю, вам понравилось здесь.

— Чем же? — уставился на него Лэнгли.

— Никаких одолжений. Никаких обязательств. Если вы не хотите помочь нам, то я не буду настаивать. Но учтите, что все пытаются использовать вас, как оружие, нисколько не задумываясь, что вы — человек.

Браннох хлопнул его по плечу.

— До встречи.

Когда он вышел, торианин метнулся назад, к микрофону. Его сжигало нетерпение.

— Ну как? — рявкнул он. — Есть что-нибудь?

Пауза.

"Чантхавар не знает, — возбужденно думал Браннох, — иначе он ни за что не пустил бы Лэнгли туда". Дажеториане долгое время не знали, что тримане-телепаты, а с тех пор, как открыли — держали это в полном секрете. "Может быть... может быть..."

— Нет, — произнес голос. — Мы ничего не могли прочитать в его мыслях.

— Что?

— Совершенно непонятно. Ничего нельзя было разобрать. Сейчас мы должны внести изменения в наши планы.

Браннох повалился в кресло. Внезапно он почувствовал страх: "Почему? Неужели медленное накопление мутационных изменений могло так изменить человеческий мозг? Тримане никогда не говорили, как работает их телепатия.

Но... Ладно, Лэнгли все же человек. Значит, есть шанс. Очень хороший шанс, или я не знаю людей".

10

Полицейские сопровождали его всю обратную дорогу. Они скрывались и в толпе, заполнившей подвесные переходы, и в мутной мороси дождя, обтекающего прозрачную крышу. Нет больше мира, нет больше покоя, до тех пор пока он не уступит, сказав, что действительно думает.

А это надо сделать быстрее, иначе они сами выпотрошат его мозги и получат доступ к его знаниям. До сих пор, размышлял Лэнгли, он неплохо поработал, прикидываясь растерянным, загнанным в тупик. Это было нетрудно. Он принадлежал к другой цивилизации, и его оттенки речи, мимики, поведения не всегда могли быть правильно истолкованы даже самым опытным современным психологом. Кроме этого, он ведь всегда хорошо играл в покер.

Так кто же? Чантхавар? Браннох? Валти? Мог ли кто-нибудь из них иметь право на Сариса? Они все могли лгать ему, не говоря ни слова правды. Может быть, никто и не должен владеть новой силой? Может, даже лучше сжечь Сариса дотла и забыть о нем? Но как сделать это?

Лэнгли покачал головой. Он должен решать и быстрее. Даже

если он прочитает еще несколько этих странных и трудных книг, чтобы разобраться, кто более правдив, то все равно узнает немного. А может, он должен открыть карты? Это было бы не глупее, чем дурачить судьбу.

Но потом-то он должен будет остаться сам с собой на весь остаток своих дней...

Он вышел на террасу перед дворцовой башней. В ней находились их апартаменты. А теперь не их, а только его. Там сейчас было пусто и одиноко без Боба и Джима. Зал привел его к шахте, и он поднялся на свой уровень. Четыре охранника, отличающиеся от остальных людей своей черной обтягивающей одеждой-броней, в шлемах с забралами, последовали за ним. Но у входной двери они остановились.

— Сезам, откройся, — невесело сказал Лэнгли и прошел внутрь. Дверь за ним закрылась.

И тут словно что-то взорвалось в его голове, и он застыл в горячей тьме. Его качало, он не двигался и чувствовал слезы, катящиеся по щекам.

— Рэгги, — прошептал он.

Она подошла к нему, такая же длинноногая, неуклюже-грациозная, какую он помнил. Белое полотно платья опоясывало ее гибкую талию, огненно-рыжие волосы спадали на плечи. Большие зеленые глаза, мягкие очертания большого рта, маленький ровный нос, россыпь веснушек над переносицей. Она подошла ближе, остановилась и опустилась на колени перед ним. Он увидел, как блики света скользнули по ее пылающим волосам. Он потянулся, намереваясь коснуться ее. Внезапно он почувствовал холод во всем теле и слепо отвернулся от нее. Его трясло, нервы вышли из-под контроля. Казалось, прошла вечность, прежде чем он снова повернулся к Рэгги. Она все еще ждала.

— Ты не Рэгги, — сказал он сквозь зубы. — Это не ты.

Она не понимала английского, но, должно быть, уловила смысл сказанного. Голос был низкий, почти как у *нее*, но не совсем такой же.

— Сэр, меня зовут Марин. Я послана вам в подарок лордом Браннохом ду Кромбар. Я должна служить вам.

— Слава Богу, — подумал Лэнгли. — *У Бранноха хватило ума дать ей другое имя.*

Сердце, бешено бившееся в клетке ребер, стало успокаиваться, и он смог глотнуть воздуха. Медленно он добрел до обслуживающего робота.

— Дай мне успокаивающего, — попросил он. — Я хочу спокойно все обдумать.

Его голос показался ему чужим.

Когда он глотнул что-то жидкое, то почувствовал, как тьма постепенно уходит. Руки покалывало от возобновившегося кровообращения. Сердце затихло, легкие наполнились воздухом, пот, выступивший на коже, исчез, ему полегчало. Он взял себя в руки, ведь его любимая исчезла давным-давно.

Лэнгли оглядел девушку, и она ответила ему робкой улыбкой. Нет, не Рэгги. Лицо и фигура, да, но она так не улыбалась, не тот изгиб губ. Она была немного выше, да и ходила не так свободно, и голос...

— Откуда ты взялась? — спросил он со смущенным изумлением в голосе. — Расскажи мне о себе.

— Я рабыня восьмого класса, сэр, — ответила она мягко. — Мы предназначены для интеллигенции, для приятного общения. Мне 20 лет. Лорд Браннох купил меня несколько дней назад, хирургически доработал, провел психическую переориентацию и отправил меня к вам в подарок. Я для ваших приказов, сэр.

— Любых, не так ли?

— Да, сэр. — Крохотная искра страха в ее глазах сказала ему о существовании извращенных и садистских собственников, для которых также выводились и подготавливались рабы; но ему захотелось проверить, как она отнеслась к нему.

— Не беспокойся, — сказал он, — тебе это не грозит. Возвращайся к лорду Бранноху и скажи ему, что он только что потерял какой-либо шанс добиться моего сотрудничества.

Она покраснела и закрыла глаза.

По крайней мере она горда... Ладно. Браннох, очевидно, понял, что Лэнгли не интересуется безвольными куклами. Было видно, какого труда ей стоил ее вопрос.

— Почему вы отказываетесь от меня, сэр?

— Передай только то, что я тебе сказал. Иди.

Она поклонилась и направилась к выходу. Лэнгли стоял, опершись о стену и сжав кулаки. О, Рэгги, Рэгги!

— Минутку! — Как-будто это сказал кто-то другой. Она остановилась.

— Да, сэр?

— Скажи... Что с тобой произойдет?

— Я не знаю, сэр. Лорд Браннох может меня наказать... — Она покачала головой с какой-то странной нерабской гордостью. Рэгги сделала бы так же. — Нет, сэр. Он поймет, что я не виновата. Он может подержать меня у себя какое-то время или отправить еще к кому-нибудь. Я не знаю.

— Лэнгли почувствовал какой-то комок в горле.

— Нет, — он широко улыбнулся. — Извини. Ты... понравилась мне. Не уходи. Садись.

Он сел в кресло, и она, подогнув свои стройные ноги, опустилась около него на пол. Он коснулся ее головы с большой нежностью.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Да, сэр. Лорд Браннох сказал — вы космонавт из очень далекого прошлого, который потерялся, а я похожа на вашу жену. Мне кажется, он использовал ее фотографию. Он думает, что вам будет приятно иметь рядом кого-то, похожего на нее.

— А что еще? Что он поручил тебе делать? Он надеется на мою помощь в одном важном деле?

— Нет, сэр, — она спокойно выдержала его взгляд. — Я должна только выполнять ваши желания. Но... — Крошечная морщинка между ее бровями, и это было так похоже на Рэгги, что у Лэнгли защемило сердце. — Но, может быть, он рассчитывает на вашу благодарность.

— Прекрасно! — Лэнгли попытался проанализировать все, что узнал. Как-то непохоже на циничного реалиста Бранноха, который рассчитывает, что это сделает космонавта более уступчивым. Или так оно и было? Могли ведь некоторые характерные особенности людей поменяться с изменением всего общества? Может, современный землянин и должен реагировать именно так?

— Ты ждешь, что я буду благодарен ему?

— Нет, сэр. Почему вы должны быть благодарны? Я ведь не очень ценный подарок.

Лэнгли вытащил свою старую трубку. Хорошо хоть успел отложить порцию табаку, вскользь подумал он. Теперь никто не курит табак. Он погладил ее бронзовые волосы.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, Марин, — сказал он. — К какой жизни ты готовилась?

— И она рассказала, подробно, не жалуясь, и даже не без юмора. Ее центр не походил ни на что, ранее известное Лэнгли; он вовсе не был бездной порока, его скорее можно было бы сравнить с каким-нибудь колледжем. Там давали прекрасное образование, там не пытались подавлять, там каждый развивался наиболее естественным для него образом,там даже были леса и поля для прогулок. Но конечно же все эти девушки должны стать наложницами, хоть и высшего класса.

Преодолевая состояние легкого отупления, вызванного успокаивающим, Лэнгли сообразил, что Марин может быть ему полезна. Он задал ей несколько вопросов об истории и текущих событиях, и она вполне разумно ответила ему. Может быть, ее знания помогут ему решить, что делать?

— Марин, — тихо спросил он ее. — Ты когда-нибудь ездила на лошади?

— Нет, сэр. Я могу управлять каром или флаером, но никогда не имела дела с животными. Интересно было бы попробовать, — она как-то очень просто улыбнулась.

— Послушай, — сказал он, — хватит этого возвышенного тона, не надо звать меня "сэр". Мое имя — Эдвард, *сокращенно* Эд.

— Да, сэр... Эдви, — она нахмурилась с детской серьезностью. — Я попытаюсь запомнить. Поправьте меня, если я забуду. Но в обществе, наверное, лучше обращаться по-прежнему.

— Ладно. — Лэнгли не мог смотреть в ее ясные глаза и уставился на бесконечные струи дождя. — Хочешь быть совсем свободной?

— Сэр?

— Эд! Я хочу помочь тебе.

— Ты хотела бы стать свободным человеком?

— Вы... очень добры по отношению ко мне, — ответила она медленно, — но...

— Что?

— Но что я буду делать? Я должна буду опуститься на самый нижний уровень, стать женой общинника, служанкой или проституткой. И нет никакого другого варианта.

— Прекрасная участь. Здесь, наверху, ты всегда под защитой, среди умственно равных. Ладно, это была только мысль. Я буду рассматривать тебя, как часть обстановки.

Она улыбнулась.

— Ты... прелесть, — сказала она. — Мне очень повезло.

— Какого черта тебе повезло? Послушай, я остановил тебя, потому что у меня не хватило духу отправить тебя назад. Но здесь может быть опасно. Я в самом центре межзвездной игры и я заберу тебя отсюда, если дело выгорит, но я не могу быть в этом уверен полностью. Скажи мне честно, сможешь ли ты выдержать, если будет страшно, если будут убивать, или еще что-то?

— Да, Эдви. Это суть моей подготовки. Мы не можем знать нашего будущего, но мы должны иметь смелость встретить его.

— Мне не хотелось говорить тебе об этом, — сказал он печально. — Но я думаю, ты не сможешь помочь мне. Люди внизу, может быть, все еще остались такими же, но наверху они думают по-другому.

— Что тебе угрожает, Эдви? Могу я помочь? — Она положила свою тонкую руку на его колено. — Я действительно хочу помочь.

— Эхе-хе. — Он потрепал ее голову. — Я не могу тебе сказать

все, потому что, если об этом узнают, ты тоже станешь покерной картой. — Он использовал это выражение, хотя единственной, сохранившейся до этих времен игрой, были шахматы, но она, похоже, поняла смысл сказанного. — И не пытайся додуматься до всего самостоятельно. Я предупреждаю тебя, что это опасно.

Марин порывисто встала, наклонилась над ним и коснулась рукой его щеки.

— Извини, — прошептала она. — Это, должно быть, очень тяжело для тебя.

— Я выдержу. Но давай продолжим наш разговор. Ты мне очень нравишься, но, извини, сейчас я под действием успокоительных таблеток. Это было потрясение, и оно должно пройти. Держись пока в тени, Марин. Она тебя скроет, если я вдруг начну злиться. И не пытайся меня обольстить, мне пока надо побыть одному. Понимаешь?

Она молча кивнула.

Несмотря на наркотик, его голос был тверд.

— Ты можешь спать в этой комнате.

— Хорошо, сказала она быстро. Я понимаю. Если ты передумаешь, я это тоже пойму, — и добавила спустя мгновение, — ты можешь вернуть мой прежний вид. Знай об этом.

Он не ответил, но сел, удивленный. Совершенно логично было бы ответить "нет". Но он должен всегда помнить об этом.

На контрольном экране появилось изображение.

— Министр Чантхавар Танг во Лурин желает видеть вас, сэр. — Лицо агента было напряжено, холодно, с признаками еле сдерживаемого гнева.

— Хорошо. Пусть войдет.

Марин пошла в другую комнату. Чантхавар вошел, и Лэнгли, сидя, ожидал, когда тот заговорит.

— Ты видел сегодня Бранноха.

Лэнгли удивленно посмотрел на него. Слабость все еще владела им, но он уже мог лучше контролировать себя.

— Это, что, незаконно? — спросил он.

— Что он хотел от тебя?

— А ты что думаешь? То же, что и Валти, и ты, и все вы от меня хотите. Я ответил ему "нет", потому что мне больше нечего было сказать.

Голова Чантхавара, покрытая черными блестящими волосами, повернулась к нему.

— Я удивлен! Я весьма удивлен. До сих пор мой руководитель удерживал меня от зондирования твоего мозга. Они считают, что если ты действительно не знаешь, если ты в стороне от всего этого, то зондирование может очень неприятно сказаться на

тебе. Это неприятный эксперимент. Ты уже не сможешь после этого быть тем же человеком.

— Давай! — ответил Лэнгли. — Я не в состоянии удержать тебя.

— Если я найду способ убедить моих начальников, я так и сделаю, — сказал Чантхавар резко. Его черные глаза пылали гневом. — Все произошло одновременно. Военный завод на Венере был взорван сегодня. Я напал на след группы, которая пыталась взбунтовать общинников и вооружить их. Это работа Бранноха, конечно. Он пустил в ход всю свою организацию, пытаясь отвлечь меня от поисков Сариса. Следовательно, у него есть причины полагать, что Сариса можно найти.

— Я говорил тебе, что думал над этим даже когда был совершенно подавлен, и я... — Лэнгли помедлил, взгляд его серых глаз стал твердым. — Нет... не знаю. Не думай, что я сам не мучаюсь сомнениями. Если бы я знал хоть что-нибудь, то рассказал тебе.

— Возможно, — сказал Чантхавар мрачно. — Однако, я предупреждаю, что, если ты не пошевелишь мозгами в ближайшие пару дней, я вынужден буду сам допросить тебя. Поиски продолжаются, но мы не можем перекопать все щели и перетрясти весь мир. Кроме того, многие влиятельные министры противятся допуску моих людей в их личные владения для поисков. Но Сарис должен быть найден, даже если мне понадобится перепотрошить всю планету — и тебя заодно.

— Лучше меня, — сказал Лэнгли. — Ведь это и моя планета, ты знаешь.

— Хорошо. Решайся, но только быстрее. У меня есть еще вопрос. Охранники доложили мне о рабыне, которую тебе послал Браннох. Я хочу ее видеть.

— Взгляни...

— Введи ее сюда.

Марин вошла сама. Она поклонилась Чантхавару и затем застыла под его пристальным взглядом. Воцарилось долгое молчание.

— Так... — наконец проговорил агент. — Я все понял. Лэнгли, что ты думаешь с ней делать? Хочешь оставить ее у себя?

— Да. И если ты не согласишься, я гарантирую, что постараюсь сделать все, чтобы ты никогда не нашел Сариса. Но я не стремлюсь к гибели своей цивилизации только из-за нее, если ты так думаешь.

— Нет... это не так. Я не боюсь этого, — Чантхавар молча застыл, широко расставив ноги, заложив руки за спину и уставившись в пол. — Я только думаю, что бы это значило? Своего рода шутка? Не знаю. Надо быть осторожным.

Он долгое время молчал. Лэнгли с интересом разглядывал его и гадал, что происходит внутри этого круглого черепа. И вдруг заметил веселые искорки в его глазах.

— Невообразимо! — сказал Чантхавар. — Я все же думаю, это только шутка. Садитесь и думайте, капитан. Я сейчас ухожу. Доброго дня вам обоим — наслаждайтесь друг другом. — Он резко поклонился и вышел.

11

Дождь прекратился перед рассветом, но небо было еще закрыто облаками, и тьма заполняла город. Лэнгли и Марин позавтракали в полном одиночестве в своих апартаментах. Действие транквилизатора прекратилось, Лэнгли смог сосредоточиться и даже осмелился не думать о ней, как о человеке, который жил когда-то. Он забрасывал ее вопросами, и она отвечала. То, что он узнал, подтвердило рассказанное Валти об Обществе. Это действительно была кочевая культура, патриархальная и полигамная, с собственным боевым флотом, но претворяющая мирную политику; ее руководство действительно никому не было известно, ранняя история терялась во мраке. Гораздо меньше, но глубже, чем Браннох, она рассказала приятного о центаврианах, но этого следовало ожидать.

— Два межзвездных империализма, — сказал Лэнгли, — идущие курсом на столкновение. Хотя Тор, мне кажется, лучше Земли, но, может быть, я и пристрастен.

— Ты ничем не можешь помочь, — сказала Марин серьезно. — Торианское общество имеет архаический базис, оно ближе к тому, что ты знал в свое время, чем современная Земля. Еще труднее представить, что они что-то сделают для прогресса, если победят. Они уже давно застыли на одном уровне, реально у них ничего не меняется последние 5 столетий.

— Какова цена прогресса? — спросил Лэнгли.

— Я прохладно отношусь к изменениям ради изменений; застывшая цивилизация может быть только последним ответом человеку, обеспечивая его реальным гуманизмом. Я не вижу особых различий между двумя ведущими современными силами.

Несомненно, все разговоры записывались, но ему было наплевать.

— Было бы прекрасно найти маленькую мышиную норку, заползти в нее и забыть всю эту борьбу, — произнесла Марин задумчиво.

— Я думаю, это то, о чем мечтает 99 процентов человеческой расы, — сказал Лэнгли. — За свою лень и трусость они сами

навлекают на себя наказание правителей, которые постоянно понуждают их к действиям. Никогда не будет ни мира, ни свободы для каждого отдельного человека до тех пор, пока он не научится думать сам и действовать согласованно с другими. Я только боюсь, что этот день никогда не придет.

— Они говорят, что есть тысячи затерянных колоний, — мягко ответила Марин, и в ее глазах появилось мечтательное выражение. — Тысячи маленьких группировок, которые отправились искать свое счастье. Возможно, одна из них где-то нашла его.

— Возможно. Но мы здесь, а не там, — Лэнгли поднялся. — Давай закончим. Спокойной ночи, Марин.

— Спокойной ночи, — сказала она. Ее улыбка была робкой, такой, словно она еще не знала, как он к ней относится.

Оставшись один в своей комнате, Лэнгли натянул пижаму, улегся в постель и зажег сигарету. Надо было что-то решать. Чантхавар дал ему пару дней. Больше нельзя никому морочить голову, теперь он обязан отвечать на вопросы о Сарисе. Ему вовсе не хотелось пробовать на себе утверждение Чантхавара о деградации после психического зондирования.

Все больше и больше ему казалось, что разумный выход — договор с Чантхаваром. Прежде всего он находился на Земле, и, несмотря на все ловушки, сплетенные Валти и Браннохом, преобладающей силой все-таки здесь был Чантхавар. Если идти на контакт еще с кем-нибудь помимо его, то необходимо помнить о риске и подумать о возможности бегства. Это — если думать о личной безопасности.

Если исходить из соображений гуманизма — Сол не проявляет открытой агрессивности, как Центавр, но ее самодовольство должно иметь и обратную сторону. Но если, несмотря ни на что, начнется война, то все-таки в Солнечной системе живет больше людей, чем в системе Центавра. Кроме того, Бранноху потребуется почти 9 лет, чтобы отправить донесение домой и вызвать сюда боевой флот. За эти 9 лет вполне возможно, что эффект Сариса будет реализован в виде стандартного оружия и, надо отметить, вполне гуманного оружия, которое не может причинить вред ни одному живому существу.

С точки зрения истории — Сол и Центавр придут к гибели, нет никаких других шансов.

С точки зрения Сариса Хронны, который был другом Лэнгли... Ладно, Сарис все же один. В конце концов, если выбирать, было бы лучше, чтобы его все-таки обнаружили, чем если в вспышке ядерного сверхоружия превратились бы в пепел миллион человек.

Безопасный, ясный путь сотрудничества открылся перед

Лэнгли. Потом, после всего, что произойдет, он найдет для себя какое-нибудь местечко на Земле, и проведет там остаток дней. Через несколько лет он полностью отупеет, но зато в безопасности будет избавлен от необходимости думать.

Ладно. Он щелчком выбил из пачки еще одну сигарету. Уснуть бы наконец, если только он еще не разучился спать.

Где Боб и Джим? В какой дыре сейчас находятся они? Или уже канули в небытие? Вдруг ему пришло в голову, что вряд ли еще раз их увидит. Если бы он мог знать, кто их убийца, то скорее бы убил себя, чем помогал ему.

Но предстояло жить дальше, мучаясь бессилием перед загадкой их исчезновения.

Закрыв глаза, он попытался оживить в памяти образ Рэгги. Она умерла так давно, что даже кровь ее иссякла в жилах новых рас. Вполне возможно, что кто-то из тех, кого он здесь встретил, — Чантхавар, Браннох, Валти, Марин, Улиен или безликие общинники нижних уровней — произошли от одной только незабываемой ночи с нею. Он вдруг подумал, а что, если она потом вновь вышла замуж? И ему очень хотелось надеяться, что это был хороший человек и жизнь ее сложилась счастливо. Но ведь могло быть и не так...

Он попытался вновь представить ее, но образ расплывался. Марин перекрывала его. Это было похоже на две, наложенные друг на друга картинки с несовпадающими контурами. Улыбка Рэгги никогда не была такой, как у этой женщины.

Он грубо выругался, отбросил сигарету и выключил свет, струившийся из стен и потолка. Сон не приходил, он лежал, не находя забвения от ржавой цепи тягостных дум.

Прошло, наверное, около часа, когда он услышал взрыв.

Он сел в постели, уставившись перед собой. Это явно был бластер! Какого черта?

Грохот повторился, и сапоги застучали у его двери. Лэнгли вскочил на ноги. Какие-то вооруженные люди пытались похитить его еще раз, несмотря на всю охрану.

Мощный разряд энергии ударил где-то недалеко от его убежища, и он услышал глубокий протяжный крик.

Он встал напротив дальней стены, сжав кулаки. Нет света. А вдруг они пришли за ней? Нужно помешать им найти ее и увести отсюда.

По спальне что-то с шумом протащили. Послышался крик Марин.

Он навалился на дверь. "Откройся, черт подери!" Дверь послушалась и стала раскрываться. И в этот момент чьи-то затянутые в металл руки вцепились в него сзади и повалили на пол.

— Оставайтесь здесь, сэр, — раздался хриплый голос, исхо-

дивший из-под боевого металлического шлема. Они прорвались...

— Пусти меня! — Лэнгли уперся в могучий торс. Безрезультатно — раб стоял, как гора.

— Извините, сэр, у меня приказ...

Бело-голубая вспышка ослепила его. Но он успел разглядеть повисшие в пространстве фигуры за разбитым вдребезги стеклом, и Марин, бьющуюся в чьих-то руках. Другой полицейский атаковал их, беспорядочно стреляя.

Затем все стихло.

Охранник поклонился.

— Они ушли, сэр. Пройдемте, если вы хотите.

Лэнгли, шатаясь, вошел в свою спальню. Она была полна дыма и запаха горелого пластика, ноздри щекотала тонкая струйка острого запаха озона. Вся обстановка комнаты превратилась в кучу хлама. Громоздкие вооруженные фигуры заполнили помещение.

— Что случилось? — закричал он.

— Ничего особенного, сэр. — Командир отделения снимал свой шлем, черная его голова казалась крошечной без металлического забрала. — Теперь все в порядке. Может быть, вам успокоительного?

— Я спрашиваю тебя, что случилось? — Лэнгли хотел ударить по этому равнодушному лицу. — Немедленно говори, я приказываю тебе!

— Хорошо, сэр. Два небольших вооруженных корабля атаковали нас оттуда. — Командир указал на выбитое окно. — Пока один из них отвлекал наше сторожевое судно, из другого высадились несколько человек в космических скафандрах с антигравитационными блоками и пробрались сюда. Некоторые пытались пробиться к вам через дверь, но были остановлены нами, один из них похитил вашу рабыню, а когда подоспело подкрепление, мы поднажали и они скрылись. Никаких потерь с обеих сторон, все произошло очень быстро. К счастью, они не сумели добраться до вас, сэр.

— Кто они?

— Я не знаю, сэр. Их оборудование отличалось от используемого известными военными и полицейскими силами. Я думаю, один из наших флаеров сумел прилепить к ним трассер, но не мог последовать за ними за пределы атмосферы. И я сомневаюсь, что они еще вернутся. Но будьте спокойны, сэр. Вы в безопасности.

"Ничего себе безопасность!" Лэнгли задохнулся и, повернувшись, вышел.

Он почувствовал опустошенность.

Чантхавар появился через час. Его лицо было совершенно непроницаемо, когда он осматривал обломки.

— Они удрали, все хорошо, — сказал он. — Им это дело не удалось, тут им не повезло.

— Кто они, как ты думаешь? — спросил Лэнгли тупо.

— Не знаю, возможно, центавриане, возможно, Общество. Это будет, конечно, выяснено. — Чантхавар достал сигарету. — В любом случае, это хороший знак. Обычно агент идет на крайности в безнадежном положении.

— Послушай! — Лэнгли схватил его за руку. — Ты должен найти их. Ты должен вернуть эту девушку назад. Ты понимаешь?

Чантхавар молча жевал свою сигарету, кожа на его высоких скулах натянулась. Глаза задумчиво смотрели на американца.

— Так она для тебя уже так много значит? — спросил он.

— Нет... Ладно... это все в рамках приличий. Ты ведь не можешь позволить увезти ее куда-то, тем более что она ничего не знает.

— Она только рабыня, — пожал плечами Чантхавар. Ее явно прихватили от безнадежности, когда удирали от наших гвардейцев. Все это чепуха. Я сделаю тебе ее дубликат, если это действительно так важно.

— Нет!

— Пусть так. Это твое дело. Но смотри... Если ты попытаешься торговать информацией из-за нее...

— Я не собираюсь, — сказал Лэнгли. Ложь ему стала привычной. — Мне нечем торговать, пока еще нечем, во всяком случае.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Чантхавар. Он коснулся плеча Лэнгли на удивление дружелюбно. — А сейчас давай в свою постель. Я предписываю тебе 12 часов сна.

Лэнгли молча повиновался. Может быть, сон поможет ему укрыться от чувства собственной беспомощности.

Когда он проснулся, то обнаружил, что за это время было многое сделано. Не осталось никаких следов ночной борьбы, как будто бы ничего не случилось. Лучи солнца, уже клонящегося к закату, блестели на бортах кораблей, патрулирующих под его окнами. Число охранников удвоилось. Запертая, амбарного размера дверь... Похоже после всего, что случилось, отсюда не украсть даже молекулы воздуха.

Его мозг вновь стал вгрызаться в проблему, как умирающая от голода собака в старую кость, с которой уже давно содрано все съедобное.

Марин... Она исчезла из-за того, что стала для него здесь

ближе всех. Из-за того, что была похожа на него, она познала страх, мучения и плен.

А может быть, из-за того, что похожа на Рэгги? Или из-за самой себя? Какой смысл был в происшедшем? Все несчастья из-за него. Он хотел вызвать Бранноха, вызвать Валти и швырнуть в их лица обвинения. Но что от этого? Они все будут отрицать. Ясно, что бессмысленно было искать с ними встречи. Несколько раз он пытался связаться с Чантхаваром, но получал невыносимо вежливые ответы секретаря по деловым вопросам. Он много курил, расхаживая по комнате, садился в кресло, снова вставал. Он прошел сквозь все муки ожидания и раскаяния. И ничто ему не помогало.

Пришла ночь, и снотворным он погрузил себя в долгий сон. Снотворное — тоже способ решать вопросы. Легкая, ясная и быстрая смерть... Он подумал, выйдя на балкон, что есть и другой способ прекратить весь этот хаос. Отлично спроектированный робот потом смоет шваброй останки и он прекратит свое существование.

После обеда откликнулся Чантхавар. Лэнгли вскочил, услышав вызов, споткнулся, упал на пол, но дотянулся до кнопки.

Чантхавар необычайно тепло улыбался.

— У меня для вас хорошие новости, капитан, — сказал он. — Мы нашли девушку.

Он не сразу понял, о чем речь. Усталость была так глубока, что услышанное не сразу дошло до него. Уставившись на Чантхавара и приоткрыв рот, он прислушивался к его словам.

— ... Мы нашли ее на воздушном мосту совершенно растерянной. Постанестезийная реакция. Но она уже пришла в себя. Глубокого психозондирования явно не было, возможно, только поверхностная наркотизация, проверить это не трудно. Она была без сознания все это время и ничего не помнит. Я отправлю ее к тебе сейчас, — сказал Чантхавар и исчез с экрана.

Понимание происшедшего медленно просачивалось сквозь барьеры эмоционального отупления.

Лэнгли стоял на коленях, ему хотелось кричать или молиться, или то и другое вместе, но он не мог. Затем он начал смеяться. Истерика прекратилась перед ее приходом. И он сделал то, единственное, что было возможно — обнял ее. Она прижалась к нему, потрясенная его реакцией.

Потом они сидели вместе на ложе, держа друг друга за руки. Она рассказала ему все, что могла.

— Меня схватили, втащили в корабль, кто-то навел на меня оружие. Потом ничего не помню. Придя в себя, увидела, что сижу на мосту. Меня, должно быть, отвезли и оставили там. Очень кружилась голова. Затем появился полицейский и отвел

меня к министру Чантхавару. Тот меня расспрашивал, затем отвели на медицинский осмотр, там сказали, что ничего страшного не произошло. И потом он отправил меня к тебе.

— Я ничего не могу понять во всем этом, — сказал Лэнгли.

— Министр Чантхавар сказал, что меня похитили случайно, что я представляла бы ценность, если бы... если бы они... захватили и тебя. Я была без сознания, потому не могу никого вспомнить. Он еще задал несколько вопросов относительно анестезии, но затем перестал спрашивать, так как понял, что я ничем не могу помочь. — Она вздохнула и робко улыбнулась ему. — Я так рада, что они отпустили меня к тебе.

Он проглотил приготовленный ему напиток и сидел некоторое время молча. Его сознание как-то странно прояснилось, но отпечаток ночного кошмара рассеялся еще не до конца.

Так вот, что все это значит. Вот что олицетворяют собой Сол и Центавр — бездушную игру сил, в которой не на что рассчитывать, в которой нет границ подлости. Черствая машина цивилизации, которая давно должна была пойти на свалку, но все еще действует, разъедаемая под своей броней коррупцией; вот оно кровавое варварство, застывшее и бесплодное, бахвалящееся своим мужеством; несколько всемогущих амбициозных мерзавцев, способных миллиарды людей превратить в радиоактивный газ. Стоит лишь одной из сторон на мгновение почувствовать свое превосходство, как другие планеты сразу же будут уничтожены одним безжалостным ударом и превратятся в шлак. Вот что он понял.

Он мало знал об Обществе, и оно вовсе не казалось ему сборищем абстрактных альтруистов. Но оно хотя бы не бредило об империи. Кроме того, его представители лучше знали Галактику, и, следовательно, могли подобрать ему какой-нибудь молодой мир, где он смог бы стать человеком.

Итак, выбор сделан. Пусть он пройдет через многие испытания, но это лучше, чем тухнуть здесь.

Лэнгли взглянул на ясный профиль девушки, сидевшей рядом с ним. Он хотел спросить ее, о чем она думает, что она хочет. Он почти ничего не знал о ней. Но он не мог спрашивать ее, опасаясь механических ушей. Он должен решить за нее.

Она встретила его испытывающий взгляд спокойным взглядом зеленых глаз.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что произошло, Эдви, — сказала она. — Мне так же, как и тебе, хочется быть готовой к разным случайностям.

Он уступил ее просьбе и рассказал о Сарисе Хронне и охоте за ним. Она сразу же поняла основную мысль, спокойно кивнула

и не стала выпытывать, знает ли он, где тот находится, и что собирается делать.

— Все это очень важно, — сказала она.

— Да-а, — сказал Лэнгли. — И все это произойдет очень скоро.

12

Здесь у всех стен могут быть как глаза, так и уши. Лэнгли лег в постель сразу же после заката. Коммуникатор, как и говорил Валти, он на всякий случай держал в пижаме. Он проворочался около часа, словно не в состоянии был уснуть. Затем приказал сделать музыку погромче. Запись кошачьего концерта должна заглушить тихий разговор.

Он надеялся, что сильное внутреннее напряжение не отражается у него на лице.

Еле слышный голосок завибрировал будто внутри него. Он подумал о звуковых волнах, детектируемых и фокусирующихся в костях черепа. Он узнал акцент Валти.

— Ах, капитан Лэнгли. Вы доставляете мне несказанную радость. Приятно даже быть вытащенным из уютной постели, только чтобы поговорить с вами. Могу ли я попросить вас держать коммуникатор поближе к губам? Вот теперь слышно просто замечательно.

— Хорошо. — Был один бесполезный вопрос, который он спешил задать. — Я хочу заключить с вами сделку, но прежде... У вас Блостейн и Мацумото?

— Нет, капитан. Достаточно ли вам будет моего слова?

— Я... обдумаю это. Ладно. Я расскажу вам, где, как мне кажется, находится Сарис. Поймите, это только информация к размышлению. И я помогу вам его найти, насколько это возможно. Но в ответ на это я прошу помощи в поисках моих товарищей, в деньгах и защите как меня, так и еще одного человека, молодой рабыни, которая сейчас находится при мне.

Трудно было представить себе радость, прозвучавшую в голосе такого громоздкого человека, как Валти.

— Прекрасно, капитан, я уверяю вас, вы не пожалеете о сотрудничестве со мной. А сейчас маленький практический совет: вы должны исчезнуть без следа.

— Я не очень-то представляю, как выполнить этот пустячок, Валти. Я более или менее под домашним арестом.

— Чепуха, вас там не будет этой же ночью. Дайте мне подумать... Так... Через два часа вы и ваша девушка должны выйти на балкон. Но, Бога ради, все это должно выглядеть очень естественно! Оставайтесь там, ждите, и не пытайтесь предпринять что-либо сами.

— Ладно. Через два часа на моих часах будет 23.47.Так?

Сейчас надо было ждать. Лэнгли вытащил еще одну сигарету и лежал, будто бы слушая музыку. Целых два часа. Еще на один седой волос станет больше.

Переменная частота излучения коммуникатора считается необнаруживаемой, а может, это и не так. Очень опасно. Рискованная попытка может привести к неудаче. Чантхавар выждет, а потом сцапает его и отправит к своим инквизиторам. А Валти может быть предан своими же агентами.

Может быть, может быть, может быть! Только животные лишены сомнений — поэтому и счастливее людей.

Минута ползла за минутой. Лэнгли встал, прошел в спальню и заказал себе книгу. Основы современной физики. Внезапно он поймал себя на том, что уже 15 минут таращится, разглядывая одну и ту же страницу.

Поспешно он затребовал еще одну книгу. Даже если за ним и не наблюдают, он должен вести себя совершенно естественно.

В тексте мелькнуло имя — Янсен, один из первых, давших риманову пространству, которое теперь называют "Сарлениан", физический смысл. Спустя минуту он нашел нечто удивительное. Эйнштейн! Так было нечто, переживавшее века, хотя и искаженное. Он улыбнулся, почувствовав жалость к самому себе, вспомнив, как в свое время зачитывался романом, посвященным борьбе между Линкольном и Сталиным за контроль над лунными ракетными базами. Герой романа спасался бегством на своем верном велосипеде. Нет, теперь таких романов не было. Его век полностью забыт, все начисто стерто временем. Его временем могли заинтересоваться лишь несколько археологов, и больше никто. Представьте себе египтянина времен Первой династии в Новом Вашингтоне в 2007 году от рождества Христова? Он был бы забавен на пару дней, а потом?

Он взглянул на часы и почувствовал, как мышцы напряглись. Осталось 20 минут.

Нужно вывести Марин наружу, ничего не надо объяснять ей в комнате, он должен сделать это таким образом, чтобы наблюдатели ничего не заметили. Некоторое время он сидел, размышляя. Был только один способ, который он должен использовать...

Лэнгли подошел к двери в ее комнате. Дверь открылась, и он остановился, разглядывая спящую Марин. Медно-рыжие мягкие волосы разметались вокруг головы, она выглядела очень трогательно. Он попытался не вспоминать Рэгги и коснулся ее лица.

Марин села на постели.

— Ох... Эдви... — зажмуренные глаза открылись. — Что случилось?

— Извини, что разбудил тебя, — сказал он как-то неловко. — Не могу заснуть. Пойдем, поговорим, если ты не против?

Она смотрела на него с состраданием.

— Да, — наконец сказала она. — Да, конечно.

Натянув платье поверх своей тонкой ночной рубашки, она последовала за ним на балкон.

Над головой были только звезды. В ночной тиши огни города сверкали бликами на острых формах корпуса патрульного корабля. Легкий ветерок шевелил их волосы. В голове мелькнула мысль: Лора расположена совсем недалеко от того места, где когда-то был город Виннипег.

Марин была рядом, он положил руку на ее талию. Слабый свет подчеркивал прихотливую линию ее губ.

— Это прекрасно, — сказал он банально.

— Да... — Она ждала чего-то еще.

Он знал, чего именно, так как знал и то, что наблюдатели Чантхавара сидят у экранов.

Он наклонился и поцеловал ее. Она ответила ему очень нежно, но немного неуклюже. Потом он долго смотрел на нее и не мог ничего сказать.

— Извини, — пробормотал он наконец.

СКОЛЬКО ЕЩЁ ЖДАТЬ? ПЯТЬ МИНУТ? ДЕСЯТЬ?

— Почему? — спросила она.

— Я не прав...

— Ты всегда прав. Я твоя, ты знаешь. Это то, для чего я предназначена.

— Замолчи! — не выдержал он. — Я имею в виду моральное право. Рабство — это преступление. Мои предки умерли в Геттесбурге, в Германии, потому что там было рабство.

— То, что ты говоришь, означает, что ты не хочешь принуждать меня. С твоей точки зрения это правильно, но ты не бойся. Это мое назначение.

— Именно так. Такое порабощение, по-моему, еще хуже, чем если бы тебя просто посадили на цепь. Нет!

Она положила руки ему на плечи, серьезно и внимательно взглянула ему в глаза.

— Забудь это, — сказала она. — Каждый приспособлен — ты, я, любой. У каждого в жизни свой путь. Всего не перечтешь. Но ты нужен мне, и я... Я очень люблю тебя, Эдви. Каждая женщина хочет мужчину. Этого достаточно?

В его висках словно стучали молоточки.

— Пойдем, — сказала она, — пойдем отсюда.

— Нет... пока еще нет, — запротестовал он.

Она ждала. И ему больше ничего не оставалось делать, как наклониться и поцеловать ее еще раз.

ПЯТЬ МИНУТ? ТРИ? ДВЕ? ОДНА?

— Пошли, — повторила она. — Пошли прямо сейчас.

Он помотал головой.

— Подожди... Подожди...

— Не пугай меня. Что это? Там что-то странное...

— Молчи! — прошипел он.

Вспышка огня всколыхнула воздух. Мгновением позже Лэнгли почувствовал удар воздушной волны. Он пошатнулся и увидел космический корабль, несущийся вниз на пылающий патрульный флаер. Струи воздуха ревели вокруг корабля.

— Бежим отсюда, Эдви! — воскликнула Марин и бросилась с балкона в спальню. Он схватил ее за волосы, повалил на пол и, пригнувшись, закрыл собой. Нападавший корабль исчез, превратившись в размытое пятно.

И вдруг что-то подхватило Лэнгли и потащило его вверх.

— Тянущие лучи, — мелькнула лихорадочная мысль, управляемые гравитационные лучи. Затем что-то черное разверзлось перед ним, это раздвинулись створки люка, его втянуло внутрь, и створки сомкнулись за ними. Его ошеломила ритмичная пульсация гигантского двигателя. Марин скорчилась у его ног, он поднял ее, и она, прижавшись, обняла его.

— Все в порядке, — пробормотал он дрожащим голосом. — Все в порядке. Мы удрали. Может быть...

Человек в серой униформе вошел через маленький люк.

— Добро пожаловать, сэр, — поприветствовал он. — Я думаю, мы сработали чисто. Вы пройдете за мной?

— Что это? — слабым голосом спросила Марин. — Куда мы попали?

— Я заключил соглашение с Обществом, — сказал Лэнгли. — Они отправили нас из Солнечной системы, и мы станем свободными, вдвоем.

Но в душе он сомневался.

Они спустились в узкий коридор. Корабль вибрировал. Очевидно, он двигался с большим ускорением, но перегрузка не ощущалась; то ли защищало внутреннее гравитационное поле, то ли привод действовал *на всю бортовую массу*. В конце прохода они вошли в маленькую, заставленную аппаратурой, комнату. Один экран был усыпан остро поблескивающими звездами открытого космоса.

Голтам Валти сполз со своего кресла, подошел к Лэнгли, пожал ему руку и оглушительно рассмеялся.

— Чудесно, капитан! Блестяще! Прекрасная работа, если вы простите мою бестактность.

Лэнгли почувствовал слабость. Он присел, посадив Марин себе на колени.

— Расскажи, как это произошло? — попросил он.

— Я и еще несколько наших выскользнули из башни Общества, — сказал Валти. — Мы воспользовались сверхскоростной яхтой из поместья одного симпатичного министра, там у нас сооружена небольшая крепость. Потребовалось два корабля: один совершал неожиданную диверсию, другой в это время был занят вами, а потом оба скрылись.

— А как на другом корабле? Их не схватят?

— Все было предусмотрено. Только короткая вспышка, там установлена дистанционно управляемая бомба. Телеуправляемый робот очистил корпус нашего корабля от трассеров, которых нам подсадили люди Чантхавара. — Валти болезненно вздохнул. — Жалко было терять такую замечательную яхту. Ее цена — добрых полмиллиона соляриев. В наше время деньги даются с большим трудом, поймите меня правильно, сэр.

— А заметив ваше отсутствие, Чантхавар поймет, что это вы?

— Мой дорогой капитан, — Валти выглядел несчастным. — Я не такой уж дилетант. Он увидит моего двойника мирно и вполне законно спящего в моем жилище. Конечно, — сказал он, немного подумав, — если мы найдем Сариса, то нам придется всем вместе покинуть Сол. Если это произойдет, то, я надеюсь, мое руководство направит меня заниматься Венусианской торговлей. Это дело довольно трудное, но свою работу можно упростить, уйдя в бюрократию.

— Все ясно, — сказал Лэнгли. — Я удовлетворен. Какие у вас планы действий?

— Это зависит от того, где может находиться Сарис, и какие методы понадобятся для установления контакта. Наш крейсер скоростной, бесшумный, снабжен противорадарным покрытием, на борту около 30 вооруженных человек. Как вы думаете, этого достаточно?

— Я... я думаю, да. Дайте мне карты района Меско.

Валти кивнул маленькому, покрытому зеленым мехом существу, которого звали Тхакт, сидевшему в углу. Тот вскочил и вышел из рубки.

— Прекрасная молодая леди, — поклонился Валти. — Могу я узнать ваше имя?

— Марин, — сказала она слабым голосом.

Она сидела на коленях у Лэнгли, упираясь спиной в металлическую корабельную переборку.

— Отлично, — сказал капитан. — Не бойтесь.

— Я не боюсь, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Но удивляюсь.

Тхакт вернулся с кипой больших листов. Лэнгли разложил их, пытаясь разобраться в новой географии.

— Однажды мы на Холате, — сказал он, — целый день провели на рыбалке, и он показал мне пещеры в обрывистом речном берегу. Я рассказывал ему о Карлсбадских пещерах в Нью-Мексико. Незадолго до нашего возвращения на Землю он снова спросил меня о них, когда мы изучали карты Земли, подыскивая место для представительства холатанских философов, и я обещал его туда сводить. Я показал ему на карте, где они находятся. Если ему удалось раздобыть карты современного мира... Карлсбад недалеко от тех мест, тем более, он знал, что многие ответвления пещер неисследованы... Конечно, они могут быть уже освоены, или вообще перестали существовать, все могло быть, но...

Валти следил за его указательным пальцем.

— Да, это то самое место, — проговорил он с крайним возбуждением. — Драконьи пещеры... Да, здесь. Что там располагается?

Лэнгли использовал крупномасштабную карту для ориентировки.

— Я думаю, здесь.

— Ах, тогда я знаю. Это часть поместья министра Раннула, который использует ее как заповедник. Когда-то он показывал своим гостям Драконьи пещеры, но я не помню, чтобы кто-нибудь забирался в них глубоко, и, наверное, в последнее время там никого не было. Поразительная ясность мысли, капитан! Я вас поздравляю!

— Если это не удастся, — сказал Лэнгли, — тогда я, как и вы, буду блуждать во тьме.

— Попытаемся. Вы превзошли все наши ожидания.

Валти заговорил в коммуникатор.

— Мы сразу отправимся туда. Нельзя терять время. Может быть, вы хотите стимулятор?.. Прямо здесь. Он снимет усталость и придаст энергии на ближайшие несколько часов, ведь вы нуждаетесь в этом. Извините меня, я должен пойти распорядиться.

Он вышел, оставив Лэнгли наедине с Марин. Она смотрела на него, ничего не говоря.

— Все хорошо, — сказал он. — Все хорошо. Я использовал свой шанс. Я пришел к выводу, что Общество распорядится этой силой лучше, чем кто-нибудь еще. Но ты принадлежишь Сол... Если ты не одобряешь, то я сожалею.

— Я не знаю. Эту громадную ношу тяжело нести одному, — она прикоснулась к его голове. — Я понимаю, что тобой движет. Может быть, ты прав, может быть — нет... Я не знаю. Но я с тобой, Эдви.

— Спасибо, — сказал Лэнгли, немного потрясенный, он по-

чувствовал, что теперь не останется в одиночестве. Внезапно он представил, как они вдвоем улетают куда-то за пределы неба.

Если, конечно, они смогут бежать от Сол!

13

Приятно было вместо теплой пижамы чувствовать на себе настоящий космический скафандр, ботинки, шлем и оружие — Лэнгли никогда и не предполагал, как много одежда значит для человека. Но, продвигаясь сквозь залитые тьмою узкие коридоры, чувствуя холод подземелья и слыша раскаты эха, он постепенно становился жертвой бессильной неуверенности и грызущего беспокойства.

Целые мили светящихся трубок тянулись по коридорам пещер, которые означали только, что в этих местах Сариса быть не могло. Полдюжины человек шло вместе с Лэнгли, отблески света чуть подсвечивали их лица, делая их похожими на привидения. Все они были членами экипажа и казались ему весьма странными. Валти заявил, что он слишком стар и толст, чтобы таскаться по туннелям, а Марин хотела пойти вместе с Лэнгли, но ей не разрешили.

Фантастические нагромождения сталактитов, подобные гигантским оплавившимся свечам, жемчужные сосульки, стекающие с потолка и стен, сталагмиты... "Эти места и не могли сильно измениться", — подумал Лэнгли. За 5 тысяч лет редкие капли и пары могли лишь добавить кусочек то там, то здесь, но Земля была старой и неторопливой. Он почувствовал, что эти места — настоящая могила времени.

Человек, который нес нейротракер, приблизился к нему.

— Никаких проблесков, — сказал он. Бессознательно он понизил голос, как будто тишина давила его. — Как долго нам еще идти? Даже, если он здесь, нам его не найти — путь очень длинный, и множество ответвлений.

Лэнгли продолжал идти. Ему больше ничего не оставалось делать. Он подумал, что Сарис вряд ли будет забираться под землю больше, чем это необходимо; холатане не страдали клаустофобией, но они были существами открытых равнин и неба, и не стали бы забиваться слишком глубоко. Сарис просто нуждался в безопасном месте, имеющем пару запасных выходов; ему подошла бы и маленькая пещера с двумя, тремя запасными туннелями, ведущими на поверхность. Но именно таким могло быть любое из сотен здешних мест, а карты пещер не существовало.

Логично было бы предположить следующее: поскольку у

Сариса не могло быть плана пещеры, он должен был проникнуть через главный вход, так же, как и все обычные посетители. Затем он должен был отыскать помещение, в котором есть проточная вода и можно жить. Лэнгли повернулся к человеку, который нес навигационное оборудование.

— Здесь поблизости есть какой-нибудь ручей или река?

— Да, вода вон в том направлении. Попробуем там?

— Да.

Лэнгли свернул в ближайший туннель. Стенки туннеля быстро сужались, скоро ему пришлось ползти.

— Это может быть здесь, — сказал он. Его слова отдались эхом. — Сарис мог сюда легко проскользнуть. Когда он захочет, то может двигаться на четырех конечностях, а человеку пробраться сюда трудно.

— Подождите... немного, капитан, вы возьмите нейротракер, — сказал кто-то позади него. — Я думаю, он вам поможет, но все эти люди вокруг создают сильную интерференцию.

Лэнгли, с трудом изогнувшись, подтащил к себе ящик. Настраивая его, он внимательно вглядывался в зеленый светящийся индикатор. Это устройство фиксировало сверхкоротковолновые импульсы нервной системы, возникающие при разряде синапсов и... Да, индикатор задрожал, фиксируя чье-то присутствие впереди.

В возбуждении, он полз дальше, проклиная стены, раздирающие ему бока. Его нашлемный фонарь был единственным светлым пятном в навалившейся на него темноте. Хриплое дыхание с трудом вырывалось из горла.

Внезапно он достиг конца и сразу же остановился. Туннель закончился. Выход находился то ли в нескольких футах, то ли в нескольких ярдах над полом, было неясно.

— Сарис! — закричал он.

Отозвалось эхо, значит, это каверна, порядочных размеров. Откуда-то доносился звук текущей воды.

— Сарис Хронна! Где ты?!

Затухающее эхо металось между стен.

Бластерный разряд оглушил его. Он был ослеплен: чернота перед глазами, и в ней танцующие крошки света; кожа лица горела, обожженная лучевым теплом. Он выключил свет и рванулся вперед, надеясь, что поверхность земли недалеко. Он зацепился за что-то ногами, зубы лязгнули, и он почувствовал под собою невидимый пол.

Следующий разряд влетел в устье туннеля. Лэнгли ощутил жар в крови, судорога свела ноги. Холатанин знал, где вход, и, изменив угол стрельбы, мог рикошетом поразить людей, стоявших около него.

— Сарис! Это я — Эдвард Лэнгли. Я твой друг!

Эхо смеялось над ним, танцуя в непроглядной тьме. Друг, друг, друг... Подземный поток говорил холодным, злым голосом. Если этот изгой, сведенный с ума страхом одиночества безжалостно решил уничтожить каждого, кто проникнет сюда, то Лэнгли обречен. Раскаленный меч энергетического разряда или внезапно сомкнувшиеся на его горле челюсти — это будет последним, что он почувствует. Но надо попытаться. Лэнгли пополз, пытаясь найти прикрытие под каким-нибудь валуном.

— Сарис! Я пришел вывести тебя отсюда! Я пришел отправить *тебя домой*!

Ответ прогрохотал из темноты, эхо не позволило определить, с какого направления.

— Это ты? Что ты хочешь?

— Я хочу поговорить с тобой... Ты сможешь вернуться на Холат.

Лэнгли объяснялся с ним по-английски. Это был их единственный общий язык; холатанский выговор был так не похож на земной, что он смог выучить всего несколько фраз.

— Мы твои друзья. Здесь только друзья.

— Так... — Настроение его по тону было не понятно. Лэнгли казалось, он слышит в темноте шорох приближающегося тяжелого тела с мощными лапами на мягких подушках. — Я не могу быть уверенным. Пожалуйста, опиши мне ситуацию честно.

Лэнгли попытался объяснить в нескольких словах. Камень, вдавившийся ему в живот, был мокрым и холодным. Он чихал, сопел и вспоминал старое определение приключения — это нечто, *очень увлекательное в тысячах миль от тебя*.

— Это единственный шанс для нас всех, — закончил он. — Если ты не веришь, то можешь остаться здесь до тех пор, пока не умрешь или сам не вылезешь отсюда.

Молчание. Затем:

— Я тебе вер-рю. Я з-знаю тебя. Но т-те... другие, так ли они думают, как ты?

— Я... что? Ох... Ты думаешь, Общество играет со мной как с молокососом, так? Все может быть. Но я так не думаю.

— Я не хочу, чтобы меня анатомировали, — сказал его собеседник.

— Этого не будет. Они хотят просто изучить тебя, посмотреть, как у тебя получается то, что ты делаешь. Ты расскажешь мне, о чем ты думаешь, когда это происходит, и мы выясним, как все работает.

— Да. Из строения моего мозга узнать ничего не удастся. Я думаю, такая машина, какую задумали ты и твои друзья, может быть просто построена, — Сарис замолчал, потом продолжил:

— Очень хорошо. Я должен получить шанс. Пусть будет так.

Когда свет забрезжил перед ним, он выпрямился и стоял высокий и гордый, полный достоинства, среди ящиков с припасами, которые позволили ему выжить. Он схватил руку Лэнгли обеими руками и прижался к его щеке.

— Я р-рад видеть тебя с-снова, — сказал он. — Извини... что так получилось.

— Я не знал... — сказал Лэнгли.

— Не надо. Вселенная полна сюрпризов. Все это неважно, если я могу вернуться домой.

Космонавты натолкнулись на них почти случайно. После оказания Лэнгли первой помощи, они вернулись на корабль. Валти сразу приказал подняться, как только все они оказались на борту, а потом приступил к беседе.

— Каковы ваши требования, Сарис Хронна? — спросил он, используя американца в качестве переводчика.

— Так. Прежде всего мне нужны два витамина, которые отсутствуют в земной биохимии, — Сарис нарисовал их формулы на листе бумаги. — Это их структурные формулы в обозначениях Лэнгли.

Космонавт перевел их на современные термины, а Валти кивнул.

— Их можно легко синтезировать. У нас есть молекулярный синтезатор на базе. Нам придется побывать там, чтобы подготовиться к отправке. У меня на секретной орбите есть сверхсветовой крейсер. Вас отправят туда и доставят на нашу основную базу в системе Сигмы-61. Это вне сферы влияния Сол и Центавра. Затем ваши способности будут изучены как следует, сэр, и вы получите там свое вознаграждение, капитан Лэнгли.

Дальше Сарис предложил собственный вариант сделки. Он согласен сотрудничать, если сможет вернуться на Холат с экипажем технических специалистов и достаточным количеством оборудования. Его мир находился очень далеко, чтобы опасаться звезд этого региона, но некоторые отдельные группы завоевателей могли оказаться там, а Холат был совершенно беззащитен против бомбардировки из космоса. Это положение должно быть изменено. Конечно, вооруженные роботы-спутники не смогут остановить полностью оснащенный флот вторжения — на это способен только другой такой же флот, но они хотя бы смогли заранее обнаруживать мелкие мародерные группы, которые вздумали бы терроризировать Холат.

Валти содрогнулся.

— Капитан, да он представляет себе, сколько это может стоить? Сколько может стоить один такой спутник?

— Не бойся, — засмеялся Лэнгли.

— Ах... Такое впечатление, будто он хочет выжать нас до нитки при таком сотрудничестве.

— Учтите, он может контролировать ваши мысли об уничтожении, а вы ничего не сделаете без него. Как теоретическую, так и практическую сторону он возьмет на себя. Когда он увидит, что проект близится к завершению, ваши корабли должны быть подготовлены для его отлета. Он еще хочет, чтобы на его корабле была установлена контролируемая им бомба, а также помещены заложники — женщины и дети, которые будут оставаться там, пока он полностью не завершит работу. Он предупреждает, что при первых признаках измены он сразу же все взорвет.

— Бог мой! — Валти скорбно обхватил голову. — Какая подозрительность! Ладно, ладно, пусть будет так. Но я содрогаюсь при мысли о счетах, которые придут за все это.

— Человечество, как вы понимаете, должно возместить ему этот долг за 2000 лет. Хватит об этом. Куда мы сейчас направимся в первую очередь?

— Мы скроемся в маленьком убежище в Гималаях: никакого великолепия, наши вкусы очень скромны, но зато полная безопасность. Я должен отправить доклад моему руководству на Земле, представить на их утверждение дальнейшие планы и подготовить документы для отдела Сигмы. Это займет немало времени.

У Лэнгли была глубокая рана на ноге, но современное лечение было простым. Полоской клейкой ленты стянули края пореза, а биостимулятор подстегнул регенерацию. Даже последствия глубокого хирургического вмешательства ликвидировались теперь в течение нескольких часов.

Космический корабль скользил по вытянутой эллиптической орбите, чтобы при возвращении уменьшить вероятность обнаружения с Земли. Когда они сели обедать, он обратился к Валти:

— Я не заметил особых изменений, — признался он. — Не стоило особого труда увидеть, что само человечество не улучшилось, но заметны огромные достижения в медицине. Очевидно, еще более поразительные изменения произошли в технике и сельском хозяйстве. Может быть, я слишком нетерпелив, согласен. В ближайшие несколько тысяч лет человек, наконец, займется собой и станет отличаться как от нас, так и от животных.

Валти отпил добрый глоток пива.

— Я не могу разделить ваш оптимизм, мой друг, — ответил он. — Я родился более шестисот лет назад и прыгал через пространство и время. Я видел историю, и мне кажется, что цивилизация — любая цивилизация, на любой планете — есть

субъект законов морали. Как бы умны мы ни были, нам никогда не удастся получить массу-энергию из Ничего, никогда не удастся заставить тепловой поток самостоятельно течь от холодного тела к телу, более нагретому. Это ограничение, накладываемое законами природы. И здания, и корабли приходится делать все больше и больше, так что в них приходится уже прокладывать транспортные магистрали, до тех пор пока не достигнем предела. Мы никогда не сможем сделать человека бессмертным, даже если позволит биохимия, потому что ему понадобится бесконечно много ячеек памяти, чтобы запомнить свое существование. Зачем тогда бессмертная цивилизация, или же цивилизация, занимающая всю Вселенную?

— И что, так будет всегда? Взлет, вырождение, упадок? Всегда война и страдания?

— Или это или то, к чему стремится Технон — смерть, маскирующаяся механическим подобием жизни. Я думаю, вы смотрите на это под неверным углом зрения. Разве это изменения? Это топтание на месте. Существует союз в космосе, более важный, чем любой другой мир, любая другая раса. Я думаю, жизнь во Вселенной существует потому, что Вселенная нуждается в ней, нуждается именно в тех свойствах, которыми больно живое создание. Нет... мне недоступен замысел ОТЦА. Ни в чем нет сознания, кроме органической жизни. И хотя безжизненная Вселенная содержит в себе жизнь, все ее разнообразие от того, что необходим шаг в эволюции от гигантского облака газа к идеальному вакууму, — Валти высморкался и захихикал. — Извините меня. Все это — старческие бредни. Но если бы вы путешествовали сквозь световые годы всю жизнь, то поняли бы, что есть еще нечто, не вполне объяснимое физической теорией. Я думаю, Общество исчезнет последним, потому что оно всегда было отлучено от пространства и времени. Но вряд ли оно переживет остальных, ведь и оно не вечно.

Он встал.

— Простите. Мы вскоре должны приземлиться.

Лэнгли нашел Марин в центральном салоне. Он подошел, сел рядом и взял ее за руку.

— Задержка будет недолгой, — сказал он, — мне кажется, что это лучше — отправить Сариса от того места, где его способности могут быть использованы только в дурных целях. Это лучше и для Сол. А сейчас мы должны выбрать свою дорогу.

— Да. — Она не смотрела на него. Марин побледнела, на ее лице было странное выражение.

— Что случилось? — спросил он встревоженно. — Тебе плохо?

— Я... я не знаю, Эдви. Мне все кажется таким странным, как

будто это сон. — Ее затуманенный взгляд был направлен поверх Лэнгли. — Что это? Я сплю где-то и...

— Что с тобой происходит? Ты можешь объяснить?

Она погладила его по голове.

— Как будто что-то появилось в моей голове. Будто бы кто-то сидит там и чего-то ждет. Это произошло внезапно. Напряжение, я чувствую его.

Лэнгли нахмурился. Беспокойство охватило его. Если она больна...

Только почему она так важна для него? Почему он так сразу прикипел к ней? Наверное, это очень просто. Даже независимо от ее внешности она была именно такой, с которой он вполне мог представить весь остаток своей жизни.

"РЭГГИ, ДЖИМ, БОБ... — Теперь она! Нет, только не это!" — Легкая дурнота.

Двигатель стих. Сарис Хронна окликнул его из-за двери.

— Мы приземлились, — объявил он. — Выходим.

Корабль уютно улегся в ярко-освещенной пещере. Позади него виднелись громадные ворота, которые выходили на склон горы. Это была высокогорная, пустынная страна, вечные снега венчали горы, глетчеры стекали в ущелья — холодно, ветрено, пусто — место, где человек мог скрываться годами.

— Есть ли у нас здесь какая-нибудь защита? — спросил Лэнгли, когда они вместе с Валти вышли из корабля.

— Нет. Зачем она нам? Достаточно иметь хоть немного металла, чтобы быть обнаруженным, поэтому все тут сделано из пластика или камня. Я — мирный человек, капитан. Я больше надеюсь на свои мозги, чем на оружие. За последние пять тысячелетий это убежище не было обнаружено.

Они прошли в зал с несколькими распахнутыми дверями. Лэнгли увидел помещение, которое, очевидно, было радиорубкой, используемой в крайних ситуациях. Люди Валти направились в свои жилые помещения — они вообще мало разговаривали. Люди Общества, казалось, не способны были к праздной болтовне, но при этом они выглядели вполне довольными. Почему бы и нет? Ведь они в безопасности. Схватка окончена.

Марин покачнулась, и ее глаза расширились.

— В чем дело? — спросил Лэнгли. Его голос прозвучал хрипло и растерянно.

— Я... я не знаю. — Она пыталась удержаться на ногах. — Я чувствую себя так странно. — Ее глаза затуманились, и он заметил, что она с трудом двигается.

— Валти, что с ней происходит?

— Не знаю, капитан. Возможно, это только реакция. Такое бывает в тяжелые минуты с людьми, которые не привыкли к конфликтам и неприятностям. Отправьте ее в постель, а я пришлю к ней корабельного врача, чтобы он посмотрел ее.

Офицер-врач был поставлен в тупик.

— Психология — не мое дело, — заявил он. — Персонал Общества редко испытывает трудности такого рода, поэтому среди нас мало хороших психиатров. Я дал ей успокоительное. — Он виновато улыбнулся. — Так много наук, этих проклятых наук. Одна голова все их не вмещает. Я могу вправить поломанные кости или подобрать лекарство против инфекционной болезни, но когда в мозгах беспорядок, то все, что я могу — это пробормотать несколько наполовину забытых медицинских терминов.

Надежды Лэнгли рассыпались в прах.

— Пойдемте, капитан, — сказал Валти, взяв его за руку, — попробуем состряпать витаминные пилюли для Сариса Хронны, после этого вы сможете немного поспать. Еще 24 часа — и мы уберемся из Солнечной системы. Думайте об этом.

Они работали в лаборатории, когда туда сунулся Сарис.

— Она ходит, — сказал он, — она ходит туда и сюда и выглядит очень странно.

Лэнгли выскочил в коридор. Марин стояла согнувшись и глядела на него прояснившимися глазами как-то снизу.

— Где я? — быстро спросила она.

— Возвращайся назад, — сказал он, — и ложись в свою постель.

— Я чувствую себя лучше, — сказала она ему. — У меня в голове было какое-то давление, потом все потемнело перед глазами, и вот я почему-то здесь, но сейчас я чувствую себя прежней.

Нетронутый стакан наркотика стоял на столике рядом с ее постелью.

— Выпей это, — сказал Лэнгли. Она повиновалась, улыбнулась и уснула. Он подавил в себе желание поцеловать ее.

Вернувшись, он застал Сариса, прячущего флягу с приготовленной для него смесью в мешочек, висящий у него на шее. Валти отправился возиться со своими бумагами, и они оказались одни среди машин.

— Я почувствовал, что ее сознание прояснилось, как будто я... услышал это — сказал Сарис. — Часто у представителей вашей расы бывают такие расстройства?

— Бывают. И сейчас, и всегда были, — сказал Лэнгли. — Шарики зашли за винтики. Я боюсь, мы спроектированы менее удачно, чем твой народ.

— Вы могли бы быть такими же. Мы убиваем неполноценных в молодости.

— Такое у нас бывало и раньше, бывает, наверное, и теперь, но редко, и продолжается недолго. Нечто в нашей природе запрещает делать нам это.

— Но при этом из-за собственных амбиций вы можете уничтожить мир. Я никогда не пойму вас.

— Сомневаюсь, что мы и сами когда-нибудь поймем себя.

Лэнгли потер шею, раздумывая.

— Может быть, потому что мы не телепаты, и каждая индивидуальность развивается отдельно и независимо от других своим собственным путем? Твой народ обладает эмоциональной эмпатией; тримане, я слыхал, могут прямо читать мысли. В таких случаях индивидуальность находится под контролем всей расы и развивается в общем русле. Но у человечества каждый из нас всегда единственный, мы можем всегда выработать независимый образ жизни.

— Это может быть. Я был поражен вашей неодинаковостью. Иногда я думаю, что ваш народ — отчаянье и надежда Вселенной.

Лэнгли зевнул. Боль и усталость означали, что действие стимулятора кончается.

— Черт с ним. У меня теперь прорва времени.

Час спустя он был разбужен звуком взрыва. Когда он встал, то услышал хлопок бластерного разряда.

14

Другой взрыв заставил содрогнуться стены. Кто-то пронзительно кричал, кто-то ругался, слышался топот людей, бегущих по коридорам. Как только он влез в свою одежду и прицепил энергопистолет, его скрутил сильнейший приступ тошноты.

— Как они ошиблись! Сброшенные было фигуры расставлены, и игра вновь продолжается. Он остановился напротив старинной двери с ручным приводом и с треском открыл ее. Потянуло зловонием горелой плоти. Два тела в серых мундирах скорчились в проходе — борьба была уже окончена. Лэнгли вышел наружу. Впереди него, там, где размещался центральный зал, слышался какой-то шум. Он побежал туда с безрассудной мыслью напасть на тех, кто вторгнулся на базу. Хотя резкий холодный сквозняк выносил дым прочь, он задыхался на бегу. Где-то в подсознании он отметил, что, очевидно, входные ворота взорваны, и внутрь врывается ледяной горный воздух.

Скорее к выходу! Он вбежал в зал, нажимая на спуск блас-

тера. У бластера не было отдачи, но шипящий луч оказался шире, чем он хотел. Он не знал, как действует это современное оружие и понял только тогда, когда кто-то ловко повернулся на пятке и резко взмахнул другой ногой. Бластер Лэнгли выскользнул из рук и полетел на пол, и он застыл перед дюжиной ожидающих его головорезов.

Экипаж Валти столпился вокруг Сариса Хронны. Они стояли с бессильно поднятыми вверх руками, их обезоружили при штурме, и они были вынуждены сдаться. Холатанин пригнулся к полу, опираясь на четыре конечности, его глаза полыхали огнем.

Бранноx ду Кромбар разразился гомерическим хохотом.

— Так вот вы где! — проговорил он. — Привет, капитан Лэнгли! — Он возвышался над плотно окружившей его полусотней людей. Странное лицо Бранноха было освещено радостной улыбкой.

— Отличная шутка вышла!

— Сарис! — выдохнул американец.

— Позвольте, — Бранноx протиснулся к нему. — Позвольте мне сделать некоторые разъяснения. У нас есть чисто механическое оружие, сделанное несколько дней назад для половины моей группы — ударные капсули с гремучей ртутью, инициирующие химическое взрывчатое вещество. Бабахает так, что глохнешь, но в ближнем бою мы смогли удачно им воспользоваться. А он был бессилен нейтрализовать его.

— Я понял, — Лэнгли почувствовал, как внутри все оборвалось, как рухнули его надежды. — Но как ты нашел нас?

Вошла Марин. Она остановилась у входа, глядя на всех. Ее лицо застыло словно маска, стало лицом рабыни.

Бранноx наставил на нее палец.

— Девчонка, конечно, — сказал он. — Это она позвала нас. Ее неестественное спокойствие сразу исчезло.

— Нет! — закричала она. — Я никогда...

— Не переживай, моя дорогая, — пророкотал Бранноx, — на последнем этапе хирургии в тебя была вживлена постгипнотическая команда, кондиционированная машиной. Это очень мощный приказ, не выполнить его невозможно. В случае, если Сарис будет найден, ты должна была известить нас об этом при первой возможности. И, как видим, так оно и вышло.

Она слушала его с ужасом в глазах. Лэнгли ощущал, как бьется его сердце.

Громыхающий голос центавриянина продолжал:

— Вы должны знать это, капитан. Я уволок ваших друзей. Они ничего не смогли мне сказать и, против моей воли, увы... их... больше нет... Я сожалею.

Лэнгли отвернулся от него. Марин заплакала.

Валти откашлялся.

— Прекрасно, мой лорд, прекрасно. Замечательно выполнено. Но среди моих людей несколько жертв. Я боюсь, Общество не сможет закрыть на это глаза. Здесь, очевидно, потребуется компенсация.

— Включая Сариса Хронну, конечно? — Браннох говорил без тени юмора.

— Конечно. И репарации согласно положению в гильдии. Кроме того, Общество может применить санкции к вашей системе.

— Прекращение торговли? — фыркнул Браннох. — Мы обойдемся без ваших товаров. И только попробуйте попытаться использовать военную силу!

— Ах нет, мой лорд, — сказал Валти очень мирно. — Мы — гуманные люди. Но мы играем важную роль в экономической жизни многих планет, где имеем представительства. Капиталовложения, наши собственные местные компании — если необходимо, мы можем хорошенько тряхнуть вашу экономику. Она не такая неподатливая, как экономика Сол, вы это знаете. Я сомневаюсь, что ваши люди спокойно отнесутся к катастрофической инфляции, когда мы выбросим на рынок несколько тонн празсодима, и в последующей за этим депрессии и безработице ваши ведущие компании разорятся.

— Я знаю, — сказал Браннох, не двигаясь. — Я не собирался применять больше силы, чем необходимо, но вы заставляете меня сделать это. А что, если весь ваш персонал исчезнет здесь *без всякого следа*? Я как раз думаю над этим. Я смахну с доски все ваши фигуры.

— Я уже направил доклад моему руководству, мой лорд, и только ждал окончательного приказа. Они знают, где я.

— Но они не знают, кто устроил это. Так что можно будет свалить все на Чантхавара. Да. Прекрасная идея.

Браннох опять повернулся к Лэнгли. Он сжал плечо космонавта, стремясь привлечь его внимание.

— Скажи-ка мне, эта твоя зверюга говорит на каком-нибудь современном языке?

— Нет, — сказал Лэнгли. — И если ты надеешься, что я буду твоим переводчиком, то поищи кого-нибудь другого.

Тяжелое лицо нахмурилось.

— Я не хочу, чтобы ты смотрел на меня, как на чудовище. У меня свой долг. Я и не питаю к тебе ненависти, хотя ты и действовал против меня. Если ты согласишься сотрудничать, мои

предложения останутся в силе. Если же нет, то я накажу тебя. Тогда ты ничего не получишь. Мы научим языку Сариса и как-нибудь справимся с этой работой — в твоих силах только немного задержать ее, — он замолчал. — Подумай, я предупреждаю тебя по-хорошему. Но если ты еще раз попытаешься нарушить наш договор, наказание будет суровым.

— Тогда давай, — сказал Лэнгли. Он нисколько не испугался. — Что ты хочешь у него узнать?

— Мы хотим взять его на Тор, где он будет участвовать в создании нейтрализатора. Если он по какой-то причине откажется участвовать в этом, то будет убит, а корабль-робот отправится бомбардировать его планету. Хоть для этого и потребуются тысячи лет, но она будет уничтожена. Если же он согласится помочь нам, то его вернут домой, — Браннох пожал плечами. — Хотя, какая ему, к дьяволу, разница, на кого работать. Это же все равно не его соотечественники!

Лэнгли перевел все это на английский, почти слово в слово. Сарис молчал около минуты, затем сказал:

— Это беда для тебя, мой друг.

— Да-а, — сказал Лэнгли. — Считай, что так. Так что ты собираешься делать?

Холатанин выглядел задумчивым.

— Трудно сказать. У меня сейчас почти нет выбора. Хотя из того, что я знаю, Сол ничуть не лучше Центавра.

— Браннох указал суть, — сказал Лэнгли. — Все же соглашение с Обществом для тебя несколько предпочтительнее, они хотя бы не угрожают твоему народу.

— Но это все равно. Несправедливость в жизни, несправедливость в космосе — все равно это несправедливость. Если предположить, что кто-то когда-то найдет способ путешествовать быстрее света, значит, они займут лидирующее положение во всеобщей торговле, и тогда другие ущемленные планеты смогут объединиться для противодействия им.

— Ладно... Так что нам делать, исключая, конечно, неуместные сейчас попытки продемонстрировать свой героизм?

— Я не вижу выхода. Это не значит, что его не существует. Может, поискать другой выход?

Лэнгли безразлично кивнул. Его уже давно тошнило от этой грязной торговли. Пусть победит Центавр. Они были не лучше, чем другие.

— Хорошо, Браннох, — сказал он, — мы согласны.

— Прекрасно! — Гигант весь затрясся в безудержном восторге.

— Вы понимаете, конечно, — сказал Валти, — что это означает войну?

— Ну и что? — спросил Браннох, по-настоящему удивленный.

— Война, которая, как с нейтрализатором, так и без него, может сокрушить цивилизацию обеих систем. Как вам понравится увидеть проционистов, заселяющих радиоактивные руины Тора?

— Вся жизнь — игра, — сказал Браннох. — Если вы не метите карт — а я думаю, что вы это тоже делаете — вы увидите это! Хватит равновесия сил! Сейчас мы получим нейтрализатор. Это позволит нам достигнуть самых вершин, если мы используем его правильно. Это не абсолютное оружие, но это его прообраз. — Он закинул назад голову и закатился беззвучным смехом.

Отсмеявшись, он сказал:

— Отлично. У меня есть небольшая берлога в моих владениях в Африке. Мы займемся там кое-какой подготовкой и, среди прочего, изготовим искусственный муляж тела Сариса — это для ищеек Чантхавара. Я, к сожалению, не смогу сразу же покинуть Землю, иначе он заподозрит неладное. Достаточно во всем этом деле подсунуть им хотя бы отпечаток моего следа, чтобы меня объявили персоной нон грата, лишенной благосклонности — и тогда за мной вернутся с флотом.

...А потом Лэнгли шел по склону горы, где снег скрипел под ногами, а ясное черное небо было усеяно звездами. Пар от дыхания белым облачком выходил изо рта, воздух был резким, холодным, тело непроизвольно дрожало. Марин прильнула к нему, как бы ища тепла, и он посторонился ее.

"ОРУДИЕ".

Нет... Нет. Это нечестно по отношению к ней. Она была под действием гипноза, когда предала его, и собственной воли у нее было куда меньше, чем если бы кто-то заставил поступить так, держа пистолет за ее спиной. Но все равно, он не мог теперь смотреть на нее спокойно.

Корабль только что опустился на землю. Лэнгли прошел внутрь салона, нашел себе кресло и постарался не думать.

Марин страдальчески взглянула на него и отошла. Пара вооруженных охранников, белокурые, с надменными лицами, очевидно,ториане, застыли у входа.

Сариса здесь не было, его отправили в какое-то другое место. Он вовсе не был беспомощным, и вполне мог разбить корабль — Браннох, кажется, это понимал.

Горы провалились вниз. Мелькнул слой облаков, пронизанных солнечными лучами, и они оказались за пределами атмосферы, огибая планету и направляясь к центру Африки.

Лэнгли размышлял, чем ему придется заниматься оставшу-

юся часть жизни. Вполне возможно, Браннох отправит его в какой-нибудь землеподобный мир, как обещал — но это, очевидно, будет далеко от его цивилизации — в мир, еще только первоначального освоения. Трудно его себе представить.

Ладно... Он не станет свидетелем войны, но всю жизнь его будут преследовать видения вспоротого неба и миллиардов горящих, летящих, выпотрошенных, вдавленных в землю человеческих существ. А что он еще может сделать? Он попытался и ошибся... Неужели все?

"— Нет, — сказал он себе.

— Я не спрашиваю тебя о трудностях.

— Никто не спрашивает ни о чем человека перед рождением, но он должен сам прожить свою жизнь.

— Я пытался, говорю я тебе!

— Тверд ли ты был в своем упорстве? Подумай.

— Что я могу сделать?

— Ты должен не сдаваться."

Время шло. "С каждой минутой все ближе смерть", — печально размышлял он. Африка сейчас была на дневной стороне, но корабль Браннохa не шел на посадку. Лэнгли заподозрил, что мешает то ли отсутствие разрешающего сигнала, то ли воздушный патруль. У них был обзорный экран, и он заметил широкую реку — очевидно, Конго. Плантации выстроились ровными квадратами так далеко, насколько он мог видеть. Пол территории континента были раскиданные средних размеров города. Корабль избегал их, летя низко над землей до тех пор, пока не достиг небольшой группы полусферических зданий.

— А-а, — сказал Валти, — административный центр плантаций? Весьма гениально. Я не сомневаюсь. Но под землей... М-да...

Участок пыльной земли сдвинулся, открывая металлическую окантовку шахты, и корабль опустился в ангар. Лэнгли проследовал за остальными и оказался в большом помещении, в котором находился какой-то бак.

Лэнгли смотрел на бак с неподдельным любопытством. Это была большая штука — стальной полуцилиндр футов 20 в диаметре и 50 длиной, смонтированный на антигравитационной платформе, на которой были установлены громоздкие баллоны с газом, компрессоры, двигатели, путаница труб и манометры, рассчитанные на давление, которое, как он перевел, было около 1000 атмосфер. Потрясающая штука... Что это — результат силовых полей или успех современной металлургии? Все приспособления были громоздкие, машины работали под нагрузкой, а из бака раздавались какие-то звуки, словно там находилось нечто живое.

Браннох вышел перед своим экипажем и весело помахал рукой. Его триумф придал ему почти мальчишескую непосредственность.

— Тримакс, он здесь! — радостно сказал он. — Мы их всех переловили!

15

Скучный микрофонный голос холодно произнес:

— Да... И ты уверен, что не было ловушек в том месте, где ты высаживался? Что тебе не поставили трассер? Что ты все полностью проверил?

— Конечно. — Веселость Бранноха мгновенно испарилась, он резко помрачнел. — Если только вы сами не "засветились".

— Мы — нет. После прибытия мы провели инспекцию. Но небрежность управляющего плантациями, которого вы назначили — весьма прискорбна. На прошлой неделе он приобрел пару новых рук на ферму и не предупредил их относительно того, что никто не должен интересоваться нашей деятельностью.

— Что там — плантационные рабы! Они никогда не заподозрят ничего особенного.

— Вероятность разглашения мала, но все же существует. Поэтому необходим постоянный контроль. Ошибки должны быть исключены, а вы обязаны приказать управляющему подвергнуться пятиминутному нейрошоку.

— Послушай... — Браннох от изумления открыл рот. — Майра служит мне уже пять лет и делает это старательно. Достаточно просто внушения. Я не хочу...

— Ты должен.

Некоторое время Браннох стоял молча, вся его мощная фигура выражала протест, неповиновение. Затем будто бы нечто извне вошло в него; он пожал плечами и горько улыбнулся.

— Ладно. Раз вы говорите... Хотя сейчас не время с этим возиться, достаточно других дел.

Лэнгли встрепенулся и почувствовал возбуждение, хотя ощущение поражения еще владело им.

ВАЛТИ ПРЕДУПРЕЖДАЛ ОБ ЭТОМ. РЕБЯТКИ, ЧТО НАХОДЯТСЯ В ЭТОМ МУСОРНОМ БАКЕ, НИКАКИЕ НЕ ПОМОЩНИКИ, ОНИ ХОЗЯЕВА. У НИХ ЕСТЬ КАКИЕ-ТО СВОИ СООБРАЖЕНИЯ, И ОНИ ИХ СЕЙЧАС ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛИ.

НО ЧТО ИМ НАДО? ЧТО ОНИ СУЕТЯТСЯ? КАК ОНИ ПОДТОЛКНУТ ВОЙНУ? ТОРИАНЕ МОГУТ ЗАХВАТИТЬ ЗЕМЛЮ, НО ЭТО НЕ ЛУЧШЕЕ МЕСТО ДЛЯ ВОДОРОДНЫХ БРАТЬЕВ.

— Подойди сюда, чужак, — сказал механический голос. — Дай нам лучше рассмотреть тебя.

Сарис приблизился, сопровождаемый дулами ружей. Его гибкая коричневая фигура почти прильнула к полу и была совершенно неподвижна, кроме самого кончика хвоста, который судорожно подергивался. С холодным безразличием он глядел на бак.

— Да, — сказали тримане после долгого молчания. — Да, что-то в нем есть. Мы никогда не встречали таких отличий в сотне других жизненных форм. Он может быть опасен.

— Он будет полезен, — сказал Браннох.

— Только если его эффект может быть повторен в каком-то механическом устройстве, мой лорд, — вмешался Валти с самым елейным видом. — А вы-то уверены в этой возможности? Может быть, только живая нервная система может генерировать подобные поля..? Или управлять ими? Вы знаете, контроль — наиболее сложная проблема; это может потребовать отлично работающего мозга, который, как известно, наука не в состоянии создать искусственно.

— Это материал для изучения, — пробормотал Браннох. — Это для ученых.

— И если ваши ученые не справятся с проблемой? Что тогда случится с вами? Тогда вы влезете в войну, не получив того, на что рассчитывали. Военные силы Сол больше и лучше организованы, чем ваши, мой лорд. Они могут похитить вашу победу.

Лэнгли заметил, как с лица Бранноха исчезла решимость действовать — перед ним встала проблема, о которой он раньше не задумывался. Он долго смотрел себе под ноги, сплетая и расплетая пальцы рук.

— Я не знаю, — наконец быстро произнес он. — Сам я не ученый. Как, Тримакс? Что ты об этом думаешь?

— Возможность того, что эта задача не будет решена, тоже рассмотрена нами, — ответил бак. — Это вполне определимая вероятность.

— Может, лучше все же уничтожить его? Наверное, мы слишком заигрались, ведь я не могу долго дурачить Чантхавара. Может, лучше хотя бы на несколько лет застабилизировать наши отношения...

— Нет, — ответили монстры, — все факторы уже уничтожены. Оптимальная дата начала войны уже близка, даже несмотря на отсутствие нейтрализатора.

— Вы в этом уверены?

— Не задавайте бессмысленных вопросов. Вы потеряете недели, пытаясь понять детали нашего анализа. Выполняйте запланированное.

— Ладно... хорошо! — Получив указания, Бранноx принялся действовать, словно стараясь отогнать те сомнения, которые одолевали его. Он быстро раздал приказы своим подчиненным, и пленные были отправлены в отведенные для них камеры. Лэнгли успел только взглянуть вслед уходящей Марин, затем он и Сарис были отправлены в одну маленькую комнату. Убогая обшарпанная дверь с лязгом захлопнулась за ними. Два торианина с оружием застыли снаружи.

Помещение был тесным, лишенным каких бы то ни было удобств и без окон; в углу торчали раковина и унитаз, у стены были табуретки и больше ничего. Лэнгли сел и устало улыбнулся Сарису, свернувшемуся у его ног.

— Это напоминает мне мое время. В таких каталажках держали преступников при пересылке из одной тюрьмы в другую, здесь их навещали юристы, тут же им выписывалось постановление об аресте.

Холатанин лежал молча, не задавая вопросов, было видно, что он весь расслабился. Помолчав, Лэнгли добавил:

— Интересно, почему они затолкнули нас вдвоем в эту камеру?

— Потому что мы будем разговаривать, — ответил Сарис.

— Да-а... Ты ощущаешь какие-нибудь записывающие устройства, микрофоны в стенах? Хотя... Ведь мы говорим по-английски.

— Сомневаюсь, что у них есть... что они имеют опыт в переводах с древних языков. Но наши дискуссии записываются и, может быть, будут переведены завтра.

— М-да. Только ничего, достойного их внимания мы сказать не можем. Хотя мне хотелось бы поразмышлять о происхождении, внешности и морали центавриан.

— Конечно, здесь многое достойно обсуждения. Поэтому ты не беспокойся, когда мы будем затрагивать щекотливые вопросы, я буду останавливать запись.

Лэнгли отрывисто, резко засмеялся.

— Вот здорово! Эти пташки там, снаружи, не разберутся в английском.

— Я хочу привести свои мысли в порядок, — сказал холатанин. — А ты тем временем проверишь, совпадают ли наши мнения. Мне кажется наиболее важно понять мотивы триман.

— Ах так? Я думал, тебе интереснее узнать, что они собираются делать с тобой. Они говорили, что тебя надо убить, но чтобы ты об этом не знал заранее.

— Это не так жизненно важно, как ты думаешь, — Сарис прикрыл глаза.

Лэнгли с недоумением посмотрел на него. "Я НИКОГДА НЕ ПОЙМУ ЕГО".

Мелькнул проблеск надежды, смутной, неясной, усилием воли он подавил его и подошел к двери.

Один из охранников нервно дернулся и направил на него свое оружие. С первого же взгляда было видно, что оно нестандартное; возможно, гладкоствольное, спроектированное и изготовленное для подобных случаев, но не очень опасное.

— Э-э, парень, я ведь так, просто, — сказал Лэнгли, — я не кусаюсь...

— У нас строгий приказ, — ответил торианин. Он был молод, немного испуган, и страх усиливал его грубый акцент. — Если что-нибудь будет не так, и нам покажется, что в этих неполадках виноваты вы, вы будете расстреляны. Запомните это.

— Вы не даете нам никаких шансов? Ладно, делайте, что хотите, — Лэнгли оперся о косят. Сейчас ему нетрудно было расслабиться и выглядеть дружелюбным. Все равно делать было больше нечего. — Я вот что только хотел узнать: что вы, ребята, с этого имеете?

— Что ты имеешь в виду?

— Ладно, я так понимаю, что вы тут служите в дипломатической миссии или связаны с перевозкой грузов. Когда вы оказались на Земле?

— Три года назад, — сказал второй охранник. — А срок полной межпланетной службы — четыре года.

— Но надо еще добавить время на перелет, — заметил Лэнгли. — Вот и получается около тринадцати лет. Ваши родители состарились, а может быть, и умерли, ваши подружки уже давно повыходили замуж. В мои времена это был очень долгий срок.

— Заткнись! — Ответ был решительный и мгновенный.

— Я не призываю вас бунтовать, — сказал Лэнгли примирительно. — Только спрашиваю. А вознаграждение за это довольно кругленькое, не так ли?

— Получаем боны межпланетной службы, — сказал первый охранник.

— И много?

— Да-а!

— Я вот как думаю. Дело, наверное, не в этом. Парни отправляются десятка на два лет куда-то служить. Старики, у которых закладная на ферму, как правило, ее просрочат. А когда парни возвратятся назад без денег и без барахла, вынуждены будут всю свою жизнь еще на кого-то вкалывать. Ну, хотя бы, на какого-нибудь банкира, у которого хватило ума остаться дома. Так богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. Так бывало и на Земле семь тысяч лет назад. В одном месте, которое называлось Рим.

Тяжелые и грубые их лица — лица мало размышляющих крестьян — ничего не выражали, они не подали вида, что Лэнгли попал в точку и промолчали.

— Извините, — сказал Лэнгли. — Вам, наверное, это не интересно. Я только полюбопытствовал. Я хотел немного узнать о вас. Я понимаю, что вас интересует хороший кусок земли здесь, в Солнечной системе, но причем здесь те, с Трима?

— Трим — часть Лиги, — сказал один из охранников. Лэнгли заметил оттенок недовольства в его голосе. — Они просто... Они — наши союзники.

— Но они имеют право голоса или не имеют? Они могут возражать против этого похода? Или они собираются колонизировать Юпитер?

— Нет, они не могут, — сказал охранник. — Есть отличия в атмосфере, не хватает аммиака, так я думаю. Они не могут использовать планеты этой системы.

— Тогда какой им интерес завоевывать Сол? Почему они прячутся за вами? Сол им никогда не сможет повредить, а Тор воевал с ними не так давно.

— Они были разбиты, — сказал охранник.

— Какого дьявола они были разбиты? Ты можешь победить объединенную планету, большую, чем все другие, вместе взятые? Война была проиграна, и ты знаешь это. Если бы Земля и Тор объединились, держу пари, то могли бы победить их и загнать туда, откуда они вылезли. В одиночку Тор способен только на соглашение с Тримом, от которого получит только объедки. Тримане добились своего, в системе Проксимы нет планет, колонизированных людьми.

— А я еще удивился, как Трим сумел повернуть это дело.

— Я не хочу больше об этом говорить, — сердито сказал другой охранник. — Ступай назад.

— Лэнгли застыл на мгновение, оценивая ситуацию. Здесь кроме этих двоих, других солдат больше не было. Дверь закрывалась на электронный замок, который Сарис откроет без особого напряжения воли. Но эти два парня запуганы почти до истерического состояния, при первых же признаках чего-то непонятного они набросятся на своих пленников. Это не выход.

Он повернулся к Сарису.

— Ну как, разобрался со своими мыслями?

— До некоторой степени, — холатанин сонно поглядел на него. — Ты можешь выслушать те выводы, к которым я пришел?

— Давай.

— Я не могу читать мысли, я могу лишь чувствовать эмоциональное состояние человека. Со временем я научусь делать большее, пока мышление для меня недоступно, даже твое. У

триман было больше времени для изучения таких возможностей.

— Так они могут читать наши мысли! Да-а, бьюсь об заклад, Чантхавар не знает этого! Они провели инспекцию в мозгу управляющего. Теперь я понимаю. Ты тоже так думаешь?

— Да, совершенно верно. Позволь мне продолжать.

Изложенное было коротко и точно. Каждая живая нервная система излучает энергию различных видов. Например, это могут быть электрические импульсы, которые методом энцефалографии научились фиксировать еще задолго до времен Лэнгли. Так же излучается небольшое количество тепла и совершенно неуловимое излучение наиболее проникающего гиромагнитного поля. Но существует разнообразие спектров излучения, у каждой расы свой характерный набор. Психофизиологи с Земли не смогли бы обнаружить альфа-ритм мозга разумного существа с Холата, они должны были бы целиком изучить сначала новый "язык".

На большинстве планет, включая Землю, подобная чувствительность к излучениям развита очень слабо или отсутствует вовсе. Эволюция развила в живых существах способность не только распознавать такие явления, как свет и звук, но и дала возможность "слышать" нервные импульсы. В прошлые времена наличие в человеке ЭСВ (экстрасенсорного восприятия) было объектом жарких дебатов и споров, за исключением нескольких сомнительных случаев, человечество телепатически было глухим. Но на некоторых планетах, благодаря статистически маловероятной серии мутаций, органы ЭСВ стали развиваться, и большинство животных и разумных обитателей, если они были, стало ими обладать. В случае Холата это развитие оказалось уникальным — животные могли не только улавливать первые импульсы своих собратьев, но и влиять на работу чужой нервной системы. Это основа холатанской эмоциональной эмпатии, благодаря этому же Сарис и смог повлиять на работу электронных устройств. Как следствие некоторых законов информационной компенсации способность восприятия была объединенной на вербальном уровне; холатане использовали звуковую речь только потому, что не всегда могли телепатически ясно выразить отвлеченные идеи.

Телепатия триман была так называемого "нормального" вида — чудовища могли слушать посредством специализированных нервных окончаний у основания щупалец, но не могли влиять.

Однако телепатическое подслушивание не является настоящим чтением мыслей. "Мысли", как часть реального мира, не существуют; есть только процесс мышления — поток импульсов через синапсы. Тримане не читали в человеческом сознании как

таковом, но считывали субвокальные нервные импульсы. Человек, думающий на сознательном уровне, "говорит про себя" — моторные импульсы идут из мозга в гортань, то есть он как будто бы говорит вслух, не издавая ни звука. Это и есть так называемые импульсы, которые тримане чувствовали и интерпретировали.

Для того чтобы считывать таким образом "мысли" других, они должны были знать их язык. И Сарис, и Лэнгли, естественно, думали на языке, неизвестном им. То, что они считывали, воспринималось ими как шум.

— Я... понял, — кивнул Лэнгли. Я читал об этом случае, который произошел за несколько сот лет до моего времени. Подобного телепата демонстрировали Папе Римскому, существовал тогда такой религиозный деятель. Телепат был смущен, сказав, что не может ничего понять, и Папа ответил, что он думал на латыни. Да, наверное, это было то же самое, — он криво улыбнулся. — Что же, наша ментальная секретность — хотя бы какое-то утешение, в конце концов.

— Есть еще кое-что, — подал голос холатанин. — Я должен предостеречь тебя. Вскоре возможно нападение.

— ЧТО?

— Не пугайся, но твоя женщина... Марин ее имя? Я в ней обнаружил тогда электронное устройство.

— Как? — у Лэнгли перехватило дыхание. Это был слишком сильный удар по нервам. — Но... это же... невозможно... она...

— В нее хирургически вмонтировано то, что я считаю излучателем со случайно меняющейся частотой. То есть она помечена. Я должен был сказать об этом Валти, но сомневался, потому что еще не был как следует знаком с нервной системой человека. Я думал, это норма для ваших женщин, метка для других самцов, означающая, что она твоя. Но теперь, больше узнав о вас, я понял, для чего она.

Лэнгли всего трясло. Марин! Марин опять! Но как?

Затем он понял. Это произошло в то время, когда она была похищена, а потом возвращена. Она была похищена только для этого, а он, Лэнгли, никак не мог понять, для чего. Автоматический коммуникатор, подобный тому, что дал ему Валти, вживленный в ее тело хирургически.

Но такое устройство должно быть короткодействующим, то есть детекторы для его обнаружения находятся в пределах планеты. Только Чантхавар мог иметь такую систему детекторов.

Лэнгли простонал:

— Скольким людям этот Иуда уже подложил свинью!

— Мы должны быть готовы, — сказал холатанин спокойно. — Наши охранники попытаются в этом случае убить нас, не так ли? Следовательно, мы можем быть...

— Или предупредить Бранноха? — Лэнгли обдумывал эту мысль с минуту, но потом отбросил ее. Нет. Даже если центавриане сумеют скрыться, боевой флот Сол будет гнаться за ними по пятам, и война, бесполезная, бессмысленная война обрушится подобно лавине.

"Пусть тогда победит Чантхавар. Ничто не изменится. — Лэнгли усмехнулся про себя. — Из-за чего вся драка? Стоит ли вмешиваться?"

Но, нет. Почему-то он чувствовал, что должен выжить. Ему дан голос, однако очень слабый в сегодняшней истории, и он обязан высказаться так, как может.

Прошло около часа, прежде чем Сарис повернул к нему свою бесстрастную морду.

— Гравитационные колебания. Я думаю, время пришло.

16

Завыла сирена. Как только ее звук проник вниз, в зал, охранники вскочили, но тут же на мгновение застыли.

Дверь распахнулась, и Сарис Хронна выскочил наружу. Прыгнув, как тигр, он отшвырнул одного из охранников к дальней стене. Другой пытался увернуться, но рухнул в метре от первого, цепляясь за свое оружие. Он попытался вскочить на ноги, поднять его, но тут уже Лэнгли начал действовать.

Лэнгли не был боксером или борцом. Левой рукой он ухватил ствол, поднимая его вверх, а правой врезал охраннику в челюсть. Тот закатил глаза, плюнул кровью, но устоял и саданул Лэнгли ногой в тяжелом ботинке по лодыжке. Лэнгли завалился на бок, боль пронзила его. Центавриан отпрянул, поднимая ружье. Сарис отбросил Лэнгли в угол и оглушил охранника.

— Как ты? — спросил он, обернувшись. — Больно?

— Вроде двигаюсь, — Лэнгли ощупал свою голову, проверяя, нет ли повреждений. — Пошли... поднимать остальных. Может быть, еще возьмем верх в нашей драке.

Выстрелы и взрывы загремели в соседних помещениях. Откуда-то вывалился Валти, его массивная рыжая голова была наклонена, как у быка.

— Сюда! — заревел он. — За мной! Здесь должен быть выход!

Пленники последовали за ним, выскакивая в коридор через открытую Сарисом дверь. Сарис пригнулся — их могли ждать наверху. Замаскированный выход открылся перед ними, и послеполуденное солнце осветило их.

Четыре патрульных корабля гудели в небе как рассерженные пчелы. Около одного из зданий стоял флаер. Сарис бросился к

нему гигантскими скачками. Он уже был рядом, когда бело-голубой луч с неба наполовину испепелил машину.

Весь сжавшись, глухо рыча, холатанин, казалось, предельно сконцентрировался. Один полицейский аппарат внезапно закрутился и врезался в другой. Оба они рухнули, охваченные пламенем. Сарис выскочил на край поселка. Люди, задыхаясь, бежали за ним. Полоса огня перерезала им путь. Валти что-то закричал, указывая назад, и они увидели затянутых в черные мундиры полицейских, выскакивающих из подземной секции.

— Останови их! — закричал Лэнгли.

Один их мушкетов охранников он прихватил с собой, и теперь, приложив его к плечу, выстрелил. Звук выстрела, настоящая отдача, взбодрили его. Один из преследователей дернулся в сторону и упал.

— Слишком много, — Сарис лежал прямо на земле, тяжело дыша. — Их больше, чем я могу справиться. Нам не удастся убежать от них.

Лэнгли швырнул ружье на землю, проклиная свое невезение.

Полицейские окружили их.

— Вы все арестованы, — сказал командир. — Пожалуйста, следуйте за нами.

Марин тихо, судорожно плакала, направляясь за Лэнгли.

Чантхавар находился в конторе плантации. Вдоль стен плотно стояли охранники. Браннох мрачно сидел на стуле.

Солярианин выглядел безупречно, и его бодрость подчеркивала состояние духа.

— Здравствуйте, капитан Лэнгли, — сказал он. — И конечно, сэр Голтам Валти. Я, кажется, прибыл в очень подходящее время?

— Ну, давайте, — сказал космонавт, — расстреливайте. Или что там у вас еще?

Чантхавар удивленно поднял брови.

— Откуда такая тяга к драматизму? — спросил он.

Вошел офицер, поклонился и доложил, что все разбежавшиеся схвачены, весь персонал либо убит, либо под арестом. Собственные потери — шестеро убиты, десять ранены. Чантхавар распорядился отправить Сариса, отконвоировав его в специальной клетке.

— Очевидно, вы удивлены, капитан, — спросил Чантхавар, каким образом я отыскал вас?

— Я знаю, — сказал космонавт.

— Да? Ах... да, конечно. Сарис его обнаружил. Я подыграл тогда, так как знал, что в ваше время подобных вещей не было.

Были и другие трассеры, но получилось, что сработал только один, — Чантхавар вдруг необычайно обаятельно улыбнулся. — Никаких претензий, капитан. Вы пытались сделать то, что вам казалось наиболее верным, я понимаю вас.

— А как насчет нас? — прогромыхал Браннох.

— Мой лорд, в вашем случае однозначно — депортация.

— Прекрасно. Позвольте нам уйти. У меня здесь корабль.

— Ах, нет, мой лорд. Мы не можем быть так невежливы. Технон должен подготовиться как следует для вашего отбытия. Это займет некоторое время, ну, скажем, несколько месяцев...

— То есть, когда получите первые результаты по нейтрализатору. Я понял.

— Естественно, что вы и ваши подчиненные в это время будете находиться в домашней обстановке. Я выставлю наряд охранников, чтобы вас... не беспокоили.

— Прекрасно, — Браннох злобно улыбнулся. — Я думаю, что первое, что я бы сделал на вашем месте — это пристрелил бы меня собственноручно.

— Когда-нибудь, мой лорд, ваша смерть может стать необходимостью, — сказал Чантхавар. — А сейчас, однако, я вам кое-чем обязан. Это дело укрепит мое положение — вы понимаете — ведь существуют более высокие должности, чем та, которую я сейчас занимаю, и они будут мне доступны.

Он вновь повернулся к Лэнгли.

— Я уже распорядился насчет вас, капитан. Ваши услуги более не потребуются. Мы уже подготовили двух специалистов, которые могут говорить на старом американском, и с их помощью, а также посредством гипнотической машины, Сарису будут преподнесены основы современного языка в течение нескольких дней. Что касается вас лично, то место и квартира при университете Лоры уже закреплены за вами. Историки, археологи и планетографы будут счастливы консультироваться у вас. Честь не очень высокая, но вы получите ранг свободнорожденного.

Лэнгли не ответил ничего. Итак, он теперь вне игры. Это был конец. "Ну-ка, назад, в коробку, моя пешечка".

Валти прочистил горло.

— Мой лорд, — заявил он напыщенно. — Я должен довести до вашего сведения, что Общество...

Чантхавар пристально взглянул на него, глаза его были сужены, но гладкое смуглое лицо совершенно непроницаемо.

— Вы совершили преступные деяния по законам Сол, — сказал он.

— Экстерриториальность...

— Это здесь неприменимо. Вы будете высланы. — Чантхавар, казалось, весь как-то подобрался. — Однако я освобождаю вас. Соберите своих людей, забирайте любой флаер с плантации и отправляйтесь в Лору.

— Мой лорд, это потрясающе, — сказал Валти. — Могу ли я спросить, почему?

— Никаких "почему". Отправляйтесь.

— Мой лорд, я — преступник. Я признаюсь в этом. Я хочу быть судимым тройным смешанным трибуналом, как предусмотрено восьмым Параграфом четвертой части Лунного Договора.

Глаза Чантхавара были скучны и холодны.

— Убирайтесь или я прикажу вышвырнуть вас.

— Я настаиваю на своих правах и привилегиях, моя совесть этого требует. Если вы мне откажете, я обращусь прямо к Технону!

— Прекрасно! — Чантхавар взорвался. — Я сам получил приказ от Технона отпустить вас. Почему, я не знаю! Но это приказ — он поступил, как только я послал доклад о положении дел и моем намерении атаковать. Вы удовлетворены?

— Да, мой лорд, — сказал Валти очень вежливо. — Спасибо вам за вашу доброту. До свидания, джентльмены! — Он неуклюже поклонился и вышел.

Чантхавар внезапно рассмеялся.

— Старый глупый жук! Я не хотел говорить ему об этом, но он все равно каким-нибудь образом узнал бы. А сейчас пусть попробует догадаться, что все это значит. Приказы Технона весьма загадочны, и этот, и другие, очевидно, следствие тысячелетнего планирования, как мне кажется. — Он встал и потянулся. — Пойдем. Может быть, я успею сегодня еще попасть на вечерний концерт Салмы.

Снаружи яркий солнечный свет ослепил Лэнгли. Тропики Земли стали за 5 тысяч лет еще жарче. Он видел группу вооруженных людей, обступивших военный флаер, и что-то внезапно кольнуло его в сердце.

— Чантхавар, — спросил он, — могу я попрощаться с Сарисом?

— Извини. — Агент похлопал его по плечу не без симпатии. — Я знаю, он твой друг, но в этом деле и так было слишком много риска.

— Ладно... Смогу ли я его еще раз увидеть?

— Возможно. Мы не мясники, капитан. Мы ничего ему не сделаем, если он будет с нами сотрудничать. — Чантхавар взмахом руки подозвал маленькую машину. — Я думаю, это для вас подойдет. До свидания, капитан. Я надеюсь увидеть вас еще

раз, когда-нибудь, если выпадет случай. — Он повернулся и размашисто зашагал прочь. Пыль вылетала из-под его каблуков.

Лэнгли и Марин влезли в флаер. Один молчаливый охранник вошел за ними, включил автопилот, машина плавно поднялась, и он занял сиденье спереди — замкнутый, недоступный и нетерпеливый.

Девушка долгое время молчала.

— Как они нашли нас? — спросила она наконец.

Космонавт рассказал ей.

Теперь она не заплакала. Это, казалось, ее уже не трогало. Она почти не разговаривала весь час стремительного полета домой.

Лора выросла из-за темнеющего горизонта, похожая на гигантский фонтан из сияющих металлических струй. Флаер начал кружить около небольшой башни в северной части города и опустился на край крыши. Охранник бесстрастно сообщил:

— Ваши апартаменты — номер 336, справа, вниз, через зал, — сообщил он. — Спокойной ночи.

Лэнгли спустился вниз. Когда дверь открылась перед ними, он увидел квартиру из четырех маленьких комнат, удобную и скромную. В ней был обслуживающий робот. Теперь, в его новом положении, живые рабы ему не полагались.

Исключая, впрочем...

Он повернулся к Марин и застыл, с минуту глядя на нее. Она спокойно смотрела ему в глаза, но в ее глазах была грусть и темнота. Эта поблекшая женщина — не Рэгги, подумал он.

Гнев и горечь жгли ему горло, как желчь. Теперь все. Финита ля комедия. Это конец. Он пытался, но все его надежды были разрушены, и она, только она — вот, кто сокрушил его.

— Проходи, — сказал он.

Она прижала руку ко рту, как будто он ударил ее, но ничего не сказала.

— Ты слышишь меня? — Он прошелся по комнате. Пол мягко прогибался под ним, похожий на резиновую плоть. Лэнгли смотрел в окна.

— Я возвращаю тебе твою свободу. Ты больше не рабыня. Понимаешь?

Она не отвечала.

— Для этого существуют какие-нибудь формальности? — спросил он.

Она объяснила ему. Голос ее был безжизненным. Лэнгли вызвал информационную службу и продиктовал, что он, владелец рабыни номер такой-то и такой-то сам удостоверяет свою волю освободить ее. Затем он повернулся к ней, но никак не мог

встретиться взглядом с ее зелеными глазами.

— Это не твоя вина, — резко сказал он. Голос его задрожал, ноги ослабели. — Вообще здесь нет ничьей вины, мы все — жалкие, несчастные жертвы обстоятельств, но я сыт по горло. Ты же — беспомощное орудие, это очевидно, я тебя не осуждаю. Но я не могу оставаться с тобой больше. Слишком, слишком сильно я ошибся. Ты должна уйти.

— Прости, — прошептала она.

— И ты меня, — сказал он искренне. — Уходи... не будь здесь... сделай хоть что-нибудь сама.

Подчиняясь какому-то неясному импульсу, он судорожно расстегнул карман, вытащил оттуда бумажник.

— Вот, здесь неплохая сумма. Возьми ее, это поможет тебе стать на ноги.

Она посмотрела на него с изумлением, которое постепенно исчезло.

— Прощай, — сказала она.

Когда она выходила, ее спина была прямой. И только много позднее он заметил, что бумажник остался лежать нетронутым.

17

Еще один день, еще день, и еще... Это путь к концу мира.

В университете его окружали спокойные, вежливые люди, у них были хорошие серьезные манеры, правда, немного чопорные, ведь они с уважением относились к человеку из прошлого. Лэнгли вспомнил свой колледж — некоторое время он был ассистентом на кафедре и неплохо изучил факультетскую жизнь. Здесь не было болтовни, интрижек и лицемерных чаепитий, всего того, что он помнил; но также не было другого — духа нетерпеливого поиска и интеллектуального приключения.

Все было известно, все надежно расставлено, требовалось уточнять только некоторые детали. Тогда, в XXI веке, мастера считать запятые у Шекспира были мишенями для острословов, теперь аналогичное занятие было делом серьезным и уважительным.

Библиотека оказалась потрясающая на удивление: миллиард томов, уложенных в магнитные ячейки памяти, любой из них мгновенно отыскивался и копировался всего лишь несколькими прикосновениями к контактным пластинам. Роботы могли даже читать для вас, суммировать, обобщать материалы, выдавать при необходимости логические заключения без какого-либо намека на ложное воображение. Профессора, — они здесь имели титул, буквально означающий "сосуд мудрости" — в основном были из общинников, некоторые являлись аристократами низ-

ших рангов и отбирались посредством тестов, не дававших скидки на происхождение. Руководство держало их далеко от политики. Кроме того, там было и несколько студентов, несколько дилетантов и юнцов, желающих пробраться в "профессора". Сыновья министров готовились частными наставниками в специальных академиях. Университет был бледной копией того, что Лэнгли знал в древности, уцелевшим просто потому, что Технон не приказывал разогнать его.

Лэнгли нашел в этих скромных, одетых в коричневую униформу людях, вполне подходящую компанию. Он познакомился с одним историком с громадной лысой головой, Янтом Мирдосом, и чувствовал себя с ним вполне на равных. Парень был чудовищно груб по теперешним временам, что еще подкреплялось язвительным отношением к истории, как к прошлой, так и настоящей.

Они могли разговаривать часами, пока аппарат искал какую-нибудь запись, подвергаемую затем обсуждению.

Самыми кошмарными для Лэнгли были ночи.

— ...Теперешнее положение было, конечно, неизбежным, — говорил Мирдос. — Если бы общество не застыло, то оно должно было обновляться, как в твои времена. Но рано или поздно все равно достигнется точка, после которой новации становятся непрактичными, и тогда все застывает в любом случае. Например, объединение Земли было необходимо для выживания человечества, но в то же время это приводило к разрушению культурного разнообразия и взаимодействия, что, в свою очередь, сказывалось на самом прогрессе.

— Мне кажется, мы еще можем способствовать некоторым изменениям. Политическим, в конце концов.

— Каким изменениям? Ведь тебе ясно, что Технон — наилучшее приспособление для управления. Если мы разрушим его, то скатимся к коррупции, некомпетентности, междоусобной борьбе. У нас уже были разные попытки что-то изменить, но толку от этого мало. Политика определяется машиной, которая способна на многое, неподкупна, бессмертна.

— Почему бы не дать общинникам отдушину? Какого черта они всю жизнь толкутся там, на нижних уровнях?

Брови Мирдоса поползли вверх.

— Мой дорогой романтический друг, а что еще они могут делать? Есть ли у них хоть крохи административных способностей? Уровень коэффициента интеллекта у них около девяноста, у министерского класса около ста пятидесяти. — Он сжал пальцы в кулак. — Для простоты представь, механизировали и автоматизировали все технологические операции на производ-

стве — это сейчас возможно во всей Солнечной системе практически для всех видов работ. Но тогда, если ты общинник с коэффициентом девяносто, то что ты будешь делать? Играть в шахматы или писать эпические поэмы?

— Если это так, то и для министров тогда мало работы. Вот почему среди них так много всякого дерьма и политиканов.

— Тогда признаем: человек в обозримой Вселенной исчерпал возможности своей культуры. Ведь ты же понимаешь — они не бесконечны. Из куска мрамора можно извлечь массу различных форм. Пусть первые скульпторы создали нечто прекрасное, зато их преемникам приходилось выбирать между безмозглым копированием и ребяческим экспериментированием. Так же были перепробованы все науки, искусства, все разновидности человеческих взаимоотношений, так же, как и политика, сейчас окостенела вся наша цивилизация. Но она, наконец, стала стабильной, и это главное. Ведь для простого человека, неустойчивость, всякого рода изменения, ведут к потрясениям, войне, неопределённости, нищете, смерти.

Лэнгли покачал головой.

— Вселенная гораздо больше того, что мы имеем, — сказал он. — Ведь мы всегда можем найти нечто новое и начать все с нуля.

— Ты думаешь об утерянных колониях? — спросил Мирдос. Он фыркнул. — Об этом написана дюжина мешков романтической чепухи. Это были люди, не сумевшие устроиться здесь и потому попытавшиеся удрать. Я сомневаюсь, что они нашли там нечто лучшее, чем дома.

— Дело в том, что вы далеко уже ушли от собственного колониального периода, — сказал Лэнгли. — В мое время мы были ближе к подобному периоду. Я считаю, что прогресс, новый взгляд на жизнь, новый толчок — все это обычно заслуги так называемых ваших неудачников.

— Да? — Мирдос выпучил глаза. — Это на каком основании?

— Да так... на основании истории. Возьмем Исландию. Один мой друг оттуда много рассказывал о ней. Первые колонисты там были крупными людьми, нечто вроде мелких королей. Они оставили Норвегию после ее объединения, потому что не могли уступить и основали то, что было первой после греков республикой. Они создали одну из прекраснейших литератур в мире, они сделали блестящую попытку колонизировать Гренландию и Америку.

А теперь возьмем американцев, то есть мой народ. Некоторые из них были религиозными диссидентами и не могли справлять свои обряды дома. Другие были высланными преступниками. Более поздние эмигранты в основном были разо-

рившимися, обедневшими ремесленниками и еще часть людей, жаждавших свободы и не дождавшихся, когда это произойдет в Европе. И вот недовольные, и те, кого вы называете общинниками, заняли половину континента, создали республиканское правительство. Оно подтолкнуло развитие индустрии, промышленности и технологии, захватило лидерство в деловом мире... Хотя нет, погоди, оно не захватило его, так как не стремилось к этому, его к этому подталкивали обстоятельства, потому что никто еще тогда не знал, что это такое.

Потом были созданы первые межпланетные колонии, которые я видел собственными глазами. Их персонал не был составлен из беглецов, их готовили здесь, на Земле, но они были людьми такого сорта, что лучше чувствовали себя в новых условиях, и были бы несчастливы, если бы им пришлось вернуться на Землю. Уровень их интеллектуальности был совершенно потрясающий.

— Ты, может быть, прав, — задумчиво произнес Мирдос. — Возможно, некоторые из утерянных колоний действительно нашли лучший путь. Тем более, что, как ты говоришь, корабли вычерпывали из общества самых лучших, оставляя лишь дураков и слабоумных.

— И большинство недовольных всегда из высших слоев общества, — сказал Лэнгли. — Они бы не достигли своего уровня, если бы были удовлетворены тем, что их окружает, или были безразличны к тому, что делают.

— Ладно. Но кто же будет тратить тысячи лет независимого времени разыскивать их? Ведь это тоже явный эскапизм. И думаю, тот, кто нажил себе горб, сидя над историей — определенного уровня эскапист.

— Коммерческое Общество раскинулось на сотни миллионов лет, но не не нашло того, о чем ты мечтаешь.

— Конечно, нет. Группы, которые стремились убраться подальше и рассматривали оставленную ими цивилизацию, как смердящий труп, должны были забраться куда-нибудь подальше. Есть же идея, что нечто прячется на огромном расстоянии, где-то там...

— Это незрелая идея!

— Конечно. Но не забывай, что незрелый человек находится в состоянии роста. Но говоря об Обществе, я хотел бы узнать о нем больше. У меня есть определенные подозрения...

— О нем нет никакой толковой информации, все страшно засекречено. Оно, кажется, действительно возникло здесь, на Земле, тысячу или более лет назад, но его история отсутствует.

— Этого не может быть, — сказал Лэнгли. — Неужели Технон не сохраняет весьма важные записи? Ведь ясно, что Общество

Дитя — гигантское, почти всемогущее, лишенное юмора дитя, присматривающее за крошечной расой, которая взвалила на него ответственность за себя. Мысль эта не принесла удовлетворения.

Лэнгли достал сигарету и откинулся на спинку кресла. Прекрасно! Он сделал открытие, способное потрясти империю. Это произошло потому, что он появился из другого времени и сохранил разнообразие жизненных стереотипов и мышления. У него был ум свободного человека, без каких бы то ни было ментальных способностей, история его мира была суровой, полной бурных событий, он преклонялся перед прогрессом, поэтому все окружающее ему видно было ярче, точнее, чем нынешним людям, чей мир уже более двух тысяч лет находился в застое.

Но что теперь делать с этими фактами?

У него возникло озорное желание вызвать Валти и Чантхавара и все рассказать им. Но кто он такой, чтобы втыкать палки в колеса миллиардам человеческих жизней? Возможно, он и сам станет жертвой этого процесса? Он не судебный исполнитель и не Господь бог, его желание — просто вспышка бессильного гнева.

Так что лучше помалкивай, парень, и даже если появятся подозрения о том, до чего докопался, будет еще не конец. Подожди и посмотри, что из всего этого получится.

Ночь, и он один в своей квартире. Неожиданно Лэнгли увидел свое лицо в зеркале. Оно еще более вытянулось, загар исчез. Седые пряди волос были спутаны. Он почувствовал себя старым и усталым.

Раскаяние терзало его. Какого черта он подстрелил того парня в африканской заварушке? Это был бессмысленный поступок, так же, как было бессмысленным все то, что он пытался сделать в этом чужом ему мире. Он просто здесь никому не нужен.

"Села она рядом со мной
И коснулась моей руки.
Мне шепнула: "Ты здесь чужой,
В чуждом крае, в земле тоски..."

Что сейчас с Марин? Жива ли она? Или отправив на нижний уровень, он лишил ее жизни? Он не думал, что она начнет торговать собой, скорее умрет от голода, но в Старом городе могло случиться все.

Раскаяние обожгло его. Он не должен был прогонять ее. Он не должен был перекладывать свою вину на нее, ведь она только

хотела разделить ношу. Нынешнее жалованье было небольшим, его вряд ли хватило бы на двоих, но, в конце концов, они смогли бы подработать как-нибудь.

Неожиданно он послал вызов в главное полицейское управление. Вежливый раб сообщил ему, что закон не позволяет следить за передвижением свободных людей, если те не были замешаны в каких-либо преступлениях. Этим могло за деньги заняться Специальное подразделение, но денег требовалось больше, чем у него было. Занять деньги? Украсть? Самому отправиться на нижний уровень, но найти ее!

А захочет ли она возвращаться назад?

Лэнгли вдруг почувствовал, что его всего трясет.

— Этого не стоит делать, парень, — произнес он вслух в одиночестве, в пустой комнате. — Ты начал суетиться. Присядь и немного подумай.

Но все его мысли крутились и суетились, как испуганные мыши. Он — аутсайдер, неудачник, пень в квадрате, живущий на академическую милостыню. Он ничего не умеет делать, у него нет никакой подготовки, никакого навыка. Если бы не этот университет, уже сам по себе анахронизм, то он скатился бы на самое дно, в трущобы.

Но какое-то глубокое внутреннее упорство удерживало его от самоубийства. Хотя с другой стороны подкрадывалась темная пелена безумия. И все это хныканье, самокопание — первый признак внутреннего распада. Сколько он уже здесь, в университете? Две недели. И уже начал сдаваться.

Он подошел к окну. Балкона не было, он высунулся наружу и глубоко вздохнул. Ночной воздух был теплым и влажным. Даже на такой высоте чувствовался запах земли и полей. Звезды висели над головой, дразня своей недоступностью.

Что-то легко скользило в темноте, какая-то чуть поблескивающая тень. Она приблизилась, и Лэнгли увидел, что это человек в скафандре, летящий с помощью индивидуального антиграва. Полицейская модель. Кто это мог быть после всего происшедшего?

Фигура в черной броне внезапно приблизилась. Лэнгли отскочил назад. Она протиснулась через окно и опустилась на пол с глухим тяжким ударом, от чего пол вздрогнул.

— Какого черта! — Лэнгли подошел ближе. Рука, затянутая в черную металлическую броню потянулась к замку шлема, и забрало откинулось назад, откуда высунулась знакомая рыжая голова.

— Валти!

— Он самый, — сказал торговец. — Собственной персоной, не так ли? — После того как окно закрылось, он затемнил его. — Ну, как вы, капитан? Вы выглядите утомленным.

— Я?.. Да, так. — Внезапно космонавт почувствовал, как сильно забилось у него сердце, и какое-то напряжение пробежало по нервам. — Что вам угодно?

— Немножко поболтать, капитан, устроить маленькую дискуссию. К счастью, нам удалось как следует отрегулировать Солярное оборудование в нашем представительстве. Люди Чантхавара, знаете ли, ужасно интересуются всеми нашими передвижениями, и так трудно ускользнуть от них. Я надеюсь, мы сможем потолковать спокойно?

— Да-а. Я думаю, да. Но...

— Никаких закусок, спасибо. Я сразу же удалюсь, как только станет возможно. Ужасно, ужасно много дел... — Валти захихикал и потер руки. — Да, да, так и есть в самом деле. Я знал, что Общество запустило свои щупальца довольно высоко в местную иерархию, но я никогда бы не подумал, что наше влияние так велико.

— Тс-с-с... — Лэнгли замер, перевел дыхание и усилием воли заставил себя стать совершенно спокойным. — Давайте все уточним, вы согласны? Что вы хотите?

— Быть понятым, капитан. Вам здесь нравится? Нет ли у вас мысли попробовать все сначала?

— Что вы предполагаете? Начать сначала? Зачем?

— Ну... видите ли, мое руководство решило, что Сарис Хронна и *нейроэффект нельзя отдавать без борьбы. У меня есть* указание выудить его из заточения. Верьте или не верьте, но мой приказ совпадает с настоящим распоряжением, отданным Техноном. Ясно, что это результат деятельности наших агентов, занимающих высокое положение в правительстве Сол, возможно даже, в корпусе служителей Технона. Очевидно, они ввели фальшивые данные, приведшие к тому, что удаление Сариса из зоны влияния Чантхавара стало отождествляться с наиболее оптимальным образом действий.

Лэнгли подошел к обслуживающему роботу и заказал стакан питья. Только выпив, он почувствовал, что может говорить дальше.

— И вы нуждаетесь во мне? — спросил он.

— Да, капитан. Операция рискованна на всех ее этапах. Если Чантхавар пронюхает, то он, естественно, зафиксирует сложившуюся ситуацию, чтобы запросить Технон о дальнейшем, а затем, учитывая новые данные, потребует расследования и раскопает истину. Таким образом, мы должны действовать

очень быстро. Вы нужны нам как друг Сариса, которому он может доверять, и посредник, знающий неизвестный нам язык, хотя он уже может знать наш, а кроме того, он знает нас, и уже согласился сотрудничать с нами.

Технон! У Лэнгли закружилась голова. Что за новый, фантастический вариант?

— Я согласен, — сказал он медленно, — и мы сразу же отправимся к Сигме, как изначально задумывалось?

— Нет. — Толстощекая физиономия вся как-то подобралась, и в голосе прозвучало удивление. — Я ничего не понимаю. Мы должны вернуть его центаврианам.

18

Лэнгли ничего не ответил. Казалось, он не мог произнести ни слова.

— Я не понимаю, почему, — сказал Валти. — Я часто думаю, что мы, Общество, должно быть, имеем такой же Технон. Некоторые распоряжения мне совершенно непонятны, хотя все потом срабатывает наилучшим образом. Возможна ли война, если обе стороны получат нейтрализатор, и почему варвары Центавра должны иметь преимущества?

— Почему, в самом деле? — прошептал Лэнгли. Будто тьма сгущалась вокруг него.

— Все, что мне приходит в голову... это то, что Сол рассчитывает на долговременную торговлю с нами. Ведь Сол, кроме всего, застывшая культура и, если она начнет возвеличиваться, это может повредить нам, поскольку мы не можем быть загнаны в какие-то тесные рамки. Возможно, в историческом плане и необходимо, чтобы на какое-то время преобладал Центавр.

— Да-а, — протянул Лэнгли.

Услышанное потрясло его. Эти факты вдребезги разносили все, до чего он додумался. Значит, Технон не был настоящим хозяином этих кочевников. Хотя...

— Я говорю тебе это совершенно откровенно, — сказал Валти. — Конечно, было бы проще держать тебя в неведении, но это рискованно. Если бы вы с Сарисом догадались, то смогли причинить нам неприятности. Лучше, чтобы вы приняли решение при полном понимании всех обстоятельств. А чтобы вас порадовать, капитан, сообщу, что для вас подготовлен полностью снаряженный корабль, который вам поможет найти планету, которая бы вас полностью устраивала. Насчет Сариса не беспокойтесь, на Торе ему будет не хуже, чем на Земле. Так что вы заключите выгодную сделку, а ему я гарантирую хорошее

обхождение. Но вы должны принять решение сейчас.

Лэнгли потряс головой. Слишком все неожиданно.

— Дайте немного подумать. А что с бандой Бранноха? Есть ли у вас связь с ними?

— Нет. Я знаю только, что предполагается вывезти их из посольской башни, где они содержатся под домашним арестом, и подготовить к отправке на Тор. У меня есть бумага от Технона, где он предлагает нам участвовать в этом деле.

— Поддерживают ли они контакты еще с кем-нибудь?

Трудно было разглядеть что-либо через жесткую оболочку космического скафандра, но Валти явно пожал плечами.

— Официально — нет. И совершенно точно, что не с нами. Но в действительности — наверное, ведь тримане должны иметь коммуникатор со случайной несущей частотой, замаскированный где-то в их баке так, чтобы обычный полицейский досмотр не мог его выявить. Благодаря ему они поддерживают связь со своими агентами на Земле, но о чем они говорят, мне трудно представить. Чантхавар это все прекрасно понимает, но мало что может сделать. Единственное — разрушить бак, ну, а это уже не по-джентльменски. Эти высокопоставленные лорды уважают права друг друга, скорее всего потому, что не знают заранее, когда окажутся в подобном положении сами.

— Так, — Лэнгли замер, — но уверенность, что ему удалось понять ситуацию, окрепла мгновенно, так что ему захотелось крикнуть.

Он не мог ошибиться. Технон действительно руководил Обществом. Так было и так должно было быть. Но существовала еще одна сложность, и он надеялся, что, наконец, понял ее природу.

— Так что, капитан? — спросил Валти. — Вы поможете мне?

— Если нет, — медленно произнес космонавт, — то я полагаю, ваше разочарование будет слишком сильным.

— Я просто бесконечно сожалел бы, — тихо проговорил Валти с ласковой улыбкой, наводя на него бластер. Его маленькие серые глаза грустно смотрели в сторону. — Но я доверяю вашему слову, если вы согласитесь помочь нам. Вы человек надежный. Кроме того, вы получите весьма немного, а то и вовсе ничего, если захотите предать нас.

Лэнгли решился. Это был прыжок во тьму, но он почувствовал, как его постоянно наполняет спокойная уверенность, словно вызванная чьей-то твердой рукой. Он снова двинулся куда-то, может быть, и в пропасть, но во всяком случае, он выбрался из лабиринта и мог уже сам выбирать свой путь, как свободный человек.

— Да, — сказал он. — Я последую за вами. Если...

Валти ждал.

— У меня те же условия, что и прежде. Марин должна сопровождать меня. Только сначала я обязан ее найти. Я ее освободил, и сейчас она находится где-то на нижних уровнях. Когда она вернется сюда, я буду готов действовать.

— Капитан, на это понадобится не один день...

— Что тут плохого? Дайте мне достаточно денег, и я найду ее сам.

— Операция намечена на завтрашнюю ночь. Может быть, потом?

— Вот что, дайте мне соответствующую сумму...

Валти тяжело вздохнул, но что-то достал из скафандра. Это был очень толстый кошелек, который Лэнгли прицепил к своему поясу. Валти протянул ему также маленький бластер, и Лэнгли упрятал его в складках своей одежды.

— Отлично, капитан, — сказал торговец.

— Всего хорошо. Я буду ждать вас в "Двух Лунах" в 21.00 завтрашней ночью. Если нет...

— Я знаю, — Лэнгли приложил палец ко рту. — Я буду там.

Валти поклонился, захлопнул шлем и удалился тем же путем, что и прибыл.

Лэнгли хотелось плакать и выть от возбуждения, которое его охватило, но не было времени. Он выбежал из своих апартаментов и пустился вниз по коридорам. Они были пустынными в этот час. Наземные же переходы были переполнены, но когда он нырнул в гравишахту, то оказался и там один.

Шумные, скандальные общинники не выказывали особого уважения перед его серой университетской униформой, поэтому в толпе, заполнившей подземные переходы, ему доставались тычки и толчки и брань неслась вслед. Вперед, в Этнический город, который находился еще ниже основных секторов, но имел собственное самоуправление и хорошо охранялся. Там существовал определенный процент людей — наемная прислуга, на помощь которых он надеялся. Негуманоиды не интересовались женщинами, они использовали их, как прислугу. В этом смысле Этнический город был местом, безопасным для девушки, пришедшей с верхних уровней. В конце концов, самым логичным было начать поиски именно там.

"Я был похож на неуклюжего, теряющегося, вновь и вновь повторяющего свои ошибки новичка в мире профессионалов. Сейчас наконец-то это ощущение прошло". Уверенность в правильности выбранного пути была почти пугающей. В этот раз Лэнгли был готов растоптать любое препятствие, встретившееся ему на пути.

Он вошел в таверну. Ее посетители были почти человеческих размеров, двуногие, с вытянутыми вперед лицами, которые напоминали свиные рыла и явно не нуждались в какой-то особенной температуре и давлении. Они не обращали внимания на Лэнгли, когда он протискивался через жуткий лабиринт влажных губчатых лежанок, на которых они располагались. Помещение было заполнено тусклым красным светом. Трудно было разглядеть какие-либо детали.

Лэнгли пробрался в угол, где сидели несколько человек в ливреях слуг. Они уставились на него. Должно быть, профессор впервые появился здесь.

— Могу я присесть? — спросил он.

— Место занято, — сообщил человек с отекшим лицом.

— Извините. Я хотел предложить одн 1 выгодное дельце, но...

— Раз так, то садитесь.

Лэнгли не сомневался в том, что означает наступившая внезапно тишина. Он прекрасно понимал свое положение.

— Я ищу женщину, — сказал он.

— Четыре двери вниз.

— Нет... Я ищу совершенно определенную женщину. Высокая, рыжие волосы, акцент верхних уровней. Я думаю, она появилась здесь около двух недель назад. Кто-нибудь видел ее?

— Нет.

— Я заплачу за информацию. Сотня солярiев?

Их глаза алчно сузились. Лэнгли увидел жадность на лицах, их глаза забегали по его одежде и наткнулись на острые углы оружия, выпирающие из-под материи. Ношение оружия было серьезным проступком, но никто и не подумал вызвать полицию.

— Ну, ладно, если вы не можете мне помочь, то я пойду поищу ее где-нибудь в другом месте.

— Не надо... Подождите минутку, сэр. Может быть, это будет не так сложно. Может, мы и сможем ее найти. — Человек с пухлыми губами на толстом лице бросил взгляд на своих приятелей. — Кто-нибудь знает ее? Нет? Хотя мы это уже выяснили.

— Ясно, — Лэнгли вытянул десять десятисолярных бумажек. — Это для того, чтобы заплатить тем, у кого будете спрашивать. Вознаграждение еще сверх этого. Но будет очень плохо, если она здесь не найдется... М-да... желательно в течение трех часов.

Вся компания мгновенно испарилась. Он сел поудобнее, заказал себе выпивку и попытался укротить свое нетерпение.

Время тянулось медленно. Какая громадная часть жизни все же тратится на ожидание!

Подошла девица с весьма недвусмысленным предложением.

Лэнгли прогнал ее прочь, не глядя. Он потягивал пиво. Сейчас, как никогда прежде, голова была ясной.

Через два часа восемнадцать минут вбежал запыхавшийся щупленький человечек и, споткнувшись, упал грудью на столешницу.

— Я нашел ее! — выдохнул он.

Сердце Лэнгли подпрыгнуло. Он выпрямился, с грохотом опрокинув табуретку.

— Ты видел ее?

— Нет. Но то, как вы описали ее, очень похоже на новую прислугу, которую нанял Слаймер. Это торговец со Сриниса. Я его знаю. Только она появилась у него 11 дней назад. Мне об этом сказал его повар, и еще кое-кто из знакомых.

Космонавт кивнул. Его расчет оказался правильным, слуги всегда знают больше полицейских, даже тех, которые здесь ошиваются. Люди мало изменились.

— Веди, — сказал он и направился к двери.

— А как же мое вознаграждение?

— Получишь, когда я ее увижу. Держи себя в руках.

Пять тысяч лет назад он прочитал одну старую, трехсотлетней давности, книгу "Частная Школа Соглядатаев". И вот Лэнгли в данном случае воспользовался ее советами. Сейчас, вспоминая главного героя этой книги, поступившего именно так, он усмехнулся. В зыбком аморфном мире нижних уровней может быть все, что угодно.

Они прошли по широкой улице, полной неизвестных существ. Наконец, спутник Лэнгли остановился перед дверью.

— Вот это то место, хотя я не знаю, как мы туда попадем.

Лэнгли вдавил клавишу сканнера. Дверь сразу же открылась, обнаруживая дворецкого, человека весьма мощных пропорций. Американец был готов проложить себе путь силой, если потребуется. Но это был не раб — чужаки не имели права владеть людьми.

— Извините, — сказал Лэнгли. — У вас здесь новая прислуга. Высокая, рыжеволосая?

— Сэр, должен сказать, что мой хозяин не любит, когда вмешиваются в его дела.

Лэнгли похрустел крупной банкнотой.

— Как жаль. Может, вы мне все-таки поможете? Мне нужно только поговорить с ней.

Он прошел один, оставив своего информатора на улице. Воздух в доме был насыщен острым, жгучим ароматом, желто-зеленый свет раздражал глаза. Этот пришелец держал прислугу, скорее всего, для престижа, но платил вроде бы неплохо.

Мысль, что он мог отправить Марин в это мерзкое, сырое болото, причиняла Лэнгли боль.

Марин находилась в комнате, полной испарений. Капли влаги усеивали ее волосы. Она посмотрела на него серьезно, ничуть не удивившись.

— Я пришел, — прошептал он.

— Я знала, что так будет.

— Могу я попросить у тебя прощения?

— Не надо, Эдви. Забудь об этом.

Они вышли на улицу. Лэнгли расплатился со своим информатором и взял адрес отеля. Он держал ее за руку и, ничего не говоря, направился туда.

И только когда они, наконец, остались одни, он поцеловал ее, страшась, что она отвернется от него. Но Марин ответила ему с неожиданной страстью.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она улыбнулась.

— Это взаимно.

Позднее он рассказал ей, что произошло. Было так приятно смотреть в ее глаза.

— И мы сможем вырваться отсюда? — спросила она мягко. — Неужели мы сможем начать все снова? Если бы ты знал, как я мечтала об этом.

— Не так быстро. — Жесткая интонация вновь прозвучала в его голосе, и он нервно скрестил пальцы. — Все ужасно сложно. Но, кажется, я, наконец, знаю, что за всем этим скрывается. И думаю, ты поможешь мне заполнить некоторые пробелы. Понимаешь, я пришел к выводу, что Технон основал Общество и использует его, как шпиона и агента для экономического проникновения в другие миры. Однако, Технон в чем-то просчитался и сам попал в ловушку. Он не может отлучиться и проверить состояние дел. Информацию он получает от своих агентов. Некоторые из них имеют официальный статус, часть входит в Салярное правительство, часть — полуофициальные члены Общества; часть — совершенно неофициально — шпионы на других планетах.

Но есть еще некто, кто играет в эту игру, и ты его знаешь. Это другая раса, которая благодаря своим парапсихическим возможностям во многом похожа на Технон — этакое холодное, безликое массовое сознание, строящее свои планы на столетия вперед, способное ждать очень долго, пока прорастут семена, брошенные ими. Эта раса живет на ТРИМЕ. Их ментальные эксперименты привели к тому, что индивидуальность прекратила свое существование, и каждая особь сенсорно — лишь часть глобального разума. Ты можешь для примера оценить их дея-

тельность в Лиге, где они заняли ключевые позиции и так ловко все провернули, что ториане до сих пор ничего не понимают.

— И ты думаешь, они просочились в Общество? — спросила она.

— Я в этом уверен. Разве Общество должно было возвращать Сариса Бранноху, если оно действительно нейтрально? Валти пытается это как-то по-своему объяснить, но я уже знаю кое-что побольше него. Технон считает Общество своим, и никогда не допустит преимущества центавриан.

— Ну, вот видишь, ты же сам говоришь... — запротестовала она.

— Э-хе-хе. Вот в этом-то все и дело, как я понимаю. Общество *включает множество рас. Одна из этих рас — тримане. Возможно*, официально они вовсе и не от Трима. Освоили какую-нибудь похожую планету и выдают себя за коренное население, даже, может, частично изменили свою внешность хирургическим путем. Стали членами кочевой бюрократии, а там, используя свои возможности, выяснили, что Общество — порождение Технона.

Вот удача для них! Они не только смогли захватить Общество, осуществлять контроль над другими человеческими группами, но и проникнуть в сам Технон. Они теперь могут подделывать доклады от Общества — не все, конечно, а лишь те, которые им необходимы. Скорее всего, они используют эту возможность только в специальных случаях, потому что машина наверняка имеет специальный блок для сопоставления данных, и сможет выявить часто повторяющиеся подделки. Чантхавар, Бранноx и Валти действовали, мешая друг другу, потому, что не было времени консультироваться с Техноном. В противном случае тот распорядился бы передать все дела Валти или, в конце концов, скооперировался бы с Чантхаваром. Когда же его проинформировали, он приказал отпустить Валти. Помнишь?

Но затем подключились тримане. Даже будучи под арестом, они смогли связаться со своими внешними агентами, включая *высокопоставленных* триман в Обществе. Не знаю точно, какую историю они сочинили Технону. Ну, для примера такую: некий торговый корабль только что вернулся с новостями — открытую заново планету населяют туземцы, имеющие способности, сходные с народом Сариса. Население было изучено и сделан вывод, что создать искусственное устройство, повторяющее эффект нейтрализации, невозможно. Уж будь уверена — для убедительности тримане могли наполнить такой доклад солидно выглядящими данными и соответствующей материалистической теорией.

Ну вот и все. Такой доклад от надежного и любимого Общества, несомненно, удовлетворит Технон. Он примет совер-

шенно нормальное решение передать Сариса цѐнтаврианам. Пусть они тратят время, изучая его. А чтобы все выглядело естественно, Чантхавар блокируется, и вся операция поручается Валти.

Так в конечном итоге центавриане получают нейтрализатор! И первым подтверждением его решения будет для Технона то, что все корабли в Солнечной системе выйдут из строя.

Марин долго молчала. Потом кивнула.

— Вообще, все логично, — сказала она. — Помнишь, когда Браннох разговаривал с баком и, посетовав на трудности с Валти, спросил, нельзя ли убрать его, а бак запретил ему это делать? Расскажешь все Чантхавару?

— Нет, — сказал Лэнгли.

— Так ты хочешь, чтобы победили центавриане?

— Конечно нет. Я не хочу войны вообще и просто объясняю, как это происходило. Теперь же, когда расстановка сил ясна, то просто не знаю, что делать, чтобы предотвратить схватку. То, что Браннох в неведении, что он ничего не знает о реальной деятельности Общества, говорит о том, что интересы Трима не связаны с Лигой. Лига — только инструмент для гораздо большего — для смертельного конца. — Он поднял голову. — Вот так, дорогая, мои попытки участвовать в этой игре закончились жалким провалом. Но я хочу еще раз рискнуть нашими жизнями ради того, что я называю будущим человеческой расы. Это звучит очень напыщенно, не так ли? Один маленький человек вообразил, будто может изменить ход человеческой истории. И судьба наша будет очень сложной, если все это окажется лишь иллюзией.

Мне все же кажется, что на этот раз ошибки не будет. Похоже, я, действительно, смогу что-то сделать для всех. Как ты думаешь, я прав? Должен же я попытаться?

Она подошла к нему и прижалась щекой.

— Да, — прошептала она. — Да, мой дорогой.

19

Лэнгли не стал тайком проводить на ночь Марин в свои апартаменты — это, конечно, могло и не вызвать особых толков — но все же он был бы скомпрометирован. И тогда, себе на удивление, впервые за несколько недель, он прекрасно выспался.

А утром он заказал микрокопии всех собранных им об Обществе материалов, велел подготовить обобщенный обзор по ним и записать все на кассету, за что заплатил из кошелька

Валти. Неприятно был осознавать, что все его надежды зависят от этой кассеты.

Характер Валти был ясен: он всю жизнь занимался торговлей и, естественно, легко принимал любую новую информацию, но вот мог ли он ее понять?

Мирдос ждал его для следующей беседы. Поскольку они не договаривались точно о времени, он пришел раньше, чем его ожидал Лэнгли. На этот раз цинизм Мирдоса несколько поубавился.

— Спасибо за все. Прояснилась эра технологической вспышки и начала космических путешествий — наиболее сложный период с момента изобретения сельского хозяйства. И вы жили в эту эпоху! Знаете, ведь вы разрушили дюжину хорошо разработанных теорий. Мы, например, даже не представляли, что в вашу эпоху были столь глубокие культурные различия между нациями. Это прекрасно объясняет множество особенностей более поздних исторических периодов.

— Так вы хотите написать книгу? — спросил Лэнгли. Он твердо решил соблюдать приличия. Ведь лучше провести время ожидания в беседе, чем мучительно расхаживать в табачном дыму взад и вперед по предоставленной ему квартире.

— Да-да... — Мирдос робко взглянул на него. — И вот... вот что еще. Раньше мне казалось, что главное — добиться хотя бы небольшой известности и, благодаря этому, хоть немного продвинуться по служебной лестнице. Сейчас мне это уже не нужно. Осталась только моя работа и изучение всех этих материалов. Вы... то, что вы мне рассказали — это для меня как открытие. Я никогда не подозревал, что как раз прежде и была настоящая жизнь.

— М-да.

— Потребуются годы, чтобы создать точную картину. То, что вы мне рассказывали, можно сравнить с получением данных археологических изысканий. Так что, зачем торопиться, спешить? Послушайте, а почему бы вам не прийти ко мне в гости сегодня после обеда? Отдохнем. Немного выпьем, послушаем музыку?

— Нет-нет, спасибо. Я буду занят.

— Тогда завтра? Моя жена хотела с вами познакомиться. Отец тоже интересовался, хотя я еще ничего не рассказывал дома.

— Хорошо, договорились. — Лэнгли чувствовал себя подлецом. Когда их разговор закончился, он еле удержался от того, чтобы попрощаться навсегда.

Солнце ушло за горизонт. Лэнгли и Марин ужинали в его квартире, но вкуса еды не ощущали. Ее глаза были задумчивы, как будто она видела нечто за пределами этого мира.

— Тебе жаль оставлять Землю? — спросил он.

Она ласково улыбнулась.

— Немного. Но не очень, ведь я с тобой.

Он привстал и погладил ее по щеке. Капюшон, надетый на голову, скрывал ее длинные волосы, и она была похожа на мальчика.

— Пошли, — сказал он.

Они прошли через зал, спустились на движущуюся дорожку подвесного моста. Там шумела и бурлила толпа в разноцветных одеждах. Светильники сияли расплывчатыми радужными пятнами.

Лэнгли попытался расслабиться, сбросить сковывающее его напряжение. Совершенно невозможно было представить всю мощь ополчившихся против них сил. Вдох, глубокий выдох, нежная ткань ночного воздуха, а в небе — звезды и туман. Очень может быть, что завтра в это время он будет уже мертв.

Нет, он не должен так думать. Так они шли — медленно, не торопясь, прогуливаясь.

Ресторан "Две луны", очень удобно расположенный под крышей нижних уровней недалеко от гигантской дуги Межпланетного Торгового Центра был известен как весьма сомнительное место. Пройдя внутрь, Лэнгли увидел интерьер, стилизованный под марсианский пейзаж; глубокое фиолетовое небо и углубления, обозначающие каналы красной пустыни. Над всем этим висел жемчужный душистый дымок и звенела тоскливая нота марсианской народной песни. Отдельные кабинеты, замаскированные под входы в пещеры, вырытые в отвесном красновато-коричневом берегу, расположились вдоль одной из стен. С противоположной стороны был бар. Легкий гул голосов, смеха, движения множества тел сливались с унылой музыкой.

Лэнгли посмотрел на часы: "Двадцать сорок пять" и протиснулся к бару.

— Два пива, — сказал он. Робот протянул наполненные стаканы и принял деньги.

Человек с обожженной солнцем кожей и фигурой коренного жителя Марса кивнул Лэнгли.

— Никогда не видел профессоров в этих местах, — заметил он.

— Для нас эта ночь тоже не совсем обычна, — сказал Лэнгли.

— Для меня тоже. Не дождусь, когда вернусь домой. На этой планете очень тяжело. Правда, и Марс давно не такой, как

раньше. Мы изгадили всю Солнечную систему. Старые добрые дни канули в прошлое. Сейчас мы только послушные дети Технона.

У него за спиной появился человек в черной униформе. Марсианин сразу же заткнулся и скорчил невинную физиономию.

— Извините, сэр, — сказал полицейский. Он коснулся плеча Лэнгли. — Вас ждут.

У Лэнгли потемнело в глазах, но только на мгновение, потому что он сразу вспомнил бородатое лицо под забралом полицейского шлема. Именно этот человек навел бластер на агентов Бранноха, когда те сцапали его в нижних уровнях Старого Города. Все это, казалось, произошло очень давно.

— Да, конечно, — сказал он и последовал за ним. Марин отправилась следом. Они вошли в отдельный небольшой зал.

Там было полно мундиров. И лишь одно мощное тело было облачено в светлую боевую броню. Голос Валти раздавался из-под забрала.

— Добрый вечер, капитан и леди. Вам все ясно?

— Да. Полностью.

— Хорошо. Со своими я уже все обговорил. — Он ткнул пальцем в какое-то небольшое пятнышко декоративного украшения в стене. Задняя стена отъехала в сторону. Стоявший ближе всех к ней, Лэнгли повернулся и увидел небольшую комнату, где на столе лежали два мундира офицеров Министерской полиции.

— Натягивайте их на себя, — сказал Валти. — Я думаю, вы лучше сыграете аристократов, чем рабов. Но позвольте мне кое-что вам рассказать, пока нет Сариса.

Марин скинула свою робу и натянула на себя тунику без каких бы то ни было признаков смущения. Длинные волосы она спрятала под светлый стальной шлем, туника небрежно свисала с ее плеч. Она вполне сходила за десятилетнего мальчика, который еще не понимает ответственности своего положения и все сводит к шутке.

Валти изложил свой план, затем они прошли через запасные двери и вышли на улицу. Группа оказалась очень немногочисленной — с такими силами не выступишь против всей мощи Сол.

Шли они молча, движущаяся дорожка доставила их к башне в западной части города, где помещался военный исследовательский центр. Лэнгли все время хотелось взять Марин за руку, но сейчас это было невозможно.

Башня возносилась как утес над стенами окружавших центр

города мелких и средних зданий. Она стояла поодаль от других зданий — должно быть, в ее гладких пластиковых стенах скрывали оружие. Группа Валти поднялась по центральной аппарели и подошла к главному входу. В холле их остановили три раба-охранника, вышедшие из внутренних ниш. Они одновременно поклонились, и один из них спросил о деле, по которому они прибыли.

— Специальное и весьма срочное.

Шлем на голове Валти приглушал его акцент.

— Мы должны вывести определенный объект для секретного изучения в безопасном месте. Здесь наши документы.

Один из охранников извлек специальное приспособление. Подлинность бумаг определялась микроскопически. Лэнгли вспомнил, что документы, выдаваемые Технономом, имели специальный невидимый цифровой код, ежедневно менявшийся случайным образом. Были сделаны снимки сосудов глазного дна нескольких человек и сопоставлены с записями в их документах. Затем шеф охраны кивнул:

— Хорошо, сэр. Потребуется ли вам помощь?

— Да, — сказал Валти. — Выставите вокруг нас полицейские кордоны. Никто не должен нас видеть. И не пускайте никого, пока мы не уйдем.

Лэнгли вдруг подумал об автоматическом оружии, спрятанном в стенах, но те разъехались и он, вслед за Валти, прошел в низкий коридор. Они проследовали через несколько помещений. Находившийся в них персонал не проявил к ним никакого интереса. Затем они были остановлены вторым контрольным пунктом, после которого направились к месту, указанному в бумагах, где содержался Сарис.

Холатанин лежал на кушетке, находившейся за решеткой. Остальная часть помещения была заполнена загадочным лабораторным оборудованием. Там были образцы как механического, так и энергетического оружия, и техники парами сидели за пультами установок. Они вызвали своего начальника и после некоторой дискуссии им удалось проникнуть к пленнику.

Лэнгли вышел в отгороженную часть камеры. Сарис не подал и вида, что узнал его.

— Привет, — мягко сказал космонавт на английском языке. — Все хорошо?

— Да-с. Они пока делают электрические и другие измерения.

— Как у тебя дела с современным языком?

— Отлично. Гораздо лучше, чем с английским.

Лэнгли почувствовал слабое облегчение. Весь его невозмож-

ный план зависел от этого обстоятельства и от потрясающих способностей холатанина к языкам.

— Мы хотим забрать тебя отсюда, — сказал он. — Но для этого тебе нужно кое-что решить: ты опять должен рискнуть своей жизнью и сотрудничать с нами.

Горькая нота прозвучала в басовитом мурлыканье холатанина:

— Моя жизнь? И все? Теперь это не так много.

— Марин уже знает все обстоятельства и все мои планы. Сейчас и мы их обсудим. Но тут есть третий, кто в них не посвящен и может быть против. — Негромко космонавт изложил все, что знал.

Глаза Сариса широко раскрылись, затем сощурились, и бугры мощных мышц волнами прокатились под кожей. Но он спокойно ответил:

— Хорошо. Мы попытаемся провернуть это. — В его голосе все-таки прозвучали нотки усталости и недоверия.

Валти нажал кнопку супервизора. Длинный металлический ящик с несколькими вентиляционными отверстиями был водружен на антигравитационную платформу. Сарис вышел из своей клетки, улегся на дно ящика и крышка закрылась над ним.

— Можем ли мы отправляться, мой лорд? — спросил Валти.

— Да, — сказал Лэнгли. — Подготовка завершена.

Несколько человек вытолкали висевший в воздухе ящик в зал. Даже при нейтрализованном весе инерция оставалась довольно значительной, а включение двигателя могло автоматически вызвать тревогу в центре. Когда они выбрались наружу, большой черный флаер уже поджидал их. Контейнер с Сарисом был помещен в заднее отделение, часть людей осталась с ним, остальные вместе с Валти прошли в кабину и стартовали в направлении посольства Центавра.

Откинув назад шлем, чтобы глотнуть свежего воздуха, торговец обнажил потное лицо.

— Это была очень щекотливая минута, — посетовал он. — Если бы мы могли сразу же направиться к моему флиттеру! Комендант ведь способен был сразу же вернуться в лабораторию и сообщить Чантхавару. Обсуждай тогда все вопросы за гюремными решетками.

Лэнгли продумывал ситуацию, прежде чем сделать следующий шаг. Обойтись без Бранноха? Нет. Потом уже не будет времени. И Сарис почти беспомощен перед механическими замками. Он закусил губу и стал ждать.

Их машина остановилась перед посольской башней, в которой Лиге принадлежала верхняя треть помещений для пред-

ставительства. Валти направил половину группы ко входу и подготовил бумаги для очередной проверки.

Чантхавар окружил это место вооруженной охраной. Но теперь фальшивый приказ Технона требовал вывозки некоторого количества центаврианского персонала. Он намекнул начальнику охраны, что те отправляются в свою последнюю прогулку, и полицейский осклабился.

— Сходи за ящиком, — напомнил Лэнгли.

— Что? — спросил Валти, останавливаясь. — Зачем, мой лорд?

— Они могут попытаться что-нибудь предпринять. Заранее все трудно предусмотреть. Для них Сарис будет хорошим предупреждением. Лучше быть готовым ко всему.

— Но разве? А... приспособление работает нормально?

— Да, оно в порядке. Я проверил.

Валти вот-вот мог затеять дискуссию, и Лэнгли почувствовал, как у него взмокли ладони. А вдруг торговец скажет "Нет!"?

— Хорошо, мой лорд, это прекрасная идея.

Ящик медленно вдвигался в открытый портал. В коридорах никого не было видно, возможно, все спали в своих квартирах. Вход в личные покои Бранноха был перед ними. Когда все они собрались перед дверью, она открылась, и в проеме появилась громоздкая фигура торианина.

— В чем дело? — холодно спросил он. Его мощное тело напряглось под цветастым халатом, увидев дула их оружий. — Я не вызывал вас.

Валти снял свой шлем.

— Вам для этого не надо было беспокоиться, мой лорд, — сказал он.

— Ах... это вы. И Лэнгли тоже. Входите. — Гигант провел их в гостиную. — Ну, а теперь, в чем дело?

Валти объяснил. Удовольствие, сиявшее на его лице, еще более ожесточило взгляд Бранноха.

Лэнгли остановился рядом с висящим в воздухе металлическим ящиком. Он ничего не мог сказать Браннохуу. Сариса он тоже не мог предупредить ни о чем и только тихо произнес:

— Сейчас...

Холатанин неподвижно лежал во тьме железного ящика, но все его чувства и вся мощь разума были доведены до крайнего предела.

— Ты слышишь это, Тримакс? — пророкотал Браннох. — Я должен куда-то отправляться! Я сейчас позову людей.

— Нет...

Браннох умолк на середине фразы.

— В чем дело?

— Ты не должен звать их, — зазвучал искусственный голос. — Мы это предполагали. Мы знаем, что надо делать. Ты должен идти с ними один. А вскоре и мы на своей платформе последуем за тобой.

— Прямо в космос...

— Торопись! Мы можем больше, чем ты знаешь. Чантхавар способен появиться в любой момент, а мы должны еще многое успеть.

Бранноx растерялся. Если бы у него было время, он мог догадаться, что здесь не обошлось без способностей Сариса Хронны — этот неожиданно появившийся легкий акцент в голосе триман. Но он только что проснулся, да и привык повиноваться их приказам.

Валти пришел ему на помощь. Облегчение было написано на его лице.

— Они правы, мой лорд. Это страшно трудно — незаметно вытащить их бак отсюда, да и потребуется время, чтобы собрать всех ваших людей. Мы должны бежать!

Бранноx кивнул, с шумом сунул ноги в туфли и вышел в коридор, окруженный, как и предполагалось, охраной. Лэнгли краем глаза увидел Марин, ее лицо побледнело и напряглось. Он надеялся, что барабанный стук его сердца никому не слышен.

Пока все хорошо. Остановка в посольстве была Лэнгли совершенно необходима. Несмотря на крайнее отвращение к этому человеку, он страстно желал встречи с ним и именно ему хотел рассказать всю правду.

Сарис не только сумел перехватить контроль над акустической системой триман, но и нейтрализовал систему управления гравитационной платформой, лишив возможности следовать за ними.

Он сделал много. Но было ли этого достаточно?

Возможно, для них это должно было показаться в конце концов странным. Проницательный и подозрительный их интеллект мог усомниться и предположить, что они стали жертвами какой-то случайности. Можно было предположить, например, внезапный отказ механизмов управления или проникновение в группу центавриан шпионов, бросивших их на произвол людей Чантхавара и бежавших на спрятанном заранее космическом корабле.

Тримане должны в таком случае попытаться бежать. И не будет возможности предотвратить это. Они попытаются использовать все шансы, которые у них есть. И Чантхавар вряд ли будет так мирно дремать. Вопрос только в том, успеет ли группа Валти оторваться достаточно далеко, прежде чем любая из этих сил начнет действовать?

20

В его собственном, давно забытом мире, никто не смог бы сделать так много плохого. В те времена хватало людей с независимым мышлением, чтобы провернуть такую штуку, которую он проделал со своими пленниками. Но рабы не могли и не умели думать сами. Может быть, это одна из причин? Ведь свободные, независимые и нетерпеливые всегда способны забывать об опасности и снова пытаться изменить историю?

Их "вагон" мягко скользил над погруженной во тьму планетой. Лора спала скопищем слабых огоньков на горизонте, затем исчезла, и вокруг была только ночь. Лэнгли подумал, что вряд ли когда-нибудь еще увидит этот город. Он заполнил его жизнь в последние несколько недель, но сейчас появилось такое чувство, словно его и вовсе не было. Он, наконец сумел понять философию Валти, в которой сосредоточилась вся суть естественного хода событий.

Мускулистое, рельефное лицо Бранноха в тусклом свете контрольных ламп приборной панели выглядело как гравюра.

— Вы знаете, почему Общество решило помочь нам? — спросил он.

— Нет, не знаю, мой лорд, — ответил торговец.

— Скорее всего, из-за денег, больших денег. Если только вы не задумали какого-нибудь предательства. — На мгновение его зубы сверкнули белым — торианин рассмеялся. — Нет, не стоило так суетиться из-за меня, кроме как из-за денег.

— Конечно, мой лорд, Лига не будет недовольна всеми моими усилиями.

— Ах, да вы обязательно получите свою долю, вам нечего опасаться. Я должен убраться с Земли. Вы знаете, это означает войну. Сейчас нет ничего, что могло бы ее остановить. Но я знаю этих напыщенных министров. Они бросят весь флот только на защиту своих драгоценных шкур. И это позволит нам выиграть время, чтобы создать нейтрализатор. Мы предпримем пару серьезных рейдов, чтобы как следует пугнуть их.

Браннох внезапно задумался и весь потемнел лицом.

— Я удивлен тем, что Тримаксы решили остаться. Поразительно, в какую паутину они всех запутали. Когда-нибудь, я надеюсь, мне удастся добраться до этих проклятых пауков!

Флаер медленно опустился на небольшую полянку в лесу. Валти выскочил наружу.

— Я спрятал свой флиттер здесь. Пожалуйте, сэр.

Бластерная вспышка вспорола ящик Сариса. Он выскочил оттуда одним громадным прыжком, и вся группа двинулась ощупью между деревьев.

— Они все играют с энергетическим оружием, — пробурчал Сарис по-английски. — Все, кроме одного — того высокого парня со старинным оружием. А ты можешь управляться с ним?

— Лучше всех, — процедил Лэнгли сквозь сжатые челюсти. Флиттер еле виднелся из ямы, густо заросшей по краям травой и кустами.

— Кто-нибудь из ваших еще остался? — неожиданно спросил Бранно.

— Дрыхнут в постелях, мой лорд, — сказал Валти. Его голос прозвучал неестественно громко и жестко в окружающей их полной тишине. Где-то далеко заверещал сверчок.

"Возможно, я в последний раз слышу сверчка", — подумал Лэнгли.

— Мы должны, конечно, убраться из Солнечной системы, но не вижу причин ликвидировать всю организацию.

— Отправляется 20 человек...

Эта космическая шлюпка была больше предназначена для скоростных перелетов, чем для комфортных путешествий. В единственном длинном помещении размещались скамейки для пассажиров и кресло пилота. Валти забрался в него, нажал клавишу на пульте, растопырил пальцы и пустил их в пляс по клавишам управления.

Суденышко вздрогнуло, взревело и рванулось в небо.

Атмосфера осталась позади. Земля поворачивалась среди холодных точек звезд, огромная и прекрасная. Лэнгли смотрел на нее с чувством безвозвратной потери.

"Прощай, Земля. Прощайте, холмы и леса, крутые горы, океан, широкие равнины, освещенные луной. Прощай, прощай, прощай, Рэгги!"

Компьютер быстро помаргивал индикаторами. Валти произвел какие-то манипуляции на пульте, затем развернулся вместе с креслом.

— Порядок, — сказал он, — идем на автоматике по траектории максимального ускорения. Мы доберемся до нашего корабля за полчаса. Если хотите, отдыхайте.

— Проще сказать, чем сделать, — проворчал Бранно.

Он, казалось, стал еще больше в этой маленькой металлической камере.

Лэнгли глянул на Сариса. Холатанин кивнул. Марин увидела их молчаливый диалог, и ее голова тоже наклонилась. Время пришло.

Лэнгли устроился у стены рядом с приборной панелью. Он извлек бластер.

— Не двигаться! — приказал он.

Кто-то выругался. Оружие в их руках появилось молниеносно. Но выстрела не последовало.

— Сарис нейтрализовал все оружие здесь, кроме моего и Марин, — сказал Лэнгли. — Так что вам лучше всего немного посидеть и послушать. Нет! Не делай этого!

Он услышал грохот оттуда, где сидел высокий парень со старинным оружием.

— Сожалею, что вынужден был сделать это, — медленно произнес Лэнгли, глядя на парня, трясшего обожженной рукой. — Я не хотел никому причинять вреда. Но это дело слишком важное. Так вы дадите мне возможность высказаться?

— Капитан... — Валти засопел где-то рядом. Марин резко и угрожающе взмахнула бластером перед его носом. Сарис насторожился в конце комнаты, готовый прыгнуть.

Лэнгли почувствовал саднящее раздражение. Способны ли эти люди с оружием понять, кто их неизвестные боссы? Маленькие глазки Валти были скошены вбок, он явно выжидал подходящего момента, чтобы все поставить на свои места. Ноги Бранноха находились под скамьей в полной готовности к прыжку. Все взбешены тем, что кто-то пытается разрушить то, чего они достигли.

— Я только хотел предъявить вам некоторые факты, — сказал Лэнгли. — Вы все фишки в самой большой и самой опасной игре в истории. Вы думаете, что преследуете свои цели — вы, Валти, вы, Браннох, — но я хочу вам доказать противоположное. Попробуйте в течение получаса выслушать меня.

— Валяйте, — сказал Браннох басом.

Лэнгли перевел дыхание и приступил к делу. Итак, ниспровержение Лиги, Технона и Общества чуждой и враждебной силой, добивающейся их полного уничтожения. Он передал Валти кассету с заранее подготовленными записями, попросил ввести ее в сканнер. Лениво текли минуты просмотра. Земля медленно уменьшалась за окном флиттера. В каюте было жарко и тихо.

Валти, наконец, поднял глаза.

— Что вы будете делать, если я откажусь сотрудничать? — спросил он.

— Попробуйте, — сказал Лэнгли и повел стволом своего оружия.

Лохматая рыжая голова качнулась, и выражение странного достоинства появилось на потном лице.

— Нет, извините, капитан, но я не с вами. Все равно вы не сможете справиться с современным кораблем, мой старый скелет так устал от всех приключений, что я не буду для вас стараться.

Браннох ничего не сказал, но взгляд его остановился, стал каменным.

— Неужели вы ничего не видите? — закричал Лэнгли. — Вы вообще способны думать?

— Ваши аргументы неубедительны, капитан. Все факты могут иметь и другое объяснение.

— Когда сталкиваются две гипотезы, то выбирается наиболее простая, — сказала Марин неожиданно.

Валти сел. Подперев подбородок рукой и закрыв глаза, он внезапно показался очень старым.

— А может, вы и правы, — сказал Браннох. — Я давно подозревал их. Но мы хотели разделаться с ними позже — после того как Тор станет сильнее.

— Нет, — отрубил Лэнгли. — Вы — слепые дураки, если не видите этого! Вся эта война спланирована ими. Они хотят выжечь людей как опасные бактерии. Они не могут этого сделать сами, но могут натравливать вас друг на друга. И они сметут нас!

Раздался сигнал. Лэнгли повернул голову и услышал пронзительный крик Марин. Браннох был уже почти рядом с ним. Лэнгли отшвырнул центаврианина назад, но тот лишь деланно ухмыльнулся и позволил Валти подойти к приборам.

Торговец быстро взглянул на них и скучно изрек:

— Кто-то пришлепнул нам трассер. Нас преследуют.

— Кто? Скорость? Расстояние? — Браннох прорявкал эти вопросы подобно громадному псу.

— Я не знаю. Может, ваши дружки с Трима. А может и Чантхавар.

Валти произвел несколько переключений и посмотрел на индикаторы.

— Приличных размеров корабль. Скорость больше нашей, но мы все равно будем у цели на 10 минут раньше. Подготовка генераторов для межзвездного прыжка требует времени, так что нам придется драться с ними как раз во время этой подготовки. Если, конечно, наш славный капитан разрешит нам...

Лэнгли всего трясло.

— Нет, я лучше сначала взорву всех нас.

Валти захихикал.

— А знаете, капитан, я уважаю вас и ваши несколько фантастические гипотезы.

— Вы можете их проверить, — сказал Лэнгли.

— Я попробую. Ребята, складывайте сюда все оружие, капитан будет охранять его от всех нас — он нам не доверяет.

— Подождите минуту. — Это встал один из кочевников.

— Вы что, можете поступить вопреки приказу вашего руководства?

— Я — да, для блага Общества.

— А я — нет. — Ответ Валти прозвучал, как пистолетный выстрел.

— Если вы намерены так поступить, сэр, то я сам лично сломаю вашу спину об свое колено. Я — ваш командир на этом судне. Читал ли я вам параграфы, касающиеся неповиновения командиру?

— Я... да, сэр. Но я буду жаловаться...

— Делайте это установленным образом, — удовлетворенно согласился Валти. — Я приму вашу жалобу в нашем представительстве и зарегистрирую, как полагается.

Бластер полетел к ногам Лэнгли. Сарис прильнул к полу, дрожа от возбуждения.

— Свяжите Бранноха, — приказал Лэнгли.

— Придется. В бога, конечно, мы верим, но он не бог, — согласились кочевники.

— Конечно. А вы потом его освободите. Мы приведем вас к флиттеру, и вы сами сможете удрать прочь.

Браннох с бешенством посмотрел на них. Он не смирился.

— Вы довольны, капитан? — спросил Валти.

— Возможно. Что вы теперь собираетесь делать?

— Отчасти проверить ваши утверждения, отчасти доказать свою искренность. Я уважаю ваш интеллект.

Лэнгли демонстративно сунул бластер в кобуру.

— Прекрасно.

У Валти появилась прекрасная возможность завладеть ситуацией, но он только зевнул и занял свое место у приборов.

— Мы уже почти прибыли, — сообщил он. — Сейчас притормозим и уровняем скорости.

Корабль был огромен. Он плыл среди холодных звезд — этакий длинный черный цилиндр. Лэнгли видел его орудийные башни, чуть освещенные Млечным путем. Потом ощутил легкий толчок, металлический скрежет, и суденышко вошло в люк воздушного шлюза.

— Боевая тревога! Вы можете идти со мной, Валти, — заорал Лэнгли и направился к выходу.

Он задержался около Бранноха. Гигант взглянул на него и криво ухмыльнулся.

— Отлично сработано, — похвалил Браннох.

— Знаете, — обратился к нему Лэнгли, — слушайте радиопереговоры. Думаю, они подтвердят вам все, что я рассказал. Затем, когда освободитесь, выбирайтесь отсюда, но не слишком

далеко. А если захотите, можно будет устроить встречу с Чантхаваром.

— Я... Я попробую.

— Бог вам в помощь, если это действительно так. До свидания, Браннох.

Лэнгли вышел через люк воздушного шлюза. Он шел последним, и корабельные двери закрывались за ним. Он не знал расположения помещений на корабле, и некоторое время плутал по его закоулкам, но потом вышел в центральный коридор. Вокруг него рокотали машины, корабль готовился к бою.

Через несколько минут он нашел центральный пост управления. Там сидели Валти и Марин, Сарис разлегся на полу. Очевидно, корабль был полностью автоматизирован, всеми технологическими операциями руководил компьютер, и для управления им было достаточно одного человека.

Звездный глобус подчеркивал ледяную черноту вокруг. Валти идентифицировал ледяную искру корабля-преследователя и ввел увеличенное изображение на экран монитора. Это была стальная сфера.

— Работа триман, — сказал Валти. — Я узнаю ее где угодно. Ну-ка, послушаем, что они нам скажут. — Он ткнул клавишу радио.

Тримане! Конечно, они должны были отправиться в погоню сразу же. Для этого им необходимо было раздобыть где-то боевой корабль и двигаться с наибольшей возможной скоростью. И они должны были знать орбиту корабля Валти от Технона. Лэнгли вздрогнул, и Марин прижалась к нему теснее.

— Привет, Тримакс, — голос Валти оставался совершенно обыденным и спокойным. Глаза и руки его непрерывно двигались, нажимая кнопки, поворачивая переключатели, считывая показания, и на каждое движение корабль отвечал судорогой просыпающихся машин, набиравших свою полную мощность.

Вдруг машинный голос произнес:

— За вами следят. Если вы правильно оцениваете ситуацию, то должны понять, что надо сдаться. Солярный патруль поставил вам трассер, и вскоре он будет здесь, но в случае сопротивления вы будете уничтожены еще до его прибытия.

Сол! Лэнгли присвистнул. Оказывается, Чантхавар очень быстро сообразил, чьих это рук дело. Ну, конечно, бегство должно было встревожить его. Если только не еще что-нибудь...

— Тут скоро станет очень оживленно, — пробормотал он.

Валти отключил радио. На звездном глобусе появилась крошечная искорка огня, очевидно, это было пламя выстрела.

— Корабль будет защищаться сам... — сказал он спокойно. — Наш экипаж для этого не нужен, но в случае попадания придется перейти на ручное управление.

Два корабля маневрировали, пронзая пустоту, кружа и прицеливаясь, как фехтовальщики. Ядерные снаряды сверкали, перехватывая точно такие же, идущие им навстречу. Яркие энергетические лучи освещали пространство. Все, что мог воспринимать Лэнгли — это вой генераторов, безумное кружение искр в глобусе и суетливую беготню огоньков на пульте корабельного компьютера.

Сарис остервенело рыкнул:

— Я хочу быть там. Я хочу сам вонзить в них зубы!

Лэнгли привлек Марин к себе.

— Мы можем исчезнуть прежде, чем вырвемся на свободу, — сказал он. — Я чувствую себя совершенно беспомощным.

— Ты просто замечательный, Эдви, — ответила она.

— Ладно... я попробую. Я люблю тебя, Марин.

Она выглядела совершенно счастливой.

— Этого достаточно.

Стены дрогнули, и воздух наполнился гулом. В интеркоме прозвучал голос:

— Близкий разрыв около семерки, сэр. Внешние плиты повреждены, лучевой удар, утечки воздуха нет.

— Продолжайте, — сказал Валти.

Даже ядерный взрыв не может причинить больших повреждений в вакууме. Но при прямом попадании корабль превратится в облако газа.

— Сюда идет Чантхавар, — сказал Валти. — У меня идея. Пусть он услышит наше радио... — Он ткнул пальцем в клавишу. — Привет, Тримакс. Слушай сюда. Соляриане будут здесь через минуту. Я люблю их еще меньше, чем тебя, так давай выясним наши отношения чуть позднее, ты слышишь меня?

Ответа не было. Тримане никогда не тратили слов зря.

Но два солярных крейсера уже были рядом. Ближайший из них описал изящнейшую дугу, которая была невозможна без гравитационного привода, и открыл огонь по кораблю триман. Валти заорал и швырнул корабль вперед. Один корабль не мог сопротивляться двум.

Экраны не показали эту, слишком стремительную для человеческих глаз детонацию — они сначала мгновенно потемнели от перегрузки, затем посветлели, и лишь через несколько секунд можно было увидеть то, что осталось от триман — быстро расплывающееся в вакууме облако газа.

Два солярных крейсера непрерывно кружили вокруг них, предупреждая несколькими заградительными выстрелами и энергетическими лучами. Взвыла сирена. Валти довольно улыбнулся.

— Суперпривод готов. Мы можем удирать отсюда.

— Подожди, — сказал Лэнгли, — вызови их. Я хочу с ними поговорить.

— Но они могут прихлопнуть нас, пока мы будем болтать...

— Человечество, Земля, должны все знать! Вызови их!

Но Чантхавар упредил их. Его голос с треском и шипением вырвался из динамиков:

— Приветствую вас, Общество. Оставайтесь на месте для досмотра.

— Не так быстро, парень, — Лэнгли плечом оттолкнул Валти, пробираясь к микрофону. — Мы можем одним щелчком оказаться на 10 световых лет отсюда, но я хочу кое-что сказать вам.

— Ах... это вы... — В голове Чантхавара зазвучали веселые нотки. — Снова вы! Мое уважение к вам неизмеримо возросло сегодняшней ночью. Я хотел бы иметь вас в моем штабе.

— Подождите. Послушайте! — И Лэнгли рассказал все, что знал, так быстро, как мог.

Наступило тягостное молчание. Затем Чантхавар медленно сказал:

— Вы можете доказать это?

— Вы сможете доказать это сами. Изучите те же документы, что и я. Отловите всех центаврианских агентов, каких сможете, и допросите их. Тримане должны иметь некоторое количество людей под своим контролем. Соберите все факты и гипотезы и предоставьте их Технону, спросите его о возможности перерождения Общества. Это все должно быть как дважды два.

— Вы... может быть, вы правы, Лэнгли. Да, вы, может быть, правы.

— Держу пари, что прав. Тримане не смогли использовать нас. Мы для них — такие же чудовища, как и они для нас, и война, в которой они участвовали, убедила их, что мы можем быть еще и опасны. Их цель — ни больше, ни меньше — полное уничтожение человеческой расы. Возможно, я не прав, но как поверить в случайность всего происшедшего?

— Нет, — быстро ответил Чантхавар. — На случайность это не похоже.

— Подберите Бранноха. Он болтается где-то здесь неподалеку. Вы, он и Общество — все планеты — для начала откажитесь от своих жалких амбиций. Если не сумеете, придут они. Только вместе вы сможете их остановить.

— Нам нужен нейроэффект.

— Нет, вы его не получите. Конечно, вы не можете завоевать планету величиной с Трим, но вы можете хотя бы загнать назад ее пришельцев и держать их там объединенными усилиями. Кроме всего, пусть вас ободряет мысль, что существует в Галактике планета, где свободное существо может обезвредить любое оружие. Может быть, у вас тогда появятся идеи, как сделать такую штуку самим. Прощай, Чантхавар! Удачи тебе! — Он выключил радио и замер, внезапно почувствовав страшную слабость.

— О'кей, — сказал он. — Вперед!

Валти как-то странно взглянул на него, и, только позднее, вспоминая этот взгляд, Лэнгли понял, что так смотрят на людей, ставших лидерами.

— Лучше отправиться к Сигме-один и оттуда — к Обществу. Настоящему Обществу — знай это.

— Да, — согласился Лэнгли. — А затем к Холату, продумать защиту для тех, кому мы обязаны. Ты вернешься домой, Сарис.

Громадная черная голова появилась перед ним.

— А затем? — спросил Валти.

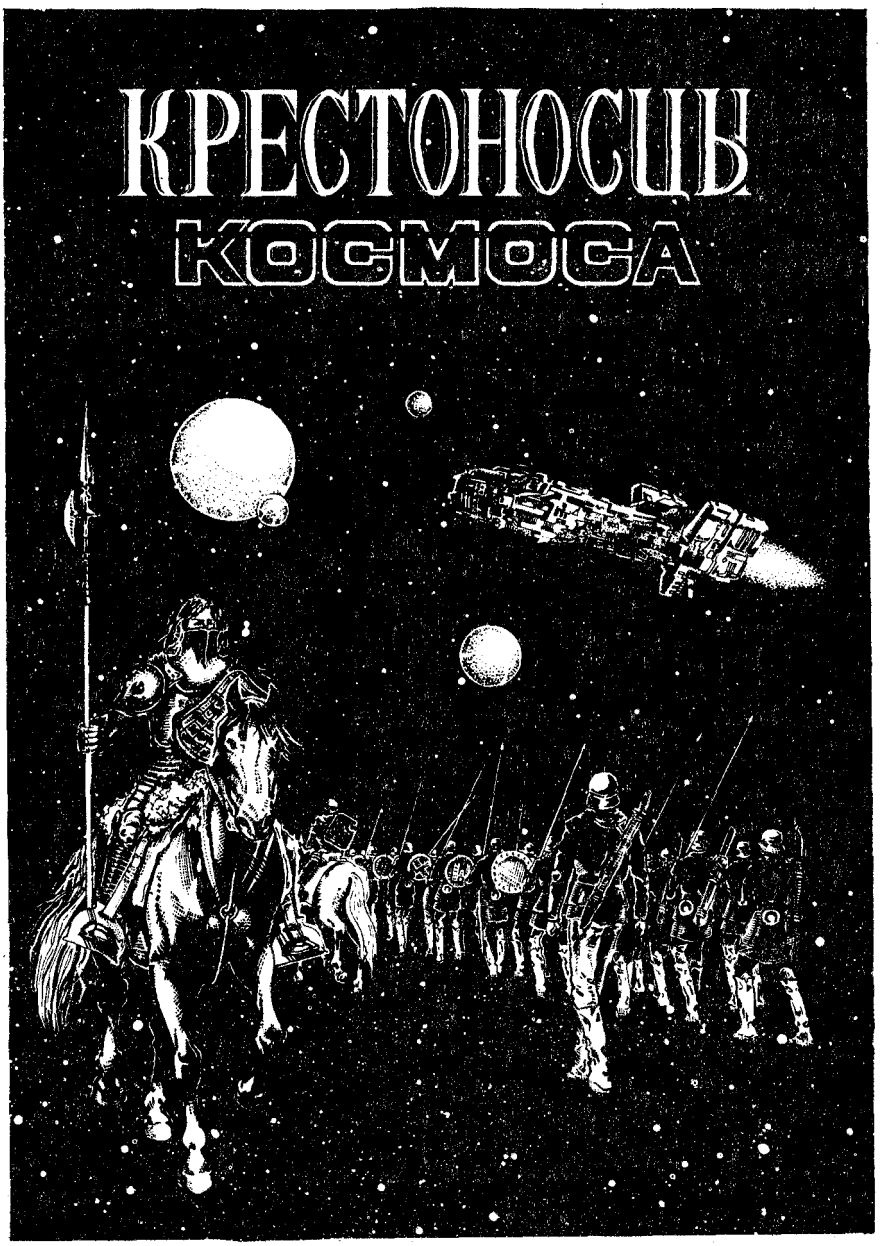
Его руки лежали на клавишах панели управления, готовые отправить корабль в прыжок.

— А тогда... — сказал Лэнгли со счастливым смехом. — Я и Марин будем искать мир, в котором сможем почувствовать себя дома.

— Вы не будете против, если и я присоединюсь к вам? — прошептал Валти.

Марин схватила руку Лэнгли и прильнула к нему. Они стояли, не видя, что происходит вокруг них. А когда оторвались друг от друга, в небе сияло уже новое солнце.

КРЕСТОНОСЦЫ КОСМОСА

Нет зрелища
умнее сного, чем
тя

Капитан поднял голову, и свет лампы под абажуром, бросив тень, упал на его лицо с глубокими морщинами и резкими чертами. В открытый иллюминатор смотрела летняя ночь.

— Ну, — сказал капитан.

— Я перевел, сэр, — ответил социотехник. — Пришлось экстраполировать на старый язык, потому ушло столько времени. Однако в процессе работы я в достаточной мере освоил этот язык, чтобы говорить с этими... существами.

— Хорошо, — капитан кивнул. — Я ожидал увидеть здесь все, что угодно, но не это! Гром и молния!

— Понимаю, что вы испытываете, сэр. Даже мне трудно поверить, хотя я видел это собственными глазами.

— Ладно, прочту. Никакого отдыха!

Капитан кивком разрешил социотехнику удалиться, и тот вышел из каюты.

Несколько мгновений капитан сидел неподвижно, глядя на рукопись невидящими глазами. Судя по внешнему виду, она была очень древней, написанной на тонком пергаменте и заключенной в массивный переплет. Рядом лежал текст перевода. Капитан не решался перевернуть страницу, опасаясь того, что может увидеть на следующей. В рукописи должна быть описана необычайная катастрофа тысячелетней давности. Ее последствия ощущаются и по сей день. Капитан почувствовал себя маленьким и одиноким. Как далеко отсюда его дом!

Однако...

И он начал читать.

1

Архиепископ Уильям, самый ученый и самый благочестивый прелат, приказал изложить по-английски великие события, скромным свидетелем которых был я. И вот я беру в руки перо

во имя Господа и моего Покровителя и верю, что они укрепят мои силы и помогут на благо будущих поколений описать поход сэра Роже де Турневиля: и прочитав мною написанное, люди вознесут хвалу Всемогущему Господу.

Я опишу эти события точно так, как запомнил, совершенно беспристрастно, тем более что почти все их участники мертвы. Сам я слишком ничтожен, чтобы говорить о себе, но ведь полезно знать что-либо хотя бы для того, чтобы судить о степени достоверности им написанного. Итак, я родился за сорок лет до того, как начался мой рассказ, и был младшим сыном Уста Брауна. Отец мой, кузнец, жил в маленьком городке Энсби на севере Линкольншира. Земля здесь принадлежала баронам де Турневиль, чей древний замок возвышался на холме. Тут же находилось маленькое аббатство францисканцев, куда я поступил еще мальчиком. Выучившись читать и писать, пожалуй, это единственное, что я вообще умею, я стал учить тому же детей мирян. Свое детское прозвище я перевел на латынь и, в знак смирения, сделал своим церковным именем. Поэтому меня зовут брат Парвус (Слабый). Я действительно мал ростом и хил, но, к счастью, это не мешало детям меня любить.

В лето от рождества Христова 13, сэр Роже, барон, стал собирать армию добровольцев, чтобы присоединиться к нашему могущественному королю Эдуарду Третьему и его сыну в войне с французами. Местом сбора было Энсби, где в мае и собралось все войско, разместившись на выгоне и превратив наш тихий городок в шумный и скандальный. Лучники, арбалетчики, копьеносцы, кавалеристы бродили по грязным улочкам, пили, играли в азартные игры, охотились за девками, ссорились, рискуя собственными душами и нашими крытыми соломой домами. Два дома сгорели. Однако независимые крестьяне мечтали при первой же возможности уйти вместе с военными, которые принесли столько веселья, доблести и славы в их тихую, ничем не примечательную жизнь. Я и сам мечтал о том же. Да и что удивительного! Ведь я был домашним учителем сэра Роже и приводил в порядок его бумаги. Барон намеревался сделать меня своим секретарем, но мой аббат пока пребывал в сомнении.

Так обстояли дела, когда прилетел Версгорский корабль.

Хорошо помню тот день. По каким-то делам я находился в городе. После дождя выглянуло солнце, и грязь на улице была по щиколотку. Я пробирался сквозь толпы бесцельно бродивших солдат, которые то и дело кивали знакомым. Вдруг прогремел гром. Все подняли головы, и я тоже.

— Смотрите! Что за чудо!

С неба, увеличиваясь с чудовищной быстротой, спускался корабль, весь из металла. Он так сверкал на солнце, что раз-

глядеть его было невозможно. Огромный цилиндр, около двух тысяч футов в длину, если не считать свиста воздуха, двигался совершенно бесшумно.

Какая-то женщина пала на колени прямо в лужу и начала горячо молиться. Кто-то закричал, что это Божья кара за грехи, и тоже стал молиться. Как бы в панике не погибли люди, подумал я, хорошо понимая, что корабль этот послан не Богом.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вскочил на ствол огромной железной бомбарды, стоящей на повозке, по самую ось увязшей в грязи.

— Смелей! — крикнул я. — Не бойтесь! Смелей с верой в Господа!

Мой слабый крик не был услышан.

Тут рядом со мной оказался Рыжий Джон Хеймверд, капитан лучников, веселый верзила с голубыми глазами, — он стал моим другом с момента своего появления в городе.

— Не знаю, что это за штука, — крикнул он так громко, что толпа на мгновенье замерла. — Может быть, какая-нибудь французская хитрость или же шутка, а мы до смерти напугались. За мной, солдаты! Вперед!

— Магия! — закричал какой-то старик. — Волшебство! Мы погибли!

— Нет, — отвечал я. — Волшебство не может повредить добрым христианам.

— Но я жалкий грешник... — причитал старик.

— Святой Джордж и король Эдвард!

Рыжий Джон спрыгнул со ствола и побежал вниз по улице. Подобрав сутану, я помчался за ним, лихорадочно вспоминая формулу изгнания злых духов.

Обернувшись, я был удивлен, увидев, что многие солдаты последовали за нами, движимые не храбростью, а скорее страхом потерять предводителя. Прежде всего они пошли в свой лагерь за оружием, а затем — на выгон.

Я видел, как из замка на вершине холма вылетели кавалеристы.

Сэр Роже де Турневиль, без лат, но с мечом у пояса, скакал во главе. Он кричал и размахивал копьем. Вместе с Рыжим Джоном они построили солдат в некое подобие военного строя. И тут корабль приземлился. На пастбище.

Он глубоко вонзился в почву. Вес его был огромен, и я недоумевал, что позволяет ему так легко держаться в воздухе. Я знал, что корабль — реальность. Наглухо закрытый ровной гладкой поверхностью, без кормы или бака. Не стану утверждать, что ожидал увидеть весла, но что нет парусов, меня несколько удивило. В то же время, однако, я разглядел орудийные

башни с торчащими из них стволами, похожими на стволы наших бомбард.

Над выгоном воцарилась тишина. Ко мне подъехал сэр Роже.

— Вы человек ученый, брат Парвус, — сказал он спокойно, хотя ноздри его побелели от гнева, а волосы намокли от пота. — Что вы думаете об этом?

— Не могу сказать, сэр, — ответил я через силу. — В древних сказаниях говорится о колдунах, которые умели летать по воздуху. Например, о Мерлине.

— Может быть, это... божественное? — он перекрестился.

— Не знаю, — я робко взглянул на него. — Но где же в таком случае ангелы?..

Со стороны корабля донесся приглушенный звон, раздались испуганные крики, и круглая дверь стала медленно открываться. Это было поистине страшно, но солдаты не побежали, как и подобало настоящим англичанам. Я заметил, что дверь двойная, а за ней — помещение. Длинным языком выскочила металлическая лестница и коснулась земли. Я поднял крест и с губ моих слетело "Отче наш".

Наконец появился один из членов экипажа. Боже! Как описать охвативший меня ужас! Это был сам сатана! Около сорока футов ростом, широкоплечий и сильный, одетый в платье, отливающее серебром. На теле густого синего цвета ни единого волоска. Голова круглая, уши длинные, заостренные, глаза желтые, узкие, нос тупой, брови густые. И, в довершение ко всему, хвост!..

Послышались крики. Рыжий Джон натянул лук и крикнул:

— Спокойно! Я пошлю в ад струсившего!

Неподходящий момент для богохульства. Подняв крест еще выше, я заставил себя сделать несколько шагов вперед и произнес заклинание, хотя был уверен, что оно не поможет: не иначе, как наступил конец света.

Стой сатана неподвижно, мы не выдержали бы и побежали. Но он поднял трубку, которую держал в руке, и из трубки вырвалась ослепительно белая молния. Раздался треск, и пламя охватило стоящего рядом со мной солдата. Тот замертво рухнул на землю.

Появились еще три демона.

Солдаты не привыкли раздумывать. Рыжий Джон выпустил стрелу, и один демон сраженный упал, кашляя кровью, и испустил дух. За первой стрелой полетела еще сотня, и воздух наполнился свистом, и утыканные стрелами демоны падали, похожие на ежей.

— Убить! Их можно убить! — воскликнул сэр Роже. — Ура! Святой Джордж за веселую Англию!

И он направил своего коня прямо к лестнице. Говорят, страх рождает необычайную храбрость. Отряд с криками бросился за ним. Я побежал вместе со всеми.

Я смутно помню бесконечные схватки в бесчисленных комнатах и длинных коридорах. Где-то мне удалось подхватить топор, и я наносил удар за ударом по отвратительным синим лицам. Лужи крови и удары, удары и лужи крови. Охваченные жаждой убийства, воины озверели, стали неуправляемы, и сэр Роже уже ничего не мог с ними сделать.

Экипаж корабля состоял примерно из сотни человек, но мало кто из них был вооружен. Позднее мы натолкнулись на склады с огромными запасами оружия, но больше надежд было на панику. Не зная англичан, пришельцы не рассчитывали встретить сопротивления. Они готовы были открыть огонь, но это оказалось совершенно бесполезным, когда мы ворвались вовнутрь.

Менее чем через час мы перебили их всех!

Выбравшись из кровавой бойни, я чуть было не крикнул от радости, увидев солнце. Сэр Роже с капитаном подсчитали потери. Погибло пятнадцать солдат. Я дрожал от возбуждения и радости, когда появился Рыжий Джон Хеймворд. Он притащил на плече демона и швырнул его к ногам сэра Роджера.

— Я оглушил его кулаком, сэр, — доложил Джон Хеймворд и спросил: — Может быть, стоит допросить его? Или же сразу отсечь ему голову? Приказывайте, сэр!

Сэр Роже задумался. Никто из нас еще не осознал всей необычности произошедшего...

Наконец губы его тронула улыбка, и он ответил по-английски так же легко, как обычно говорил по-французски.

— Если это демон, — сказал он, — то слабый. Их нетрудно убивать, как и людей. Еще легче. Они знают о войне не больше моей маленькой дочери. Даже меньше. Потому что моему носу досталось от нее немало хороших тумаков. Думаю, достаточно цепей, чтобы это существо не сбежало. Что скажешь, брат Парвус?

— Да, мой господин, хотя лучше поместить рядом с ним священные реликвии.

— Тогда возьмите его в аббатство и посмотрите, что можно сделать. Вечером жду вас в замке.

— Приду непременно. Надо отслужить большую мессу в благодарность Господу за избавление от зла.

— Да, да, — нетерпеливо произнес сэр Роже. — Поговорите об этом с аббатом. Делайте, как сочтете нужным. Но к ужину приходите и расскажите все, что узнаете.

И он задумчиво поглядел на корабль...

2

Я пошел, как мне было велено, к аббату, и тот заявил, что теперь миряне и духовники должны соединить в дружеском пожатии руки. Город был удивительно спокоен, когда мы шли по освещенным солнцем улицам. Люди попрятались, кто в церкви, кто в доме, крепко-накрепко заперев дверь. Со стороны воинского лагеря доносились звуки мессы. Над нашими хрупкими строениями горой нависла громада корабля пришельцев.

Несмотря на тишину в городе чувствовалось волнение. Люди словно опьянели от сознания победы над неземными силами: все уверовали в то, что нас поддерживает Бог.

Я пересек двор замка, где стояла усиленная стража, и пришел прямо в большой зал. Замок Энсби был старой нормандской постройки — мрачный и холодный. В зале царил полумрак, несмотря на факелы. Они бросали колеблющиеся тени на развешанное по стенам оружие и гобелены. За большим столом сидела вся городская знать и важные военные чины. Было шумно. Сновали взад-вперед слуги, высунув языки, лежали собаки. Внешне все было спокойно. Но за этим кажущимся спокойствием скрывалось напряжение. Сэр Роже оказал мне особую честь, велев сесть рядом с ним и леди.

Позвольте мне рассказать о Роже де Турневиле, рыцаре и бароне. Это был высокий, сильный, мускулистый человек лет тридцати, с серыми глазами, худощавым лицом и орлиным носом. Светлые волосы уложены в обычную прическу воина и пэра: на макушке волос побольше, ниже — поменьше или же совсем выбриты. Это портило его и без того не слишком привлекательную внешность. Довершали картину уши, очень напоминавшие ручки кувшина. Будучи беден, сэр Роже большую часть времени проводил в войнах, совсем забросив свои убогие владения. Поэтому хорошими манерами он не обладал, хотя отличался добротой и умом. Жена его, леди Катрин, была дочерью виконта де Мони. Большинство дворян считало брак этот неравным, ибо в Ванчестере, где Катрин выросла, ее окружали изысканность и элегантность. Вздорная по характеру, молодая женщина в то же время была наредкость хороша собой, с большими голубыми глазами и каштановыми волосами. У них было двое детей: Роберт, прелестный мальчик шести лет, мой ученик, и трехлетняя Матильда.

— Ну, брат Парвус, — загремел на весь зал сэр Роже, — садись. Выпей с нами. Черт возьми, в честь такого события можно выпить что-нибудь получше, чем эль.

Аристократический носик Катрин слегка сморщился — в доме родителей эль пили только слуги.

Только я сел, как сэр Роже наклонился ко мне и нетерпеливо спросил:

— Узнали что-нибудь? Мы и в самом деле взяли в плен демона?

Наступило молчание. Даже собаки застыли на месте. Я слышал треск факелов и шуршание древних знамен, свисавших с потолочных балок.

— Думаю да, милорд, — осторожно ответил я, — потому что он очень рассердился, когда его обрызгали святой водой.

— Но он не исчез в облаке дыма? Ха! Если это и демон, то не похож на тех, о которых я слышал. Эти демоны смертны, как и люди.

— Даже больше, сэр, — сказал один из капитанов, — ибо у них нет души...

— Меня не интересуют их вздорные души, — фыркнул сэр Роже. — Я хочу знать все о корабле. Во время битвы я прошелся по нему. Кит, а не корабль! Мы можем погрузить на его борт весь Энсби, и каждому жителю достанется по комнате. Вы спрашивали демона, почему сотне ему подобных понадобилось так много мест?

— Он не говорит ни на одном из местных языков, милорд, — ответил я.

— Ерунда! Уж по крайней мере латынь все демоны знают! Он лжет!

— Может, устроим ему свидание с вашим палачом? — лукаво спросил сэр Оливер Контбалл.

— Нет, — взмолился я, — пожалуйста, не надо. Он с такой быстротой усваивал произносимые мною слова и повторял их, что мне показалось, будто он просто притворяется незнающим. Дайте мне несколько дней, и я заставлю его заговорить.

— Несколько дней... — пробормотал сэр Роже. — Это слишком много.

Он швырнул обглоданную кость собакам и шумно облизнул пальцы. Леди Катрин нахмурилась и показала на чашку с водой и салфетку.

— Извини, дорогая, — сказал сэр Роже. — Никак не привыкну к этим новомодным штучкам.

Сэр Оливер помог ему выйти из замешательства и спросил:

— Почему же несколько дней это много? Вы, надеюсь, не ждете еще одного корабля?

— Нет, просто в этом случае люди будут бездельничать еще несколько дней. Ведь мы уже готовы были выступить, когда это произошло.

— Как? Разве мы не отправимся в назначенный день?

— Ну что за болваны! — кулак сэра Роже опустился на стол.

Кубок подпрыгнул. — Неужели не видите, какие возможности дает нам корабль? Ведь он послан нам святыми...

Охваченные благоговейным страхом, мы слушали сэра Роже.

— На борт этой штуки можно поместить все войско, — продолжал сэр Роже. — А также лошадей, коров, свиней, птицу. Тогда исчезнет проблема провианта. И женщин можно взять с собой. Все удобства домашней жизни! Эй, а почему бы детей не взять? Пусть посевы на какое-то время останутся без присмотра. Зато детям безопаснее будет с нами, на случай другого прилета пришельцев.

— Не знаю, какая сила движет этим кораблем, но одно его появление внушает такой страх. Уже и воевать незачем. Мы пролетим канал и за месяц кончим войну с Францией. Затем освободим Святую землю и к сбору урожая вернемся домой!

Затянувшееся молчание было нарушено приветственными возгласами, заглушавшими мои слабые возражения. Я подумал, что план этот безумен. Я видел, что леди Катрин и некоторые офицеры такого же мнения. Но остальные смеялись и кричали, пока весь зал не заполнился гулом восторга.

Сэр Роже повернул ко мне покрасневшее лицо.

— Все зависит от вас, брат Парвус, — промолвил он, — неважно, заставите вы демона говорить или научите, главное, чтобы он показал нам, как управлять кораблем.

— Мой благородный лорд... — начал было я.

— Прекрасно, — сэр Роже хлопнул меня по плечу так, что я поперхнулся и чуть не упал со стула. — Я знаю, вы сделаете это. Наградой для вас будет дозволение отправиться вместе с нами!

Казалось, все горожане, все воины обезумели. Самым мудрым решением, разумеется, было бы послать сообщение епископу, а то и прямо в Рим — просить совета. Но нет, они хотели лететь, и все. Жены не желали оставлять мужей, родители детей, девушки возлюбленных. Бедняки-крестьяне готовы были бросить свои участки, мечтая о том, как освободят Святую землю, набив по пути мешки золотом.

Чего, собственно, ждать от народа, происходящего от саксов, норман и датчан.

Я вернулся в аббатство и провел всю ночь на коленях, молясь о том, чтобы мне подан был знак, но святые хранили молчание.

После заутрени я с тяжелым сердцем отправился к аббату и рассказал о замысле барона. Аббат хоть и был разгневан тем, что ему не разрешили немедленно связаться с церковными властями, но почел за лучшее повиноваться. Я был освобожден от всех других занятий, чтобы общаться с демоном.

И, подпоясавшись, я отправился к нему в подвал. Это была узкая полутемная комната, предназначенная для эпитимии.

Брат Томас, наш кузнец, прикрепил к стене скобы и приковал к ним демона. Он казался особенно страшным. Стоило мне войти, как он, звеня цепями, поднялся. Рядом, правда, вне пределов его досягаемости, располагались наши реликвии в ящиках: бедренная кость Святого Осварта и коренной зуб Святителя Виллибарда. Они должны были помешать демону сбросить цепи и убежать в ад. Но сбеги он, я не очень-то расстроился бы...

Я перекрестился и сел. Он уставился на меня и так и сверлил своими желтыми глазами. Я захватил с собой бумагу и перья, изобразил человека и сказал:

— Хомо.

Мне показалось, что разумнее учить его латыни, чем какому-нибудь другому языку, принадлежащему лишь одной нации. Затем я нарисовал еще одного человека и показал демону: люди. Я рисовал и показывал, а он очень быстро все усваивал.

Вскоре он попросил бумагу и стал сам рисовать. Причем делал это весьма искусно. Он объяснил, что зовут его Бранитар, а что раса его называется Верогорцы.

Я не мог отыскать эти слова ни в одной лемонологии, но позволил ему руководить нашими занятиями, так как его раса превратила изучение языков в науку, и мы быстро продвигались вперед.

Все последующие дни я подолгу работал с ним и почти не выходил наружу. Сэр Роже не допускал связи демона с другими. Видимо, опасался, как бы кто-нибудь не узнал о корабле. С самыми преданными людьми барон много времени проводил на границе, стараясь задержать странников и путешественников.

Вскоре Бранитар так освоил язык, что уже смог пожаловаться на свой скудный рацион питания, состоящий из хлеба и воды, и пригрозил местью. Я старался держаться храбро, хоть и побаивался его. Разумеется, наши разговоры велись гораздо медленнее, чем я здесь излагаю. С длинными и частыми паузами, когда мы подбирали нужные слова.

— Вы сами навлекли это на себя, — сказал я ему. — Вам следовало хорошенько подумать, прежде чем нападать на христиан безо всякого повода.

— Кто такие христиане? — спросил он.

Я решил, что он притворяется несведущим, и прочел "Отче наш". К моему изумлению, демон не превратился в дым.

— Кажется, я понял, — произнес он. — Вероятно, вы верите в какой-то примитивный пантеон.

— Мы не язычники, — возмутился я и принялся объяснять суть троицы.

Я уже дошел до перевоплощения, когда он взмахнул своей синей рукой, очень похожей на человеческую, не считая острых толстых когтей.

— Неважно, — ответил он. — Все христиане воинственны так же, как и вы?

— Вам лучше было бы напасть на французов. Но, к несчастью, вы приземлились у англичан.

— Упрямое племя, — кивнул он. — Это дорого вам обойдется. Но если вы немедленно освободите меня, я постараюсь смягчить наказание, которое вас ожидает.

Мой язык прилип к небу, но я отодрал его и холодно потребовал объяснений. Откуда он прибыл и с какими намерениями?

Ему пришлось долго объяснять, ибо говорил он весьма необычные вещи. Я решил, что он лжет, но не стал мешать. Ведь чем больше он говорит, тем лучше усваивает язык.

Две недели спустя после приземления корабля в аббатстве появился сэр Оливер Монбелл и потребовал встречи со мной. Мы встретились в монастырском саду, отыскали скамью и сели.

Этот Оливер был младшим сыном от второго брака барона с женщиной из Уэльса. Смею сказать, что в его груди тлел древний конфликт двух наций, но в нем несомненно была и кимраевская красота. Став пажем, а затем и оруженосцем известного рыцаря при дворе короля, юный Оливер пленил сердце своего хозяина и пользовался привилегиями не по рангу. Он много странствовал, стал трубадуром, а позднее был посвящен в рыцари, но по-прежнему оставался бедным. В поисках счастья он прибыл в Энсби, чтобы присоединиться к армии сэра Роже. Отчаянно храбрый, он был слишком красив для мужчины и вызывал раздражение. Но сэр Роже принял его с радостью. Он был счастлив, что наконец-то у леди Катрин появился интересный собеседник.

— Я прибыл от лорда, брат Парвус, — начал сэр Оливер. — Он желает знать, сколько времени вам потребуется для приручения этого зверя?

— О, он уже знает достаточно слов, но я даже не решаюсь сказать, что он говорит, настолько это неправдоподобно.

— Сэр Роже теряет терпение, к тому же ему все труднее управлять людьми. Они прожирают его состояние, ночи не проходит без грабежа или убийства. Мы должны выступить либо сейчас, либо никогда.

— Об одном молю: не выступать, хотя бы на этом корабле.

С того места, где мы находились, я видел поразительно высокий нос корабля. Казалось, он задевал облака. И мне было страшно...

— Ну, — выпалил сэр Роже, — что же вам сказало это чудовище?

— Демон имел наглость утверждать, что прибыл не снизу, а сверху, с самого неба!

— Он что... ангел?

— Нет. Говорит, что не ангел и не демон, а представитель другой расы смертных, другого рода человеческого.

Сэр Оливер потер свой гладко выбритый подбородок, задумчиво прошептал:

— Может быть, — и уже громко продолжал: — В конце концов, если существовали единороги, кентавры и другие чудовища, почему бы не существовать и синекожим?

— Все это так, но он утверждает, что живет прямо на небе.

— Расскажите подробно, что он говорит.

— Как вам угодно, сэр Оливер, только помните, что это не мои выдумки. Этот Бранитар твердит, что земля не плоская, а круглая и висит в пространстве. Мало того. Он утверждает, будто Земля вращается вокруг Солнца: некоторые древние ученые придерживались того же мнения, но почему тогда океаны не выливаются в пространство или же...

— Пожалуйста, продолжайте, брат Парвус.

— Извольте. Бранитар говорит, что звезды — тоже солнца, только они очень далеко от нас. И что у них тоже есть миры, как наша Земля. Даже древние греки не поверили бы в подобную глупость. Эти существа, видимо, принимают нас за дураков и невежд. И еще Бранитар говорит, что версгорцы прилетели именно из такого мира, похожего на нашу землю. Он хвастает, что их колдовской властью можно...

— Может быть, он и не лжет, — ответил сэр Оливер. — Мы испытали некоторые образцы их оружия. Сожгли три дома, свинью и раба, прежде чем научились с ним обращаться.

Я судорожно глотнул слюну и продолжал:

— У этих версгорцев есть корабли, которые могут летать среди звезд. Они завоевали множество миров. А их жителей либо подчинили себе, либо уничтожили. Потом заселили версгорцами и каждый получил сотни тысяч акров. Численность их растет так быстро, что они вынуждены постоянно искать новые миры. Корабль, который мы захватили, разведчик, странствовавший в поисках новых миров. Земля наша им понравилась, вот они и приземлились. Впервые им не удалось осуществить свой план. Они собирались запугать нас и использовать эту местность как базу. Собрать образцы растений, животных, минералов. Именно поэтому корабль так велик, со множеством пустых помещений. Это что-то вроде "Ноева ковчега". Разведав все, они вернулись бы к себе, сообщили бы, что нашли новый мир, и сюда был бы послан флот для захвата земли.

— Гм... — усмехнулся сэр Оливер. — Хорошо, что мы это предотвратили.

Мы замолчали, представив себе ужасную картину покорения человечества нелюдьми, хотя оба в это не верили. Я решил, что Бранитар пришел из отдаленной к нам области земли, например, из-за Китая — и пугает нас, чтобы его отпустили. Сэр Оливер согласился с этой гипотезой.

— Тем не менее, — добавил рыцарь, — мы должны научиться пользоваться кораблем, пока не прибыли другие. Для этого лучше всего отправиться во Францию и Иерусалим. И, как говорит милорд, очень хорошо взять с собой женщин и детей и все население города. Вы узнали у демона, как управлять кораблем?

— Узнал, — ответил я неохотно. — Он говорит, что это очень просто.

— А вы сказали, что будет с ним, если он захочет нас обмануть?

— Намекнул. Он обещал повиноваться.

— Отлично. Тогда можно через день-другой выступить! — Сэр Оливер откинулся назад, мечтательно полуприкрыв глаза. — Может быть, мы даже сумеем передать кое-что соплеменникам. За выкуп, который они дадут, можно будет купить много вина и женщин...

3

Итак мы выступили.

Необычнее даже, чем сам корабль и его появление, была погрузка. Корабль возвышался, как стальной утес, воздвигнутый колдуном. С другой стороны выгона теснились домишки Энсби, крытые соломой, извивались узкие улочки, зеленели поля пшеницы под нашим скудным английским солнцем. Даже замок, возвышавшийся надо всем, гордый и величавый, теперь казался сморщенным, убогим и серым.

Из множества площадок соорудили лестницу, ведущую в сверкающий столп, и вот ее уже заполнили краснолицые, смеющиеся люди. С громкими криками пробирается сквозь толпу Джон Хеймворд, на одном плече у него лук, на другом — девица из таверны. Йомен вооружился видавшим виды ржавым топором, возможно, участвовавшим в битве при Гастингсе. Он в залатанном кафтане, за ним тащится плачущая жена. За ее юбку цепляется полдюжины ребятишек. Вот лучник пытается втащить на трап упирающегося мула и извергает проклятия, чем увеличивает срок своего пребывания в чистилище. Какой-то парень ловит вырвавшуюся свинью. Важно шагает богатый рыцарь в сопровождении леди, на руке у нее сидит сокол. Читает

молитвы священник, с опаской направляясь в железную утробу.

Корабль легко вместил около двух тысяч человек. Те, кто познатнее, получил каюту для себя и своей леди, ибо многие взяли и жен, и любовниц, чтобы сделать свое пребывание во Франции более приятным. Простой люд расположился на соломенных матрацах в пустых трюмах. Бедный Энсби был всеми покинут, и я частенько думаю, сохранился ли он до наших времен?

Сэр Роже заставил Бранитара проделать несколько пробных полетов. Бранитар нажимал на какие-то кнопки в рулевой рубке, и корабль бесшумно и плавно поднимался. Управление было по-детски простым, хотя мы ничего не смыслили во всех этих дисках и прямоугольниках, покрытых языческими знаками со множеством стрелок посередине. Через меня Бранитар передал сэру Роже, что корабль получает энергию, разрушая материю. Невероятная чушь! И что его машины могут уничтожить притяжение земли. Тоже нелепость! Аристотель ведь объяснил, что предметы падают на землю в силу их природного свойства, и я не хотел забивать себе голову всякими глупостями.

Несмотря на то что сам аббат не собирался лететь на корабле, он присоединился к отцу Симону при обряде благословения корабля. Мы нарекли его "КРЕСТОНОСЦЕМ". На корабле отправлялись с нами два капеллана, мы взяли с собой также волос Святого Венедикта. Все, кто отправлялся, исповедовались и получали отпущение грехов. Считалось, что мы теперь не подвержены силам зла, однако на этот счет у меня были сомнения.

Мне отвели маленькую каюту рядом с помещением, занимаемым сэром Роже, его детьми и женой. Бранитар содержался под стражей в соседней комнате. В мои обязанности входило: переводить, обучать пленника латыни, заниматься с юным Робертом и быть секретарем милорда.

При отправлении в рулевой рубке находились сэр Роже, сэр Оливер, Бранитар и я. Это помещение, как и все остальные, без окон, имело стеклянные экраны с изображением земли и неба. Я дрожал и читал молитвы, ибо не пристало христианину смотреть в кристаллы индийских магов.

— Ну, — сказал сэр Роже, повернувшись ко мне, — полетели! Через час будем во Франции.

Он уселся перед панелью со множеством ручек и колесиков.

Бранитар быстро сказал:

— Тренировочные полеты проходили только на несколько миль. Передайте вашему хозяину, что более длинные полеты требуют и более длительной подготовки.

Сэр Роже кивнул, когда я передал ему это.

— Хорошо, пусть действует. — Из ножен его показался

меч. — Я буду следить за курсом по экранам, пусть только попробует обмануть, я...

— Сэр! — нахмурился Оливер Монтбелл. — Разумно ли это? Существо...

— Он наш пленник. В вас чересчур сильны кельтские опасения, Оливер. Пусть действует!

Бранитар сел. Мебель корабля не предназначалась для человека, но можно было к ней приспособиться. Я следил за пленником, когда его руки начали двигаться над панелью управления. Раздалось гудение. Я ничего не почувствовал, но земля на нижнем экране стала удаляться. Это было поистине волшебство. Ведь при движении корабля должна быть отдача, а тут ее не было. Преодолевая подступившую к горлу тошноту, я смотрел на экран, в котором отражалось небо. Мы летели среди облаков, казавшихся густым туманом. Это с очевидностью свидетельствовало о силе Господа, ибо известно, что ангелы часто сидят на облаках и не промокают.

— Теперь на юг! — приказал сэр Роже.

Бранитар усмехнулся, взглянул на приборы и дернул вниз какую-то ручку. Раздался звук захлопывающегося замка. Ручка осталась внизу. Адское торжество сверкнуло в глазах Бранитара, когда он вскочил со своего сиденья и вскрикнул:

— Дело сделано! — его латинский был ужасен. — Я послал вас на смерть. Вам конец!

— Что? — воскликнул я.

Сэр Роже выругался. Он уже догадался, что сказал Бранитар, и ринулся на версгорца. Но его остановило зрелище, которое открывалось на экранах. Меч выпал из его рук, и пот выступил на лице.

Это в самом деле было ужасно. Земля под нами уменьшалась, как будто летела в глубокий колодец. Небо потемнело, появились звезды, но на одном из экранов солнце по-прежнему ярко светило.

Сэр Оливер бормотал что-то по-уэльски. Я упал на колени. Бранитар метнулся к двери, но сэр Роже успел его схватить, и они вместе упали.

Сэр Оливер не мог двинуться от ужаса, а я не в силах был оторвать глаз от открывшегося нам зрелища. Земля уменьшилась до такой степени, что едва закрывала один из экранов. Она была голубой, в темных пятнышках, и совсем круглой. Да, круглой!

Мы двигались с невероятной, все увеличивающейся скоростью. Могучие силы, действующие на совершенно неизвестных нам принципах, уносили нас от Земли.

Я видел, как проплыла под нами Луна. Мы пролетели так

близко от нее, что я мог разглядеть горы, окруженные черными тенями. Но ведь этого не могло быть! Всем известно, что Луна — совершенный круг. Всхлипывая, я старался избавиться от галлюцинации, отогнать наваждение.

Сэр Роже одолел Бранитара и швырнул на пол, тот был почти без сознания. Тяжело дыша, рыцарь встал.

— Где мы? — выдохнул он. — Что происходит?

— Мы поднимаемся, — простонал я. — Все выше...

И я зажал пальцами уши, чтобы не оглохнуть от грохота, когда корабль ударился о первую кристаллическую сферу.

Но этого не произошло. Тогда я открыл глаза и вновь взглянул на экраны, Земля и Луна еще больше отдалились и были похожи на двойную звезду голубого и золотого цвета. Настоящие звезды сверкали на фоне бесконечной тьмы. Мне показалось, что корабль продолжает увеличивать скорость.

Сэр Роже прервал мои молитвы проклятьем.

— Вначале рассчитаемся с предателем, — и он пнул Бранитара под ребра.

Версгорец сел и с вызовом посмотрел на него.

Я собрался с силами и сказал ему по-латыни:

— Что ты сделал? Ты умрешь в страшных мучениях, если не доставишь нас обратно.

Он встал, скрестил руки, смерил нас взглядом.

— Вы, варвары, вздумали тягаться с цивилизованным существом! Делайте со мной, что хотите, когда путешествие подойдет к концу, я буду отомщен!

— *Но что ты сделал?*

Его окровавленный рот скривился в усмешке.

— Я передал управление кораблем пилоту-автомату. Теперь он сам управляет собой, все автоматизированно: вылет из атмосферы, переход в квазипространство, компенсация статистических эффектов, сохранение искусственной гравитации и другие факторы жизненной среды обитания.

— Но ты можешь повернуть обратно?

— Никто не может, потому что рукоять опущена. Она будет оставаться в таком положении, пока мы не прибудем на Териксан. Это ближайшая планета, населенная моим народом.

Я осторожно дотронулся до рулевых приборов. Они не двигались. Когда я сказал обо всем рыцарям, сэр Оливер громко застонал, а сэр Роже угрюмо бросил:

— Проверим, правда это или нет. Заодно допрос накажет его за предательство...

Через меня Бранитар с презрением ответил:

— Начинайте! Я вас не боюсь. Если даже вы сломаете мою волю, это бесполезно. Курс корабля изменить нельзя и остано-

вить его тоже невозможно. Это устройство как раз и предназначено для ситуаций, когда корабль должен достичь цели, не имея на борту ни одного члена экипажа. — Помолчав, он добавил: — Вы должны понять, что я не таю на вас злобы, вы безрассудно храбры, и я сожалею, что нам необходим ваш мир. Если вы освободите меня, я вступлюсь за вас, когда прибудем на Териксан. Может быть, вас отпустят живыми.

Сэр Роже задумчиво потер пальцами подбородок. Я слышал, как шуршала под его пальцами щетина, хотя он и брился в прошлый четверг.

— Думаю, после прибытия корабль снова станет управляемым, — сказал он.

Я поразился его холодному спокойствию, наступившему после шока.

— Сможем ли мы тогда повернуть корабль и возвратиться домой? — продолжал он.

— Я не поведу вас! — ответил Бранитар. — А сами вы, не умея читать навигационные карты, никогда не найдете пути. Мы будем дальше от вашей планеты, чем может пролететь свет за тысячу лет.

— Не считай нас дикарями, — оскорбился я. — Мы знаем, что свет распространяется бесконечно быстро.

Он пожал плечами.

Глаза сэра Роже сверкнули, и он спросил:

— Когда мы прибудем?

— Через десять дней, но не из-за расстояния между звездами, хотя оно само по себе и огромно. Мы так поздно добрались до вас из-за этого расстояния. Уже триста лет как мы вышли в межзвездное пространство, но звезд очень много...

— Гм, — произнес сэр Роже. — Прибыв, мы сможем использовать этот отличный корабль, с его бомбардами и ручным оружием. Версгорцы пожалеют о нашем прилете.

Я перевел это Бранитару, на что тот ответил:

— Я искренне советую вам сдаться. Конечно, оружие этого корабля может убить человека или разрушить город, но для вас это бесполезно. У нас есть силовые экраны, которые задерживают любой луч, а вот корабль не защищен так, поскольку генераторы силовых полей слишком громоздки. Орудия из крепостей будут стрелять вверх и уничтожат вас.

Выслушав его, сэр Роже лишь сказал:

— Что же, у нас есть еще десять дней на размышления. Из корабля можно выглянуть только из этого места. Придется выдумать какую-то сказку, чтобы не пугать людей раньше времени.

Он вышел, его плащ развевался, похожий на крылья...

4

В армии я был человеком маленьким и не во всех событиях участвовал, но попытаюсь как можно полнее их описать с помощью догадок. Священникам на исповедях не все рассказывают, но они могут догадаться. Полагаю, например, что сэр Роже отвел леди Катрин в сторону и рассказал, как обстоят дела. Он надеялся на ее смелость, но молодая женщина разразилась слезами.

— Будь проклят тот день, когда я вышла за вас! — кричала она.

Ее прекрасное лицо покраснело, потом побледнело, и она топнула своей маленькой ножкой о стальной пол.

— Мало того, что своей невоспитанностью вы опозорили меня перед королем и двором, заставили жить в берлоге, которую называете замком. Так теперь в своем неуемном азарте вы рискуете нашими детьми.

— Но, дорогая, — запинаясь, проговорил сэр Роже. — Я только...

— До чего же вы глупы! Мало вам было отправиться во Францию грабить и развратничать, так еще захотелось полететь в воздушном гробу. Вы были настолько высокомерны, что поверили, будто демон боится вас и станет вашим рабом. О, Богоматерь Мария, что за несчастная у меня судьба!

И она, рыдая, ушла.

Сэр Роже проводил ее взглядом и с тяжелым сердцем отправился делать смотр войскам.

Солдаты, расположившись в просторных трюмах, готовили ужин. Несмотря на разведенные костры, воздух оставался свежим и прохладным. Бранитар рассказал мне, что корабль снабжен специальной аппаратурой, которая восстанавливает жизненные силы атмосферы. Меня несколько раздражали постоянно светящиеся стены и невозможность отличить день от ночи. Но солдаты, по-видимому, не обращали на это внимания. Они сидели вокруг костров, пили эль, играли в кости, ловили блох — дикая, безбожная толпа людей, в то же время до самозабвения преданных своему лорду.

Сэр Роже знаком подозвал Рыжего Джона, чья огромная фигура резко выделялась среди солдат, и прошел с ним в соседнюю каюту.

— Ну, сэр, — произнес захмелевший Джон Хеймворд, — путь во Францию несколько затянулся?

— Наши планы... гм... изменились, — осторожно ответил сэр Роже. — В той стране, откуда прилетел этот корабль, нас ждет богатая добыча. Захватив ее, мы найдем множество воинов и разгромим всех противников.

Рыжий Джон рыгнул и почесался под доспехами.

— Если не захватим больше, чем сможем удержать, сэр.

— Думаю, что нет. Но надо подготовить людей к изменению плана и успокоить их.

— Это нелегко, сэр.

— Почему? Я ведь сказал, что добыча будет богатая.

— Что ж, милорд, если вы хотите честного ответа, то вот он. Видите ли, хотя мы и взяли с собой всех женщин из Энсби и большинство из них незамужние и... гм... дружественно настроены... Все равно остается фактом, что мужчин у нас вдвое больше, чем женщин. Француженки очень хороши и, говорят, сарацинки не хуже, хотя и носят чадру, но, глядя на этих синекожих, которых мы победили, не скажешь, что их женщины хороши.

— Откуда вы знаете, что нас не ждет там прекрасная принцесса, которая обрадуется, увидев честное английское лицо?

— Так-то так, милорд...

— Тогда проследите, чтобы лучники были готовы к бою, когда мы прибудем.

Сэр Роже похлопал верзилу по плечу и пошел заводить аналогичные разговоры с другими капитанами.

Несколько позже он передал мне все, что они сказали о женщинах, и я не на шутку встревожился.

— Слава богу, что он сотворил этих синеликих не столь привлекательными! — воскликнул я. — Велика мудрость Господа!

— Они, разумеется, не красивы, — заметил барон, — но поручитесь ли вы, что они не люди?

— Не знаю, сэр, — ответил я, подумав. — Но они не похожи ни на один народ на Земле, хотя обладают руками, ногами, способны говорить и мыслить.

— Это, в конце концов, не важно!

— О, нет, напротив, очень важно, сэр! Видите ли, если у них есть душа, наша прямая обязанность наставить их на путь истинный. Но если у них нет души, было бы богохульством причащать их.

— Это я предоставляю решать вам, — равнодушно ответил он. Я заторопился в каюту Бранитара, которая охранялась несколькими копьеносцами.

— Чего тебе? — спросил он, едва я вошел и сел в кресло.

— У тебя есть душа?

— Что?

Я объяснил смысл слова "спиритус", он был удивлен.

— Вы в самом деле верите, что ваше подобие живет у вас в голове?

— О нет, душа нематериальна. Она дает нам жизнь... Нет, не то, ведь животные тоже живут, но она у нас...

— А, понимаю, разум?

— Нет, нет и нет. Душа — это то, что живет после смерти тела и подвергается наказанию за совершенные при жизни грехи.

— А вы верите, что личность продолжает жить после смерти? Интересная проблема. Если личность, это совокупность отношений, а не материальный объект, теоретически возможно эту личность передать другому, и та же система отношений воплотится в иной физический объект.

— Перестань молоть чепуху! — нетерпеливо воскликнул я. — Ты хуже альбинойцев. Ответь мне просто: есть у вас душа или нет?

— Наши ученые занимались проблемой личности в этом аспекте, но, насколько мне известно, она еще не решена.

— Опять ты за свое, — вздохнул я. — Скажи мне наконец, есть у тебя душа или нет?

— Не знаю.

— Ты безнадежен, — сказал я и ушел.

Впоследствии я обсуждал эту проблему с учеными прелатами, но за исключением очевидного положения, что условное крещение может быть дано любому живому существу, желающему его получить, мы ничего не решили. Это дело Рима, а может быть, даже Вселенского собора.

Пока происходили эти события, леди Катрин справилась со своими слезами и гордо шествовала по коридору, пытаясь унять волнение. В длинном помещении, где обычно обедали капитаны, она обнаружила сэра Оливера, перебирающего струны арфы. При виде миледи, он вскочил и поклонился.

— Миледи! Какой прекрасный, можно сказать, ошеломляющий сюрприз!

Она села на скамью.

— Где мы сейчас? — спросила она, внезапно поддавшись слабости.

Предположив, что она знает правду, он ответил:

— Не знаю. Солнце уменьшилось до такой степени, что затерялось среди звезд. — Невеселая улыбка осветила его темное лицо. — Но в этой комнате достаточно света...

Катрин почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Она посмотрела на носки своих башмаков и невольно улыбнулась.

— Мы в самом одиноком путешествии, какое может представить себе человек, — сказал сэр Оливер. — Если миледи позволит, я ознакомлю ее с песенным циклом, достойным ее красоты?

Она не отказалась, и голос сэра Оливера заполнил комнату.

5

О последующем путешествии мало что можно сказать. Солдаты ссорились и пьянствовали. Крестьяне, когда не нужно было заботиться о скоте, спали или ели. Сэр Оливер часто разговаривал с леди Катрин, сэру Роже это не очень нравилось, но он был погружен в разработку каких-то планов.

Мы часто проводили время у Бранитара, который рассказывал нам о своей империи. Я не очень-то ему верил.

Бранитар рассказал, что в Версгорскую империю входит около ста миров, подобных нашему. В каждом живет несколько миллионов версгорцев, которые любят простор. Города есть только на главной планете — Версгориксаане. Но на пограничных планетах, типа Териксана, есть крепости-базы космического флота. Бранитар неустанно твердил об огненной мощи этих крепостей.

В заново открытых мирах версгорцы не занимались черной работой, поручая ее рабам или автоматам. Они были аристократами. Захваченные расы, порабощенные и безоружные, не имели шансов на успех в борьбе с малочисленными, но до зубов вооруженными хозяевами.

Сэр Роже пробормотал что-то о вооруженном восстании, но Бранитар со смехом сказал, что Териксан никогда не был заселен и поэтому на нем лишь несколько сот рабов.

Сэр Роже спросил, только ли версгорцы способны совершать межзвездные перелеты, на что Бранитар презрительно пожал плечами.

— Мы обнаружили три расы, которые независимо от нас овладели этим искусством. Они обитают в сфере нашей империи, но мы их не покоряли. Не стоит зря тратить силы, когда достаточно других планет. Мы позволили этим расам существовать и даже иметь небольшие колонии поблизости от их планет, однако не допустили их дальнейшего распространения. С ними было несколько небольших войн. Они нас не любят и знают, как только нам станет выгодно, мы покорим их, но они бессильны перед нашим могуществом...

По приказу сэра Роже я начал изучать язык версгорцев. Для Бранитара это было небольшим развлечением, а для меня — отличным средством заглушить нарастающий страх. Их язык был груб, но прост в освоении.

В контрольной рубке я нашел множество ящичков, заполненных картами и математическими таблицами. Надписи были сделаны удивительно четко, и я решил, что это навигационные указания. Я нашел карту Териксана и перевел все названия. Сэр Роже просиживал над ней долгие вечера. Даже сарацинские

карты, которые привез его дед, казались грубыми по сравнению с этой. Впрочем, версгорцы проявили и недостаток культуры, не изобразив на карте русалок, четыре ветра, гиппогрифа и другие украшения.

Перевел я многие надписи и в контрольной рубке. Некоторые, как скорость и высота, были понятны, но что такое "подача горючего" или какова разница между "досветовым полетом" и "сверхсветовым полетом"? Вероятно, это были хотя и непонятные, но весьма могущественные заклинания.

Дни бесконечно тянулись, похожие один на другой, пока мы не увидели планету, напоминавшую нашу, но с двумя лунами. Увидев голубое небо, я с благодарностью опустился на колени.

Рукоятка щелкнула и стала на место, в верхнее положение. Корабль повис в миле от поверхности и остановился. Мы достигли Териксана...

6

Сэр Роже вызвал в рубку меня, сэра Оливера, Рыжего Джона. Последний тащил за собой Бранитара на цепи. Взглянув на экран, лучник разразился проклятиями. По кораблю пронеслась команда вооружиться. Двое рыцарей уже были в полном облачении. Их ждали оруженосцы со шлемами и щитами. В трюмах ржали лошади. Женщины и дети сгрудились в коридоре с широко раскрытыми от страха глазами.

— Итак, мы прибыли, — сказал сэр Роже с мальчишеской радостью, в то время как остальные задыхались от страха и обливались потом.

Но борьба, пусть даже с силами ада, была для них понятным и привычным делом.

На вопрос сэра Роже, где именно на планете мы находимся, Бранитар нажал кнопку. Один из пустых экранов засветился, показывая карту.

Я сопоставил отметки на ней с картой, которую держал в руках.

— Крепость Гантурак лежит примерно в ста милях к северу отсюда, милорд, — сказал я.

Немного усвоивший английский, Бранитар кивнул в знак согласия.

— Гантурак — самая маленькая из базовых крепостей, — дальше он вынужден был излагать свои мысли на латыни. — Но и там находятся многочисленные космические корабли и армада других летательных средств. Огневое оружие с поверхности может уничтожить любой корабль, а защитные экраны сделают ваше оружие бесполезным. Вам лучше сдаться.

— Может, это самое мудрое решение? — спросил сэр Оливер.
— Что? — воскликнул сэр Роже. — Англичане не сдаются!
— Но женщины и дети, что будет с ними?
— Я не богат и не могу платить выкуп.

Бряцая оружием, сэр Роже уселся в кресло пилота и привел в действие приборы управления.

Через нижние экраны я видел, как проносится под нами Земля. От родной планеты ее отличала густо-синяя растительность; не считая редких круглых построек, местность была необитаема.

Затянувшееся молчание прервал резкий голос, говоривший на языке синелицых. Мы перекрестились от неожиданности и огляделись. Звук исходил из маленького черного ящичка на главном контрольном щитке.

— Черт возьми! — Рыжий Джон выхватил из ножен кинжал. — Здесь все время был "заяц"! Дайте мне лом, сэр, и я заставлю его выйти!

Бранитар сумел разобрать нехитрый смысл его слов. Смех вырвался из его толстой синей глотки.

— Голос приходит издалека, по волнам, подобным свету, но более длинным, — пояснил он.
— Говори яснее, — потребовал я.
— Нас спрашивает наблюдатель из крепости Гантурак.

Сэр Роже только лишь кивнул, когда я перевел ему эти слова.

— Голос доносится прямо из воздуха, но это ничто по сравнению с тем, что мы уже видели, — сказал он. — Что хочет этот парень?

Я разобрал всего несколько слов, но общий смысл понял:
— "Кто вы?"

Крепость не была обычным местом посадки разведывательных кораблей. Почему мы вторгаемся в запрещенную зону?

— Успокой их, — сказал я Бранитару. — И помни, я пойму, если ты попытаешься нас предать.

В ответ он лишь пожал плечами, хотя лицо его блестело от пота.

— Возвращается разведывательный корабль 587-ЗИН. Срочное сообщение. Необходима остановка над базой.

Голос выразил согласие, но предупредил, что если мы спустимся ниже, чем сто антакс (примерно полмили), то будем уничтожены. Нам следовало парить в воздухе до тех пор, пока на борт не поднимется патруль.

Вскоре появился и сам Гантурак: плотная масса куполов и цилиндров, стальные остовы, покрытые особым камнем, как мы узнали впоследствии. Строения образовали круг, примерно 1000 футов в диаметре. В полумиле к северу находилась мень-

шая группа зданий. При помощи увеличительных экранов мы увидели там стволы огромных огненных бомбард.

Еще до того как мы остановились, над обеими частями крепости появилось бледно-голубое свечение. Бранитар указал нам на небо.

— Защитные экраны. Ваши выстрелы будут отражены. При удачном стечении обстоятельств можно попасть в одну из этих бомбард, в момент выстрела экраны снимаются. Не слишком легкая цель...

В воздухе появилось несколько яйцеобразных металлических предметов, казавшихся мошками по сравнению с корпусом "Крестоносца". Множество таких кораблей мы видели на земле в главной части крепости.

— Так я и думал, — сэр Роже кивнул. — Защитные экраны, возможно, останавливают лучи орудий, но корабли проходят.

— Верно, — подтвердил с моей помощью Бранитар. — Вы можете сбросить один или два снаряда со взрывчаткой, но подземные орудия рано или поздно вас уничтожат.

— Ага! — Сэр Роже изучал версгорца до тех пор, пока у Бранитара не посерело лицо. — Значит, у вас есть взрывчатые снаряды? Они есть, несомненно, и на борту корабля. Ты никогда не говорил мне об этом. Ну, ладно, отложим это на потом. — Он ткнул пальцем в сторону сэра Оливера и Рыжего Джона. — Вы двое видели местность, возвращайтесь к своим людям и будьте готовы высадиться, как только мы приземлимся.

Они ушли, с опаской поглядывая на экраны. Воздушные корабли были совсем близко, сэр Роже взялся обеими руками за штурвал, управляющий огнем наших бомбард. Мы уже знали, что эти огромные орудия сами наводят на цель и стреляют, и даже немного попрактиковались в стрельбе. Когда же патрульные корабли подошли совсем близко, сэр Роже повернул штурвал.

Адские лучи вырвались из наших бомбард, и пламя охватило патрульные корабли. Я увидел, как ближайший к нам корабль был расколот надвое этим огненным мечом. Другой раскалился добела, а третий взорвался. Прогремел гром, и все превратилось в осколки расплавленного металла.

Сэр Роже проверил утверждения Бранитара. Тот сказал правду. Бледно-голубой экран отразил наши лучи. Барон нахмурился.

— Я предвидел это. Нам лучше спуститься, прежде чем они пришлют настоящие военные корабли, чтобы расправиться с нами, или откроют огонь прямо с земли...

Продолжая говорить, он направил корабль вниз. Мы были слишком низко, и огонь лишь коснулся нас. Я увидел летящие

навстречу здания Гантурака и приготовился к смерти.

Раздался скрежет, корабль задрожал. Одна из башен пронзила его насквозь. Невероятно тяжелый, в две тысячи футов длиной, "Крестоносец" придавил половину Гантурака.

Еще не заглохли двигатели, а сэр Роже уже был на ногах.

— Ура! — закричал он. — Бог нам поможет!

И он побежал по наклонившейся и вздыбленной палубе. Выхватив у испуганного оруженосца шлем, он вскочил в седло. Оруженосец последовал за ним, губы у него дрожали, но он крепко, изо всех сил сжимал щит де Турневиля.

Бранитар хранил молчание. Я подобрал рясу и отправился искать сержанта, который должен был караулить пленника. Разыскав его, я получил возможность наблюдать за сражением.

"Крестоносец" опустился на крепость всей своей массой и не опрокинулся лишь благодаря генератору искусственного тяготения. Вокруг царило опустошение.

Сэр Роже со своей кавалерией был уже снаружи. Он не стал собирать солдат, а сразу ударил по ближайшему скоплению врага. Его мечи и копье разили насмерть. А подчиненные, кроме обычного холодного оружия, пользовались ручными бомбардами, захваченными на корабле.

Теперь вперед выдвинулись лучники и легковооруженные солдаты. Возможно, страх сделал их такими грозными. Они сблизились с версгорцами, прежде чем те сумели пустить в ход свое огневое оружие. Схватка перешла в рукопашную.

Когда пространство вокруг сэра Роже очистилось, он отступил на черной кобыле. Раздался звук трубы, отзывающий тяжелую кавалерию. Рыцари, более дисциплинированные, чем простые солдаты, тотчас же присоединились к своему барону. Вокруг барона скопилось довольно много закованных в броню людей и лошадей.

Его рука, в металлической перчатке, указала на небольшую крепость, где бомбарды уже прекратили беспорядочную стрельбу.

— Надо захватить ее прежде, чем они опомнятся. За мной, англичане, во славу Бога и Святого Георгия!

Он взял копье из рук оруженосца и поскакал вперед. Только слышен был топот копыт, сотрясавший землю.

Версгорцы, находящиеся в небольшой крепости, пытались отбить нападение. У них были ружья и ручные снаряды. Они сбили несколько наших всадников, но слишком мало было расстояние, к тому же они пребывали в растерянности и страхе...

Нет зрелища более ужасного, чем атака тяжеловооруженной кавалерии. Беда версгорцев была в том, что в своем развитии они зашли слишком далеко. Они считали сражения на земле

устаревшими и оказались нетренированными и плохо вооруженными. Правда, они владели огненными луками и экранами, защищавшими их от этих лучей, но они и не подумали, что надо поставить проволочные ежи.

Сокрушительный удар рыцарей расстроил их ряды, превратил в месиво.

Впереди виднелись развалины одного из зданий, за которыми готовился к взлету космический корабль, небольшой, он был куда больше любого морского корабля на Земле. Сейчас корабль взлетит и сожжет нас. И сэр Роже бросил на него свою кавалерию. Древки копий ломались, кони и люди сталкивались и падали. Сами судите, кавалерист при полном снаряжении, да и лошадь весит не менее пятисот футов, и все это несется со скоростью нескольких миль в час. Удар от столкновения страшен.

Корабль был сбит и лежал на боку искалеченный. А крепость захватили люди сэра Роже. Версгорцы умирали, как мухи. Точнее, на мух были похожи игрушечные лодки, парящие сверху и неспособные выстрелить, так как в схватке они непременно попали бы в своих. Но когда сверху разобрались в ситуации, было поздно.

Продолжалась схватка и в главной крепости. По-прежнему здесь было столпотворение, и Джон Хеймворд решил ввести в бой своих лучников. Он построил их и повел через открытое пространство на помощь сэру Роже.

Словно хищные ястребы, патрульные лодки стали быстро снижаться. Наконец-то они нашли свою добычу. Огненные лучи не были рассчитаны на большое расстояние, и лодки снизились почти до самой земли. Первый же выстрел сразил двоих лучников. Но тут Рыжий Джон отдал приказ, и тучи стрел заполнили небо. Оперенное древко, выпущенное шестифутовым тисовым луком, пробивает вооруженного всадника и лошадь под ним. Эти маленькие дежурные лодки летели ровным строем, как гуси, и ни одна не спаслась. Измятые, с пилотами, похожими на ежей, они рухнули вниз, а лучники с победным кличем бросились на соединение со своими товарищами.

Члены экипажа на сбитом космическом корабле оправились, наконец, от испуга. Внезапно одна из бомбард корабельной башни изрыгнула пламя. Ближайший к кораблю всадник и его лошадь мгновенно сгорели.

Рыжий Джон ухватил за один конец балку, и пятьдесят человек, в едином порыве, бросились ему на помощь. Несколько мощных ударов, и английские йомены ворвались в корабль.

Битва за Гантерак продолжалась несколько часов, но большая часть времени ушла на поиски спрятавшихся версгорцев.

У нас оказались убитыми человек десять, раненых не было. У противника пало около трехсот синекожих, и еще столько же было захвачено в плен. Около сотни убежало и теперь весть о нашем нападении могла дойти до ближайших селений, до которых было, однако, не близко. Стремительность нашей атаки позволила вывести из строя передатчик Гантурака, прежде чем по нему успели что-либо передать.

Но самое страшное обнаружилось позднее. Мы не говорили о потере "Крестоносца" — у нас теперь было несколько кораблей, но при ударе погибли все навигационные карты.

И все же мы торжествовали. Раскрасневшийся и вспотевший, в обгоревших и измятых доспехах, сэр Роже де Турневиль на взмыленной лошади въехал в главную крепость. За ним двигались копьеносцы, лучники, иомены, оборванные и избитые. Изнемогая от усталости, они возносили молитву к незнакомым созвездиям над нашими головами, и на фоне темного неба гордо реяли знамена.

Поле боя осталось за нами!

Как прекрасно быть англичанином!

7

Мы разбили лагерь рядом с небольшой крепостью. Солдаты, набрав в лесу хвороста, разожгли костры и ждали, пока сварится в котлах ужин. Лошади щипали траву, которая им, видимо, не очень нравилась. Неподалеку, под охраной копьеносцев, находились пленные синекожие, подавленные, не верившие в происшедшее. Мне стало немного жаль этих, не ведавших Бога, существ, хотя господство их было жестоким.

Сэр Роже предложил мне присоединиться к его капитанам, которые расположились неподалеку от оружейной башни. Подготовив орудия к бою, мы старались не думать о грозном оружии врага.

Для благородных леди поставили палатки. Большинство из них отправились спать, но леди Катрин осталась сидеть у костра и, плотно сжав губы, слушала наши разговоры.

Усталые капитаны растянулись на земле. Я видел как сэр Оливер Монтбелл лениво перебирает струны арфы; рядом с ним расположился, весь в шрамах и ожогах, старый сэр Брайен Фиту-Вильям, третий благородный рыцарь, принимавший участие в этом походе. Чуть поодаль — огромный Альфред Эдгарсон, честнейший из саксонских франклинов; насмешливый Томас Баалорд ладонью пробовал лезвие своего меча; Рыжий Джон Хеймворд сиял, ведь из всех он был самым низким по рождению.

Сэр Роже стоял выпрямившись, скрестив за спиной руки. Сняв, подобно остальным, латы, он выглядел скромнее любого из своих сержантов. И только мускулистое волевое лицо и речь выдавали в нем командира.

Он кивнул, когда я к нему подошел.

— А вот и вы, брат Парвус. Садитесь и берите стакан. У вас ясная голова, а сегодня мы как никогда нуждаемся в добром совете.

Сюда доносились незнакомые нам гудение и звон. Чужие, непривычные запахи вселяли тревогу.

— Ну, — сказал милорд, — благодаря милости Господа мы выиграли первое сражение. Теперь надо решить, что же делать дальше.

— Я думаю... — сэр Оливер прочистил горло и торопливо заговорил. — Нет, джентльмены, я уверен, Бог помогает нам. Но перестанет помогать, если мы проявим гордыню. Мы захватили редкую добычу, и с этим оружием многого добьемся. Пора возвращаться.

Сэр Роже потер подбородок.

— Я охотно остался бы здесь, но вы правы, мой друг. Освободим Святую землю, потом вернемся сюда и уничтожим это дьявольское гнездо.

— Да, — кивнул сэр Брайан. — Мы слишком одиноки здесь, да еще обременены женщинами, детьми и скотом. Несколько солдат против целой империи — это безумие.

— Но я с удовольствием еще раз сломал бы копье об этих версгорцев, — заметил Альфред Эдгарсон. — Я не добыл еще золота.

— Золото бесполезно, пока мы его не доставим в Англию, — напомнил капитан Баллард. — Трудно воевать в безводной и знойной Святой земле, а здесь еще хуже. Мы даже не знаем, какие растения ядовитые и какая бывает зима. Лучше завтра же отправиться назад.

Слова его были встречены одобрительным гулом. Я провел с Бранитаром весьма неприятный час.

— Милорд...

— Да?

— Милорд, мы не знаем, как возвратиться домой.

— Что?

Все потребовали объяснений. Я сказал, что навигационные карты уничтожены, контрольная рубка оплавлена, видимо, через трещину в корпусе в нее проник огненный луч, и...

— Но Бронитар знает дорогу, — прервал меня Рыжий Джон. — И я заставлю его нам помочь.

— Не торопись, — посоветовал я. — Это тебе не плавание

вдоль берегов Англии, где все знакомо. Это Вселенная, с бесчисленным количеством звезд. Полет был разведывательный и без записей капитана можно всю жизнь провести в поисках нашего Солнца.

— Но разве Бранитар не помнит? — воскликнул сэр Оливер.

— Никто не может запомнить сотни чисел, а он не капитан, не пилот, фактически он был пленником этих дьявольских машин...

— Довольно! — сэр Роже прикусил губу. — Впрочем, постой! Разве курс "Крестоносца" не известен герцогу, который послал его?

— Нет, милорд. Версгорцы идут в разведку только по желанию своего капитана, и пока не вернутся, никто не знает, где они.

Поднялся ропот. Это были крепкие люди, но услышанное повергло бы в отчаяние любого. Сэр Роже подошел к жене, взял ее за руку.

— Мне жаль, дорогая, — пробормотал он.

Она отвернулась.

Сэр Оливер поднялся.

— Это вы привели нас сюда! — выкрикнул он. — Привели на смерть и проклятье!

Сэр Роже взялся за рукоять меча.

— Спокойно! Я никого не принуждал. Вы сами согласились. Теперь у нас одна судьба и пусть смилостивится над нами Бог!

Младший рыцарь что-то негодующе пробормотал и сел.

Меня поразило самообладание сэра Роже. Поистине он был несравненным командиром. Недаром текла в нем кровь короля Вильгельма-Завоевателя и незаконной дочери Эрла Годфри, позднее объявленного вне закона за пиратство, основателя благородного рода де Турневилей.

— Допустим, — сказал барон, — что дела наши не так уж плохи, будем действовать храбро и тогда непременно победим. У нас много пленников, и мы можем потребовать за них выкуп. Кстати, пленники тоже могут нам помочь. Ведь, наверняка, многие из них умеют обращаться с этим дьявольским оружием... Враги, конечно, могут использовать и другое оружие, но нам что до этого? Храбрость не раз побеждала более сильного противника. В крайнем случае можно отступить. У нас достаточно небесных кораблей, и мы можем избежать преследования. Но я предпочел бы остаться здесь! Торговаться из-за выкупа; бороться в случае необходимости; поддерживать веру в Господа. Несомненно, тот, кто остановил Солнце для Иисуса Навина, сможет уничтожить миллионы версгорцев, если так будет ему угодно. Мы заставим врагов показать нам обратный путь и на-

бить корабли золотом. Говорю вам: смелей! Во славу Господа, за честь Англии и нашу удачу!

Сэр Роже заразил людей своей верой, и они приветствовали его. Положили руки на его огромный меч и поклялись сражаться до конца. После чего целый час разрабатывали дальнейшие планы, в большинстве своем неосуществимые, ибо человек предполагает, а Бог располагает. Спустя некоторое время все разошлись спать.

Я видел, как милорд взял жену за руку, чтобы отвести в палатку, но она принялась шепотом упрекать его, не слушая возражений. Луна освещала их своим холодным сиянием. Сэр Роже сник и медленно пошел прочь. Завернувшись в одеяло, он уснул прямо на росистом поле под открытым небом.

Этот храбрейший из мужчин спасовал перед женщиной, оказался слабым и беззащитным. Это, несомненно, предвещало несчастье...

8

Вначале мы все слишком устали, чтобы обратить на это внимание, потом слишком долго спали. А когда я открыл глаза, то увидел, что все еще темно, и заметил движение звезд над деревьями. Ах, как медленно они двигались! Ночи здесь намного длиннее земных.

Движение звезд встревожило наших людей. А тот факт, что мы не можем улететь (теперь уже нельзя было скрывать, что привело нас сюда предательство демона), многих повергло в смятение. Но люди привыкли полагаться на барона.

Каково же было наше удивление, когда задолго до рассвета появились корабли противника!

— Держитесь храбро! — посоветовал я Рыжему Джону, он и его люди дрожали от страха. — Они не волшебники. Просто умеют переговариваться на больших расстояниях. Стоило одному из беглецов добраться до ближайшего селения, как слух о нас быстро распространился.

— Что же это, если не волшебство, — парировал Джон Хеймворд.

— Если даже и волшебство, вы не должны бояться, ибо черная магия бессильна против добрых христиан. Но я повторяю, что это лишь высокое знание механики, военного искусства.

— А они превосходят доб... добрых христиан, — проворчал кто-то из лучников, но Джон заставил его замолчать, пока я проклинал свой болтливый язык.

В слабом мерцании звезд мы видели множество кораблей, некоторые были так же велики, как наш разбитый "Крестоно-

сец". Колени мои под рясой дрожали. Кончено, все мы под защитой экрана малой крепости, который так и не выключили. Наши оружейники обнаружили, что управлять подземными бомбардами так же просто, как и на корабле, и были готовы к стрельбе. Однако я знал, что у нас нет настоящей защиты от мощных снарядов, о которых я столько слышал. Кроме того, версгорцы могут атаковать нас пешим строем, просто задавить, не считаясь ни с какими потерями.

А корабли продолжали парить в полной тишине, под незнакомыми звездами. Когда наконец наступил белесый рассвет, я оставил лучников и побрел по влажной траве к кавалерии.

Сидя в седле, сэр Роже глядел в небо. Он был вооружен с ног до головы. Шлем держал на сгибе руки и никто, глядя на него, не сказал бы, что он провел бессонную ночь.

— Доброе утро, брат Парвус. Какой долгой была тьма...

Сэр Оливер тоже сидел в седле и глядел в небо, поминутно облизывая губы. Он был бледен. Под большими глазами с длинными ресницами легли темные тени. Перекрестившись, сэр Оливер сказал:

— В Англии даже зимой не такие долгие ночи.

— Тем желанней будет дневной свет, — заметил сэр Роже.

Теперь, когда ему предстояло иметь дело с врагами, а не с женщиной, он казался спокойным.

— Почему они не нападают? — надтреснутым голосом крикнул сэр Оливер. — Чего ждут?

— Стоит ли удивляться, — заметил сэр Роже. — Разве у них недостаточно оснований бояться нас?

— Что? — изумился я. — О, сэр, разумеется, мы англичане, однако...

Мой взгляд скользнул по нескольким жалким палаткам, раскинутым у крепостной стены: по оборванным грязным солдатам, по женщинам, старикам и плачущим детям; по коровам, свиньям и овцам, по бранящимся иоменам; по котлам с булькающей похлебкой и остановился на рыцаре.

— Однако, милорд, — заключил я, — в данный момент мы скорее похожи на французов...

Барон улыбнулся.

— Что они знают о французах и англичанах? Кстати, мой дед участвовал в битве при Баннекбери, где кучка оборванных шотландцев с пиками наголову разбила кавалерию Эдварда. Что знают о нас версгорцы? Что мы неожиданно появились откуда-то, захватили одну из их крепостей, что, по словам Бранитара, до сих пор никому не удавалось. На их месте я тоже действовал бы осторожно.

Первыми захохотали всадники, следом за ними — пехотинцы, и вскоре весь лагерь был охвачен хохотом. Я видел, как задрожали и прижались друг к другу пленники, от этого волчьего воя, пронесшегося над полем.

Когда взошло солнце, версгорские корабли медленно и осторожно приземлились в миле от нас. Мы не стреляли, поэтому они, набравшись храбрости, начали воздвигать какое-то сооружение.

— Неужто вы позволите им возвести замок у себя под носом? — воскликнул Томас Боллард.

— Это лучше, чем если бы они напали на нас. Пусть чувствуют себя пока в безопасности, — ответил барон и сухо улыбнулся. — Я хочу показать им, что мы согласны на перемирие. Помните, друзья, сейчас лучшее оружие — язык.

Вскоре приземлилось еще несколько версгорских кораблей, образовав круг наподобие Стоунхенджи, которые гиганты воздвигнули в Англии до потопа, и вокруг этого пространства засветился защитный щит, появились передвижные бомбарды, а сверху закружили патрульные лодки. Лишь после этого они послали герольда.

Приземистая, прямоугольная фигура смело двигалась по полю, хотя герольд знал, что мы можем открыть стрельбу. Металлические доспехи ослепительно сверкали в лучах утреннего солнца, и мы ясно видели, что руки у герольда пусты. Сэр Роже сам выехал ему навстречу, и я с молитвой последовал за ним.

Версгорец вздрогнул, когда на него надвинулась кобыла с блестящей металлической башней, но, не теряя присутствия духа, сказал:

— Если вы будете вести себя как подобает, я не уничтожу вас.

Выслушав перевод, сэр Роже усмехнулся:

— Скажи этому хвастуну, что я, в свою очередь, придержу наши молнии, хотя они легко могут сжечь весь их лагерь.

— Но в нашем распоряжении нет никаких молний, сэр, — возразил я. — Зачем же говорить неправду?

— Вы передадите мои слова точно, без тени сомнения, брат Парвус, или же испытаете на себе мои молнии!

Пришлось повиноваться. Я был вынужден лгать. Я весьма уважаю милорда, но был шокирован, когда он заговорил о своем небольшом английском поместье, занимающем всего три планеты, о своей победе над четырьмя миллионами язычников, и о том, как в одиночку на пари захватил Константинополь, а во Франции за одну ночь двести раз осуществил право сеньора (в эту ночь было двести крестьянских свадеб), и так далее, его слова шокировали меня. Единственным утешением было то, что из-за

моего слабого знания версгорского герольд понял лишь то, что перед ним могущественный рыцарь, способный победить его в любой схватке.

Поэтому он от имени своего господина согласился заключить перемирие и обсудить положение в убежище, которое будет сооружено на полпути между лагерями. Каждая сторона отправит туда в полдень десяток людей, но без оружия.

— Итак, — весело воскликнул сэр Роже, когда мы возвращались обратно, — получилось совсем неплохо. Верно?

— Хм... Конечно, Святой Георг, или, точнее, Святой Днемас, покровитель воров, помог вам в переговорах, но...

— Что? Не бойся говорить прямо, брат Парвус. Я часто думаю, что на ваших щуплых плечах голова лучше, чем у всех капитанов, вместе взятых.

— Милорд, вам удалось обмануть их только на время. Вы сами сказали, что они будут осторожны, пока не изучат нас. Но как долго дурачить мы сумеем их? У них богатый опыт общения с разными расами, живущими в разных условиях. Разве не сумеют они, по нашей малочисленности, по древнему и примитивному оружию, отсутствию собственных космических кораблей, обнаружить истину и напасть на нас превосходящими силами?

Он плотно сжал губы и поглядел под навес, где находилась жена и дети.

— Конечно, вы правы. Задержать их удастся лишь на очень короткое время.

— А что потом?

— Не знаю... Но это моя тайна, вы поняли? Я говорю только вам. Стоит нашим людям понять истинное положение, понять, насколько мы беспомощны... и все погибло.

Я кивнул. Сэр Роже пришпорил лошадь и, крича, как мальчишка, галопом поскакал в лагерь...

9

Перед полуднем барон собрал всех на совет.

— Благодаря Господу, — сказал он, — мы выиграли время. Вы заметили, что мне удалось заставить их посадить свои корабли? Мы заставили их уважать нас. И время, которое мы получили, надо израсходовать с пользой. Необходимо обыскать крепость. Нам особенно нужны карты, книги и другие источники информации. Наши механики и оружейники должны разобраться во всех машинах. Мы должны сравняться с ними в военном искусстве, но все это следует сделать тайно от верс-

горцев. Стоит кому-нибудь понять, что мы ничего не понимаем в этих сложностях...

Он улыбнулся и провел пальцами поперек горла. Добрый отец Симон, капеллан сэра Роже, слегка побледнел.

— Неужели?

Сэр Роже утвердительно кивнул.

— Для вас у меня тоже есть работа. Брат Парвус нужен мне, как переводчик, но есть пленник, Бранитар, который говорит по-латыни...

— Ну что вы, сэр, — вмешался я, — его склонения ужасны, а то, что он делает с неправильными глаголами, нельзя рассказать в компании джентльменов.

— Тем не менее, пока он в достаточной мере не овладеет английским, для общения с ним нужен священник. Видите ли, он должен выяснить, что умеют делать наши пленники, и в случае необходимости учинить им допрос.

— Но станет ли он делать это? — усомнился отец Симон. — Он самый упорствующий язычник, сын мой, если вообще у него есть душа. Несколько дней назад, еще на корабле, в надежде смягчить его сердце, я громко читал ему про поколения от Адама до Ноя. Он с трудом дослушал до Дхиреда, а потом уснул.

— Привести его сюда, — приказал милорд, — и пусть отыщут одноглазого Губерта. Губерту явиться в полном облачении.

В ожидании мы обменивались негромкими замечаниями.

Альфред Эднардсон спросил у меня:

— Брат Парвус, что беспокоит вас? По-моему, бояться нечего. Большинству из нас, если мы ведем себя достойно, не грозит ничего, кроме потения в чистилище. А затем мы присоединимся к Святому Михаилу, охраняющему стены Небесного Храма, разве не так?

Я не хотел их пугать, но они потребовали ответа, и я сказал:

— Увы, добрые люди, возможно, все мы великие грешники.

— Ну? — рявкнул сэр Брайан Фиту-Вильям. — В чем дело? Нечего хныкать!

— У нас не было возможности следить за временем в путешествии, — прошептал я. — Песочные часы очень неточны, а прибыв в это дьявольское место, мы забыли, что их надо переворачивать. Сколько длятся здесь день и ночь? Какое время сейчас на Земле?

— Не знаю, — ответил сэр Брайан и удивленно спросил: — А разве это так важно?

— Убежден, что вы завтракали ляжкой быка, а уверены вы, что нынче не пятница?

Все, сидевшие за столом, уставились друг на друга, округлив глаза:

— А когда воскресенье? — воскликнул я. — Известно ли вам, например, когда пост? Как соблюдать великий пост перед Пасхой, когда две луны этого мира сбивают все наши расчеты и мы ничего не знаем наверняка.

— Мы погибли! — Томас Баллард закрыл лицо руками.

Сэр Роже встал.

— Нет! Я не священник и даже не очень набожен, но разве не сам Господь сказал, что суббота создана для человека, а не человек для субботы?

Отец Симон поглядел на него с сомнением.

— Я могу отпустить грехи с учетом чрезвычайных обстоятельств, но не уверен, насколько простирается моя власть.

— Не нравится мне это, — пробормотал Баллард. — Уж не отвернулся ли от нас Господь, лишив возможности соблюдать посты и отмечать праздники?

Сэр Роже покраснел. Еще с минуту он наблюдал, как храбрость покидает его товарищей, словно вино разбитую чашку. Потом, овладев собой, с громким смехом воскликнул:

— Разве Господь не велел верующим идти в дальние края и нести Слово его? Он всегда будет с нами. Не стоит обсуждать изречения. Возможно, мы и согрешили. Но в любом случае человек не должен себя унижать, должен стремиться к лучшему. Мы дадим хорошее возмещение. Кстати о возмещении... Разве плохо сжать Версгорскую империю в поисках выкупа так, что лопнут желтые глаза ее императора? Вот вам и доказательство, что сам Господь Бог благословил нас на эту войну.

Он выхватил меч, молнией блеснувший на солнце, и, держа его крестообразной рукояткой вверх, вскричал:

— Этим моим оружием клянусь бороться во славу Господа! Этим мечом я добуду победу!

Раздался победный клич, один только Баллард выглядел по-прежнему хмуро. Сэр Роже наклонился к капитану, и я услышал его свистящий шепот:

— В доказательство своей правоты я убью, как собаку, любого, кто не согласится со мной...

Барон, я был уверен, сказал правду.

В скором времени тяжеловооруженный всадник привел Бранитара.

— Добрый день, — добродушно приветствовал его сэр Роже. — Мы хотим, чтобы ты помог нам допрашивать пленных, а также разобраться в оружии и механизмах.

Я перевел, и версгорец гордо выпрямился.

— Не трать зря слов, — ответил он. — Убей меня и кончим на этом. Я недооценил ваших возможностей и загубил немало наших. Больше я их не предам.

Сэр Роже кивнул.

— Я это знал. Где одноглазый Губерт?

— Здесь, сэр. Добрый старый Губерт здесь. — Палач выступил вперед. В костлявой руке он держал топор, веревка с петлей была обмотана вокруг тела. — Я бродил неподалеку, сэр, собирал цветы для моей младшей внучки. Вы ее знаете, малышка с длинными золотистыми волосами. Ей так пошел бы венок из маргариток! Я надеялся найти цветы, которые напоминали бы ей наши дорогие линкольнширские маргаритки, и мы вместе с ней сплели бы венок...

— Для тебя есть работа. Этот синелицый упрямец... Может, уговоришь его?

— О, сэр! — Губерт пососал беззубые десны с видом крайнего удовольствия. Он обошел вокруг замершего пленника, изучая его. — Конечно, сэр. Небо, да благословит моего доброго хозяина! Со мной кое-какие инструменты: тиски для пальцев, щипцы и еще кое-что многое другое. Времени уйдет совсем мало. Славная будет пытка. Хорошо бы найти котелок с маслом. Я всегда говорил, что в холодный пасмурный день нет ничего уютней пылающей жаровни и ничего лучше котла с кипящим маслом. О, сэр, мой единственный глаз наполнился слезами благодарности. Да, сэр. Позвольте взглянуть. Так... так...

Он решительно принялся обмерять Бранитара веревкой.

Версгорец отшатнулся. Он уже достаточно знал английский, чтобы понять суть дела.

— Вы не можете! — воскликнул он. — Ни одна цивилизованная раса...

— Позвольте взглянуть на ваши пальчики, господин. — Губерт извлек из сумки тиски и поднес к синим пальцам Бранитара. — Да, годится.

Затем достал связку ножей разного размера. Бранитар судорожно сглотнул.

— Вы просто варвары... — слабым голосом произнес он. — Хорошо, я сделаю это. Будьте вы прокляты, звери! Когда придет мой черед...

— Я могу подождать, — заверил я его.

Сэр Роже торжествовал. Но внезапно лицо его омрачилось. Глуховатый старый палач продолжал готовить оружия пыток.

— Брат Парвус, — обратился ко мне милорд. — Вы не скажете... Губерту. Я не могу его огорчать.

Пришлось утешить старика, заметив, что если Бранитар обманет нас, то будет наказан. Прихрамывая, старый палач пошел на всякий случай готовиться к пытке. Я приказал страже показать эти приготовления Бранитару...

10

Настало наконец время встречи с версгорцами. Поскольку помощники сэра Роже были заняты изучением машин, он взял с собой десять разнаряженных леди и десять невооруженных солдат в доспехах.

Когда они ехали по полю, к похожему на беседку строению, сооруженному из перламутра, всего за час до этого сэр Роже сказал жене:

— Я не стал бы подвергать вас опасности, но у меня нет выбора. Единственная наша возможность — поразить их могуществом и богатством.

Лицо ее словно окаменело. Отвернувшись, она смотрела на огромные зловещие остовы приземлившихся кораблей.

— Я здесь не в большей опасности, милорд, чем мои дети там, в палатке.

— Боже! — простонал он. — Я должен был оставить этот проклятый корабль и послать вестника к королю. Теперь всю жизнь вы будете меня упрекать.

— Из-за вас эта жизнь будет не такой уж и долгой...

Он натянул поводья.

— Вы поклялись во время венчания...

— О, да! Разве я не сдержала клятву? Я во всем повиновалась вам. — Ее щеки порозовели. — Но в чувствах моих волен только Господь.

— Я не побеспокою вас больше, — ответил он, словно рыцарь влюбленный, и отъехал в сторону.

Будучи благородной по крови, леди Катрин прекрасно владела собой. Когда мы подъехали к месту встречи, ее лицо с тонкими чертами выражало одно лишь презрение к врагу. Она подала руку сэру Роже и спешилась с необыкновенной грацией. Он же, нахмурившись, двинулся вперед.

В беседке стоял круглый стол, вокруг стола — подобие дивана с подушками. Вожди версгорцев заполнили половину беседки. Трудно было сказать, что выражают их синие лица, только часто мигали глаза, выдавая волнение. Одеты они были в сплетенные из металла куртки с похожими на бронзовые значками их ранга. В шелке и парче, золотых доспехах, страусовых плюмажах, штанах из дубленой кожи, англичане походили на петухов с птичьего двора. Я заметил, что чужаки ошеломлены, особенно поразила простота моей монашеской рясы в сравнении с пышными одеяниями остальных.

Я сложил ладони и сказал по-версгорски:

— Во имя переговоров и укрепления мира позвольте мне прочитать "Отче наш".

— Что?

Это спросил версгорский вождь, толстый, но величественного вида со строгим лицом.

— Помолчите!

Я мог бы им объяснить, но в их отвратительном языке, казалось, не было слов для молитвы. Я уже спрашивал об этом у Бранитара.

— Отче наш, иже еси... — начал я, и все англичане преклонили колени.

Я слышал, как один версгорец прошептал:

— Я же говорил, что они варвары. Это какой-то их обряд.

— Не уверен, — ответил вождь. — Джары знают определенные формулы для психологического объединения. Я видел, как они удваивали свои силы, останавливали кровь, могли много ночей подряд не спать. Контроль за внутренними органами осуществлялся у них через нервную систему. И, вопреки всем утверждениям нашей пропаганды, вы не хуже меня знаете, что в развитии науки Джары нам не уступают.

Я отчетливо слышал их разговор, но они об этом и не подозревали. Теперь я вспомнил, что и Бранитар казался мне тугим на ухо. Очевидно, слух у версгорцев менее острый, чем у людей. Как я узнал позднее, из-за плотной атмосферы версгорцы слышали лишь относительно громкие звуки. Здесь, на Тариксане, где воздух такой же, как и в Англии, они вынуждены повышать голос, чтобы их услышали. Я с благодарностью принял этот подарок Господа, не прерывая молитвы, чтобы не возбудить подозрений врага.

— Аминь! — закончил я, и все сели за стол.

Сэр Роже какое-то время разглядывал врага, потом спросил:

— Я имею дело с лицом соответствующего ранга?

Я перевел.

— Что такое ранг? — спросил глава версгорцев. — Я губернатор этой планеты и со мной все старшие офицеры сил обороны.

— Он хотел знать, — объяснил я, — благородного ли вы происхождения и не унизит ли он себя, общаясь с вами?

Они казались совсем сбитыми с толку. Я, как мог, объяснил им, что такое благородное происхождение, учитывая ограниченность моего версгорского словаря. Мы так и сяк поворачивали эту тему, пока один из офицеров не сказал своему лорду:

— Думаю, что я понял, Грас Хуруга. Если они больше нас знают о генетическом планировании...

Я с трудом его понимал, и то лишь благодаря контексту.

— ...они могли применить это искусство к себе. Возможно, цивилизация их носит военизированный характер, а командуют специально выделенные для этого особи. — При этой мысли он

вздрогнул. — Конечно, они не желают тратить время на разговоры с менее разумными существами.

Другой офицер воскликнул:

— Но это же фантастика! В наших исследованиях мы никогда...

— До сих пор мы знали лишь маленькую часть Великой Галактики, — ответил лорд Хуруга. — Мы не смеем предполагать, что они менее сильны, чем утверждают, пока не получим более точную информацию.

Я слушал их шепот, если его можно было назвать шепотом, и послал им самую загадочную и любезную улыбку, когда губернатор обратился ко мне:

— В нашей империи нет установленных рангов, но каждый занимает место согласно заслугам. Я, Хуруга, — высшая власть на Тариксане.

— Тогда я буду говорить с тобой, пока весть о нас не дойдет до императора, — заявил сэр Роже.

Мне было сложно перевести слово "император". Ведь на Земле не найдешь подобия версгорского государства. Наиболее богатые и важные версгорцы живут в своих общирных владениях со свитой синелицых наемников. Между собой общаются при помощи средств дальней связи или навещая друг друга на своих быстрых воздушных кораблях. Ни один из них не занимает свое место по праву рождения. Перед законом все равны, все вольны бороться за деньги или за общественное положение. У них нет фамилии, и они значатся под номерами в Центральной регистратуре. Мужчины и женщины редко живут вместе больше нескольких лет. Детей в раннем возрасте отправляют в школу, где они и находятся до совершеннолетия, ибо родители считают их скорее обузой, чем благословением.

Это государство, теоретически республика свободных людей, на практике — самая отвратительная форма тирании, которую когда-либо знало человечество. Даже в бесславные дни Нерона.

У версгорцев нет привязанности к месту своего рождения, нет уз дружбы или обязанностей. Ничто не ограждает их от всесильного правительства. В Англии чрезмерное высокомерие короля Джона натолкнулось на древние законы о местных интересах. Бароны сумели обуздать короля и таким образом добыть несколько дополнительных свобод для всех англичан. Версгорцы же были самой льстивой из всех рас, неспособной противостоять давлению вышестоящих. А продвижение в соответствии с заслугами означало лишь "продвижение в соответствии с полезностью имперским министрам".

Но я отвлекся. Вернемся к Хуруге, который впился в нас своими страшными глазами и сказал:

— Кажется, у вас две разновидности? Две разные расы?

— Нет, — ответил ему кто-то из офицеров. — Два пола. Как видите, млекопитающие.

— А, да. — Хуруга посмотрел на платья с глубоким вырезом, по современной бесстыдной моде. — Вижу...

Когда я перевел это сэру Роже, тот сказал:

— Скажи им, если они так любопытны, что наши женщины владеют мечом не хуже мужчин.

Хуруга взглянул на меня.

— Меч? Вы имеете в виду рубящее оружие?

У меня не было времени спрашивать совета у милорда, и, помолившись про себя, я сказал:

— Да. У всех в нашем лагере есть мечи. Это лучшее оружие в рукопашной. Спросите у любого в Гантуракском гарнизоне.

— М-м, да... — произнес один из версгорцев. — А мы столетиями пренебрегали тактикой рукопашного боя, Грас Хуруга. Казалось, в ней нет необходимости. Но сейчас я вспомнил одну из пограничных стычек с Джарами. Это было на Улозе-4, они применили длинные ножи, это было ужасно!

— Для особых целей... да, да. — Хуруга нахмурился. — Но остается фактом, что эти пришельцы передвигаются на животных.

— Которым не нужно другого топлива, кроме растительности.

— Но они не выдерживают удара луча или пули. У них оружие доисторическое. Они прибыли не на своем корабле, а на нашем... — и он резко обратился ко мне: — Слушайте! Я достаточно терпел. Сдавайтесь, или мы вас уничтожим!

Я перевел.

— Экраны защитят нас от вашего огненного оружия, — ответил сэр Роже, — а надумаете атаковать пешим строем, милости просим!

Хуруга побагровел.

— Думаете, защитный экран спасет вас от бомб? — прорычал он. — Достаточно сбросить одну, чтобы уничтожить внутри экрана все живое!

Сэр Роже был ошеломлен меньше меня.

— Мы слышали о таком оружии, брат Парвус. Конечно же он нас пугает, говоря об одной бомбе. Какой корабль сможет поднять столько пороха? Но они могут сбросить много бомб.

— Что же мне ему ответить? — испуганно спросил я.

Глаза барона сверкнули.

— Передайте ему мои слова, как можно точнее, брат Парвус. Мы не применяли пока свою артиллерию такого типа, потому что хотим разговаривать с вами, а не убивать. Только попро-

буйте сбросить бомбу! Наша защита сметет вас. Но мы не собираемся защищать версгорских пленников.

— Я видел — угроза их потрясла. Даже эти жестокие уродцы не могли согласиться на убийство нескольких сот своих соплеменников. Конечно, эти заложники не смогли бы долго удерживать их, но обсуждение этого пункта могло дать выигрыш во времени. Я думал, как лучше использовать это время, и решил, что необходимо подготовить наши души к смерти.

— Ну, я вовсе не говорил, что не хочу слушать вас, — ответил Хуруга, — но вы еще не объяснили, почему явились сюда и совершили это провокационное нападение?

— Это вы напали на нас, мы же не причинили вам никакого вреда, — ответил сэр Роже. — И мой король велел преподнести вам небольшой урок.

— На одном корабле? — спросил Хуруга. — И даже на нашем собственном?

— Не думаю, что потребуется войск больше, чем у нас есть, — заявил сэр Роже.

— Любопытно, — сказал на это Хуруга. — Чего вы требуете?

— Ваша империя, — ответил сэр Роже, — должна возместить убытки могущественному королю Англии, Ирландии, Уэльса и Франции.

— Давайте говорить серьезно.

— Я совершенно серьезен. Но чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, согласен встретиться с любым вашим воином. Бог помогает правому!

— Вы что, все сбежали из сумасшедшего дома?

— Обдумайте свое положение. Мы неожиданно обнаружили вас, язычников, чем-то вы похожи на нас, но во многом нам уступаете. Вы можете причинить нам определенный вред, перехватывая наши сообщения или нападая на плохо защищенные планеты. Вы достойны того, чтобы вас уничтожить, но мы чересчур милосердны и не можем этому радоваться. Единственный разумный выход для вас — присягнуть нам на верность.

— Вы и в самом деле думаете... Гордость существ, разъезжающих на животных и размахивающих мечами...

Он пустился в переговоры со своими офицерами.

— Проклятье! Я совершенно не уверен, что правильно их понял. Быть может, это карательная экспедиция? Или же они хотят использовать наш корабль, а свое мощное оружие держать в секрете? Не исключено, что эти варвары безрассудно угрожают самой могущественной империи Галактики. Можно также предположить, что мы неправильно поняли их претензии. Это причинит нам серьезный ущерб. Что вы на это скажете?

Тем временем я обратился к сэру Роже:

— То, что вы говорили, несерьезно, милорд.

— Он не бывает серьезным, — не удержалась от замечания леди Катрин.

— Нет, — барон покачал головой. — Что бы стал делать король Эдуард с этими синелицыми? Хватит с него Ирландии. Я надеюсь только на переговоры. Если мы заставим их отказаться от своих притязаний на Землю и дать нам мешок — другой золота...

— И обеспечить господство дома, — не смог удержаться я от насмешки.

— Об этом мы еще успеем подумать, — отрезал он. — Главное, мы не должны сознаваться, что сбились с пути.

Хуруга вновь повернулся к нам.

— Поймите, — сказал он, — ваши претензии абсурдны. Но если вы сумеете доказать, что ваше господство достойно уважения, наш император рад будет направить к вам посла.

Сэр Роже кивнул головой и безразлично произнес:

— Оставьте ваши оскорбления. Мой государь, возможно, и примет вашего посла, но лишь в том случае, если он истинно верующий.

— Что такое вера? — спросил Хуруга.

Неудивительно, что он не понял. Я произнес это слово по-английски.

— Вера в того, кто есть источник всякой мудрости и справедливости, в того, которого мы вечно молим наставлять нас.

— О чем он говорит, Грас? — пробормотал один из офицеров.

— Понятия не имею, — прошептал в ответ Хуруга. — Возможно, эти... хм... англичане имеют в виду гигантскую вычислительную машину, с которой обсуждают важные вопросы... не знаю. Проклятый перевод! Лучше отложим это. Следите за ними. За их поведением. Следите внимательно! Потом все обсудим.

— И пошлем сообщение на Версгориксан?

— Вы просто глупцы! Конечно же нет, пока не узнаем больше. Или хотите, чтобы правительство решило, будто мы не в состоянии сами справиться со своими проблемами? Если это действительно варвары, можете представить, что будет с нашей карьерой, призови мы на помощь весь флот?

Хуруга повернулся ко мне и громко сказал:

— На сегодня переговоры окончены. Завтра продолжим. Необходимо обдумать ваши предложения.

Сэр Роже остался очень доволен, хотя виду не подал, лишь заметил:

— Надо договориться об условиях перемирия.

С каждым часом мой версгорский становился все совершен-

нее, и я смог объяснить, что наше представление о перемирии в корне отличается от их представления. Перемирие вообще не было формальным договором, просто следствием временно сложившихся обстоятельств. Мы договорились, что не будем стрелять друг в друга, только в воздушный корабль, если такой неожиданно появится.

Разумеется, и мы, и версгорцы были уверены, что противная сторона в любой момент может нарушить перемирие, если это ей покажется выгодным.

У наших врагов было множество воздушных кораблей, что давало им явное преимущество.

— И все же, — ответил сэр Роже, — мы кое-что выиграли. Дело не закончится только возмещением ущерба и...

— Вас это удовлетворяет, — пробормотала леди Катрин.

Сэр Роже вскочил, побледнел, поклонился Хуруге и вышел...

11

Долгий терриканский день позволил нашим людям добиться значительного прогресса. При помощи Бранитара, как инструктора, и отца Симона, как переводчика, англичане смогли разобраться в управлении почти всех механизмов. Как они работают, мы не знали, но использовать их оказалось довольно просто. Единственная трудность заключалась в том, что иомены никак не могли запомнить символы, нарисованные на приборах. Впрочем, это было не труднее, чем геральдика.

Будучи единственным человеком, претендующим на знание версгорского алфавита, я погрузился в изучение бумаг, найденных и захваченных нами в крепости. Тем временем сэр Роже приказал наиболее придурковатым крепостным, которые были не в состоянии изучать новое оружие, заняться строительством.

Солнце медленно садилось, окрасив золотым туманом половину горизонта, когда барон вызвал меня к себе.

Я сел и принялся рассматривать офицеров. Они были оживлены, у них появилась надежда. Язык мой прилип к гортани. Я хорошо знал этих капитанов, но еще лучше знал сэра Роже, глаза его сверкали, а это был верный признак того, что он задумал нечто дьявольское.

— Узнали ли вы, где главные замки этой планеты, брат Парвус? — спросил он меня.

— Конечно. Их всего три, в том числе Гантурак.

— Не могу поверить в это! — воскликнул сэр Оливер. — Даже пираты...

— Вы забываете, что здесь не особое королевство, и даже не

отдельный феод, — ответил я. — Лица, прямо подчиненные императорскому правительству, все версгорцы. Крепости лишь места обитания шерифов, которые поддерживают порядок и собирают налоги. Конечно, эти крепости одновременно являются и базами для космических кораблей. Есть здесь и воинские гарнизоны. Но версгорцы давно уже не вели настоящих войн. Они только запугивали беспомощных дикарей. Ни одна из рас, овладевшая космическими перелетами, не осмелилась открыто объявить войну. Лишь изредка, на какой-нибудь отдельной планете, происходили стычки. Кроме трех крепостей, остального вполне достаточно для одной планеты.

— Насколько же они сильны? — поинтересовался сэр Роже.

— Крепость называется Стуларакс, на противоположной стороне планеты, примерно такая же, как и Гантурак. И есть еще главная крепость — Дарова, где живет этот проклятый проконсул Хуруга. Она самая большая и наиболее сильно укреплена. Вероятно, именно она поставила большую часть кораблей и воинов, которые сейчас находятся здесь.

— А где расположена ближайшая планета, населенная синелицыми?

— Согласно книгам, которые я изучал, в двадцати светогодах отсюда. Сам Версгориксан значительно дальше, дальше даже, чем Земля.

— Но ведь по передатчику можно сообщить о случившемся императору? — промолвил капитан Беллард.

— Нет. Передатчик действует со скоростью света, а сообщения перевозятся на космических кораблях, и, чтобы известить о чем-либо императора, потребуется не менее нескольких недель. Но Хуруга не хочет этого делать, я слышал его разговор с приближенными. Он намерен держать случившееся в тайне, по крайней мере, какое-то время.

— Ага, — усмехнулся сэр Брайан Фиту-Вильям. — Герцог хочет сам возместить ущерб, нанесенный нами, а нас уничтожить, прежде чем сообщить о случившемся. Это совершенно естественно.

— Но если мы причиним ему сильное беспокойство, он возопит о помощи, — произнес сэр Оливер.

— Верно, — согласился сэр Роже. — Я как раз и собираюсь причинить ему как можно больше беспокойства...

Я понял, точнее почувствовал смутно, что язык мой, прилипнув к гортани, поступил правильно.

— Как можем мы с ними бороться? — спросил Беллард. — Ведь наше оружие не может сравниться с их дьявольскими машинами вон на том поле. Если понадобится, они будут таранить нас, не считаясь ни с какими потерями.

— Именно поэтому, — сказал сэр Роже, — я предлагаю напасть на малую крепость Стуларакс и захватить побольше оружия. В этом случае спокойствие Хуруга будет нарушено.

— И они нападут на нас.

— Возможно, но я не боюсь схватки. Поймите же, наша единственная надежда — смелость!

Сэр Брайан возразил:

— Но как можем мы напасть на их крепость? Тот замок лежит в тысяче миль отсюда, а если мы полетим, в нас будут стрелять.

Сэр Оливер насмешливо поднял бровь:

— Может, у вас есть волшебная лошадь? — он улыбнулся сэру Роже.

— Не лошадь, другое животное. Слушайте...

Это была долгая ночная работа для иоменов. Они подложили катки под небольшой космический корабль, привязали к нему быков и потащили так тихо, как это возможно. Они ползли по полю, под прикрытием скота, который якобы выгнали на пастбище. Помогли им также темнота и Господь Бог. В лесу, под защитой высоких деревьев с густыми кронами и под охраной множества разведчиков, двигавшихся бесшумно, как тени, чтобы не упустить ни одного синелицего, дело пошло быстрее.

— Они прошли хорошую практику во время браконьерства, — заметил Рыжий Джон.

Работа стала тяжелее, но безопаснее. К рассвету корабль уже был в нескольких милях от лагеря, но достаточно далеко, чтобы улететь не замеченным чужаками. Хотя это был наш самый большой корабль, он уступал по величине "Крестоносцу", поэтому самое мощное оружие мы взять не смогли. На корабль погрузили несколько пушек с взрывными снарядами, один пленный инженер научил нас ими пользоваться.

Тем временем все, не занятые перевозкой корабля, принялись укреплять нашу оборону. Мы окружили часть Гантурака копьями, ямами, ловушками, рогатками. А на рассвете увидели, что укрепления скрыты густой травой.

Работал я с увлечением, но то и дело задавался вопросом — уж не сошел ли сэр Роже с ума? Однако поразмыслив, понял его намерение: взяв Гантурак, мы не улетели сразу лишь потому, что не знали дороги домой, а смерть лучше, чем блуждание среди звезд. Мы вынуждены напасть на Стуларакс, иначе Хуруга поймет, кто мы, и уничтожит нас. Своим нападением мы нарушим спокойствие Хуруга, и он будет считать нас могущественнее, чем мы есть на самом деле.

Я знал, что сэр Роже импровизирует. Он был похож на бегуна, который спотыкается и, чтобы не упасть, все набавляет темп.

Но как прекрасно он бежал!

Его рассуждения успокоили меня, и я стал ждать рассвета.

Утром сэр Роже отправил наш рейдовый отряд, из двадцати человек, во главе с сэром Оливером и Рыжим Джоном, к месту, где находился корабль.

— Пойдете через лес, найдете корабль и в полдень взлетите. Вы ведь умеете управлять этой воздушной каретой. Через час вы будете в Стулураксе, приземлитесь и спрячетесь в укрытии. Потом дадите несколько орудийных залпов, чтобы сломать внешнюю оборону. Падайте им на голову, пока они не опомнились. Хватайте что попадет под руку из арсенала и возвращайтесь. Если здесь будет спокойно, вы потихоньку приземлитесь, ну а в случае сражения — действуйте, как сочтете нужным.

— Конечно, сэр!

Сэр Оливер пожал барону руку. Это было их последнее рукопожатие.

— Подождите!

Из лагеря торопливо шла леди Катрин.

— Я только что узнала о вашем походе, — сказала она, обращаясь к сэру Оливеру. — Как это... Двадцать человек против целой крепости?

— Двадцать человек. — Он поклонился с мрачной усмешкой. — И я сам, с мыслями о вас, миледи.

Ее обычно бледное лицо слегка покраснело. Она прошла мимо стоявшего, словно изваяние, сэра Роже к молодому рыцарю и остановилась. В стертой до крови руке она держала шнурок.

— После того, как лопата уже не держалась в моих руках, — прошептала она, — я помогала натягивать луки. У меня нет другого подарка для вас на память...

Сэр Оливер принял шнурок в полном молчании. Спрятав его под камзол, он поцеловал ее маленькие пальцы, повернулся и повел свой отряд в лес.

Сэр Роже продолжал неподвижно стоять.

Леди Катрин слегка кивнула ему:

— Вы будете нынче вести переговоры с версгорцами?

И она исчезла в утреннем тумане, у палатки, которую он с ней больше не делил. Сэр Роже подождал, пока молодая женщина не скрылась из виду, и пошел в лагерь...

12

Утро длилось бесконечно долго и все отдыхали. Я уже стал разбираться в циферблате версгорских часов, но еще не знал, в каком соотношении они с земными. В полдень я оседлал свою кобылу и встретился с сэром Роже, чтобы отправиться на переговоры. Он с трудом скрывал свое волнение.

— Возьмем с собой охрану? — запинаясь, проговорил я.

— Нет оснований, — как-то неопределенно ответил он. — Если Хуруга узнает о нападении, это свидание для нас плохо кончится. Весьма сожалею, но вынужден подвергать вас опасности.

Мне тоже было жаль, но что толку тратить время на сожаления, лучше посвятить его молитвам.

Те же версгорские офицеры ждали нас внутри перламутровой беседки. Хуруга удивленно смотрел, как мы приближаемся.

— Где ваши спутники? — удивленно спросил он.

— Молятся, — ответил я, и это было почти правдой.

— Опять это слово, — пробормотал один из синекожих. — Что же оно в конце концов означает?

— Вот что... — и я проиллюстрировал свой ответ, прочитав "Богородица, дева, радуйся", перебирая при этом четки.

— Разновидность вычислительной машины, по-моему, — сказал другой версгорец. — Возможно, она не так примитивна, как выглядит.

— На что он рассчитывает? — прошептал третий.

Хуруга выпалил:

— Это зашло слишком далеко! Вы проработали всю ночь. Если вы задумали какую-то хитрость...

— А разве у вас нет своих планов? — прервал я его кротко, как истый христианин.

Он растерялся, и, пока собирался с мыслями, мы сели.

Помолчав немного, Хуруга воскликнул:

— Что касается ваших пленников. Я отвечаю за безопасность жителей этой планеты и не могу разговаривать с существами, которые держат в плену версгорцев. Первым условием дальнейших переговоров является их немедленное освобождение!

— В таком случае, мы не будем продолжать переговоры, — ответил сэр Роже. — Ведь мы не собираемся убивать пленных.

— Вы не покинете этого места, пока наши соплеменники не будут освобождены, — заявил Хуруга.

Сэр Роже холодно улыбнулся:

— Я захватил солдат на случай недоразумений...

Хуруга извлек из кармана пистолет и навел на нас.

Сэр Роже, зевая, спросил:

— Что он говорит?

Я перевел.

— Измена, — простонал я. — Мы ведь безоружны.

— Напомните, что никаких клятв мы не давали. Впрочем, передайте его светлости герцогу Хуруге, что я предвидел этот его ход и позаботился о защите, — барон повернул драгоценное кольцо на пальце и сжал кулак. — Если мой кулак разожмется

раньше, чем я вновь поверну кольцо, раздастся взрыв, который пошлет вас всех к святому Петру.

Стуча зубами, я перевел это лживое заявление. Хуруга вскочил на ноги.

— Это правда? — взревел он.

— Ко... неч... но... — язык у меня заплетался. — К... клянусь Магометом...

Синие офицеры образовали тесную группу. По их шепоту я понял, что бомбы величиной с камень в перстне теоретически возможны, но ни одна из ранее известных версгорцам не обладала такой мощностью.

Наконец они успокоились.

— Ладно, — сказал Хуруга. — Похоже, мы зашли в тупик. Уверен, что вы лжете, но не могу рисковать жизнью. — Он убрал пистолет. — Но должны же вы понять, что положение недопустимое. Если я не добьюсь освобождения пленников, придется передать дело императору и его правительству на Версгориксане.

— Не нужно торопиться, — возразил сэр Роже. — Мы заботимся о заложниках, но вы можете послать врачей, чтобы наблюдали за их здоровьем. Разумеется, мы конфискуем все захваченное оружие в качестве гарантии наших добрых отношений, но взамен выставим конную стражу против сарацин.

— Против кого? — Хуруга наморщил лоб.

— Сарацин. Пиратов-язычников. Вы с ними не сталкивались? Трудно поверить, ибо они вездесущи. Возможно, в эту самую минуту сарацинский корабль опускается на вашу планету, чтобы грабить и жечь...

Хуруга отозвал в сторону офицера и что-то шепнул ему. На сей раз я не расслышал, что именно. Офицер исчез, а Хуруга повернулся ко мне и попросил:

— Расскажите о сарацинах.

— С удовольствием, — барон откинулся на сиденье и скрестил ноги.

Я восхищался его спокойствием, но сам не мог не волноваться. По моим расчетам, лодка сэра Оливера уже должна была достигнуть Стуларакса (заметьте, насколько медленнее развивались события, чем я описываю). Однако сэр Роже вел себя так, будто в запасе у него была целая вечность. Он заявил, что мы, англичане, так яростно напали на версгорцев, потому что приняли их за союзников сарацин. Теперь же, когда выяснилось, что это — недоразумение, не исключено, что со временем англичане и версгорцы достигнут соглашения и заключат союз против общего врага...

Тут наша беседа была прервана. Вбежал синелицый офицер,

и через открытую дверь я увидел, как в версгорском лагере поднялась суматоха, как солдаты разбегались по своим постам, а до моих ушей донесся рев проснувшихся машин.

— Ну? — рявкнул Хуруга на своего подчиненного.

Остальные офицеры заволновались.

— Доклад... Передатчик... Люди видели яркую вспышку... Стуларакс погиб, должно быть, взрыв сверхмощной бомбы... — тяжело дыша, докладывал офицер.

Когда я перевел все это сэру Роже, взгляд его стал торжествующим.

Но что же все-таки произошло? Стуларакс погиб? Полностью уничтожен? Нашей целью было всего лишь раздобыть оружие. Ну, а если оно все исчезло в облаках дыма...

Сэр Роже облизнул пересохшие губы.

— Скажите ему, брат Парвус, что это наверняка сарацины.

Но Хуруга не дал мне такой возможности. Задыхаясь от гнева, сверкая налитыми кровью глазами, он встал, покачнулся и снова вытащил свой пистолет.

— Хватит ломать комедию! — закричал он. — Кто был с вами? Сколько у вас космических кораблей?

Сэр Роже начал медленно подниматься, пока не навис над коренастым версгорцем словно могучий дуб над вереском. Он улыбнулся, зловеще тронул свое кольцо и сказал:

— Возможно, мне лучше вернуться в свой лагерь и подождать, пока вы успокоитесь?

Я не мог перевести его слова с тем же спокойствием.

Хуруга фыркнул:

— О нет, вы останетесь здесь.

— Я ухожу, — сэр Роже покачал своей коротко остриженной головой. — Кстати, я приказал своим людям, если не вернусь, уничтожить всех пленников.

— В таком случае, идите. Но мы все равно нападем на вас. Я не хочу оказаться между двух огней — вами и нашими друзьями в небе.

— Заложники... — напомнил сэр Роже.

— Мы атакуем, — упрямо повторил Хуруга. — Нападение будет пешим, отчасти, чтобы спасти пленных, а главным образом потому, что все корабли немедленно отправятся в Стуларакс. Мощные бомбы пускать в ход не будем, чтобы не повредить пленным. Пусть ваше оружие намного мощнее нашего, — он постучал пальцем по столу, — мы просто задавим вас своими телами. Но, по-моему, у вас даже нет бронированных тележек. Всего несколько легких каров, захваченных в Гантараке. Но помните, кто из вас после этой битвы уцелеет, останется нашим пленником и умрет мучительной смертью, если вы причините

вред хотя бы одному версгорцу. А вы, сэр Роже де Турневиль, будете смотреть, как они умирают, и умрете последним...

Барон спокойно выслушал мой перевод. Только губы побелели на загорелом лице.

— Что ж, брат Парвус, — тихо сказал он. — Надежды мои не оправдались, но и самое худшее не случилось, как можно было опасаться. Передайте ему, что, если он нас отпустит и нападет только пешим строем, не используя бомб, соотечественникам его ничто не угрожает. Кроме огня со стороны нападающих. — Затем сухо добавил: — Вряд ли я стал бы убивать беззащитных людей. Но этого переводить не нужно.

Хуруга слушал перевод, слегка наклонив голову. Мы вышли из беседки, вскочили на коней и поскакали в лагерь. Мы заставили наших лошадей идти шагом, чтобы хоть ненадолго продлить перемирие и погреться на солнышке.

— Что же случилось в этом замке?

— Не знаю, — ответил сэр Роже. — Но уверен, что синелицые говорят правду (а ведь я раньше не верил), когда утверждают, что одна бомба может стереть с лица земли целую крепость. Итак, оружие, которое мы надеялись приобрести, пропало. Остается лишь молиться за наших воинов, которые вряд ли уцелели при взрыве. Теперь нам осталось только защищаться.

Он поднял увенчанную плюмажем голову.

— Но англичане, когда их спины прижаты к стене, сражаются еще лучше.

13

Мы въехали в лагерь, и милорд закричал "ура!", как будто возвращался с победой. Гремя амуницией, солдаты быстро заняли свои места.

Позвольте мне описать поподробнее сложившуюся ситуацию. Гантурак, как вспомогательная база, не был предназначен для отражения массированных атак. Часть, которую мы занимали, состояла из нескольких приземистых строений, расположенных почти идеальным кругом, вне которого находилась позиция бомбард. Но эти бомбарды, предназначенные только для стрельбы вверх, в небо, теперь были для нас бесполезны. Под самой крепостью находился лабиринт подземных комнат и коридоров. Здесь мы разместили детей, стариков, пленников и скот под надзором нескольких вооруженных крестьян. Престарелые или по другим причинам негодные для участия в битве ждали в центре круга, готовые в любой момент оказать помощь сражавшимся, позаботиться о раненых, поднести вино.

Линия сражавшихся, обращенная фронтом к версгорскому лагерю, пряталась за низкой земляной стеной, возведенной минувшей ночью. Пешие воины были усилены через равные промежутки отрядами лучников. На флангах разместились кавалеристы. Рядом с ними находились женщины и нетренированные солдаты, между которыми мы распределили все огнестрельное оружие — защитный экран нейтрализовал огненные лучи.

От экрана исходило бледное сияние. За ними высилась древняя крепость. Вся долина была покрыта травой. То тут, то там стояли отдельные группы деревьев, над отдаленными холмами проплывали светлые облака. Здесь было так красиво, как в раю. Готовя бинты вместе с теми, кто не будет участвовать в сражении, я с грустью думал, почему на такой прекрасной земле люди ненавидят и убивают друг друга.

Летающий корабль прогремел в небе за версгорским лагерем, вне нашего поля зрения. Да мы и не пытались стрелять. Прислуга бомбард в большинстве своем находилась в резерве, имея в своем распоряжении несколько транспортных кораблей. И тут внимание мое привлекли появившиеся на равнине версгорцы.

Началось!

Солдаты, вооруженные ружьями, стройными рядами двинулись вперед. Ряды были не тесные, а с большими промежутками, что вызвало у наших воинов смех. Но я хорошо знал, что это не упущение, а особая тактика, применяемая, когда противник обладает огнестрельным оружием, чтобы он не мог вывести из строя сразу несколько машин.

Такие машины были и здесь. Наверняка их доставили из Центрального арсенала в Дарове. На нас двигалась армада этих стальных сухопутных боевых кораблей и множество легких и открытых безлошадных повозок, в которых находились по четыре солдата и небольшое орудие. Они двигались проворно и быстро, словно водяные жуки на колесиках. Глядя, как они несутся со скоростью сотня миль в час, я понял, что в них очень трудно попасть и они могут подобраться к главным бомбардам противника.

Эти небольшие повозки двигались вслед за пехотой, прикрывая ее. Переднюю линию нападавших составляли тяжеловооруженные экипажи. Несмотря на мощные двигатели, они двигались очень медленно, но быстрее, чем лошади. Они были величиной с крестьянский дом и покрыты толстой сталью, способной выдержать все, кроме взрыва. С бомбардами, торчащими из башен, они напоминали драконов. Я насчитал их больше двадцати, массивных, непроницаемых, двигающихся на колесах, оставляя широкие колеи.

Мне сообщили, что один из солдат, научившийся стрелять из передвижных пушек на колесах, побежал к бомбардам. Сэр Роже, вооруженный с ног до головы, подъехал и ударил его копьем.

— Стой! Ты куда?

— Стрелять, сэр, — ответил солдат. — Надо торопиться, пока они не разрушили стену и...

— Не будь я уверен, что наши добрые тисовые луки справятся с этими переросшими улитками, разрешил бы тебе стрелять, — сказал милорд. — Ступай на место!

Его слова благотворно подействовали на испуганных копьеносцев, готовых отразить нападение. Сэр Роже не счел нужным им объяснять (учитывая случившееся в Стуларакссе), что на таком расстоянии они сами могут погибнуть от взрыва. Конечно, он понимал, что у версгорцев множество бомб, разных видов и мощностей. Но как отличить одну от другой?

Тем временем водители движущихся крепостей обнаружили, что по ним не стреляют, и наверняка задумались, какое оружие мы держим в запасе. Они поняли это, когда первая боевая повозка угодила в яму-ловушку, а за ней еще две. Несомненно, нам помогли добрые Святые. По своему невежеству мы выкопали широкие и глубокие ямы, которые сами по себе не являлись препятствием для этих мощных машин. Зато мы вбили туда большие деревянные колья, будто готовились к нападению огромных лошадей. Колья попадали в гусеницы и наглухо их заклинивали.

Одна из повозок не попала в яму и приблизилась к нашему брустверу. Рявкнуло скорострельное ружье, потом угол обстрела снизился, и на земляной стене появилась воронка.

— Господь, да поможет правым! — крикнул сэр Брайан Фиту-Вильям и бросился вперед.

За ним последовало с полдюжины кавалеристов. Они образовали полукруг вне пределов досягаемости противника. И громоздкая машина начала преследование, пытаясь поймать в прицел ускользающих кавалеристов. Сэр Брайан протрубил в свой боевой рог и вернулся в укрытие, в то время как машина провалилась в яму.

Боевые черепахи повернули назад. В высокой траве они не смогли обнаружить замаскированные ловушки. Других таких машин на Терискане не было. Стоило одной прорваться через наши укрепления, и мы погибли бы.

Учитывая, вероятно, скудные сведения о нас, наших силах, а также возможностях получить подкрепление из космоса, Хуруга приказал тяжелым машинам отступить. В сущности, версгорская тактика была во многих отношениях уязвимой. Но вспомните, что долгое время им не приходилось сражаться на

земле. А завоевания отсталых планет скорее напоминали облаву. Стычки с соперничающими межзвездными нациями были редкими и носили местный характер.

Итак, Хуруга, обеспокоенный нашими ловушками и ободренный тем, что мы не использовали артиллерию, приказал большим боевым машинам отступить. А вместо них послал пехоту и легкие повозки, надеясь с их помощью найти проходы между нашими ловушками для гигантских машин.

Синие солдаты приближались бегом, их с трудом можно было различить сквозь высокую траву. Они то объединялись в небольшие группы, то вновь рассеивались. Находясь довольно далеко, я лишь изредка видел блеск шлема или вехи, которые они ставили, чтобы пометить безопасный путь для своих тяжелых машин. Однако я смог определить, что их несколько тысяч...

Сердце глухо заколотилось в моей груди, а рот затосковал по кружке эля.

Впереди солдат шли легкие машины, некоторые угодили в ямы и были изуродованы. Но большинство продолжало движение прямой линией, приближаясь к столбам, которые мы установили перед брустверами для отражения кавалерийских атак.

При такой бешеной скорости эти машины были столь же уязвимы, как лошадь. Я видел, как одна из них взлетела в воздух, перевернулась и, ударившись о землю, раскололась надвое. Из другой от удара хлынуло горючее, и машину охватило пламя, третья резко свернула, затормозила и столкнулась с четвертой. Еще несколько, пройдя нашу засеку, наскочили на проволочные ежи. Железные шипы пробили шины колес, и машина могла только медленно уползать с поля боя.

Приказы на резком версгорском языке передавались по передатчику. Большинство открытых машин, оставшихся невредимыми, перестали кружить и, выровняв линию, продолжали приближаться на небольшой скорости.

Заработали наши катапульты. Проснулись наши баллисты. Камни, горшки с кипящим маслом и стрелы жестоко обрушились на приближавшиеся машины. Их линия сломалась и движение замедлилось.

Тут выступила наша кавалерия!

Несколько кавалеристов погибли. Но им не нужно было далеко скакать для встречи с врагом. К тому же загоревшаяся от наших котлов трава скрывала кавалеристов в густом облаке дыма. Копья со звоном и треском ударялись о стальные борта машин, но у меня не было возможности следить за ходом сражения. Кавалеристы не смогли причинить бронированным машинам ни малейшего вреда, но так ошеломили водителей, что те потеряли всякую возможность обороняться... Удар закован-

ной в металл лошади начисто сносил защитный колпак, сгибая тонкие стальные плиты. Несколько быстрых взмахов топора, булавы или меча выбрасывали из машины повозку. Некоторые из наших солдат для большего эффекта пускали в ход ружья или маленькие бомбы, которые рвались со страшным грохотом. У врага, разумеется, тоже было такое оружие и хватило бы решимости его использовать, но...

Уцелевшие машины в панике отступили, преследуемые кавалеристами.

— Назад! — крикнул сэр Роже, потрясая длинным копьем, взятым у оруженосца. — Вы, трусливые жуки! Отражайте атаку!

Он был поистине страшен в своих сверкающих доспехах, в развевавшемся на ветру плюмаже, с щитом, украшенным гербом, на черном коне.

Но версгорцы по природе своей не были рыцарями, а отличались от нас расчетливостью и осторожностью. И это дорого им обошлось...

Нашим кавалеристам пришлось вернуться — приближались синие пехотинцы. Не прекращая стрельбы, они собрались в большие группы для нападения на наш бруствер. Доты больше не защищали, они превратились в отличную мишень, и сэр Роже приказал своим людям отойти. Он повернул коня и поскакал назад.

Версгорцы испустили победный клич и побежали. Среди общего шума я услышал команду капитана лучников. Затем в небо, на могучих крыльях, взлетела стая серых гусей и опустилась среди синекожих. Не успевала одна стрела проделать и половину пути, как лучник выпускал другую. Мощная стрела, выпущенная с такой силой, пробивает не защищенное доспехами тело насквозь, и ее окровавленный наконечник выходит с другой стороны. Стрелы косили нападающих. Я думаю, в эту минуту версгорцы потеряли половину своих солдат.

Тем не менее, упрямые, как англичане, они бежали к земляной стене, где их поджидали наши солдаты. Добрую треть нападающих уложили. Женщины, тех, кто приближался настолько, что ружья становились бесполезными, встречали топорами, копьями, баграми, булавами, мечами, в ход пошли кинжалы.

Несмотря на громадные потери, враг все еще вдвое или втрое превосходил нас численностью. Но это уже не играло роли. У них не было защитных доспехов. Единственное оружие, которое они могли применить в рукопашной, был нож, прикрепленный к стволу ружья наподобие пики, или само ружье, используемое как дубинка. Нескольких наших солдат они убили или ранили из пистолетов. Однако Джон синелицый не мог попасть в Гарри англичанина с близкого расстояния, сраженный алебардой.

Когда же наша кавалерия ударила по версгорцам с тыла, враг дрогнул и побежал, топча в панике упавших товарищей. Всадники преследовали их с веселыми охотничьими выкриками. Когда враг был уже достаточно далеко, за дело принялись лучники.

Многим удалось спастись от наших ям-ловушек, ибо сэр Роже вовремя заметил возвращающиеся тяжелые машины и приказал отступить. По милости Господа я в это время был занят заботой о раненых, не следил за битвой и не знал, что в этот момент мы могли потерять все. Атака версгорцев пошла им на пользу, теперь, по крайней мере, они знали, как обойти ловушки. Железные гиганты двигались по полю, окрашенному кровью, и у нас не было никакой возможности избежать столкновения с ними.

Томас Баллард, знаменосец барона, сник.

— Что ж, — вздохнул он, — мы сделали все, что могли. Кто отправится со мной и покажет этим выродкам, как умеют умирать англичане?

Усталое лицо сэра Роже избороздили глубокие морщины.

— Умереть легче, чем сдаться, — сказал он, — но мы не вправе рисковать жизнью в надежде на победу, не вправе бросить женщин, детей в этом дьявольском мире, если даже придется превратиться в рабов.

— О боже! — вскричал Брайан Фиту-Вильям. — Вы сошли с ума!

Ноздри барона нервно затрепетали.

— Вы меня слышали? Мы остаемся!

И вот будто сам Господь Бог явился спасти своих грешников, молнией сверкнула сине-белая вспышка в лесу, в нескольких милях от нас. До того яркая, что глядевшие в том направлении на несколько часов ослепли. Такая же участь, несомненно, постигла и версгорскую армию, ибо она наступала в том направлении. Гул, последовавший за вспышкой, сбивал людей с ног, сбрасывал всадников с седел. Ветер, горячий, как из печи, подхватил палатки и, раздирая в клочья, понес прочь. Затем мы увидели облако пыли и дыма, похожее на гигантский гриб. В считаные минуты оно выросло до самого неба и несколько часов не рассеивалось.

Наступавшие боевые машины остановились. Версгорцы знали (мы — нет), что означал этот взрыв. Это была сверхмощная бомба, основанная на расщеплении материи, и я до сих пор считаю ее появление в мире дьявольским наваждением. Хотя мой архиепископ, ссылаясь на священное писание, доказывал, что любое изобретение законно, если используется в добрых целях.

Это был еще не самый мощный взрыв, бывают сильнее. Он охватил круг в полмили диаметром, и ядовитое излучение было сравнительно небольшим. К тому же взрыв произошел достаточно далеко, чтобы причинить кому-нибудь вред.

Но версгорцы теперь стояли перед жестокой дилеммой: использовать или не использовать аналогичное оружие против нас. Ведь мы могли ответить ударом на удар и бомбарды пустить в ход. В этом случае им пришлось бы отложить наступление и искать нового врага.

Их боевые машины поползли назад. Большая часть воздушных кораблей, находившихся в резерве, поднялась и разлетелась в поисках тех, кто произвел этот взрыв. У них есть прибор, действие которого я не понимаю и не хочу понимать, ибо оно, несомненно, связано с черной магией. Иначе как объяснить то, что он может обнаружить на расстоянии большие металлические массы? Прибор, мощный и большой, способный выпустить такой снаряд, должен обладать массой, которую воздушный корабль может обнаружить на расстоянии в несколько миль.

Но такая масса обнаружена не была. После часа напряженных поисков, во время которых мы горячо молились за стенами нашей крепости, сэр Роже тяжело вздохнул.

— Я не хочу быть неблагодарным, но верю, что Бог помог вам через сэра Оливера. Мы отыщем его отряд в лесу, пусть даже вражеские корабли не смогли этого сделать. Отец Симон, вы должны знать, кто лучший браконьер в вашем приходе.

— О, сын мой! — воскликнул капеллан.

Сэр Роже улыбнулся:

— Я не требую от вас тайны исповеди, просто прошу указать. Допустим, несколько опытных охотников... которые смогли бы проскользнуть в тот лес. Пусть разыщут сэра Оливера, где бы он ни был, и прикажут придержать огонь до моего распоряжения. Вы вовсе не должны мне открывать тайну исповеди, отец, оставьте при себе.

— В таком случае, сын мой, приказ будет выполнен.

Священник отвел меня в сторону и попросил дать духовное утешение его прихожанам, пока сам он поведет небольшой отряд в лес.

Но милорд поручил мне другое задание, и мы с ним, под белым флагом, отправились к версгорскому лагерю. Мы были уверены, что у врага хватит ума понять значение белого флага, даже если сами они и не пользовались подобным знаком перемирия. Так и случилось. Сам Хуруга в открытой машине выехал нам навстречу. Он весь дрожал.

— Предлагаю вам пойти на уступки, — сказал барон. — Не вынуждайте меня уничтожать ваших бедных солдат. Обещаю,

что с вами будут обращаться вежливо и позволят написать домой, чтобы оттуда прислали выкуп.

— Мне сдаться варвару? — прохрипел версгорец. — И только потому, что у вас оказалось несколько скрытых орудий? Нет! — Он помолчал. — Но чтобы избавиться от вас, я согласен отпустить вас в космическом корабле, который вы захватили.

— Сэр, — прошептал я, переведя эти слова, — неужели мы опасны?

— Вряд ли, — ответил сэр Роже. — Сами мы не найдем дорогу домой, а просить о помощи не можем. Ведь тогда они сразу поймут, в чем наша слабость, и снова на нас нападут, даже если мы как-нибудь доберемся до дома. Кто охотится на медведя, не должен расседлывать лошадей...

Пришлось скрепя сердце сказать синему дворянину, что нам не нужен его дрянной космический корабль, и, если он не сдастся, мы будем вынуждены опустошить всю планету.

Хуруга фыркнул в ответ и повернул назад.

Вернулись и мы. Вскоре появился из леса отряд отца Симона и с ним Рыжий Джон. Мы встретились на опушке, и вот что он рассказал:

— Мы летели к замку Стуларакс не скрываясь, сэр. Встречали другие небесные лодки, но, видимо, они принимали нас за своих. Однако мы знали, что часовые в крепости не позволят нам приземлиться, не опознав. Поэтому мы приземлились в лесу в нескольких милях от крепости. Зарядили требучет бомбой, чтобы подорвать оборону крепости. Затем мы подобрались ближе, оставив на корабле людей, которые должны были стрелять до тех пор, пока не обрушатся стены. Предположив, что гарнизон отправится на поиски вашего оружия, мы решили проскользнуть внутрь, убить охранников, забрать, что возможно, и вернуться на корабль...

(Здесь, пожалуй, стоит объяснить, что такое ТРЕБУЧЕТ. Это простое, но очень эффективное метательное оружие. Своего рода, большой рычаг, свободно вращающийся вокруг некоей точки опоры, длинное плечо рычага заканчивается корзиной для метательного снаряда, а на короткое плечо кладется камень весом в несколько тонн. Камень этот с помощью блоков поднимается наверх. В корзину кладут снаряд, затем рычаг освобождают, груз падает, а длинное плечо с корзиной поднимается, описывает большую дугу и швыряет снаряд).

— Особого эффекта я от этой бомбы не ожидал, — продолжал Рыжий Джон. — Она весила не более пяти фунтов. И нам пришлось довольно долго регулировать требучет для такого маленького груза. "Что может сделать такая бомба, — размышлял я. — С треском разорваться?" Я видел, как использовали тре-

бучет при осаде французских городов. Мы швыряли через их стены камни весом в одну, даже в две тонны, бросали дохлых лошадей. Но приказ есть приказ. Поэтому я положил, как мне было велено, маленькую бомбу, и мы выпустили ее. Боже! Казалось, взорвался весь мир. Пожалуй, это намного превосходит эффект падения дохлой лошади. Через наши увеличительные приборы мы видели, что замок полностью разрушен. Идти туда не было никакого смысла. Для верности мы швырнули еще несколько бомб. Теперь там ничего нет, кроме большой, оплавленной воронки. Сэр Оливер считает, что теперь у нас в руках очень нужное нам оружие, и я с ним вполне согласен. Поэтому, приземлившись в лесу, в нескольких милях отсюда, мы снова собрали требучет. Это заняло много времени, и мы задержались. Когда сэр Оливер увидел с воздуха, что здесь происходит, он приказал бросить бомбу исключительно для того, чтобы отвлечь внимание противника. А теперь мы готовы выполнить любой ваш приказ, сэр.

— А корабль? — спросил сэр Роже. — У противников есть приборы, способные обнаружить металлические массы. А вот требучет они не смогли обнаружить, он сделан из дерева. Но обнаружить корабль они должны были непременно, где бы вы его ни спрятали...

— Ах это, сэр, — с улыбкой протянул Рыжий Джон. — Сэр Оливер сумел пристать к кораблям версгорцев, а кто в такой суматохе определит разницу?

Сэр Роже рассмеялся.

— Вы упустили славную битву, но можете разжечь хороший костер. Отправляйтесь назад и немедленно начинайте обстрел вражеского лагеря...

В момент, определенный по версгорским часам, сэр Роже загнал всех под землю, но даже там мы ощутили, как вздрогнула земля, и услышали глухой рев.

Одного взрыва было достаточно. Версгорцы в панике кинулись к транспортным кораблям, бросив множество военного снаряжения. Воздушные корабли летят быстрее, чем гонимые ураганом облака. Когда солнце медленно село в том месте, которое мы называем западом, над полем боя, торжествуя победу, развевались английские флаги...

14

Сэр Оливер появился, как герой рыцарского романа. Его подвиги не потребовали героических усилий. Летая в центре версгорского военного флота, он даже сумел согреть воду в жаровне и побриться. Теперь он шел по лагерю, высоко подняв

голову, и алый плащ развевался на ветру. Сэр Роже, грязный, потный и окровавленный, встретил его у рыцарских палаток.

— Поздравляю, сэр Оливер, вы действовали блестяще, — голос сэра Роже охрип от крика.

Младший рыцарь поклонился, но поклон его был адресован леди Катрин, уже выбравшейся из приветствующей его толпы.

— Я не мог поступить иначе, просто не мог, — промурлыкал сэр Оливер. — С тетивой лука у сердца...

Лицо леди Катрин вспыхнуло. Взгляд барона метался между ней и сэром Оливером. Несомненно, они составляли прекрасную пару. Я видел, как судорожно сжал сэр Роже рукоять меча.

— Идите в свою палатку, мадам, — сказал он жене.

— Мне нужно позаботиться о раненых, сэр.

— Вы стараетесь для кого угодно, только не для собственного мужа и детей! — Сэр Роже попытался улыбнуться, но лицо исказила болезненная гримаса (во время боя пуля ударила в забрало его шлема). — Я сказал, идите в свою палатку!

— Так не разговаривают с благородной леди, сэр, — заявил Оливер Монтбелл с оскорбленным видом.

— Ваши слащавые рондо приятнее? — Сэр Оливер нахмурился еще больше. — Или шепот, которым назначают свидание?

Леди Катрин побледнела. Она не могла найти слов для ответа. Воцарилось молчание.

— Призываю Господа в свидетели, что я оклеветана, — наконец произнесла леди Катрин и так стремительно ушла, что даже платье зашуршало.

Вскоре из ее палатки донеслись рыдания. Сэр Оливер с ужасом глядел на барона.

— Вы сошли с ума! — выдохнул он наконец.

Сэр Роже весь как-то сник, словно на его плечи легло тяжелое бремя.

— Еще не сошел. Я хочу встретиться с капитанами после того, как они умоются и поужинают. А вы, сэр, лучше позаботились бы об охране лагеря.

Рыцарь вновь поклонился, показав всем, как хорошо он воспитан, чего нельзя было сказать о сэре Роже. После этого сэр Оливер пошел выполнять свои обязанности.

Вскоре на постах стояли часовые. А сэр Оливер, взяв с собой Бранитара, отправился в разрушенный версгорский лагерь осматривать оборудование, еще пригодное для использования. Синелицый сумел за последние, весьма напряженные дни усовершенствовать свой английский. Он говорил еще не совсем правильно, но очень уверенно, а сэр Оливер слушал. Я смотрел на них, но не слышал, о чем именно шел разговор. Я торопился на совет...

Высоко взметнулось пламя костра. Зажглись факелы. Английские капитаны сидели за плетеным столиком, а над их головами мерцали чужие звезды. Я слышал ночной шум леса. Люди смертельно устали, но взгляды их были прикованы к барону. Гладко выбритый, в свежей одежде, с сапфировым перстнем на пальце, он ничем не выдавал своей усталости, только голос звучал тише и глуше. Говорил он решительно, но в словах его не было обычного запала. Я взглянул в сторону палатки, где поселилась леди Катрин с детьми, но в темноте ничего не было видно.

— С Божьей помощью мы снова победили, — начал милорд. — Несмотря на все наши потери, у нас теперь избыток оружия. Армия противника разбита, и на всей планете осталась всего одна крепость.

Сэр Брайан почесал поросший седой щетиной подбородок.

— Можно, конечно, еще поиграть в игры, — сказал он. — Но стоит ли нам здесь оставаться? Как только версгорцы придут в себя, они найдут способ расправиться с нами.

— Верно, — кивнул сэр Роже. — Вот одна из причин, почему нельзя медлить. К тому же это место вообще непригодно для жизни. Замок Дарова и больше, и укреплен лучше. Захватив его, мы больше не будем опасаться взрывов. И если даже герцог Хуруга не будет нас бомбардировать здесь, можно ли быть уверенным, что он не проглотит свою гордость и не пошлет корабль за помощью к императору? Надо готовиться к тому, что против нас выступит вся версгорская армада, а каковы ее размеры, вы можете себе представить. Он сделал вид, будто не замечает дрожи, охватившей капитанов, и закончил:

— Вот почему нам необходимо захватить Дарову.

— Противостоять флоту ста миров? — воскликнул капитан Баллард. — Нет, сэр, ваша самоуверенность граничит с безумием. Давайте улетим, пока это возможно, и будем молить Бога, чтобы направил нас к Земле.

Сэр Роже ударил по столу.

— Клянусь ранами Христа! — взревел он. — В день победы, какой не знал сам Ричард Львиное Сердце, вы готовы поджать хвост и бежать без оглядки! А я думал, вы мужчины!

— А что Ричард? — проворчал Баллард. — Возместил противнику ущерб и разорил всю страну.

Но, услышав это, сэр Брайан прошептал:

— Я не желаю слышать об измене...

Баллард спохватился, что сказал не то, и, кусая губы, умолк.

Сэр Роже между тем продолжал:

— Арсеналы Даровы опустошены. Из них выгребли все, чтобы вооружить разбитую армию. Теперь у нас есть почти все

вооружение, которым располагают они, а большая часть гарнизона перебита, но дайте им время, и они оправятся. Хуруга созовет воинов со всей планеты и выступит против нас. Однако сейчас в их рядах царит паника, и самое большее, на что они способны, — это воздвигнуть против нас крепостной вал. О контракте не может быть и речи.

— Значит, в Дарове мы будем сидеть, пока не прибудут их подкрепления? — послышался из темноты чей-то голос.

— Это все же лучше, чем сидеть здесь, верно? — Сэр Роже натянуто рассмеялся.

Итак, все было решено.

Наши люди даже не легли спать. Под ярким светом двух лун они вновь взялись за свой тяжелый труд. Мы отыскали несколько транспортных кораблей, сравнительно мало поврежденных взрывом, поскольку они находились далеко от центра. Ремонтники из числа пленных довольно быстро их восстановили. Не теряя времени, мы начали погрузку. Ненасытное чрево кораблей поглощало все: машины, оружие, оборудование. За этим последовали люди, пленники, скот. Задолго до полуночи наши корабли поднялись в воздух в сопровождении маленьких летающих лодок с двумя-тремя человеками на борту.

Мы спешили не зря. Через час после нашего отлета, как мы узнали позже, автоматический воздушный корабль, оснащенный мощной бомбой, обрушился на Гантурак. Но нас там уже не было.

Осторожный полет по свободному от вражеских кораблей пространству привел нас к внутреннему морю. Через много миль за ним, в середине поросшей густым лесом холмистой местности, мы обнаружили Дарову. Вызванный в качестве переводчика в контрольную рубку, я увидел ее на экране.

Наши корабли летели навстречу восходящему Солнцу, окрасившему здания крепости в розовый цвет. Их было всего десять — низких, круглых, из оплавленного камня — строений. С толстыми стенами, способными выдержать любой удар, соединенными друг с другом укрепленными туннелями. В сущности, весь замок находился под землей и был так же изолирован и самообеспечен, как космический корабль. Его окружал сплошной круг гигантских бомбард и странных на вид металлических установок, высовывавших свои стволы из внешних укреплений. Над всем этим, как сатанинская пародия на ореол, сверкал защитный экран — и не было ни одного космического корабля противника.

К этому времени я, как и большинство из нас, уже умел пользоваться передатчиком. Я включил его, и на экране появился версгорский офицер. По-видимому, он тоже пытался

связаться с нами и настраивал аппаратуру. Из-за несогласованности действий мы потеряли несколько секунд. Лицо офицера было цвета небесно-голубой лазури, и он несколько раз сглотнул, прежде чем спросить:

— Чего вы хотите?

Сэр Роже нахмурился, глаза его налились кровью. Ответ последовал незамедлительно:

— Хуруга!

— Мы не... не можем вызвать нашего граса, он приказал не беспокоить его...

— Брат Парвус, скажите этому идиоту, что я буду разговаривать только с их герцогом! Я требую переговоров! Разве им неизвестен обычай всех цивилизованных народов?

Версгорец быстро взглянул на нас, что-то сказал в маленький ящик и нажал несколько кнопок подряд. Появился Хуруга. Некоторое время губернатор протирал заспанные глаза, потом угрюмо сказал:

— Не надейтесь разрушить эту крепость, как это вы сделали с другими. Дарова очень мощно укреплена. Ведь это Центральная база планеты! Массированная бомбардировка может повредить только наземные постройки. Если же вы попытаетесь повести прямую атаку, мы смешаем вас с песком...

Сэр Роже кивнул и насмешливо спросил:

— А долго вы выдержите?

Хуруга обнажил свои острые зубы.

— Дольше, чем вы думаете, скотина!

— И все же, полагаю, вы не готовы к осаде.

Я, как мог, объяснил, что такое осада. Хуруга с трудом понял.

— Я подозревал, — сказал сэр Роже, — что он понятия не имеет об осаде. Эти межзвездные народы имеют оружие почти такое же мощное, как меч Святого Михаила. Одним взрывом могут уничтожить город, а десятью — опустошить целое графство. Но могут ли они долго воевать? Эта крепость построена так, чтобы выдержать быстрый удар. Но вряд ли она выдержит осаду! — Он снова повернулся к экрану. — Я остановлюсь невдалеке от вас. При первой же попытке нападения открываю огонь по крепости. Поэтому, во избежание недоразумений, вашим людям лучше всего находиться под землей. В любое время, как только решите сдаться, вызывайте меня по передатчику.

Хуруга ухмыльнулся. Я угадал его мысль: "Пусть англичане сидят, пока не прибудет карательная экспедиция..."

Экран погас.

Неподалеку от крепости мы нашли хорошее место для лагеря. В глубокой, укрытой холмами, долине, где бежала река с чистой холодной водой, полно рыбы. Луга перемежались с ро-

щами, дичь была в изобилии, и в свободное время люди охотились. За несколько дней наши солдаты отдохнули и повеселели.

Только сэр Роже не давал себе отдыха: леди Катрин, оставив детей под присмотром няньки, бродила по лагерю с сэром Оливером, ни от кого не прячась.

Спрятавшись в лесах, мы обезопасили наш лагерь от любого обстрела. Разбросанное по всей территории лагеря, в палатках и под навесами, наше оружие и снаряжение не давали необходимой для обнаружения детекторами концентрации металла. Наши воздушные корабли постоянно патрулировали над Даровой, приземляясь для отдыха в разных местах далеко от лагеря. Наши требучеты были в постоянной готовности на случай, если в крепости начнется движение. Но Хуруга предпочел лишь наблюдать. Время от времени над нами пролетал осмелевший вражеский корабль, прилетевший из другого района планеты. Но он не мог обнаружить цель, а наши патрули вынуждали его удирать без оглядки.

Большая часть наших сил — крупные корабли, орудия, военные машины — была размещена в другом месте. Поэтому я редко видел сэра Роже. Я оставался в лагере, изучая версгорский и обучая Бранитара английскому. Я также организовал обучение туземному языку некоторых наших наиболее способных парней. У меня не было ни малейшего желания участвовать в экспедициях барона.

У него были космические корабли, были бомбарды, несколько ужасных машин-черепах. У него были сотни открытых боевых машин, которые он увешал щитами и вымпелами, посадив по четыре солдата в каждую. Он бродил по стране и опустошал ее. Грабя и сжигая, оставлял за собой разорение. Он убил много версгорцев, а остальных держал в плену на больших транспортных кораблях. Несколько раз население пыталось оказать ему сопротивление. Но у них было только ручное оружие, и солдаты сэра Роже били их, как мякину, рассеивая прах по их же собственным полям. Нескольких дней и ночей оказалось достаточно, чтобы опустошить всю страну. Потом сэр Роже совершил набег, переправившись через океан, бомбя и сжигая все на своем пути, и вернулся.

Мне все это казалось жестокой бойней. Впрочем, точно так обошлась империя с сотней планет. Логику подобных действий я, признаться, не понимал. Конечно, сэр Роже поступал так, как обычно поступают европейские войска во вражеской стране. Но когда он приземлялся и люди его разбредались, нагруженные драгоценностями, богатыми тканями, серебром и золотом, пьяные от награбленных напитков, я отправлялся к Бранитару.

— Эти новые пленники не в моей власти, — сказал я, — но

передай своим собратьям в Гантураке, что прежде, чем барон уничтожит их, он должен будет снести голову мне.

Версгорец с любопытством взглянул на меня и спросил:

— Почему ты заботишься о нас?

— Бог да поможет мне, — ответил я. — Ведь он и вас создал...

Милорд узнал об этом разговоре и вызвал меня к себе. Пройдя по лагерю, я увидел просеку, вырубленную пленниками. Они жались друг к другу, дрожа под ружьями англичан. Разумеется, они служили для нас защитой. Хотя корабли противника уже обнаружили наш лагерь, сэр Роже позаботился, чтобы губернатор узнал о пленных. Когда я увидел синекожих матерей с плачущими детьми на руках, сердце мое сжалось от боли.

Барон сидел на табуретке и грыз ногу быка. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву, падали на его лицо.

— Что же это вы, брат Парвус! — воскликнул он. — Неужели вам так понравились эти свиные рыла, что вы вступаетесь за них?

Я пожал плечами.

— Подумайте, сэр, как подобные деяния отягощают вашу душу...

— Что? — Его густые брови взлетели вверх. — Разве запрещено освобождать пленных?

Настал мой черед удивиться.

Сэр Роже продолжал с аппетитом обгладывать ногу.

— Мы оставим у себя Бранитара и ремесленников. Они пригодятся нам, а остальных погоним в Дарову. Тысячи тысяч. Как полагаете, растает сердце Хуруги от благодарности?

Стоя по колено в траве на лугу, освещенном солнцем, я ничего не ответил, только расхохотался.

Итак, под смех и улюлюканье толпа двигалась через ручьи и кустарники, пока не оказалась на опушке леса. Впереди виднелись строения Даровы. Несколько версгорцев робко выступили вперед. Англичане, смеясь, опирались на копья. Один версгорец побежал. Никто не стрелял в него. Побежал еще один и еще. И наконец вся толпа устремилась к крепости.

В этот вечер Хуруга сдался.

— Это было легко, — смеялся сэр Роже. — Не думаю, что у него было много запасов, ведь осада у них не принята. Итак, я показал ему, что намерен опустошить всю планету, и если бы даже мы были побеждены, ему пришлось бы отвечать. К тому же из-за меня у него появилось несколько лишних ртов...

Он хлопнул меня по спине. У меня перехватило дыхание. Затем, придя в себя, я сказал:

— Ну, брат Парвус, теперь этот мир принадлежит нам. Не хотите ли стать здесь первым аббатом?

15

Разумеется, я не мог принять этого предложения. Не говоря уже о сложности посвящения в сан, я знаю свое место в жизни. Впрочем, в нашем положении это были пустые разговоры. У нас было слишком много работы, и мы могли предложить Богу лишь благодарственную мессу. Мы позволили уйти всем пленным, и по мощному передатчику сэр Роже обратился с речью ко всему Териксану. Он приказал землевладельцам в областях, не подвергшихся разорению, явиться для изъявления покорности и захватить с собой нескольких бездомных. Преподанный нами урок оказался до того наглядным, что в последующие несколько дней в лагере не было отбоя от синих посетителей. По большей части общаться с ними приходилось мне, и я забыл про сон. В большинстве своем это были очень кроткие создания. Действительно, эта раса так долго господствовала среди звезд, что только теперь их солдаты узнали, что такое презрение к смерти. Когда же солдаты были покорены, буржуа и франклины, не раздумывая, сдались. Они так привыкли находиться под властью всесильного правительства, что даже не подумали о возможности сопротивления.

Больше всего внимания сэр Роже теперь уделял тренировке войска в несении гарнизонной службы. Машинами в крепости было легко управлять, как и другим версгорским оборудованием, так что вскоре гарнизонную службу уже могли нести женщины, дети, крестьяне и старики. По крайней мере на время они были способны защитить крепость от нападения. Тех же, кто оказался не в состоянии овладеть дьявольским искусством — читать показания приборов, нажимать кнопки, поворачивать ручки, сэр Роже отправил на отдаленный остров присматривать за скотом.

Когда перемещенный Энсби оказался способным к самозащите, барон собрал всех солдат для еще одной экспедиции в небо. О своем замысле он рассказал мне. По-прежнему один я владел версгорским языком, правда, Бранитар, с помощью отца Симона, обучил ему и других.

— До сих пор все складывается довольно удачно, брат Парвус, — сказал как-то сэр Роже. — Но одни мы не справимся с версгорской империей. Надеюсь, вы достаточно хорошо овладели их письменностью и нумерацией. Во всяком случае, в той мере, чтобы следить за туземным навигатором и не позволить ему увести корабль туда, куда нам не нужно.

— Я немного изучил принцип составления их звездных карт, — ответил я, — хотя обычно они используют не карты, а столбцы чисел. Нет у них на корабле и рулевых. Они указывают

автомату звезду, к которой нужно лететь, и уже Гомункулус руководит полетом.

— Я знаю! Именно так Бранитар завлек нас сюда. Опасное существо, но слишком полезное, чтобы его убить. Я счастлив, что его не будет с нами в полете, но с тяжелым сердцем оставляю его здесь, в Дарове...

— А куда вы направитесь, сэр?

— Куда? — Он потер красные от бессонницы глаза. — Разве нет других королевств, кроме Версгора? Они предвидели, что рано или поздно синелицые дьяволы их прикончат. Я собираюсь искать союзников.

Все было ясно, но я колебался.

— Ну, — настойчиво спросил сэр Роже, — что вас еще беспокоит?

— Как можем мы, кучка дикарей, подбить их на войну, если до сих пор они не решились ее развязать?

— Послушайте, брат Парвус, я устал от вашего нытья относительно нашего невежества и слабости. Разве невежественны мы в истинной вере? Кстати, орудия войны и машины могут меняться в течение столетий, а вот соперничество и интриги здесь такие же, как у нас дома. Мы не дикари уже хотя бы потому, что используем их смертоносное оружие.

Я не мог опровергнуть его доводы, ведь в них была наша единственная надежда, если не считать полета в поисках Земли.

Лучшие космические корабли версгорцев хранились в подземельях Дарова. Мы как раз занимались их снаряжением, когда солнце заслонил еще больший корабль. Повиснув над нами, как грозовая туча, он поверг всех в отчаяние. Но тут прибежал сэр Оливер Монтбелл, таща за собой на веревке версгорского офицера, и повел меня к передатчику. Угрожая мечом, сэр Оливер заставил пленника поговорить с командиром корабля.

Это оказался торговый корабль, совершающий свой очередной рейс. Вид Гантурака и Стуларакса привел его экипаж в ужас. Оплавленные ямы на месте мощных крепостей заставили бы содрогнуться кого угодно.

Мы легко могли бы сбить этот корабль, но сэр Оливер приказал пленному офицеру сказать, что это был набег из космоса, отраженный гарнизоном Дарова, и что корабль должен приземлиться здесь. Капитан корабля повиновался, и, когда люки корабля открылись, сэр Оливер ввел на борт взвод солдат и без всяких осложнений захватил корабль.

За это солдаты чествовали его днем и ночью, и прослыл он храбрецом, всегда готовым на галантный жест. Сэр Роже трудился без устали и совсем огрубел. Сэр Оливер был его полной противоположностью, все равно что Оберон по сравнению с

медведем. Половина женщин была в него влюблена, но он пел свои песни только ради леди Катрин.

Добыча с огромного космического корабля оказалась богатой. Самым ценным были тонны зерна. Мы испробовали его на нашем скоте, который совсем отощал на отдаленном острове, питаясь невкусной синей травой. Коровы обрадовались зерну, будто это был добрый английский овес, и сэр Роже воскликнул:

— Мы должны во что бы то ни стало захватить планету, с которой прилетел этот корабль.

Я перекрестился и поспешил уйти.

У нас оставалось совсем мало времени. Ни для кого не было секретом, что Хуруга послал на Версгориксан корабль с известием о битве за Гантурак. Требовалось немало дней, чтобы корабль достиг этой отдаленной планеты, чтобы собран был имперский флот и, наконец, чтобы корабль прилетел сюда.

Главой гарнизона Даровы, состоявшего из женщин, детей, стариков и крестьян, сэр Роже назначил свою жену. Конечно, пространные и напыщенные описания значительных персон в наших хрониках недостоверны... но я знал этих двоих. Я знал их души. Они и сейчас у меня перед глазами в полусгоревшей комнате чужого замка.

Леди Катрин увешала свое жилище гобеленами, разбросала по полу шкуры, развесила светильники, чтобы создать хоть какой-то уют. Она гордо ждала, пока муж попрощается с детьми. Маленькая Матильда плакала навзрыд. Роберт сдерживал слезы, пока отец не закрыл за собой дверь, ведь он был из рода де Турневилей.

Сэр Роже медленно выпрямился. У него не было времени побриться, и щетина проволокой торчала на его обожженном лице. Серые глаза были воспалены, одна щека непрерывно дергалась. Поскольку из труб здесь бежала горячая вода, он тщательно вымылся, но камзол на нем был как всегда грубый, брюки в заплатах.

— Ну, мне пора, — сказал он, подойдя к жене.

— Да. — Она вся напряглась.

— Я верю... — он прочистил горло. — Я думаю, у вас есть все необходимое.

— Да...

— Помните, все наши учащиеся как можно скорее должны овладеть версгорским языком. Иначе мы будем глухонемыми среди врагов. Не доверяйте пленным. При каждом из них должны постоянно находиться два вооруженных солдата.

— Конечно, — кивнула леди Катрин. Она была причесана, и локоны ее лежали на плечах застывшими морскими волна-

ми. — Я также буду помнить, что свиней нельзя кормить зерном, которое мы даем другому скоту...

— Это очень важно! И не забудьте пополнять запасы. Те из нас, кто провел пробу туземной пищи, живы и здоровы, поэтому вы можете пополнять запасы продовольствия в версгорских амбарах.

Наступило молчание.

— Ну, — повторил он, — мне пора.

— Господь да пребудет с вами, милорд!

Он постоял немного, вслушиваясь в ее голос, потом выдохнул:

— Катрин...

— Да, милорд?

— Я обидел вас. — Он говорил с трудом. — Я пренебрегал вами, что еще хуже...

Она молча протянула ему руку, и он осторожно коснулся ее.

— Каждый человек может ошибаться, милорд.

Он осмелился взглянуть в ее голубые глаза:

— Вы дадите мне талисман на память?

— Ради вашего благополучного возвращения...

Он обнял ее и, прижав к себе, весело воскликнул:

— И ради моей просьбы! Дайте мне талисман, и я положу к вашим ногам всю империю.

Она высвободилась из его объятий. Губы ее дрожали.

— Когда вы начнете поиски Земли?

— Что за честь возвратиться в наш маленький дом, пока не покорены все звезды — наши враги? — гордость звучала в его словах.

— Да поможет мне Бог... — прошептала леди Катрин и вышла.

Он стоял, пока шаги ее не стихли в холодных коридорах, затем повернулся и вышел...

16

Вначале мы хотели погрузиться на один большой корабль, но потом решили, что лучше отправиться на нескольких. Один из наших парней, немного разбиравшийся в геральдике, разрисовал версгорской краской корабли, изобразив на них гербы де Турневилей и английских леопардов, сверкавших золотом и пурпуром.

Тариксан остался позади. Мы очутились в странном положении, где было измерений больше, чем обычные три эвклидовы. Версгорцы называли это "сверхсветовым полетом".

Со всех сторон нас окружали звезды, и мы забавлялись, давая

названия новым созвездиям — рыцарь, пахарь, арбалет, а о некоторых лучше умолчать.

Путешествие было недолгим, всего несколько дней, как мы определили по часам. За это время мы немного отдохнули и, когда прибыли в планетную систему Водавант, стали сильны, как охотничьи псы.

Теперь мы уже знали, что существует множество видов и цветов солнц. Версгорцы, как и земляне, предпочитали маленькие желтые светила. Система Водавант была красней и холодней и имела всего одну обитаемую планету (случай обычный). Когда на этой планете высадились версгорцы, они нашли ее тусклой и холодной. Поэтому наши враги не стали покорять туземцев — джаров, а просто запретили им захватывать новые колонии и заставили подписать невыгодный торговый контракт.

Планета, как огромный щит, избитый и проржавевший, висела над звездами, когда нас остановили боевые корабли туземцев. Наша флотилия поспешно остановилась, точнее, мы замедлили скорость и стали двигаться через пространство по гиперболической субсветовой орбите, на которую перешли и корабли джаров. Но от этих проблем небесной навигации болит моя бедная голова, так что я оставляю их астрологам и ангелам.

Сэр Роже пригласил адмирала джаров на наш флагманский корабль. Мы, как обычно, пользовались версгорским языком, я переводил. Но я передам только суть происшедшего тогда разговора, опуская подробности, символизирующие нашу победу.

Во время приема мы старались поразить наших гостей роскошью и великолепием убранства. Коридоры от входа до столовой были заполнены воинами. Лучники надели свои зеленые камзолы и штаны, украсили шляпы перьями и держали при себе свое смертоносное оружие. Пехотинцы отполировали шлемы и образовали арку из пик. Там, где коридор был достаточно широк и высок, красовались двенадцать кавалеристов в полном боевом облачении, со знаменами и щитами, плюмажами и копьями. У последней двери стоял начальник охоты сэра Роже со сворой мастифов у ног и с соколом на руке. Корабль дрожал от гуденья труб, грома барабанов, воя рогов и собачьего лая.

— Бог и Святой Георг за веселую Англию!

— Ура!

Джары робко двигались к столовой, увешанной наиболее дорогими из захваченный тканей. В конце длинного стола, окруженный алебардщиками и лучниками, в роскошной одежде, на троне, торопливо сколоченном нашими плотниками, восседал сэр Роже. Когда джары вошли, он поднял золотой версгорский кубок и выпил в их честь доброго английского эля. Вино

отец Симон решил приберечь для святого причастия, заметив, что дьяволы все равно не заметят разницы.

— Добро пожаловать!

Джары недоуменно переглядывались, пока пажи не указали отведенные им места так церемонно, как при королевском дворе. После этого я прочел молитву и попросил Господа благословить наше необычное собрание. Не только из религиозных соображений. Мы узнали, что джары используют определенные словесные формулы для пробуждения скрытых сил тела и разума. Если они будут настолько глупы, что примут мою торжественную латынь за такую формулу, то грех падет не на нас, верно?

— Добро пожаловать, милорд, — сказал сэр Роже, обращаясь к адмиралу.

Барон выглядел отдохнувшим. Что-то лукавое появилось во всем его облике. Лишь те, кто хорошо его знал, понимали, как тяжело и пусто у него на душе.

— Прошу прощения за бесцеремонное вторжение в ваш дом, но весть, с которой я к вам пришел, не терпит промедления.

Адмирал джаров наклонился вперед. Он был выше человеческого роста, очень тонкий и грациозный, с мягкой серой шерстью по всему телу и белым гребешком на голове. С кошачьими усиками и огромными пурпурными глазами, он в общем все же походил на человека, нарисованного в триптихе не слишком искусным художником. На нем был плотный облегающий костюм коричневого цвета со знаками отличия, соответствующими его рангу. Но наши солдаты затмевали своим великолепием и его, и восьмерых его помощников. Звали его, как мы узнали позднее, Балджад Сер Ван. Мы не ошиблись в своих предположениях, что командующий флотом планеты занимает высокое место в своем правительстве.

— Нам и в голову не могло прийти, что версгорцы настолько доверятся какой-нибудь нации, что вооружат ее, как союзника, — произнес адмирал.

Сэр Роже засмеялся.

— Вы совершенно правы, сэр. Мы только что захватили Тариксан и прибыли к вам на трофейных версгорских кораблях.

Балджад был настолько ошеломлен, что шерсть его встала дыбом.

— Значит, вы межзвездная раса? — воскликнул он.

— Мы — англичане, — уклонился от прямого ответа сэр Роже. Он не хотел лгать больше, чем нужно потенциальному союзнику, во избежание неприятностей в будущем. — Наши лорды владеют обширными зарубежными территориями, такими, как Ольстер, Дейнстер, Нормандия, я не стану вас утомлять дальнейшим перечислением планет. (Лишь один я

заметил, что сэр Роже назвал графства планетами). Короче, наша цивилизация очень древняя, ей больше пяти тысяч лет, о чем свидетельствуют записи.

В последней фразе сэр Роже использовал эквивалент земных лет, и кто взялся бы отрицать, что священное писание с абсолютной точностью описывает события со времен Адама. Но все это не произвело на Балджада особого впечатления.

— Версгорцы хвастают, что их записи охватывают две тысячи лет с тех пор, как цивилизация возобновилась после последней междоусобной войны. Но мы, джары, ведем летопись уже восемь тысячелетий.

— Как давно вы овладели космическими полетами? — спросил сэр Роже.

— Около двух столетий.

— Ага, наши первые шаги в этой области... когда именно они были сделаны, брат Парвус?

— Около двух с половиной тысяч лет назад, в месте, именуемом Вавилон, — ответил я.

Балджад сглотнул, а сэр Роже, как бы не замечая этого, продолжал:

— Вселенная так огромна, что расширяющееся английское королевство до самого недавнего времени не встречалось с расширяющимся версгорским доменом. Не зная нашей истинной мощи, версгорцы напали на нас без всякого повода. Их злобность, я полагаю, известна вам. Сами же мы очень мирная раса.

Пленники-версгорцы с презрением говорили, что джарская республика ненавидит войны и никогда не колонизирует планету с разумными обитателями.

Сэр Роже поднял глаза вверх:

— Одна из наших заповедей — "Не убий!" Но еще большим грехом было бы позволить этим жестоким и кровожадным версгорцам уничтожить слабые народы.

— Гм... — Балджад почесал шерсть у себя под глазами. — Где находится эта ваша Англия?

— Ну, ну, — ответил сэр Роже. — Вы не можете ожидать, что мы скажем это даже самому благородному незнакомцу, пока не достигнем полного взаимопонимания. Версгорцы тоже не знают. Мы захватили их разведывательный звездолет и прибыли сюда, чтобы наказать их и собрать информацию. Как я уже говорил, мы с незначительными потерями захватили Териксан. Но наш корабль не вмешивается в дела других народов против их воли. Клянусь, Эдуард Третий и не помышляет о вражде с вами. Напротив, я бы хотел, чтобы вы, джары, и другие народы, страдающие под пятой версгорцев объединились с нами в Крестовом походе против них и уничтожили их империю.

— Неужели вы, командир отдельного вооруженного отряда, уполномочены вести подобные переговоры? — с сомнением спросил Балджад.

— Сэр, я не простой дворянин, — с важностью ответил барон. — Мое происхождение не менее высоко, чем у любого барона вашего королевства. Один из моих предков командовал объединенным флотом всей планеты.

— Но все это так неожиданно. Просто непостижимо. Мы не можем... Я не могу... Это надо обсудить.

— Конечно, — согласился милорд. — Но не тратьте слишком много времени, джентльмены. Я даю вам шанс покончить с версгорским владычеством. Англия больше не может его терпеть. Если вы не разделите с нами тяготы войны, мы, англичане, вынуждены будем сами оккупировать версгорский домен, кто-то ведь должен нанести там порядок. Итак, присоединяйтесь к Крестовому походу под моим командованием. И ура! К победе!..

17

Джары, как и другие свободные нации, не были простаками. Они предложили нам посадить корабль и быть их гостями. Казалось, мы попали в страну эльфов, не знавшую времени. Стройные башни и легкие мосты между ними; города, где здания перемежаются с садами, образуя сплошной гигантский парк; лодки на голубых озерах; ученые, обсуждающие со мной вопросы английского языка; огромные лаборатории алхимиков; музыка, которая все еще звучит в моих снах. Даже краткий рассказ об этой древней нечеловеческой цивилизации покажется обычному англичанину более странным, чем фантазии славного венецианца Марко Поло.

Пока военные руководители и политики джаров вежливо, но настойчиво допрашивали нас, к Териксану спешила экспедиция проверить, что же там на самом деле произошло. Леди Катрин встретила ее с помпой и позволила расспросить тех версгорцев, которых джары выберут сами. Она не показала им Бранитара, он слишком много знал. Остальные, даже Хуруга, не могли сообщить ничего, кроме впечатления о неотразимой мощи.

Не имевшие представления о разновидности человеческой внешности, члены экспедиции так и не поняли, что гарнизон Даровы укомплектован слабейшими. Правда, они пересчитали людей и никак не могли поверить, что столь незначительные силы совершили все это. Конечно, решили они, у людей есть какие-то скрытые возможности. Когда они увидели пастухов верхом на лошадях, женщин, готовящих пищу у костров, то ни

на минуту не усомнились в том, что мы, англичане, предпочитаем простую жизнь на лоне природы, это ведь был и их идеал.

К счастью, языковый барьер мешал им что-то услышать, они могли только видеть. Наши парни, изучавшие версгорский язык, владели им слишком слабо для обстоятельной беседы. Многие простолюдины, а может, и воины, выдали бы себя мольбой увезти их за Землю. Но все разговоры с англичанами велись через меня. А я поддерживал высокомерие сэра Роже. Он не стал скрывать от джаров, что версгорцы собираются напасть на Дарова. Скорее, бравировал этим. Ловушка готова, сказал он, и, если же Вода и другие планеты не помогут ему, он вынужден будет обратиться за помощью к Англии.

Мысль об армаде из совершенно неизвестного района космоса, вторгающейся в их мир, сильно обеспокоила вождей джаров. Некоторые из них, несомненно, считали нас авантюристами, возможно, даже объявленными вне закона, которые не могут рассчитывать на помощь родины. Другие возражали.

— Допустим, мы не станем вмешиваться. Даже если это пираты, захватившие планету и не проявившие никакого страха перед версгорской империей. В любом случае следует иметь в виду, что англичане, невзирая на клятвы, так же агрессивны, как и синелицые. Так не лучше ли помочь этому Роже захватить много планет и добычи? Иного выхода нет! Разве что заключить союз с версгорцами, но это немыслимо!

Воображение джаров было захвачено открывавшейся перспективой. Они видели сэра Роже и его товарищей, их спокойные лица. Слышали о поражении, которое он нанес их заклятым врагам. Они знали лишь малую часть вселенной и потому верили, что где-то существует более древняя и могущественная раса. Поэтому они приветствовали призыв сэра Роже к войне. Джар был настоящей республикой, не карикатурой, в отличие от Версгора. Голос народа в парламенте звучал весьма внушительно.

Версгорский посол заявил протест, когда же это не помогло, пригрозил уничтожением. Но он был слишком далеко от дома. Депеши правительству шли долго, а тем временем толпы джаров забрасывали камнями его резиденцию.

Сэр Роже совещался также и с послами других рас этой Галактики: ашенкогхли и протаны. Хочу рассказать об одном из таких заседаний.

Как обычно, переговоры велись на версгорском языке. У меня было много дополнительных трудностей с переводом, ибо протан находился в ящике с жарким и ядовитым воздухом и говорил через передатчик с акцентом, еще худшим, чем мой. Я никогда не пытался узнать его имя или должность, ибо это означало

погружение в концепции более сложные, чем даже книги маймонидов. Для меня он был третичным язычным мастером северо-восточного улья, а про себя я называл его Этальберт.

Мы сидели в холодной синей комнате замка, расположенного далеко от города. Пока Этальберт щупальцами изображал приветственный жест, сэр Роже успел оглядеться и пробормотал:

— Каждое окно шириной с люк корабля, и все распахнуты настежь! Какая роскошь! С каким удовольствием я атаковал бы это место!

Начались переговоры.

— Я не вправе навязать улью свою точку зрения, — сказал Этальберт. — Могу лишь дать рекомендацию. Но поскольку мозг у моих сограждан менее индивидуалистичен, чем у других народов, моя рекомендация возымеет действие. Вот только меня самого трудно в чем-либо убедить...

Мы уже успели удостовериться в этом. Что касается ашенкогхли, то они были разделены на кланы, вождь одного из них был послом и собственной властью мог вызвать флот клана. Это настолько упрощало наши переговоры, что я возблагодарил Господа. Соглашение, которого мы добивались, было очень важным для нас.

— Вы, сэр, несомненно, знакомы с доводами, которые мы привели джарам, — заметил сэр Роже. — Они в равной мере относятся и к вашей планете.

Я с тревогой подумал, что он взваливает на меня все трудности перевода и дипломатических формулировок. Версгорский язык был до того варварским, что думать на нем я так и не научился. Поэтому мне приходилось вначале переводить французские фразы сэра Роже на родной английский, затем на латынь, а потом уж на версгорский. Этальберт в свою очередь мысленно переводил их на язык протан. Поистине непостижимы создания Господа!

— Ульи недовольны, — заявил посол. — Мало того, что переговоры ограничили наше перемещение и распространение в космосе, так они еще берут с нас большую плату за редкие металлы. Однако наша планета для них бесполезна, поэтому мы не боимся их нападения, как, например, Вода или Атенк. Зачем же нам провоцировать нападение?

— У этих созданий, судя по всему, нет понятия о чести, — шепнул мне барон. — Скажите им, что, когда версгорцы будут разбиты, они полностью избавятся от прежних ограничений и расходов.

— Естественно, — последовал холодный ответ. — Но выигрыш слишком мал по сравнению с риском. Ведь наша планета и ее колонии могут подвергнуться бомбардировке.

— Риск будет намного меньше, если все противники верс-горцев станут действовать сообща. Тогда врагу придется обороняться и ему будет не до нападения.

— Но других союзников нет.

— Полагаю, что лорд Ашенкогхли здесь, на Воде, намерен присоединиться к нам. Остальные кланы его планеты поддержат войну, чтобы в случае победы он не очень усилился.

— Сэр! — возразил я по-английски. — Вы же знаете, что этот Ашенкогхли пока не решил присоединиться к нам.

— Передайте мои слова этому чудовищу!

— Милорд, но это неправда!

— Пока неправда. Но станет правдой. Ради этого мы готовы на все.

Меня шокировала казуистика милорда, но я выполнил его требование и перевел. Этальберт, пораженный, спросил:

— Почему вы так думаете? Ашенкогхли известен своей осторожностью.

— Очень жаль, что бодрый голос сэра Роже не доносится до нечеловеческих ушей протана. Поэтому он и не объявляет о своем решении открыто. Но его свита... Кое-кто из них проговорился, а мы умеем понимать намеки...

— Это следует проверить, — заметил Этальберт. — Теперь он заставит своих шпионов работать днем и ночью.

Мы тоже сумели понять нескольких джаров и суммировали сведения, полученные сэром Роже в разговорах с молодым лордом Ашенкогхли. Этот юный кентавр был более склонен к войне, она сулила ему славу и богатство. Он сообщил сведения об организации связи, столь необходимые сэру Роже. Потом милорд объяснил, какие документы следует подбросить агентам Этальберта, что сказать будто бы спьяна, как неуклюже попытаться подкупить джарских чиновников... Вскоре все, кроме самого посла Ашенкогхли, знали, что он собирается присоединиться к нам.

Тогда Этальберт посоветовал своим ульям вступить в войну. Он хотел сохратить это втайне, но сэр Роже подкупил джарского чиновника, который пересылал в специальных ящиках дипломатическую почту. Ему пообещали целый архипелаг на Териксане. Это был поистине блестящий ход. Теперь можно было предъявить послу Ашенкогхли доказательство, что протаны вступят в войну. А поскольку действия Этальберта имели большой вес, Ашенкогхли вызвал свой флот и написал послание вождям других кланов, предлагая им поступить так же.

Конечно, разведка Воды незамедлительно узнала об этом. Джары не хотели усиления Ашенкогхли и Протан, в то время как их планета оставалась бы по-прежнему слабой. Соответ-

ственно, разведка и рекомендовала своему правительству вступить в войну, и в результате парламент джаров объявил войну Версгорской империи.

Сэр Роже радостно улыбнулся:

— Это было довольно легко организовать, джентльмены, — сказал он поздравившим его капитанам. — Любой на моем месте сделал бы то же самое. Этот звездный народ попал в силки, которых легко избежал бы любой полуграмотный князь Германии.

— Но как же это могло быть, сэр? — спросил Оливер Монтбелл. — Они старше, сильнее, мудрее нас...

— Старше и сильнее несомненно, — кивнул сэр Роже. — Но вот мудрее — нет. Я не итальянец и в интригах не очень разбираюсь. Но уж эти звездные существа вообще как малые дети. Почему? На Земле испокон веку живет много разных народов, и каждый добивается преимуществ перед другим. И все это при сложнейшей феодальной системе, ее ступени даже невозможно запомнить. Почему мы так часто воюем с Францией? Да потому, что герцог Анжуйский был суверенным королем Англии и в то же время французским королем! Подумайте, к чему это привело. А ведь это всего лишь один небольшой пример. На Земле мы отлично изучили все разновидности плутовства, а здесь они неизвестны. Среди всех этих звездных народов единственной реальной силой столетиями был Версгор. Версгорцы всюду действовали одинаково: грубо унижали расы, у которых не было оружия для защиты. Насильно, поскольку их домен оказался самым большим, они навязывали свою волю трем другим народам, обладающим такими же знаниями. Эти народы даже не пытались объединиться против версгорцев, поскольку ни на что, кроме игры в снежки, не были способны. Не нужно большого искусства, чтобы использовать такие простые вещи, как жадность, подавление страстей и постоянное соперничество.

— Вы слишком скромны, сэр, — улыбнулся сэр Оливер.

Настроение барона упало.

— Этот черт везде сует свой нос. Мы сидим здесь и ждем, когда соберется флот. А тем временем враг не дремлет!

Да, это было страшное время. Мы не могли оставить Воду и возвратиться к нашим женщинам и детям на Териксан. Союз, который мы пытались сколотить, еще не был прочен. Сотни раз сэр Роже был вынужден латать появлявшиеся прорехи, прибегая к способам, за которые дорого придется платить в будущей жизни. Мы же все отдавали все свое время изучению истории, языков, географии (точнее, астрологии) и колдовских механических искусств. Это делалось под предлогом сравнения местных машин с нашими. К счастью, сэр Роже установил по доку-

ментам и допросам пленных офицеров еще до того, как мы покинули Териксан, что некоторые виды захваченного нами оружия секретны, поэтому мы смогли продемонстрировать особо эффективное огнестрельное оружие с разрывными пулями, со спокойной совестью утверждая, что оно английское, и в то же время следя, чтобы никто из союзников не мог взглянуть на него поближе.

Ночь после того, как связной корабль джаров принес сообщение, что вражеская армада прибыла на Териксан, сэр Роже провел один в своей спальне. Не знаю, что там происходило, но на утро ему пришлось точить свой мечь, а вся мебель была изрублена в щепки.

Слава Богу! Ждать оставалось недолго. Флот Воды уже собрался на орбите. Прибыло несколько десятков военных кораблей с Ашенка; следом за ними появились, похожие на ящики, корабли протан. И без малейшей задержки флот покинул Воду.

Первый же взгляд, брошенный на Дарову, когда мы, избежав патрульных кораблей версгорцев, вошли в атмосферу Терискана, заставил меня усомниться в необходимости спешки. На сотни миль вокруг крепости почва была черной, избитой и обожженой, скалы оплавились от взрывов. Ядовитые излучения, которые можно уловить только с помощью приборов, убили все живое. И лишь через много лет здесь, может быть, снова появится жизнь.

Но Дарова и была рассчитана на отражение таких атак, а леди Катрин позаботилась о запасах. Версгорские корабли постоянно висели над защитным полем крепости. Стрельба разбивала наземные строения, но подземные помещения оставались целыми. Ко всему прочему, дела у версгорцев, бомбардирующих крепость, шли далеко не блестяще. Время от времени засохшая земля разверзалась, и из нее змеиными телами выглядывали стволы бомбард; выплеснут огненную молнию и спрячатся. Как раз в момент нашего появления три версгорских корабля развалились на куски, дополнив кучи оставшихся от прежних атак обломков.

Больше я не видел затянутой дымом Даровы, ибо перед нами появилась версгорская армада и началась великая битва в космосе.

Страшной была эта битва. На огромном пространстве царил хаос, сталкивались лучи, взрывные снаряды и маленькие корабли. Космические корабли, управляемые искусственным мозгом, маневрировали так быстро, что лишь силовые защитные поля не давали людям размазываться по переборкам. Корпуса раскалывались, но корабли не гибли в пустоте. Поврежденные

секции изолировались, а неповрежденные продолжали стрелять.

Таков был обычный способ ведения войны в космосе, но сэр Роже и в него внес новшества. Когда он впервые предложил план сражения, джарские адмиралы ужаснулись. Но он настаивал, утверждая, что такова английская тактика боя, и это было правдой. Говорил он так, опасаясь, как бы наши люди не выдали своего неумения в обращении с дьявольским оружием.

Итак, сэр Роже разместил наших людей в маленьких космических кораблях, многочисленных и чрезвычайно быстрых. Необычность общего плана сражения должна была вынудить противника занять определенную позицию. И в назначенное время сэр Роже направил лодки в самое сердце Версгорского флота. Некоторые из них были тут же уничтожены, но остальные продолжали двигаться прямо к флагманскому кораблю Версгорской армады. Он был огромен, почти в милю диаметром, и нес на себе генератор защитного поля. Но англичане с помощью взрывчатки пробили его борт. Затем, надев космические скафандры, рыцари нарисовали на них свои кресты и, держа наготове мечи, топоры, алебарды, луки и ружья, ворвались в корабль.

Их было слишком мало, чтобы захватить весь лабиринт коридоров и кают. Но они объединились, не понеся особых потерь (экипаж флагмана не был готов к рукопашной схватке), и увеличили общую сумятицу в стане врага. Вскоре экипаж покинул корабль, и сэр Роже приказал своим людям уйти. Только успели они покинуть корабль, как корпус его раскололся.

Одному Богу и святым известно, была ли эта атака решающей. Любой наш успех добывался тяжелой ценой, ибо союзный флот был меньшим по численности и хуже вооруженным. С другой стороны, наша атака оказалась настолько внезапной, что мы сумели зажать флот версгорцев словно в тиски между нами и Даровой, где большие бомбарды не стояли без дела, сбивая версгорские корабли.

Я не смог бы описать появления святого Георга, потому что не сподобился видеть его. Однако многие достойные рыцари клялись, что они видели, как святой рыцарь ехал верхом по Млечному пути и пронзал копьем вражеские корабли, словно драконов. Так или иначе, но через несколько часов, которые я весьма смутно помню, версгорцы отступили. Они отступили в полном порядке, потеряв четверть своего флота, и мы не стали их преследовать.

Сожженные корабли парили над сожженой Даровой, куда спустилась лодка с сэром Роже и адмиралами союзников. В центральном подземном зале английские солдаты, грязные и

измотанные в сражении, приветствовали их криками восторга. Леди Катрин нашла время вымыться и надела свой лучший наряд.

Но когда она увидела мужа, стоящего среди союзников, в покореженном космическом скафандре, ее спокойствие кончилось.

— Милорд!

Сэр Роже снял прозрачный шлем, откинул трубку подачи воздуха и опустился на одно колено.

— Нет! — громко воскликнул он. — Не говорите так. Позвольте сказать мне. Миледи, любовь моя!

Как во сне приблизилась она к нему.

— Мы победили?

— Нет, победили вы!

— И теперь...

Он встал, лицо его исказила гримаса. Действительность безжалостно вступала в свои права.

— Совещание, — сказал он. — Подсчет потерь. Строительство новых кораблей. Сбор новых армий. Интриги среди союзников и укрепление союза. И борьба, всегда борьба. Пока, даст Бог, синелицые не будут загнаны на свои планеты и не подчинятся...

Он остановился. Лицо его побледнело, стало безжизненным.

— Но сегодня вечером, миледи, я заслужил право быть с вами наедине, — сказал он слова, которые повторял про себя, должно быть, много раз.

Она затаила дыхание.

— Сэр Оливер Монтбелл жив?

Сэр Роже не сказал "нет", и она перекрестилась, а на губах появилась слабая улыбка. Затем она пригласила капитанов в замок и протянула каждому руку для поцелуя...

18

Я подошел к самой печальной и трудной для описания части своего рассказа. Причем свидетелем событий, о которых в нем пойдет речь, я был лишь в самом конце.

Сэр Роже так ухватился за идею Крестового похода, словно хотел от чего-то бежать, и в некотором смысле это было правдой. Я же оказался им увлеченным, как листок ураганным ветром. Я был его передатчиком и переводчиком, а в свободное от дел время учил его версгорскому языку до полного изнеможения. Последнее, что я видел перед тем, как погрузиться в сон, было освещенное лампой изможденное лицо милорда. Он обычно вызывал медика Джара, чтобы с его помощью изучать до рас-

света джарский язык. Но прошла не одна неделя, прежде чем он уже мог отчаянно ругаться на обоих языках.

Союзников он заставил действовать так же энергично, как действовал сам, чтобы версгорцы не могли восстановить положение. Нужно было атаковать планету за планетой, очищать от синелицых и оставлять свои гарнизоны. В этих действиях врагу отводилась роль обороняющихся. Большую помощь нам оказывали жители оккупированных версгорцами планет. Туземцы, как правило, нуждались лишь в оружии и руководстве. А получив и то, и другое, нападали на версгорцев с такой яростью, что те были вынуждены обращаться к нам за поддержкой. Джары, ашенкогхли и протаны пришли в отчаяние. У них не было опыта в подобных делах, а сэр Роже знал жакерию во Франции. Изумленные союзники все больше и больше признавали его безусловное главенство.

Причины и следствия событий слишком сложны, слишком переменчивы, чтобы можно было их описать. На всех захваченных версгорцами планетах были уничтожены цивилизации. Теперь рухнула и сама Версгорская империя. А сэр Роже вступил в образовавшийся вакуум — отсутствие религии, анархия, бандитизм, голод, постоянная угроза вторжения синелицых, необходимость обучения наших многочисленных гарнизонов. И у него было решение этой проблемы, решение, найденное в Европе за столетия после падения Рима — феодальная система.

Но в тот момент, когда он закладывал краеугольный камень в основание будущих побед, этот камень обрушился на него самого, да помилует Господь его душу! Никогда не было на земле более славного рыцаря, даже сейчас, спустя долгое время, мои глаза наполняют слезы, и я с радостью пропустил бы эту часть рассказа. Тем более, что имею на это право, поскольку не был свидетелем описываемых событий. Те, кто предал своего господина, не решились на это сразу. Они медлили, а если бы сэр Роже не оставался глух ко всем тревожным сигналам, ничего подобного не произошло бы. Поэтому не буду излагать случившееся, для этого слишком бездушны слова, вернусь в прошлое и постараюсь оживить тех людей, которые давно обратились в прах, чьи души отправились к милосердному Господу.

Начну с Териксана. Флот улетел, чтобы начать долгую кампанию по захвату Версгорских колоний. Джарский гарнизон занял Дарову. Женщины, дети и старики, мужественно оборонявшие крепость, в награду были отправлены сэром Роже на остров, где пасся наш скот. Здесь они могли жить в лесах и на полях, возводить дома, пасти стада, охотиться, жать, словом, делать все, что делали дома. Правила ими Катрин. При ней был Бранитар. Он обучал Катрин версгорскому языку, а что особенно

важно — не мог общаться с союзниками джарами. В распоряжении Катрин на всякий случай находился быстроходный космический корабль. Посещение острова джарам было запрещено.

Это было мирное время, но в сердце миледи не было мира. Как-то после отлета сэра Роже молодая женщина гуляла по цветущему лугу, слушая шорохи ветра в роще. За нею следовали две девушки. Из леса доносились голоса, слышались звуки топора и лай собак, но миледи шла, будто во сне.

Внезапно она остановилась, схватившись за нагрудный крест.

Из лощины, опираясь за костыль, вышел сэр Монтбелл. Он был изысканно одет и только меч у пояса напоминал о войне. Костыль никак не гармонировал с грацией, с которой сэр Оливер снял для поклона свою украшенную плюмажем шляпу.

— Ах, — воскликнул он, — это место — настоящая Аркадия, а старик Хоб, пасущий стадо свиней, которого я только что встретил, — поистине языческий Аполлон, играющий гимн великой волшебнице Венере...

В синих глазах миледи была тревога.

— Разве флот вернулся?

— Нет, — сэр Оливер пожал плечами. — Проклятая неосторожность. Вчера, играя в мяч, подвернул ногу и теперь совершенно не пригоден для битвы. Свои обязанности я передал юному Хафу Торну и самолетом прилетел сюда. Теперь придется ждать выздоровления, а потом искать корабль джарского пилота, чтобы присоединиться к товарищам.

— В... в своих уроках языка... — Катрин с трудом подыскивала нужные слова, — Бранитар упоминал, что звездный народ владеет м... медицинским искусством. — Лицо ее вспыхнуло. — Их приборы могут заглянуть даже внутрь человека и впрыснуть лекарства, которые залечивают любые раны за считанные дни...

— Я думал об этом. Я, конечно, не хочу быть балластом на войне. Но мой господин приказал всячески показывать союзникам, что мы не менее искусны, чем они. Поэтому я не обратился за помощью к их врачам, — продолжал он. — Сказал, что остаюсь для завершения некоторых дел, а костыль ношу, как наказание за грехи. Когда же природа излечит меня, я отправлюсь. Но, по правде говоря, когда выздоровею, вернусь на войну. Но это разобьет мне сердце. Ведь я расстанусь с вами.

— Сэр Роже знает?

Он кивнул, и они сменили тему. Но сэр Оливер лгал. Сэр Роже ничего не знал. Никто не осмелился ему сказать. Сказать мог я, сэр Роже не решился бы ударить человека в рясе, но я и сам этого не знал. Барон избегал общества сэра Оливера, да и вообще не думал о нем. У него и без того хватало дел.

Повредил ли сэр Оливер ногу на самом деле, я не могу сказать. Но если и повредил, то это весьма странное совпадение. Не уверен, что он замыслил свое предательство заранее. Скорее, сэр Оливер хотел продолжить переговоры с Бранитаром и посмотреть, что из этого выйдет.

Смеясь, сэр Оливер приблизился к Катрин.

— Но сейчас, — сказал он, — я благословляю этот случай...

Она отвернулась и задрожала.

— Почему?

— Полагаю, вы знаете...

Он взял ее за руку, но она отдернула ее:

— Прошу вас, помните, мой муж на войне.

— Как вы можете? — воскликнул сэр Оливер. — Я скорее умру, чем опозорю вас.

— А я и не подозревала, что вы так галантны. Настоящий рыцарь!

— Это все? Что вы можете мне сказать? Галантен и смешон. Шут, развлекающий вас в момент усталости? Но лучше быть дураком, чем возлюбленным Венеры. Позвольте мне вас развлечь... — и он стал петь рондо в честь молодой женщины.

— Нет, — Катрин отстранилась от него. — Я... я дала обет...

— В государстве любви есть лишь один обет — сама любовь.

— Я должна думать о детях, — с мольбой произнесла леди Катрин. Заходящее солнце позолотило ее волосы.

— Конечно, миледи. Я не раз держал Роберта и маленькую Матильду на коленях. Надеюсь, с Божьей помощью, делать это вновь.

— Что вы хотите этим сказать?

— О... нет! — Он посмотрел на лес, ничем не напоминавший лес на земле. Я не хочу неверности.

— Но дети! — Она схватила сэра Оливера за руку. — Во имя Христа, Оливер, если вы что-нибудь знаете, говорите!

— Я не посвящен во все секреты, Катрин, — сказал он, не поворачиваясь к ней. — Возможно, вы сумеете разрешить этот вопрос. Ибо знаете барона лучше меня.

— Кто может утверждать, что знает его? — с горечью произнесла Катрин.

— Мне кажется, его аппетит растет с каждым поворотом судьбы, — тихо ответил Оливер. — Вначале он хотел лететь во Францию и присоединиться к кораблю, потом задумал освободить Святую землю. Попав сюда по несчастью, держался доблестно, никто не может этого отрицать. Но, получив передышку, он, вместо того, чтобы отправиться на поиски Земли, захватил планету, а теперь хочет завоевать Солнце. К чему это приведет?

— К чему?... Она не могла продолжать и остановила долгий взгляд на сэре Оливере.

— Бог положит этому предел, — промолвил рыцарь. — Безграничные притязания — плод сатаны и добром не кончаются. Разве не кажется вам, миледи, когда вы лежите ночью без сна, что нас в конце концов уничтожат? Христос и святая богоматерь помогут невинным детям... — произнес он, помолчав.

— Что вы можете сделать? — с болью воскликнула Катрин. — Ведь мы не знаем дороги домой!

— Но ее можно отыскать.

— Через сотни лет?

Некоторое время он молча смотрел на нее, а потом ответил: — Мне не хотелось бы обнадеживать вас. Но время от времени я веду разговоры с Бранитаром. Конечно, мы с трудом понимаем друг друга, к тому же Бранитар никому не верит! Но кое-что он мне сказал. И я понял, что дорогу можно найти.

— Что?! — Она вцепилась в него обеими руками. — Оливер, вы сошли с ума!

— Нет! — нарочито грубо ответил он. — Давайте представим себе, что это правда. Что Бранитар действительно может указать нам путь. Думаю, он не станет этого делать безвозмездно. Как вы думаете, отменит ли сэр Роже свой Крестовый поход? Согласится спокойно вернуться на Землю?

— Он... Ну...

— Разве не говорил он: "Пока версгорцы сохраняют власть, Англии угрожает смертельная опасность?" Разве перспектива вернуться домой заставит его отказаться от всех своих притязаний? Нет! В таком случае, что польза от того, что мы узнаем дорогу? Война будет продолжаться, пока мы все не погибнем.

Она вздрогнула и перекрестилась.

— Поэтому я здесь, — закончил сэр Оливер. — Я постараюсь узнать поточней, можем ли мы отыскать дорогу. А вы подумайте, как этим воспользоваться, пока не поздно.

Он вежливо поклонился, пожелал ей доброго дня и исчез в лесу...

19

Миновало много длинных териксанских дней. На Земле прошли недели. Захватив первую из намеченных планет, сэр Роже двинулся к следующей. Здесь, пока корабли союзников отвлекали на себя огонь вражеской артиллерии, он обрушил все силы на Центральную крепость планеты. Рыжий Джон освободил принцессу. Правда, у нее были зеленые волосы и антенны на голове, но все равно не представлялось никакой возможности

получить потомство от брака представителей двух различных рас. Но сходство с людьми и удивительная грациозность вашгуцаров (их раса как раз была завоевана) очень привлекали неженатых англичан. И вопрос о том, применим ли в данном случае запрет Левия, горячо обсуждался.

Версгорцы контратаковали из космоса, базируя свой флот в кольце планетоидов. Сэр Роже использовал возможность исключить искусственное тяготение на корабле и в этих условиях потренировать своих людей. После чего, одетые в космические скафандры, наши лучники совершили свой знаменитый рейд под названием "битва в метеорах". Стрелы пронзали скафандры версгорцев, и ни один экран не мог их защитить. Понеся огромные потери, враг очистил планетную систему. Адмирал Балджед захватил три другие планетные системы, пока флот версгорцев отражал наше нападение, и отступление версгорцев поэтому было длительным.

На Териксане тем временем сэр Оливер развлекал леди Катрин, а в свободное от этого занятия время брал у Бранитара уроки, и они оба осторожно изучали друг друга, в конце концов придя к взаимопониманию.

Оставалось убедить баронессу.

Взошли две луны. В их серебряном свете вершины деревьев казались седыми, и на траву, влажную от росы, легли тени. Мучимая бессонницей, леди Катрин, как только дети уснули, вышла, как обычно, из дома, накинув мантилью с капюшоном. Она шла по улицам мимо покрытых копотью домиков и не заметила, как очутилась на лугу. У ручья, бежавшего меж камней, леди Катрин остановилась. Аромат незнакомых цветов напомнил ей запах боярышника, которым в Англии венчают майскую королеву.

Леди Катрин вспомнила, как, едва выйдя замуж, стояла на каменистом берегу Довера, провожая мужа на летнюю кампанию, и махала, махала платком, пока последний парус не скрылся за горизонтом... Теперь он улетел к звездам и не сможет увидеть ее платка. Молодая женщина едва сдерживала слезы.

В темноте зазвенели струны. Это навстречу ей шел сэр Оливер. Он бросил костыль, все еще стараясь прихрамывать. Лунные блики играли на массивной серебряной цепи, свисавшей с черной бархатной куртки.

Сэр Оливер сказал с улыбкой:

— Нимфа вышла прогуляться!

— Вовсе нет, — решительно ответила леди Катрин, хотя в душе была рада этой встрече. Его милые шутки и нехитрая лесть скрасили ей так много печальных часов. Они возвращали ее к временам девичества.

— Добрый рыцарь, вы ведете себя неподобающим образом.

— При вас это невозможно, — ответил сэр Оливер. — В раю не существует греха...

— Не говорите так. — Ей стало больно. — Мы скорее в аду, чем в раю.

— Где моя леди, там рай!

— Здесь не место для любовных игр, — заметила она насмешливо.

Он был серьезен и строг.

— Конечно, палатка... или бревенчатая хижина — не место для той, что повелевает сердцами, и для ее детей тоже. И эти поля не годятся. Вам пристало сидеть среди роз, как королеве любви и красоты, чтобы тысячи рыцарей ломали в вашу честь копья, а тысячи менестрелей воспевали ваше очарование.

Она попыталась возразить:

— Мне ничего не нужно, лишь вновь увидеть Англию... — она умолкла, не в силах продолжать.

Он задумчиво смотрел в ручей, где скользило и сверкало отражение двух лун. Затем сунул руку под плащ, и Катрин увидела сверкнувшую в его руке сталь. Она отшатнулась. Сэр Оливер поднял вверх крестообразную рукоять и промолвил своим красивым голосом:

— Этим символом Спасителя и своей честью клянусь выполнять любые ваши желания!

Сверкнул клинок. Она с трудом расслышала, как он произнес:

— Если вы действительно хотите этого...

— Что вы имеете в виду? — она плотнее запахнула мантилью, как будто ей стало холодно.

Как не похож был сэр Оливер на сэра Роже — и когда шутил, и когда вдруг становился серьезным! Она чувствовала смутный страх перед сэром Оливером и отдала бы все свои драгоценности, чтобы из леса неожиданно вышел барон.

— Вас невозможно понять, — прошептала леди Катрин.

Он повернул к ней обезоруживающе печальное лицо.

— Возможно, я никогда не научусь говорить прямо, без обиняков. Но сейчас я просто колеблюсь, мне неизъяснимо трудно сказать моей леди...

Леди Катрин выпрямилась. В призрачном свете двух лун она казалась удивительно похожей на сэра Роже, это был его жест. Но в следующее мгновение превратилась в прежнюю Катрин и решительно произнесла:

— Расскажите мне все!

— Бранитар может отыскать Землю!

Леди Катрин нельзя было назвать слабой. Но сейчас ей показалось, будто звезды сдвинулись с места. Забыв об осторож-

ности, она прижалась к сэру Оливеру. Он обнял ее и потянулся губами к ее губам. Она слегка отстранилась, и он смирился. Но Катрин не в силах была отказаться от его поддержки, она чувствовала себя совсем беспомощной.

— Не знаю только, удастся ли это осуществить. Вряд ли сэр Роже согласится прекратить войны.

— Но он может нас отправить домой!

Сэр Оливер холодно взглянул на Катрин:

— Вы думаете, он это сделает? Ему нужен каждый человек в гарнизоне. Вспомните, что он заявил, когда флот покидал Териксан. Что, как только сопротивление версгорцев будет окончательно сломлено, он отправит всех жителей этого поселка в помощь новоявленным рыцарям и герцогам. Он без конца кричит об опасности, нависшей над Англией, но ни разу не подумал о том, чтобы сделать вас королевой!

Леди Катрин вздохнула.

— Сейчас Бранитар сам вам все объяснит.

Сэр Оливер свистнул, и из зарослей появился версгорец. Он получил теперь относительную свободу, поскольку сбежать с острова практически не было никакой возможности. Выглядел он прекрасно в своих отлично сшитых одеждах, сиявших словно жемчужины. Круглое лицо его с курносым носом и длинными ушами не казалось больше таким отвратительным, а желтые глаза светились весельем. Он уже достаточно хорошо овладел английским, чтобы вести разговор с леди Катрин:

— Миледи удивлена, что я могу отыскать дорогу обратно среди бесчисленных звезд? — начал он. — Когда в Гантураке были утрачены навигационные записи, я, было, отчаялся.Так много солнц, похожих на ваше, в радиусе нашего полета, что поиски могли бы занять тысячелетия. Тем более, что туманности скрывают многие звезды, и обнаружить их можно лишь с близкого расстояния. Разумеется, если бы выжил кто-нибудь из навигаторов нашего корабля, он смог бы сузить район поисков. Но я работал с машинами. Звезды я видел изредка и случайно, и они ничего не значили для меня, когда я обманул ваших людей (будь проклят тот день), я лишь включил автоматику, рассчитанную на управление кораблем без экипажа.

Раздражение неспеша поднималось в Катрин, и, высвободившись из объятий сэра Оливера, она выпалила:

— Я не так глупа, милорд достаточно уважает меня, чтобы объяснить все это. Что нового ты открыл?

— Не открыл, — Бранитар развел руками, — просто вспомнил. Эта мысль пришла мне в голову давно, но произошло столько событий... Известно ли миледи, что существуют опознавательные звезды? Они настолько ярки, что видны во всей Га-

лактике и используются в навигации, как маяки. Например, звезды Уловарна, Джарис, Грас. Если они видны в определенном расположении друг к другу, мы можем определить район космоса. Даже приблизительная визуальная оценка углов позволяет определить положение с точностью до двадцати светолет. А это уже небольшая сфера, в которой не трудно отыскать желтого карлика, ваше Солнце.

Она кивнула.

— Ага. Если ты запомнил расположение таких звезд, как Сириус и Ригель...

— Самые яркие звезды вашего неба, возможно, совсем не те, о которых я говорю, предупредил он. — Просто они могут находиться поблизости. Навигатору необходим довольно точный набросок ваших созвездий, со всеми самыми яркими звездами, которые видны с Земли, и указанием их цвета. Получив достаточно данных, он сможет проанализировать и определить, какие именно звезды являются опознавательными. И их относительное расположение подскажет ему, с какого пункта их наблюдали.

— Думаю, что я сумела бы начертить Зодиак... — неуверенно произнесла леди Катрин.

— Это бесполезно, миледи. Вы не сможете определить на глаз тип звезды. Я не смогу, но все же я прошел специальное обучение, как и все члены космического экипажа. К тому же я несколько раз дежурил в контрольной рубке, когда наш корабль кружил вокруг Земли, и наблюдал ее с орбиты. Конечно, я не обращал внимания на созвездия и не помню, как они выглядят.

Сердце ее сжалось:

— Значит, все потеряно!

— Не совсем. Я просто хотел сказать, что у меня нет сознательных воспоминаний. Но мы, версгорцы, знаем, что мозг не ограничивается только сознанием.

— Верно, — согласилась Катрин,. — Есть еще и душа.

— Гм... Это не совсем то, что я имел в виду. Существуют подсознательные и полусознательные глубины мозга. Источник сновидений и... ну, допустим, в подсознании все остается. Он запечатлевает даже самые обычные явления, которые воздействуют на органы чувств. Опытный медик может заставить меня нарисовать точную картину земного неба, как она запечатлена в моем подсознании. А искусный навигатор, со звездной таблицей в руках, математически обработает этот рисунок. На это потребуется время. Многие голубые звезды могут, например, оказаться Грасом, и лишь детальное изучение отбросит те из них, что находятся в неверном соотношении с шаровой туманностью, известной, как Торгалта. Постепенно, однако, нави-

гатор сузит район поисков до той минимальной сферы, о которой я уже говорил. Затем он полетит туда и с помощью пилота-космонавта посетит всех желтых карликов по соседству, пока мы не отыщем вашего карлика — Солнце.

— Это замечательно! Верно? — воскликнула Катрин. — О, Бранитар, какой награды ты хочешь? Милорд дарует тебе королевство!

Он широко расставил толстые ноги, поглядел в ее затененное лицо и ответил с достоинством, которого в нем нельзя было отрицать:

— Разве принесет мне радость королевство, созданное на обломках империи моего народа? Стоит ли вам помогать, чтобы сюда нагрянули новые полчища англичан?

Она сжала кулаки и произнесла с истинно нормандским высокомерием:

— Ты не можешь скрыть своих знаний от одноглазого Губерта!

Он вздрогнул.

— Мозг — очень тонкий инструмент, миледи, а подсознание нелегко пробудить. Ваши варварские методы могут воздвигнуть непреодолимый барьер... — он сунул руку под одежду, и в ней блеснул кинжал. — Я не дам пытать себя. Это дал мне Оливер, а я хорошо знаю, где находится мое сердце.

С легким криком Катрин отшатнулась.

Рыцарь положил ей обе руки за плечи.

— Прежде чем осуждать, выслушайте меня, — сказал он мягко. — Много недель я прощупывал Бранитара. Мы вели разговор намеками. Торговались, как два сарацинских купца, ни разу не признав, что торгуемся. Наконец, он потребовал этот кинжал, как плату за откровенный разговор. Я был уверен, что никому из нас он не причинит этим кинжалом вреда. Даже у наших детей оружие более мощное. И я согласился. Тогда он рассказал мне то, что теперь знаете вы.

Силы оставили леди Катрин. За это короткое время она получила столько ударов, испытала столько страха, почувствовала себя такой одинокой!

— Чего же ты требуешь?

Бранитар провел пальцами по лезвию кинжала, кивнул и спрятал его.

— Во-первых, вы должны нанять хорошего версгорского медика, — очень вежливо проговорил он. — Я сам отыщу его в кадастровой книге, которая хранится в Дарове. Можете взять ее у джаров на время под каким-нибудь предлогом. Этот медик будет работать вместе с искусным версгорским навигатором, который скажет, о чем меня следует спрашивать, и будет руко-

водить моим пером, когда я в трансе начну рисовать карту. А позже вам потребуется пилот. Еще надо пригласить двух артиллеристов. Их тоже можно отыскать на Териксане. Союзникам скажете, что артиллеристы нужны вам для разработки секретного оружия.

— Ну, начертил ты карту, а что дальше?

— Я не собираюсь так легко отдавать ее вашему мужу! Думаю, мы тайно проберемся на борт космического корабля, и силы наши будут равны: у вас — оружие, у нас — знания. Мы всегда сможем уничтожить и записи, и себя, если вы нас предадите. Вот тогда и поторгуемся с сэром Роже. Вы можете на него повлиять. Пусть откажется от войны. Тогда мы доставим вас на Землю и никогда больше не вторгнемся в пределы вашего государства.

— А если он не согласится? — упавшим голосом спросила леди Катрин.

Сэр Оливер наклонился к ней и прошептал по-французски:

— Тогда вы с детьми... и я... мы все вернемся. Но сэру Роже говорить об этом не надо.

— Просто не знаю, что делать. — Катрин закрыла лицо руками. — Отец небесный! Как же нам быть?

— Все равно эта безумная война, — сказал Бранитар, — кончится для вас полным поражением.

Сэр Оливер снова и снова ее уговаривал. Он был единственным на всей планете, кто мог свободно говорить с миледи Катрин. Она вспомнила обожженные трупы в руинах крепости, вспомнила, как кричала во время осады Даровы маленькая Матильда, когда разрывы бомб сотрясали стены. На память пришли зеленые рощи и леса Англии, где они с милордом охотились в первый год своего замужества: сколько же лет придется сэру Роже провести на войне? И во имя чего? Этого леди Катрин не могла понять.

Она с мольбой и надеждой взглянула на обе луны и ответила:

Я согласна.

20

Трудно сказать, что заставило сэра Оливера пойти на предательство. Осознавая весь ужас положения и сомневаясь в победе англичан, сэр Оливер не мог не беспокоиться о судьбе леди Катрин, потому что любил ее и хотел спасти. Однако были у него и низменные побуждения.

— Чего только нельзя добиться на Земле с помощью версгорского оружия! — думал сэр Оливер.

Читатель, когда будешь молиться о душах сэра Роже и леди

Катрин, замолви словечко и за несчастного лорда Оливера Монбелла.

Что бы ни таилось в глубинах его души, изменник действовал смело и хитроумно. Он тщательно следил за версгорцами, помогавшими Бранитару. В несколько недель, прошедших после их сговора, пока забытое Бранитаром извлекалось из глубин его памяти и изучалось при помощи математики, более сложной, чем арабская, рыцарь спокойно готовил корабль к отлету. И все это время ему постоянно приходилось уговаривать леди Катрин.

Она колебалась, плакала, велела оставить ее одну.

Вновь и вновь прибывали корабли с приказами направить столько-ко и столько-то людей для поселения на вновь захваченной планете. Корабли привозили письма сэра Роже жене. Он диктовал эти письма мне, ибо сам не умел изящно писать. Я же старался в этих коротких посланиях выразить всю свою любовь сэра Роже к леди Катрин. Она писала ответные письма, спрашивая, как поступить в том или ином случае.

И вот, в один прекрасный день леди Катрин заявила жителям своего обезлюдевшего поселка, что ее с детьми вызывает муж, и погрузилась на корабль. Сэр Оливер достаточно изучил космос, чтобы направить корабль в заданный район, для этого потребовалось лишь несколько кнопок. Накануне отлета он увел на корабль версгорцев Бранитара, медика, пилота и нескольких солдат, умеющих стрелять из бомбард.

Оружие было только у сэра Оливера и леди Катрин. Несколько пистолетов хранились в спальне среди ее одежды, и там всегда оставалась одна из девушек. Девушки так боялись синелицых, что подняли бы шум и крик, прикоснись к ним версгорцы.

Тем не менее сэр Оливер и Катрин внимательно следили за своими "союзниками". Они не сомневались, что Бранитар любыми средствами постарается сообщить версгорскому правительству, где находится Земля. И если это случится, сэр Роже вынужден будет сдаться. Стоит версгорцам узнать, что мы не великая космическая держава, а просто невежественный христианский народ, как наши союзники будут полностью деморализованы, версгорцы воспрянут духом, и ход войны изменится не в нашу пользу. Поэтому Бранитара во что бы то ни стало надо заставить держать язык за зубами.

Вряд ли надежды сэра Оливера могли осуществиться. Уверен, что Бранитар вовсе не собирался доставлять людей на Землю. У него были свои хитроумные планы. Но пока интересы их совпадали.

Все подозрения насчет леди Катрин и сэра Оливера оказались напрасными. Они даже отдыхали в разное время. Потому

что один из них должен был постоянно оставаться на страже с пистолетом в руке на протяжении всего полета. Кто мог поручиться, что версгорцы не пойдут на измену?

Сэр Оливер не сомневался в данных, представленных Бранитаром, но все время требовал от него доказательств. Десять дней корабль летел к указанному району. Еще несколько недель прошли в изучении наиболее обнадеживающих звезд. Я не пытаюсь здесь передать чувства людей, когда они увидели знакомые созвездия, и перед нами мелькнули белые скалы Дувра. Близился момент, обусловленный договором с Бранитаром.

За считанные минуты пронзив атмосферу Земли, корабль вновь устремился к враждебным звездам.

21

Сэр Роже обосновался на планете, названной нами Новым Альбионом. Наши люди нуждались в отдыхе, а ему требовалось время для решения множества вопросов, обрушившихся на него вместе с огромным королевством. К тому же он вел переговоры с версгорским губернатором внешнего звездного скопления. Этот вельможа был склонен сдать все контролируемое им пространство, если ему дадут взятку и соответствующие гарантии.

— Они так мало знают о том, как распознавать и использовать предателей, — заметил сэр Роже, обращаясь ко мне, — что я могу купить этого парня дешевле, чем стоил бы итальянский город. Наши союзники никогда не пытались этого сделать, так как считают, что версгорцы так же едины, как они сами. Но ведь разбросанность поместий, разделенных неделями пути, даст возможность действовать здесь так же, как в Европе? Она еще больше падка до взяток...

— Поскольку у них нет истинной веры.

— Гм... Несомненно, хотя никогда не встречал христианина, который отказался бы от взятки по религиозным мотивам. Версгорский образ правления не способствует преданности.

Во всяком случае, мы получили передышку и расположились лагерем в долине под поразительно высокими скалами и водопадом, стремительно падающим в озеро, более прозрачное, чем стекло, с деревьями необычайной красоты. Даже наш шумный неряшливый лагерь не смог нарушить этой поистине редкой красоты.

Как-то днем я сидел в палатке, в своем простом кресле. Отложил на время занятия и наслаждался покоем, перечитывая захваченную из дома книгу — описание чудес святого

Козьмы. В отдалении слышались редкие выстрелы, это наши солдаты тренировались в стрельбе. Я задремал, когда вдруг почувствовал, что возле меня кто-то остановился.

Очнулся и неожиданно увидел перед собой оруженосца сэра Роже. Он был чем-то встревожен.

— Брат Парвус! Ради Бога, идемте быстрее!

— Что-нибудь случилось?

— Срочно, — почти простонал оруженосец.

Я подобрал рясу и поспешил за ним.

Свет Солнца, просящие благословения язычники, пение птиц — все это куда-то исчезло. Я слышал лишь стук собственного сердца, внезапно ощутив, как мало нас, как мы слабы и как далеко нам от дома.

— В чем дело?

— Не знаю, — ответил оруженосец. — Один из патрульных кораблей получил по передатчику сообщение и переслал его нам. Сэр Оливер Монтбелл заявил, что желает лично говорить с милордом. Не знаю, о чем они там говорили, но сэр Роже вышел, спотыкаясь, как слепой, и потребовал вас. Ох, брат Парвус, на него страшно смотреть!

Я подумал, надо молиться за всех нас: мы погибнем, если милорда покинут силы. Я преисполнился к нему жалости. Он так долго несет один свою ношу! "Помогите ему, святые!" — молил я про себя.

Рыжий Джон Хеймворд сидел верхом на лошади у самого входа в маленький джарский домик. Узнав, что у сэра Роже не все ладно, он прискакал сюда и, натянув лук, орал на собравшуюся толпу:

— Назад! Назад! Клянусь ранами Христовыми, я отправлю в ад первого, кто сунется к милорду. Назад, слышите?

Обойдя рассвирепевшего верзилу, я вошел в дом. Было жарко, лучи солнца, проникавшие сквозь прозрачный потолок, накалили все внутри — ковры, занавески, оружие. В одном из шкафов находились совершенно незнакомые нам вещи, а на подоконнике стоял большой передатчик.

Перед ним, свесив голову на грудь, полулежал сэр Роже. Его большие руки бессильно болтались по сторонам. Я остановился, положив руку на плечо, и спросил:

— Что случилось, милорд?

Он не шелохнулся.

— Прочь!

— Вы меня звали.

— Я не знал, что творю. Это останется между мной и... прочь!

Голос его был ровным, но безжизненным, и мне потребовалось все мое мужество, чтобы сказать:

— Вероятно, сообщение, как обычно, записалось автоматически?

— А... наверное. Надо стереть запись.

— Нет.

Он встал, и я вспомнил волка, пойманного в ловушку, когда горожане приближались, чтобы прикончить его.

— Я не хочу причинят вам вреда, брат Парвус.

— И не надо, — коротко ответил я и приготовился включить запись.

— Если вы выслушаете запись, — предупредил он, — я должен буду убить вас во имя своей чести.

Я вспомнил детство. Мы употребляли немало коротких, едких, чисто английских выражений. Я произнес одно из них и краешком глаза заметил, как опустилась челюсть сэра Роже, и он снова упал в кресло.

— Ваша честь, ради благополучия ваших людей, — добавил я, — сидите спокойно и дайте мне возможность выслушать сообщение.

Он ничего не ответил и, видимо, задумался. Я повернул выключатель.

На экране появилось лицо сэра Оливера. Я заметил, что он тоже устал, красота его была уже не столь заметна, глаза сухи и воспалены. Он говорил в своей обычной вежливой манере, но не мог скрыть возбуждения.

Я не могу точно воспроизвести его слова, да и не в них дело. Он просто сообщил милорду о случившемся. Сейчас он находится в космосе на похищенном корабле и приблизился к Новому Альбиону настолько, что смог отправить это сообщение, после чего вновь уйдет в космос. Не было никакой возможности отыскать его в этой бездне.

Если мы согласимся на его условия, заявил сэр Оливер, он организует отправку домой всех наших людей. Бранитар заверил его, что версгорский император обещает не вмешиваться в дела Земли. Если же мы не согласимся, то изменник отправится на Версгориксан и откроет всю правду. Тогда враг с помощью французских или сарацинских наемников уничтожит нас. Но, по всей вероятности, деморализация союзников, когда они узнают о нашей слабости, заставит их сдаться. В любом случае сэр Роже никогда больше не увидит своей жены и детей.

На экране появилось лицо леди Катрин, я вспомнил ее слова, но не решаюсь их передать. Выслушав все до конца, я сам стер запись.

Некоторое время мы молчали — милорд и я.

— Ну? — каким-то старческим голосом произнес сэр Роже.

Я боялся поднять на него глаза.

— Монтбелл сказал, что завтра в условленный час они приблизятся вновь, чтобы услышать ваше решение. Можно послать множество кораблей без экипажа, груженных взрывчаткой, вдоль передающего луча и попытаться уничтожить его корабль.

— Вы требуете от меня слишком многого, брат Парвус, — по-прежнему безразлично ответил сэр Роже. — Я не могу убить жену и детей...

— Может, попробовать захватить корабль? — сказал я и тут же ответил сам себе: — Нет. Практически это невозможно. Любой снаряд, разорвавшийся поблизости от такого небольшого космического корабля, либо уничтожит его, либо повреждение будет до того незначительно, что он без труда улетит.

Барон поднял свое безжизненное лицо:

— Что бы ни случилось, никто не должен знать об участии в этом деле миледи, вы поняли? Она тронулась умом. Ее обуяли злые духи...

Я посмотрел на него с глубокой жалостью.

— Не пристало вам, доблестному воину, тешить себя подобной глупостью.

— Что же мне делать? — простонал барон.

— Сражаться...

— Если Монтбелл отправится в Версгориксан, все пропало.

— Тогда принимайте его условия.

— Ха! И вы думаете, что эти синелицые оставят Землю в покое?

— Сэр Оливер имеет основания им верить, — осторожно заметил я.

— Он глупец! — кулак сэра Роже опустился на ручку кресла. Судя по резкости его голоса он еще не совсем отчаялся. — Или же настоящий предатель и надеется стать вице-королем Земли, после того как ее завоюют версгорцы. Теперь, надеюсь, вы поняли, что не только нужда в новых территориях заставляет версгорцев захватить нашу планету? Наш народ доказал, что она для них смертельно опасна. Тем не менее, земляне совершенно бессильны перед пришельцами из космоса. Но дайте несколько столетий, и они сами изобретут космические корабли и двинутся во Вселенную.

— Версгорцы сильно пострадали в этой войне, — продолжал я слабо сопротивляться, — им понадобится немало времени, чтобы восстановить свои потери, даже если наши союзники отдадут им все занятые планеты. Возможно, они решат, что целесообразно оставить Землю в покое на сто, а то и на двести лет.

— К тому времени мы спокойно умрем? — сэр Роже обреченно кивнул. — Да, велико искушение. Но разве мы не будем гореть в аду, если принесем горе еще не рожденным детям?

— Может, это лучшее, что мы можем сделать для своего народа? — произнес я. — То, что вне наших сил, в руках Господа.

— Нет, нет и нет! — он сжал кулаки. — Я не могу. Лучше смерть. Но Катрин...

— Может, еще не поздно переубедить сэра Оливера. Ни одна душа не погибла безвозвратно, пока жив человек. Вы можете обратиться к его чести, объяснить, как бессмысленно полагаться на обещания версгорцев, предложить ему прощение и богатую награду.

— И мою жену? — он горько усмехнулся.

Но через минуту добавил:

— Я не верю ему. Но поговорить можно... Я попытаюсь сдержать свой гнев. Вы поможете мне, брат Парвус? Я не должен его оскорблять. Укрепите же мои силы!..

22

Вечером следующего дня мы с сэром Роже покинули Новый Альбион в крошечной космической шлюпке. У меня, как всегда, были с собой только четки. Сэр Роже надел камзол иомена и захватил меч и кинжал, а к сапогам прицепил шпоры. Он сидел в пилотском кресле, словно в седле, и в глазах его был холод.

Мы сказали капитанам, что это всего лишь небольшой полет для осмотра некоей добычи, захваченной сэром Оливером. Солдаты поняли, что это ложь, и лагерь глухо гудел. Рыжий Джон сломал две дубинки, пока наводил порядок. Мне казалось, когда я садился в шлюпку, что все наше предприятие рухнуло. Но в общем люди сохраняли спокойствие, вечер был безветренным. Я бросил взгляд на наши знамена и вдруг заметил, что они выгорели и изорвались.

Шлюпка проколола синее небо и погрузилась во тьму, как изгнанный Люцифер. Мельком я увидел военный корабль, патрулирующий на орбите. Что и говорить! Я чувствовал бы себя гораздо увереннее, будь у меня за спиной его орудия. Но сэр Оливер заявил во время вторичного разговора:

— Если хотите, де Турневиль, мы примем вас для переговоров. Но вы должны прибыть один, в маленькой шлюпке и без оружия. Впрочем, можете взять с собой и монаха. Я скажу, какую орбиту вам нужно будет занять, чтобы мой корабль вас встретил. Если мои телескопы и детекторы обнаружат хоть малейшие признаки предательства с вашей стороны, я отправлюсь прямо на Версгориксан.

Мы набирали скорость в полном молчании, которое становилось все тягостнее. Я первым решился его нарушить:

— Если бы вы помирились, мужество вернулось бы к нашим людям. Тогда, полагаю, их невозможно было бы победить...

— Вы имеете в виду Катрин и меня? — рявкнул барон.

— Н... нет, я имел в виду вас и сэра Оливера, — запинаясь, проговорил я. Это была неправда. Я думал именно о леди Катрин.

Ведь Оливер был полным ничтожеством. Наша судьба зависела от сэра Роже. Но он не мог продолжать борьбу, разлученный с той, кто пленила его душу. Это из-за нее и детей он смирил свой гнев и отправился к Оливеру.

Все дальше и дальше летели мы, пока планета под нами не превратилась в тусклое пятно. Никогда раньше я не чувствовал себя таким одиноким, даже когда мы покинули Землю.

Но вот звезды перед нами исчезли, их скрыл появившийся космический корабль.

Мы могли бы взять с собой бомбу и уничтожить корабль. Но сэр Оливер знал, что мы не сделаем этого, пока на корабле находятся Катрин, Роберт и Матильда.

Вскоре щелкнули магнитные зажимы, и корабли полетели навстречу друг другу. Открыв люк, мы ждали.

Вскоре вошел Бранитар. Глаза его загорелись радостью победы, но при виде меча и кинжала сэра Роже он невольно подался назад.

— У вас не должно быть оружия! — воскликнул Бранитар.

— Никогда не думал, что это оружие, — ответил сэр Роже. — Так же, как шпоры. Без них я себя просто не мыслю.

— Отдайте их мне!

Сэр Роже отцепил меч и кинжал, отдал версгорцу. Бранитар передал их другому синелицему и принялся нас ощупывать.

Я почувствовал, как лицо мое вспыхнуло, но сэр Роже, казалось, оставался бесчувственным.

— А теперь, — продолжал Бранитар, — следуйте за мной.

Мы прошли в кают-компанию, где за маленьким столиком сидел сэр Оливер. Он был в черном бархатном камзоле, на пальцах сверкали драгоценные камни, рука лежала на огненном пистолете. На леди Катрин было серое платье и монашеский плат. Из-под него выбился локон и, словно язык пламени, скользнул на лоб.

Войдя в кают-компанию, сэр Роже остановился.

— Где дети?

— В моей каюте, со служанками, — ответила жена, как заводная. — Они здоровы...

— Садитесь, сэр, — пригласил Оливер и бросил взгляд на Бранитара. Тот отложил меч и кинжал и встал справа. Еще два версгорца, скрестив руки, встали за ним. Я решил, что это медик

и навигатор, о которых уже выше шла речь. Два артиллериста, по всей видимости, находились у орудия, а пилот — в рулевой рубке, на случай, если придется удирать. Леди Катрин, как восковая фигура, стояла у стены слева от сэра Оливера.

— Надеюсь, у вас нет коварного плана, — сказал предатель. — Все дозволено в любви и на войне...

Катрин протестующе подняла руку.

— Только на войне... — слова эти дались ей с трудом, и рука бессильно опустилась.

Продолжая стоять, барон плюнул на пол.

Оливер покраснел.

— Послушайте, — воскликнул он, — не стоит говорить о нарушенных клятвах. Это лицемерие. Ваша собственная позиция не безупречна. Вы присвоили себе право производить в дворянство простолюдинов и крестьян, раздавать награды и вести переговоры с иноземными королями. Вы сами стали бы королем, если бы смогли! Где же ваши клятвы верности английскому сюзерену?

— Я не делал ничего во вред ему, — ответил сэр Роже. — Если бы я нашел Землю, то присоединил бы наши завоевания к его домену. Но до тех пор мы должны как-то держаться, и наш единственный шанс — возвести свою собственную феодальную систему.

— Возможно, вы и правы, — согласился сэр Оливер. — Но вы должны благодарить меня, Роже, за то, что я избавил вас от этой необходимости. Мы можем вернуться домой!

— Как вергорский скот?

— Думаю, вы ошибаетесь. Но садитесь вы, оба. У нас есть вино и хлеб. Сегодня вы мои гости.

— Нет, я не разделю хлеба с вами...

— Тогда вы умрете с голоду, — весело проговорил сэр Оливер.

Барон окаменел, и тут я заметил, что у леди Катрин пустая кобура. Оливер, очевидно, под каким-то предлогом отобрал у нее оружие. Вооружен был только он один.

Увидев, какое впечатление произвели на нас его слова, он вновь стал серьезным.

— Милорд, когда вы предложили переговоры, вы вправе были ожидать, что я не упущу такого шанса. Вы останетесь с нами...

— Оливер! — крикнула леди Катрин. — Ты никогда не говорил мне... вы сказали, что он сможет спокойно покинуть корабль, если...

Он повернулся к ней и вежливо сказал:

— Подумайте, миледи. Разве не было вашим самым горячим

желанием его спасти? И разве не опасались вы, что его гордость не позволит ему сдаться? Теперь он пленник... ваше желание сбылось. Все бесчестье на мне. Я с радостью понесу эту ношу, ибо этого хотела Миледи.

Я видел, как она задрожала.

— Я здесь ни при чем, Роже, — проговорила она. — Я никогда не думала...

Муж даже не взглянул на нее.

— Каковы же ваши планы, Монтбелл?

— Новая ситуация дает нам новые шансы. Перспектива переговоров с версгорцами меня никогда не радовала. А теперь в этом вообще отпала необходимость. Мы можем отправиться прямо домой. Оружие и золото на борту этого корабля дадут мне все, чего я желаю.

Бранитар, единственный версгорец, понимающий по-английски, воскликнул:

— Эй, а как насчет меня и моих друзей?

Оливер холодно ответил:

— Почему бы вам не сопровождать нас? А без сэра Роже де Турневиля союзники скоро сдадутся, так что вы выполнили свой долг по отношению к своему народу. Я изучил ваш образ мыслей — вам ведь все равно, где жить. По пути мы подберем несколько самок вашей расы. Став моими вассалами, вы сможете приобрести столько земли и власти, сколько ни один землянин. А ваши и мои потомки будут владеть целой планетой. Конечно, вы попадете в непривычные общественные отношения, зато обретете полную свободу, о чем раньше и не мечтали.

У него было оружие. Но, я думаю, Бранитар просто согласился с его аргументами, и согласие это было вынужденным.

— А мы? — выдохнула Катрин.

— Вы и Роже получите свое поместье в Англии, — ответил сэр Оливер. — И еще я дам вам замок в Винчестере.

Возможно, он говорил искренне. Или же думал, что став господином Европы, сможет как угодно распоряжаться судьбой леди Катрин и ее мужа. Об этом леди Катрин не подумала, и лицо ее приняло мечтательное выражение. Плача и смеясь, она посмотрела на Роже.

— Любимый, мы можем вернуться домой!

— А что станет с нашими людьми?

— Я не могу рисковать, взяв их с собой, — сэр Оливер пожал плечами. — К тому же, все они низкого происхождения.

Сэр Роже кивнул.

— Это верно...

Он вновь посмотрел на жену. Потом резким движением ноги

вонзил в живот шпору стоявшему позади версгорцу. Тот упал.

Тогда сэр Роже, снова выбросив ногу назад, пригнулся к палубе. Сэр Оливер вскрикнул от неожиданности и отскочил. Его пистолет изрыгнул пламя, но изменник промахнулся. Барон сбил с ног второго версгорца и прикрылся им, бросив на себя. Следующий выстрел Оливера сразил этот живой щит.

Сэр Роже, держа перед собой мертвое тело, встал и сделал прыжок. Сэр Оливер выстрелил в третий раз, пламя сожгло мертвеца, которого сэр Роже швырнул через стол в Оливера.

Оливер свалился. Тогда сэр Роже потянулся за своим мечом. Бранитар попытался ему помешать. Но барон успел ухватиться за рукоять и выхватить кинжал из ножен. Раздался глухой звук, и кинжал пригвоздил руку Бранитара к столу, войдя в нее по самую рукоять.

— Жди меня здесь, — насмешливо крикнул сэр Роже и извлек кинжал. — Ура, Бог да поможет правым!

Сэр Оливер вылез с трудом из-под трупа, все еще сжимая в руке пистолет. Я оказался с ним рядом. Он прицелился барону в грудь. Я пообещал святым множество свечей и набросил четки на запястья изменника. Тот взвыл и выронил пистолет. Опять сверкнул кинжал. Сэр Оливер едва успел уклониться, и кинжал вонзился в дерево стола. Пистолет лежал на полу, я нырнул за ним. То же сделала и леди Катрин с другой стороны стола, и мы стукнулись лбами. Когда способность видеть вернулась ко мне, я сидел на полу, а сэр Роже гнался за Оливером к двери.

Катрин закричала.

Барон остановился, как барс, попавший в аркан.

— Дети, милорд! Они на корме, в спальне... Там все оружие...

Барон выругался и помчался на корму. Леди Катрин — за ним. Я встал, пошатываясь, сжимая в руке пистолет, о котором все забыли. Бранитар попытался вытащить из руки нож, пригвоздивший его к столу, но от этого лишь сильнее полилась кровь. Я решил что безопасней не освобождать синекожего. Мое внимание привлекло другое. Версгорец, которого выпотрошил барон, был все еще жив. Мгновение я колебался... Должен ли я спасать этого язычника? Или мой долг помогать милорду и миледи?

Я склонился над умирающим.

— Отец... — прошептал версгорец.

Не знаю, кого он призывал, но я совершил над ним те скромные обряды, которые позволяли обстоятельства, и держал его руку, пока он не умер. Дай Бог, чтобы он оказался в лимбе...

Сэр Роже вернулся, вытирая свой меч. Он так и сиял от радости.

— Ах, *волчонок*! — воскликнул он. — Нормандская кровь всегда скажет свое!

— Что случилось? — вставая, спросил я.

— Оливер и не пытался достать оружие. Он бросился в рулевую рубку, но остальные версгорцы, артиллеристы, решили воспользоваться случаем и вооружиться. Я видел, как один из них вбежал в спальню, второй, вооруженный длинным рычагом, бежал следом за ним. Я напал на него, он был хорошим бойцом, и потребовалось время, чтобы справиться с ним. А Катрин, догнав первого, боролась с ним голыми руками, пока тот не сбил ее с ног. Трусливые служанки, как и следовало ожидать, забились в угол и визжали, словно их режут. Но потом! Слушайте, брат Парвус! Мой сын Роберт открыл оружейный ящик, извлек из него пистолет и пристрелил версгорца быстрее, чем это сделал бы Рыжий Джон. О, дьяволенок!

Вошла миледи. Волосы ее растрепались, на щеке был синяк. Но она спокойно, как сержант, докладывающий расстановку пикетов, сказала:

— Я успокоила детей.

— Бедная крошка Матильда, — пробормотал сэр Роже. — Она очень испугалась?

Леди Катрин негодующе взглянула на него и сказала:

— Они оба хотели продолжить борьбу...

— Ждите меня здесь, пойду побеседую с Оливером и пилотом.

Катрин, задыхаясь, проговорила:

— Я должна прятаться, когда милорду грозит опасность?

Он остановился и взглянул на нее.

— Но, я думал...

— ...что я предала вас, чтобы добраться домой? — она опустила глаза. — Я была уверена, что вы забыли меня. И потом поступила так, как считала лучше... для вас. Я ошиблась. Это было, как сон. Зачем вы оставляли меня одну, милорд? Я так в вас нуждаюсь!

— Я должен просить у вас прощения. Да пошлет мне Господь долгие лета, чтобы стать вас достойным. — Он положил руку ей на плечо и добавил. — Оставайтесь пока здесь, чтобы присмотреть за этим синелицым. Если я убью Оливера и пилота...

— Убейте их! — воскликнула она в приступе ярости.

— Охотно, — ответил он вежливо, как обычно, когда разговаривал с ней. — Глядя на вас, я хорошо его понимаю. Но... Бранитар может указать дорогу домой, и поэтому караульте его.

Она взяла у меня пистолет. Пригвожденный к столу пленник застонал.

— Идемте, брат Парвус, мне понадобится ваше словесное искусство.

Он был вооружен мечом и пистолетом, взятым из ящика с оружием. Мы прошли по коридору, потом вверх по лестнице и дошли до рулевой рубки. Дверь была заперта. Сэр Роже постучал рукоятью меча.

— Вы, двое, — крикнул он. — Сдавайтесь!

— А если не сдадимся, — раздался из-за двери слабый голос сэра Оливера.

— Если не сдадитесь, я выведу из строя двигатели и уйду на лодке, оставив вас здесь. Послушайте, я смирил свой гнев. Все идет к лучшему, мы можем отправиться домой, после того как звезды станут безопасными для англичан. Мы были с вами друзьями, Оливер. Дайте мне вашу руку: клянусь не причинять вам вреда.

Наступило тягостное молчание.

Наконец сэр Оливер сказал:

— Ага, вы ведь ни разу не нарушили клятвы? Ладно, входите, Роже.

Щелкнул замок. Барон протянул руку к двери, но тут у меня вырвалось:

— Подождите, сэр, — в нарушение всех приличий я пошел первым.

Не успел я переступить порог, как две железные палки обрушились мне на голову и... окончание этих событий я вынужден передать по рассказам других, ибо целую неделю я не приходил в сознание.

Я лежал в луже крови, и сэр Роже решил, что я мертв. Оливер и пилот, вооруженные двумя отсоединенными стойками, тяжелыми и длинными, как мечи, напали на барона.

Меч сэра Роже со свистом рассек воздух. Пилот поднял прут. Клинок ударился об него и во все стороны полетели искры. Сэр Роже крикнул так, что задрожали стены:

— Убийцы!

Второй удар выбил палку из его руки. Третий снес синелицему голову, и она покатилась по лестнице.

Услышав крик, Катрин подбежала к двери кают-компании, как-будто могла что-то увидеть сквозь стену. Бранитар стиснул зубы и свободной рукой схватил кинжал. Мускулы вздулись на его плечах. Вряд ли кто-нибудь из людей смог бы вытащить кинжал — но он смог!

Миледи услышала стон и обернулась, когда Бранитар уже огибал стол. Его правая рука, вся в крови, висела безжизненно, но в левой сверкал меч.

Она подняла пистолет.

— Назад!

— Опустите, — презрительно сказал он. — Вы не выстрелите.

Иначе никогда не увидите звезд над Землей: я ваша единственная надежда на возвращение.

Она посмотрела ему в глаза и выстрелила. Потом побежала к рубке.

Сэр Оливер Монтбелл отступил под натиском барона, а когда тот поднял пистолет, схватил со стола книгу и закрылся ею, как щитом.

— Одумайтесь! — закричал он. — Это корабельный журнал. В нем все данные о местоположении Земли.

— Вы лжете. Они есть в мозгу синелицего Бранитара. И все же я не буду марать о вас руки! Но вы убили брата Парвуса, и сами умрете.

Оливер приготовился к броску. Железная палка была мощным оружием. Он бросил ее в сэра Роже и тот упал. Оливер прыгнул и схватил палку убитого версгорца и с торжествующим криком отбросил в сторону меч сэра Роже. Сэр Роже попытался встать. И Оливер поднял палку...

В дверях появилась Катрин. Сверкнуло пламя, и журнал исчез в дыму, превратившись в пепел. Оливер взвыл от боли. Катрин выстрелила еще раз, и он упал.

Силы оставили Катрин. Она медленно опустилась на пол и заплакала. Сэр Роже подполз к ней и обнял. Не знаю, кому из них это придало больше силы.

Чуть позже он печально сказал:

— Все!

— Я убила Бранитара... — всхлипывая, призналась Катрин.

Сэр Роже задумчиво посмотрел на то, что осталось от корабельного журнала.

— Боюсь, положение непоправимо. Мы не сможем найти дорогу домой.

— Неважно, — улыбнулась она сквозь слезы. — Где вы — там и Англия...

ЭПИЛОГ

Зазвучали трубы. Капитан отложил рукопись и нажал кнопку интеркома.

— Что происходит?

— Этот восьминогий Сенешаль замка связался наконец со своим хозяином, сэр, — ответил голос социотехника. — Насколько я мог понять, герцог планеты был на сафари, и все это время они пытались его отыскать. Он превратил целый континент в охотничий заповедник. Сейчас он возвращается. Советую посмотреть на это зрелище. Сотни антигравитационных

кораблей. О, Боже. Тот, что приземлился, уже разгружается. В нем всадники.

— Церемониал, несомненно. Через минуту выйду, — капитан взглянул на рукопись.

Как сможет он разговаривать с этим фантастическим герцогом, не зная, что в действительности произошло?

Он торопливо полистал рукопись. Хроника версгорского Крестового похода была длинной и многословной. Капитан прочел запись о том, как король Роже Первый был коронован архиепископом Нового Кентербери и правил много лет.

Но как это произошло? Ясно, что тем или иным путем англичане выиграли свою битву. Постепенно они настолько усилились, что перестали зависеть от удачи. Но их общество! Как мог их язык, не говоря уже о социальной организации, выстоять в столкновении со старыми и развитыми организациями? Почему социотехник перевел все, что написал этот многословный сэр Парвус, не сделав резюме о самых значительных событиях?..

Погоди!

Внимание капитана привлекли страницы в конце книги, и от прочел:

"Я уже упоминал, что сэр Роже де Турневиль установил феодальную систему на завоеванных планетах, отданных им союзникам. Впоследствии некоторые насмешники заявили, что мой благородный господин поступил так, потому что ничего другого не знал. Я опровергаю это самым решительным образом! Как я уже говорил, крушение Версгорской империи было подобно крушению Рима, а аналогичные проблемы порождают аналогичные решения. Преимущество сэра Роже заключалось в том, что он обладал опытом, накопленным в течение многих столетий Земной истории.

Разумеется, каждая планетная система требовала особого решения. Но у большинства из них было много общего. Туземцы охотно подчинялись приказам своих освободителей. Помимо благодарности, которую они к нам испытывали, играло роль и то обстоятельство, что это был бедный невежественный народ, угнетаемый многие годы. Приняв истинную веру, они поняли, что у них есть душа. Это вынудило английское духовенство спешно посвящать в духовный сан новообращенных. Отец Симон отыскал в тексте Священного писания и в творениях Святых Апостолов места, подтверждающие правильность такого пути. В сущности, хотя он никогда и не говорил об этом сам, Господь бог предопределил ему быть епископом, послав так далеко в область неверных. Отсюда следовало, что он не превысил своих полномочий, разбрасывая семена нашей Святой католической церкви. Конечно, при его жизни мы всегда на-

зывали архиепископа Нового Кентербери "нашим папой", чтобы не забыть, что он посланец нашего истинного Святого отца. Я порицаю беззаботность младшего поколения в использовании титулов.

Вскоре версгорцы приняли новый порядок. Их Центральное правительство всегда находилось далеко, выступая лишь в роли сборщика налогов и создателя законов. Воображение синекожих поразил наш богатый церемониал и близость правителя. Теперь синелицый мог встретить благородного дворянина лицом к лицу. Более того, верно служа этому господину, он мог надеяться на награду, имение и даже титул.

Из тех версгорцев, что раскаялись в своих грехах и приняли истинную веру, я назову только нашего бывшего противника Хуругу, известного теперь как архиепископ Уильям.

Поведение сэра Роже было вполне искренним. Он ни разу не предал союзников, в чем его некоторые обвиняли. И хотя обращался с ними довольно грубо, всегда оставался честен, не считая того, что скрывал от них наше истинное положение, и то лишь до тех пор, пока мы стали достаточно сильны и могли не бояться разоблачения. Не его вина в том, что Бог всегда помогает англичанам...

Джары, ашенкогхли и протане всегда с ним во всем соглашались. У них не было реального представления об империи. Получив планеты, где не было туземного населения, они были счастливы перепоручить нам такое хлопотное дело, как управление планетами, где жили одни рабы. Во избежание кровопролития они делали вид, будто сами не хотят управлять. Убежден, что многие их политики тайно радовались ослаблению своего загадочного союзника, ибо на каждой планете он должен был держать герцога, окружающее его дворянство и небольшой гарнизон для обучения аборигенов. А междоусобные войны и контратаки версгорцев еще больше его ослабляли. Имея незначительные военные традиции, наши союзники просто не сознавали, как укрепилась за эти тяжелые годы верность жителей англичанам. К тому же, они не знали, какое здоровое потомство будет у англичан. А когда поняли это, было поздно.

Наши союзники, по-прежнему оставаясь тремя нациями, со своими языками и традициями, застыли на месте. А вокруг них появлялись сотни рас, объединенных религией, языком и английской короной. Даже если бы мы, люди, захотели изменить это, то не смогли бы. Мы были удивлены не меньше союзников. Сэр Роже никогда не действовал против союзников, хотя мог их легко победить, будучи правителем могучего межзвездного государства. И не его вина в том, что потомки этих народов, глядя

на наши успехи, все больше склонялись к нашему образу жизни и вере..."

Капитан отложил рукопись и заторопился к главному выходу. Ему навстречу поднимался по трапу рыжеволосый человек огромного роста. Одетый в какой-то немыслимый костюм, он был вооружен богато украшенным мечом и бластером. За ним, словно почетный караул, стояли солдаты в зеленых мундирах. Над их головами развевались знамена с гербом славного семейства Хеймвардов.

Рука капитана утонула в волосатой ручище этого гиганта. Социотехник перевел с исковерканного английского:

— Наконец! Слава Богу! На старой Земле научились строить космические корабли! Добро пожаловать! Добрый вечер, сэр!

— Но почему же вы не искали нас, ваше... гм... ваше высочество? — запинаясь, проговорил капитан.

Герцог пожал плечами и ответил:

— О, мы искали. На протяжении многих поколений каждый юный рыцарь отправлялся на поиски Земли, если не выбирал поиски Святого Грааля. Но вы же знаете, какое тут количество звезд. А к центру Галактики их еще больше — там мы до сих пор сталкиваемся с другими звездными расами. Коммерция, исследования, войны — все это отвлекало нас от этого небольшого спирального рукава. Видите ли, вы прибыли из бедной отдаленной провинции. Король и папа обитают далеко отсюда, на Седьмом небе.. Через несколько столетий старая Земля станет просто легендой, традицией.

— Но теперь все изменится. Вы наконец отыскали нас! Удивительно! Скажите же мне, освободили ли Святую землю от язычников?

— Ну... — сказал Йешу Бар Деви, гражданин Израильской империи. — Освободили.

— Плохо. Мне хотелось бы принять участие в Крестовом походе. Жизнь стала скучной после завоевания планеты Драконов десять лет назад. Говорят, однако, что королевская экспедиция к звездному скоплению в созвездии Стрельца обнаружила многообещающие планеты... Но послушайте, вы должны посетить мой замок. Я приму вас, как смогу, и помогу добраться до короля. Дорога туда трудна, но я пошлю астрологов, которые хорошо ее знают.

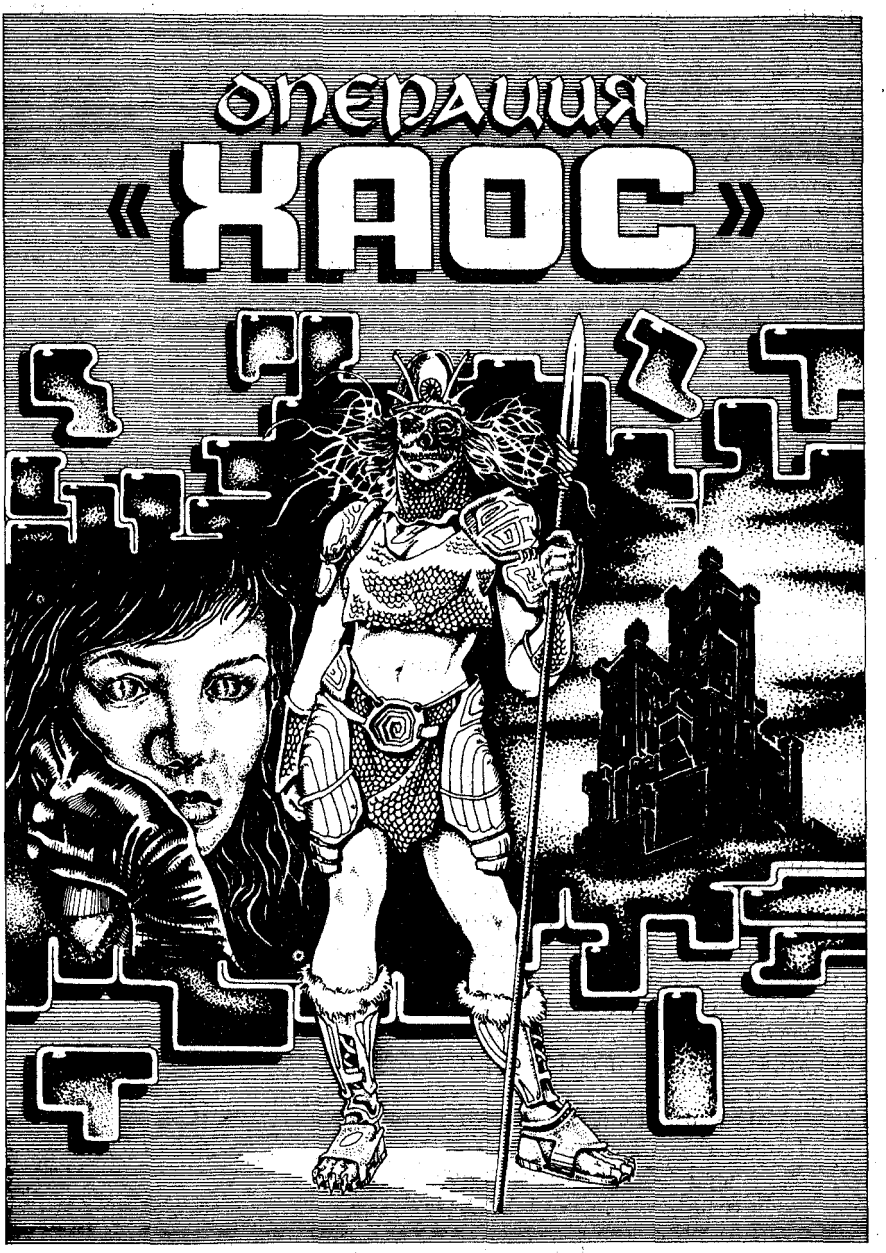
— Что он сказал? — спросил капитан Бар Деви.

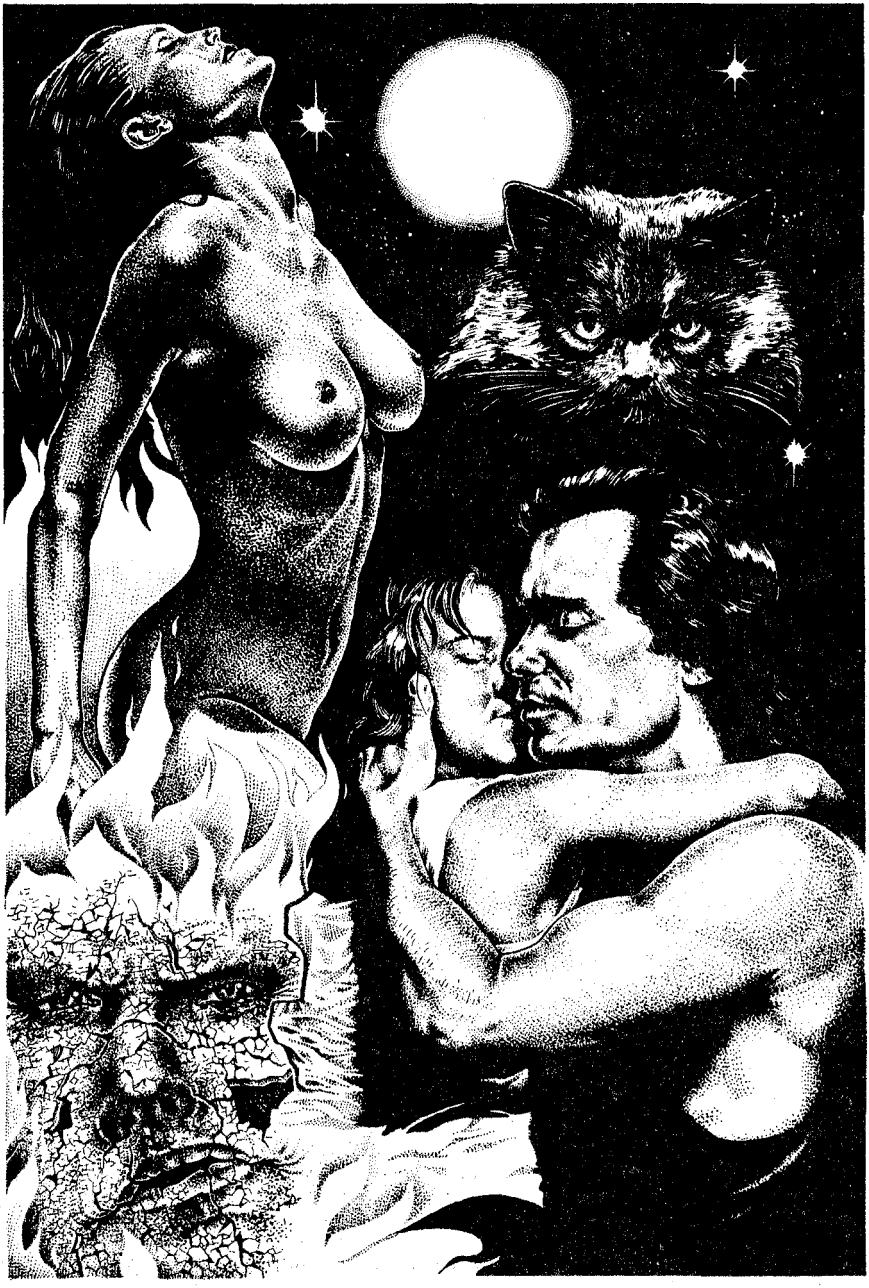
Социотехник перевел.

Капитан Бар Деви покраснел.

— Ни один астролог не вступит на борт моего корабля!

Социотехник тяжело вздохнул. В ближайшие годы ему предстояла нелегкая работа.

ОПЕРАЦИЯ
«ХАОС»

ПРИВЕТ!

Если вы существуете — привет!

Скорее всего, мы вас никогда не обнаружим. Этот странный эксперимент — проверка дикой гипотезы. Но помимо всего прочего — наш долг.

Я лежу, скованный сном. Лишь наполовину сознаю свое существование. Меня подготовили для того, чтобы послать призыв сквозь время, так как то, что случилось со мной много лет назад, оставило свой след в моей самой что ни на есть заурядной натуре. Они верят, что идеи, содержащиеся в послании, имеют большие шансы войти в резонанс с мыслями вашей цивилизации, если дойдут до вас.

Возможность удачи невелика. Моя заурядность полностью взяла верх над крошечным остатком былой одаренности, некогда курящейся во мне, как крошечный дымок. Но в любом случае весьма неприятно, что я излучаю мысль в пустоту. А скорее всего, это так.

Это похоже на философскую идею, что время имеет больше одного измерения. Что могут одновременно существовать различные Вселенные. Что некоторые из них совершенно чужды нам, но встречаются и некоторые такие, что отличить их невозможно.

(...Почему во сне я разговариваю на этом языке? Препараты вызвали странное состояние. Проклятье! Когда я завтра проснусь, то буду уже не только собой. Но сейчас и всю предстоящую ночь я — это пока я...)

Земля, где битва под Геттинсбергом выиграна Ли, а битва при Ватерлоо — Наполеоном. Или Земля, где религия Митры одержала верх над христианством. Или Земля, где вообще никогда не было Рима. Или Земля, где животные, а не люди стали

обладать разумом. Или Земля, на которой вообще не развивалась разумная жизнь. То есть Земля, принадлежащая к таким областям космоса, где совсем иные законы природы. Их обитателям доступно то, чего нам никогда не удастся. Но и они никогда не достигнут того, что мы сделаем без затруднений...

Должен сказать, что у этой гипотезы есть кое-что и побольше, чем просто философские выкладки. Имеется подтверждение в новейшей, слишком абстрактной для меня, физической теории. И есть всякие нелепые случаи некоторых появлений и исчезновений, наводящие на мысль, что возможны телесные перемещения из одного временного потока в другой. Бенджамин Батуст, Каспар Хаузер... То, что случилось со мной... Хотя это не то же самое.

Видите ли, если параллельные миры существуют, то они должны быть тесно взаимосвязаны. В противном случае гипотезу невозможно проверить и в ней нет смысла. Имея одно и то же происхождение, воплотившись в одних и тех же формах, эти миры должны иметь одну и ту же судьбу. Борьба Закона и Хаоса, какие бы разнообразные формы она ни принимала, наверняка идет во всех мирах.

Кое-чему мы научились и обязаны послать сообщение, чтобы предупредить вас.

Вам это может показаться всего лишь бредом. То же самое ощущаю и я. Но все, что мне помнится, произошло на самом деле. Сомнительно, чтобы вы, то есть те, кто окажется в пределах нашей досягаемости, смогут ответить нам. Даже если захотите. Ведь если бы это было возможно, мы бы уже получили сообщение откуда-нибудь. Но надеемся, что наше сообщение вы получите.

У нас пока нет определенной гипотезы, что вы из себя представляете. Но мы предполагаем, что вы — нечто большее, чем совсем ничто. Вы, вероятно, живете в мирах, не слишком отличающихся от нашего. В противном случае связь была бы невозможной. Как бы мог я найти отзвуки в душах поистине чуждых существ? Вы должны, как и мы, помнить Галилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта. Может, вы тоже американцы? Но в какой-то точке мы разошлись. Был ли у вас Эйнштейн? И если был, то над чем он работал после своих ранних публикаций, касающихся броуновского движения и специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

Разумеется, и у вас возникнут такие же касающиеся нас вопросы. Поэтому я постараюсь рассказать мою историю. (Этого все равно не избежать, а сумрак уже окутывает меня.) Несомненно, я часто буду упоминать о том, что вам известно. Если вы уже знаете, как работают электрические генераторы, или как

закончилась первая мировая война, или еще что-нибудь — терпите. Лучше получить больше сведений, чем недополучить. Для вас это более чем жизненно важно.

Если вы существуете...

С чего начать? Полагаю, что для меня это дело началось во время второй мировой войны. Хотя, разумеется, история прослеживается и гораздо раньше.

Творению предшествовала борьба...

1

То ли очень не повезло, то ли их разведка оказалась лучше, чем мы предполагали, но последний налет, сломив нашу воздушную оборону, снес ко всем чертям палатку корпуса погоды. Проблемы снабжения — это проблемы снабжения. Мы не могли пополнить запасы уже не одну неделю, а тем временем враг захватил еще и контроль над погодой. Наш единственный уцелевший погодник, майор Джексон, должен был использовать то, что осталось в его власти от стихий, чтобы защитить нас от молний. Так что приходилось терпеть и принимать все, что им хотелось наслать на нас. Сейчас шел дождь.

Ничто так не выматывает, как непрерывно идущий холодный дождь. Земля раскисла. Грязь лезла в сапоги. Они сделались такими тяжелыми, что их трудно было отрывать от земли. Униформа превратилась в промокшую насквозь тряпку, липнущую к твоей трясущейся шкуре. Продовольственные пайки отсырели, винтовки требовали особой заботы. И всю неделю только и слышно, как дождь барабанит по шлему. Никогда не удастся забыть эту серую, без конца стекающую по телу воду. И через десять лет ветер, сулящий дождь, будет вызывать такое же чувство подавленности.

Одно утешение: пока идет дождь, с воздуха хорошую атаку не проведешь. Несомненно, когда они будут готовы атаковать с бреющего полета, облачный покров уберут к чертовой матери. Но наша метла появится так же быстро, как и их ковер.

Медленно, с трудом мы продвигались вперед. Вся наша дивизия — вместе со всеми частями — Сорок пятая Молниеносная, краса и гордость армии Соединенных Штатов, превратилась в жалкое промокшее скопище людей и драконов, рыщущих по холмам Орегона в поисках оккупантов.

Я медленно шел по лагерю. Вода сбегала с краев палаток и, булькая, стекала в окопы. Наши часовые, разумеется, надели шапки-невидимки, но я видел, как на грязи появляются отпечатки, слышал хлюпанье сапог и надоедливые однообразные проклятия.

Я миновал взлетно-посадочную полосу. Военно-воздушные силы располагались рядом с нами, чтобы сразу оказать поддержку в случае необходимости. Двое, не утруждая себя шапками-невидимками, стояли на страже возле опрокинутого ангара. Их голубые мундиры были так же замызганы, как и мой, защитного цвета, но зато они были чисто выбриты, и знаки различия — крылатая метла, побеждающая злого врага, — начищены. Они отдали мне честь, и я лениво ответил им тем же.

"Честь мундира".

Извольте, болваны-голубомундирники.

Сзади лежали броневые листы. Ребята соорудили из них переносное укрытие для зверюг. Я мог видеть только пробивающийся сквозь щели пар и ощутить пакостную вонь рептилий. Драконам дождь ненавистен, и водителям приходилось тратить чертовски много времени, чтобы не выпустить их из-под контроля.

Поблизости расположилось отделение Петрологической войны, закрытый сверху затон, в котором извивались, шипели и отворачивали увенчанные гребнями головы от тех, кто кормил их, василиски.

Лично я сомневался в практической ценности этого корпуса. Чтобы добиться цели, нужно подвести василиска вплотную к человеку и заставить змея смотреть прямо на него, пока тот не окаменеет. А отражательные алюминиевые костюмы и шлем, которые следует носить, чтобы защититься от излучения своих же питомцев — это прямое приглашение вражеских снайперов. Кроме того, углерод человеческого тела, превращаясь в кремний, дает радиоактивные изотопы. Запросто можно получить такую дозу радиации, что врачам придется уступить вас святому Джону Уорту, тому самому, который до полуночи не вылезает из своего склепа.

Кстати, если вы не знаете — кремация не просто отмерла, как обычай. Закон о национальной обороне объявил ее незаконной. Нам пришлось заниматься многими старинными кладбищами. Так что с прогрессом науки свобод у нас стало поменьше.

Я прошел мимо инженеров, командовавших бандой зомби (мертвецов, исполняющих приказания колдуна). Те рыли очередную осушительную канаву. Я вышел к огромной палатке генерала Ванбруха. Часовой, увидев мою эмблему — тетраграмму Разведывательного корпуса и знаки различия на погонах, отдал честь и впустил меня внутрь.

Я вошел, остановился возле стола и поднял в приветствии руку.

— Капитан Матучек, сэр, — сказал я.

Ванбрух взглянул на меня из-под лохматых седых бровей.

Это был высокий мужчина, с лицом, похожим на выветрившийся камень. Кадровый вояка на все сто три процента. Но мы относились к нему так же, как вы — к полководцам, чьи портреты оттиснуты на банкнотах.

— Вольно, — сказал он. — Садитесь.

Я нашел себе складной стул и сел. Два других стула были уже заняты. Сидевших на них я не знал. Один — толстяк с круглой красной физиономией и белой пушистой бородкой. Майор с эмблемой круглых кристаллов Корпуса Связи. И юная девушка. Несмотря на усталость, я внимательно посмотрел на нее. Она того заслуживала: высокая, зеленоглазая, рыжеволосая. Лицо с высокими скулами. А фигура... Слишком хороша для униформы женской вспомогательной службы США. И для любой другой — тоже. Знаки различия капитана. Паук Кавалерийского корпуса... Хотите официальное название — пожалуйста, не паук, а Слейпнир*.

— Майор Харриган, — буркнул генерал. — Капитан Грейлок. Капитан Матучек. А теперь давайте займемся делом.

Он расстелил перед нами карту. Я наклонился и посмотрел на нее. Там были обозначены наши и вражеские позиции. Враг все еще удерживал в своих руках половину побережья Тихого океана от Аляски до Орегона, хотя положение значительно улучшилось, когда в битве при Миссисипи — год назад — удалось повернуть вспять их нашествие.

— Итак, — сказал Ванбрух, — я опишу ситуацию в целом. Задание вам предстоит опасное, и, хотя вы вызвались добровольцами, хочу, чтобы вы знали, насколько оно важное...

Все, что я тогда знал, — это то, что именно я вызвался идти добровольцем. Я служил в армии, да еще участвующей в такой войне. Так что я не смог бы отказаться из принципа. Когда Сарацинский Халифат напал на нас, я был не вызывающим особых нареканий актером в Голливуде. Мне бы очень хотелось вернуться к этому своему занятию, но сперва нужно было покончить с войной.

— Как видите, мы потеснили их, — сказал генерал, — и все оккупированные страны встрепенулись и закудахтали, готовясь поднять восстание, как только получат шанс выиграть битву. Британия помогает в организации и вооружении подполья, а сама тем временем готовится форсировать Ла-Манш. Русские готовят наступление с севера. Но мы... мы должны нанести врагу решительный удар. Взломать линию фронта и погнать их.

Слейпнир — в древнескандинавской мифологии — волшебный шестиногий конь.

Это послужит сигналом. Если мы добьемся успеха, с войной будет покончено уже в этом году. В противном случае она может растянуться еще года на три.

Я знал это. Вся армия знала. Официально еще ни слова не сообщалось, но люди каким-то образом всегда чувствуют, когда предстоит большое наступление.

Генерал неуклюже прочертил пальцем по карте:

— Девятый броневой дивизион здесь. Двенадцатый Метательный — здесь. Саламандры — тут, где, как мы знаем, они сконцентрировали своих огнедышащих. Моряки готовы высадиться на побережье и вновь захватить достаточно кракенов. Один удар — и мы их погоним.

Майор засопел в бороду и мрачно уставился в круглый кристалл. Шар был мутный и темный. Враг создавал такие помехи для наших кристаллов, что их невозможно было использовать. Мы, естественно, отвечали тем же. Капитан Грейлок нетерпеливо застучала по столу безукоризненно наманикюренным ногтем. Она была такая чистенькая и красивая, но я, в конце концов, решил, что ей не нравлюсь. Во всяком случае сейчас, когда мой подбородок покрыт трехдневной щетиной.

— Но по-видимому, что-то идет не так, сэр, — отважился сказать я.

— Правильно, будь оно проклято, — сказал Ванбрух. — В Тролльбурге.

Я кивнул. Сарацины пока удерживали этот город — ключ к позиции, стоявшей на шоссе № 20 и охраняющей подступы к Салему и Портланду.

— Мне кажется, мы предлагали захватить Тролльбург, сэр, — пробормотал я.

Ванбрух нахмурился.

— Это должна сделать Сорок пятая, — проворчал он. — Если мы опростоволосимся, приятель, они предпримут вылазку, отрежут Девятый и сорвут всю операцию. Кроме того, майор Харриган и капитан Грейлок из Четырнадцатого доложили мне, что у гарнизона Тролльбурга есть ифрит.

Я присвистнул. Озноб пополз вдоль позвоночника. Халифат, не задумываясь, прибегал к использованию сверхъестественных сил (в частности, поэтому остальной мусульманский мир относился к сарацинам, как к еретикам, и ненавидел их не меньше, чем мы). Я бы никогда не подумал, что они посмеют зайти так далеко, что сломают печать Соломона. Вышедший из повиновения ифрит может причинить невообразимые разрушения.

— Надеюсь, у них он только один... — прошептал я.

— Один, — сказала Грейлок. У нее был низкий голос, он мог бы казаться приятным, если бы она не говорила так отрывисто.

— Они прочесали все Красное море, надеясь найти еще одну бутыль Соломона. Но кажется, это — последняя.

— Все равно плохо, — сказал я. — Усилие, которое потребовалось, чтобы голос звучал ровно, помогло мне успокоиться. — Как вы это узнали?

— Мы из Четырнадцатого, — зачем-то сказала Грейлок.

Как бы то ни было, ее кавалерийский значок вызвал у меня удивление. Обычно из всех новобранцев только кислолицые школьные учительницы (и им подобные) годятся на то, чтобы разъезжать на единорогах.

— Я просто офицер связи, — торопливо сказал майор Харриган. — Лично я езжу на метле...

Я усмехнулся. Ни одному американскому мужику (если только он не член какого-нибудь святого ордена) не захотелось бы признаваться, что его посчитали пригодным справиться с единорогом.

Майор с обидой посмотрел на меня и залился краской.

Грейлок продолжала, будто диктуя. Она говорила по-прежнему резко, хотя тон ее голоса несколько изменился:

— Нам повезло: взяли в плен бимбаши штурмового отряда. Я допросила его.

— Они умеют держать рот на замке, эти знатные сыны пустыни, — сказал я. Время от времени я сомневался в Женевской конвенции, но мне бы не понравилась идея нарушить ее. Даже если неприятель подобных угрызений совести не испытывает.

— О, мы прибегаем к жестоким мерам, — сказала Грейлок. — Мы поселили его в очень хороших условиях и очень хорошо кормили. Но в то мгновение, когда кусок оказывался у него в глотке, я превращала его в свинину. Он сломался очень быстро и подробно рассказал все, что знал.

Я громко расхохотался. Ванбрух захихикал. Но она продолжала сидеть с невозмутимым видом. Трансформация органики — это всего лишь перетасовка молекул. Атомы не изменяются, так что риска получить дозу облучения нет. Но конечно, трансформация требует хороших знаний и в области химии. Здесь и кроется подлинная причина, почему обычно пехотинец относится к Техническому корпусу с завистью. Неприкрытая ненависть к тем, кто умеет превращать скучное "НЗ" в отбивную или жаркое по-французски. У квартирмейстеров хватает затруднений с заклинанием обычных пайков, чтобы отвлекаться на создание изысканных блюд.

— О'кей, вы узнали, что у них в Толльбурге есть ифрит, — сказал генерал. — Какими еще они располагают силами?

— Малый дивизион, сэр. Вы бы взяли город голыми руками,

если бы можно было обезвредить этого демона, — сказала Грейлок.

— Да. Я знаю. — Ванбрух покосился в мою сторону. — Ну, капитан, рискнете? Если вам удастся справиться с ним, это означает, по меньшей мере, Серебряную Звезду... Простите, Бронзовую.

— А... — Я сделал паузу, подыскивая слова. Меня больше интересовало продвижение по службе, либо полное увольнение в запас. Но возможно, последует и такое, что... Тем не менее... Речь идет не только о моей голове, это возражение стратегического порядка. — Сэр, в этой области мои знания чертовски малы. В колледже я чуть на завалил демонологию.

— Эту часть работы выполню я, — сказала Грейлок.

— Вы?! — Я сумел вернуть на место отвисшую до самого пола челюсть, но что еще сказать, я не знал.

— До войны я была Главной ведьмой Колдовского агентства в Нью-Йорке, — холодно сообщила она.

Теперь я понял, откуда у нее такие повадки. Типичная девица, сделавшая карьеру в большом городе. Не в моих силах остановить ее и генерала.

— Я знаю, как справляться с демонами на побережье. Ваша задача — в сохранности доставить меня на место и обратно.

— Да, — сказал я. — Да, не о чем говорить.

Ванбрух прочистил горло. Ему не нравилось посылать на такое дело женщин. Но времени было мало, слишком мало, чтобы искать другую возможность.

— Честно говоря, капитан Матучек — один из лучших наших оборотней, — польстил он мне.

"АВЕ, ЦЕЗАРЬ, МОРИТКРЫ САЛЮТАНТ"*.

Нет, подразумевал я вообще-то иное, но не беда. Померев, смогу не спеша придумать что-нибудь получше. Я не был испуган, это точно. Помимо того, что я был заколдован от страха, были веские причины полагать, что мои шансы не больше, чем у идущего в огонь пехотинца. Ванбрух не стал бы приносить в жертву своих подчиненных, посчитай он задание безнадежным. Но насчет перспективы я был менее оптимистичен, чем он.

— Думаю, что ловких два человека проберутся незамеченными их стражей, — продолжал генерал. — А затем придется поимпровизировать... Если удастся нейтрализовать чудовище, мы атакуем завтра в полдень. — Затем мрачно добавил: — Если до рассвета я не получу известия, что это удалось, нам придется перегруппироваться и начать отступление. Спасать, что смо-

---

* "Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя" — обращение римских гладиаторов перед боем.

жем. О'кей. Вот полученная путем геодезической съемки карта города и его окрестностей.

Он не стал тратить понапрасну время, выясняя, действительно ли я согласился идти добровольно...

2

Я вел капитана Грейлок к палатке, которую делил с двумя братьями — офицерами Падающего дождя. По долгому откосу наклонно падающего дождя ползла темнота. Мы тащились по мерзкой грязи. И пока не оказались под брезентовым покрытием — молчали. Мои товарищи по палатке были в патруле, так что места нам хватало. Я зажег огонь Святого Эльма и сел прямо на промокшие, положенные на пол доски.

— Садитесь, — пригласил я, указывая на единственный имевшийся в нашей палатке табурет. Он был одушевленный, а купили мы его в Сан-Франциско. Не особенно проворный, но все же мог тащить на себе наше снаряжение и подходить, когда его звали. Почувствовав на себе незнакомый вес, он беспокойно заерзал, а потом снова уснул.

Грейлок вытащила пачку "Крыльев" и подняла брови. Я кивнул в знак благодарности, и во рту у меня оказалась сигарета. Лично я в походе курю "Счастливые", самовоспламеняющиеся, — удобно, если спички окажутся отсыревшими. Когда я был на гражданке и мог себе это позволить, любимой моей маркой был "Филипп Морис".

Некоторое время мы молча попыхивали сигаретами и слушали дождь.

— Ну, — сказал я наконец, — полагаю, у вас есть какие-то транспортные средства.

— Моя личная метла, — сказала она. — Эти армейские "виллисы" мне не нравятся. Мне нравится "кадиллак". Я выжму из него больше, чем это возможно.

— У вас есть грим, пудра, безделушки?

— Только немного мела. Любое материальное средство не слишком полезно, когда его используешь против могущественного демона.

— Да? А как насчет воска, которым была запечатана бутылка Соломона?

— Не воск удерживал ифрита в бутылке, а печать. Чары создаются символом. В сущности, надо полагать, что их воздействие чисто психологическое. — Она затянулась, и на ее щеках образовались впадины.

И я понял, что капитан Грейлок, что называется, сахарная косточка...

— У нас будет возможность проверить эту теорию сегодня ночью, — сказала она.

— Ну, ладно. Надеюсь, вам захочется прихватить с собой какой-нибудь пистолет, заряженный серебряными пулями. У них, как вы знаете, тоже есть оборотни. Я возьму пистолет-пулемет сорок пятого калибра и несколько гранат.

— А как насчет спринцовки?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия всегда казалась мне богохульством (хотя и утверждали, что ее применение против порождений Нижнего мира допустимо).

— Бессмысленно, — сказал я. — У мусульман нет такого ритуала, и они, разумеется, не используют существ, которые им подчиняются. Я еще возьму с собой свою камеру "Поляроид".

Айк Абрамс просунул свой огромный нос в разрез палатки.

— Не хочется ли вам и леди немного подкрепиться, сэр? — спросил он.

— Что ж, конечно, хотим, — сказал я.

А сам подумал:

"Скверно, что свою последнюю ночь в Видгарде я проведу, как жвачное животное..."

Он исчез, и я объявил:

— Айк всего лишь рядовой, но в Голливуде играл в "Зове дебрей" и "Серебряном амиане". А здесь он с радостью назначил сам себя моим ординарцем.

— Знаете, — заметила она, — одно хорошо, по крайней мере, в нашу технологическую эру: теперь хоть нам известно, что не в одной стране был распространен антисемитизм. И не только среди немногих свихнувшихся. Нет, среди обычных респектабельных граждан.

— Действительно?

— Действительно. Особенно верили в чушь, что все евреи — трусы и на фронте их днем с огнем не сыщешь. Теперь, когда для большинства из них колдовство под запретом — по религиозным причинам (а ортодоксы волшебством вообще не занимаются), евреев в пехоте и в рейнджерах столько, что не заметить этого просто невозможно.

Я-то заметил, что герои комиксов и рассказов в дешевых журналах носят в основном еврейские имена. А что, разве англосаксы не принадлежат, как и евреи, к нашей культуре? Она сказала: "Правильно". И это доказывает, что она была чуточку большим, чем обычная машина для делания денег.

— Кем вы были на гражданке? — спросил я главным образом для того, чтобы заглушить непрекращающийся шум дождя.

— Я уже говорила вам, — огрызнулась она. — Служила в

колдовском агентстве. Реклама, объявления и так далее...

— О, а Голливуд весь фальшивый настолько, что и насмешки не заслуживает, — сказал я.

И ничего тут не поделаешь. Эти деятели с Мэдисон-авеню! От них в конечном итоге одна головная боль. Искусство содействует тому, чтобы, как пузыри, выскакивали самодовольные ничтожества. Или чтобы хорошо продавать вещи, главное достоинство которых в том, что они точно такие же, как и все, — не хуже и не лучше.

"Общество защиты животных от жестокого обращения" борется против того, чтобы русалок дрессировали для создания волшебных фонтанов при помощи заклинаний. Оно борется и против запихивания молодых саламандр в стеклянные трубки для освещения Бродвея. Но я по-прежнему полагаю, что это лучше, чем трубные рекламные вопли о духах "Маашер", которые на самом деле не что иное, как приворотное зелье.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Это часть нашей экономики. Часть всей нашей общественной жизни. Думаете, наш средний отечественный чародей способен починить, ну, скажем, машину для поливки газонов? Нет, черт возьми! Он, скорее всего, выпустит на волю духов воды. И если не будет противодействующих чар, затопит половину города. И тогда нам, ведьмам, придется убеждать гидр, что они обязаны подчиниться нашему волхованию. Я ведь уже говорила вам, что когда имеешь дело с этими существами, эффект чисто психологический. Чтобы добиться этого, я ныряла к ним с аквалангом.

Я покосился на нее с уважением. С тех пор как человечество осознало, насколько незначительно действие холодного оружия, и началось развитие магии, мир нуждается в отчаянно смелых людях. По-видимому, она относится именно к их категории.

Абрамс притащил две тарелки с пищевыми пайками. Вид у него был тоскливый, и я пригласил его присоединиться к нам. Но наше задание было секретным, а еще следовало обговорить некоторые детали.

Капитан Грейлок превратила кофе в мартини (недостаточно сухое), а годную лишь для собак и пехоты жратву — в мясо. Но если не ждать от женщины душевной тонкости, а довольствоваться едой, то еда была, если честно, лучшая, что водилась у меня за весь месяц.

После коньяка она невольно расслабилась, и я понял, что ее отталкивающая холодность — просто защита от разных скользких типов. И мы выяснили, что зовут нас Стив и Вирджиния.

Но затем сумерки сменились тьмой, и нам нужно было идти....

3

Возможно, вы думаете, что это чистейшей воды безумие — послать двух людей (из них одну женщину!) в расположение вражеских войск для выполнения такой задачи. Должно казаться, что, по меньшей мере, нужно было выслать бригаду рейнджеров. Но современная наука изменила войну в той же мере, как индустрию, медицину, быт, наконец. Данное нам задание было безрассудно-отчаянным в любом случае, и мы существенно ничего бы не выиграли, будь нас даже намного больше.

Видите ли, хотя практически каждый может научиться некоторым простейшим приемам колдовства — таким, как умение управлять метлой, произвести химчистку, овладеть токарным станком — лишь очень немногих представителей человечества можно считать подлинными знатоками этого искусства. На это требуются годы и годы учения и практики. А помимо того, необходимы врожденные способности. Это сродни превращению человека в животное. Если человек относится к тем немногим, у кого присутствуют необходимые хромосомы, то превращение в нужного ему зверя осуществляется почти инстинктивно. В противном случае необходимо воздействие внешней силы.

Ученые приятели поведали мне, что это искусство заключает в себе понимание Вселенной как набора канторовских бесконечностей. Внутри каждого данного класса часть равна целому и так далее. Одна хорошо подготовленная ведьма сможет сделать все, что окажется необходимым. Большой отряд в данной ситуации было бы просто-напросто легче засечь, а это значит рисковать представляющими ценность кадрами. Так что Ванбрух был прав, посылая лишь нас двоих.

Иногда на собственной шкуре приходится удостовериться, насколько здравы бывают принципы военных действий...

Мы с Вирджинией повернулись спинами друг к другу — чтобы переодеться. Она облачилась в брюки и куртку, я — в эластичную одежду, годящуюся мне для волчьего обличья. Мы надели шлемы, нацепили свое снаряжение и повернулись друг к другу. Она прекрасно смотрелась даже в этом зеленом, мешковатом одеянии.

— Что ж, — сказал я тихо, — пойдем?

Разумеется, страха я не испытывал. Каждый новобранец, вступая в армию, получает прививку от страха. Но то, что нас ожидало, мне не нравилось.

— Да, думаю, что чем раньше мы выйдем, тем лучше, — ответила она и, шагнув к выходу, свистнула.

Помело спикировало, приземлившись точно рядом с нами. Полосатая метла была раскрашена в самые фантастические

цвета. Но и сама по себе она была тоже хороша. Пенопластовые сиденья хорошо гасили ускорение, а прекрасно спроектированные откидные спинки походили на те, что использовались на армейских машинах. Управлял помелом приятель Вирджинии — громадный кот. Черный, как непроглядная ночь, и с недоброжелательно поблескивающими глазами. Он изогнулся дугой и с негодованием зафыркал. Погоднопредохранительные чары не давали дождю коснуться его, но пропитанный влагой воздух ему не нравился.

Вирджиния почесала его за ухом.

— О, Свертальф, — прошептала она. — Хорошая киса, эльф мой драгоценный, принц тьмы... Если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на воздушных, как облако, подушках, ты будешь пить сливки из золотой чаши...

Кот навострил уши и дал полный газ двигателю.

Я взобрался на заднее сиденье, удобно устроил ноги на стременах и откинулся на спинку. Девушка села передо мной и негромко запела. Помело резко рванулось вверх, земля провалилась, лагерь скрылся во мгле.

Мы с Вирджинией обладали колдовским зрением (если точнее, то умели видеть в инфракрасном спектре), так что в освещении не нуждались.

Помело поднялось над облаками. Вверху был виден гигантский звездный свод, внизу — белесый крутящийся сумрак. Мельком я заметил пару описывающих круги "П-56". Патруль. Каждый "П-56" состоит из шести крепко связанных между собой метел — чтобы поднять груз брони и пулеметов. Мы оставили их позади и устремились на север. Держа на коленях автомат, я сидел, слушая визг проносившегося мимо воздуха. Внизу смутно виднелись очертания холмов. Я заметил какие-то вспышки. Артиллерия вела дуэль. На таком расстоянии невозможно с помощью колдовства, например, сбить снаряд с курса. Ходили слухи, что "Дженерал электрик" работает над прибором, способным произвести заклинание в течение нескольких микросекунд, но пока большие пушки еще продолжали вести свою беседу.

Тролльбург лежал всего в нескольких милях от наших позиций. Я видел его. Город расстилался внизу, затемненный от наших пушек и бомбардировок. Как было бы славно, если бы у нас оказалось атомное оружие. Но пока тибетцы вращают свои колеса, молясь о предотвращении атомной войны, такого рода идеи останутся ненаучной фантастикой.

Кот вытянул трубой хвост и мяукнул. Вирджиния направила метлу вниз.

Мы приземлились в гуще деревьев, и она обернулась ко мне.

— Их дозор, должно быть, поблизости, — прошептала она. — Я не решилась приземляться на крышу. Нас было бы слишком легко заметить. Пусть путь в город начнется отсюда.

Я кивнул:

— Годится. Подождите минутку.

Я осветил себя фонариком. Как трудно было всего десять лет назад поверить, что трансформация зависит от того, как ярко светит луна! Затем Вирнер доказал, что этот процесс — просто один из тех, где поляризованный свет, с правильно подобранной длиной волны, воздействует на щитовидную железу. И... корпорация "Поляроид" сделала очередной миллион долларов на линзах превращения. Нелегко идти в ногу с нашим ужасным и удивительным временем, но я бы не сменил его ни на какое другое.

Обычно испытываемое ощущение такое, как будто весь покрываешься рябью и трясешься. Меня пронзила смешанная с восторгом боль. Короткое похмельное головокружение. Атомы перегруппировались, образуя новые молекулы. Некоторые нервные окончания удлинились, другие, наоборот, исчезли. Кости на мгновение сделались текучими, мышцы растягивались словно резиновые. Затем тело стабилизировалось. Я встряхнулся, просунул хвост через клапан облегающих брюк и ткнулся носом в ладонь Вирджинии. Она потрепала меня по шее, позади шлема.

— Молодец, — шепнула она. — В путь...

Я повернулся и нырнул в кустарник.

Многие писатели пытались описать возникающие при превращении ощущения, но все они потерпели неудачу. Ибо нет в человеческом языке подходящих слов. Зрение сделалось менее острым. Очертания звезд над головой расплылись, мир казался плоским и бесцветным. Зато все звуки ночи превратились почти в рев, это были сверхзвуки. Целая вселенная запахов била в ноздри. Запах мокрой травы и почвы, где кишели спешно спасающиеся бегством полевые мыши. От мышей исходил горячий запах, чуть сладковатый. Отчетливый резкий запах оружия, масла, нефти. Неясная вонь дыма... Бедное, без обоняния, полуглухое человечество с притупленными чувствами, ему неведомо это изобилие!

Труднее всего передать состояние моей психики. Я был волком. Волком, у которого и нервы, и жилы, и инстинкты — волчьи. И волчий же, острый, хотя и ограниченный разум. Я сохранил человеческую память. Но мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не растерять ее, ведь у меня были человеческие цели. Приходилось сдерживать себя, чтобы не пуститься в погоню за первым же попавшимся зайцем. Неудивительно,

что в былые времена оборотни заслужили дурную славу. Это было еще до того, как они поняли, что превращение подразумевает изменение психики, и оборотням начали с детства давать надлежащее воспитание.

Мой вес — сто восемьдесят футов, а закон сохранения материи соблюдается при превращениях столь же строго, как и остальные законы природы. Так что я был весьма крупным волком, с легкостью несся сквозь кусты, мчался вдоль лугов и оврагов, и моя тень скользила среди прочих движущихся теней. Я уже почти проник в город, когда уловил запах человека.

Я приник к земле. Серая шерсть дыбом встала на загривке. Я ждал. Мимо прошел часовой. Это был высокий бородатый мужчина. Его золотые серьги слабо поблескивали при свете звезд, и обернутый вокруг шлема тюрбан казался огромным на фоне Млечного Пути.

Я дал ему пройти и собрался двинуться следом, когда увидел следующего караульного Часовые были расставлены вокруг всего Тролльбурга. Каждый расхаживал по дуге в сто ярдов, встречаясь на ее концах с напарником. Да, будет непросто...

Какой-то неясный шум отозвался в ушах. Я пригнулся, стараясь слиться с землей. Вверху, словно привидение, проплыл один из их самолетов. Я увидел два пулемета и мужчин, сидящих на корточках за ними. Ковер неспешно летел на малой высоте, описывая круг над кольцом караульных. Тролльбург хорошо охранялся.

Как бы то ни было, Вирджинии и мне необходимо пробраться сквозь эти дозоры. Мне следовало совершить обратное превращение, чтобы использовать всю мощь человеческого разума. Инстинкт волка повелевал мне просто наброситься на ближайшего человека. Но тогда в мои покрытые шерстью уши вцепился бы весь гарнизон.

Выждать... Может быть, это действительно необходимо?

Сделав круг, я вернулся обратно в чащу. Свертальф цапнул меня ногтями и пулей взлетел на дерево. Вирджиния Грейлок испуганно вскочила, в руке ее блеснул пистолет. Затем она нервно засмеялась. Я мог бы и сам, в моем теперешнем облике, включить фонарик, висящий на шее, но ее пальцы справились с ним быстрее.

— Итак? — спросила она, когда я снова превратился в человека. — Что вы выяснили?

Я описал положение дел. Она нахмурилась и закусила губу. Губа, правда, была слишком хороша для того, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Скверно, — сказала Вирджиния. — Я боялась чего-нибудь подобного...

— Послушайте, вы сможете быстро обнаружить этого ифрита?

— О, да. Я училась в Конголезском университете и в совершенстве обладаю колдовским чутьем. А что из этого?

— Я отвлеку их внимание, нападу на кого-нибудь из часовых и подниму шум. У вас появится возможность незаметно пробраться через линию караула. Оказавшись в городе и надев шапку-невидимку...

— Нет. Их системы обнаружения не хуже наших. Все эти шапки-невидимки давно устарели.

— М-м... думаю, вы правы. Ну, как бы то ни было, в темноте будет легче пробраться туда, где хранится ифрит. Ну а там уж как повезет, заранее не угадаешь.

— Да, подозреваю, что примерно так и будут обстоять дела, — ответила она и вдруг сказала с поразившей меня нежностью: — Но, Стив, у нас все-таки есть некоторые шансы спастись...

— Только не в том случае, если они поразят меня серебром. Но вообще-то их пули, в основном, — обычный свинец. Расчет они ведут на той же основе, что и мы. Но в среднем каждая десятая пуля должна быть серебряной. Так что у меня, вероятно, девяносто шансов из ста вернуться обратно целым и невредимым.

— Лжец, — сказала она. — Но храбрый лжец!

— Вообще я не храбрый. Подмывает иногда помечтать о подвигах в Кузнечной долине, об Аламо, о холме Сан-Хуан. Или о Касабланке, под которой наша численно превосходящая армия остановила три Панцирные дивизии Африканского корпуса фон Огерхауза. Подмывает, но только, когда я уютно устроюсь где-нибудь в безопасности.

Предохраняющие от страха чары вдруг исчезли, в животе заворочался тяжелый ком волнения. Однако я не видел иной возможности завершить то, что мы обязаны сделать. Потерпи наша попытка неудачу, нас будет ожидать военно-полевой суд.

— Ладно, когда они пустятся в погоню за мной, я собью их со следа. Собью и постараюсь вновь встретиться с вами.

— О'кей. — Она вдруг встала на цыпочки и поцеловала меня.

Впечатление было ошеломляющим.

Я замер на мгновение, глядя на нее:

— Что вы делаете в субботу вечером? — Меня чуть-чуть трясло.

Она рассмеялась:

— Не забивайте себе голову, Стив. Я из кавалерии...

— Да, но война не может продолжаться до бесконечности. — Я улыбнулся. Улыбнулся через силу беспечной улыбкой, и глаза ее внимательно остановились на мне.

Мы обсуждали все детали так тщательно, как только возможно. Вирджиния никаких особых иллюзий не питала. Иф-

рита наверняка хорошо охраняют, да и сам по себе он представляет большую опасность. Рассчитывать, что нам обоим удастся увидеть восход солнца, означало не что иное, как наивность.

Я снова принял волчий облик и ткнулся ей в руку. Она взъерошила мне шерсть, и я скользнул в темноту.

По сторонам виднелись люди, медленно расхаживающие вперед и назад. Я избрал часового, удалившегося на некоторое расстояние от дороги, которую, разумеется, перегораживала застава.

Я скользнул за пень, находившийся почти точно на пути часового. Ждал.

Он приблизился, и я прыгнул. Успел только увидеть глаза и зубы, сверкнувшие на бородатом лице, услышал его вскрик, уловил исходившую от него струю страха... А затем мы столкнулись. Он упал отбиваясь, и я щелкнул зубами, целясь в глотку. Когда мои челюсти сомкнулись на его руке, я почувствовал горячий соленый вкус крови.

Он завизжал. Я понял, что крик услышан на линии охраны. Два ближайших сарацина уже мчались на помощь. Я разорвал первому глотку и приготовился прыгнуть на второго.

Он выстрелил. Пуля пронзила мое тело острой болью. Я зашатался. Но на мое счастье, он не знал, как ему следует поступать с оборотнем. Ему бы упасть на колено и стрелять безостановочно, пока не настанет черед серебряной пули. В случае необходимости ему следовало отбиваться от меня до последнего — пусть даже штыком — и продолжать стрелять. А этот... Он бежал ко мне, взывая к Аллаху.

Мои мышцы напряглись, и я рывком бросился на него. Проскользнув под штыком, затем под дулом, я ударил сарацина так, что должен был свалить его с ног. Но он устоял, вцепившись в мою шерсть, и повис на мне.

Я занес левую заднюю лапу ему за щиколотку и толкнул его. Он упал. Я оказался сверху, в той самой позиции, к которой всегда должен стремиться ввязавшийся в рукопашную оборотень. Крутанув головой и распоров клыками его руку, я вырвался из захвата.

Но прежде чем я успел расставить все точки над "i", навалились еще трое. Их саперные лопатки без конца вонзались мне в ребра. Обучали их паршиво. Я прогрыз себе дорогу из этой кучи малы (к тому времени их накопилось уже с полдюжины) и вырвался на свободу.

Сквозь запах пота и крови я уловил еле слышное дуновение духов "Шанель №15". Про себя я рассмеялся. Вирджиния, оседлав метлу, в футе над землей, на скорости обогнула свалку и была уже в Троллькурге. Теперь моя задача — унести ноги, уводя за собой погоню. И при этом не словить серебряную пулю...

Я завыл, чтобы поиздеваться над теми, кто выскочил из стоявших вдали зданий. И прежде чем пуститься через поле, дал хорошенько рассмотреть себя. Я бежал не спеша, так, чтобы они не потеряли меня из виду, но в то же время делал зигзаги, чтобы в меня не попала пуля. Спотыкаясь и воя, они мчались следом.

Все, что они могли знать, — совершена высадка десантников. Их патрули перегруппировались, весь гарнизон был поднят по тревоге. Но наверняка никто, за исключением нескольких избранных офицеров, не знает об ифрите. И никто из этих офицеров не догадывается, что мы получили о нем сведения. Поэтому догадаться, что мы задумали, невозможно. Может быть, нам удастся осуществить эту труднейшую операцию?..

Что-то внезапно устремилось на меня сверху. Один из проклятых ковров. Он пикировал, словно ястреб, и винтовки выплевывали огонь. Я кинулся по ближайшей, ведущей к лесу тропинке.

Под деревья! Дайте мне хотя бы пол-елочки, тогда я...

Не дали. Я услышал прыжки за спиной, учуял едкий чужой запах, и мне захотелось... скулить. Тигр-оборотень способен мчаться так же быстро, как и я.

На мгновение вспомнился один старик-проводник, который помогал мне на Аляске. Если бы в мгновение ока он оказался здесь! Он был оборотень-медведь...

Затем я, развернувшись, встретил тигра раньше, чем он успел наброситься на меня.

Он был огромный, футов пятьсот, не меньше, с громадными клыками. В глазах его тлел огонь. Он запросто мог переломить мой хребет. Тигр занес когтистую лапу, я кинулся вперед, укусил его и отскочил, прежде чем он успел ударить. Я слышал, как враги ломились через подлесок, пытаясь отыскать меня. Тигр прыгнул. Я уклонился и бросился к ближайшим зарослям. Может, я сумею пробраться там, где он не сумеет?..

С ревом, бушуя, он несся между деревьями за мной.

Я увидел узкую щель между двумя гигантскими дубами, слишком маленькую для него щель, и кинулся туда. Но за те полсекунды, что протискивался, он догнал меня. В голове моей взорвались и потухли огни...

4

Я находился вне времени и пространства. Мое тело отделилось от меня, а может, это я отделился от тела...

Но как же я мог осознавать бесконечную вечность темноты и холода этой пустоты, если у меня не было соответствующих

понятий? Как я мог испытывать отчаяние, если был не что иное, как точка, затерявшаяся в пространстве или во времени? Нет, даже не так. Ибо в настоящий момент вообще не было ничего. Ничего, что можно было бы осознать. Ничего, что можно было бы любить, ненавидеть или бояться. Ничего, о чем можно было бы хоть как-то поведать словами. Мертвец и то ощущал бы себя менее одиноким, ибо единственное, что существовало во всей Вселенной, был я.

Отчаяние...

Но в то же время, а может, на квадриллион лет позже или раньше мне явилось осознание чьего-то присутствия.

На меня глядел Солипсист. Беспомощный, практически ничего не чувствующий, я мог лишь прикоснуться к его мыслям. Они были такие, что не оставалось места даже надежде. Я вращался в бурных течениях его мыслей, слишком чужих, слишком огромных и непонятных, чтобы надеяться на спасение. Будто слышал урывками рев Ледовитого океана, в котором тонул...

Опасность. Этот и те двое. Определенно, они ужасно опасны. Но не только в данный момент, когда они всего лишь способствуют уничтожению нашего плана, и без того уже обреченного... Нет, позднее, когда созреет другой, следующий замысел. Великий замысел, в котором эта война — всего лишь первая страница... Что-то их выдает, что-то в них предостерегает, пусть и слабо, неясно еще об опасности...

Если бы только я мог более четко видеть во времени!..

Их нужно как-то уничтожить, устранить. Что-то нужно предпринять до того, как возникнет и возрастет их потенциальная опасность. Но пока я еще не могу ничего. Может быть, как это случается на войне, они погибнут. Но если нет, мне следует хорошо запомнить их и попробовать уничтожить их позже. Сейчас у меня слишком много иных дел, я должен сохранять семена, посаженные мною в этом мире. А голодные стаи вражеских птиц летят во множестве на мои поля... И орлы, охраняющие их со все возрастающей дикой яростью... Вы попадетесь еще, птицы, в мои ловушки... как попадется и тот, кто выпустил вас!

Да, так велика оказалась под конец сила его ярости, что я оказался выброшенным на свободу...

5

Я открыл глаза. И какое-то время ощущал лишь ужас. Меня спасла физическая боль, прогнавшая кошмары. Отбросив их туда, где они обычно обитают, их сменила мысль, что после удара я просто какое-то время находился в бреду.

Человеко-зверь в своей звериной ипостаси не настолько не-

уязвим, как полагает большинство. Не только серебро, которое является биохимическим ядом для процессов метаболизма, но и повреждение любого жизненно важного органа может повлечь за собой смерть. Если, конечно, поблизости не окажется хирурга, который успеет до того, как отомрут клетки, пришить вам искалеченный орган. Я, вероятно, получил удар, который сломал мне шею. Мой спинной мозг не был поврежден окончательно, и все заживало с обычной для зверя скоростью. Беда в том, что они взяли и тут же превратили меня в человека — до того, как зажили соответствующие повреждения. Я не мог удержать голову, и меня вырвало.

— Вставай! — Чей-то сапог воткнулся мне в ребра.

Шатаясь, я поднялся. Все мое снаряжение тут же убрали подальше. В том числе и фонарик. Несколько человек держали меня под прицелом ружей. Рядом стоял человек-тигр. В своем человеческом обличии он достигал почти семи футов роста и был чудовищно толст. Прикрыв глаза от головной боли, я разглядел на нем знаки различия эмира. В те времена это скорее считалось воинским званием, чем титулом, но, как бы то ни было, он был весьма важной персоной.

— Пойдемте, — сказал он и пошел впереди, а я, подталкиваемый его людьми, двинулся следом.

Я увидел ковры в небе, услышал вой их оборотней, рыщущих в поисках других американцев. Но мне было слишком плохо, чтобы заботиться еще и об этом.

Мы вошли в город. Его тротуары глухо заурчали под нашими сапогами. Мы направились к центру. Тролльбург не был большим городом. Возможно, некогда в нем насчитывалось тысяч пять населения. Улицы по большей части были пусты. Я увидел несколько отрядов сарацин, палящих в небо из противовоздушных орудий. Мимо тяжело и неуклюже прополз дракон. Повсюду располагались бронебойные пушки. Никакого гражданского населения. Но я знал, что привлекательные молодые женщины угодили в офицерские гаремы, а остальные мертвы, либо сидят под землей, ожидая отправки на невольничьи рынки.

Когда мы добрались до отеля, где располагался вражеский штаб, головная боль у меня утихла. Мозг снова стал ясным. При данных обстоятельствах это было подозрительным везением. Меня провели по лестнице в номер люкс и приказали остановиться перед столом. Эмир сел за стол, рядом расположился юнец-паша из разведки. С полдюжины охранников выстроились вдоль стен.

Эмир повернул свое огромное лицо к паше, сказав ему что-то на своем языке. Как я предположил, следующее: "Вести допрос буду я, а вы наблюдайте".

— Итак, — сказал он на хорошем английском языке, — у нас есть несколько вопросов. Пожалуйста, назовите себя.

Я механически заявил ему, что меня зовут Шерринфорд Майкрофт, я капитан армии США и назвал свой номер.

— Это не настоящее имя, не так ли? — спросил он.

— Разумеется, нет, — ответил я. — Мне известна Женевская конвенция. Вам не удастся околдовать меня с помощью моего же имени. "Шерринфорд Майкрофт" — это мое "Джон Смит".

— Халифат не подписывал Женевскую конвенцию, — спокойно сказал эмир, — и когда джихад требует использования крайних мер, то... Хорошо, в чем состояла цель вашей вылазки?

— Не стоит требовать моего ответа, — сказал я. Можно было бы промолчать, все равно это давало бы выигрыш во времени Вирджинии. Но все же молчать было хуже.

— Возможно, вас удастся разговорить, — заявил он.

Происходи дело в кино, я бы отвечал, что вышел, к примеру, собирать на лугу маргаритки. И безостановочно острил бы в то время, когда они плющили в тисках мои пальцы. Но в реальности их методы куда более действенны.

— Ладно, — сказал я, — меня послали в разведку.

— В одиночку?

— Нет. Нас было несколько человек. Надеюсь, что они удрали.

Возможно, это заявление займет его ребятишек на какое-то время, пусть порыщут.

— Лжете, — бесстрастно сказал он.

— Коль вы мне не верите, ничем не могу помочь, — пожал я плечами.

Его глаза сузились:

— Скоро я выясню, говорите ли вы правду. Если нет, то пусть тогда вас милует Иблис.

Я не мог с собой справиться, вздрогнул, жемчужины пота выступили на моей коже. Эмир рассмеялся. Это был неприятный смех — какой-то рык с завыванием, ворочающийся в его жирной глотке. Как у тигра, забавляющегося с добычей.

— Обдумайте свое решение, — посоветовал он и углубился в изучение разложенных на столе бумаг.

В комнате сделалось совсем тихо. Стражники замерли, словно отлитые из бронзы. Перед глазами торчала сонная физиономия юнца в тюрбане. За спиной эмира в окно глядела тьма ночи. Слышно было только громко тикающие часы и шорох бумаг. И казалось, это только усугубляло тишину.

Я вымотался, голова болела, пересохший рот мучал мерзостный привкус. Я не имел права упасть, и от усилия моя крайняя физическая усталость усугубилась еще больше. Мне поду-

малось, что эмир, должно быть, боится нас, если прилагает столько усилий, чтобы захватить одного-единственного пленника. Честь и слава американцам... Но меня это сейчас мало утешало.

Я огляделся. Особо смотреть было не на что: обычная гостиничная обстановка. Стол эмира был завален всякой всячиной: круглым кристаллом, бесполезным, потому что мы тоже умели создавать помехи, прекрасной работы алмазной вазой (выкраденной из чьего-то дома), набором премилых хрустальных рюмок, коробкой для сигар из кварцевого стекла, графином, наполненным неизвестно чем, но похожим на хорошее шотландское виски. Я решил, что эмиру просто нравится все хрустальное и прозрачное.

Он захотел попотчевать себя сигарой, мановением руки открыл сигарницу, "Гавана" воткнулась ему в рот и самовоспламенилась. Одна за другой тащились минуты. Пепельница время от времени воспаряла вверх, чтобы получить очередную порцию пепла. Я догадался, что все, что ему сейчас нужно, — это вот так медленно и лениво поднимать и опускать пепельницу. Этот толстяк, дорого заплативший за пребывание в шкуре действительно огромного оборотня, нуждался в подобного рода комфортабельном отдыхе.

Было очень тихо. С потолка лился ослепительный свет. И в этом было нечто чудовищное, неправильное. Наши обычные, добрые огни Святого Эльма, производства "Дженерал электрик", сверкали над увенчанными тюрбанами головами.

Я уже начал отчаиваться, когда вдруг блеснула идея. Как воплотить ее в жизнь, я пока не знал, но хотя бы просто для того, чтобы быстрее прошло время, начал составлять заклинание.

Вероятно, прошло с полчаса (хотя мне показалось — полстолетия), когда дверь открылась, и мелкими шажками вошел фенник — маленькая лиса африканской пустыни. Эмир поднял глаза.

Вошедший, естественно, оказался карликом, едва ли в фут ростом. Он распростерся на полу и быстро заговорил высоким прерывистым фальцетом.

Эмир медленно повернулся ко мне:

— Мне сообщили, что не найдено никаких признаков следов, кроме ваших. Вы лгали.

— Разве я не сказал вам? — спросил я. В горле у меня появилось ощущение, словно там провели наждаком — такое чужое было горло. — Мы применили сов и летучих мышей. Волком был только я.

— Замолчите, — сказал он невыразительно. — Я знаю не хуже вас, что летучие мыши-оборотни могут быть только вам-

пирами и что во всей вашей армии нет пригодного для военной службы вампира.

Это была правда. Некоторые кабинетные генералы постоянно вопрошают, почему бы не создать подразделение дракул. Ответ тривиален. Они слишком уязвимы, так как не выносят солнечного света. И если не получают без перебоев своей порции крови, то способны наброситься на своих же товарищей. А также их невозможно использовать там, где есть солдаты-итальянцы.

Я проклинал себя, но мой разум оцепенел, и я никак не мог придумать выход из этого затруднительного положения.

— Полагаю, вы кое о чем умалчиваете, — сказал эмир. Он махнул рукой. Графин сам налил в рюмку порцию шотландского, которое эмир принялся неторопливо потягивать.

Еретичность правящей Халифатом секты еще и в ее отношении к спиртным напиткам. Руководители секты утверждают, что хотя Пророк запретил вино, однако он ничего не сказал насчет пива, джина, виски, коньяка и рома.

— Придется использовать более действенные меры, — сказал наконец эмир. — А я надеялся избежать этого... — И он кивнул охране...

Двое держали меня за руки. А обрабатывал паша. У него это хорошо получалось. Фенник-оборотень наблюдал с жадностью. Эмир попыхивал своей сигарой и продолжал заниматься бумагами.

Через несколько долгих минут он приказал прекратить. Меня отпустили, даже поставили рядом стул, который был мне действительно крайне необходим.

Я сел, тяжело дыша. Эмир с сожалением посмотрел на меня.

— Сожалею, — сказал он. — Мне это вовсе не доставило удовольствия...

Странно, но я поверил ему.

— ...Нам бы хотелось надеяться, что вы окажетесь более благоразумным — иначе мы будем вынуждены повторить то же самое. Кстати, не хотите ли сигару?

Все та же процедура. Избейте человека, чтобы на нем живого места не осталось, а потом продемонстрируйте ему свою доброту. Как часто он после этого, разрыдавшись, ломается.

— Нам необходимы сведения о вашей армии, о ваших планах, — сказал эмир. — Если вы согласитесь сотрудничать и примите истинную веру, вы сможете занять среди нас почетное место. Нам, в Халифате, по душе хорошие люди. — Он улыбнулся. — Когда война кончится, вы, если того пожелаете, сможете набрать гарем в Голливуде.

— А если я не расколюсь? — пробормотал я.

Он развел руками:

— Тогда у вас никогда не появится желания завести гарем. Выбирать вам.

— Дайте подумать. Это все нелегко...

— Пожалуйста, думайте, — вежливо ответил он и вернулся к своим бумагам.

Я сидел расслабившись, насколько можно, затягивался сигаретой и шумно выпускал дым. Их техники смогут снять чары нашей армии только в том случае, если я дам на то добровольное согласие. А мне его давать не хотелось.

А что, если, предположим, выпрыгнуть в окно за спиной эмира? Это значит упасть со второго этажа на мостовую. Могу и разбиться насмерть. Но это все равно предпочтительнее всех других предоставленных мне возможностей.

Я повторил про себя составленное мною заклинание. Настоящий специалист, согласно общепринятым научным правилам, должен знать, по крайней мере, хоть один вымерший язык — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, старонорвежский или другой. Особенно сильно на сверхъестественные феномены с помощью обычных слов не повлияешь, не считая, конечно, некоторых обыденных штампов того необходимого минимума, чтобы управляться с окружающей нас повседневной жизнью. Я в этой области специалистом не был.

Тем не менее я очень неплохо знал один несколько экзотический диалект. Я не знал, сработает ли он, но можно было попытаться. И я решился. Мышцы мои напряглись и дернулись. Столбик пепла моей сигары обломился, и когда я снова поднял сигару из пепельницы, на ней собралось немного пепла от сигары эмира. Я повторил, поднес сигару ко рту и пробормотал заклинание:

Собирайся, пепел, в путь!
Вверх стремится пепел враз!
Пепел, путь свой не забудь —
Отправляйся прямо в глаз!

Я зажмурил правый глаз и поднес пылающий кончик сигары прямо к веку.

Эмирская "Эль Сумо" подскочила и воткнулась в его правый глаз. Эмир завизжал и опрокинулся на спину.

Я вскочил и прыгнул к феннику-оборотню. Благодаря этому он оказался в зоне моей досягаемости. Тыльной стороной ладони я врезал ему по тощей грязной шее и содрал болтающийся на ней фонарик.

Охрана взвыла и скопом двинулась на меня. Я перелетел через стол и, прихватив по дороге графин, оказался рядом с эмиром. Обезумев от боли, он вцепился в меня. Его глаз пре-

вратился в страшную рану, на которую нельзя было смотреть без ужаса.

Замахнувшись графином, я завопил:

Я свободен словно свет,
Отпусти тотчас меня,
Для меня преграды нет,
И опять свободен я!

Прокричав заклинание, я запустил графином в охрану. Стишки были вшивые и могли не сработать, если бы эмир осознал, насколько они вшивые. Но я высвободился.

А затем и шар, и пепельница, и чаша, и рюмки — все отправилось вслед за графином. В воздухе стало не продохнуть от битого стекла.

Ждать и смотреть, что получится, я не собирался и пулей вылетел из окна. Приземлился на обочину, подскочил — и рванул изо всех сил.

6

Солдаты были повсюду. Вслед мне дождем сыпались пули. Я наверняка установил мировой рекорд в беге, пока мчался до ближайшего переулка. Колдовским зрением усмотрел открытое окно, извернулся и нырнул в него. Скорчившись под подоконником, слушал, как мимо несется погоня.

Это была подсобка разграбленной бакалейной лавки. В ней как раз было достаточно темно для того, что я собирался сделать. Я повесил фонарик на шею, направил его на себя и совершил превращение. Преследователи вернутся через минуту, поэтому мне следовало побыстрее стать неуязвимым для свинца.

Превратившись в волка, принюхался в поисках другого выхода. Задняя дверь была приоткрыта. Я скользнул туда. Двор, забитый разными старыми упаковками и ящиками, был хорошим убежищем. Я залег там, стараясь совладать со своей волчьей натурой — ужасно подмывало напасть на них, шмыгающих совсем рядом.

Они ушли, и я попытался обдумать создавшееся положение. Велико было искушение, задрав хвост, бежать из этого окаянного места. Вероятно, я смог бы это сделать и с формальной точки зрения свою часть поставленной перед нами задачи выполнил бы. Но в действительности-то дело не закончено, Вирджиния один на один с ифритом (если она еще жива) и...

Когда я попытался вспомнить, как она выглядит, то возник такой образ: волчица с приятным запахом. Я яростно затряс головой. Усталость и отчаяние волнами захлестывали мой разум, поэтому верх брали инстинкты зверя.

Если я собирался что-то делать, то надо было пошевеливаться.

Я поразмышлял, принюхался, озираясь во все стороны. Город был полон наводящих смущение запахов. Но я уловил слабое, отдающее серой дуновение и осторожно затрусил в том направлении. Я держался в тени, и, хотя был замечен дважды, меня не тронули. Вероятно, полагали, что я из их шайки. Резкий запах серы делался все сильнее.

Они хранили ифрита в здании бывшего городского суда в хорошем, прочном на вид, солидном строении. Тщательно принюхиваясь к приносимым ветром запахам, я прошел через маленький парк, разбитый перед зданием. А затем стремглав пронесся вверх по ступенькам. На площадке валялись тела четырех солдат с раненными глотками. Возле двери была припаркована машина-метла. Вероятно, поскольку одна из деталей управления метлой представляет собой острый двенадцатидюймовый стержень, Вирджиния использовала его в качестве дротика.

Моя человеческая составляющая, не избавившаяся еще от ложных романтических бредней, попятилась было в ужасе, однако волк в довольной усмешке оскалил зубы. Я ударил всем телом в дверь. Замок вылетел, и она открылась. Я сунул нос в щель и едва успел отпрянуть, так как неузнавший меня Свертальф чуть не вцепился в меня когтями. Но, узнав, он резко дернул хвостом, и я проследовал мимо него в вестибюль. Едкий запах лился с лестницы, ведущей наверх. В глухой тьме я взобрался по ней.

В помещении на втором этаже горел свет. Я толкнул неплотно закрытую дверь и вошел. Вирджиния была здесь. Задернув занавески, она как раз зажигала огни Святого Эльма и была весьма занята своими приготовлениями. Глянула на меня испытующе, но занятия своего не прекратила, напевая при этом заклинания. Я уже устроил свое косматое туловище около двери и стал наблюдать за ней.

Она нарисовала мелом обычную для таких случаев фигуру — что-то вроде Вашингтонского Пентагона. Внутри нее начертила Звезду Давида и поместила в центр бутыль Соломона. Это была просто старая посудина из необожженой глины. Ее полая ручка загибалась вверх и уходила внутрь бутылки. Всего-навсего "бутылка Клейна", с горлышком, запечатанным красным воском. На воске печать Соломона. Вирджиния распустила волосы, и они летучим рыжеватым облаком окружили ее бледное красивое лицо.

Волчья часть моего сознания изумилась, почему мы просто не удираем, прихватив этот сосуд. Но человек напомнил волку,

что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности (магические, конечно), чтобы бутылку нельзя было раскупорить за пределами этой комнаты или вынести отсюда. Мы должны здесь вывести демона из строя. Мы просто обязаны сделать это. Ведь ни у кого в нашей стране нет никаких знаний о демонах этой расы.

Вирджиния закончила петь заклинания, вытащила затычку и отпрыгнула от пятиугольника. Из посудины повалил дым. Она едва успела отпрыгнуть, как выбрался на волю ифрит. Я зажал хвост между лапами и заворчал. Вирджиния тоже была испугана. Она изо всех сил старалась не показать этого, но я уловил запах адреналина.

Ифрит, чтобы уместиться в комнате, согнулся почти вдвое. Это более или менее человекоподобное чудовищное создание, с кожей серого цвета, имело крылья, рога и длинные уши. У него были громадные клыки и глаза как тлеющие угли. Голый. Его боевые качества: сила, быстрота и практическая неуязвимость. Выпущенный на волю, он мог отразить практически любую атаку Ванбруха и нанести ужасающие потери, как бы старательно мы ни окапывались в обороне. Овладеть контролем над ним впоследствии было бы жуткой проблемой. Он превратил бы в пустыню всю страну. Но с какой стати это должно заботить сарацин? Ведь он будет сражаться на их стороне — это то, что они потребовали у него в качестве платы за освобождение.

Он проревел что-то на арабском. Из его рта вылетали клубы дыма. Вирджиния, на фоне его полуразвернутых, похожих на те, что у летучих мышей, крыльев, выглядела совсем крохотной, да и голос ее прозвучал не так спокойно, как ей того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Или ты слишком невежествен?

Демон *вознегодовал* и *обиделся*:

—О отродье тысячи бабуинов!

От его громового голоса у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— О ты, бледная и трусливая тварь. Тварь, которую я могу убить одним мизинцем! Приблизься ко мне, если смеешь!

Я был испуган не столько тем, что он начинает крушить все подряд, сколько производимым им шумом. Его было слышно, наверное, на четверть мили.

— Замолчи, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Это на него подействовало. Как и большинство порождений ада, он не мог выносить упоминания святого имени. Но чтобы это всерьез подействовало, нужны были условия, которых мы воспроизвести не могли.

Вирджиния, подбоченясь, задрала голову навстречу огненному взгляду:

— Вижу, что Сулейман ибн Дауд не напрасно заточил тебя. Возвращайся в свое жилище и никогда не выходи из него, иначе гнев Небес поразит тебя!

Ифрит презрительно усмехнулся.

— Знай, что Сулейман-мудрый уже три тысячи лет как мертв, — парировал он. — Долгие годы провел я в тесной темнице. Я, для которого не было никогда преград ни на земле, ни в небе! И вот сейчас, когда я наконец получу свободу, узнают мощь моей мести хилые потомки Адама!

Он указал на невидимую преграду, содержащую несколько миллионов "пси". Она надежно удержит его до тех пор, пока кто-нибудь из сведущих в этих делах не сотрет линии.

— О ты, бесстыжая, обнажившая свое лицо проститутка, с волосами, как пламя ада! Знай, что я — Рашид Могучий, победитель Птиц Рух! Приблизься ко мне и сразись, как мужчина!

Я пододвинулся ближе к девушке, шерсть на моем загривке опять поднялась дыбом. Ее ладонь, коснувшись моей головы, была холодной.

— Параноидальный тип, — шепнула Вирджиния. — Большинство этих вредоносных порождений Низших Миров — психопаты. А этот еще и глуп. У меня нет никакого волшебства, которое напрямую заставило бы его подчиниться. Но... — уже громко сказала она ифриту, — замолчи, Рашид, и выслушай меня. Я тоже принадлежу к твоей расе и требую соответствующего к себе отношения.

— Ты? — Он фальшиво и громко расхохотался. — Ты из расы Марида?! Эй ты, с лицом, похожим на рыбью морду, если ты подойдешь ближе, я докажу, что ты не годишься даже на...

Остальное он изобразил жестом. Но было бы не по-джентльменски воспроизводить его здесь.

— Нет, выслушай меня, — сказала девушка. — Смотри и внимай мне.

Она сделала пассы и произнесла формулу. Я узнал заклинание, которое не позволяет произнесшему его солгать во время важного для него разговора. И хотя в наших судах не используют этот способ, но я слышал, что он применяется во время судебных разбирательств в других странах.

Демон тоже понял, что это означает. И я сообразил, что сарацинские эксперты, накачав его английским (это повышало его боевую эффективность), добавили отрывки сведений о современном мире.

Ифрит угомонился и начал внимательно слушать.

Вирджиния сказала:

— Теперь я ничего не могу говорить, кроме правды. Ты согласен, что предмет и его обозначение есть одно и то же?

— Да, — прогрохотал ифрит. — Это общеизвестно.

Я почуял ее облегчение. Первое препятствие взято! Его не обучали принципам научной магии! Хотя, разумеется, имя находится в симпатической связи с предметом (на этом основаны заклинания и многие другие методы колдовства), но Кораибский (уже в нашем столетии) доказал, что слово и обозначенный им объект не идентичны.

— Прекрасно, — сказала Вирджиния. — Мое имя Джинни.

Он уставился на нее в изумлении:

— Это действительно твое имя?

— Да. Будешь ли ты теперь слушать меня? Я пришла дать *тебе совет. Ты знаешь, я* обладаю могуществом и отдаю его на милость Аллаху Всемогущему, Всезнающему, Сострадающему.

Он сердито сверкнул глазами. Но, согласившись, что она принадлежит к его роду, ему приходилось сдерживать свою грубость. И даже проявлять готовность быть галантным.

Она не могла лгать, давая ему совет. Однако ему и в голову не пришло, что, советуя, ей достаточно было кое о чем просто умолчать.

— Ладно, продолжай, если хочешь, — прорычал он. — Известно ли тебе, что завтра я отправляюсь в поход, чтобы уничтожить язычников? — Видимо, *эти слова подстегнули его мечты* о славе. — Я разорву и растопчу их. Я разотру их в мелкий порошок и освежую. Они узнают мощь Рашида яркокрылого, яростного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния терпеливо подождала, пока он перечислял все свои достоинства, а потом мягко сказала:

— Но, Рашид, скажи: зачем ты должен убивать, разрушать и вредить? Ведь ты не получишь взамен ничего, кроме ненависти!

И вдруг в его рыке прорезался скулежный визг:

— Ай-ай-ай, ты говоришь правду! Весь мир ненавидит меня! Все против меня! Никогда Сулейман не пленил бы меня! Что бы я ни пытался сделать, этому всегда препятствовали завистливые злопыхатели. Но завтра придет день расплаты!

Вирджиния недрогнувшей рукой зажала сигарету и выпустила дым в ифрита:

— Как можешь ты доверять эмиру и его приспешникам? Он тоже твой враг. Все, что он хочет, — это чтобы ты сделался послушным оружием в его руках! А затем — обратно в бутылку!

— Почему... Как? Почему? — Тело ифрита распухло так, что *заскрипел искривляющий* пространство барьер.

Из ноздрей его с треском вылетели молнии. Вероятно, эта мысль не приходила ему в голову. Особым умом его раса явно

не отличалась. Но разумеется, грамотный психолог способен понять, к чему приведет параноика его логика.

— Разве ты не ощущал вокруг себя враждебности на протяжении всей своей долгой жизни? — быстро продолжала Вирджиния. — Вспомни, Рашид, вспомни. Чем встретил тебя этот злобный, завистливый мир — ведь жестокостью, разве не так?

— Ай... Так и было. — Похожая на человеческую, голова склонилась, голос упал до еле слышного шепота. — Меня ненавидели с самого детства... Ай, моя собственная мать ударила меня крылом так, что сбила с ног!

— Может, это получилось нечаянно? — спросила Вирджиния.

— Нет. Она всегда предпочитала моего старшего брата... Этого деревенщину!

Вирджиния села, закинув ногу за ногу.

— Расскажи мне об этом, — попросила она, и в ее голосе прозвучала жалость.

Я почувствовал, как ослабела страшная сила, изнутри распиравшая барьер. Ифрит опустился на свои окорока, полузакрыв глаза. Он прокручивал в памяти происшедшее за миллионолетие. А направляла его Вирджиния. Я не понимал, что она задумала. Вряд ли она могла провести психоанализ монстра всего лишь за ночь. Но...

— Ай... Мне было всего три сотни лет, когда я упал в яму... Наверняка, ее вырыли враги!

— Но ты, конечно, вылетел из нее? — мурлыкнула Вирджиния.

Ифрит завращал глазами. Физиономия его передернулась и, покрывшись морщинами, стала еще уродливей.

— Я же сказал, что это была яма!

— Случайно, не озеро? — сочувственно справилась Вирджиния.

— Нет! — С его крыльев посыпались молнии, грохнул гром. — Не эта распроклятая мерзость... Но нечто темное, мокрое... Нет, даже не мокрое. Это был какой-то обжигающий холод.

Мне показалось, что Вирджиния ухватила важную ниточку. Она опустила длинные ресницы, чтобы скрыть внезапно вспыхнувший в ее глазах блеск. Я только мог догадываться, каким потрясением было случившееся для эфирного демона. Как шипели его огни, превращаясь в пар, пока он тонул. И как долго после этого он, должно быть, внушал себе, что ничего подобного не было. Но как сможет использовать это Вирджиния?

Молнией влетел Свертальф и затормозил, упершись всеми четырьмя лапами в пол. Шерсть на нем, до последнего волоска,

стояла дыбом, встревоженные глаза уставились на меня. Он прошипел что-то и снова вылетел из дверей. Должен заметить, что я там оказался раньше него.

Из вестибюля снизу доносились голоса. Я посмотрел и увидел, что там носятся солдаты. Вероятно, пришли выяснить, что тут за шум, и увидели убитых стражников. Поскольку их было немного, они, должно быть, уже послали за подкреплением.

Что бы там ни собиралась сделать Джинни, но на это ей нужно было время...

Одним прыжком я оказался внизу и вцепился в сарацинов. Образовался вопящий и бурно шевелящийся клубок. Они меня чуть не расплющили своей массой, но зато мои челюсти оставались свободными, и я пользовался ими вовсю. А затем с тыла на них набросился оседлавший метлу Свертальф.

Кое-что из оружия сарацин мы затащили в вестибюль (челюсти сгодились и на это) и уселись ждать. Я решил, что останусь волком. Иметь руки, конечно, хорошо, но еще лучше быть неуязвимым для большинства тех штучек, которыми располагали сарацины. Свертальф задумчиво обследовал пистолет-пулемет, приладил его на подпорке возле стены и согнулся над ним.

Я не спешил. Каждая минута, которую мы проведем здесь, пока продержимся, отражая атаку, — это минута, выигранная для Джинни. Я положил голову на передние лапы и замер. Но скоро, слишком скоро я услышал грохот мчащихся по тротуару солдатских сапог.

В приближающемся на подмогу отряде была почти сотня сарацин. Я увидел, как они колышутся темной массой, уловил отблеск звезд на стволах их оружия. На короткое время они сгрудились возле убитых нами охранников. А затем завопили и кинулись вверх по лестнице.

Свертальф застрочил из автомата. Отдача отбросила его, и он с воем прокатился по вестибюлю. Но двоих уложить успел. Остальных в дверном проеме встретил я.

Ударь клыком, укуси, прыгни туда, теперь обратно... Рви их, полосуй, рычи! Они уже не спешили, неуклюже столпившись у входа. Еще одна моя атака, и они отступили, оставив на месте с полдюжины убитых и раненых.

Я выглянул в дверное окошко и увидел моего приятеля — эмира. Глаз его скрывала повязка, но он носился вокруг своих людей, пытаясь побудить их к действию. Такой энергии я от него не ожидал. Небольшие группки откалывались от главного отряда и мчались куда-то в сторону. Ясно, что не куда-то, а к другим входам и окнам.

Я взвыл, когда понял, что помело мы оставили снаружи.

Теперь уже никто не сможет спастись, даже Джинни. Негодующий вой превратился в рычание, и я услышал звон стекол и грохот сбивающих замки выстрелов.

Но этот Свертальф оказался умной киской. Он взялся за свой пистолет-пулемет и снова открыл огонь. Затем мы отступили к лестнице.

Они наступали на нас в темноте. Вслепую нащупывали дорогу. Я не мешал им, но первый, кто взошел на ступени, умер бесшумно и быстро. Второму, правда, хватило времени для визга. И вслед за ним поперла вся банда...

Поскольку они не могли стрелять в такой темноте и давке, не рискуя уложить кого-нибудь из своих, то атаковали лишь с помощью кривых сабель. А этим саблям я ничего противопоставить не мог. Свертальф палил по ногам, а я рвал их как мог — сплошные вой и крик, треск и лязг зубов... Аллах а акбар, так сверкайте зубы в ночи!

Лестница была узкой, и это выручало. Их раненые им же и мешали. Но уж слишком явен был перевес врагов. На меня одновременно лезло около сотни храбрых мужчин. Пришлось отступить на шаг, а потом еще и еще. Не отступи — и они окружили бы меня. Но я успел добавить к тем, что уже полегли, еще более дюжины. И на каждом футе, на который приходилось отступать, мы оставляли еще нескольких. И выигрывали время.

У меня не сохранилось четких воспоминаний об этой битве. О таких вещах редко помнишь. Но должно быть, прошло около двадцати минут, прежде чем они, разъяренно вопя, откатились. У подножия лестницы стоял сам эмир. Он хлестал хвостом по своей ярко раскрашенной шкуре.

Я постарался сбросить с себя усталость, готовясь к последней схватке. Вверх по ступеням медленно надвигался на нас одноглазый тигр. Свертальф зафыркал. Внезапно он перепрыгнул через перила, оказавшись за спиной этой громадной кошки, и исчез во мраке. Что ж, он позаботился о целости и сохранности своей собственной шкуры.

Мы уже почти сошлись нос к носу, когда эмир занес надо мной лапу. Я кое-как увернулся и вцепился ему в глотку. Все, чего в тот момент добился, — это полная пасть отвисшей от тела шкуры, но постарался вгрызться глубже.

Он взревел и затряс головой. Мотаясь из стороны в сторону, словно маятник, я зажмурился и сжал челюсти еще крепче. Он полоснул длинными когтями мои ребра. Я отшатнулся, но зубы не разжал. Он сделал выпад и подмял меня под себя. Челюсти его лязгнули. Боль пронзила мой хвост. Я взвыл и отпустил его.

Одной лапой он пригвоздил меня к месту и занес другую, готовясь переломить мой хребет. Каким-то чудом, обезумев от

боли, я извернулся, высвободился, ударил его, попал в неповрежденный глаз — и вышиб этот сверкающий глаз из глазницы.

Он завизжал и взмахом лапы отшвырнул меня как котенка к перилам. Там я и упал почти без сознания и уже готовился испустить дух. А ослепший тигр метался в агонии. Зверь возобладал в нем над человеком, и он, скатившись по ступеням, учинил страшное побоище своим же собственным солдатам.

И вдруг над этой свалкой пронеслась метла. Добрый старый Свертальф! Он удрал только для того, чтобы вернуть нам средство передвижения. Я видел, как он подлетел к двери, за которой находился ифрит, и как поднялся, покачиваясь, готовый встретить следующую атаку сарацин.

Но они все еще пытались справиться со своим же боссом.

Я согнулся, обрел дыхание и встал. Смотрел, принюхивался, слушал. Мой хвост, казалось, горел в огне. Половины его как ни бывало.

Пистолет-пулемет завел свою прерывистую песню. Я словно слышал, как клокочет кровь в легких эмира. Он был силен и умирал трудно.

"Вот и тебе конец, Стив Матучек, — подумал сидевший во мне человек. — Они сейчас как раз делают то, с чего должны были начать. Встанут внизу и начнут поливать тебя огнем. А каждая десятая пуля — серебряная..."

Эмир упал и, разинув пасть, испустил дух. Я ждал, когда его люди очухаются и вспомнят обо мне.

Над лестницей, на помеле, появилась Джинни. Ее голос доносился откуда-то очень издалека:

— Стив! Сюда! Скорее!

Я ошеломленно помотал головой, пытаясь понять, что означают ее слова. Я был слишком измотан, во мне было слишком много волчьего. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это до меня дошло.

С помощью ремня она втащила меня на помело и крепко обхватила. Пилотировал Свертальф. Мы вылетели в окно на втором этаже и устремились в небо.

На нас тут же набросился оказавшийся поблизости ковер-самолет. Но Свертальф добавил мощности, и наш "кадиллак" оставил врага далеко за кормой.

И тут я отключился...

7

Когда я пришел в себя, то лежал ничком на койке в больничной палате. Снаружи лился яркий дневной свет. Когда я застонал, в палату заглянул медик.

— Привет, герой, — сказал он. — Лучше оставайся пока в лежачем положении. Как ты себя чувствуешь?

Я подождал, когда ко мне полностью вернется сознание. Потом принял от него чашку бульона.

— Что со мной? — прошептал я.

(Меня уже, разумеется, превратили в человека.)

— Можно считать, что твои дела не так уж и плохи. Правда, в ранах завелась кое-какая инфекция — стафилококки, та самая разновидность, что поражает и человека, и собакообразных. Но мы вычистили этих зверушек с помощью нашей антибиотической техники. Помимо всего, потеря крови, шок и явно давнишнее нервное истощение. Через неделю-другую будешь в полном порядке.

Я лежал, размышляя. Мысли тянулись медленно и лениво, в основном касаясь того, как восхитителен на вкус этот бульон. Полевой госпиталь не может таскать с собой оборудование, от которого дохнут бактерии. Зачастую у госпиталя нет даже добавочных анатомических макетов, на которых хирург мог бы отрабатывать операции.

— Какую технику вы имеете в виду? — спросил я.

— У одного из наших парней Злой глаз. Он смотрит на микробов в микроскоп.

Далее я не спрашивал. Знал, что через несколько месяцев "Ридер Хайджест" посвятит этому случаю лирическую тяночку. Меня мучило другое.

— Атака... началась?

— Ата... А, это! Она состоялась два дня назад, уважаемый Рикки-Тикки-Тави. Тебя в это время держали под одеялами. Мы громили их по всему фронту. Последнее, что я слышал, будто они уже добрались до линии Вашингтона и продолжают драпать дальше.

Я вздохнул и провалился в сон.

Меня не мог разбудить даже шум, когда врач диктовал своей пишущей машине...

Джинни пришла на следующий день. Верхом на ее плече ехал Свертальф. В открытую дверь палатки бил солнечный свет, и поэтому волосы Вирджинии отливали медью.

— Здравствуйте, капитан Матучек, — сказала она. — Как только освободилась, сразу же пришла узнать, как вы себя чувствуете.

Я приподнялся на локтях. Вылетела сигарета, которую мне предложила Вирджиния. Сигарета оказалась в зубах, и я медленно сказал:

— Перестань, Джинни, Сейчас, конечно, не конец той ночи,

но, думается, мы с тобой знакомы в достаточной степени.

— Да. — Она присела на койку и погладила меня по голове.

Это было восхитительно. Свертальф замурлыкал, и мне захотелось ответить ему тем же.

— Что с ифритом? — спросил я после паузы.

— По-прежнему в бутылке. — Она рассмеялась. — Сомневаюсь, что еще удастся когда-нибудь извлечь его оттуда. Если предположить, что кому-то этого захочется...

— Но что ты сделала?

— Просто применила на практике принцип старины Фрейда. Если когда-то об этом напечатают, на меня ополчатся все приверженцы Юнга, сколько их есть в нашей стране... Но это сработало. Я копалась в воспоминаниях ифрита, разбиралась в его иллюзиях и скоро обнаружила, что у него гидрофобический комплекс. Не водобоязнь, связанная с бешенством, а просто обычный страх перед водой, мой Пират...

— Можешь называть меня Пиратом, — проворчал я, — но если назовешь Фидо, тогда гладь по голове.

Она не спросила, с какой стати я настолько самонадеян, что претендую и далее на ее ласку. Это меня воодушевило. Правда, она залилась румянцем, но тем не менее продолжала:

— Получив ключ к его личности, я нашла простой способ сыграть на этой "фобии". Я объяснила ему, насколько распространено это вещество — вода. И как вообще трудно от нее избавиться. Он приходил в ужас все больше и больше. Но когда я сказала, что тела живых существ, включая и его собственное, содержат около девяноста процентов воды, дело было сделано. Он вполз в бутылку и впал в кататомию... — Помолчав минуту, она добавила задумчиво: — Мне хотелось оставить его у себя. Я бы поставила бутыль на каминную доску. Но думаю, все кончится Сантобниановским институтом. Так что я попросту напишу небольшую статью об использовании психиатрии в военном деле.

— Разве бомб, драконов, использования вервольфов и прочей придуманной нами дряни недостаточно уже? — спросил я с содроганием. Бедные, незатейливые стихийные духи! Они считают себя злодеями, но им следовало бы поучиться у человеческой расы!

Что касается меня, я мог, конечно, представить, с какими неудобствами сопряжена женитьба на ведьме, но...

— Поцелуй меня...

Это она и сделала...

У меня не очень-то много осталось сувениров от этой войны. Это поганое время, и лучше о нем не вспоминать. Но один подарочек на память все-таки со мной.

Несмотря на все старания хирургов-косметологов, когда я превращаюсь в волка, хвост у меня получается обрубленный... А в человеческом обличии при сырой погоде стараюсь не садиться.

За это я получил "Пурпурное Сердце".

Немного, черт возьми...

8

Сейчас я вкратце расскажу, как у нас с Джинни обстояли дела дальше. Нечто другое было для нас — для Джинни и меня — более интересным и важным, чем те эпизоды, когда на сцену выступал Враг. Ведь подлинное дело человека — не борьба и не опасности. Подлинное дело — работа, особенно если человеку так повезло, что то, что он делает, доставляет ему удовольствие. Подлинное дело — это встреча с любовью и создание семьи, отдых и развлечения, шутки и неожиданные, но приятные маленькие приключения.

И все же то, что с нами происходило, вряд ли вас заинтересует. У вас своя жизнь. Кроме того, тут многое касается только нас, и никого более. И еще одно обстоятельство: для передачи сообщения у меня есть только эта ночь. Еще чуть-чуть, и мое напряжение, возможно, станет слишком сильным. Не знаю. Но без нужды рисковать не буду. Уж этому я научился. И все же вот некоторые эпизоды.

Это было примерно года два назад. Джинни и я оставались еще на службе в течение нескольких месяцев, хотя непосредственного участия в сражении не принимали. Мы с ней не виделись, что было очень плохо для нас обоих. Бесконечные командировки и перемещения бросали нас то в одну, то в другую сторону.

Война продолжалась не слишком долго. Носящие халаты познали вкус сепаратизма. И Халифат распался, как бьется брошенное на землю стекло. Последовали революции, бунты, расколы, кровавая месть и постоянные военные поражения. Америке и ее союзникам и не требовались вооруженные силы, чтобы занять оставшуюся у врага территорию. Враг сам просил его оккупировать, чтобы был восстановлен порядок до того, как окончательно наступит мор и голод. Благодаря нашим особым талантам, мы — Джинни и я — пересекли почти полмира, но... не вместе.

Мы потратили попусту уйму времени. А мне его и так понадобилось немало, чтобы всерьез решиться сделать ей предложение. И хотя ее ответное письмо было нежным, в нем не было слова "да". Рано осиротев, она очень нуждалась в любви. Но,

будучи человеком сильным, Джинни не могла себе позволить, чтобы ее будущая любовь кончилась неудачей. Ясно было, что она не выйдет замуж, если не уверена, что это — на всю жизнь.

Почему-то меня демобилизовали раньше ее, и, вернувшись, я стал восстанавливать связи, прерванные войной. Следов войны в Соединенных Штатах было заметно на удивление мало. Хотя захватчикам удалось занять почти половину нашей территории, они продержались там очень недолго. А когда мы погнали их, им было не до того, чтобы успеть причинить какие-либо значительные разрушения. Пострадали только такие сравнительно долго удерживаемые завоевателями городишки, как тот несчастный Тролльбург. По пятам за армией следовали гражданские чиновники, которые действовали быстрее и эффективнее, чем я ожидал. А может, просто сама цивилизация оказалась достаточно устойчивой. Точно так же оправляется земля от различного рода технологических потрясений.

Так что я вернулся в мир, который, если не считать нехватки некоторое время продуктов, оказался вполне знакомым. Хотя бы внешне. Но психология людей изменилась. Все были до глубины души потрясены тем, что случилось, причем потрясены, я полагаю, даже более глубоко, чем сознавали сами. Значительная часть населения была выбита из равновесия. От возможных социальных потрясений нас спасло, несомненно, обилие появившихся эксцентрических течений. Слишком много появилось демагогов, самозваных пророков, ложных чародеев — сумасбродов от религии, политики и науки, всевозможных психов, с фанатизмом проповедующих различные диеты и новый образ жизни. И один Бог знает, кого еще. Все они враждовали, стараясь изничтожить друг друга. Например, деятельность церкви Иоаннитов, приверженцы которой предпочитали хранить анонимность, скоро приобрела зловещий характер.

Однако все это, к счастью, не привело к революционному взрыву. В основном, тех из нас, кто не заразился фанатизмом (хорошо помню, что мы составляли большинство), происходившее беспокоило мало. Мы полагали, что государство вынуждено будет естественным ходом событий пережить этот разброд и пресечь его. А тем временем мы вернулись к обычной жизни. Снова начали мечтать об обычном. Мы просто жили — день за днем.

Что касается меня, то я вернулся в Голливуд. Вновь начал играть волка-оборотня для "Метро-Голдвин-Майер". Результат оказался разочаровывающим. Надевать поддельную кисточку поверх обрубленного хвоста мне казалось отвратительным. Работникам студии это тоже не нравилось. Кроме того, они, похоже, не были уверены, что я хорошо играю свои роли. И я в этом

тоже не был уверен. Например, как ни мучался, но не получил полного удовлетворения от своей игры ни в фильме "Дракула", ни во "Франкенштейне", ни в "Человеке-волке", ни в "С кем встречался Парацельс". Не то, чтобы я свысока начал поглядывать на чисто развлекательные картины, но вдруг обнаружил, что у меня появилось стремление сделать что-то более серьезное.

Так что и той, и другой стороне стало понятно, что мне пора в отставку. И отсрочку дали, вероятно, только мои медали. Но героев войны было хоть пруд пруди. Кроме того, всем известно, что проявленная на войне храбрость — это, во-первых, в значительной мере вопрос подготовки и дисциплины. Во-вторых, немалое значение имело также и заклинание против страха, которое снимается перед уходом в отставку — ибо гражданскому человеку больше приличествует скромность. Так что я вовсе не считаю, что обладаю какой-то особенной храбростью — только самой обычной, свойственной человеку.

Примерно к этому времени демобилизовалась Джинни. Она сразу же навестила меня. Наши отношения были полностью восстановлены. Но правда, она опять не согласилась принять мое предложение.

— Пока нет. Стив, дорогой, нам обоим сперва нужно разобраться, что мы представляем собой в мирной жизни...

Через несколько дней у нас состоялся очень серьезный разговор. Джинни удалось вытащить из меня мои тайные мечты — покорить Огонь и Воздух, создать антигравитационные чары, достаточно сильные, чтобы можно было достичь иных планет. Если честно, то мне всегда хотелось стать инженером. Но тогда, на первом году обучения, деньги кончились, а кое-кто, видевший меня в любительских спектаклях, решил, что я талантливый парень, и... В общем, одно цеплялось за другое. Подобно большинству людей, я плыл по течению.

Джинни не походила на остальных. Однако и ей пришлось сейчас призадуматься. Она получила приглашение вернуться в Колдовское агентство. Но сомнительно, чтобы ей действительно хотелось работать для большой организации. Независимое консультативное агентство, где она сама себе будет хозяйкой, — разве это не даст ей свободу и возможность разрабатывать собственные идеи? Ей нужно было расширить свои познания в чародействе, и очевидный путь к этому — получение степени доктора философии.

Деньги, накопившиеся за время нашей армейской службы, позволяли нам вернуться к учебе.

Окончательно все решилось, когда после некоторой переписки университет Трисмегиста предложил ей должность пре-

подавателя. Ведь у нее уже в Конго была получена степень магистра гуманитарных наук. Одновременно с преподаванием Джинни могла продолжать учебу. Я бухнул заявление на инженерный факультет трисмегистовского университета и был принят. Несколько недель спустя, Стивен Матучек и "Метро-Голдвин-Майер", вежливо рыдая для приличия, распрощались. А затем упомянутый Матучек, вместе с Вирджинией Грейлок, вступили на борт суперковра, отбывающего на Средний Запад.

Сперва все шло хорошо. Мы подыскали недорогие, но вполне приличные комнаты поблизости друг от друга. Занятия были интересными. Свободное время мы проводили вместе. Главным образом мы часами гуляли. Ее нежелание раннего замужества с каждым днем слабело, причем такими темпами, что я видел — к Рождеству она даст свое согласие. Так что весной мы сможем сыграть свадьбу.

Но затем последовал удар. Прямо в солнечное сплетение.

Мы знали, что большую часть преподавательского состава подмял под себя президент Бенгт Мальзус. Это ничтожество, главным достижением которого можно было считать то, что опекуны университета сделались его подпевалами. Все, что Мальзус предлагал, находило, как правило, поддержку, не принимая во внимание интересы работников, находящихся на более низком уровне. За год до этого Мальзус предписал, чтобы весь академический персонал, без малейшего исключения, принес магическую клятву повиновения правилам университета до тех пор, пока контракт считается в силе. Правда, несколько человек наотрез отказались. Вообще-то говоря, мне показалось, что правила самые обычные. Жалованье хорошее. Обязательства предписания были нацелены на то, чтобы как-то преодолеть мятежные настроения, в последнее время пугающе распространившиеся не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. Джинни их подписала.

Прошло что-то около двух недель, когда кто-то из сотрудников заметил, что мы все время гуляем вместе, и насплетничали. Джинни вызвали в кабинет президента. Он продемонстрировал ей в правилах напечатанную мелким шрифтом фразу, которую ей и в голову не пришло прочесть, когда она подписывала этот документ.

Студентам и работникам университета, включая преподавателей, не разрешалось встречаться друг с другом во внеучебное время.

В тот вечер настроение у нас было мрачное.

Естественно, на следующий день я, разметав клерков и секретарей, прорвался в кабинет Мальзуса. Бесполезно. Он не собирался ради нас менять свои правила. Правило било напо-

вал, поскольку клятва не допускала никаких исключений. Не разрешались встречи и со студентами иных учебных заведений, так что мой перевод в другой университет ничего бы не дал.

Значит, пока не истечет срок контракта Джинни, я выпадаю из ее поля зрения? А она проявляет железную волю и не интересуется мною. Но потерять целый год? Да кто я — волк или мышь?.. По этому поводу мы с ней немедленно, прямо на людях, поцапались. А когда можешь встречаться лишь случайно, на официальных мероприятиях, выясняется, что не так-то просто кончить дело миром и поцелуями.

О, конечно, мы по-прежнему оставались добрыми друзьями. Виделись иногда в курилке, на некоторых лекциях... А тем временем, как она отметила с ледяной логикой, мы продолжаем оставаться живыми людьми (я-то знал, что эта логика — способ самозащиты, но ничего поделать не мог). Время от времени она появлялась в обществе с каким-нибудь молодым сослуживцем. И я ухаживал за какой-нибудь случайной девушкой.

Вот так у нас к ноябрю обстояли дела...

9

Небо было заполнено метлами. Полиция теряла голову, пытаясь справиться с движением. Игры выпускников университета всегда вызывали большой наплыв публики и взрывы высоких чувств. Я этих чувств не разделял. Мне удалось втиснуть свой древний, еще довоенный "шеви" за огромным, в двести драконьих сил, "линкольном" небесно-голубого цвета. Сунув ключ в карман, я вышел и принялся мрачно слоняться в толпе.

На все время игр бюро погоды оказало нам любезность. Воздух был прохладен и свеж. Над темными зданиями университетского городка большой желтой тыквой поднималась полная луна. Мне вдруг вспомнилось, что где-то там, за городом, — поля и леса. Там пахнет мокрой землей и струится туман. Волчьей составляющей моей натуры остро захотелось бежать отсюда и, оказавшись там, гоняться за кроликами. Но поскольку по-настоящему тренированный оборотень может контролировать свои рефлексы, то поляризованный свет вызывает у него не более чем просто приятную нервную почесуху.

Так что этот импульс скоро угас в унылых раздумьях. "Джинни, любимая! Если бы ты была сейчас рядом!" Я представил, как она идет рядом со мной, подняв навстречу ветру лицо, на длинных волосах рыжий узор измороси... Да, а пока только единственная моя спутница — нелегальная фляга в

заднем кармане. Какого дьявола я вообще притащился на эти игры?

Миновав Дом союза "Там Каф Самет" я обнаружил, что нахожусь на территории университетского городка. То, что трисмегистовский университет был основан, когда уже родилась современная наука, явно отразилось на его планировке. Самые большие здания принадлежали факультету языкознания — потому что экзотические языки необходимы при создании сверхмощных заклинаний (вот почему сюда приезжает так много студентов из Африки, Азии). Здесь были искусствоведческий колледж и колледж инженерного стихосложения. Поблизости — здание антропологического факультета, где всегда демонстрировались интересные выставки, посвященные иностранной технике. В том месяце представлялась техника эскимосов, в честь приезда шамана антекоков, доктора Айингалака. В стороне — факультет зоологии, заботливо окруженный оградой, потому что там помещены длинноногие и длиннорукие бестии. Вряд ли их можно назвать приятными соседями. Медицинский факультет обзавелся великолепным новым исследовательским центром (дар Фонда Рокфеллера). Из этого центра уже вышли такие изумительные изобретения, как поляроидные фильтрующие линзы, которые давали возможность тем, кто поражен дурным глазом, вести нормальный образ жизни.

Юридический факультет казался безлюдным. Работают юристы всегда в иных местах.

Я пересек бульвар и поравнялся с маленьким мрачным зданием корпуса физических наук. Тут меня приветствовал доктор Грисволд. Он медленно спускался вниз по ступенькам — маленький, высохший человечек с козлиной бородкой и веселыми голубыми глазами. В глубине его глаз мне всегда виделось смешанное с болью недоумение. Он походил на ребенка, который никак не может понять, почему никто, кроме него, не интересуется игрушками.

— А, мистер Матучек, — сказал он. — Пришли поприсутствовать на игре?

Я кивнул (правда, не особенно любезно). Но поскольку нам было по пути, мне пришлось побыть вежливым. Не для того, чтобы подлизаться на всякий случай — он вел у меня занятия по физике и химии, — а просто мне не хотелось обижать этого милого, одинокого старого чудака.

— Я тоже, — продолжил он. — Насколько понимаю, организаторы что-то задумали. Впервые будет нечто захватывающее.

— Вот как?

Он дернул головой, посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Если у вас какие-нибудь затруднения, мистер Матучек... И если в моих силах помочь вам... Знайте, я сделаю все, что в моих силах.

— Все прекрасно, — соврал я. — Во всяком случае, благодарю вас, сэр.

— Человеку зрелого возраста нелегко вернуться к учебе. Да еще когда его окружают хихикающие юнцы. Я помню, как вы помогли мне тогда в лаборатории... Поверьте, я очень вам благодарен.

— О пустяки, черт возьми. Я здесь, чтобы получить образование.

Мне не хотелось перекладывать груз своих забот на его плечи. У него был достаточный запас его собственных.

Грисволд вздохнул. Очевидно, он чувствовал мою отчужденность.

— Я часто ощущаю себя таким беспомощным, — сказал он.

— Что вы, сэр, — ответил я со старательной искренностью. — Как бы стала в Мидгарде*, ну, скажем, алхимия практической наукой, не будь она основана с начала и до конца на ядерной физике? Ведь в противном случае алхимик мог бы неожиданно для себя получить смертоносный радиоактивный изотоп. Или вещество, которое уничтожило бы половину округа.

— Разумеется, разумеется. Вы прекрасно все понимаете. Во всяком случае, больше чем я. Но студенты... Хотя я думаю, это вполне естественно. Им хочется сказать несколько слов, сделать несколько пассов и быстренько получить то, что желаешь. Именно таким образом. Не докучая себе ни изучением санскритской грамматики, ни периодической таблицы. Они не понимают, что никогда нельзя получить что-то из ничего.

— Поймут. Они повзрослеют.

— Даже администрация в этом университете не понимает необходимости физической науки. Сейчас в Калифорнии установлен философский камень на биллион вольт. А здесь... — Грисволд пожал плечами. — Извините меня. Жалость к себе вызывает у людей только презрение.

Мы вышли к стадиону. Я отдал свой билет, но отказался от очков ночного видения. У меня сохранилось колдовское зрение, полученное во время базисного обучения. Мое место оказалось в тридцатом ряду между студенточкой первокурсницей и старшекурсником. Мимо проплыл лоток, я купил горячих сосисок и взял напрокат хрустальный шар. Но шар мне нужен был не для

---

* М и д г а р д — по древнескандинавским сказаниям — земля, отведенная для жизни человечества.

того, чтобы в деталях видеть игру. Я побормотал над ним, заглянул внутрь и увидел Джинни.

Она сидела напротив меня, в пятидесятом ряду. На коленях у нее покоился черный Свертальф. Вызывающие рыжие волосы Вирджинии выделялись ярким пятном на бесцветном фоне окружающей ее толпы. Это колдовство, это ее особая черная магия. Ее отделяло от меня поле, а в моих руках был всего лишь дешевый стеклянный прибор. Сердце мое екнуло. В эту ночь с ней был доктор Алам Аберкромби, ассистент-профессор сравнительной магии, холеный, красивый блондин, светский лев. Он крутился вокруг Джинни изо всех сил. А я исходил дымом...

Между прочим, Свертальф обладал не слишком высокими моральными качествами. У меня были все намерения хранить Джинни верность, но... Как это бывает, узкая улочка, ты ставишь на стоянку метлу, а к тебе прижимается хорошенькая девушка. И в этот момент желтые круглые глаза, сверкающие с ближайшего дерева, как-то связывают и окончательно отрезвляют. Я очень скоро сдался и стал посвящать вечера только учебе или пить пиво.

О-хо-хо... Я плотнее запахнул плащ — от свежего ветра меня пробрала дрожь. В воздухе пахло какой-то бедой.

"Вероятно, — подумал я, — во всем виновато просто мое скверное настроение..."

И все же я чувствовал — в недалеком будущем быть беде.

От воплей старшекурсников чуть не лопнули барабанные перепонки. В лунном свете показались команды — "Трисмегистские грифоны" и "Чародеи Альберта Великого". Глубокие старики сейчас недовольны тем, что в командах так много измученных образованием очкастых коротышек. Такие игроки кажутся им бесполезными. Вероятно, до эпохи магии команды комплектовались из динозавров. Но разумеется, неотъемлемая и основная составляющая искусства — интеллект, и именно он придает спорту характерную окраску.

В этой игре были интересные моменты. "Чародеи" взлетели над землей, а их крошка защитник превратился в пеликана. Душанович, в образе кондора, закогтил его на нашей двадцатке. Андреевский был лучшим в линии оленей-оборотней (он входил в большую десятку). Он держал их так, что мяч дважды оказывался вне игры. На третий раз мячом завладел Плисудский, тут же превратившись в кенгуру. Его игра была изумительной. Как он увернулся от игрока, пытавшегося отобрать мяч! Малый был в шапке-невидимке, но можно было наблюдать за ним по отпечаткам ног, когда он несся вперед. И отпасовал мяч Мстиславу.

"Чародеи" опустились пониже, ожидая, что Мстислав пре-

вратится в ворона, чтобы забить мяч с поля. Но как гром среди ясного неба — он превратился в... свинью! В жирного борова. Естественно, это были мелкие превращения, при помощи быстрого жеста игрок превращался в заранее намеченное животное. Совсем не использовались те великие и страшные слова, которые мне, бывало, приходилось слышать в предрассветной мгле.

Чуть позднее явная грубость с нашей стороны стоила нам пятидесяти ярдов. Доминго случайно наступил на афишу, которую ветер занес на поле, и проехался по именам "Чародеев". Но большего ущерба наши не понесли, а "Чародеи" получили точно такой же пенальти, как и тогда, когда Троссона в азарте вынесли с поля, да еще метнули вслед ему молнию.

К концу первого периода счет был 13:6 в пользу "Трисмегистских грифонов", и толпа чуть не разнесла от восторга скамейки.

Я надвинул шляпу на лоб, бросил на старшекурсника нелюбезный взгляд и уставился в кристалл. Джинни явно проявляла больше интереса к игре, чем я. Она подпрыгивала и вопила и, казалось, не замечала, что Аберкромби своей лапой обнимал ее. Или, может, это у нее не вызывало протеста?.. Я обиделся и надолго приложился к фляге.

На поле высыпали ликующие люди, им захотелось устроить парад. С дудками и барабанами, проделывая в воздухе сложные, тщательно продуманные движения своими инструментами, они двинулись традиционным маршем туда, где обычно их ждала Королева красоты студенческого городка. Я подумал, что она традиционно будет встречать их верхом на единороге. Но по какой-то причине данный номер был в этом году опущен.

Волосы поднялись у меня на затылке дыбом. Я ощутил слепой инстинктивный позыв поменять свою кожу на шкуру. Спохватившись, я успел заставить себя остаться человеком и упал на сиденье, обливаясь холодным потом. В воздухе вдруг отчетливо запахло опасностью. Неужели никто больше не ощущал этого?

В поисках источника опасности я сфокусировал кристалл на марширующей команде. Краем сознания я смутно услышал приветственные выкрики:

АЛЕФ, БЭЙТ, ГИМЕЛЬ, ДАЛЕТ, ГИ, ВАВ!
КОМИНИ, ДОМИНИ, УРА, УРА, УРА!
ПРОТЫКАЙ ИХ, ЖАРЬ В ОГНЕ, СЛАВНАЯ ЕДА!
ТРИСМЕГИСТОВ ЖДЕТ ПОБЕДА НЫНЧЕ И ВСЕГДА!
МАКИЛРАЙТ!..

— Что с вами, мистер? — Студентка отпрянула от меня, и я понял, что рычу.

— Ох... ничего... я надеюсь, что ничего. — Я старался овладеть своим лицом и не дать ему превратиться в волчью морду.

Толстоватый, белокурый мальчишка, среди тех внизу, не казался особенно страшным, но я чувствовал, что его будущее окутано грозовой тьмой, пронизанной ударами молний и раскатов грома. Мне уже приходилось сталкиваться с ним. Это именно он чуть не уничтожил химическую лабораторию Грисволда. Я, правда, не заявил об этом инциденте в ректорат. Зеленый первокурсник, хохмач, не злой по натуре, он соединял в себе природную способность к нашему Искусству и крайнюю безответственность. Студенты-медики всегда славились своими веселыми выходками (такими, как, например, оживший скелет, врывающийся в женскую спальню), и вот Макилрайту хотелось приобщиться к этим проделкам как можно раньше.

Грисволд тогда показывал студентам, как обращаться с катализаторами, и Макилрайт тут же забормотал заклинание. Он хотел скаламбурить и провести в пробирке катализ. Но ошибся в расчетах и получил саблезубого тигра. Дитя каламбура, тигр, был хотя и совершенно безмозглым, но все же очень злобным и вызывающим ужас. Я тут же выскочил из лаборатории и с помощью фонарика совершил превращение. Став волком, я вылетел в окно и шмыгнул под деревья, чтобы дождаться, пока кто-нибудь вызовет людей из департамента Изгнания бесов.

Поняв, что все это сотворил Макилрайт, я как-то, улучив момент, отвел его в сторону и предупредил, что если ему вздумается снова проделать свои трюки, то я сожру его. Сожру в самом буквальном смысле этого слова. Шутки шутками, но не следует так поступать со студентами, которые действительно желают учиться. Как и с теми милыми, почтенными окаменелостями, которые пытаются учить студентов.

Предводитель парада взмахнул рукой, и, откуда ни возьмись, появился стоб многоцветного пламени. Столб поднялся на высоту человеческого роста, затем еще выше. Сверкание красных, голубых, желтых искр окружало его. Я прищурился и сумел разглядеть в пламени гибкое, размалеванное тело. Оно походило на тело ящерицы.

Студентка взвизгнула.

— Трижды благословенный Гермес, — закудахтал старшекурсник. — Что это, демон?

— Нет, Дух Огня, — тихо ответил я. — Саламандра. Чертовски опасная тварь, если учесть, сколько дураков ее окружает...

Мои глаза неотрывно следили за полем. Огненная тварь начала свои штучки. Прыгала, кувыркалась, что-то бормотала, выбрасывала длинные языки пламени. Да, рядом с ней находился пожарник — облачившись во все церковное. Он совершал

свои пассы, не давая саламандре причинить вреда. Казалось, все должно быть о'кей. Вроде бы...

Я зажег сигарету. Меня трясло. Скверно это — следовать примеру Лока*. Запах опасности бил мне в ноздри. Ядовитый, кислый запах опасности...

Со стороны все это выглядело красиво, однако... В кристалле вновь появился Аберкромби. Он хлопал в ладоши. Но Джинни сидела, нахмурясь, с озабоченным видом. На лбу, возле переносицы, у нее залегла морщинка. Ей все это не нравилось не меньше, чем мне. Я переключил шар обратно на Макилрайта. На любящего пошутить Макилрайта.

Я был, вероятно, единственным из присутствующих, кто заметил, что произошло. Макилрайт взмахнул своим жезлом, и у саламандры выросли крылья. Толстяк-пожарник, жестикулируя и раскачиваясь взад и вперед, естественно, оказался на пути взмаха ее крыльев. Это было подобно столкновению с паровым котлом.

— А-а-а!

Пожарный пулей взмыл в небо. Саламандра заколыхалась. Мгновенным прыжком, утоньшаясь, вытянулась вверх. Выросла, сделавшись выше стен. Мелькнуло нечто вращающееся, ослепительно блестящее, с расплывшимися очертаниями — и тварь исчезла.

Моя сигарета вспыхнула, превратилась в пламя. Я отшвырнул ее. Почти ничего не соображая, догадался выкинуть заодно и фляжку. В мгновение ока она раскалилась добела, водка вспыхнула голубым пламенем.

Толпа завыла. Все стали отбрасывать прочь сигареты, хлопать по карманам, где воспламенялись спички, отшвыривать бутылки. Королева красоты пронзительно завизжала — ее тонкое одеяние охватило пламя. Скинув платье — как раз вовремя, чтобы избежать ожогов, — и причитая, она помчалась по полю голая. При иных обстоятельствах это зрелище меня бы заинтересовало.

Саламандра прекратила свои беспорядочные метания и материализовалась в воротах, которые начали дымиться. Ослепительное сияние, рев и пылающая трава. Выкрикивание заклинаний с целью потушить огонь было невозможно. Пожарник бросился к саламандре. Из ее пасти выскочил язык пламени. Я отчетливо услышал ее дикий хохот, прежде чем тварь снова исчезла. Диктор, которому следовало бы успокаивать зрителей, истошно завизжал, когда огонь вспыхнул перед его будкой. В мгновение ока пять тысяч человек, царапаясь, кусаясь и топча

---

* Л о к — восставший на других богов бог Огня.

друг друга, кинулись к выходу. Началась давка, люди были охвачены слепым желанием вырваться отсюда.

Прыгая по скамейкам, я скатился на поле. Эта бушующая на ярусах давка означала смерть.

— Джинни! Сюда, Джинни, здесь безопасно!

Конечно, она не могла расслышать меня в этом грохоте, но сама догадалась. За руку она тащила очумевшего от ужаса Аберкромби. Мы взглянули в лицо друг другу. Вокруг — огонь и разрушение. Джинни вытащила из сумочки палочку.

В своем запертом помещении кипятились "Грифоны". Кипятились в прямом смысле этого слова. Саламандра, материализовавшись, игриво обернулась вокруг водопроводных труб.

Загудели сирены, и, освещенные луной, над нами засновали полицейские метлы. Полиция пыталась обуздать панику. Саламандра тут же подожгла одну метлу. Наездник успел соскочить. Пылающая палка с грохотом рухнула в траву.

— Боже! — закричал Аберкромби. — Саламандра вырвалась на свободу!

— Да что вы говорите? — фыркнул я. — Джинни, ты же ведьма. Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я могла бы погасить эту скотину. Но для этого нужно, чтобы она была рядом, пока я читаю заклинание, — сказала Джинни. Распущенные рыжие волосы в беспорядке падали на плечи, обрамляя ее бледное, с высокими скулами лицо. — Это наш единственный шанс уничтожить породившие ее чары... И она знает это!

Смятение захлестнуло меня. Но, вспомнив о шутнике Макилрайте, я обернулся и сграбастал его за шиворот.

— Совсем свихнулся? — заорал я.

Он, задыхаясь, разинул рот:

— Я ничего не делал!..

Я тряс его так, что зубы его лязгали:

— Не болтай! Я все видел!

Он рухнул на землю.

— Это была всего лишь шутка, — захныкал он. — Я не знал!

"Что ж, — подумал я мрачно, — это правда. Ведь вот в чем беда. В искусстве или в общении с силами природы, которыми овладевает человек, — будь то огонь или динамит, атомная энергия или магия — любой безнравственный остолоп, нахватавшись знаний, пытается "что-нибудь" сделать. Начать-то он может... Сегодня остолопов ужасно потянуло на колдовство. Но не всегда это "что-нибудь" удается столь же легко исправить.

Как и в любом другом учебном заведении, в Трисмагисте постоянную проблему представляли студенческие шалости. Обычно они были безобидными. Например, надев шапку-не-

видимку, можно пробраться ночью в женские спальни. Или выставить в окнах украденные у девушек принадлежности нижнего белья. Иногда шутки бывали, пожалуй, и забавными. Например, как-то раз оживили статую прежнего президента (это был достойный и заслуженный человек), которая промаршировала по городу, распевая непристойные песни. Но чаще всего шутки были совершенно неостроумными. Так, например, когда Дин Уорсби был превращен друзьями в камень, то на протяжении трех дней этого никто не замечал.

Но эта выходка уже ни в какие рамки не лезла. Саламандра могла спалить весь город.

Я обернулся к пожарнику. Тот весь изнервничался, напрасно пытаясь остановить какое-нибудь полицейское помело. Полицейские не замечали его.

— Что вы намерены предпринять? — спросил я.

— Необходимо послать служебный рапорт, — отрывисто сказал он. — И считаю, нам понадобится Дух Воды.

— У меня есть опыт работы с гидрами, — предложила свои услуги Вирджиния, — так что я с вами.

— Я тоже, — сказал я немедленно.

Аберкромби сердито уставился на меня:

— Вы-то что сможете сделать?

— Я оборотень! — рявкнул я. — Когда я волк, огонь мне не страшен. Полезная штука, не правда ли?

— Прекрасно, Стив! — Джинни улыбнулась старой, такой знакомой улыбкой.

Недолго думая, я сграбастал ее, привлек к себе и поцеловал.

Нельзя сказать, что оплеуха, которую мне закатили, была просто достаточно энергичной. Просто аперкот, и я сел прямо на задницу.

— Нельзя! — коротко напомнила мне Джинни. — Это, черт бы их побрал, — проклятые чары.

Я видел, как в глазах ее металась боль. Как зверь в клетке. Но разум был вынужден повиноваться придуманным Мальзусом правилам.

— Это... э-э... здесь не место для женщины, — забормотал Аберкромби. — Для такой очаровательной женщины, как ты... Разреши, я провожу тебя домой, дорогая.

— Я должна это сделать, — сказала она нетерпеливо. — Что, черт возьми, творится с этими легавыми? Нам нужно убираться отсюда!

— Тогда я тоже иду с вами, — заявил Аберкромби. — Я немножко знаком и с проклятиями, и с благословениями. Хотя боюсь, это не бог весть что. Во всяком случае, департамент Сокровищ поглядывает на мои сокровища без всякого интереса.

Даже в это мгновение, когда ад разверзся по земле, оглушенный бушующими раскатами грома, я был рад видеть, что Джинни не обратила ни малейшего внимания на его остроумие. Она отрешенно нахмурилась. На стоявшей рядом скамье скрючилась Королева красоты, на ней был чей-то плащ. Джинни, усмехнувшись, махнула рукой. Королева сбросила плащ и помчалась к нам.

Секунд через тридцать рядом приземлились три полицейские метлы. Пожарный скомандовал им, и вся наша группа тут же поднялась по спирали над стадионом и понеслась по улицам.

Взлет был быстрым, но и за это короткое время я успел увидеть три охваченных пламенем дома.

Саламандра разгулялась...

10

Измученные, вымазанные сажей, с отчаявшимися взглядами, все мы оказались в управлении округа. Здесь уже находились шефы полиции и пожарных. Возле коммутатора бесился какой-то младший офицер.

Джинни свернула по дороге в себе, чтобы захватить свою метлу. Теперь она появилась — на плече ехал Свертальф, под мышкой зажат том "Руководства по алхимии и метафизике".

Аберкромби стращал и без того перепуганного Макилрайта. Я не выдержал и сказал Аберкромби, чтобы он, наконец, прекратил.

— Это мой долг, — завелся он. — Мне, как вы знаете, поручено исполнять обязанности воспитателя...

Я высказал предположение, что университет мог бы спокойно обойтись и без фискалов. Стоит ли удивляться, что студенты посещают притоны и провозят контрабандой нимф. И каждый год делают попытки сдать экзамен, спрятав под пиджаком приятеля, который по шпаргалке шепотом подсказывает им ответы. Но как бы то ни было, мне не нравятся профессиональные наушники.

— Разберетесь с ним позже, — сказал я и пинком выставил парня за дверь. — Возможно, здесь скоро появится саламандра.

Весьма раздраженный, в комнату ворвался президент Мальзус и тут же заорал:

— Что все это означает?

Над его толстыми щеками подпрыгивало пенсне.

— Как вам известно, сэр, я был занят подготовкой к очень важному мероприятию. На завтра намечен официальный завтрак членов "Клуба Львов" и...

— Возможно, никакого завтра не будет, — рявкнул, обрывая его, полицейский. — Пока у нас вырвавшаяся на свободу саламандра...

— Сала... Нет! Это полностью противоречит установкам! Это категорически запрещено, чтобы...

Офицер у коммутатора оглянулся на нас:

— Только что она подожгла католическую церковь на углу Четырнадцатой и Эльма. И, Боже мой, все наше оборудование уже задействовано!

— Невозможно! — завопил Мальзус. — Демон не может приближаться к церкви!

— Насколько глупым делается человек на нашей работе, — не скрывая злости, прошипела Джинни. — Ведь это не демон. Это Дух стихии!

Когда ей удалось вновь овладеть собой, она медленно продолжила:

— Не стоит слишком надеяться, что гидра победит саламандру. Но мы можем вызвать ее, чтобы она, по крайней мере, помогла бороться с пожарами. Саламандра все время будет опережать нас, но, по крайней мере, не весь город окажется уничтоженным.

— Если только саламандра не окажется слишком сильной, — влез Аберкромби. Его лицо побледнело, губы еле двигались. — Достаточно сильной, чтобы испарить гидру.

— Вызовите двух, трех, — заикаясь, приказал Мальзус, — вызовите сотню. Я не буду требовать подачи по всем правилам официального заявления на разрешение использо...

— Эта возможность ограничена, сэр, — сказал Аберкромби. — Есть условие, согласно которому сдерживающие силы, в зависимости от общей массы, должны возрастать по экспоненте. В этом городе, вероятно, не найдется достаточно подготовленных специалистов, чтобы держать под контролем более двух Духов одновременно. Если пробудить к жизни хотя бы четыре... городу будет грозить затопление, а саламандра просто перенесется куда-нибудь в другое место.

— Алан... — Джинни, положив "Руководство" на стол, веером перелистнула страницы.

Аберкромби склонился поверх ее плеча. При этом не преминул заботливо положить ладонь ей на талию. Я забыл, что хотел сказать.

— Алан, ты можешь вызвать гидру? Для начала одну. И заставить ее бороться с огнем?

— Разумеется, моя прелесть. — Он заулыбался. — Это элементарная задача.

Она обеспокоенно взглянула на него и предупредила:

— С гидрами так же трудно справиться, как и с Духами огня и воздуха. Одного знания теории мало.

— У меня есть некоторый опыт. — Он прямо излучал самодовольство. — Во время войны... Когда это кончится, давай зайдем ко мне, чуть выпьем, и я тебе все расскажу. — Его губы легко коснулись ее щеки.

— Мистер Матучек! — завизжал Мальзус. — Прекратите, пожалуйста, показывать клыки!

Я взял себя в руки, совладав с яростью.

— Послушайте, — сказал начальник полиции, — объясните мне, я хочу знать, что будет дальше. Все эти неприятности из-за ваших длинноволосых, и я не желаю, чтобы ваши действия еще больше осложнили обстановку.

Я вздохнул, понимая, что Джинни с ее раскрасавцем, в конце концов, действительно заняты, и, вытащив сигарету, предложил:

— Разрешите, я объясню. Во время войны мне приходилось сталкиваться с подобными вещами. Дух стихии — это не то же самое, что и демон. Любой демон — это отдельное существо, обладающее, ну, скажем, индивидуальностью. Дух стихии есть часть одной из основополагающих сил. Саламандра появилась из первичной энергетической матрицы, и она обрела временную индивидуальность. Она вернется в эту матрицу, если удастся покончить с ней. Это как пламя, которое может существовать потенциально, потому что когда костер погасят, оно возвращается в первоначальные формы существования. А если будет разожжен новый костер, на недогоревших поленьях первого, все равно полученное пламя не идентично первоначальному. Так что легко понять, почему дух отнюдь не стремится к первоначальному состоянию. Когда духу удается вырваться на свободу, как это произошло с саламандрой, он пойдет на все, лишь бы остаться в этом мире. Готов на все, чтобы увеличить свою мощь.

— Но как саламандра могла поджечь церковь?

— Потому что у нее нет души. Она просто физическая сила. Всякое обладающее подлинной индивидуальностью существо, будь то человек, или еще кто-либо, находится под сдерживающим влиянием... э-э... определенных моральных законов природы. Так Демон не выносит вида святых символов. Поступающий неправильно человек, живя на этом свете, испытывает угрызения совести. И предстанет перед Судом на том свете. Но о чем заботиться пламени? А саламандра и есть не что иное, как громадный язык пламени. Она всего лишь флуктуация физических законов нашего, то есть нормального и паранормального мира.

— Так как же ее... погасить?

— Это способна сделать соответствующая по массе гидра. Произошла бы взаимная аннигиляция. Или саламандру могла бы погрести под собой земля. Или мог бы сдуть оказавшийся поблизости воздух. Вся трудность в том, что огонь — самая быстрая стихия. Он успевает перескочить в другое место еще до того, как ему повредит какой-нибудь иной дух. Так что у нас остается лишь одна возможность — заклинание, возвращающее саламандру к первоначальному состоянию. Но оно должно быть произнесено в ее присутствии. И займет это около двух минут.

— Ну, да, а когда она поймет, что начали произносить заклинание, то просто испепелит заклинателя или удерет? Очень мило. Что же нам делать?

— Не знаю, шеф, — сказал я. — Одно знаю — это все равно что попытаться поцеловать в морду кобру. — Я вздохнул, чмокнув губами. — Действовать надо быстро. Каждый пожар, зажженный этой тварью, служит ей как бы пищей и добавляет новый запас энергии. Она делается все сильнее. Конечно, существуют и для нее определенные границы, но пока это произойдет, она может стать слишком сильной, чтобы человечеству удалось с ней справиться...

— И что же тогда произойдет?

— Всеобщая гибель... Нет, я надеюсь, что этого не произойдет. Люди, естественно, призовут на помощь достаточно сильных противодействующих духов. Но только представьте себе, с какими трудностями будет сопряжен контроль над ними. Подумайте о случайных, которые просто невозможно даже предвидеть, опасностях. Халифат по сравнению с ними — пустяк!

Джинни отошла от стола. Аберкромби начертил мелом на полу пентаграмму. Мальзусу было поручено простерилизовать на спичке карманный нож. Задача состояла в том, чтобы взять у кого-нибудь немного крови. Кровь могла бы заменить обычно используемые в этих целях снадобья, поскольку она содержит точно такие же белки.

Вирджиния положила ладонь на мою руку:

— Стив, мы потратим слишком много времени, если попытаемся собрать всех местных экспертов. Боюсь, что тут не помогут и полиция штата или национальная гвардия. Бог знает, что натворит саламандра, пока чиновники, подобные тем, которых ты здесь видишь, будут взывать о помощи. Но мы-то — ты и я — сможем, по крайней мере, проследить за ней. Подвергаясь при этом меньшей опасности, чем остальные. Рискнешь?

Я был согласен:

— Конечно. Саламандра не в силах повредить мне, если я

буду волком. Во всяком случае, особо повредить... Не сможет, если я буду осторожен. Но ты будешь держаться на заднем плане.

— Ты когда-нибудь слышал о клятве, приносимой членами нашего ордена? Пойдем.

Направляясь к двери, я бросил на Аберкромби самодовольный взгляд. Он надрезал свое запястье и чертил кровью магические знаки. Как раз сейчас он начал творить заклинание. Я ощутил, как по комнате пронесся влажный холодный вихрь.

Стояла осенняя пора, высоко в небе стояла луна. Сразу в нескольких местах металось багровое ослепительное сияние. Зубчатыми силуэтами на его фоне виднелись крыши. Выли сирены. В вышине освещенные мерцанием маленьких, безразличных ко всему звезд, оседлав метлы, бегством спасались люди.

Свертальф прыгнул на переднее сиденье "кадиллака" Джинни. Я поместился сзади. И мы со свистом взмыли в небо.

Внизу под нами зашипело голубое пламя. Городские фонари погасли. По улицам хлынула вода. Она неумолимо ревела, и мы увидели, как в ее потоке подскакивал смахивающий на поплавок президент Мальзус.

— Несчастный Сатана! — Я чуть не подавился. — Что еще случилось?

Свертальф резко повел помело вниз.

— Этот идиот, — простонала Джинни, — дал гидре размыться. — Она сделала несколько быстрых пассов своей палочкой.

Поток успокоился, вошел в берега. Образовалась круглая заводь, мерцающая в лунном свете. Из воды выскочил Аберкромби и потащился, хлюпая, к ближайшему очагу пожара.

Я расхохотался:

— Сходи к нему на квартиру, послушай, что он тебе расскажет о своем огромном опыте...

— Не бей лежачего, — мгновенно огрызнулась Джинни. — Ошибка произошла не без твоего участия, Стив Матучек.

Свертальф вновь направил метлу вверх. Мы неслись над дымовыми трубами. Неужели она действительно влюбилась в этого дьявола? Правильный профиль, вкрадчивый голос, ловко подвешенный язык, все время находится рядом... Я подавил приступ боли и посмотрел вперед, пытаясь определить, где находится саламандра.

— Туда! — пронзительно закричала Джинни.

Свертальф задергал хвостом и зашипел.

Университет старательно пытался скрыть свою бедность. Старые, отделанные деревом, под готический стиль, развалины. Нечто среднее между особняками и дешевыми меблированными комнатами. Район уже начал гореть. В темноте между уличными

фонарями вспыхивали многочисленные красные звезды. Приближаясь, мы заметили, как одна звезда, взорвавшись, обратилась в клуб белого пара. Гидра, должно быть, ударила пожарный кран и смылась. У меня мелькнула крамольная мысль, что саламандра даже могла бы оказать обществу услугу, уничтожив этот архитектурный нонсенс. Но ведь речь идет о жизни людей.

Громадный, ужасный Дух раскачивался над домом, пожираемым огнем. Саламандра увеличилась уже вдвое, и на раскаленную добела сердцевину ее невозможно было смотреть. Вокруг узкой головы вспыхивали искры.

Свертальф затормозил. Мы отлетели на несколько ярдов и теперь парили на высоте двадцати футов на одном уровне с жаждущей пастью. Странно было видеть выгравированное на фоне ночи, освещенное сиянием лицо Джинни. Она начала читать заклинание:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер, Молох, Гефест, Дони... — Ее голос почти потонул в грохоте сорвавшейся с дома крыши.

Но Саламандра услышала. Огненные глаза обратились на нас, и она прыгнула.

Свертальф взвизгнул, когда от жара скрутило его усы (правда, ущерб был причинен больше его тщеславию), и развернул помело. Мы помчались прочь. Саламандра зарычала. Ее голос был похож на треск тысяч одновременно горящих деревьев.

Внезапно опаляющий наши спины жар прекратился. Тварь материализовалась перед нами.

Я закрыл лицо Джинни, свое собственное спрятал за ее спиной, и мы пролетели сквозь стеклянную дверь стоявшего перед нами "Пивного парка". Вслед нам метнулся огненный язык. Метнулся, затем свернулся кольцом. Оставшаяся снаружи саламандра бушевала.

Скатившись с метлы, мы огляделись. Пивная была пуста. Никого не было. Я увидел стоявший на прилавке, доверху налитый стакан пива и выпил его залпом.

— Мог бы и мне предложить выпить, — укоризненно сказала Джинни. — Алан бы предложил...

И прежде чем я опомнился достаточно, чтобы решить, что означает эта шутка, Джинни продолжала быстрым шепотом:

— Она не пытается удрать. Собирается с силами. Она уверена в себе. Она надумала убить нас!

Даже в эту минуту мне захотелось сказать, что рыжие и спутанные волосы и пятна сажи на аристократическом ее носу выглядят, как ни странно, очаровательно. Но случай был не подходящим.

— Она не вернется сюда, — выпалил я. — Все, что она может

сделать, — это с помощью теплового излучения подпалить здание, а на это ей понадобится время. Так что пока мы в безопасности.

— Но... а, ну да, конечно, этот материал горит плохо. Мне говорили, что все пивные бары университета построены из него и армированы железом.

— Да.

Я выглянул в разбитое окно. Саламандра сунулась мне навстречу, и цветные пятна заплясали у меня перед глазами.

— Наша гостья показывает характер, — сказал я. — Ну, говори быстро свое заклинание.

Джинни покачала головой:

— Она просто отлетит за пределы слышимости. Но может быть, удастся поговорить с ней? Понять, как...

Она подошла к окну. Корчащаяся вдоль улицы тварь вытянула шею и зашипела. Я стоял за спиной своей девочки и чувствовал себя беспомощным и бесполезным.

Свертальф, вылизывающий с прилавка пролитое пиво, поглядел на нас и насмешливо фыркнул.

— Эй, Дочь Огня! — крикнула Джинни.

Рябь прошла сверху вниз по спине саламандры. Ее хвост безостановочно хлестал из стороны в сторону, поджигая растущие вдоль дороги деревья. Я не в силах описать ответивший Джинни голос. В нем был и треск, и рев, и свистящее шипение. Голос, порожденный огненным мозгом и огненной глоткой.

— Что ты, дочь Евы, можешь сказать такой, как я?

— Именем Всевышнего я приказываю тебе смириться, вернуться к своему подлинному состоянию и перестать вредить этому миру!

— Хо!.. О-хо-хо-хо! — Тварь уселась на свой зад (асфальт пошел пузырями) и прерывисто захохотала прямо в небо. — Ты, созданная из горючего материала, приказываешь мне?!

— Я располагаю такими могущественными силами, что они потушат тебя, маленькая искра. Эти силы возвратят тебя в ничто, из которого ты пришла. Смирись и повинуйся, так будет лучше для тебя же.

Мне на мгновение показалось, что саламандра действительно была поражена.

— Сильнее, чем я? — Затем она взревела так, что пивная затряслась. — И ты смеешь утверждать, что существуют силы могущественнее Огня?! Могущественнее меня, той, которая явилась пожирать всю Землю?!

— Да, более могущественные и более прекрасные. Сама подумай, о Мать Пепла. Ведь ты даже не можешь войти в этот дом. Вода гасит тебя. Земля уничтожает тебя. И лишь воздух

способен поддерживать твое существование. Лучше сдайся, не медли...

Я вспомнил ночь охоты на ифрита. Джинни наверняка пытается выкинуть тот же фокус — разобраться в психологии яростно бущующей за стенами твари. Но на что она может надеяться?

— Более прекрасные? — Саламандра забила хвостом, оставляя на мостовой глубокие борозды.

Из ее тела вылетали огненные шары, посыпался дождь красных, голубых и желтых искр. Прямо, как четвертого июля. Мелькнула сумасшедшая мысль: так бьется об пол ребенок в припадке истерики.

— Более прекрасные! Более могущественные! Ты посмела сказать это... А-а-а! — В метнувшемся языке пламени сверкнули раскаленные добела зубы. — Посмотрим, какой ты станешь, когда я уничтожу тебя! Ты умрешь от удушья!

Голова саламандры метнулась к разбитому окну фасада. Она не смогла проникнуть сквозь железную преграду, но начала высасывать воздух. Вдыхать его и выдыхать. Волна пышущего, как из топки, жара отбросила меня назад. Я задыхался.

— Боже мой... Она хочет сожрать кислород! Оставайся здесь!

Я прыгнул к двери. Джинни пронзительно закричала. Выскочив наружу, я услышал ее слабое:

— Нет!

Меня обдало свежим воздухом. Прохладным, от которого я затрепетал. Вокруг беспокойно плескались огни пожаров. Я припал к горячей обочине и содрогнулся, когда мое тело начало изменяться.

Я стал волком. Тем волком, которого не может убить враг. По крайней мере, я на это надеялся. Мой обрубленный хвост ткнулся изнутри в брюки, и я вспомнил, что некоторые раны не поддаются излечению.

Брюки! Черт, будь они прокляты! В горячке я забыл о них.

Вы когда-нибудь пробовали превратиться в волка, если на вас напялены рубашка, штаны и нижнее белье?

Я изо всех сил заработал своим влажным носом. Подтяжки соскользнули и обмотались вокруг задних лап. Передние лапы запутались в галстуке, а пиджак послушно превратился во что-то, напоминающее узел.

Обезумев, я катался и рвал одежду клыками. Вдруг передо мной выросла саламандра, и ее хвост хлестнул меня по спине. Мгновенная опаляющая боль — и вместе с одеждой вспыхнула шерсть и кожа. Но тряпье сгорело, и я оказался свободен. Молекулы моего тела самовосстанавливались в считанные секунды. Полагая, что я выведен из строя, саламандра уже не обра-

щала на меня внимания. Едва понимая, что делаю, я схватил зубами свою свалившуюся с ноги туфлю, приставил к ближайшему, раскаленному добела, пальцу саламандры, и обеими лапами стал изо всех сил натягивать.

Она взревела. Развернулась кругом, приготовясь снова напасть на меня. Разинула пасть. Она могла перекусить меня пополам. Я быстро отскочил в сторону. Она остановилась, оценивая разделяющее нас расстояние. Вспыхнув, исчезла и материализовалась прямо надо мной.

Теперь мне бежать было некуда. Я вдыхал огонь, сжигающий мое отяжелевшее тело. И корчился в агонии. Я весь превратился в пламя...

11

Одиночество. Одиночество, и его вовсе не нарушало смотрящее на меня лицо. У меня нет слов, чтобы описать это. Только одно помню — лицо это было огромным, а его глаза были глазами трупа. Но тогда я вроде не видел его. Как и не чувствовал ужасного холода, более сильного и более мучительного, чем все, что я ощущал прежде. Жестокий холод...

Я не знал этот голос до сих пор, пока он не настиг меня — прошедший сквозь время и пространство. И он потряс до основания мои чувства и разум, которых у меня словно и не было. И меня покинула всякая надежда и всякая вера.

— Гордись, Стивен. Я сам лично потрудился, чтобы тебя настигла смерть. Именно для этого я возбудил в голове дурака мысль о шутке, зная, что лишь такой путь обеспечит благополучное завершение проводимой мной в мире работы. Задача имела свои тонкости, и я не мог доверить ее никому. И хотя всеобщее уничтожение — приятно, но подлинная цель — вовсе не навлечение материальных бед на человечество. На самом деле мои действия, направленные на достижение цели — гибели вас обоих, могут оказаться хорошей проверкой, если мои слуги поддались провокации и захотели вступить в отношения с тем, Другим. Но опасность, которую вы представляете, станет понятной для всех лишь тогда, когда настанет для этого время. Я не знаю, когда это произойдет и как можно определить это время. Но я знаю, что ты для нас опасен уже не будешь...

То, чем был я, съежилось от ужаса. Оно было еще ничтожнее, чем самая мельчайшая часть ничего.

— И все же, — мерно гремел голос, — пока тебе не обязательно умирать, Стивен. Я предчувствую, что эта женщина, Вирджиния, может оказаться еще более опасным врагом, нежели ты. Да и я предвижу, что, лишившись ее, ты — уже не угроза

Плану. Но она и без тебя будет представлять не меньшую опасность, если не большую. Вспомни о ее ловкости и сноровке, о ее талантах. Вспомни, что, в отличие от тебя, дважды попавшего в ловушку, она не попалась ни разу. Прими во внимание силу ее духа. Желание отомстить за тебя может побудить ее к выяснению истинной подоплеки случившегося. И я вижу, что, хотя ты и горишь, она еще не полностью в моей власти. Хочешь ли ты жить? Хорошо жить, Стивен?..

Что-то еще более слабое, чем свет, дошедший от самой дальней звезды, вспыхнул во мне.

— Что я должен для этого сделать?

— Служить мне. Подчиняться моим чарам. Саламандра выпустит тебя, не причинив особого вреда. После того как раны заживут, тебя будет ждать долгая и счастливая жизнь. Это гарантируют мои чары. И тогда, показав, что ты свободен, вызови ее из укрытия. Усыпи ее бдительность — до тех пор, пока над нею, как только что над тобой, не материализуется саламандра. Но если ты не согласишься, то возвращайся обратно и сгори заживо...

Больше чем неизмеримая бесконечность, отделяла меня от Вирджинии. У меня не было даже тела, которое могло бы чувствовать "да" или "нет". Но точка, которой я сделался, вдруг на мгновение представила, что Вирджиния испытывает ту же познанную мною муку. И от этой мысли, непонятно откуда вырвалась неимоверная ярость, смешанная с неимоверной ненавистью, и все, что происходило (а может, этого и не было?), взорвавшись, кануло в породившую его пустоту...

* * *

Думаю, что ярость настолько пересилила муку, что я вновь стал сражаться. Я так думаю. Мне потом рассказывали, что я сцепил клыки на оседлавшей меня бестии. Говорили, что я кусался и пытался удержать ее. Но боль была слишком сильной, чтобы я мог помнить еще что-нибудь, кроме самой боли.

Потом саламандра исчезла. Улица была пустой и темной. Лишь луна, и вдали — уцелевший уличный фонарь. И неровный красный отблеск горящих зданий. Тихо, если не считать треска пожаров. Когда я очнулся настолько, что вернулось обоняние, первое, что я уловил, был кислый запах дыма.

Это продолжалось несколько минут. Моей несожженной ткани едва хватило, чтобы восстановить остальную. Когда здоровье вернулось, моя лохматая голова, оказывается, уже лежала на коленях у Джинни. Похожим на пересохший ремень языком я слабо лизнул ее руку. Будь я человеком, то предпочел бы со-

хранить эту позу. Но я был волком и потому, приложив максимум усилий, приподнялся и издал слабый, хриплый вой.

— Стив... Боже Всемогущий, Стив, ты спас нас! — шептала Джинни. — Еще несколько минут, и мы бы задохнулись. У меня и сейчас словно песок в горле...

Спрыгнув с прилавка, к нам подрулил Свертальф. Он выглядел вполне самодовольно, так, как только может выглядеть кот с подпаленными усами и бакенбардами. Мяукнул.

Вирджиния рассмеялась и объявила:

— А ведь ты должен этому деятелю пинту сливок или еще что-нибудь в таком духе. Как и ты, он тоже склонил чашу весов в нашу сторону. По крайней мере, подсказал, как помочь тебе.

Я навострил уши.

— Он открыл пивные краны, — сказала она, — а я начала наполнять кувшины и бросать их в саламандру через дверь. Это ей мешало, и она стала уворачиваться. Видимо, это и ослабило ее действия, когда ты пустил в ход свои челюсти. — Джинни обхватила меня за шею. — Эти секунды, пока ты удерживал ее... Стив, это же настоящий подвиг!

"Пиво!" Качаясь, я поднялся на ноги и потащился в глубь пивной. Ничего не понимающие Свертальф и Джинни последовали за мной. Я ткнул мордой в ближайшие стаканы.

— О, понимаю. — Джинни щелкнула пальцами. — И ты хочешь пить... Ты же обезвожен.

Она налила литровую кружку. Захлебываясь, я вылакал ее и показал, что хочу еще. Джинни покачала головой:

— Ты заставил саламандру убраться, но нам еще предстоит иметь с ней дело. Поэтому могу предложить еще только простую воду.

Мое звериное тело перераспределило влагу. Я почувствовал, что окончательно выздоровел. И первая по-настоящему здравая мысль — надо надеяться, что в дальнейшем пиво больше не будет тратиться на драку с духами. Вторая мысль — нам следует заняться саламандрой как можно скорее.

За все приходится платить. Беда оборотней в том, что, приняв иной облик, они, естественно, обладают звериными мозгами. Лишь сверху неглубокий, поверхностный слой человеческой личности. Или, говоря проще, будучи волком, я, по человеческим меркам, отличался редкостной тупостью. Но я был способен понять: будет лучше, если я снова превращусь в человека. Поэтому, выйдя через открытую дверь, я приступил к превращению.

Вы сталкивались когда-нибудь с разъяренной пантерой? Это теперь был я, ругавшийся отборнейшим матом. Визгливо завыв, я начал превращаться обратно.

— Подожди-ка, — решительно сказала Джинни. — Если тебя так заботит моя девичья стыдливость... — Она сбросила с себя обгоревшее, хотя еще вполне пригодное для подобной ситуации отделанное мехом пальто.

Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь кто-либо одевался быстрее. Пальто очень жало в плечах, но было достаточно длинным. Ночной ветер холодил мои голые колени, зато лицо будто по-прежнему жгла саламандра — так мне было стыдно.

Это одна из причин, по которым среди моих тревог отсутствовало воспоминание о только что пережитом мною видении. Другая причина — непосредственно угрожающая нам опасность. Опасность реальная в данный момент. Кроме того, уж очень неправдоподобно было услышанное мною. Сознательная реконструкция памяти превратила случившееся в воспоминание о просто физической боли. И наконец, вообще не уверен, чтобы мне тогда хотелось думать об этом. В голове, правда, мелькнуло: дважды, когда я, умирая, терял сознание, у меня были схожие видения. Может, следует обратиться к психиатру? Нет, это глупо. Увиденное — не более чем идиосинкратическая реакция на потрясение. Скорее всего, подобного рода травм в моей жизни больше не будет.

И я забыл обо всем этом.

И торопливо спросил:

— Теперь куда? Проклятая тварь может быть где угодно.

— Думаю, она околачивается возле студенческого городка. Там ей хватает места разгуляться, а она не слишком торопится. В путь.

Джинни принесла метлу, и мы взмыли в небо.

— Итак, — сказал я, — мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Нет, не совсем так. Я немного разобралась в ее психологии.

Мы пролетели над крышами домов.

Джинни обернулась ко мне:

— Я знала — саламандру породили заклинания, но не понимала, что она собой представляет. При создании стихийного Духа можно получить практически все что угодно. Руководитель парада, очевидно, был убежден, что саламандра должна знать английский. И у нее есть даже рудиментарный интеллект. Учитывай при этом изменчивую природу огня. И что мы в результате получаем? Ребенка!

— Ничего себе ребеночек! — проворчал я, поплотнее запахивая пальто.

— Нет, нет, Стив. Ей присущи две характерные черты, отличающие ребенка. Ограничивающие его черты. Непредусмотрительность, беззаботность, бездумность... Умная саламандра

не бушевала бы. Она втихомолку и постепенно накапливала бы силы. А эта даже не понимает, что ей предстоит сжигать всю планету. И просто не задумывается о такого рода вещах. Потому что откуда она возьмет после всех этих пожаров кислород? Вспомни также ее фантастическое тщеславие. Она пришла в неописуемую ярость, когда я сказала, что существуют силы, более могущественные и прекрасные, чем она. Причем, замечания, касающиеся и могущества и красоты, разозлили ее одинаково сильно. Вот тебе неспособность долго удерживать на чем-либо свое внимание. До того как заняться причинением сравнительно незначительных неприятностей, она могла сперва убить либо тебя, либо Свертальфа, либо меня. Вместо этого она начала разбрасываться. И уж конечно, могла бы, когда ты вцепился в нее, скрежеща зубами, выдержать боль хоть короткое время, не слезать с тебя, пока ты... пока ты не погибнешь...

Ее голос дрогнул, и она торопливо продолжила:

— В то же время, пока ее внимание не рассеивалось, пока ничто не отвлекало ее, она концентрировалась только на одном — на конечном результате. Забыв, что она лишь часть большого целого, исключала все возможные варианты. — Джинни задумчиво покачала головой. — Должен существовать какой-то путь воздействия на ее психику.

Мое собственное тщеславие не такое уж маленькое.

— Я не был сравнительно незначительной неприятностью... — проворчал я.

Джинни улыбнулась и погладила меня по щеке:

— Все хорошо, Стив, все прекрасно. Я рада, что ты такой же. Я убедилась, что ты будешь хорошим мужем.

Эта фраза здорово ободрила меня, но хотелось бы знать еще точнее, что она подразумевала под этим.

Наконец мы обнаружили саламандру. Там, внизу, она поджигала театр. Но пока мы смотрели на нее, саламандра, полыхнув, исчезла и вновь появилась — уже на расстоянии мили, возле медицинского исследовательского центра. Не выдержав жара, кирпич начал покрываться стекловидной пленкой. Мы приблизились и увидели, что саламандра в раздражении ударилась о стенку. Потом она вновь исчезла. Невежественная, импульсивная... ребенок, адское отродье!

Развернувшись над студенческим городком, мы заметили свет в окнах административного корпуса.

— Вероятно, здесь устроили штаб, — сказала Джинни. — Узнаем новости.

Свертальф приземлился на бульвар перед зданием. Мы, спотыкаясь от усталости, побрели вверх по ступеням.

Дверь охраняли вооруженные противопожарным снаряжением полицейские.

— Эй, вы! — Один из них загородил нам дорогу. — Куда направляетесь?

— На совещание. — Джинни пригладила волосы.

— Вот как? — Полицейский взглянул на меня. — Одеты вы и вправду как для совещания...

Все, что творилось этой ночью... Хохот полицейского переполнил чашу терпения. Я превратился в волка и рванул легавого за штаны. Он замахнулся дубинкой, но Джинни превратила его в маленького боа-конструктора. Я снова возвратил себе человеческое обличье и предоставил банде полицейских решать возникшие у них проблемы самим.

Зал совещания преподавательского состава был набит битком. Мальзус собрал всех своих профессоров. Мы вошли, и я сразу же услышал его звучный голос:

— ... Стыдно... Власти не захотели прислушаться к моему мнению. Джентльмены! Город выступил против носящего мантию ученого. Мы обязаны защитить честь...

Мальзус замигал, увидев меня и Джинни со Свертальфом. Его лицо приобрело пурпурный цвет, когда он заметил мои торчащие из-под пальто голые колени. И в самом деле, я был в блеске своей славы, да еще в отделанном норкой пальто и с щетинистым подбородком.

— Мистер Матучек!!!

— Он со мной, — отрывисто сказала Джинни. — Пока вы тут заседаете, мы сражались с саламандрой.

— Возможно, чтобы победить ее, требуется нечто большее, чем мускулы, — улыбнулся доктор наук Алан Аберкромби. — Больше даже, чем мускулы волка. Я вижу, мистер Матучек остался без штанов в самом прямом смысле этого слова?..

Джинни холодно взглянула на него:

— Я полагала, что ты руководишь гидрой...

— О, у нас уже достаточно специалистов, чтобы использовать одновременно трех водяных Духов, — сказал Аберкромби. — Рутинная работа. Я понял, что мое место здесь. Скоро мы без труда справимся с пожарами.

— А саламандра тем временем зажжет новые, — отрезала Джинни. — И с каждым пожаром она делается все сильнее и сильнее... Пока вы здесь сидите и обсуждаете.

— Ну, моя дорогая, спасибо. — Он рассмеялся.

Я так сжал челюсти, что зубам сделалось больно. Джинни, в ответ на смех, улыбнулась. Причем улыбнулась очень естественно.

— К порядку! К порядку! — гудел президент Мальзус. — Мисс

Грейлок, садитесь, пожалуйста. Хотите ли вы что-нибудь добавить?

— Да. Теперь я понимаю, что представляет собой саламандра. — Она заняла место за длинным концом стола. Это был последний, оставшийся незанятым стул. Так что мне пришлось с несчастным видом болтаться на заднем плане. Ах, если бы на ее пальто было хотя бы побольше пуговиц!

— Так хорошо понимаете, что можете уничтожить ее? — спросил профессор алхимии Линден.

— Нет, но я поняла ее образ мышления.

— Нас больше интересует, как ею управлять, — сказал Линден. — Как мы можем, наконец, от нее избавиться? — Он прокашлялся. — Очевидно, прежде всего нам нужно понять, какой процесс позволяет ей так быстро передвигаться.

— Это-то просто, — пыхнул трубкой Грисволд.

Но его голос был заглушен басом Линдена:

— Процесс, в основе которого лежит, конечно, одно общеизвестное средство с ртутью. Поскольку, в сущности, в наши дни в каждом доме есть, по меньшей мере, один термометр...

— При всем моем уважении, дорогой сэр, — прервал его астролог Витторио, — должен сказать, что вы говорите сущий вздор. Дело просто в том, что Меркурий и Нептун, совпав с созвездием Скорпиона...

— Вы не правы, сэр, — возразил Линден. — Крайне не правы! Давайте справимся в "Арс тауматургика"... — Он пошарил глазами в поисках своего экземпляра, но тот куда-то задевался.

Чтобы найти книгу, алхимику пришлось пропеть адаптированный вариант заклинания, используемого племенем добу при поисках бататов.

А Витторио тем временем вопил:

— Нет, нет и нет! Совпадение со Скорпионом, если учесть, что им противостоит Уран в своем восхождении, как я легко могу доказать... — Он подскочил к доске и принялся чертить на ней диаграмму.

— О, поехали! — фыркнул метафизик Джаспер. — Не понимаю, как вы оба можете так ошибаться. Как было доказано мной в докладе, прочитанном на последней конференции "Тройственных англосаксонцев", внутренняя природа матрицы...

— Это было опровергнуто еще десять лет назад, — загремел Линден. — Средство...

— Уран...

Я украдкой подобрался к Грисволду и дернул его за рукав. Он последовал за мной в угол зала.

— Ладно, так как же действует эта окаянная тварь? — спросил я.

— О, в основном ответ дает квантовая механика, — прошептал он. — Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует определенная вероятность нахождения фотона в какой-либо точке пространства. Чтобы изменить свои пространственные координаты обычного дифракционного процесса, необходим пси-переход. В результате она переходит от точки к точке, не пересекая разделяющее пространство. Не появляясь в нем. Это очень напоминает скачок электрона, хотя, если быть точным, аналогия не совсем корректная, ибо меняется влияние...

— Ладно, это не важно, — вздохнул я. — Наш разговор удаляется от существа дела. Не лучше ли нам...

— Заняться первоначально поставленной целью, — согласился подошедший Аберкромби.

К нам присоединилась Джинни.

Тем временем Линден успел подбить глаз Витторио, а Джаспер стал забрасывать их обоих кусками мела.

Наша оставшаяся вне схватки группа передвинулась поближе к двери.

— Я уже нашел ответ на нашу проблему, — сказал Аберкромби. — Но мне требуется помощь. Волшебство трансформации. Нужно превратить саламандру во что-нибудь иное, с чем мы сможем легко справиться.

— Это опасно, — сказала Джинни. — Тебе понадобятся действительно сильные заклинания, в противном случае это может привести к обратным результатам. Что тогда случится, предсказать невозможно.

Аберкромби выпрямился и устремил на нее благородный взор.

— Ради тебя, моя дорогая, я готов встретить любую опасность...

Она посмотрела на него с восхищением.

Меня всего скрутило.

— Пойдем, — сказала она Аберкромби, — я тебе помогу.

Грисволд схватил меня за руку:

— Не нравится мне это, мистер Матучек, — поведал он. — Искусство слишком ненадежно. Должен, наверное, существовать какой-то иной метод, основанный на законах природы. На законах, которые можно было бы выразить качественно.

— Да, — печально сказал я. — Но что это за метод?

Я пришлепал к сблизившимися над книгами головами Джинни и Аберкромби. Рядом вышагивали Грисволд и Свертальф, дергающий хвостом в сторону профессора Трисмегиста.

Преподаватели ничего не замечали, они были слишком заняты собой.

Мы все вышли. Проследовали мимо бесившейся втихомолку — мы их хорошо запугали! — оравы полицейских.

В химическом отделе Грисволда были необходимые нам вещества. Мы вошли в отозвавшуюся эхом темноту.

Вот и лаборатория первого курса. Длинная комната, в которой стояли рабочие столы со скамьями и полки. Тишина. Грисволд включил свет.

Аберкромби осмотрелся:

— Итак, нам придется затащить сюда саламандру. Она обязательно должна быть здесь, иначе мы ничего не сможем сделать.

— Действуй и будь наготове, — сказала Аберкромби Джинни. — Я знаю, как заманить сюда эту бестию. Небольшая трансформация.

Она подготовила пробирки, заполнила их различными порошками и бегло начертила на полу символы. Уже подготовлены были к работе увенчанные шарами волшебные палочки.

— Что вы надумали? — спросил я.

— Ох, не путайся под ногами! — вскрикнула Джинни.

Я успокоил себя, сказав, что это вызвано всего лишь минутной слабостью и отчаянием. Но все равно было обидно.

— Мы, разумеется, используем ее тщеславие. Я приготовлю римские свечи, ракеты, заряды. Выпустим в воздух все это, и, естественно, она явится продемонстрировать, что способна сотворить еще более эффектные штучки.

Грисволд и я забились в угол. Начиналась большая игра. Если честно, то было страшно. Костлявые колени крошки-ученого стучали друг о друга, выбивая дробь. Даже Джинни... Да, на ее гладком лбу выступили бисеринки пота. Если задуманное ими удастся, мы наверняка приговорены. С нами покончит либо сама саламандра, либо непредвиденная отдача заклинания. Да и неизвестно, не достигла ли тварь уже таких размеров, что ее невозможно будет трансформировать.

Подготовив свои огненные изделия, моя ведьма подошла к открытому настежь окну и высунулась. Голубые и красные шары, рассыпая потоки золотых искр, с шипением унеслись в небо и там взорвались.

Аберкромби закончил чертить свои диаграммы. Улыбаясь, обернулся к нам:

— Прекрасно! Все под контролем. Я обращу энергию саламандры в материю. Как вам известно, $E = MC^2$. Матучек, зажгите бунзоновскую горелку и поставьте на нее мензурку с во-

дой. Грисволд, выключите свет и включите полярные лампы. Нам понадобится поляризованное излучение.

Мы повиновались, хотя меня корежило при мысли о том, что старого, заслуженного человека используют в качестве лаборанта, действующего согласно снисходительным указаниям этого ломаки и позера. Тоже мне, ловкач, мечта рекламного агентства...

— Вы уверены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — У меня есть опыт. Во время войны я был в интендантском корпусе.

— Так, — сказал я, — но превращение обычной грязи в солдатские пайки — это не то же самое, что трансформация этого чудовища.

Мне вдруг сделалось тошно. Я вспомнил, как он напортачил с гидрой. И понял правду. Аберкромби был уверен, он действительно не боялся — только потому что он знал слишком мало!

Мгновение я не мог пошевелить ни одним мускулом. Грисволд с несчастным видом тащил какие-то металлические предметы. Он, кажется, использовал их, когда проводил с первокурсниками эксперименты, пытаясь научить их обращаться с химическим оборудованием. Боже, как это давно было, кажется, миллионы лет назад...

— Джинни! — Я, спотыкаясь, кинулся к окну, возле которого стояла Вирджиния. За окном в воздухе зависла радуга. — Господи, дорогая, остановись...

Гром. В комнате появилась саламандра. Полуослепший, я отшатнулся назад. Ужасающе выросшая, она заполняла всю противоположную часть лаборатории. Поверхность столов и скамеек начала дымиться.

— Ах, так! — От рева огня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Свертальф взвился на верхнюю полку и опрокинул на паразитку бутылку с кислотой. Она этого не заметила.

— Та-ак! Маленькие влажные букашки, вы пытались превзойти меня?!

Аберкромби и Джинни подняли свои волшебные палочки и выкрикнули несколько коротких слов. Заклинание трансформации.

Упав на пол в своем углу, я пытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы вонючего кислотного пара. И увидел, как Джинни пошатнулась, а затем, спасаясь, отпрыгнула в сторону. Она явно поняла, что ожидаемого результата не получилось.

Дробящий все взрыв — в воздух полетели осколки стекла...

Меня прикрывало тело Грисволда, и волшебство всего лишь превратило меня в волка. Джинни лежала позади скамейки и

была почти без сознания. Но невредимая. Благодарение, вечное благодарение охраняющим нас силам! Невредимая...

Свертальф?.. На полке почему-то тявкала пекинская болонка. Аберкромби исчез. Зато к двери мчался, стеная, шимпанзе, в твидовом костюме.

На его пути грохнул взрывом огненный шар. Шимпанзе завертелся, завизжал и отскочил от поднявшихся клубов пара. Саламандра изогнула спину и заревела. Это она так смеялась:

— Так вы хотели испробовать свои штучки на мне? На мне, Всемогущей, Ужасной и Прекрасной? Ну, вы попрыгаете... Как вода на раскаленной сковородке! И я, я — та сковородка, на которой вы будете поджариваться!

Почему-то отдающая низкопробной мелодрамой речь этой обладающей инфантильным разумом, хвастливой, бесчувственной, пожирающей все твари, которую выпустили на Землю, чтобы она обратила в пепел все человечество, не казалась нелепой.

Очутившись под поляризованным светом, я вновь превратился в человека и вскочил на ноги. Грисволд открыл водопроводный кран и, зажав его пальцем, направил на саламандру струю. Саламандра раздраженно зашипела. Что ж, вода по-прежнему вредила ей, но потушить саламандру мы, конечно, не могли — у нас было слишком мало жидкости. Теперь для этого понадобилось бы целое озеро.

Голова саламандры качнулась. Она разинула пасть, нацелясь на Грисволда, и выдохнула:

— Все суета и тщеславие...

Я перекатился к бунзеновской горелке, на которой кипела никому не нужная мензурка. Поймал взгляд Джинни сквозь свесившуюся на глаза обгоревшую челку. От жара голова шла кругом, с меня потоками лил пот. Нет, не было у меня в тот момент никакого озарения, мною руководил только голый инстинкт.

— Убей нас! — крикнул я. — Убей, если смеешь! Наш слуга более могуществен, чем ты. Он разыщет тебя на краю света!

— Ваш слуга? — взвились языки пламени.

— Да... Я говорю всерьез! Да, наш слуга — тот огонь, который не боится воды!

Зарычав, саламандра немного отступила. Она еще не настолько окрепла, чтобы страшное слово "вода" не заставило ее поколебаться.

— Покажи мне его. — Она дрожала. — Покажи... Я посмею...

— Наш слуга... маленький, но очень могущественный, — говорил я. — Он ярче и прекраснее тебя. И ему не страшна стихия Воды! — Я, шатаясь, добрался до банки, где лежали

обломки металла и щипцами вытащил пару кусков. — Осмелишься ли ты посмотреть на него?

Саламандра рассвирепела:

— Осмелюсь ли я? Спроси лучше, посмеет ли он сравниться со мной?

Я глянул искоса. Джинни поднялась на ноги и схватила свою палочку. Она едва дышала, глаза ее сузились.

Тишина повисла в этой комнате, в ней словно сконцентрировалась тяжесть всего мира. И пропали, утихли все еще оставшиеся на свете звуки: и треск огня, и невнятное обезьянье бормотание Аберкромби, и негодующее вякание Свертальфа. Щипцами я взял узкий и длинный кусок магнезии и поднес его к пламени горелки.

Металл вспыхнул голубовато-белым пламенем. Я отвернулся. Глаза не выдерживали ослепительного фиолетового сияния. Даже саламандра засверкала менее ярко. Зверюга было попыталась сравниться с ним, но это было ей не под силу... Она отпрянула.

— Смотри! — Я еще выше поднял пылающий металл.

Из-за спины донеслось быстрое бормотание Джинни:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер...

Детский разум, не способный охватить более одного объекта в один промежуток времени... Но как долго протянется этот промежуток? Я должен полностью владеть ее вниманием в течение 120 секунд.

— Огонь... — Саламандра была явно обеспокоена. — Всего лишь еще один огонь. Крохотная часть породившей меня силы.

— А ты способна ли на подобное чудо?

Я сунул кусок в мензурку. Из воды вырвался клуб пара. Вода зашипела, пошла пузырями. Но металл продолжал гореть.

— ...Абире... Экс... Орбис... Террестрия... — благословенно шептал Грисволд.

— Это какой-то фокус! — завизжала саламандра. — Это невозможно! Так не могу даже я! Нет!

— Оставайся там, где стоишь! — гаркнул я в лучших армейских традициях. — Ты все еще сомневаешься, что мой слуга настигнет тебя всюду, где бы ты ни скрывалась?!

— Я уничтожу это маленькое чудовище!

— Приступай немедля, дружище! — согласился я. — Не хочешь ли ты устроить дуэль на дне океана?

В поднятый нами шум вплелись пронзительные свистки. В окнах появились полицейские.

— Я покажу вам! — Ее рев едва не перешел в рыдание.

Толкнув сперва Грисволда, я нырнул под лавку, и на то место, где я только что стоял, обрушился фонтан пламени.

— Цып, цып, цып... — звал я. — Все равно не сможешь поймать! Ты же боишься меня, кошка драная!

При этих словах Свертальф кинул на меня негодующий взгляд.

Пол затрясся, когда Дух Огня кинулся на меня. Саламандра не огибала столы и скамейки, а просто прожигала их насквозь, прокладывая себе дорогу. Раскаленный жар вцепился мне когтями в глотку. Извиваясь, я покатился во тьму.

И вдруг все кончилось.

Джинни ликующе вскрикнула.

— Амен!

И в опустевшем воздухе грянул гром.

Кренясь и шатаясь, я встал. Джинни упала мне на руки. В лабораторию влетела полиция. Грисволд прокричал, что нужно срочно позвонить в Департамент Огня и Пожаров, пока еще не все здание обратилось в дым.

Свертальф соскочил с полки, совсем забыв, что пекинской болонке отнюдь не присуща кошачья ловкость. От такого прыжка в его выпученных глазах засверкало глубокое и праведное негодование...

12

А на бульваре было прохладно. Мы сидели на покрытой росой траве. Я смотрел на луну и думал, как это удивительно — жить.

Нас еще разделяли чары, но лицо Джинни светилось нежностью. Мы не обращали внимания на тех, кто бежал мимо, восклицая, что саламандра исчезла. Мы почти не слышали трезвон церковных колоколов, возвещавших радость людям и небу.

Пробудил нас своим лаем Свертальф.

Джинни тихо рассмеялась:

— Бедняга! Как только смогу, сразу же превращу его опять в кота. Но сейчас у меня есть более неотложные дела. Идем, Стив.

Грисволд, уже убедившийся, что его бесценная лаборатория в безопасности, следовал за нами, тактично сохраняя дистанцию. Свертальф остался на месте. Полагаю, что он просто не мог идти — так потрясла его мысль, что могут быть дела, более важные, чем превращение его в кота.

Доктор Мальзус попался нам на полдороге. Как раз под фонарями Святого Эльма. Лунный свет неровно высвечивал его лицо. Пенсне блестело.

— Моя дорогая мисс Грейлок! — начал он. — Это действи-

тельно правда, что вы отвели нависшую над нами угрозу? Ваши действия в высшей степени заслуживают внимания. В славные анналы этого почетного заведения, в котором я имею честь быть президентом...

Подбоченясь, Джинни повернулась к нему и пригвоздила на месте ледяным взглядом. С таким он наверняка никогда не сталкивался.

— Похвалы следует адресовать мистеру Матучеку и доктору Грисволду. Так я и информирую прессу. Не сомневаюсь, что сейчас у вас появится желание увеличить ассигнования на имеющие громадное значение исследования доктора Грисволда.

— Ох, но, право... — заикаясь, начал ученый, — я не...

— Замолчите, вы, простофиля, — шепнула Джинни. И громко продолжила: — Лишь благодаря проявленной им смелости и дальновидности, лишь благодаря его приверженности основополагающим современным теориям, глубокому знанию законов природы... Мальзус, остальное вы сможете добавить сами. Не думаю, что вы станете особенно популярны, если и далее будете держать возглавляемый доктором Грисволдом отдел на голодном пайке.

— О... действительно... в конце концов... — Президент расправил плечи. — Я ведь уже давно собирался внимательнейшим образом обсудить высказанную вами идею. Точнее, она будет рекомендована к утверждению на ближайшем заседании правления.

— Я поддержу вас в этом, — сказала Джинни. — Далее: что касается этого дурацкого правила, ограничивающего отношения преподавателей и студентов... Мистер Матучек в недалеком будущем станет моим мужем...

Бац! Я попытался вновь обрести дыхание.

— Дорогая мисс Грейлок, — забрызгал слюной Мальзус. — Вспомните о правилах приличия, о пристойности наконец. Ведь у Матучека неприличен даже внешний вид.

И тут я, ужаснувшись, понял, что в суматохе каким-то образом потерял пальто Джинни.

Появились двое легавых, они тащили какое-то волосатое существо, бьющееся в их руках... Третий нес его одежду.

— Простите, мисс Грейлок. — Это было произнесено чрезвычайно почтительным тоном. — Мы нашли эту обезьяну и...

— Ах, да. — Джинни рассмеялась. — Нам придется вернуть ей прежний облик. Но не сейчас. Стив больше нуждается в этих брюках.

Я нырнул в штаны, словно змея в нору.

Джинни обернулась с ангельски сладкой улыбкой к Мальзусу.

— Бедный доктор Аберкромби, — вздохнула она. — Вот что

случается, когда по неопытности имеешь дело со сверхъестественными силами. Полагаю, сэр, что у вас нет правил, запрещающих представителям профессорско-преподавательского состава проводить исследования?

— О, нет, — сказал президент дрожащим голосом. — Разумеется, нет. Наоборот, мы надеемся, что наши сотрудники в своих публикациях...

— Ну, конечно, полагаю, что наиболее интересные исследовательские проекты предусматривают изучение трансформации. Допускаю, что это чуть-чуть опасно. Волшебство трансформации может привести к нежелательным результатам, как, например, это случилось с доктором Аберкромби.

Джинни оперлась на свою волшебную палочку и задумчиво добавила:

— Все может случиться, да, всегда есть маленькая вероятность того, что в обезьяну превратитесь вы сами, дорогой доктор Мальзус. Или, например, в червя. В длинного скользкого червя. Но и тогда мы не позволим, чтобы эти обстоятельства препятствовали развитию науки. Не так ли?

— Что?! Но...

— Естественно, — продолжала мурлыкать ведьма, — если бы мне предоставили возможность общаться с моим женихом так, как мне того хочется, у меня не хватило бы времени на подобного рода исследования.

Чтобы признать поражение, Мальзусу пришлось потратить много лишних слов. Он хранил свое покосившееся величие и не сдавался до тех пор, пока над студенческим городком не погас последний отблеск фонаря.

И тогда Джинни обратила свой взор ко мне:

— К сожалению, правило не может быть официально отменено до завтрашнего утра. Но тогда... ты сможешь пропустить несколько лекций?

— Ка-ак? — захлебнулся доктор Алан Аберкромби.

Но тут появился полный негодования Свертальф и загнал его на дерево...

13

Шло время. Первый учебный год закончился.

Джинни гордилась моими пятерками по шаманистике и математическому анализу. Она помогала мне в критические моменты по колдовским языкам, а Грисволд оказывал такую же услугу по электронике. Поскольку мы решили сыграть нашу свадьбу в июне, Джинни пришлось кое-что изменить в своих учебных планах.

Думайте о бывшей высокооплачиваемой нью-йоркской ведьме все что угодно, но не считайте ее наивной. У Джинни был характер. Приобрела она и жизненный опыт. Надо заметить, что специализировалась она в тех областях искусства, где, помимо упорства, верности и силы характера, требовалась также и невинность. Такого рода специалистки ценились особенно высоко. Теперь же моей девочке предстояло стать новобрачной. Ну и что, в конце концов, из этого? В следующем году она приобретет дополнительные знания, чем компенсирует свое замужество.

Мы не смогли полностью скрыть от средств массовой информации нашу роль в истории с саламандрой. Но поскольку Мальзус на всех углах трезвонил, что именно университет под его руководством спас этот прекрасный городок от гибели, то с его помощью мы ухитрились сбить газетчиков с толку. Так что общественность вскоре перестала нами интересоваться.

Грисволд чуть умом не тронулся от счастья, получив ассигнований больше, чем он предполагал. Однако возмущался, что мы получили меньше, чем, по его мнению, заслуживали. И он продолжал негодовать до тех пор, пока нам не удалось его убедить, что ассигнования необходимы на модернизацию целых отделов, тогда как данные нам деньги нужны всего лишь для того, чтобы гарантировать уединение двух влюбленных. Кроме того, нам хотелось быть уверенными, что то нелепое правило, касающееся ограничений во взаимоотношениях, будет аннулировано. И что в прочих аспектах наша жизнь в Трисмегисте окажется вполне сносной. Так что пришлось заключить с Мальзусом молчаливое согласие о сотрудничестве. Мы не позволили прилепить к нему клеймо труса, а, напротив, способствовали восстановлению его чувства собственного достоинства.

Вот и все, вкратце, о прошедших зиме и весне. Я мог бы больше не останавливаться на этом периоде, но не могу удержаться от того, чтобы не рассказать еще об одном моменте.

— Нет уж, — сказал я питомцу моей невесты. — Медовый месяц мы проведем без тебя.

Он прижал уши и возмущенно ответил:

— Фрр-мяу!

— Ты прекрасно побудешь один месяц в этой квартире. Управляющий обещал кормить тебя каждый вечер. В то самое время, когда он ставит на ночь молоко для домового. И помни, что, когда приходит домовой, ты не должен за ним охотиться. Ты занимался этим уже три раза подряд, когда мы с Джинни уходили ужинать. После последнего случая это доброе существо превратило наше мартини в сладкую воду.

Свертальф сверкнул желтыми глазами и забил по бокам хвостом. Я представил себе, что означает для кота тот, кто, черт возьми, величиной как раз с мышь и спасается от него бегством... Надо понимать, что с такими и будут обходиться, как с мышами.

— Между прочим, он приходит сюда, чтобы стирать пыль и менять твой же песок, — напомнил я ему самым непреклонным голосом. — Пожалуйста, ты можешь покидать квартиру. Если тебе захочется подышать свежим воздухом, в любую минуту бери метлу и лети в дымовую трубу. Но домовой неприкосновенен, запомни это раз и навсегда. И если я, вернувшись, узнаю, что ты гонялся за ним, то превращусь в волка, понял?

Свертальф дернул хвостом, а затем поставил его вертикально.

В комнату вошла Вирджиния Грейлок, которая всего несколько часов назад (не могу в это поверить) стала миссис Матучек. Я увидел ее, высокую, изящную, в белом платье, увидел прекрасное лицо и облако рыжих волос, падающих на плечи. Я был так потрясен, что прозвучавший голос воспринял, как симфонический аккомпанемент.

Ей пришлось повторить:

— Дорогой, а ты абсолютно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это же такое испытание для его нервов!

Я достаточно очухался, чтобы ответить:

— Его нервы сделаны из оружейной стали. Это прекрасно, я вполне понимаю, что он хочет спать с нами в одной постели... Когда мы вернемся, допускаю, что это возможно... но, невозможно, если весь медовый месяц на моем животе будут находиться пятнадцать футов веса черного колдовского кота. Кроме того, что еще хуже, он предпочитает твой живот!

Джинни залилась румянцем:

— Будет очень непривычно, если я, после стольких лет, вдруг останусь без него. Он мой близкий друг. Если он пообещает вести себя хорошо...

Свертальф, успевший забраться на стул, терся о ее бедро и мурлыкал. Мне в голову пришла неплохая мысль. И все же я опустил поднятую было руку и не сказал: "Брысь!"

— Он не способен вести себя хорошо. И он не нужен тебе. Мы же собираемся забыть обо всем на свете, забыть о делах, так ведь? Я не буду заниматься, не стану навещать товарищей-оборотней. Мы даже не посетим семейство койотов-оборотней из Акапулько, тех, которые приглашали нас. Ты не будешь заниматься колдовством, посещать шабаши. Мы с тобой будем вдвоем, и я не хочу, чтобы эта нахальная мохнатая штучка мешала нам...

Джинни лишь вздохнула и, кивнув, начала гладить спину коту.

— Хорошо, дорогой, — сказала она. Потом поспешно добавила: — Нам пора отправляться. Все упаковано.

— Давай, супруга, — согласился я.

Она показала мне язык.

Я погладил Свертальфа:

— До свидания, дурачок. Надеюсь, ты не в обиде?

Он легонько царапнул мою руку и заявил, что не согласен. Джинни крепко обняла его, затем схватила меня за руку и торопливо повлекла к двери.

Наш дом находился вблизи университета Трисмегиста, а квартира на третьем этаже.

Состоявшаяся этим утром свадьба была тихой и скромной. Несколько друзей в церкви, потом завтрак с ними, а затем мы сказали всем: "До свидания". Нью-йоркские родственники Джинни и мои в Голливуде были богаты. Они скинулись и подарили нам персидский ковер. Подарок нас несколько потряс, но покажите мне новобрачных, которым бы не хотелось чуть роскоши.

Ковер лежал на лестничной площадке, и под лучами солнца его краски пылали. На заднем конце уже громоздился багаж. Мы уютно уселись бок о бок на подушках из полимеризованной морской пены. Джинни прошептала слова команды. Ковер двинулся так плавно, что я не заметил, как мы поднялись в небо. Ковер не обладал той скоростью, что спортивная модель помела, но триста драконьих сил вынесли нас из города за считанные минуты.

Под нами простирались громадные районы Среднего Запада. Здесь и там, словно серебряные ленты, блестели реки. Мы неслись, и ни ветерка не проникало сквозь защитный экран. Джинни выскользнула из платья. И теперь я понял теорию транзитного переноса. Оказывается, отсутствие кое-чего имеет столь же реальное значение, как и его наличие.

Мы летели на юг и купались в солнечном свете. Когда наступили сумерки, мы остановились и поужинали в очаровательном ресторанчике. Это было в Озарке. Но мы решили не останавливаться в отеле и полетели дальше.

Ковер был мягкий, толстый, спокойный. Я хотел было поднять откидной верх, но Джинни сказала, что если мы спустимся пониже, то там будет теплее. И она оказалась права.

Небо было усеяно звездами. А потом поднялась большая желтая луна, и в ее свете половина звезд исчезла. И воздух был наполнен шепотом, и внизу была темная земля, и мы слышали, как поет слитный хор кузнечиков. А все, что случилось дальше, вас не касается...

14

Я точно знал, куда мы направляемся. Мой фронтовой друг, Хуан Фернандес, нашел хорошее применение приобретенным в армии знаниям. Он служил в отделе пропаганды и создал там немало превосходных сценариев. Теперь же он готовил не посылаемые на врага кошмары, а сонные серии. Передачи пользовались популярностью, и заказчики хорошо платили Хуану. По сути, все любили Хуана, если не считать психоаналитиков. Теперь, когда научные исследования привели к созданию эффективной противомагнитной техники, психоанализ устарел. В прошлом году Хуан соорудил в стране своих предков дачный домик. Домик был выстроен почти на самом берегу Соноры — одном из наиболее красивых мест Мидгарда. Фернандес пригласил меня сюда на месяц, и мы с Джинни подгадали под этот срок нашу свадьбу.

В полдень следующего дня мы пошли на посадку. На западе, сверкая голубыми и белыми огнями, играл калифорнийский залив. Проложенная прибоем широкая полоса песчаного пляжа, громоздящиеся ярус за ярусом утёсы и, наконец, устремленная на восток страна — сухая, застывшая и внушающая страх. А вознесенный на высоком берегу домик окружен зеленью.

Джинни захлопала в ладоши:

— О, я никогда бы не поверила, что такое возможно.

— Вы, жители восточных штатов, не знаете, как велика страна. — Я был полон самодовольства.

Она заслонилась от слепящего солнца и спросила:

— А что там такое?

Мои глаза никак не могли оторваться от ее руки. Над утесами, примерно в миле к северу от домика и на несколько футов выше, громоздились полуосыпавшиеся стены, заваленные грудами камней. В углу, хмуро встречая ветер, торчала с обломанным зубом башня.

— Ла Форталеза, — пояснил я. — Построенная испанцами в семнадцатом веке. Какого-то дона осенила идея разбогатеть. Он воздвиг замок в качестве своей резиденции. Привез жену из Испании. Но дела пошли плохо, и замок вскоре оказался покинутым ими.

— Давай мы его как-нибудь обследуем?

— Давай, если тебе хочется.

Джинни положила руку мне на плечо:

— Стив, почему у них все пошло плохо? Что им мешало?

— О... ничего. Я не особенно интересовался Форталезой. Даже будучи человеком, я и днем ощущаю там что-то враждебное. Однажды, приняв волчий облик, я отправился туда после

наступления темноты и... Это было омерзительно. И не столько физически, сколько... Ладно, будет об этом...

— Испанцы в те времена обращали туземцев в рабство, — сказала она задумчиво, — не так ли? Вообрази, сколько человеческих смертей повидал этот замок. И эти смерти оставили в нем свой след. Но, черт возьми, это было уже давным-давно. Мы все-таки как-нибудь осмотрим его. Руины очень живописны, и выглядят они отсюда просто потрясающе. Если тебя, конечно, действительно не беспокоят привидения?..

— Дорогая, забудем об этом! Я не подвержен суевериям!

И мы поселились в этом домике и забыли об этом разговоре.

Дом, построенный под монастырь, с белыми стенами и красной черепичной крышей, был окружен двором, где весело играл фонтан. Вокруг располагался сад. Среди зелени травы и листьев — красный, белый, пурпурный, золотой узор цветочных клумб.

Мы были совершенно одни. Почва была насыщена и землей и водой — следовательно, в уходе не нуждалась. Две другие стихийные силы кондиционировали в доме воздух. Кроме того, чистота там тоже поддерживалась волшебными силами. Дорогостоящее это удовольствие — заклинание чистоты.

Поскольку Джинни временно выбыла из магической деятельности, она сама приготовила простой завтрак по-мексикански из привезенных нами припасов. Она была так прелестна в шортах и переднике с оборочками, что у меня не хватало духу учить ее готовить. Джинни громко вскрикнула от восторга, когда грязная посуда сама полетела на кухню. Она даже пошла за ней следом, на случай, если какая-нибудь из тарелок вдруг вздумала бы упасть на пол.

— Это самая современная посудомойка, о которой я когда-либо слышала! — воскликнула Джинни.

Во второй половине дня мы отправились купаться. Когда солнце село, мы вернулись, вскарабкавшись по желтой скале. Мы проголодались, и я поджарил на углях бифштексы. Мы молчали. Потом ушли в патио и оттуда любовались морем, сидя на сбитых из досок стульев и держась за руки. А звезды высыпали на небе, чтобы приветствовать нас.

— Давай, когда взойдет луна, сменим кожу на шкуру и чуть-чуть порезвимся, — предложил я. — Из тебя выйдет очаровательная волчица.

Она покачала головой:

— Я не смогу, Стив, дорогой.

— Ты наверняка сможешь. Конечно, понадобится пустить в ход волшебство, но...

— В том-то и дело. У тебя человеко-волчьи гены. Все, что тебе нужно для изменения, — это поляризованный свет. Но для меня

изменение означает большую трансформацию, и... Не знаю. Я чувствую, что не в состоянии этого сделать. Даже не смогу вспомнить формулы. Вообще ничего не могу вспомнить. Все, что я знала, смешалось и улетучилось, даже в большей степени, чем я ожидала. Мне придется заново пройти курс обучения по самым элементарным предметам. А сейчас... меня может изменить только профессионал.

Я вздохнул. Ведь я надеялся, что мы превратимся в волков. Нельзя по-настоящему узнать мир, если пользуешься только человеческими чувствами и разумом. А ведь Джинни, разумеется, часть этого мира... Что ж!

— О'кей, — сказал я. — Тогда позднее, когда ты вновь станешь специалистом.

— Конечно. Мне очень жаль, дорогой. Но если ты хочешь пробежаться волком — беги.

— Без тебя — нет.

Она тихо рассмеялась:

— А вдруг у тебя появятся блохи?

Она наклонилась, чтобы укусить меня за ухо.

И тут мы услышали шаги.

Я вскочил на ноги. Под бархатным небом, по извивающейся тропинке, к нам приближалась какая-то тень. То, что я бормотал при этом, особым гостеприимством не отличалось.

"Что за черт! — подумал я. — Это кто-то из расположенной отсюда в десяти милях деревни? Но..."

Когда я в человеческом облике, мой нос нечуток по волчьим стандартам. Но запах, который я вдруг уловил, мне не понравился. Не то, чтобы это был неприятный запах. Наоборот, от острого аромата полускрытое сумерками лицо Джинни сделалось еще прекраснее. И все же что-то во мне противилось посетителю.

Я шагнул навстречу входившему в наше патио незнакомцу. Он был среднего для мексиканца роста, то есть ниже меня. Он двигался так грациозно, что я подумал, не кугуар-оборотень ли он. На его гибком теле безукоризненно сидел белый костюм. Сверху — темная накидка. Лицо скрыто широкополой шляпой. Но пришелец, поклонившись, снял ее, и лицо его оказалось в луче падающего из окна света.

Я никогда еще не встречал такого красивого мужчину. У него были высокие скулы, греческий нос, заостренный подбородок и широко расставленные с зеленоватым оттенком глаза, в которых прыгали золотые искры. Кожа белее кожи моей жены, и гладкие, светлые, пепельного оттенка волосы. Я усомнился в том, что он мексиканец. Скорее какой-то последний представитель некогда существовавшей, а теперь начисто забытой расы.

— Добрый вечер, сеньор, — грубовато сказал я. — Прошу прощения, но я не говорю по-испански. — Это была неправда, но мне не хотелось разговаривать с ним.

Не могу сказать, звучал ли ответивший мне голос, как тенор или как контральто, но, в любом случае, в нем послышалась музыка:

— Поверьте мне, добрый сэр, я владею всеми языками, которые мне только могут понадобиться. Умоляю простить меня, но, увидев издали, что дом освещен, я взял на себя смелость предположить, что вернулся хозяин. И решил навестить его, дабы по-соседски поприветствовать его.

Выговор был столь же архаичен, как и построение фраз. Гласные, например, звучали явно по-шведски, хотя в предложениях отсутствовал присущий шведскому языку ритм.

— По-соседски?

— Обстоятельства сложились так, что мы — я и моя сестра — живем в том древнем замке.

— Что? Но... — Я замолчал.

Фернандес не упоминал ни о чем подобном, но, с другой стороны, он и сам не был здесь уже много месяцев.

— Вы приобрели этот замок?

— Несколько комнат замка обеспечивают нам вполне комфортабельное существование, сэр, — уклонился он. — Мое имя — Амарис Маледикто.

Его рот, очерченный так четко, что трудно было не заметить, как полные губы искривились в улыбке. Если бы не запах, исходящий от него, я был бы окончательно покорен.

— Вы и ваша леди — гости сеньора Фернандеса? Добро пожаловать в наши края.

— Мы временно поселились в этом доме. — Джинни заговорила, как-то по-детски задыхаясь.

Я бросил на нее украдкой взгляд и в желтом, падающем из окна свете увидел, что глаза ее необычно блестят и что она пристально смотрит незнакомцу в глаза.

— Нас... Нас зовут Вирджиния... Стивен и Вирджиния... Миссис Матучек.

С каким-то холодным недоумением я подумал, что новобрачным почему-то всегда кажется, что если они именуются "миссис", то это должно производить впечатление. "Миссис такая-то..." И с этой уверенности их не сдвинешь...

— Это очень мило с вашей стороны, что вы навестили нас... Пешком в такую даль... Ваша... ваша сестра, она тоже придет?

— Нет, — сказал Маледикто. — И, честно говоря, хотя ей и было бы приятно ваше общество, но весьма вероятно, что ее

уязвило бы зрелище такой красоты, как ваша. Ваша красота породила бы у нее тоску и зависть.

Ночь была наполнена ароматами цветов. Над вершинами острых утесов сверкали звезды, внизу шумело, окутанное туманом, громадное море. И как ни странно, речь Маледикто не казалась дерзкой. В его словах не было ничего, кроме абсолютной правды. В сумраке, сгустившемся над патио, я увидел, как Джинни залилась румянцем. Она отвела глаза от Маледикто. Ее ресницы затрепетали, и она смущенно ответила:

— Вы так добры... Присядьте, пожалуйста.

Он снова поклонился и мягко опустился на стул.

Я дернул Джинни за рукав. Зашипел с яростью:

— О чем, черт побери, ты думаешь? Теперь мы не избавимся от этого типа целый час!

Она стряхнула мою руку гневным жестом, которого я не помнил со времен нашей последней ссоры.

— Не хотите ли чуть коньяку, сеньор Маледикто? — сказала Джинни, улыбнувшись ему своей лучезарной улыбкой. — Я принесу. И может быть, сигару? У Стива — "Префектос".

Я сидел молча, пока она суетилась в другой комнате. Какое-то мгновение я был слишком разъярен, чтобы произнести хоть слово.

Заговорил Маледикто:

— Очаровательная девушка, сэр. В высшей степени восхитительное создание.

— Она моя жена, — загремел я. — Мы приехали сюда, чтобы в одиночестве провести наш медовый месяц...

— О, не подозревайте меня. — Его довольный смех смешался, казалось, с бормотанием моря.

Он сидел в тени, и я мог разглядеть только неясные, расплывчатые очертания его облика — черное и белое.

— Я все понимаю и не посмею испытывать ваше терпение. Не исключено, что позже, когда вы познакомитесь с моей сестрой, вам доставит удовольствие...

— Я не играю в бридж.

— Бридж? А, верно, вспомнил. Это новая карточная игра. — Он изобразил рукой гипнотический знак отрицания. — Нет, сэр, мы ни других, ни себя не должны заставлять делать то, чего они не хотят. Например, мы не можем прийти с визитом туда, где существует некто, не желающий, пусть даже и невысказанно, нашего появления. Кроме того... как смог бы человек, поселившийся в таком жилище, как наше, узнать что-либо, кроме того, что у него появились соседи? Но теперь я не в силах ответить на вежливое приглашение вашей леди неблагородным отказом. Но, сэр, это продлится совсем недолго.

Что ж, как всегда, вежливость смягчает гнев. Маледикто мне по-прежнему не нравился, но теперь я хотя бы мог анализировать свои мотивы, и моя враждебность по отношению к нему несколько уменьшилась. Ярость угасала, и появилось гнетущее ощущение от присутствия этого третьего лишнего. Что-то исходящее от него, возможно, запах его духов, вдруг заставило меня желать Джинни более, чем когда-либо.

Но ярость вновь вспыхнула, когда принесшая коньяк Джинни начала опять вертеться вокруг него. Она щебетала слишком громко и смеялась слишком много и, наконец, приняла настойчиво зазывать его к нам завтра на обед. Я угрюмо прислушивался к их беседе. Он говорил вкрадчиво и остроумно, но ни разу не ответил прямо на касающиеся лично его вопросы. Я сидел и думал, что выскажу ей, когда он уберется.

Наконец он поднялся:

— Не смею больше задерживать вас. Кроме того, дорога на Форталезу проходит по скалам, а я знаком с ней недостаточно хорошо. Поэтому, чтобы не сбиться с пути, мне пора идти.

— О, но это может быть опасно. — Джинни повернулась ко мне: — Ты должен проводить сеньора Маледикто. Пожалуйста.

— Не смею позволить себе доставить вам подобное затруднение, — возразил Маледикто.

— Это минимум того, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю, Амарис. Стив, это не займет у тебя много времени. Ты же говорил, что хочешь пробежаться при луне, и смотри — луна почти поднялась.

— О'кей, о'кей! — гаркнул я нелюбезно.

И правда, на обратном пути я смогу превратиться в волка и тем самым несколько сбить свою злость. Если же я попытаюсь с нею спорить прямо сейчас и выскажу все, что чувствую, то... То это будет не ссора, а Армагеддон.

— Пойдемте.

Он поцеловал ей руку. Она попрощалась с ним таким нежным, таким дрожащим голосом, словно школьница, влюбленная в первый раз.

У него был фонарик. Он бросал маленькое прыгающее пятнышко света, выхватывая из сгущавшейся перед нами темноты то камни, то кусты полыни. Лунное зарево разгоралось все ярче. Я почувствовал, как зазвенели мои нервы. Какое-то время мы поднимались по склону. Тишину нарушало лишь поскрипывание наших туфель.

— Вы не побеспокоились взять с собой светильник, сэр, — сказал наконец Маледикто.

С какой стати говорить ему о моем колдовском зрении. Я хмыкнул и ничего не сказал ему о том, что я волк-оборотень,

которому, чтобы переменить обличье, вовсе не обязательно иметь фонарик.

— Вам придется взять мой, — продолжал он, — в противном случае, обратный путь может оказаться для вас чреватым опасностями.

Это я как раз понимал. Обычный человек чувствовал бы себя слепым на этой тропе — даже при ярком лунном свете. Тропа почти стерлась, разглядеть ее было трудно, все вокруг имело неясные очертания и заполнилось тенями. Если человек потеряет голову от страха, он будет плутать, сбившись с пути, до самого рассвета. Или, скорее всего, свалится в пропасть и разобьется.

— Я зайду за вами завтра вечером. — Маледикто удовлетворенно вздохнул. — Ах, сэр, ваше прибытие сюда — это такое редкое счастье. Новобрачные переполнены любовью, а Сибелита томилась, пылая, столь же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли, если вас не затруднит, встретиться с ней этой ночной порой?

— Нет.

Снова воцарилась тишина. Мы спустились в окруженное утесом ущелье. Там было так темно, что я уже не видел ничего, кроме тусклого отблеска воды и лунного сияния вверху. В свете далеких, холодных звезд я рассмотрел утесы, что возвышались надо мной. Утесы походили на клыки. Казалось, что мы с Маледикто сейчас — последние, оставшиеся в живых в этом мире.

Он остановился. Свет фонарика — как отрезало.

— Доброй ночи, сеньор Матучек, — крикнул он. Его смех зазвенел одновременно зло и театрально красиво.

— Что? — Сбитый с толку, я заморгал, напряженно всматриваясь во мрак. Тьма сомкнулась вокруг меня. — Что вы имеете в виду, черт побери?? Ведь мы еще не дошли до замка!

— Да, не дошли. Но отправляйся туда, если хочешь... и если сможешь...

Я услышал, как он устремился по тропинке обратно. Камешки под его ногами уже не хрустели. Шаги были мягкие, быстрые, словно прыжки зверя. Он спешил обратно к нашему дому.

Мгновение я стоял, словно вылитая из свинца статуя. Я слышал малейшие движения воздуха, шорох полыни. Слышал океан. Затем грохот сердца заглушил все другие звуки.

— ДЖИННИ! — заорал я в смятении.

Кинулся вслед за ним. Ноги соскользнули со скалы, и я упал, разбив при падении руки до крови. Шатаясь, поднялся. Отвесные утесы и обрывы эхом швырнули обратно мои проклятья. Спотыкаясь, я спустился вниз по откосу, продираясь сквозь

кустарник и кактусы, но споткнулся обо что-то и снова упал. На этот раз я ударился головой о булыжник. Боль пронзила тело, в глазах взорвались огни, и минуты две-три я лежал без сознания.

И тогда я опять почувствовал в ночи чье-то присутствие.

И сквозь безнадежность одиночества, что струилось отовсюду и захлестывало мою душу, я различил натянутую струной надежду...

15

Мой пристальный взгляд скользнул по откосу. За пропастью тускло мерцало море. Удар не был серьезным. Рассудок мой вернулся. Маледикто искусно убрал меня со сцены. Вероятно, я погиб бы, не принадлежи к особому виду Homo sapiens. Этого он не предполагал. У меня было в запасе кое-что, чего он не мог предположить. Например, колдовское зрение.

Я пробормотал формулу и почувствовал, как сетчатка глаз изменилась. Теперь я мог видеть на мили вперед. Разумеется, то, что я видел, было нечетким, расплывчатым. Но я начал узнавать местность и, приблизительно определив направление, помчался к дому.

Было жутко. Я бежал слишком медленно, а Маледикто продвигался с невероятной скоростью.

Над холмами поднималась луна. Было почти полнолуние.

Превращение произошло раньше, чем я осознал, что хочу этого. Я не стал останавливаться, чтобы раздеться, а на ходу собрал одежду и понес ее в пасти. Побывавшая в волчьих челюстях, она тут же превратилась в лохмотья. Целыми остались лишь шорты. Но тогда я не думал об этом.

Глаза волка не позволяли мне видеть далеко. Но обоняние вело меня по утоптанной траве, по собственному следу...

... УСПЕХ В МОИХ РУКАХ... С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ... ОБА... ОН МЕРТВ, А ОНА СОВРАЩЕНА... РАСКАЯНИЕ ПОТОМ СЛОМИТ ЕЕ... УГРОЗА, КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО ПРЕДВИДЕТЬ, КАК В ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ГРОЗОВОМ ОБЛАКЕ, ОТВЕДЕНА... НАКОНЕЦ-ТО БЕЗОПАСНОСТЬ...

И пронзительная мысль, более ужасная и острая, чем любая другая. Сам Маледикто не смог бы воздействовать на нее так сильно... Не мог бы сломить ее любовь ко мне, гордость, порядочность... Нет, мою девочку вынудил так действовать сам Искуситель...

Я не знал, какое задумано зло. Но мгновенно представил ее

наедине с Маледикто, и это спалило все остальное — боль, слабость, здравый смысл, даже на какое-то время память о моем глумящемся наблюдателе... Я заревел от ярости и отчаяния, вскочил и побежал.

Мной овладело безумие. Я не сознавал, что делаю. Несомненно, и это тоже было предусмотрено. По логике я должен был упасть со скалы и разбиться насмерть. Но полузвериные инстинкты и рефлексы охраняли меня. Думаю, именно это и спасло меня.

Внезапно я почувствовал, что вымотался, и остановился. Эта вынужденная пауза дала возможность рассудку возобладать. Я огляделся... и не обнаружил поблизости ни замка, ни нашего дома.

Я заблудился...

Наконец, я нашел тропу, которая впитала еще один запах. Теперь я понял, что скрывается за странным благоуханием Маледикто.

Демон.

Мне не встречался прежде точно такой же запах, и моему волчьему мозгу было интересно, к какому роду принадлежит демон. Но в узком моем черепе осталось место лишь для ненависти и спешки.

В поле зрения появился наш домик. Я понесся к патио. Никого. Выходящее на море окно спальни было открыто навстречу лунному свету...

Он держал ее в своих объятиях. Она еще сопротивлялась, отталкивала его. Но глаза ее были закрыты. Она слабела.

— Нет... — шептала Джинни. — Нет... Помогите, не надо... Амарис, Амарис... — Ее руки скользнули ему на шею.

Она притянула его лицо. Обнявшись, они качнулись вниз. Мрак окутывал спальню.

Я коротко взвыл и вонзил в него зубы.

На вкус его кровь оказалась не похожа на человечью. Она была как вино и теперь горела и пела во мне. Я не посмел укусить его снова. Еще один такой глоток, и я, наверное, лягу, как собака у его ног и буду просить приласкать меня. Я решил превратиться в человека.

Трансформация заняла не больше времени, чем понадобилось ему, чтобы отпустить Джинни и повернуться ко мне. Хоть он и был удивлен, но рычать мне в ответ не стал. В зыбком лунном свете вырисовывалось его волшебное лицо, в глазах горели золотые искры. Он смеялся.

Вложив всю свою силу, я направил кулак в его лицо. Слабая плоть человека! Ей ли вступать в битву с быстрой, как ртуть, жизнью, порожденной Тьмой?

Резким, точно вспышка, движением Маледикто отскочил в сторону. Его просто не оказалось на ожидаемом месте. Я врезался в стену и упал. Надо мной звучал его смех.

— Разве сия хныкающая тварь достойна обладать такой милой девицей, как ты? Молви хоть одно слово, Вирджиния, и я пинками загоню его в собачью конуру.

— Стив... — Она съежилась, вжалась в угол. Но не кинулась ко мне.

Я перекатился, вскочил на ноги. Маледикто ухмыльнулся. Обхватил Джинни за талию и привлек к себе. Она задрожала, пытаясь оттолкнуть его. Он поцеловал ее, она прерывисто вскрикнула. И снова жест воспротивления превратился в жест любви. Маледикто оттолкнул меня свободной рукой, и я тяжело упал.

— У меня нет больше желания ломать тебе кости, — сказал он. — Но если ты не будешь настолько вежлив, чтобы уступить желанию леди...

— Желанию?! — Джинни вырвалась из его рук. — Силы небесные! — завопила она. — Изыди!

Маледикто рассмеялся:

— Если моя жертва призывает святое имя вполне искренне, я должен исчезнуть. — Его голос походил на журчание. — Тем не менее я, как видишь, остался здесь. То, что сокрыто глубоко внутри тебя, томится желанием, Вирджиния!

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, грохнул об пол и направился к окну.

— Ах, — сказал он. — Сейчас чары рассеются. Но не бойся. Когда наступит более благоприятный час, я вернусь...

Мгновение — и он перепрыгнул через подоконник. Я пополз следом. Белое патио было залито лунным светом.

Я сел, поднял голову. Рядом опустилась на пол Джинни. Медленно текли минуты. Наконец я встал, включил свет. Нашел сигареты и тяжело сел на кровать. Возле моих колен лежала ничком Джинни. Я не стал даже касаться ее.

— Кто это был? — спросил я.

— Инкуб*.

Ее голова была опущена, я видел лишь рассыпавшиеся по спине рыжие волосы. Пока меня не было, она надела самую нарядную свою ночную рубашку. Для кого?

Ее голос был тихим и слабым:

— Он, должно быть, обитает в развалинах замка. Возможно, он — виновник постигшей испанцев неудачи.

---

* И н к у б ы — демоны разврата мужского пола. С и к у б ы — соответственно — женского пола.

Я втянул дым в легкие.

— Почему он не появился раньше? — глупо удивился я. — Ах да, конечно, у него очень ограниченные возможности действия. Фамильное проклятье. Он просто не мог выйти за пределы владения того старого дома. А после наступления темноты здесь никто не появлялся.

— До тех пор, пока мы... — продолжила она шепотом.

— А Хуан со своей женой бывали здесь лишь наездами. — Я неистово дымил. — Ты же ведьма. У тебя есть информация. Все, что я знаю об инкубе, то, что он — демон эротики. Скажи, почему же он никогда не беспокоил Фернандеса?

Она снова начала плакать, будто у нее кончилась всякая надежда. Мне подумалось, что это отчаяние вызвано также и пониманием того, что она потеряла свою ведьмовскую силу. Она уже не была волшебницей.

А мне... мне все стало ясно.

— Потому что святые символы защищают тех, кто действительно хочет защиты. Думаю, что он сказал правду. Хуан и его жена — добрые католики. Они не поселятся здесь, не развесив прежде на каждой стене по распятию. Ни у нее, ни у него не возникает желания изменить друг другу...

Она подняла лицо. Выражение его было диким:

— Ты думаешь, что я...

— О, не сознательно. Но если бы мы догадались сразу же по прибытии развесить кресты... Если бы мы сотворили от чистого сердца молитву, мы тоже были бы в безопасности. Никогда нельзя знать заранее, кем ты окружен. Но наши головы были слишком заняты другим, а сейчас — уже поздно. Подсознательно... Подсознательно, полагаю, ты забавлялась идейкой, что маленький отход от неукоснительной моногамии — это было бы не так уж и плохо...

— Стив! — Она с трудом поднялась на ноги. — В наш медовый месяц! Ты смог сказать такое!

— Смог... — Я затушил сигарету. Жаль, что не о лицо Маледикто. — А как тогда иначе ему удалось опутать тебя своими чарами?

— Стив... Стив, я люблю тебя. Только тебя!

— Что ж, будет лучше, если ты сядешь на ковер и дашь полные обороты. Лети в... Насколько я понимаю, Гуйамас, ближайший город, достаточно крупный, чтобы его экзарсист* тебе помог. Расскажи там все и попроси помощи, потому что, если я что-то и помню из демонологии, то только то, что, раз ты попала под влияние инкуба, он последует за тобой куда угодно.

---

* Экзарсист — священник по изгнанию бесов

— Но ничего не было! — Она закричала так, как будто я ее ударил.

Что ж, в определенном смысле это и был удар.

— Да... Не хватило времени. В этот раз. Конечно, обладай колдовской силой, ты могла бы изгнать любого демона с помощью чисто светского искусства. Но сейчас у тебя этой силы нет. Пока ты пройдешь курс повторного обучения, каждый час, когда ты находишься вне церкви, тебя должен охранять экзарсист. Если только не... — Я встал.

— Что? — Она вцепилась в меня ледяными пальцами.

Я встряхнул ее в ярости. Мое мужское достоинство было уязвлено вдвойне. Маледикто отлупил меня в драке и чуть не соблазнил мою жену.

— Стив! Что ты задумал?!

— Впрочем, я могу сам избавиться от него!

— Не можешь! Ты не колдун, а он — демон!

— А я — волк-оборотень. Может быть, это достаточно уравняет наши шансы?..

Я потащился в ванную и перебинтовал там руку. Раны, впрочем, были поверхностные. А вот суставы пальцев распухли.

Джинни попытались помочь, но я указал ей на дверь. Я понимаю, что был неправ тогда. Уж слишком распирали меня боль и ярость. Я только смутно чувствовал, что должен отправиться в Форталезу, куда, по-видимому, вернулся Маледикто. Став волком, я буду так же силен, как и он. Разумеется, кусаться я не осмелюсь. Но если понадобится превратиться в человека, использую приемы рукопашного боя, которым меня обучали в армии...

План был абсолютно безнадежен, но меня уже подстрекал мой собственный демон.

Джинни все поняла. Ее колдовские способности частично вернулись к ней. А может, это у нее было врожденное. Безжалостное сияние огня Святого Эльма высвечивало ее абсолютно белое лицо. Она дрожала и судорожно глотала слюну.

А потом сказала:

— Если ты иначе не можешь... мы пойдем вместе.

— Нет! — Рычание клокотало в моем горле. — Отправляйся в Гуйамас, говорю тебе! Мало мне из-за тебя бед?! Оставь меня одного! А потом я еще решу, хочу ли я, чтобы ты вернулась ко мне обратно!

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня. Пусть никогда я не увижу больше подобного взгляда. Потом она исчезла.

Я вышел из патио и превратился в волка. В воздухе висел запах демона. Я пошел по этому следу. Путь вел в гору...

16

Земля была залита ослепительным лунным светом. Нос чуял запахи пыли, шалфея, кактусов, осоки и бурых водорослей. Уши различали писк летучих мышей, панический топоток американского зайца. Мое естество больше не корчилось в муках. В волчьем черепе вмещаются лишь простые мысли жаждущего убивать зверя. Я как бы переродился. Известно, что некоторые психиатры добивались хороших результатов, временно превращая своих пациентов в животных.

Какое-то время спустя, на фоне луны, вырисовались изъеденные временем очертания сторожевой башни. Каждым своим нервом готовый к атаке, я устремился туда, что некогда было воротами. Я стоял посреди пустого двора. Песок, наносимый сюда в течение столетий... Сорняки, пробившиеся между плитами... Здесь и там валялись отколовшиеся камни. Ближе к центру громоздилась груда обломков, тут когда-то стояло здание. Ниже — отверстие погребов. Я осмотрел их. Вернее, небрежно заглянул туда. Логовища инкуба я там не обнаружил.

И тогда я взвыл, бросая вызов противнику.

Кто-то мгновенно появился у двери, ведущей в башню. Одетая во все белое, фигура шагнула вперед. Я тут же отпрыгнул. Мелькнула дикая мысль: если первым же укусом порву ему шейную вену, то тогда я наглотаюсь этой пьянящей, как вино, крови. Но зато он уже будет мертв...

Смеющаяся девушка, бегущая на маленьких и легких ножках... Неправдоподобно белая, на фоне черных заплесневелых стен, она остановилась под водопадом льющегося сверху лунного света.

— Добрый вечер, прекрасный юноша. Я и не смела надеяться на такое счастье.

Исходящий от нее аромат проник в мои легкие... Я зарычал. Рык превратился в поскуливание. Я завизжал. Я завилял обрубком хвоста. Она подошла ко мне, почесала меня за ухом. Я лизнул ее руку. Вкус был ошеломляющий. Где-то, как в грохочущей громами пустыне, родилась мысль: сейчас мне ни к чему оставаться волком. Тело пронзил ток превращения. Я стал человеком.

Она была одного роста с братом и такая же красивая. То же странное лицо, с заостренным подбородком. И глаза — флюоресцирующие в лунном свете. Облаком падали длинные пепельные волосы. И одета она была в какое-то платье, сотканное, очевидно, жадными на паутину пауками. Платье облегало ее фигуру, которая... Ладно, не буду и пытаться описать ее фигуру.

Думаю еще, что секрет красоты наполовину объяснялся ее движениями.

— Сибелита, я полагаю... — удалось мне выдавить из себя.

— А ты Стивен. — Узкая, изящная рука упала на мою и осталась там лежать. — Ах, добро пожаловать!

Я облизал губы:

— Э-э... Ваш брат дома?

Она подвинулась ко мне:

— Какое это имеет значение?

— Я... э-э...

Идиотская мысль: глупо объяснять женщине, какое у тебя дело к ее брату, если хочешь убить его.

— Послушайте, — выпалил я, — вы и он... вы должны оставить нас в покое.

Сибелита мягко улыбнулась:

— Ах, Стивен, неужели в твоей душе не отыщется жалости к нам? Известно ли тебе, в чем на самом деле заключаются вечные муки? Быть созданием, в котором существуют, не смешиваясь, первичные стихии — Огонь Вожделения, Воздух Порыва, Вода Изменчивости и Темное Могущество Земли.. И, имея такое естество, я обречена красться, подобно крысе, в этих руинах и выть в пустое небо... И голод, голод в течение трех лет. Если ты погибаешь от истощения, а двое прохожих рядом рассыпали те малые крохи, которыми они без труда могут с тобой поделиться?

Я пробормотал что-то насчет ложности аналогий.

— В этом нет зла, — молила она, подвинувшись еще ближе. Ее руки легли мне на плечи, грудью она легко касалась меня. — И нет в этом злого умысла. Это — необходимость, Стивен. Вы, смертные, тоже не безупречны. Ни один демон не осмелится приблизиться к вам, будь вы святыми, у которых не бывает нечистых мыслей. Нас влечет к тем, кто схож с нами самими.

— А... это... да... — Мне стало нечем дышать. — Тут две стороны вопроса... Я хотел сказать... Одна сторона. Да...

Сибелита рассмеялась снова:

— Не надо, прекрасный юноша! Вот я стою в лунном свете, обнимаю обнаженного, самого прекрасного в мире мужчину...

— О, Господи! — Я вспомнил, что все мое обмундирование — лишь нижнее белье. И обратил внимание, что, поскольку она не отпрянула, восклицание, должно быть, не было воспринято, как молитва.

— Мужчину... способного в этот момент рассуждать на материалистические темы! Нет, вы должны быть переполнены любовью и щедры! — Сибелита отодвинулась. — И у меня не

будет перед тобой никаких преимуществ. В подлинной дружбе нет преимуществ. Пусть мы будем в одинаковом состоянии...

Она щелкнула пальцами, и платье исчезло. Не то, чтобы это что-то сильно изменило, разве что морально. Но мораль тогда казалась чем-то совсем не относящимся к делу.

— А теперь иди ко мне, дорогой мой. Мой волк, мой первый в жизни "лоупгароу"... Я предчувствую так много нового, такое счастье! Иди ко мне!

Она снова бросилась мне на грудь.

Не могу сказать точно, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Было такое ощущение, будто вокруг все закружилось в розовом вихре.

Каким-то образом мне удалось собрать остатки своей воли:

— Нет! У меня есть жена!

В смехе Сибелиты послышались неприятные нотки:

— Ха-ха! А как ты полагаешь, чем изволит быть занят Амарис с того момента, как ты оставил свою девку одну?

Я издал какой-то странный короткий звук.

— Это уже произошло, — мурлыкала Сибелита, — и что сделано, то сделано. Не порицай свою жену. Она всего лишь смертная. Можешь ли ты возвыситься над своим состоянием смертного?

Передо мной на минуту мелькнуло видение Ада. Затем, едва осознавая, что происходит, я резко привлек Сибелиту к себе. Целуя, я легонько укусил ее губу и почувствовал вкус демонической крови.

— Пойдем... — напевала она. — Мой любимый, отнеси меня в башню.

Я поднял ее и пошел через двор.

— Стив! — Крик Джинни воткнулся в меня, словно нож.

Я выронил свою ношу. Сибелита шлепнулась на землю и неприлично выругалась. Я изумленно уставился на Джинни. Она лежала, свесившись, на парившем над разрушенными воротами персидском ковре. Рыжие волосы ниспадали в беспорядке. И хотя я знал, что она для меня потеряна навсегда (ибо ее отнял Амарис, и прежнего между нами уже никогда не будет), но стало ясно: кроме Джинни, мне никого не нужно.

Сибелита поднялась. Она была совсем белая в лунном свете. Я более не желал ее. Пошла она к черту!

Она презрительно усмехнулась, повернулась ко мне спиной и, раскрыв мне свои объятия, сказала:

— Защищайся!

Сибелита уклонилась от моего выпада. Я снова услышал доносившийся будто из другого мира крик Джинни. Тело Си-

белиты задрожало, посерело, и она внезапно превратилась тоже в волка, бесстыдно улыбнувшись. Аромат самки ударил мне в ноздри.

Я не дал ей очухаться и вцепился в глотку. Мы покатились, сплелись в драке. Она была сильна, подвижна, упорна, но не знакома с тонкостями рукопашного боя оборотней. Я, даже превращаясь в зверя, все равно использую приемы дзюдо. Я поднырнул под ее челюсти и сомкнул зубы там, где намеревался.

Кровь демона была сладка и отвратительна на вкус. Теперь она уже не могла возбудить мои желания. Слишком сильна была овладевшая мною любовь к жене и ненависть к существу, с которым я сражался. И если вы предпочитаете современную терминологию, то в моей крови накопилось достаточно адреналина, чтобы им подавить все остальные, содержащиеся в ней гормоны.

Я убил ее.

В последний миг я услышал пронзительный вопль демона.

Грязный дух! Я почувствовал, как взвихрилось пространство, когда демон пытался сопротивляться изменению прединтеровской математической формулы, и формы функции, вылетая в породивший его нижний континуум и оставляя в этом мире лишь массу обмена.

Быстро и безжалостно действовали мои клыки. Тело погибло, и не обладающий душой демон исчез.

Я лег возле трупа волчицы. Я задыхался. Тело страшно корчилось. Менялась последовательность. Волчица, женщина, мужчина, хвостатый и рогатый сатаноид.

Когда исчезли последние связующие силы, она задымилась и превратилась в клуб дыма.

Медленно, шаг за шагом, возвращался мой изодранный в клочья разум. Голова лежала на коленях моей дорогой Джинни. Наверху дружелюбно мерцали звезды, и на нас лился прохладный лунный свет. А замок был не чем иным, как просто грудой камней.

Я снова превратился в человека и обнял ее.

— Все хорошо, любимая, — выдохнул я. — Все хорошо. Я прикончил ее. А теперь убью Амариса.

— Что?! — Ее мокрое лицо оторвалось от моей груди, коснулось моих губ. — Разве т-ты не знаешь? Ты уже убил его!

— Как?!

— Ну, да. Мои познания частично вернулись ко мне... после твоего ухода. — Она прерывисто вздохнула. — Инкубы и сикубы — это одно и то же. Они меняют свой пол, когда это требуется. Амарис и эта шлюха — одно и то же!

— Ты хочешь сказать, она не... он не... — Я испустил вопль,

который наверняка зарегистрировал сейсмограф в Калифорнии.

Этот вопль — самая благодарственная молитва, которую я когда-либо возносил Богу.

Не то, чтобы я не был готов простить мою любимую. Я ведь на себе испытал мощь демона. Но когда узнал, что прощать-то ее не за что, у меня словно гора с плеч свалилась, и я стиснул Джинни в объятиях.

— Стив! — воскликнула она. — Я тоже люблю тебя, но у меня не железные ребра...

Я вскочил на ноги.

— Мы прошли через *это*, — сам себе не веря, шептал я. — Мы действительно прошли через *это*. Мы выиграли.

— О чем ты? — спросила она. Спросила по-прежнему робко, но глаза ее уже сияли солнечным светом.

— Что ж, — сказал я, — думаю, что мы получили хороший урок. Теперь мы знаем собственное подсознание куда лучше, чем знает его обычный человек.

Мгновенный озноб пронзил меня. Я подумал, что никогда никто не стоял так близко к гибели, как мы. На вторую ночь после свадьбы! С нами сражалось нечто большее, чем мелкий демон. Не случайно мы оказались в его логовище. Кто-то хотел нас уничтожить.

Теперь я полагаю, что Сила, желающая погубить нас, в тот момент наблюдала за нами. Она не могла сама нанести удар, и никого, кто бы смог попытаться снова совратить нас, поблизости не было. Оказалось невозможным вновь использовать глубоко кроющиеся в нас ревность и подозрение. Немыслимо натравить друг на друга. От подозрений и ревности мы были свободны, как никто и никогда из смертных. Мы очистились от них.

Но освободимся ли мы от тоски и боли? Оставит ли он нас в покое?

Не знаю. Но знаю, что внезапно мне открылись великолепные ночи, и меня захлестнула, не оставившая места ни для чего другого, волна любви к Джинни. А когда много дней спустя мне вспоминалось, что случилось на высившемся над морем утесе, то происшедшее казалось смутным и незначительным, и я отделался от него, шутливо объяснив себе: забавно, что, получив тогда по башке, с тех пор постоянно вижу одну и ту же галлюцинацию.

— В итоге, любимая, я узнал, как велика твоя тревога за меня. Ты последовала за мной, не зная, что может произойти...

Она прижалась головой к моему плечу:

— И я узнала то же самое. Я так рада, Стив.

Мы ступили на ковер.

— Домой, — сказал я.

И когда мы взмыли в воздух, помолчав, добавил:

— Подозреваю, что ты смертельно устала.

— Ну, не особенно. Я еще слишком взвинчена... Нет, черт возьми, слишком счастлива...

Она сжала мне руку:

— Но ты, любимый мой, бедный мой...

— Я чувствую себя прекрасно, — ухмыльнулся я. — Завтра можем встать поздно. Выспимся.

— Мистер Матучек, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек.

Догадываюсь (в лучах луны плохо было видно), что она залилась румянцем.

17

Мы вернулись домой. На лето устроились на работу. И уволились, когда осенью начались занятия. Ничего особенно серьезного за те два года семейной жизни с нами не происходило. Разве что, когда Джинни забеременела, пришлось продать ковер.

А потом сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Ее всегда прекрасное лицо было очень бледным от вынесенных страданий, огненные волосы рассыпались по подушке, а глаза никогда еще не сияли таким ярким зелёным светом.

Я наклонился и поцеловал ее так нежно, как только мог.

— Эй, ты... — прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь? — Единственное, что пришло мне в голову, так это такой дурацкий вопрос.

— Прекрасно. — Она рассмеялась, а потом принялась меня рассматривать. — Но ты выглядишь так, будто только что сам мучался в родах.

Действительно, многие акушеры, когда начинаются роды, укладывают отца в постель. Но наш врач следовал более распространенной теории, что максимум помощи жене я оказываю, когда страдаю в приемной. За последние месяцы я с таким остервенением учил все относящееся к данному вопросу, что стал чуть ли не специалистом в этой области. Первые роды для такой хрупкой, тоненькой женщины, как Джинни, должны быть трудными. Она восприняла это заявление со своим обычным хладнокровием. В предсказании обратила внимание только на то место, где указывался пол ребенка. Ибо, только зная его, мы не опростоволосимся с выбором имени.

— Как тебе понравилась наша дочь? — спросила она.

— Она великолепна.

— Лжец. — Джинни тихо рассмеялась. — Еще не было мужчины на свете, не ужаснувшегося при виде такого сморщенного красного комочка. — Ее рука потянулась к моей. — Но она еще станет красивой, Стив. А сейчас она такая беспомощная. Но она самая прекрасная на свете.

Я сказал, что не стоит так орать об этом прямо здесь, где в палате полно других матерей.

Спасла меня своим приходом нянька:

— Я думаю, вам лучше пока оставить вашу жену в покое, мистер Матучек. Доктор Акман тоже предпочел бы, чтобы свидание закончилось. Ему пора идти домой...

Доктор ждал меня в помещении для записи имен новорожденных. Я вошел. Звуконепроницаемая дверь захлопнулась, и нянька запечатала ее, оттиснув на воске Звезду Давида. Это была современная больница, и здесь принимались все меры предосторожности.

Томас Акман, седой, угловатый человек шести футов росту, несколько устал. Я заметил, что под украшенным знаками Зодиака халатом медика на нем были одеты белые парусиновые брюки и рубашка без галстука. Не считая амулета, конечно.

Мы пожали руки друг другу.

— Все идет хорошо, — заверил он. — Получены результаты лабораторных анализов. Как вы понимаете, поскольку в роду матери не было человеко-зверей, ваши дети не станут прирожденными волками-оборотнями. Но так как девочка унаследовала от вас комплекс рецессивных генов, она будет легко поддаваться заклинаниям трансформации. Это — определенное преимущество, особенно если она, подобно матери, изберет профессию волшебницы. Но это не означает, что не следует принимать некоторые предосторожности. По сравнению с другими она будет более подвержена сверхъестественным влияниям.

Я кивнул. Мы с Джинни наверняка неподобающе часто принимали участие во всех нежелательных для нас приключениях.

— Выдайте ее замуж за подходящего человека, — пошутил Акман, — и у вас будут внуки — волки-оборотни.

— Если она окажется похожей на мою жену, — сказал я, — то, Боже, помоги тому бедняге, которого мы заставим на ней жениться. — Я это говорил, чувствуя себя полнейшим идиотом. — Послушайте, доктор, мы оба устали. Давайте оформим документы новорожденной и покончим с этим...

— Согласен. — Он сел за стол.

На пергаменте уже были написаны имена родителей, дата рождения и официальный порядковый номер, под которым ребенок числился среди других новорожденных.

— Как вы решили ее назвать?

— Валерия!

— Что ж, я предполагал, что ваша жена выберет что-то вроде этого. Ее идея, не так ли? А второе имя?

— Э-э... Мэри. Мое решение. В честь моей матери. — Я понял, что снова бормочу чушь.

— Хорошая мысль. Если ей не понравится причудливое "Валерия", то она будет называть себя вторым именем. Хотя подозреваю, что ей понравится.

Он сунул пергамент в машинку, впечатал недостающие сведения. Вздохнув, передал документ мне, при этом просыпав на него пепел из пепельницы. Очень торжественно сложил пополам первичное свидетельство с отпечатками пальцев моей дочери.

— А подлинное имя?

— Викторикс.

— А?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Викторикс. Последний римский легион в Британии. Последняя, противостоявшая хаосу сила, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда бывала совершенно серьезна.

Акман пожал плечами:

— Ну, не думаю, чтобы девочка когда-нибудь называла себя так.

— Надеюсь, не назовет никогда.

— Это произвело бы нехорошее впечатление, — согласился он. — Но не волнуйтесь. Мне пришлось видеть слишком много молодых мужей, потрясенных возможными крайне отрицательными последствиями. А ведь на самом деле подлинное имя — не что иное, как разумная предосторожность. Нечто вроде прививки.

— Знаю. У моих родителей появилась эта мысль при моем рождении... Не то чтобы кто-то злоумышленно, против обычного мирного гражданина... Но вы сами убедитесь, что жизнь моя была беспокойной и часто подвергалась опасностям. Поэтому насущно необходимо было принять какие-то меры. Впрочем, эти меры далеко не всегда надежны. Медицинская наука — одна из немногих областей, где, допускаю, существует подлинный прогресс.

Акман окунул орлиное перо в дубовую чернильницу.

— Во имя птицы, олицетворяющей твою родину и дерева молнии, — он возвысил голос, — под Божьей и их защитой, дитя

сего дня, да будет твое подлинное имя, известное на всей Земле лишь твоим родителям, твоему врачу и тебе самой, когда ты достигнешь совершеннолетия, — Викторикс. И пусть оно принесет тебе добрую славу и счастье, пока не истекут отведенные тебе годы... Амен!

Он вписал имя, присыпал доставленным из Галилеи песком и снова встал.

— Этот документ я зарегистрирую лично. — И, зевнув, добавил: — О'кей, это все.

Мы повторно пожали друг другу руки.

— Сожалею, что вам пришлось принимать младенца в такой неурочный час.

— Мы, врачи, ко всему готовы, — ответил он. Он пристально взглянул на меня. — Кроме того, я ожидал этого...

— Что?

— Я уже слышал кое-что о вас и вашей семье. И кое-что выяснил самостоятельно. Погадал. Возможно, вы этого не знали, но ребенок был зачат во время зимнего солнцестояния. И, не говоря уже об обычной наследственности, результаты гадания показывают еще нечто. Не могу только понять, что конкретно. Но я был совершенно уверен, что она родится именно в эту ночь, потому что в эту ночь — Великое полнолуние. Я буду наблюдать за ней с неослабевающим интересом, мистер Матучек. И советую вам особо оберегать вашу дочь. А теперь — доброй ночи...

18

Наверное, вы предполагаете, что в последующие три года ничего примечательного в нашей жизни не было. Но что касается нас, то это было время, когда перед нами открылся весь мир. И одновременно — дрогнула земля под ногами. Начну с того, что мы совсем не ожидали рождения Валерии. Уже позже мы выяснили, что когда наш Свертальф вновь принялся гоняться за домовым, то этот добрый народец в отместку превратил противозачаточные таблетки Джинни в аспирин. Но теперь мне думается — за этой случайностью крылось нечто большее. Ведущие нас Силы ставят нас в положение, служащее их целям...

Сперва Джинни намеревалась жить и далее соответственно нашим первоначальным планам. Она получила степень доктора философии, и ей предложили великолепное место. Но поскольку в нашей семье появилась дочь, и от этого никуда не денешься, работу матери пришлось отложить. Не могли же мы доверить Валерию какой-то наемной неряхе! Ни тогда, когда она впервые

научилась улыбаться, ни тогда, когда она только начала ползать, ни тогда, когда звуки, похожие на птичий щебет, превратились в настоящий смех... Все думали — позже, позже...

Я не протестовал и был совершенно со всем согласен. Но это означало подчиниться — временно, если не навсегда — следующему: молодая чета будет иметь неплохой доход, жить в очаровательном доме, но муж при этом станет заниматься совершенно неинтересной работой. У меня появилось было намерение возобновить голливудскую карьеру, но Джинни не пожелала даже слышать об этом.

— А ты вообрази на полсекунды, — заявила она, — что мне бы хотелось стать заурядной актрисой? Сыграть в каком-нибудь "Серебряном вожде и девушке"?.. Причем, зная, что из меня, например, мог бы выйти чертовски хороший инженер?

Лично я не думал, что все, сыгранное мною в кино, так уж плохо, но в целом ее реакция меня утихомирила.

Новоиспеченному бакалавру не доверили заниматься сложными исследовательскими проблемами, как он рассчитывал. Мне пришлось начать с более простого. К счастью — как мы тогда думали — работа оказалась неожиданно хорошей.

"Корпорация предсказаний. Источник Норн"* была одной из тех появившихся в последнем буме компаний, которые взяли на себя обслуживание бизнеса информации. Первоначально маленькая, она быстро разрасталась. Помимо производства начали заниматься и исследованиями. В конце концов, туда был приглашен я. Это означало первый (и неплохой) шаг на пути профессиональной деятельности. Кроме того, администрация подстрекала нас к дальнейшему приобретению знаний. Правда, за те же деньги, хотя времени у нас было маловато. Однако жалованье оказалось хорошим. И вскоре мой босс, Барни Стурласон, стал моим другом.

Главный недостаток заключался в том, что нам пришлось остаться в этом во всех отношениях скучном городе и терпеть страшные зимы Верхнего Среднего Запада. Но мы арендовали за городом комфортабельный дом, что утешало. И мы обладали друг другом, и у нас была маленькая Валерия. Это были хорошие годы. Если точнее — в них не было ничего из ряда вон выходящего.

Вы совершенно правы, если считаете все это малозначительным. Полагаю, что человека всегда привлекало нечто такое, где таится гибель. И будет привлекать впредь. Однако иные времена заставляют вспомнить древнее китайское проклятие: "Чтобы тебе пришлось жить в интересное время!"

Ни Джинни, ни я не поддались на пропагандистскую болтовню о том, что, коль скоро злой и безнравственный Халифат

разгромлен, впереди нас ждет вечное торжество мира и счастья. Мы знали, что вечно как раз, наоборот, наследие, оставленное человечеству войнами. Кроме того, мы знали, что этот конфликт был не столько причиной, сколько симптомом навалившегося на мир недомогания. Не будь христианский мир расколот, враг не смог бы захватить большую часть Восточного полушария и выбить пыль из Соединенных Штатов. По существу, Халифат был не чем иным, как оружием мусульманской еретической секты. Среди наших союзников было немало верующих в Аллаха.

Разумным казалось, что теперь человечество, осмыслив полученный им урок, отставит в сторону религиозные распри и приступит к воссоединению. В частности, мы надеялись, что будет окончательно дискредитирована церковь Иоаннитов. Правда, ее приверженцы тоже сражались с Халифатом и сыграли ведущую роль в движении Сопротивления на оккупированных территориях. Но они бросили вызов старым убеждениям и верованиям. Всему тому, на чем основывается западное общество. Так не они ли в первую очередь раскалывали и ослабевали нашу цивилизацию?! И не они ли подали пример поднимающей голову идеологии Халифата, не они ли подтолкнули взрыв безумия на Среднем Востоке?

Теперь-то я уже знаю, что не следует ожидать от человечества разумных решений.

Вопреки общему впечатлению, угроза появилась отнюдь не внезапно. Некоторые предупреждали о ней с самого начала. Они указывали, что иоанниты превратились в доминирующую силу уже в нескольких странах, и что политики этих стран тут же начали относиться к нам не особенно дружелюбно. И что иоанниты постепенно обращают в свою веру Америку. Но мы их, в общем-то, не слушали. Мы были слишком заняты восстановлением причиненных войной разрушений. Мы решили, что те, кто трубит тревогу, — реакционеры, мечтающие дорваться до власти (не исключено, что среди них были и такие). Идеология иоаннитов, возможно, идиотская, говорили мы, но разве Первая поправка не гарантирует свободу проповеди и вероучений? Вероятно, именно поэтому и петристских церквей* появились определенные трудности, но разве это не их собственные проблемы? Действительно, зачем в наш просвещенный век говорить об опасности, исходящей от некой религиозно-философской системы, якобы искусно повсюду распространяемой... Причем системы, без конца подчеркивающей свое стремление к миру почти так же навязчиво, как квакеры. Системы, провозносящей заповедь любви к ближнему своему превыше всего прочего... Но пожалуй, светское общество и наша, опутанная

ритуалами, вера лишь выигрывают, узнав кое-что из того, что проповедают иоанниты.

Итак, движение иоаннитов ширилось и разрасталось. Каким-то образом демонстрации, на которых раньше соблюдался порядок, все чаще и чаще стали превращаться в свирепые бунты. Несанкционированные профсоюзами забастовки, где выдвигались бессмысленные требования, сделались всеобщим явлением. Революционное движение парализовывало один студенческий город за другим. И люди, тоже один за другим, начинали с умным видом толковать, что необходимо наконец сломать сложившийся безнадежно коррумпированный порядок и на его развалинах построить Рай Любви. И мы, народ, то самое большинство, которое и не желает-то ничего, кроме того, чтобы нас оставили в покое и просто дали возможность возделывать персональные садики, поддались этой агитации. Все удивляюсь, как это страна сразу, буквально за одну ночь, покатилась к гибели?

Хотя нет, это случилось не в одну ночь. Даже не в одну Вальпургиеву ночь...

19

В тот июльский день я возвращался домой рано. Наша окруженная стеной улица была тихой и спокойной. Повсюду — старинные огни Святого Эльма. Дома и газоны купались в солнечном свете. Я заметил нескольких своих соседок, летящих верхом на метлах. В сумках у них — покупки из бакалейной лавки, а к детским сидениям привязаны дети, где один, а где два ребенка. Этот способ передвижения был наиболее популярен среди молодежи нашего округа. Его предпочитали хорошенькие молодые женщины. В теплую погоду они надевали только шорты и лифчики и пускались в путь. Залитая солнцем сцена не улучшила моего настроения.

Меня переполнял гнев. Я только что выбрался из заварухи, разыгравшейся около завода. Но здесь было тихо. Показался мой дом. Там — Джинни и Валерия. Мы с Барни только что выработали план, как справиться с начавшимися вчера вечером неприятностями. Я даже развеселился, представив наши дальнейшие действия.

И вот я дома.

Влетев в открытый гараж, приземлился и повесил свой "шеви" рядом с "фольсбесом" Джинни. Я направлялся к парадной двери как вдруг что-то, будто резиновый мячик, просвистело в воздухе и ударило меня в грудь.

Я крепко обнял дочку. Вьющиеся светлые волосы, громадные голубые глаза.

— Папа! Папа!

Нет, что не говори, не потомок, а произведение искусства!

На ней был костюм херувима, и мне пришлось сдерживать себя, чтобы не помять крылья.

Всегда, когда она летала, обычно принимались меры предосторожности: ее привязывали к столбу, обязательно присматривала Джинни. Каким образом ей удалось освободиться?

О! Сделав разворот на помеле, из-за угла вылетел Свертальф. Спина изогнута, хвост трубой. Он ругался. Очевидно, Джинни доверила ему присмотр за Валерией. Несомненно, он вполне мог следить за ребенком. Не выпуская со двора, он и оберегал ее от всяких неприятностей... Пока она не увидела, что пришел папа.

— О'кей. — Я рассмеялся. — Хватит. Давай пойдем скажем "Ау-у" маме.

— На свинке?

В прошлую осень, на день рождения Валерии, я наскреб денег на дорогостоящее колдовство. Превращала меня Джинни. До того, играя с ребенком, я, как правило, превращался в волка. Но вот прокатиться на толстой, украшенной цветочками свинье?.. Вся местная ребятня до сих пор обсуждала этот случай.

— Извини, нет, — пришлось ответить мне. — С такими потребностями тебе следовало бы обратиться в военно-воздушные силы. — Я схватил ее, пронзительно визжащую, и понес. И пока нес, пел: — "В небо, птенчик маленький, в небо вверх тормашками..."

В комнате, выйдя из подсобного помещения одновременно с нами, появилась Джинни. Я понял, почему ей пришлось передоверить присмотр за полетами дочки: вал стирки. Трехгодовалый ребенок пачкает массу одежды, а мы не могли позволить себе пользоваться услугами фабрики самоочистки. Джинни пришлось одушевлять вещи, каждую по отдельности, а потом проверять, не пожелали ли они связаться узлом во время намыливания и прополаскивания, и носиться вокруг них, пока они самовысушивались и так далее. И поскольку такого рода развлечения очень привлекательны для любого ребенка, она вынуждена была отправить Валерию куда-нибудь в другое место.

И тем не менее не безрассудно ли доверить дитя своему приятелю? Ведь до сих пор она занималась стиркой, пока Валерия спала. Правда, Свертальф уже неоднократно доказывал, что он заслуживает полного доверия. Но, несмотря на все сидящие в нем сверхъестественные силы, он оставался большим черным котом. Всего лишь. Следовательно, на него нельзя было слишком полагаться в серьезных житейских делах. Потом я подумал:

"Какого черта! С тех пор как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедного зверюги не так уж много развлечений. Он даже не может погоняться за другими котами, потому что никто из соседских не осмеливается драться с ним. Это поручение он, вероятно, воспринял с радостью. Джинни, как всегда, знает, что делает, а я..."

— А я, идиот, торчу здесь, попусту теряя время, — сказал я, заграбастав ее в объятия.

— Что такое идиот? — спросила Валерия. И, поразмыслив над этим вопросом, добавила: — Папа хороший идиот...

Свертальф глянул на нас скептически и завертел хвостом.

Рядом с Джинни я немного расслабился. Она запустила пальцы в мои волосы.

— Р-р, — пробормотала она. — Чем вызвано такое поведение, тигр?

— Сегодня можешь не называть меня тигром, — сказал я, становясь все счастливее с каждой минутой.

Джинни кинула на меня хитрый взгляд:

— Хорошо, котенок...

— Ну, подожди немного...

Она пожала плечами. Рыжие локоны качнулись:

— Если ты уж так настаиваешь, неудачливый похититель женщин...

Валерия строго посмотрела на нас и заметила:

— Когда вы штукаетесь головами, убивайте их, чтобы не было больно...

В этом была своя логика. Пока мы извлекали херувима из его одежды, времени объясняться не было. Потом наш потомок перевернул все вверх дном в гостиной, пока не устроился смотреть по хрустальному шару мультики. И наконец, я оказался на кухне, сел и стал наблюдать за Джинни, как она готовит ужин. Появилась возможность побеседовать.

— Почему ты вернулся домой так рано? — спросила она.

— Как тебе понравится, если сегодня вечером нам придется возродить кое-что из былого? — Я ответил вопросом на вопрос.

— Что именно?

— Матучек и Грейлок... Нет, Матучек и Матучек — Странный Сигнал Тревоги. Патент взят компанией "Чертова Нелепица".

— Да что случилось, Стив?

— Увидишь в передаче по шару. Наступают новые времена. Они пошли дальше: уже не просто пикетируют — блокируют все входы. Нашим служащим пришлось выбираться через окна. В них швыряли камнями.

Джинни была возмущена, но сохранила хладнокровие, ко-

торое обычно выказывала миру за пределами этого дома.

— Вы вызвали полицию?

— Конечно, вызвали. Я ведь вместе с Барни слушал передачу, в которой Робертс излагал свои мысли, что ветераны еще могут быть в чем-то полезны. Что ж, если мы захотим, полиция может оказать нам помощь. Демонстранты вторглись в чужие владения, окна разбили, стены обклеили непотребными лозунгами... и так далее. С точки зрения закона, наш случай вполне ясен, но... От хлопот будут избавлены только противники. А для нас только хлопоты. Они окажут сопротивление любой попытке рассеять демонстрацию. Помнишь нью-йоркский скандал в прошлом месяце? Многие из этих типов тоже студенты. Вообрази заголовки: "Жестокая полиция выступает против идеалистических настроений молодежи", "Нападение на мирную демонстрацию", "Полиция пустила в ход дубинки и колдовство..." Пойми, вот ведь в чем самый кошмар. Предприятия, связанные с "Источником Норн", производят снаряжение для армии и полиции. Такое, как флуоресцирующие колдовские опознавательные метки или глаз василиска. Контракт обязывает нас вести исследования в этом направлении. Поэтому "Источник Норн" следует уничтожить. Начальник полиции сказал нам, что официальное вмешательство с целью пресечь вторжение будет означать кровопролитие. А тогда, вероятно, и волнения на Марлин-авеню... Бог знает, куда это может завести. Он попросил нас прекратить работу до конца недели. Может, тогда гроза нас минует. Мы, вероятно, сделали бы это в любом случае. Некоторые наши служащие уже сказали инспекторам, что боятся вернуться обратно. Так вот обстоят дела...

В глазах Джинни искрами сверкнула с трудом сдерживаемая ярость.

— Если вы уступите, — сказала она, — они приступят к следующему номеру своей программы.

— Все верно. Мы это понимаем. А как насчет мученичества? Священники иоаннитов готовы провести еще одну ханжескую церемонию, посвященную невинно пролитой крови. Крови, подобной крови Агнца. В стране полно исполненных благих намерений простаков, которым придет в голову: а не сбились ли они, действительно, с пути петристской церкви, если общество использует насилие против членов Церкви Любви? Кроме того, давай, дорогая, смотреть в лицо фактам. Против гражданского неповиновения насилие еще никогда не помогало...

— А ты вспомни, что бывает после того, как заговорят пулеметы?

— Да, конечно. Но кому захочется убеждать правительство, что кровопролитие — последняя надежда? Да я скорее сам стану

иоаннитом. Итог: "Источник Норн" не может просить полицию, чтобы та очистила его владения.

Джинни резко повернула ко мне голову:

— Не похоже, чтобы тебя это особенно печалило...

Я рассмеялся:

— Нет, мы с Барни долго размышляли над этой проблемой и кое-что высидели. Я сейчас действительно в определенном смысле доволен. В последнее время жизнь стала слишком скучной. Вот я и спрашиваю, не хочешь ли ты принять участие в одной забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. И чем раньше, тем лучше. В подробности я тебя посвящу, когда наша юная надежда уляжется спать.

Появившаяся было улыбка на лице Джинни увяла:

— Боюсь, что не смогу так быстро найти няньку для присмотра за ней. На этой неделе в школе выпускные экзамены.

— А если не найдешь, то как насчет Свертальфа? Там твой приятель тебе не понадобится. А здесь он способен на какие-то элементарные вещи: может нести охрану или если у нее разболится животик, то сбегать к соседям и разбудить их...

— Она может проснуться и захочет нас увидеть, — возразила Джинни, хотя и не очень твердо.

Возражение я опроверг, напомнив, что мы, когда Валерии стали сниться кошмары, купили ей охранитель сна. Маленький деревянный солдатик с мушкетом стоял возле кроватки, готовый прогнать из ее сна все страшное. Я не особенно верил приборам, призванным возмещать родительскую любовь и вообще родителей. Но все-таки иногда они помогали.

Джинни согласилась. Я видел: в ней ключом бьет энергия. Хотя она и приняла на время роль домашней хозяйки, но, как говорится, чистокровную скаковую лошадь не заставишь до бесконечности тащить плуг...

Вот таким образом мы сделали первый на нашем пути шаг в Ад...

20

Ночь была безлунной, звезды скрывала легкая дымка. Мы собирались недолго. И она и я надели черные свитера и брюки. Фары выключили. Мы летели, пользуясь колдовским зрением. Это было хотя и противозаконно, зато безопасно. Летели над городом, где еще светились окна и уличные фонари. И наконец наше помело стало спускаться в район, где расположились промышленные предприятия. Здесь было темно и еще более

пусто, чем обычно в эти часы. Нигде я не видел практически ни одного хоть крохотного голубоватого огонька. Добрый народец всегда пользовался предоставленной ночью возможностью, пока вокруг нет людей, заглядывать, удивляясь и восхищаясь, в окна. Сегодня что-то спугнуло их.

Это нечто, испугавшее их, происходило на территории "Источника". В воздухе билось тревожное, яркое, словно пламя рассвета, зарево. Когда мы приблизились, утихший было ветер усилился и донес до меня запах плоти, пота, ладана, отдающего кислотой и электрической энергией сверхъестественного. Показалось, что волосы встали дыбом у меня на хребте. Импульс был так силен, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не стать волком.

Вокруг главного здания стояла толпа. Сад, где в теплую погоду завтракали наши рабочие, превратился в груду грязи и окурков. Я прикинул: здесь собралось сотен пять народу. Свободного места не осталось, и приземлиться было невозможно. Толпа оставалась на месте, но движение отдельных тел создавало бесконечную рябь. Волнами катились слитные звуки голосов и шарканье ног.

У гаража было более свободно. Здесь и там виднелись люди, пришедшие сюда, чтобы перекусить. Или выспаться, забравшись в спальные мешки. Они сохраняли почтительное расстояние от установленного в дальнем конце переносного алтаря. Время от времени кто-то из них преклонял колени и кланялся алтарю.

Я присвистнул:

— Эта штука появилась уже после моего ухода.

Рука Джинни еще теснее сомкнулась вокруг моего запястья.

Службу вел иоаннистский священник. Даже с высоты мы не могли ошибиться, увидев его белую мантию и молитвенную позу, в которой он мог оставаться часами. Руки широко раскинуты, точно у орла крылья. Мы услышали печальное высокое песнопение. Позади алтаря поблескивал высокий Т-образный крест. На самом алтаре четыре талисмана — чаша, скипетр, меч и диск. Два псаломщика размахивали кадилами. В воздухе пахло сладковатым и, как ни странно, морозным дымком.

— Что он делает? — пробормотал я.

Я никогда не утруждал себя изучением обычаев какой-либо новой церкви. Не то, чтобы Джинни и я были совсем уж невежественны и не знали о новых научных открытиях, доказывающих реальность Божества и всего прочего, вроде абсолютного зла, искупления и загробной жизни. Но у нас создавалось впечатление, что все это лишь отрывочные сведения и за ними скрывается нечто большее. И Бог имеет такое множество про-

явлений, что они едва ли доступны ограниченному человеческому пониманию. Так что мы смело могли именовать себя унитарианцами.

— Не знаю, — ответила Джинни. Голос ее был мрачный. — Я читала что-то насчет доктрин и обрядов, да и то несколько лет тому назад. Но это всего лишь верхушка айсберга. Во всяком случае, нужно быть посвященным, лишь тогда можно сказать, что понимаешь, что означает этот обряд.

Мне стало не по себе. С нарастающим беспокойством я смотрел на странное неровное свечение, не имеющее, казалось, источников. Вокруг здания стояли важные, одетые в синее полицейские, которых, несомненно, коробило от летящих в их адрес язвительных замечаний.

Кроме того, в большинстве своем они, вероятно, принадлежали к традиционным церквам и явно были бы не прочь арестовать проповедника, утверждающего, что как раз их вера должна исчезнуть.

"Нет, — ответил я сам себе. — Не может быть. Иначе легавые уже упрятали бы его в камеру. А может быть, сейчас он предает нас анафеме? Полагаю, что он запросто мог это делать, учитывая, что у нас свобода религии, и забыв, что человек не может указывать Богу, а может лишь просить его милости. Но вдруг он действительно творит заклинания, вызывает вредоносные колдовские силы?.."

Громкий голос Джинни прервал мои размышления.

— Когда вы имеете дело вот с такими, — сказала она, — то никогда не известно, где кончаются их молитвы, а начинаются заклинания. Идем на посадку, пока что-нибудь не случилось. Происходящее мне что-то не нравится...

Я кивнул и направил помело к главному корпусу. Иоанниты меня не слишком-то беспокоили. Священник, в общем, тоже. Вероятно, они служили свою мессу лишь для того, чтобы воодушевить демонстрантов. Разве эта церковь не заявляла, что она — Церковь Вселенской Любви? Может, она, будучи выше всего земного, действительно не нуждается в насилии? Время Ветхого Завета, время Нового Завета, время Сына было временем искупления. Время Евангелия от Иоанна, время Духа Святого будет временем любви и раскрытием тайны. Ни на что не взирая...

Полиция запретила полеты в непосредственной близости от места проведения демонстрации. Исключение делалось лишь для тех, кто хотел улететь отсюда.

В этом общественном движении лишь чернь, лишь выходцы из самых низов становились иоаннитами. Для значительного большинства из них идея отречения от этого достойного лишь

презрения грешного материалистического мира, означала не что иное, как вошедшее в моду требование уничтожения самого этого мира. Искушение одним махом взлетать наверх и там попивать коктейль "Молотов" нередко оказывалось слишком сильным.

Естественно, мы с Джинни могли бы настаивать, что имеем право явиться сюда. Даже с эскортом, в случае необходимости. Но это вызвало бы то, чего нам хотелось избежать, — взрыв. В общем, лучше всего для нас было проскользнуть сюда незамеченными. Но сноровка, отличавшая нас, несколько поблекла. Следовало как следует собраться.

И нам это удалось. Метла, привидением скользнув по небу, влетела в гараж. Система вспомогательной вентиляции пронизывала здание от первого этажа до крыши. В обычных условиях наши работники входили и выходили через двери. Но сегодня двери были перекрыты и оппозиционерами, и установленными нами защитными полями. Чтобы снять эти поля, требовалось усилие высококвалифицированного чародея.

Технари агентства Пинкертона колдовали не так надежно, как бы нам хотелось. Все окна первого этажа были прикрыты ставнями. Сквозь вентиляционные отверстия доносился снизу невнятный говор, молитвенное пение.

Мы выглянули в окно, выходящее в холл и на лестницу. Там вызывающе горел свет. Мы пошли туда. Наши шаги в пустоте звучали слишком громко. Мы почувствовали облегчение, только когда добрались до кабинета Барни Стурласона.

Его огромная туша возвышалась над письменным столом.

— Вирджиния! — прогрохотал он. — Какая приятная неожиданность! — И, явно колеблясь: — Но, э-э... опасность...

— Не заслуживает внимания, как объяснил мне Стив, — перебила Джинни. — У меня впечатление, что вы собираетесь пустить в ход превосходную магию?

— Конечно, собираемся...

Я заметил, что его некрасивое лицо побледнело от усталости. Он настаивал днем, чтобы я шел домой. В этом были свои практические резоны. Были и возражения. Например, если бы дела пошли плохо и нас стали атаковать, мне следовало бы превратиться в волка и держать оборону, пока в действие не вступит полиция. Барни остался у себя. В помощь ему выделили несколько добровольцев. Он был уже не просто исследователь — он был босс.

— Стив объяснил вам, что мы задумали? — продолжал Барни. — Что ж, надо будет только удостовериться, не пострадало ли сложное и дорогостоящее оборудование. Я уж молчу о полностью уничтоженных приборах, но... Вы только вообразите,

сколько времени и денег уйдет на то, чтобы заново их настроить. От рогульки для поиска руды до вечного двигателя! Я надеюсь, что все надлежащим образом защищено, но проверка, конечно, не помешает. Потом пройдитесь по цехам и лабораториям. Там, где нужно, поставьте их на защиту.

— О'кей. — Она бывала здесь достаточно часто, чтобы знать, что где находится. — Что мне понадобится, я возьму на складе. А если нужна будет помощь, попрошу мальчиков из отдела алхимии. — Она помолчала. — Подозреваю, что вы сейчас будете очень заняты.

— Да, я собираюсь дать им последний шанс убраться отсюда, — сказал Барни. — Но если кто-нибудь из них чрезмерно разъярится, будет лучше, если рядом окажется Стив. Он хороший телохранитель.

— А я по-прежнему полагаю, что ты и сам хороший телохранитель, — фыркнул я.

— Несомненно, ты прав. Как всегда прав, — сказал Барни, — но не забывай о том, что нам нужно соблюдать закон. Я не владелец данного участка земли, а всего лишь владелец расположенного на нем предприятия. Мы действуем по инициативе наших работников. И после того как дирекция согласилась поддержать нас, Джек Робертс одобрил наш план. Кроме того, владельцы мы участка или нет, но, применив против вторжения в наши владения колдовство, мы поступаем менее жестоко, чем если бы в ход было пущено огнестрельное оружие. То, что мы делаем, — это оборонные меры, не приносящие никому вреда и направленные на защиту наших детей и нашего имущества.

— Если только мы не подвергнемся прямой опасности... — сказал я.

— А это как раз и есть то, что мы пытаемся предотвратить, — напомнил он. — Во всяком случае, поскольку существует закон, нужно, чтобы свидетельнице, которой предстоит остаться в этом здании, было бы все совершенно ясно.

Я пожал плечами и, сняв с себя верхнюю одежду, остался в эластичном без швов костюме. Если бы я появился в нем на улице, меня наверняка арестовали за неприличный вид. Но когда я превращался в волка, он не стеснял моих движений. Лунный фонарик, словно толстый круглый амулет, уже висел на моей шее.

Джинни крепко поцеловала меня и шепнула:

— Береги себя, тигр.

У нее не было особых причин для беспокойства. Осаждающие нас явно безоружны, если не считать, может, контрабандно протащенных дубинок. То есть ничего того, чего бы я мог бояться, сменив кожу на шкуру. Даже ножи и пули могли при-

чинить мне лишь временный вред. Да и то нужны особые, я бы сказал, редкие условия, вроде тех, при которых я потерял половину хвоста во время войны. Кроме того, вероятность, что начнется драка, была очень маленькой. С какой стати они станут нападать на нас? Да и полиция запросто бы справилась с ними. Но несмотря на это, голос Джинни звучал не совсем ровно. И когда мы шли через зал, она смотрела нам вслед. Смотрела, пока мы не завернули за угол.

— Подожди секунду. — Барни открыл шкаф и извлек оттуда одеяло. — Если ты захочешь изменить свой облик, я наброшу его на тебя.

— С какой стати? Снаружи нет солнечного света, только огни эльфов. Этот свет не препятствует трансформации...

— После того как здесь появился священник, свет изменился. Для полной уверенности я проверил спектроскопом. Сейчас достаточно ультрафиолета, так что у тебя могут возникнуть трудности. Это результат охранительных заклинаний — на случай нашего нападения.

— Но мы не нападаем...

— Разумеется, нет. С его стороны — это демагогический прием чистейшей воды. Но умный прием. Фанатики и наивные детишки, входящие в эту банду, увидели, что вокруг нас установлено защитное поле, и тут же заключили, что это не случайно. Так было подтверждено, что "Источник Норн" — их враг. — Он покачал головой. — Поверь мне, Стив, этими демонстрантами, словно марионетками, управляет кто-то более сильный.

— Ты уверен, что священник сам установил поле?

— Да. Все их священники — маги. Вспомни, магия входит в их обучение, но хотел бы я знать, чему еще их обучают в этих никому не доступных семинариях... Давай попытаемся поговорить с ним.

— Что он проповедует? — Я был удивлен. — Высшие иерархии иоаннитов не раз заявляли, что если члены их церкви вмешиваются в политику, то делают они это исключительно как честные граждане.

— Знаю. А я — император Нортон...

— Нет, ну, кроме шуток, — настаивал я, — эти их темные теории... Все это слишком просто, чтобы быть правдой. То, что мы сейчас видим, — общественные волнения, недовольство людей, какие-то неопределенные изменения...

— Мы вышли к главному входу. Дверь была обрамлена мозаичными стеклянными панелями. Панели, как и окна, были разбиты вдребезги, но никто не догадался прикрыть эти дыры. Наши защитные чары могли действовать беспрепятственно,

разумеется не задевая нас. Мы вышли на лестничную площадку, прямо к тем, кто хотел заблокировать нас в здании.

Дальше нам идти было некуда. Ведущие вниз ступеньки были плотно забиты людьми. Никто пока не обращал на нас внимания. Барни похлопал по плечу тощего бородатого юнца.

— Извините, — прогудел он с высоты своего огромного роста. — Разрешите?

Он выдернул из немытой руки юнца плакат, повесил на него одеяло и, подняв как можно выше, замахал этим импровизированным флагом. Цвет его лица был желто-зеленый.

Движение, похожее на шквал ветра перед штормом, пронеслось по толпе. Передо мной были лица, лица, лица... Рядом со мной, внизу, сбоку, выплывающие из мрака, куда не доходил колеблющийся свет... И создавалось жуткое впечатление, что все лица совершенно одинаковы. Но думаю, что виной тому было только мое предубеждение. Длинноволосые мужчины и коротко подстриженные женщины, немытые, в изношенной одежде, наличествовали в избытке. Обнаружил я и обязательных в таких случаях седобородых радикалов и их прихлебателей из студенческих общежитий, и хулиганов, и тунеядцев, и правдоискателей. Но было здесь много чистых, хорошо одетых, ужасно серьезных мальчиков и девочек. И у всех них — у высоких, низеньких или среднего роста — был удивительный вид, как будто они совсем неожиданно для себя обнаружили, что участвуют в пикетировании. И у всех у них — богатых, бедных, гетеросексуальных или гомосексуальных, способных и тупых, интересующихся и скучающих, обладавших бесконечными и неповторимыми наборами своих воспоминаний, мечтаний, надежд, страхов и любви, — у всех была душа.

Нет, они показались мне одинаковыми лишь сначала, из-за своих плакатов. Невозможно было сосчитать, на скольких из них, как на спортивных табло, указывался счет, с которым выигрывает святой Иоанн. Или призывы вроде "Возлюби ближнего своего", или просто часто повторяющееся слово "Любовь". Впрочем, разнообразия было мало, тексты в основном повторялись. Не все плакаты носили дружелюбный характер: "Дематериализуйте материалистов!", "Фабриканты оружия, рыдайте!", "Прекратить снабжать полицию рогами дьявола!", "Убейте убийц, ненавидьте ненавидящих, уничтожайте несущих уничтожение!", "Закрыть это предприятие!"

И казалось, будто лица... Нет, хуже, сам мозг этих людей превратился в нечто иное, как набор плакатов, на которых были написаны эти лозунги.

Не поймите меня неправильно — я просто никогда раньше не думал об этих юнцах, чувствующих настоятельную необхо-

димость нанести удар прямо в брюхо существующему порядку. Очень плохо, что большинство людей, старея и жирея, теряет интерес к подобным вещам, становится зачастую нестерпимо самодовольно, ограничено и глупо. И руки, которые мы благочестиво заламываем столь ханжески, слишком часто обагрены кровью.

И еще... Конечно, что-то отличает наше время от грядущего, но придет время и придет кто-то, кто опять восстановит порядок. И не надувайте самих себя, что ничего подобного не случится. Свобода — прекрасная вещь, пока она не превращается во что-то иное. Например, в свободу вламываться в чужие дома, грабить, насиловать, порабощать тех, кого вы любите. И тогда вы вновь с восторгом встретите того, кто въедет на белом коне и пообещает, что перевернет и изменит вашу жизнь. И вы сами вручите ему саблю...

Поэтому уж лучше хранить то, чем мы обладаем. Разве не так?

Не надо повторять наших ошибок, не следует надеяться, что вашу жизнь смогут улучшить какие-то злобные и перепуганные теоретики. Они одним разом лишат вас всего богатства вашего прошлого, приобретенного в муках жизненного опыта. Не стоит слушать этих вещающих речи догматиков, чем предел — реформистское движение ради самого движения.

Отвернитесь от студентов, уверяющих, что у них есть ответы на все социальные вопросы, над которыми ломали головы и разбивали вдребезги сердца такие люди, как Хаммапури, Моисей, Конфуций, Аристотель, Аверий, Платон, Аквинский, Гобб, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других.

Но хватит об этом. Я не интеллектуал, я всего лишь пытаюсь думать самостоятельно. Мне тягостно видеть, как полные благих намерений люди делаются орудиями в руках тех немногих, чья цель — обвести вокруг пальца...

Они едва не задохнулись от изумления. Удивленный вздох быстро перешел в озлобленное рычание. Мужчина, стоявший неподалеку, сделал шаг в нашу сторону.

Барни взмахнул своим флагом.

— Подождите! — воззвал он. Его громоподобный бас перекрыл все остальные звуки. — Перемирие. Давайте переговорим! Приведите вашего руководителя ко мне!

— Не о чем нам говорить, ты, убийца! — завизжала усеянная прыщами девица и замахнулась на меня своим плакатом.

Я успел мельком увидеть на нем надпись: "Мир и братство". Дальше читать не стал, так как был слишком занят, оберегая

свой череп от ее "миролюбивой" выходки. Кто-то начал скандировать лозунг, который быстро подхватили остальные:

– Долой Диотрофеса, долой Диотрофеса, долой Диотрофеса...

Меня охватила тревога. Хотя Диотрофес лишь едва упоминался в Третьем послании Иоанна, современные иоанниты превратили его в символ противостоящих их движению церквей (несомненно, они подразумевали под этим именем какие-то другие объекты). Неверующие, то есть просто бунтари (а они составляли большинство иоаннитов), не удосуживались разобраться в таких тонкостях дела. Для них Диотрофес сделался нарицательным именем ненавистной им светской власти. Или кого угодно еще, кто, как им казалось, стоит поперек дороги. Этот призыв уже не раз приводил толпы в состояние крушащего все неистовства.

Защищая глаза от когтей девицы, я отобрал у нее плакат и извлек свой фонарик. Но внезапно зазвучал колокол, послышался чей-то выкрик. И хотя негромкими были и звон, и выкрик, но они перекрыли растущий шум.

– Мир! Храните любовь в ваших сердцах, дети! Успокойтесь, ибо здесь присутствует сам Святой Дух!

Нападающие на меня попятились. Толпа раздвинулась. Люди начали опускаться на колени. Стон пошел по толпе, он усиливался и вдруг сразу утих, сменившись тишиной. Подняв глаза, я увидел, что к нам приближается священник.

Она шел, держа над головой колокол, ранее стоявший за алтарем Т-образного креста. Так что вместе с ним как бы шествовал сам пригвожденный к кресту Христос.

"Ничего тут нет страшного, – мелькнула дикая мысль, – если, конечно, не считать, что другие церкви назвали бы все это кощунством – придать главному символу их веры подобную форму и подействовать на него как на какую-то метлу с помощью антигравитационных заклинаний?.."

Однако в целом спектакль был чрезвычайно внушительным. Это было олицетворение всего гностицизма. Я всегда относился к "невыразимым тайнам" иоаннитов как к невыразимому пустословию. Теперь я кое-что понял. Здесь было нечто большее, чем обычные сверхъестественные эманации. Я ощущал это каждым своим волчьим нервом. Но мне казалось, что эта сила исходила не от Всевышнего. Тогда от кого же?

Священник остановился перед нами. Человек как человек. Маленький, тощий, мантия ему явно велика. На пуговке носа криво сидели очки. Седые волосы были такими редкими, что я едва мог понять, где начинается его тонзура, пробитая через макушку от уха до уха полоса. Рассказывали, что такую тонзуру ввел Симон-маг.

Сначала он повернулся к толпе:

— Разрешите мне без ненависти поговорить с этими не знающими любви джентльменами. Возможно, это послужит торжеству добродетели. — В голосе его была какая-то странная убежденность. — Тому, кто любит, не может быть неведом Бог. Ибо Бог есть любовь.

— Амен! — забормотали иоанниты.

Когда маленький священник повернулся к нам, я внезапно поверил, что он и правда всем сердцем принимает это замечательное изречение. От его слов не пахло ложью. Враг хорошо знает, как использовать искренность. Но теперь я относился к нему с меньшей неприязнью.

За священником обозначился человек. Он улыбнулся нам и наклонил голову:

— Добрый вечер. — Я — посвященный Пятого класса, Мармидон. К вашим услугам.

— Это... э-э... ваше эклезианское имя? — спросил Барни.

— Разумеется. Прежнее имя — есть первое, что следует оставить в этом мире, проходя через Врата Перехода, но если это вызывает у вас усмешку, то она меня не страшит, сэр.

— Нет, ничего подобного я даже не допускаю. — И Барни представился.

Потом представил меня. Этим простым способом он высказал наше желание установить мирные отношения, поскольку и без того было нетрудно понять, кто мы такие.

— Мы пришли сюда в надежде заключить соглашение.

Мармидон весь прямо засветился:

— Прекрасно! Великолепно! Как вы сами понимаете, я не официальный представитель. Демонстрация организована комитетом Национальной добродетели. Но я буду рад оказать вам услугу.

— Вся беда только в том, — сказал Барни, — что наши возможности в осуществлении ваших основных требований весьма ограниченны. Как вы понимаете, мы не против мира во всем мире и не против всеобщего разоружения. Но это дело международной дипломатии. А также решать, когда нужно положить конец оккупации ранее враждебных нам стран и сколько нужно затратить средств на повышение социального благосостояния в нашей стране, должны президент и конгресс. Амнистией арестованных за участие в беспорядках должны заниматься городские власти. Вводить ли в школах курс философии или истории гностицизма, обязаны решать специально для этого назначенные представители правительства. Что же касается всеобщего выравнивания доходов... — он пожал плечами, — для этого нужна, по крайней мере, поправка в Конституции.

— Тем не менее вы можете оказать немаловажное влияние на достижение этих целей, — сказал Мармидон. — Например, вы можете пожертвовать определенную сумму в фонд Комитета Общественного Просвещения. Вы можете способствовать выдвижению на выборах достойных кандидатов и помочь финансировать их компанию. Вы можете разрешить прозелитам обращать в истинную веру ваших служащих. Вы можете прервать отношения с дельцами, все еще проявляющими упорство. — Он распростер руки. — И если вы сделаете это, дети мои, вы спасетесь от вечного проклятья.

— Ну, может быть. Хотя пастор Карлслунд из лютеранской церкви Святого Алафа убеждал меня в обратном, — сказал Барни. — В любом случае перечень задач слишком велик, чтобы провернуть все это за один день.

— Само собой, само собой. — Мармидона прямо затрясло, так его переполняло рвение. — Мы будем достигать поставленные цели постепенно, шаг за шагом. "Но пока в вас есть свет, вы можете быть детьми света". Таков единственный результат нашей сегодняшней беседы.

— Трудности в том, что вы хотите, чтобы были аннулированы подписанные нами контракты, за которые мы уже получили авансы. Вы хотите, чтобы мы нарушили данное нами слово и подвели тех, кто нам доверяет...

Сказанное Барни не произвело никакого впечатления на Мармидона. Он выпрямился во весь свой маленький рост, твердо посмотрел на нас и отчеканил:

— Эти воины Духа Святого требуют, чтобы вы прекратили производство снаряжения для армии, несущей порабощение другим странам, и полиции, уничтожающей наш народ. Сейчас мы больше и не просим вас ни о чем, но и на меньшее мы не согласимся. Данный вопрос — вне обсуждения.

— Понимаю. Ничего иного я от вас не ожидал. Но я хотел бы при свидетелях разъяснить вам ситуацию. Я хочу предостеречь вас.

Те, кто слышал эти слова, зашевелились и свистящим шепотом стали передавать услышанное другим. Я понял, что напряжение снова возрастает.

— Если вы используете насилие против тех, кто пришел сюда, чтобы просто выразить свой протест, — заявил Мармидон, — то на вас либо обрушится вся сила закона, либо мы окончательно убедимся, что закон есть выражение интересов крупных предпринимателей.., которые, говорю вам, есть, в свою очередь, порождение Сатаны.

— О, нет, нет, — ответил Барни. — Мы пониже сортом, хотите — верьте, хотите — нет. Но вы вторглись в чужие вла-

дения. Вы помешали нашей работе как раз тогда, когда нам не хватает ни времени, ни рабочих рук. Мы обязаны выполнить по контракту обязательства, и мы пытаемся сделать все от нас зависящее. Сейчас будет проводиться эксперимент. Он может оказаться опасным. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, очистите территорию предприятия...

Мармидон застыл:

— Если вы задумали изгнать нас с помощью несущих смерть заклинаний...

— Ничего подобного. Я точнейшим образом расскажу вам, что мы задумали. Мы намерены испробовать новую модель транспортировки жидкостей. Прежде чем внедрить изобретение, мы обязаны удостовериться в его безопасности. Если система не выдержит испытания, те, у кого нет защиты, могут оказаться травмированными. — Барни возвысил голос, хотя знал, что полицейские олухи и так ловят каждое его слово. — Я приказываю и предупреждаю, я прошу вас: очистите территорию компании. В вашем распоряжении полчаса.

Мы повернулись и оказались внутри здания. Ушли с их глаз долой раньше, чем опять поднялся шум. Мы шли через зал и, пока не достигли благословенной тишины главной алхимической лаборатории, слышали летящие нам вслед проклятия, насмешки, ругательства. Слышали звериный вой иоаннитов.

В лаборатории нас ждали отобранные Барни из числа добровольцев ученые, техники и рабочие. Они сидели, курили, пили сваренный на бунзеновых горелках кофе. Негромко переговаривались. Когда мы вошли, они встретили нас тихими аплодисментами. Они наблюдали нашу встречу по видеошару.

Я поискал глазами заведующего товарными складами, Айка Абрамса. Еще во время войны я знал его как хорошего парня и впоследствии пристроил его на работу на наше предприятие.

— Все в порядке? — спросил я.

Он показал большой палец:

— Что касается меня, все более чем готово. Я не могу ждать.

Мгновение я рассматривал его:

— Ты действительно готов применить *это* против тех людей?

У него стал такой вид, будто ему плюнули в лицо:

— А вы не применили бы, будь в моем положении?

"В твоем... — подумал я, — да и в положении множества людей... Но особенно — в твоем положении, Айк".

Будучи рационалистом, я питал отвращение к иррациональной сущности гностицизма. Будь я набожным христианином, я мог бы предъявить церкви иоаннитов длинный счет. Тут и ее претензии быть преемником всех прочих церквей, и

отрицание всякого права этих церквей на дальнейшее существование. И еще в большей степени, вероятно, — их отрицание того, что Бог изливает свою милость на все человечество. И рационалист и верующий равно могли бы протестовать против извращения ими Евангелия от Иоанна, не только самой мистической, но и самой прекрасной книги Святого Писания.

Но если вы еврей, то иоанниты, вырывая из контекста, швыряют вам в лицо какое-нибудь оскорбительное изречение, вроде: "Много есть в этом мире людей, которые не признают, что Иисус Христос явился к нам во плоти. Такой человек обманщик и антихрист". И вы сразу понимаете, что возрождается древний кошмар антисемитизма.

Чуть смутившись, я обернулся к Биллу Харди, нашему Главному Парацельсу. Он сидел, покачивая ногой, на лабораторном стуле.

— Сколько вы получили вещества? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов, — ответил Билл.

— Ого! Без всякой алхимии?

— Абсолютно без всякой. Чистая реакция Берцелиуса. Возможно, нам просто повезло, что в запасе было много исходных градиентов.

Я содрогнулся, вспомнив ужасный пример, приведенный им, когда обсуждался план.

— Как на это отзовется Мадгард?

— Ну, в департаменте производства... полным-полно всяких распоряжений. Например, от маслопроизводителя требуют принятия многих мер предосторожности против прогорклости. С самим процессом вы знакомы. Конечно, не мешало бы, чтобы реакция была сперва проведена в пробирке, а потом уже с помощью симпатических чар получить сколько угодно тонн этого вещества. Правительство может попытаться взять под контроль популяцию скунсов в Западных штатах и... — Он замолчал.

Вошла Джинни. Ее глаза блестели. Она держала волшебную палочку, словно меч Валькирии.

— Приступим, мальчики! — В ее голосе слышался звон металла.

— Пойдемте. — Барни поднял свое большое туловище со стула.

Вслед за ним мы пошли к контейнерам. Это были самые обычные одногаллоновые канистры, такие, в каких продается жидкая краска. Но на воске, запечатавшем винтовое горло каждой канистры, была оттиснута печать Соломона, и я подсознательно ощутил, как напряжено поле сверхъестественных сил вокруг этих посудин. Казалось, невозможно погрузить их на тележку и вывезти.

Вместе со мной в мой отдел вошли Айк и его команда, которая наспех смонтировала аппаратуру. Она тоже не производила особо внушительного впечатления. Честно говоря, это было спаянное на скорую руку чудовище: большой, работающий на бензине электрический генератор в обрамлении катушек и пучков проводов. Для эксперимента иногда требуется больше энергии, чем способны дать заботливо экранированные силовые линии общего пользования.

Чтобы эта халтура заработала, мне пришлось снять с генератора магнитные экраны. Поэтому все, что мы пока имели, — это кучу железа. Никакими чарами в непосредственной близости от генератора не пахло. Айк взвалил на себя генератор и неуклюже потопал за мной следом, протащив генератор через все залы и комнаты и затормозив, лишь когда поднялся по лестнице.

Без сомнения, ему иногда хотелось, чтобы люди никогда не открывали способа воздействовать на сверхъестественные силы (влиять на них мы научились вскоре после конца бронзового века). Он не был ортодоксом. Его вера не запрещала ему использовать колдовство. Но не был он и реформатором. Он был иудаистом консервативного толка. То есть мог использовать предметы, приведенные в повиновение с помощью колдовства кем-то другим. Но сам порождать чары не имел права. Нужно отдать ему должное, невзирая на это, он и сам работал успешно и пользовался уважением своих подчиненных.

Он ухитрился дотащить никак не приспособленное к переноске устройство (вместе со всем добавочным оборудованием) до гаража. На плоской его крыше уже собрались все остальные. Джинни предстояло отправить канистры по назначению именно отсюда.

Мы втащили генератор наверх. Затем осторожно установили возле светового люка. Барни обошел вокруг машины. Из-за искажения магнитного поля, создаваемого генератором, мы не могли подняться к нашим друзьям ни с помощью метлы, ни с помощью заклинаний. Пришлось подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни. На его лице поблескивали бусины пота. Если наша затея окончится неудачей, отвечать за непредвиденные последствия придется ему.

Я проверил все соединения:

— Ну, вроде ничего не отошло. Но дай мне сперва осмотреться.

Я подошел к стоящей у низкого парапета Джинни. Внизу мутным потоком бурлила толпа. Люди поднимали вверх исполненные ненависти лица. Они заметили парящие над ними

контейнеры и поняли, что решающий момент близок. Склонился над алтарем Мармидон. Я понял, что он усиливает поставленное им защитное поле. До меня донеслись незнакомые слова:

— ...Хелифомар, мабонсарун гоф ута эннунас сацинос...

Молитва перекрывала угрюмое бормотание осаждающих.

Огни эльфов вспыхнули ярче. Насыщенный энергией воздух потрескивал, кипел. Пахло грозовым ветерком.

На губах моей любимой появилась слабая задумчивая улыбка.

— Как бы это понравилось Свертальфу, — сказала она.

Барни неуклюже подошел к нам:

— Можно начинать. Но я дам им последний шанс...

Он прокричал те же предупреждения, которые они уже слышали. В ответ раздались пронзительные вопли. В стену посыпались камни.

— О'кей, — прорычал Барни. — Хватит задерживать.

Я шагнул назад, к генератору, и запустил мотор. Включил ток. Генератор запел, прерывисто задрожал. Я вдохнул отвратительный дым и порадовался, что мы не полагались на двигатели внутреннего сгорания. Мне приходилось видеть так называемые автомобили, которые были построены около 1990 года, незадолго до полета первой метлы. Поверьте мне, помещения, где хранятся автомобили, не надо называть музеями. Гораздо точнее — "Хранилища ужасной нелепицы".

Громкий голос Джинни отвлек мое внимание. Канистры начали отправлять в предназначенное для них место. Теперь, равномерно распределенные по всей площади, они плавали примерно в десяти футах над толпой. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я нажал на главную кнопку.

Нет, чтобы очистить принадлежащую "Источнику" территорию, мы пока не использовали колдовство... Ток, пройдя по обмотке генератора, породил такое магнитное поле, что в радиусе ста ярдов прекратилось действие и наших, и их чар.

Все приборы, которые могли быть повреждены, мы упрятали в помещение, обитое изнутри изолирующим материалом. Мы повторно предостерегли толпу, что проводим эксперимент, возможно являющийся опасным. Ни один закон не мог от нас требовать, чтобы мы объяснили, что эти жидкости — просто находящиеся под большим давлением намеренно испорченные нами консервы. Настолько испорченные, что готовы взорваться каждую секунду. И взорвутся, когда исчезнут силы, поддерживающие защитное поле.

На самом деле мы намеренно преувеличили опасность. Ничего страшного в контейнерах не было. Может, и присутствовал

слабенький токсикон, но в такой слабой концентрации, что об этом и говорить не стоило. Хотя... нормальное человеческое обоняние сочло бы ее достаточной, чтобы забить тревогу.

Просто безобидная смесь таких веществ, как бутил-меркаптан, масляная кислота, трупные запахи и ароматы гниения... М-да, у всей этой органики великолепная проникающая способность. И если хоть несколько капель попадает на кожу человека, вонь не исчезает в течение недели, а то и двух.

Донесся первый истошный визг. Настала минута моего торжества. Затем хлынула волна зловония. Я забыл надеть противогаз, забыл, что мой нос все же достаточно чувствителен. Одно слабое дуновение — и я задохнулся. Меня вырвало. Запах, в котором смешалась вонь скунса, прогорклого масла, сгнившей спаржи... Это было гниение, гибель... Я едва смог натянуть на себя маску.

— Бедняга. Бедный Стив. — Рядом стояла Джинни.

— Они убрались? — прошипел я.

— Да... Вместе с полицией. А с ними, похоже, и половина квартала.

Я вздохнул с облегчением. Была в нашем плане слабая точка: я боялся, что оппозиционеры не разбегутся, а, разъярившись, вломятся в незащищенные двери. Узнав на собственном опыте, что мы им устроили, теперь я уже не думал, что такое возможно. Свою задачу работники лаборатории выполнили лучше, чем предполагали.

Вряд ли следовало ожидать, что они захотят вернуться. Если тебя арестовали как демонстранта или ты сложил голову за правое дело — значит, ты герой, и твой пример вдохновляет всех прочих. Но если ты просто-напросто сделался таким, что не можешь поговорить с лучшим другом, а он не в состоянии даже приблизиться — так от тебя несет вонью, видимо, твоя борьба за общее дело закончилась неудачей...

Я схватил Джинни, прижал к себе и принялся целовать. Черт, снова забыл о противогазе!

— Мне лучше пойти и уничтожить эту гадость, пока она не разошлась по всему городу, — сказала Джинни. — Выключи свою машину и заэкранируй ее.

— Хорошо. — Мне пришлось согласиться. — Все, как мы намечали, — завод возобновит работу уже утром...

Но то одно нужно было сделать, то другое, так что еще пару часов мы были заняты. А когда закончили, Барни раздобыл несколько бутылок вина, и до самого рассвета мы отмечали победу. Небо в восточной стороне уже вспыхнуло розовым заревом, и лишь тогда мы с Джинни, пошатываясь, взобрались на нашу метлу.

— Домой!

Нас обвевал прохладный воздух, высоко над головами разворачивался купол небес.

— Знаешь что? — сказал я через плечо. — Я люблю тебя.

— Мур-р... — Она потянулась, потерлась щекой о мое плечо. Руки скользнули по моему телу.

— Бесстыжая, — сказал я. — Могла бы и подождать немного. Я тут с тобой чувствую себя совсем совращенным и не имею никакой возможности...

— О, возможность есть, — пробормотала она. — Даже на помеле. Забыл?

— Не забыл. Но черт побери, здесь, как и на других воздушных линиях, вот-вот все будет запружено. Зачем, в поисках уединения, лететь несколько миль, когда у нас рядом есть великолепная спальня?

— Верно. Твоя идея мне нравится. Всего пятнадцать минут, и нам обеспечено уединение в собственном доме... Прибавь пару...

Меня переполняло счастье, а моим счастьем была Джинни.

... Она первая почуяла признаки сверхъестественного. Я почувствовал лишь, что она приподняла голову, а ее ногти вонзились в меня сквозь рубашку.

— Ты что?!

— Тс-с! — выдохнула она.

Полет. Молчание. Легкий, но неприятный холодный ветер рассвета. Наконец она заговорила. Голос ее звучал напряженно, он был каким-то ослабевшим, растерянным:

— Я чувствую что-то неладное. Возбуждение и все такое... Я забыла...

У меня все дрогнуло внутри, как будто я приготовился к превращению в волка. Чувства и сверхчувства стали ощупывать пространство. Колдовское умение у меня невелико. Повседневная магия плюс кое-что, полученное в армии, плюс чуточку солидной инженерной подготовки. Но у человеко-волков есть еще и прирожденные инстинкты и знания.

Наконец я понял.

Вокруг веяло ужасом...

Помело устремилось вниз. Мы уже поняли, что *ЭТО* случилось в нашем доме.

Мы соскочили с метлы на газоне перед домом. Я повернул ключ, ворвался в дверь. В доме было темно.

— Валерия! — закричал я. — Свертальф!

Замки не взломаны, стекла были целы. Мечи и камни, охранявшие проходы, по которым к нам могли проникнуть сверхъестественные силы, находились на прежнем месте. Но

стулья были опрокинуты, вазы сбиты со столов и разбиты, стены, пол, ковры — вся комната забрызгана кровью...

Мы вбежали в детскую. Когда же увидели, что Валерия спокойно спит в своей кроватке, то обнялись и расплакались.

Наконец Джинни удалось заговорить:

— Где же Свертальф? Что случилось с ним?

— Я поищу! Он совершил подвиг.

— Хорошо. — Джинни вытерла глаза.

Она оглядела царящий в детской беспорядок. Взгляд ее сделался жестоким.

— Почему она не проснулась? — спросила она голосом, какого я раньше никогда не слышал.

Я уже начал поиск. Свертальф нашелся на кухне. Линолеум был залит кровью. Коту переломали кости, разорвали шкуру, распороли брюхо. И все же он еще хрипло дышал. Я не успел рассмотреть у него еще повреждения, как раздался пронзительный крик Джинни. Я помчался обратно.

Она держала ребенка на руках. Из-под спутанных золотых локонов тускло и тупо глядели голубые глаза. Лицо Джинни осунулось.

— С ней что-то случилось, — сказала Джинни. — Не знаю что, но случилось...

Я постоял мгновение, чувствуя, как вдребезги разлетается Вселенная. Потом я шагнул в туалет. Там темно, а мне сейчас нужна темнота. Сорвал с себя одежду и пустил в ход фонарик. Превратившись в волка, побежал опять к ним. Мой нос впитывал запахи. Я сел на задние лапы и взвыл.

Пока я совершал обратное превращение, она неподвижно стояла возле кровати и смотрела на *то*, что там лежало.

Превратившись, я сказал:

— Позвоню в полицию. — Я не узнал собственного голоса. — Это не Вал. Это вообще не человек...

21

Я не могу вспомнить в подробностях, что происходило в течение нескольких следующих часов.

К полудню мы оказались в моем рабочем кабинете. Начальник местной полиции почти сразу понял, что дело выходит за пределы его компетенции, и убедил нас известить ФБР, работники которого тщательно, дюйм за дюймом, обследовали дом и участок. Лучшее, что мы могли сделать, — не путаться у них под ногами. Время от времени кто-то из нас вскакивал, ходил по кругу, произносил какую-то бессмыслицу и опять падал в кресло. Густо висел туман табачного дыма. Пепельница переполни-

лась окурками. Голова абсолютно пустая. Взгляд Джинни был обращен глубоко в себя. На улице — солнечный свет, трава, деревья. Все это теперь казалось нереальным.

— Ты должна поесть... — сказал я бог знает в какой раз. — Тебе будут нужны силы.

— Поешь сам, — ответила она, глядя в никуда.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Нас снова охватил ужас.

При звуке резкого телефонного звонка мы сорвались с места.

— С вами хочет поговорить доктор Акман, — сказала трубка. — Будете говорить?

— Во имя самого Господа, да! — вырвалось у меня. — С видеоконтактом!

На мгновение я лишился рассудка и никак не мог сконцентрироваться, услышав первое сообщение человека, с чьей помощью в мир вступила Валерия. Мой разум крутился вокруг принципов устройства телефона. Симпатические вибрации, когда оба абонента чарами заклинают один и тот же номер. Если он тоже пожелает, то будет видеоконтакт с помощью магического кристалла, частичное вселение души в аппарат для передачи речи...

Рука Джинни обхватила мое запястье. Ледяная рука. Это привело меня в чувство.

Лицо Акмана выглядело почти таким же изможденным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив... — сказал он, — у меня для вас сообщение.

Я пытался произнести хоть слово. Не смог.

— Вы были правы, — сказал Акман. — Это гомункулус.

— Почему исследования заняли столько времени? — спросила Джинни. В ее голосе не было уже той силы. Просто хриплый суровый голос.

— Потому что случай беспрецедентный. Об оставленных колдунами подкидышах до сих пор говорилось только в легендах. Но пока ничто в имеющихся случаях даже косвенно не указывает на причину, по какой нечеловеческий разум крадет ребенка... И каким образом это делается. И уж конечно, нам неизвестно, почему похититель оставил вместо ребенка... — Он вздохнул.

— Что вам удалось обнаружить? — В голосе Джинни вновь зазвучала решимость.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вместе со мной, — сказал Акман, — исследования вели полицейский хирург, сотрудники криминалистической лабо-

ратории и патологоанатом из больницы университета. Вернее, я вместе с ними. Я ведь просто домашний врач. Несколько часов мы потратили на проверку предположения, что Валерия заколдована. Сами понимаете — подобие полное. Но данное существо не имеет разума. Линии электроэнцефаллограмм практически ровные... Однако оно идентично вашей дочери во всем, вплоть до отпечатков пальцев. И поскольку она... оно не смогло отреагировать на все наши терапевтические заклинания, мы пришли к мысли, что обнаруженное тело — иммитация. Стив, мы втолковывали это вам с самого начала. Наш вывод подкреплен целой серией тестов. Например, низкое процентное содержание соли в тканях гомункулуса наводит на мысль, что у "создателя" ее нет в достаточном количестве. Окончательно же вопрос был решен, когда сделали инъекцию радиоактивной Святой воды. Метаболизм и отдаленно не схож с человеческим...

Нам помогло, что он разговаривал таким сухим тоном.

Ужас постепенно начал приобретать пусть туманные, но все же какие-то очертания. Колесики мозга со скрипом пришли в движение. Как найти способ вступить в бой с похитителем?

— Что сделают с подкидышем? — спросил я.

— Полагаю, что власти предпочтут сохранить ему жизнь. В надежде, что... что удастся что-нибудь узнать. Понять и что-нибудь сделать. В конце концов, если больше ничего не случится, он, несомненно, перейдет в собственность государства. Не питайте ненависти к этому бедному существу. Оно создано для какой-то злой цели, но ответственности за это не несет.

— Если не возражаете, не будем терять времени, — резко сказала Джинни. — Доктор, у вас есть какие-нибудь соображения, как нам вернуть Вал?

— Нет. Что меня очень угнетает. — Он нахмурился. — Хотя я только медик... Чем я могу быть полезен? Скажите, чем? Я начну немедленно действовать.

— Можете начать прямо сейчас, — сказала Джинни. — Вы, конечно, слышали, что мой кот защищал Вал и был очень сильно изранен. Сейчас Свертальф у ветеринара, но я хочу, чтобы им занялись вы.

Акман удивился:

— Что? Но право же... послушайте, я не могу спасти ему жизнь, если этого не может даже специалист!

— Здесь нет проблем. Свертальф выкарабкается. Но у ветеринара нет оборудования, предназначенного для людей. Кроме того, он просто не подготовлен для работы с ним. Я хочу, чтобы кот выздоровел как можно скорее. Если у вас нет нужных зелий или заклинаний, узнайте, как их найти. В деньгах можете не ограничиваться...

— Подожди, — сказал я, — во сколько мне это встанет?..

Она тут же оборвала меня:

— Счет оплатит "Источник". Или правительство. У них денег хватит. С подобным они еще не сталкивались. Возможно, впереди всю страну ждет крах. — Она выпрямилась. Мрачный взгляд, свисающие прямые волосы, одежда та же, что была прошлой ночью... И все же сейчас она снова была капитан Грейлок из Четырнадцатого кавалерийского полка Соединенных Штатов Америки. — Я не спятила, доктор. Да-да, поразмыслите о вытекающих последствиях из того, что вы обнаружили, — продолжала она. — Не исключено, что Свертальф может дать какую-нибудь информацию о том, с чем он столкнулся. Но конечно, только не тогда, когда он без сознания. И вообще мы просто обязаны помочь ему всем, чем только можем.

Акман поразмыслил с минуту.

— Хорошо, — сказал он.

Я уже собрался закончить разговор, как дверь кабинета открылась.

— Подождите-ка! — раздался властный голос.

Я мигом (хотя к чему теперь эта скорость!) повернулся на каблуках и увидел главу местного отделения ФБР — Роберта Сверкающего Ножа. На его мускулистом теле хорошо сидел старомодный деловой костюм. Такие костюмы в этой организации — рабочая униформа. Украшенная перьями, его шляпа, казалось, подметала потолок. Смахивающая на полицейскую дубинку бутыль из выдолбленной тыквы похлопывала по заду при каждом шаге. Накидка была наброшена на плечи, раскрашенные щеки усеяны изображениями орлов, солнечного диска и Бог знает чего еще.

— Вы подслушивали, — обвиняющим тоном заявил я.

Он кивнул:

— Нельзя упускать ни одного шанса, мистер Матучек. Доктор Акман, вам придется соблюдать абсолютную секретность. Никаких, как вы намеревались, консультаций с неумеющими держать рот на замке шаманами и знахарями.

Джинни вспыхнула:

— Послушайте...

— Вашего кота вылечат, — тем же не допускающим возражений резким тоном пообещал Сверкающий Нож. — Правда, сомневаюсь, что он может оказаться в чем-то полезным, но нельзя упускать ни единой возможности. Счет оплатит Дядя Сэм. Доктор Акман по-прежнему может руководить работой своей группы. Но я хочу, чтобы всем ее членам было ясно, черт возьми! Они не должны болтать! Так что вам придется задержаться в

своем кабинете, доктор. В течение часа к вашей группе присоединится оперативник.

Врач рассвирепел:

— Сколько же времени ему понадобится, чтобы убедиться, что все приглашенные мной специалисты — самые благонамеренные американцы?

— Это займет у него очень немного времени. Вы удивитесь, как много он уже о них знает. Но путь вас не удивляет, как много неприятностей ждет того, кто будет настаивать на своем праве поведать прессе или даже своим друзьям что-нибудь об этом деле. — Сверкающий Нож саркастически усмехнулся. — В наши дни существует самая ухищренная аппаратура для прослушивая...

— Из двери, которую он оставил приоткрытой, было слышно, как его люди бродят по дому и о чем-то вполголоса разговаривают. В комнате почему-то чувствовался сильный кислотный запах.

— Сядьте, пожалуйста. — Сверкающий Нож оперся спиной о книжную полку и внимательно посмотрел на нас.

Чтобы овладеть собой, Джинни понадобилось заметное усилие.

— Вам не кажется, что вы действуете, как уличные грабители?

— Обстоятельства вынуждают, миссис Матучек.

Джинни закусила губу и кивнула.

— Может, перейдем к делу? — попросил я.

Суровая жестокость покинула Сверкающий Нож:

— Мы осведомлены, что ваша жена — ведьма. Она уже все поняла, и явно у нее есть определенные подозрения, — сказал он. Но миссис Матучек не желает допускать эту мысль, пока есть хоть какая-то надежда, что ответ может быть менее ужасен. Это — не обычное похищение.

— Конечно же!

— Подождите. Я сомневаюсь, относится ли вообще данный случай к категории "похищение". Возможно, он выходит за пределы юрисдикции моего бюро. Однако, как уже сказала ваша жена, здесь в большой степени затронуты интересы национальной безопасности. Я свяжусь с Вашингтоном, пусть там все решают. В конечном счете — хоть сам президент. А до тех пор мы не должны раскачивать лодку.

Я перевел взгляд на Джинни. Снова беспредельный ужас.

— *Пожалуйста...* — *прошептал я.*

Угол рта Сверкающего Ножа быстро и страшно дернулся. Он заговорил ровной бесцветной скороговоркой:

— Мы установили, что кровь в доме полностью принадлежит

коту. Обнаружены слабые следы йорха, то есть крови сверхъестественного существа. Не самого йорха, но, вероятно, возникшие вследствие его воздействий пятна. Гораздо больше нам дало изучение оставленных на полу мелких вмятин и царапин. Эти отметины мы идентифицировать не смогли, они не принадлежат ни одному из известных нам существ, как обычного, так и сверхъестественного мира. Поверьте мне, в нашей фирме работают хорошие идентификаторы. Сложность в том, что в дом никто не входил. Мы проверили все возможные способы проникновения... И опять-таки нам известно множество различных способов... Ничто не сломано, не снято, не просверлено. Нет и признака воздействия на символы и предметы охраны, их поля развивают полную мощность, надлежаще настроены, ловушки в порядке, нигде ничего не нарушено. Поэтому никто и ничто не могло пролететь в дымовую трубу, просочиться в щель, дематериализоваться, пройти сквозь стену, чарами заставить присматривающего за ребенком впустить его. Столь же многозначителен тот факт, что никто по соседству не видел и не слышал ничего, вызывающего тревогу. Вспомните о сторожевых собаках. Обычно среди них быстро распространяется тревога. Появись на вашей улице с враждебными целями кто-нибудь из сверхъестественных, поднялся бы шум, перебудивший всех на три квартала вокруг. Тем не менее ваши ближайшие соседи сообщили лишь, что слышали что-то напоминающее кошачью драку...

Помолчав, Сверкающий Нож закончил:

— Наверняка, наши знания в области магии не полны. Однако мы все же знаем достаточно о ее применении в преступных целях, чтобы сказать с уверенностью — никакого насильственного проникновения в дом не было.

— Так что же, в таком случае, было? — закричал я.

Вместо него ответила Джинни:

— Это пришло к нам из адской Вселенной...

— Теоретически это могло быть и существо небесного происхождения, — Сверкающий Нож коротко и натянуто улыбнулся, — но с философской точки зрения... это исключено. Девочку похитил кто-то из слуг дьявола.

Джинни упала на стул. Ее лицо было безжизненным, руки безвольно висели как плети, глаза полузакрыты. Она забормотала, будто в бреду:

— Подкидыш прекрасно подтверждает вашу теорию, не так ли? Согласно современной науке, перенос материи из одного пространства-времени континума в другой требует соблюдения известных физических законов. Психическое излучение проникать из континуума в континуум не может. Отсюда: видения,

соблазны, вдохновение и так далее. Тут действует принцип неопределенности. Но к объектам реального мира это не относится. Если осуществляется перенос из одной реальности, из одной Вселенной в другую, необходимо объект переноса заменить другим предметом. В нем должно содержаться точно такое же количество материи. Точно так же должно в точности совпадать на момент переноса строение обоих предметов...

Лицо Сверкающего Ножа выражало тревогу.

— Сейчас неподходящее время ссориться с Всевышним, — пробормотал он.

— У меня не было и нет такого намерения, — вяло сказала Джинни. — Он всемогущ. Но могущество его слуг ограничено. Для них наверняка легче перенести предмет, не меняя его естественной формы, чем решить проблемы ее изменения, учитывая, что в нем содержится неисчислимое количество имеющих разную скорость атомов. Гораздо легче обеспечить подобие предмета — замены. Вероятно, то же относится и к обитателям Нижнего Континуума. У них отсутствует творческое начало. По крайней мере так утверждает петристская церковь. Насколько я понимаю, вероучение иоаннитов включает элементы манихейства. Демон мог перейти из своей Вселенной в любую точку нашего дома. Поскольку естественная форма его существа — хаос, ему для перехода не нужно было ничего, кроме обладающих высокой энтропией грязи, пыли и отбросов мусора. Выполнив задуманное, он, вероятно, возвращаясь, вернул все это обратно. Не исключено, что эти следы можно найти. Во время драки все в доме было перевернуто вверх дном, и следовало бы произвести лабораторный анализ содержимого помойного ведра, песка для кота и так далее.

Фэбээровец поклонился:

— Мы уже обратили внимание на то, что содержимое в них всюду одинаковое. Но вы-то как догадались? При таких обстоятельствах...

Глаза Джинни раскрылись, и голос ее зазвенел, как медленно вытаскиваемая из ножен шпага:

— Наша дочь в Аду, сэр. Мы хотим вернуть ее.

Я подумал о Валерии. Она одна, а вокруг визжащее и кривляющееся ничто. Жестокий и безымянный ужас. Она кричит, зовет папу и маму, а они не идут...

Я сидел на кровати, меня окружала ночь, которой не было конца, и слушал доносящийся с другого конца спальной, будто из опасной пропасти, шириной во многие световые годы, голос моей любимой:

— Давайте не будем тратить время на эмоции. Я продолжу дальнейшую реконструкцию случившегося. Если я ошибусь —

поправьте меня. Демон (возможно, их было несколько, но я допускаю, что он был один), вошел в наш космос в виде рассеянного скопления материи, но тут же собрался воедино компактной массой. Путем обычной трансформации он принял выбранную им форму. Можно принять как истину, что никто (если верна петристская вера) не стал бы мешать демону. Он мог бы принять облик какого-либо реально существующего создания. То, что вам не удалось его идентифицировать, ничего не означает. Это существо могло быть порождено уже забытой мифологией или придумано кем-то, наделенным особо богатым воображением. Может быть, даже на другой планете. Наша семья не особенно набожна. И было бы лицемерием с нашей стороны, а потому бесполезно возводить вокруг себя защитную стену из религиозных символов. Кроме того, несмотря на наши схватки в прошлом с одним-двумя демонами, мы никак не ожидали, что кому-нибудь из них понадобится вторгаться в обычный пригородный дом, принадлежащий обычной средней семье.

Легенды не рассказывают ни об одном подобном случае. Так что вторжению демона ничто не препятствовало. Он располагал всего несколькими фунтами массы. С ним мог бы справиться любой, сохранивший присутствие духа, человек. В крайнем случае он мог обратить его в бегство. Демону стало бы не до выполнения его грязного дела, а тем временем можно было бы позвонить экзарсисту. Но в ту ночь ни одного взрослого человека здесь не было. Свертальф говорить не умеет, а никакого иного способа позвать на помощь не существует. Он не смог справиться с жутким существом, сплошь состоящим из клыков, когтей, шипов и брони. В конце концов, победив Свертальфа, демон схватил Вал и унес ее в Нижний Континуум. Предназначенной для обмена массе была придана форма нашей дочери. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Полагаю, да.

— Что вы намерены сейчас предпринять?

— Честно говоря, мы пока не можем сделать очень многого. Да, собственно, ничего не можем сделать. Мы даже не знаем, зачем было совершено преступление — мотивы не известны.

— Вам стало известно о них прошлой ночью. Мы приобрели могущественного и опасного врага. Полагаю, что заявления иоаннитов, что их адепты владеют тайнами знаний — правда, но их учение всегда больше ассоциировалось не столько с божественным, сколько с дьявольским. Я предлагаю начать поиск с кафедрального собора.

Лицо Сверкающего Ножа, несмотря на покрывавший его слой краски, явно выразило сострадание:

— Я уже объяснил вам, миссис Матучек, когда вы впервые догадались, кто может быть ответственным за преступление, что это очень опасно — предъявлять обвинение, не имея серьезных улик. Сейчас сложилась крайне деликатная ситуация. Кто может понять это лучше, чем вы? Мы не вправе допустить новых беспорядков. Кроме того... скажу, не скрывая, что это вторжение может означать начало чего-то гораздо более страшного. Гораздо более худшего, чем похищение вашей дочери...

Я приподнялся.

— Ничего не может быть хуже, — тихо сказал я.

Он не обратил на мои слова никакого внимания. Он понимал, что сейчас главный из нас — Джинни.

— Наши знания об адской Вселенной практически равняются нулю. Я сейчас скажу вам то, что сохраняется в глубокой тайне, потому что подозреваю — вы докопаетесь до правды на основании незасекреченной информации. Лишь очень немногие из гражданских волшебников знают то, что вы сейчас услышите. Армия уже предпринимала несколько попыток проникнуть в собор. Успех был не больше, чем у института Фауста триста лет тому назад. Пробыв там считанные минуты, люди возвращались в состоянии крайнего психического шока. И потом не могли рассказать, что с ними случилось. А записи приборов не имели никакого смысла.

— Если только вы не примете во внимание гипотезу Никельсона, — сказала Джинни.

— Какую гипотезу?

— Гипотезу, что пространство-время в том космосе, в отличие от нашего, является неэвклидовым. Что его геометрия меняется от точки к точке, — сухо пояснила Джинни.

— А, да, мне говорили, что армейские исследователи пришли к такому же выводу... (Я увидел торжество, вспыхнувшее в глазах Джинни.) Черт, ловко вы меня поймали в ловушку! — И он опять продолжил непреклонным тоном: — О'кей. Вам придется понять, что мы не имеем права действовать вслепую и опрометчиво, когда преступление по трудно понятным причинам совершено неизвестными силами. Результаты могут оказаться катастрофическими. Я намерен доложить об этом самому директору Бюро. И я знаю, что директор тут же доложит обо всем самому президенту. И уверен, что президент прикажет нам не терять бдительности, но пока мы не будем знать больше — носа не высовывать...

— А как насчет Стива и меня?

— Насчет вас — так же. Запомните: если понадобится, с вами свяжутся.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может потребовать демон?

— Тот, кто наслал демона.

— Повторяю вам, займитесь иоаннитами!

— Займемся. Мы займемся всеми, кто попал в наше поле зрения. Пусть это и не очень разумно. Но нам на это понадобится время.

— А пока что Валерия находится в Аду!

— Если вам понадобится священник для очистки души, то помните, что в наших Бюро есть священнослужители практически всех вероисповеданий. Если хотите, я вызову сюда священника?

Джинни покачала головой:

— Спасибо, нет. Попросите их, чтобы они помолились за Вал. Вреда от этого не будет. Правда, сомневаюсь также, что это принесет пользу. Но уж конечно, никакой священник не может помочь Стиву и мне. Все, что мы хотим, — это получить возможность разыскать нашу дочь.

Мое сердце забилось. Оцепенение спало. Я встал.

Сверкающий Нож поднял руки:

— Мне, конечно, трудно допустить это... Я знаю, вы совершили в прошлом почти неправдоподобное. Но ставки сейчас слишком велики, чтобы доверить игру дилетантам. Если вам угодно меня возненавидеть — пожалуйста. Мне будет больно, но если это послужит вам хоть каким-нибудь утешением... Но я не позволю вам рисковать ни собственной жизнью, ни интересами общества. Вы останетесь здесь. Под стражей...

— Ты!.. — Я уже почти кинулся на него, но Джинни оттолкнула меня.

— Прекрати, Стив, — жестко сказала она. — Не создавай дополнительных трудностей. Мы сделаем вот что. Если это не помешает следствию, поедим через силу, выпьем сонного зелья и перестанем дергаться до тех пор, пока снова не научимся думать.

Сверкающий Нож улыбнулся:

— Спасибо. Я был уверен, что вы проявите благоразумие. Я пойду, потороплю людей на кухне, так что вы скоро сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Я весь трясся от ярости.

— Какого черта нужно было разыгрывать весь этот фарс? — разбушевался я. — Если он полагает, что мы будем сидеть и ждать, пока чиновники изволят промямлить свое разрешение...

— Тихо... — Она коснулась губами моего уха и зашептала:

— Думаешь, эта поганая стража будет для нас что-нибудь значить?

— О-хо-хо! — В первый раз за все время я рассмеялся. В изданных мной звуках не было веселья, и все же это было нечто вроде смеха...

22

Нельзя сказать, что мы оказались под строгим домашним арестом. Просто приставленный к нам хорошо воспитанный молодой человек обеспечивал нашу безопасность. И когда нужно было, помогал по хозяйству. Однако дал ясно понять, что, если мы попытаемся выйти из дома или передать кому-нибудь весточку, он будет считать, что мы замыслили заговор против Всеамериканской комиссии по торговле. Тогда, как ни печально, придется арестовать нас. Он сожалеет.

У парня была хорошая колдовская подготовка. Агент ФБР должен иметь ученую степень в какой-нибудь отрасли волшебства или магии, не считая точных наук, таких, как математика, например. Его начальство хотело быть уверенным, что мы не попытаемся выкинуть что-нибудь из ряда вон выходящее. Но Джинни ухитрилась и из него вытянуть нужную нам информацию. Не могу понять, как ей удалось это сделать. Не думаю, что она пустила в ход против него чары (я имею в виду колдовские чары). Ее чары относились скорее к другой области. И против них не мог устоять ни один нормальный мужчина. Она разговаривала, улыбалась, расцвечивала искрами остроумия какую-то мысль, а глаза в то же время излучали грусть.

И так постепенно подводила его к рассказам о его прошлых подвигах... А тем временем каждый угол дома вопил о том, что здесь нет Валерии.

Сославшись на утомление, мы наконец покинули гостиную. Действительно, мы очень устали и были крайне измучены.

— Он хорошо подготовлен в колдовстве, — шепнула моя любимая во мраке нашей спальни. — Но не в практической магии. Постараемся обвести его вокруг пальца. Возьми накидку.

Я понял ее намерения. Кончились часы неволи. Во мне забурлила холодная радость. Я содрал одежду и, натянув волчий костюм, надел ее поверх снова. Достал плащ-невидимку, без пользы валявшийся уже годы... Всего лишь, казалось бы, сувенир времен войны.

Джинни подошла и крепко ко мне прижалась.

— Любимый, будь осторожен! — Ее голос дрожал, и я ощутил, что губы Джинни соленые.

Она должна была остаться. Ей отводилась роль гасить возможные подозрения и действовать, если вдруг поступит требование выкупа. Джинни досталась более трудная часть задачи.

Я надел плащ. Закрывавший лицо капюшон пахнул плесенью. Маленькие пятнышки, где виднелось мое тело, показывали, что поработала моль. Нужно сначала просто-напросто сбежать из дома, а потом я надеялся так же вернуться обратно. Для серьезного дела плащ-невидимка уже не годится. Слишком много средств разработано в наши дни против него. Тут и детекторы, работающие на инфракрасных лучах, и банки с взрывающейся краской, если сделаешь неверный шаг, и так далее. Даже у нашего всегда дружелюбно относившегося к нам соседа, несомненно, установлены приборы, которые поднимут тревогу, если поблизости обнаружится изменение поля видимости.

Джинни вполголоса бормотала заклинания. Все необходимое она принесла в эту комнату еще днем, объяснив, что хочет как можно скорее и надежнее защитить нас от вражеского нашествия.

Следующий пункт нашего плана был тоже не прост. Сверхъестественные силы действуют, пока магнетизм Земли не очень велик. Как только возникает большой магнетизм, вот тут и появляется возможность воздействовать на эти силы и их изменения. Но сила магнитного поля Земли постоянна. Поэтому обычно поисковые магические приборы не предназначены для обнаружения малых количественных изменений. Джинни придумала хитрую штуку: слабое поле плаща-невидимки постепенно усиливалось по интенсивности вдвое. Теперь, по мере моего удаления от дома, интенсивность столь же постепенно будет снижаться вплоть до первоначального значения. Когда я вернусь, Джинни уничтожит всякие следы этой проделки.

В теории все было просто, а как на практике?.. Джинни выяснила, что в доме были, видимо, установлены приборы тревоги. Понадобилась вся ее сноровка, чтобы они не сработали.

Наше бедное старое ФБР! Оно понятия не имело, что имеет дело с Джинни. Никогда нельзя принимать в расчет лишь уровень образования и наличие оборудования. У нее, помимо этого, был талант!

Она подала сигнал, и я выскользнул в окно.

Ночной воздух был сырой, промозглый. На газоне, в колдовском сиянии уличных фонарей, блестела роса. Я услышал тихое рычание собаки. Вероятно, она почуяла запах моего плаща. Несомненно, весь наш участок находится под наблюдением... И мое колдовское зрение тут же обнаружило по ту сторону дороги прячущегося в тени фонаря Святого Эльма какого-то мужчину. Я старался идти как можно быстрее и тише посередине

мостовой. Так меньше вероятности, что меня засечет подлец-караульный или сработает сторожевое поле.

Пройдя несколько кварталов и оказавшись на безопасном расстоянии — возле местной школы, — я спрятал плащ-невидимку на помойке, неподалеку от спортивной площадки. Теперь можно было шагать открыто. Вот он, ничем не примечательный законопослушный обыватель, направляющийся куда-то по своим делам. Ночь близилась к концу, и следовало позаботиться, чтобы меня не узнал кто-нибудь из прохожих.

Из первой же телефонной будки я позвонил в дом Барни Стурласона. Он сказал, чтобы я шел к нему прямо сейчас. Такси я брать не стал, предпочел маршрутный ковер, ибо понимал, что, затерявшись в толпе пассажиров, легче остаться неузнанным.

Барни открыл дверь. Прихожая была освещена. Желтый свет падал на широкие плечи Барни.

Он тихо присвистнул:

— Да-да, тебе лучше побыть сегодня дома. Послушай, Стив, ты выглядишь так, будто наступил конец света. Что случилось?

— Твои домашние не должны нас слышать, — сказал я.

Он тут же развернулся на каблуках и провел меня в кабинет. Толкнув меня к обитому кожей креслу, Барни запер дверь, налил две здоровые порции шотландского виски и, наконец, сам сел напротив меня.

— Итак?

Я рассказал ему все. Никогда прежде на его лице не приходилось видеть мне такого страдания.

— Нет, нет... — шептал он.

Затем он встряхнулся, как медведь, готовящийся кинуться в драку, и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего одолжи мне метлу.

— Постой... Мне кажется, ты действуешь опрометчиво. Куда ты задумал отправиться?

— Я собираюсь лететь в Силоам и выяснить там все, что удастся.

— Я так и думал. — Барни зашевелился, кресло заскрипело под его весом. — Стив, это не шуточки. Проникнуть в кафедральный собор иоаннитов... Наверное, попытаться выбить признание у какого-нибудь священника... Нет. Ты только накличешь новые беды на ваши головы. И это тогда, когда Джинни нуждается в каждой крохе твоих сил. Пусть следствие ведет ФБР. Там работают профессионалы. Допустим, улики действительно существуют. Гоняясь за ними, ты их, скорее всего, попросту уничтожишь. Взгляни фактам в лицо, и ты придешь к тому же самому заключению... — Барни внимательно посмотрел

на меня. — Добавь к этому моральные соображения. Ты был не согласен, когда вчерашняя толпа пыталась настоять на своем праве устанавливать свои собственные законы. И теперь претендуешь на то, что у тебя самого есть такое право?

Я сделал маленький глоток. Виски приятно обожгло горло.

— У нас с Джинни было время все обдумать, — сказал я. — Мы знали, что ты будешь возражать. Но не мешай мне. Я им покажу, где раки зимуют. Пусть это звучит драматически, но разве может с нами случиться что-нибудь худшее? Добавь любое число к бесконечности, сколько угодно... — Мне пришлось остановиться, чтобы сделать еще глоток, — и ты получишь ту же самую бесконечность. Насчет того, что у ФБР больше возможностей?.. Мы не собираемся метаться, словно бык на арене, — лишь бы что-нибудь делать. Поверь, что мозги у нас тоже есть. Наверняка Бюро уже давным-давно имеет своих агентов среди иоаннитов, располагает досье на лидеров их церкви и так далее — в общем, у них есть все, что полагается в таких случаях. Но вспомни, как несколько лет назад проходило судебное разбирательство преступлений другой церкви. Помнишь аббревиатуру ХСУА? В обвинительном заключении, предъявленном церкви Генеральным прокурором, не нашлось ни единого веского доказательства. И это несмотря на то, что они открыто отрицали традиции и законы Америки.

— Иоанниты широко проповедуют свои взгляды, — сказал Барни. — Черт возьми, я и сам согласен с некоторыми их утверждениями! Наше общество сделалось слишком сытым, слишком любящим жизненные блага! Все заняты деланием долларов и погоней за наслаждениями. Все увлечены сексом, и ни у кого нет времени на любовь. Грубые, бессердечные люди не обращают никакого внимания на неимущих...

— Барни! — рявкнул я. — Ты пытаешься отвлечь меня, но это у тебя не пройдет. Либо ты поможешь мне сейчас же, либо я получу то, что нужно, но в другом месте...

Он вздохнул, нащупал трубку в кармане своего твидового жилета и принялся набивать ее.

— О'кей. Продолжай. Если мой друг не может найти защиты от незаконных, ведущих к гибели действий руководителей иоаннитов, разве это не доказательство, что иерархия этой церкви служит дьяволу? Или, может, они просто ничего не знают?

— Гностики хвастают, что обладают никому более не подвластными силами и знаниями. Каким-то образом они привлекают на свою сторону все больше людей. И все ближе подводят страну к социальным потрясениям, ведущим к... Ладно. Главное, вот что — кто еще, кроме них, может быть причастен к тому,

что случилось? Пусть даже ввязавшись в это дело непреднамеренно? — Я наклонился к нему. — Послушай, Барни. Сверкающий Нож признал, что торопиться с расследованием он не будет. А Вашингтон держит на привязи эту свору еще крепче, чем думает сам Нож. Нет сомнения, завтра он разошлет агентов расспросить иоаннитов. И как водится, ничего не узнает. Чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужно иметь очень веское доказательство. Особенно, если так много людей верят, что эта церковь несет им последнее Слово Божье. И если весь храм представляет собой сложный лабиринт, секрет которого знают лишь посвященные высоких степеней. Ну, а даже если кому-нибудь удастся произвести обыск, что он выяснит? Это не такая простая задача. Обычные тесты на наркоманию и тому подобное не применимы. Да будь я Верховный Агент Зефира, я бы сам пригласил фэбээровцев. Пусть смотрят, где им угодно. Всюду, где это допустимо с религиозной точки зрения. Что ему это стоит?

— А чего ты можешь добиться? — вопросом ответил Барни.

— Вероятно, ничего. Но я намерен действовать именно сейчас, а не через неделю. И ни законы, ни общественное мнение меня не остановят. У меня есть кое-какие особые способности, и есть опыт борьбы со злом. И еще, они меня не ждут. А чтобы закончить наш спор, скажу: если там и есть, что искать, то самый большой шанс найти — у меня.

Барни, нахмурясь, разглядывал меня.

— С другой стороны, я не собираюсь зверствовать, словно мнимый Агент особого назначения, супердетектив Ви-Ноль-Ноль, — сказал я. — Но несмотря на все объяснения Сверкающего Ножа, я честно не понимаю, как можно спровоцировать серьезное вторжение со стороны Нижнего Мира. Это вызвало бы вмешательство Всевышнего, а враг не пойдет на открытое столкновение. Как ты думаешь — что хуже, Барни, незаконное вторжение в чужие владения, может быть, даже осквернение святынь, или попавший в Ад ребенок?

Он с силой грохнул стакан на стол.

— Ты прав, — вырвалось у него, и вдруг он в удивлении захлопал глазами. — Кажется, я разбил дно у этого стакана...

— Закончили. Мне пора.

Мы встали вместе.

— Тебе нужно оружие? — предложил Барни.

Я покачал головой:

— Я не собираюсь впутываться в уголовщину. Против того, с кем мне придется столкнуться, оружие, вероятно, не поможет.

Мне показалось, незачем ему объяснять, что за пазухой у

меня спрятан охотничий нож, а уж когда я превращусь в волка то "оружия" у меня будет полная пасть.

— Ах, да, — сказал я, — давай договоримся. Я был у тебя. Без сомнения, это может быть запросто установлено. Но запомни, взяв у тебя метлу, я снова исчез неизвестно куда.

Он кивнул:

— Верю, что тебя ждет удача. Мое помело не такое быстрое, это не спортивная модель, зато летит почти бесшумно. Я отрегулировал его только вчера. — Он постоял мгновение, размышляя. Сквозь окна сочилась темнота. — Тем временем я тоже начну действовать. Вим Харди... Янис Вензель. Он работает в библиотеке... Гм, мы можем также привлечь к работе твоего доктора Акмана. А как насчет профессора Грисволда из университета?.. Я найду людей, способных держать язык за зубами. Тех, кто с радостью захочет помочь и будет готов нести любую ответственность. По крайней мере, мы соберем все незасекреченные данные, относящиеся к Нижнему Континууму. Может быть, добудем кое-что и из засекреченного. Мы сможем составить уравнения, выделим данные, предположительно относящиеся к нашей проблеме. Потом пропустим весь массив через вычислительную машину и отсеем неработоспособные идеи. Так, я приступаю к работе прямо сейчас...

Ну, что можно было сказать такому парню? Только "Спасибо!"

23

Похоже, это было вполне в духе церкви иоаннитов. Свой кафедральный собор (единственный на весь Верхний Средний Запад) они воздвигли ни в Чикаго, ни в Мулуоски или в каком-нибудь городе вообще, а в совершенно пустынном месте. Даже от нашего скромного городка его отделяло миль сто. Расположение собора символизировало отношение гностиков к этому миру, как ко злу, и олицетворяло идею спасения с помощью тайных ритуалов и оккультных знаний.

В отличие от петристской церкви, иоанниты сами не придут к вам. Они возводят лишь маленькие угрюмые часовни, размером едва ли больше тех будок, в которых обычно стоят караульные. Вы сами должны прийти к иоаннитам.

Вероятно, так много народу и тянется к ним в наши дни, что их религия вся состоит из загадок. Под одной маской обнаруживается другая, а внутри одного лабиринта — другой. Традиционные церкви создали простую и ясную теологию. Они четко определяют смысл своих мистерий (хотя тут нужно отметить, что мы смертные, а потому не можем постичь всех проявв-

лений Всевышнего). Но поскольку этот мир предложен нам Создателем, значит, он, в своей основе, добрый, хороший мир. Многие же беды происходят по вине человека, и значит, наш долг — стремиться к совершенствованию.

Но все это слишком прозаично и неинтересно. Иоанниты же аппелируют к мечтам и грезам людей, к тому ребенку, который сидит внутри человека. Они обещают, что, познав тайну, человек станет всемогущим. И часть этой тайны — отрицание общества.

Я относился к этому утверждению весьма скептически, но в то же время в глубине души считал, что в нем есть некая доля правды. Однако чем больше я размышлял, тем меньше мне казалось, что это утверждение хоть что-нибудь объясняет.

... У меня было время и желание подумать. Я летел в ночи, над головой сверкали звезды, внизу — почти такая же россыпь столь же далеких огней деревень и ферм. Вокруг свистел делавшийся все холоднее, ветер. Он насквозь пронизывал меня. Теперь я оценил, как мало знаю, как был ленив в учебе. И понимал, что не ленился лишь получать стипендию. Но с другой стороны, в голове началось какое-то прояснение. Факты, уже забытые мной, всплывали в памяти и складывались в единую картину. Я чувствовал, что вот-вот начну понимать больше. Я летел и мрачно вспоминал о том, что мне известно о церкви иоаннитов.

Был ли это просто идиотский культ, появившийся два-три поколения назад? Культ, взывавший к чему-то глубоко погребенному в душе человека? Или он действительно так древен, что, как утверждают иоанниты, основан самим Христом.

Другие церкви отрицали это. Само собой, католиков, ортодоксов и протестантов нельзя рассматривать, как единую общность петристов. Но многие, грубо говоря, их такой общностью, в общем-то, считали. Эти церкви одинаково интерпретировали слова, с которыми Иисус обращался к своим ученикам. Они все признавали особо важную роль Петра. Хотя, разумеется, между ними были разногласия (включая вопросы о старшинстве апостолов), но все они признавали двенадцать учеников Иисуса.

И еще... И еще... Эти странные слова в последней главе Евангелия от Иоанна:

"Петр же обратившись видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: "Господи! Кто предаст Тебя?"

Его увидев, Петр говорит Иисусу: "Господи! А он кто?"

Иисус говорит ему: "Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною".

И пронеслось это слово между братиями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: "Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?"

Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие, и знаем, что истинно свидетельство его".

Мне непонятны эти слова, но я также не уверен, что их понимают и ученые-библеисты (неважно, что они сами утверждают). Конечно, именно отсюда может возникнуть легенда, что наш Господь совершил что-то такое, что никто, кроме Иоанна, не знал. Совершил то, о чем неизвестно петристским церквям. Это деяние в конце концов станет известно людям и поведет человека к новому помыслу Божьему. Возможно, нынешний культ иоаннитов зародился только в текущем столетии. Но они трубят, что тайно существуют уже 2000 лет.

Это утверждение почти неизбежно ассоциируется с миром потустороннего. Гностицизм, меняя названия, существовал издавна. И всегда считался еретическим течением. В своей первоначальной форме (вернее — формах) он представлял собой попытку растворить христианство в мешанине тайных восточных культов, неоплатонизме и колдовстве. Предание возводит его возникновение к Симону-магу, упоминавшемуся в Восьмой главе Библии, воспоминания о котором приводят ортодоксов в неподдельный ужас.

Современный иоаннизм обрел сомнительную честь, воскресив это древнее религиозное течение и утверждая, что оно не было ошибкой, а, напротив, несет людям высшую истину, что, собственно, Симон-маг не извратитель Библии, а пророк.

Насколько вероятно, что все это правда? Может быть, действительно, мир стоит на пороге царства Любви? Не знаю. Откуда я могу знать? Но, поразмыслив, я все же пришел к выводу, что учение иоаннитов — ложь. Тот факт, что иоаннизм приобрел такое широкое распространение, я просто отнес на счет свойственной человеку тяги ко всему иррациональному.

Так же проста и община правдоискателей, исполняющая свои ритуалы и предающаяся различным размышлениям там, где им ничто не мешает! Община притягивает пилигриммов, которые нуждаются в крове, заботе и пище. В том же нуждаются и священники, псаломщики и другие. Храму (это более точно, чем "кафедральный собор", но иоанниты настаивают именно на таком названии) необходимы деньги. Как правило, поступают значительные пожертвования, которые оказываются в умелых руках. Зачастую вокруг первоначально уединенного храма вырастает целый город. Так возник и Силоам, куда я направлялся.

Все очень просто. Так почему же у меня возбуждают беспо-

койство сведения, известные любому читателю из ежедневной прессы? Может, я размышляю над этим просто потому, чтобы не думать о Валерии? Нет. Чтобы как можно лучше разобраться в том, что бесконечно запутано.

Что-то еще, что-то за этим кроется... Неужели мне это не кажется, неужели я начал понимать их? Но если и так, то что именно я начал понимать? Я подумал о нетерпимости иоаннитов. О бунтах и мятежах, вечно устраиваемых ими. Я вспомнил, как они откровенно признают, что их адепты повелевают силами, о которых и вообразить трудно.

Я вспомнил рассказы об отступниках, не продвинувшихся до высших ступеней... Что же такое страшное случилось с ними? Не свершалось ничего преступного, ничего противоречащего нормам морали — словом, ничего, что щекотало бы нервы. Просто со стороны казалось чем-то безобразным и плачевным. Что-то всего лишь подобное ненависти и потому не очень интересное для нас, посторонних.

Я думал о теологии гностиков. Вернее, той ее части, которую они не скрывали. Какая-то ужасная смесь апокалиптического откровения и логики.

Иоанниты отождествляли своего Леммурга с Гогом Ветхого Завета и с Сатаной.

Я подумал об Антихристе...

Но тут и остановился. Слишком мало, как уже говорил, я знал о таких вещах. Решил, что думать об этом бесполезно. Ибо Всемогущий и сам справится с ним в любом случае, какое бы обличие он ни принимал...

Где-то далеко, чуть ли не на другом краю прерии, замерцали огни. Я был рад, что полет близится к концу. А что дальше случится — неважно. Хватит с меня размышлений.

Силоам... Обычные улицы, дворы и дома. Под Главной аэролинией, возле границы города, написано:

"Население 5240 человек".

Другая вывеска возвещала, что члены клуба Львов встречаются по вечерам в ресторане "Котел кобальта".

В городе имелась пара маленьких предприятий, муниципалитет, начальная и средняя школы, пожарная часть, порядком запущенный парк, гостиница. И огромное количество заправочных станций, гораздо больше, чем необходимо.

В деловой части города находились универсальные магазины, два кафе, банк, клиника, аптека... Все, как обычно, в Америке.

Эта простота, казалось, подчеркивала, насколько странно

здесь все остальное. Хотя только близилась полночь, в городе было тихо, как в могиле. Улицы пустынны, никто не прогуливался, не шел, взявшись за руки, не было видно молодых пар. Кое-где мелькали редкие полицейские метлы. И лишь какой-то одинокий прохожий, закутанный в мантию с капюшоном на голове, медленно брел вдоль улицы.

Дома отгородились друг от друга и от остального мира закрытыми ставнями. Горожане спали. А где и не спали, там, похоже, не смотрели в хрустальный шар, не играли в карты, не пили вино и не занимались любовью. Скорее всего, они молились или штудировали свои книги в надежде достичь более высокой религиозной степени, чтобы овладеть большими знаниями и обеспечить спасение своей души.

В центре города стоял кафедральный собор. Он возвышался над окружающими его коробками вспомогательных строений. Возвышался над городом и равниной. Ничего странного или преступного в этой картине не было. Ровные, белые, как слоновая кость, стены поднимались все выше и выше, заканчиваясь огромным куполом. Издали окна походили на когти какого-то животного. Но затем я увидел еще два других мозаичных, каждое в полфасада, окна. Мрачными тонами на них были изображены тревожащие душу рисунки. На западном окне — священный символ буддистов. На восточном — Око Божье. На западной же стороне вздымалась одинокая башня. На фотографиях, которые я раньше видел, она не производила внушительного впечатления, но теперь было видно — башня едва не достигала звезд.

На стенах собора играли огни от тускло светившихся окон. Я услышал молитвенное песнопение. Откуда-то, словно из-под толщи льда, доносились мужские голоса. С ними переплетались голоса женщин. Мелодия была мне незнакома. А слова... Не существует на Земле такого языка.

— ...Хельфист аларита арбар ионитоне мелихо тарасунт ганадос тепрура маряда селисо...

Мелодия звучала так громко, что ее было слышно, наверное, и на окраинах города. И она была нескончаемой. Хор пел беспрерывно, сменяли друг друга священники, прислужники, псаломщики, пилигриммы. Любого певца или певицу из участников хора. Мне стало не по себе, как только я подумал, что дни и ночи напролет людям приходится слушать гимны. Если человек живет в Силоаме, пусть даже он не иоаннит, вероятно, его сознание скоро перестанет воспринимать это пение. Но разве не будут постоянно проникать эти звуки в его думы, сны, грезы? Наконец, в самую душу?

Я не мог объяснить, что чувствовал сейчас. Словами этого не

выразишь. Но с каждым ярдом ощущение делалось все сильнее. Ощущение враждебности... или, может быть, истины, которую я просто не способен воспринять?

Привратник оказался приятным на вид молодым человеком. Волосы как пакля и голубые глаза. Обычное в этих краях дружелюбие — именно таких американцев любил описывать Уолт Уитмен.

Я припарковал метлу (участок был огромен, но пуст и погружен во тьму), подошел к нему и спросил, можно ли войти. Мгновение он рассматривал меня, потом небрежно сказал:

— Вы не причастник, не так ли?

— Н-нет. — Я был несколько ошеломлен.

Ох захихикал:

— Да разве я знаю... Мне чего? Подождем, когда они закончат молиться Марии, а потом войдем.

— Извините, я...

— Все. Ладно, договорились. Веди себя тихо, никто ничего не заподозрит. В теории ведь ты все равно проклят. Сам-то я в это не верю. Знаешь, чего я думаю? Моя девушка — методистка. Священники тянут волынку, не разрешают мне жениться на ней. Но я все равно не поверю, что ей гореть в аду...

Тут он понял, что слишком распустил язык.

— А чего это ты явился так поздно? — спросил он. — Туристы обычно бывают у нас в дневное время.

Я понял, что он не принял обет, просто вольнонаемный. И не более фанатичен, чем обычный средний христианин. Короче говоря, принадлежит к тому самому пассивному большинству, какое есть в любой организации, в любой стране.

Я был готов к такому вопросу и ответил:

— Я приехал по делам. Получил указание посетить ваш город сегодня рано утром. Задержался и прилетел сюда только сейчас. Ваш хор так знаменит, что не хотелось бы упускать случая прослушать его.

— Спасибо. — Он протянул мне брошюру. — Правила знаешь? Входить и выходить через главный вход. Знаешь место в Языческом... э-э... Туристском пределе. Не шуметь, не фотографировать. Когда захочешь уйти, иди тихо тем же путем, которым пришел.

Я кивнул и пошел к двери. Мощеный двор, там — вспомогательные здания, выстроившиеся квадратом вдоль собора. Там, где здания соединялись впритык, между ними поднимались стены, оставляя лишь три прохода. Ворота в них были закрыты. Учрежденческие, жилые, складские здания выглядели одинаково. Точнее — однообразно. Кое-где виднелись фигуры неспешно идущих куда-то людей. Мужчин трудно было отли-

чить от женщин. И на тех, и на других — одинаковые рясы с затеняющими лица капюшонами.

Мне вспомнилось, что иоанниты никогда не были замешаны в любовных скандалах. И это при том, что они нормально, без ханжества относились к сексу. Ну, хорошо, допустим, это не касается их монахов и монахинь. Они посвященные.

Годами они умерщвляли плоть, дисциплинировали дух, занимали свой мозг тем, что их святые книги называли божественным откровением, а неверующие именовали претенциозной чепухой.

"Да провались оно все!.." — подумал я.

Мне необходимо сконцентрироваться и обдумать то, что я обязан сделать. Нет сомнения, что эти хитрые унылые фигуры в рясах, в случае нужды, будут действовать весьма энергично. Невозможно никуда деться от этого ощущения подавленности вблизи собора.

Мое волчье чутье начало отказывать. И хорошо, потому что эти обостренные чувства пугали чуть ли не до смерти. Кожа покрывалась едким потом, холодные капли струйкой сбегали по телу. Резкий запах бил в ноздри. Весь мир, заполненный безжалостной мелодией, окутался дымкой нереального.

Но Валерия в Аду...

Я остановился там, где смутный, колеблющийся свет был чуть ярче, и прочитал брошюрку. В ней вежливо приветствовали путешественников и излагали те же правила поведения, о которых мне поведал привратник. На задней обложке был начерчен поэтажный план главного здания. Других не приводилось. Было ясно, что на всех этажах, как северной, так и южной стороны, находится еще много других помещений. Есть они в башне и даже в куполе. Не секрет, что под собором располагались обширные подземелья. Там проводились обряды, во всяком случае некоторые из них.

Что я еще знаю? Ничего. Чем выше духовная степень, тем больше тайн святилища открывается этим посвященным. А в самые тайные из них вход открыт только адептам, и лишь они знают, что там происходит.

Я поднялся по ступенькам собора. Огромные двери были открыты. По обеим сторонам неподвижно стояли два здоровенных монаха, но глаза их обыскивающе скользнули по мне.

Длинный, с низко нависшим потолком, идеально чистый вестибюль был совершенно пуст, если не считать купели со Святой водой. Ни доски объявлений, ни приходских новостей, ни рисунков, что любят делать ученики воскресных школ. Посредине вестибюля стояли две монахини. Одна указала мне на коридор, ведущий налево. Другая показала мне взглядом на

коробку с надписью "Пожертвования" и смотрела мне вслед, пока я не опустил туда пару долларов.

В воздухе происходило что-то странное. Не только пение, запах ладана, пристальные взгляды, но что-то неосязаемое, какие-то неведомые силы, от которых напряглись мышцы моего тела, окружали меня.

Я вошел в боковой придел собора. Он был огражден канатами. Скамьи в несколько рядов. Очевидно, придел предназначался для посторонних. Я осмотрелся. Придел был огромен и производил потрясающее впечатление. Я сел и несколько минут потратил на то, чтобы постичь окружающее.

Но зрелище превышало всякое понимание. Геометрию голых белых стен, колонн, свода просто не с чем было соизмерить. Человек как бы оказывался в густом сумраке бесконечной пещеры. Все вокруг казалось нереальным, словно где-то за орбитой Луны, а редкие свечи мерцали, будто звезды. Пропорции, изгибы, пересечения — все создавало впечатление, что человек попал в неимеющий конец лабиринт.

Только что вдалеке виднелись фигуры служек, теперь они исчезли. А может быть, это были просто прихожане. Церковь иоаннитов намеренно унижала свою паству.

У алтаря стоял священник. Рядом — два прислужника. Их белые мантии говорили о том, что они посвященные. На расстоянии они казались совсем крохотными. Но священник почему-то маленьким не казался. У него была белая борода, на плечах черно-голубая ряса. Адепт. Он застыл, неподвижно раскинув руки...

Мне стало страшно, я боялся его. Он молился. А может?..

Кадила раскачивались, и я задыхался от дыма. Над головой хор все вел свою монотонную мелодию. Никогда в жизни я не чувствовал такого страха.

Отведя взгляд, я заставил себя внимательно оглядеть окружающее. Так, как будто передо мной вражеская крепость, в которую необходимо проникнуть. Что бы со мной сейчас ни происходило, нельзя ни на минуту забывать, что здесь могут скрываться виновники того, что произошло с моей девочкой.

При мысли о Валерии во мне вновь проснулась ярость и сделалась такой сильной, что вернулась смелость. Колдовское зрение помочь мне не могло. Здесь наверняка приняты были все меры против подобных штучек. Оставалось пользоваться обычным зрением. Глаза постепенно привыкали к полутьме. Все мои чувства, не только зрение, были напряжены до предела.

Место, отведенное для тех, кто не принадлежит к иоаннитам, находилось далеко от алтаря. В самом конце, на левой стороне придела. Справа от меня, до нафа, тянулись ряды скамей. Слева,

вдоль северной стены, оставался проход. Надо мной громоподобно ревел хор. Впереди, где обрывались ряды скамеек, висел, скрывая большую часть поперечного нафа, занавес, украшенный черными звездами.

Ничто не подсказывало мне, куда следовать дальше.

Мимо меня тихо прошел монах. Поверх рясы на нем был длинный стихирь, расшитый кабаллистическими знаками. На полдороге к нафу он остановился у плиты, на которой горели свечи, зажег еще одну и простерся на полу. Пролежав так несколько минут, он встал, отступил на семь шагов и обернулся ко мне.

Я видел одеяние, как у него, на фотографиях. Так одевались те, кто пел в хоре. Очевидно, его только что сменили, и он, вместо того чтобы тут же переодеться, предпочел сперва приобщиться к Божьей милости.

Монах миновал меня, и я направился за ним следом. Между стеной и скамьями оставалось свободное место. Нависший сверху балкон для хора отбрасывал такую густую тень, что я едва заметил, как монах проскользнул в дверь, открывшуюся в ближнем ко мне углу.

Идея блеснула словно молния. Я сел. Внешне совершенно спокойный, на деле же я был напряжен до предела. Оглядел из конца в конец базилику. Никто не обращал на меня внимания. Вероятно, священник и служки не видели меня. Тут все было спроектировано так, чтобы любопытные язычники мешали службе как можно меньше. Я слышал шаги монаха, но мои уши не уловили поворота ключа в замке. Значит, путь свободен.

А что дальше? Этого я не знал. Да и пока не особо меня это заботило. Если меня сразу сграбастают, то выругают и выкинут пинком под зад как бестолкового туриста. Но я попытаюсь найти какой-нибудь другой способ проникнуть внутрь. Если меня схватят, когда я достаточно глубоко проберусь в глубины собора, — что ж, это того стоит, я готов рискнуть.

Я подождал еще несколько секунд, ощущая каждую из них. Надо дать монаху достаточно времени, чтобы он убрался отсюда. И пока длились эти секунды, я опустился на колени и сгибался все ниже и ниже, до тех пор, пока меня совершенно не скрыла спинка скамейки. И наконец, встал на четвереньки. Пора!

Я поспешно пополз в залитый тенью угол. Поднявшись на ноги, оглянулся. Адепт стоял в прежней позе. Он походил на мрачное привидение. Прислужники производили какие-то сложные манипуляции со священными предметами. Хор пел. Кто-то бил себя кулаками в грудь, покидая собор через южный придел. Я подождал, пока он уйдет, и взялся за дверную ручку. Прикосновение к ней вызвало странное ощущение. Я очень

медленно стал поворачивать ее. Дверь заскрипела, но ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел цепочку тусклых голубых фонарей.

Я вошел и оказался в прихожей, за которой отделенное занавеской находилось помещение больших размеров. Пока всюду было пусто. Но такая удача не могла продолжаться долго.

Всего занавесок было три. За второй открывалась спиральная лестница, откуда доносились звуки гимна. За третьей тянулся коридор, большая часть которого была заставлена вешалками с висящими на них стихирями. Очевидно, иоаннит, получив наставление где-то в другом месте, должен был надеть здесь стихирь и затем уже подняться на возвышение, где пел хор. Кончив петь, он возвращался тем же путем. Если хор, как говорят, состоит из 601 певца, меняться хористы должны достаточно часто. Возможно, сейчас, ночью, когда хор состоит в основном из священников, более тренированных, чем энтузиасты-миряне, смены происходят не так часто. Но в любом случае мне лучше здесь не оставаться.

Костюм будет мне мешать, если я превращусь в волка. Может, снять его и оставить здесь? Но если меня случайно увидят босого, в плотно прилегающей к телу одежде — явно "коже для волка", — трудно будет поверить в мои добрые намерения.

Я вытащил из-за пояса ножны, достал нож и сунул его в карман куртки. И отправился в путь...

24

Коридор тянулся вдоль всего здания. В стенах его было множество дверей. В основном там, видимо, размещались обычные кабинеты и канцелярии. Что-нибудь в этом роде. Двери были закрыты, свет погашен. На матовом стекле виднелись надписи. Так, например: "Пост пропагандиста. Отдел 1/2". Что ж, похоже, отсюда брались под контроль обширные территории.

Проходя мимо одной из дверей, я услышал стук пишущей машинки. И поскольку привык слушать только бесконечное песнопение, то так испугался, словно услышал стук челюстей скелета.

Планы у меня были смутные. Скорее всего, Мармидон, священник, участвовавший в демонстрации у предприятий "Источника", получал указания из этого центра. Выполнив задание, он должен вернуться сюда, чтобы собратья очистили его от греха общения с язычниками. Сложные, тщательно разработанные заклинания, волшебство которых слишком дорого для обычного человека, очистят его быстрее, чем это может произойти естественным путем. В конце концов надо пока ориен-

тироваться на Мармидона. Если он здесь ни при чем, можно угрохать на поиски его в этом крольчатнике и дней десять. Причем без всякой пользы.

От коридора ответвлялись лестницы, ведущие вверх и вниз. Надписи на стенах указывали, куда они вели. Сюда, должно быть, являлось множество мирян и пришлого духовенства, у которых были какие-то дела в канцелярии и кабинетах собора. В незасекреченных отделах, конечно. Еще одна надпись. Кабинет Мармидона — номер 413. Он — посвященный Пятой степени, а этот ранг оценивается достаточно высоко. Еще две ступени, и он может стать кандидатом на Первую ступень, то есть на получение звания адепта. Поэтому я предположил, что он не простой священник, капеллан или миссионер, а, похоже, принадлежит к руководящей верхушке собора. Но тут мне пришло в голову, что я даже не знаю, в чем состоят его обычные обязанности.

Я шел теперь с удвоенной осторожностью. На площадке третьего этажа путь преградили стальные ворота. Они были заперты. Не удивительно, подумал я. Ведь я добрался туда, где обитает высшее духовенство. Однако ворота были не столь высоки, чтобы ловкий человек не смог перелезть через них.

Помещение, куда я попал, на первый взгляд ничем не отличалось от расположенных ниже. Но по коже пробежали мурашки — такое количество здесь было энергии сверхъестественного.

Четвертый этаж не походил на Мэдисон-авеню. Коридор здесь был облицован кирпичом, с бочкообразного свода свисали масляные лампы, имеющие форму чаши Святого Грааля. Метались огромные тени. От стен отражалось эхо песнопения. Стоял какой-то странный запах — кислоты, мускуса, дыма. Комнаты были здесь очень большие, двери, выполненные в виде стрельчатых арок, находились на значительном расстоянии друг от друга. На дверях были лишь таблички с именами, никаких номеров, но я решил, что порядок нумерации здесь такой же, как принят всюду.

Одна дверь на моем пути оказалась открытой. Оттуда лился неожиданно яркий свет. Я осторожно заглянул в комнату и увидел там бесчисленное множество книжных полок. Некоторые книги казались древними, но большинство были современными... Да, вон та, толстая, должно быть, "Руководство по алхимии и метафизике", а вот эта — "Энциклопедия таинственного", вот переплетенная подборка "Души"... Что ж, каждому ученому нужна своя библиотека. Но наверняка здесь проводятся очень странные исследования. Такое уж мое счастье, что кто-то продолжал работать поздно ночью.

Я рискнул посмотреть, кто там. Прижался к косяку. В комнате находился мужчина. Один. Он был громаден, выше Барни Стурласона. Но он был стар, очень стар. Ни волос, ни бороды у него не было. Лицо... такое лицо должно быть у мученика, у мумии Рамзеса. Старик был облачен в рясу адепта. На столе перед ним лежала книга, но он глядел в сторону. Неподвижны были глубоко посаженные его глаза, а руки медленно двигались по странице. Я понял, что он слеп. Книга, однако, была обычной, не со шрифтом Брайля.

Свет, вероятно, включался автоматически. А может, за полками работал еще кто-то. Я тихо скользнул мимо двери.

Кабинет Мармидона оказался всего несколькими ярдами дальше. На латунной дощечке под его именем и рангом было написано:

"ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМОЩНИК — ЗВОНАРЬ".

Ради всего святого, неужели этот недомерок в колокола звонит?

Дверь была заперта. Я мог бы вывинтить задвижку или шурупы, на которых держались дверные петли, для этого у меня есть нож. Но лучше подождать, пока рядом совсем никого не будет. А тем временем я, пожалуй, суну нос...

— Кто там?

Я мгновенно обернулся. В дверях своего кабинета стоял адепт. Он опирался на посох. Но его голос звучал так странно, что мне не верилось, зачем ему вообще нужно опираться. Меня охватила тревога. Я совсем забыл, каким могуществом обладают маги. А он — маг.

— Пришелец, ты кто? — припер меня к стене грохочущий бас адепта.

Я облизал пересохшие губы:

— Сэр... Ваше Просвященность...

Посох поднялся, указывая на меня. На нем был изображен главный символ иоаннитов — крюк, перекрещенный Т-образным крестом. Но это была не просто палка со знаком, это был волшебный жезл.

— От тебя веет падалью, — сказал Адепт. — Я слеп, но чувствую это. От тебя веет опасностью. Назови себя.

Я нащупал нож в кармане и коснулся фонарика превращения за пазухой. Эти предметы были для меня сейчас бесполезны. Но когда пальцы ощутили их, они сделались как бы талисманами. Во мне вновь проснулись воля и разум. Ударами пульса прозвучала мысль: "Мне везет больше, чем я мог рассчитывать. Он заговорил со мной. Я же сам хотел этим воспользоваться, если подвернется счастливый случай. Он — жуткий старик, но он

человек. Какие бы силы ни повиновались ему, пока я держу его в поле зрения".

Тем не менее пришлость пару раз откашляться, прежде чем он смог услышать от меня пару слов. Слова мои, как мне показалось, звучали скомканно и неуверенно:

— Я ... я прошу прощения у Его Просвященности, появившись так неожиданно. Не будете ли вы так любезны сказать мне, где сейчас находится посвященный Мармидон?

Адепт опустил свой посох. Это было его единственное движение. Мертвые глаза неподвижно уставились на меня. Лучше бы он действительно был зрячим.

— Какое у тебя к нему дело?

— Извините, Ваше Просвященность. Секретное и неотложное дело. Как сразу узнали Ваша Просвященность, я э-э... не совсем обычный посланец. Могу признаться, что собирался поговорить с посвященным Мармидоном в связи с э-э... трудностями, возникшими у компании "Источник Норн". Выяснилось, что это гораздо более важно, чем сперва казалось.

— Это я знаю. И знаю, конечно, точно, когда вернется Мармидон. Я вызывал... Узнавал. Достаточно. Это тот сдвинувшийся с места камень, который может вызвать лавину.

У меня возникло дикое ощущение, что эти слова предназначались не мне, а кому-то другому. И почему это дело заставило тревожиться и его тоже? Но я не осмелился потянуть время для раздумий.

— В таком случае Его Просвященность поймет, почему я так спешу и почему не могу нарушить клятву не разглашать никому порученное дело. Никому, даже Его Просвященности. Если он даст мне возможность узнать, где келья Мармидона...

— Провинившийся живет отдельно от братии. Он плохо выполнил свой пастырский долг и навлек на себя гнев Святоносного. На него наложена эпитимия. Пока над ним не совершат обряд очищения, можешь не искать его. — И неожиданно резко: — Ответствуй мне! Откуда ты явился? Чего добиваешься? Почему от тебя просто несет опасностью?

— Я... не знаю, — заикаясь, пробормотал я.

— Ты не освящен?

— Видите ли, Ваше Просвященность... если вы... если он, ну, возможно, тут имеет место недопонимание. Мое начальство приказало вступить в контакт с Мармидоном. У входа мне сказали, что я могу разыскать его здесь, и дали ключ от ворот.

В эту скромную фразу мне удалось вместить куда больше наглой лжи, чем я мог надеяться. Великолепное вранье! Он растерялся? Что делать дальше? Удивляться?

— Полагаю, что это, может быть, была их ошибка.

— Да. Низшему духовенству, естественно, ничего не сообщили...

Маг задумался.

— Если Его Просвященность скажет, куда мне идти и к кому обратиться, я больше не буду беспокоить его.

Он пришел к решению:

— Секретариат ночного аббатства, комната 107. Спроси посвященного Хезатоуба. Из тех, кто там сейчас находится, ни один не обладает достаточной информацией по делу Матучека. Проконсультируйся с ним.

ПО ДЕЛУ МАТУЧЕКА?..

Пролепетав слова благодарности, я едва ли не бегом удалился. И пока шел по лестнице, беспрерывно чувствовал между лопатками пристальный взгляд невидящих глаз. Прежде чем снова перелезть через ворота, я позволил себе на мгновение остановиться, чтобы опомниться.

Я знал, что не располагаю временем. Адепт, может, несколько дряхл и пока вряд ли особо обеспокоен моим появлением. Но если он решит выяснить? Тогда, возможно, он не ограничится телефонным звонком брату Хезатоубу. Если у меня действительно есть шанс что-то узнать, надо спешить.

Однако куда мне идти? На что я рассчитывал? Пора сознаться, что рискованная эта затея слишком уж отдает донкихотством. Может, пора смываться?

Ну, нет! Пока есть возможность, нужно попробовать атаковать самую большую ветряную мельницу. Мозг заработал. Нет сомнения, что верхние этажи и подвалы собора предназначены для священников самого высокого ранга. В старину приверженцы древних культов проводили главные обряды под землей. Пожалуй, лучше всего мне поискать Мармидона в подземельях собора.

Я ощутил, как на лице сама собой появилась судорожная улыбка. Ему вряд ли стали облегчать наказание. Вряд ли заклинаниями лишили запаха. Скорее всего, упрятали в подвал. Упрятали подальше, чтобы его трудно было отыскать даже с помощью обоняния.

С помощью *человеческого* обоняния!

Я поспешно начал спускаться вниз. Все шло как по маслу. Было уже далеко за полночь. Чародеи, должно быть, поглощены своими делами. За немногими, возможно, исключениями.

Я уже спустился двумя этажами ниже. Здесь, видимо, размещались склады и кладовые, где хранился различный дворецкий инвентарь. На одном из этажей я увидел монашку, драившую пол голыми руками. Что это? Обычная ее работа? Искуп-

ление вины? Самоуничтожение? Единственный человек, которого я здесь встретил. Но она меня не заметила.

На пути мне снова встретились запертые ворота, по другую сторону которых лестница делалась круче. Вокруг был уже не бетон, а грубо отесанный камень. Я углубился в самое основание собора. Стены были такими же холодными, до озноба, и влажными, как и сам воздух. Современного освещения здесь не было, оно осталось там, позади. Путь мой освещали только оплывшие свечи, торчащие из далеко отстоявших друг от друга железных подсвечников. Снизу тянул ветерок. В тусклом свете прыгали уродливые тени. Но наконец, я был избавлен от звуков мессы. А лестница все вела и вела вниз!

Но вот ступени кончились. Я ступил на пол пещеры, созданной самой природой. Редкие голубые огни выхватывали из колеблющегося мрака очертания сталактитов и сталагмитов. Они горели в ладонях обычно дезактивизированных Рук Славы. Руки Славы были укреплены над входами в туннели. Я знал, что высшие иерархи иоаннитов пустили в ход все свое влияние, чтобы получить разрешение полиции на эти приборы. Действительно ли они понадобились иоаннитам для проведения исследований? Из одного туннеля доносился шум бегущего под землей потока. Из другого сочился тусклый свет, несло ладаном, слышался чей-то дрожащий голос. Молитва, бдение, чародейство — или еще что-либо?

Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, что там происходит. Быстро скинул с себя одежду и обувь, спрятав все это в глубине скалы и заткнул нож за эластичную резинку трусов.

Направив на себя линзу, я трансформировался. При этом я постарался, конечно, не слишком поддаваться посторонним ощущениям и вбил в свою голову, для чего совершаю превращение. Инстинкты и мышцы зверя должны служить поставленной человеком цели.

Но я заметил, что превращение происходило очень трудно. Чтобы закончить его, мне понадобилось времени вдвое больше, чем обычно. Несомненно, влияли и антиколдовские заклинания. Вероятно, мне удалось бы стать волком, если бы не мои хромосомы. Или я оказался сильным волшебником?

Никакого сомнения. Я снова стал волком!

И без того слабый свет потускнел так, что только мешал мне. Волк не столь зависит от зрения, как человек. Уши, ноги, язык, каждая волосинка моего тела и прежде всего нос впитывали сейчас поток информации. Пещера перестала быть ямой, где я мог запросто оступиться. Любую пещеру теперь я постигал сразу.

И... да, это не ошибка. Из одного туннеля слабо потянуло

запахом тухлого мяса — отвратительным запахом. Я едва успел подавить в себе вой вышедшего на добычу волка. И затрусил к туннелю...

25

Проход был длинным, извилистым, пересеченным множеством других туннелей. Не веди меня мое обоняние, я бы скоро заблудился. Путь освещали испускавшие огонь Руки — и так над каждой выбитой в скале кельей. Но кельи встречались редко. Общеизвестно, что кандидат на Первую ступень посвящения должен в одиночестве провести здесь сутки, и лишь в отдельных случаях после этого на него снисходили благочестие и святость. Утверждали, что так душа вознаграждается за творимые без помех молитвы и размышления. Но мне как-то не верилось, что благие влияния проникают так же и в подсознание. От неких запахов, едва уловимых даже моим волчьим обонянием, шерсть на загривке становилась дыбом.

Через некоторое время они были заглушены другим запахом, след которого вел меня. Когда, наконец, я добрался до его источника, пришлось на время задержать дыхание. Так, не дыша, я и заглянул в келью.

Тусклое голубое свечение, льющееся от Рук над входом, давало света не больше, чем ночник в больничной палате. На соломенном тюфяке спал Мармидон. Чтобы было теплее, он укрылся рясой, столь же грязной, как и его кожа. Я разглядел еще жестяную банку с водой, сухарь, чашку, иоаннитскую Библию и свечу, чтобы можно было читать. Должно быть, он покидал келью только тогда, когда требовалось посетить расположенную дальше по туннелю каморку с люком. Но даже если он и не выходил из кельи, особенного различия не было. Ф-фу!

Отступив немного, я превратил себя в человека. В этом облике зловонные испарения действовали на меня уже не так сильно. Да и вновь обретенный разум человека взял верх над инстинктами зверя. Кстати, Мармидон, похоже, даже не замечал зловония.

Я вошел в его жилище. Опустившись на корточки, я потряс его за плечо. Свободной рукой вытащил нож.

— Вставай, ты!

Он забарахтался, проснулся и, увидев меня, застыл с разинутым ртом. Должно быть, я представлял собой весьма зловещее зрелище. На голое тело надето что-то черное и облегающее, а на лице нет и тени милосердия. Но и он, с ввалившимися глазами, выглядел в этом мертвенном свете тоже неважно. Он не успел закричать — я зажал ему рот ладонью.

Щетина на небритой физиономии скрипела. Тело посвященного колыхалось, как тесто.

— Тихо, — сказал я выразительно, — или я выпущу из тебя кишки. Он показал знаками, что согласен, и я отпустил его.

— М-м-мистер Матучек... — шептал он и, съежившись, все старался отползти от меня, пока не наткнулся на стену. Я кивнул:

— Пришел потолковать с тобой.

— Я... Как... О чем, во имя Господа?

— Верни мою дочь в целости и сохранности.

— Мармидон чертил в воздухе кресты и другие знаки.

— Вы сошли с ума? — Он нашел в себе силы внимательно посмотреть на меня и сам ответил на свой вопрос: — Нет. Я могу сказать это твердо...

— Я не одержим демоном! — прорычал я. — И не сумасшедший. Говори!

— Нн-но мне нечего сказать. Ваша дочь? Я и не знал, что у вас есть дочь!

Мир закружился. Я попятился назад. Он не лгал. Он не мог лгать в таком состоянии.

— А?.. — только и мог сказать я.

Он немного успокоился, пошарил вокруг в поисках очков. Нащупав, нацепил их и, опустившись на тюфяк, вновь взглянул на меня.

— Это святая правда, — сказал он настойчиво. — Почему у меня должны оказаться сведения о вашей семье? Почему кто-то из вашей семьи должен оказаться здесь?

— Потому, что вы сделались моими врагами. — Во мне опять бушевала ярость.

Он покачал головой:

— Мы никогда не враждуем с человеком. Как мы можем сделаться его врагами? Мы используем Евангелие Любви.

Я фыркнул. Он отвел глаза.

— Что ж... — Голос его дрогнул. — Все мы — сыны Адама. Я тоже, как и любой другой, могу впасть в грех. Признаюсь, что тогда меня охватил гнев... когда вы... выкинули этот фокус... когда хитростью заставили нас... заставили те невинные души...

Я замахнулся ножом. Лезвие сверкнуло.

— Прекрати болтать чепуху, Мармидон! Единственная невинная душа во всем этом подлом деле — трехлетняя девочка. Ее похитили. Она в Аду!

Его рот широко открылся, глаза выпучились, как у лягушки.

— Говори! — приказал я.

Какое-то время он не мог выдавить из себя ни слова. А потом, в совершеннейшем ужасе, произнес:

— Нет! Невозможно! Я бы никогда... никогда!!!

— А как насчет твоих дружков-священников? Который из них?

— Никто! Клянусь. Этого не может быть...

Я кольнул его острием ножа в глотку. Он содрогнулся:

— Пожалуйста, разрешите мне узнать, что случилось. Разрешите мне попробовать помочь вам.

Я убрал нож. Пошатываясь, сделал пару шагов, сел, хмурясь, потер лоб. Все это расходилось с тем, что я раньше думал.

— Послушайте, — начал я обвиняющим голосом, — сначала вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить меня средств к существованию. А теперь когда вся моя жизнь пошла под откос, что я должен думать? Если вы не виновны, вам лучше предоставить мне самые убедительные доказательства...

Посвященный сглотнул слюну:

— Я... Да, конечно. У меня не было намерения причинять какой-либо вред. То, что вы сделали... делаете... это грех. Не обрекайте себя на вечное проклятие. И не толкайте других на такой же путь греха. Церковь не может оставить это без внимания. Ее служители... большинство из них... помогут вам во всем, что только от них зависит.

— Кончайте проповедь! — приказал я. Помимо всего прочего, я не хотел, чтобы разгоравшийся в нем пыл пересилил его страх передо мной. — Придерживайтесь фактов. Вы были посланы натравливать на нас ту банду. Вы их подстрекали!

— Нет... Хорошо... Я вхожу в состав добровольцев. Когда происходили те события, мне разрешили принять в них участие. Но не для того, чтобы... чтобы сделать то, о чем вы говорите... Нет... Чтобы оказать помощь, помощь советом, осуществлять духовное руководство... ну, и обеспечить защиту против возможного с вашей стороны колдовства... Ничего более! Вы же сами напали на нас.

— Конечно, конечно. Это мы начали пикетирование, а когда оно не сработало, силой вторглись на чужую территорию, учинили акты вандализма, терроризма... Ха-ха! И действовали вы исключительно в качестве частного лица. Правда, когда вы потерпели неудачу, то нашли поддержку и утешение у своего руководства. И уже вернулись к исполнению своих обычных обязанностей.

— На меня наложена эпитимия за то, что я согрешил гневом, — заявил он.

Легкая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Ну вот, теперь мы добрались до главного.

— Вас поместили сюда не просто потому, что вы рассердились на нас. Что вы сделали на самом деле?

Его снова охватил ужас. Он воздел бессильные руки.

— Пожалуйста... Я не могу... Нет!

Я поднес нож к его лицу.

Мармидон нахмурился и быстро сказал:

— Разгневался на вашу жестокость, упрямство.. я наложил на вас всех проклятье. Проклятье Мабона. Просвященные отцы... Не знаю, как они узнали о том, что я сделал... Но адепты наделены даром... Когда я вернулся сюда, с меня взыскали за этот грех. Мне сказали, что последствия могут оказаться гибельными. Ничего больше я не знаю. Пока я здесь, мне никто ничего не говорил. Никто не приходил сюда... Что, действительно были какие-то последствия?

— Как сказать... Что это за проклятье?

— Это не заклинание. Вы ведь понимаете между ними разницу, не так ли? Заклинания, используя законы волшебства, приводят в действие сверхъестественные силы. Или призывают нечеловеческие существа. Это, мистер Матучек, примерно то же самое, что нажать спусковой крючок или свистнуть собаку. Похоже на использование любого инструмента. Молитва — другое. Это мольба, обращенная к Всевышнему. Проклятье — не что иное, как формула, в которой содержится просьба... ну, наказать кого-то. Сам Всевышний либо его ангелы выполняют просьбу, если увидят, что человек должен быть наказан. Лишь им дано судить...

— Повторите его.

— Абсит омен! Это опасно!

— Вы только что утверждали, что само по себе оно безвредно...

— Разве вы не знаете? Молитвы иоаннитов не то же самое, что молитвы петристов. Нас осеняет особая милость Божья. Его особый помысел. Мы обладаем особым знанием, мы — возлюбленные его дети. Наши молитвы могущественны сами по себе. Я не могу предсказать, что случится, если произнесу эти слова... Пусть даже у меня нет никаких намерений, но в подобных условиях... Когда нельзя проконтролировать...

"Очень может быть..." — подумал я.

Сущность гностицизма в давние времена состояла в поиске сил и власти с помощью древних знаний. В овладении мощью, превышающей мощь самого Бога. Несомненно, Мармидон будет искренне отрицать, что его церковь возродила эту идею. Но он еще не получил статуса адепта. Сами конечные тайны от него скрыты. И я подумал, что непохоже, чтобы он был способен совершить преступление. Этот коротышка в душе был неплохим человеком.

Меня осенило. Еще полсекунды я обдумывал эту мысль. А

если логически продолжить ее... Предположим, что основоположники современного гностицизма сделали какое-то открытие, вооружившее их неизвестной до сих пор мощью. Результаты убедили, что они оказывают воздействие непосредственно на самого Бога. Предположим далее, что они ошиблись... Были введены в заблуждение... Потому что, пропади оно пропадом, идея, что смертные могут хоть как-то влиять на Всемогущего, не имеет никакого смысла. Какой вывод следует из этих предположений? Вне зависимости, знают ли они об этом или нет, благословения и проклятия иоаннитов являются в действительности не молитвами, а особо искусным, имеющим чрезвычайную силу, колдовством.

— Я могу ознакомить вас с текстом. — Мармидон весь дрожал. — Вы можете прочесть его. Он не относится к числу запретных.

— Ладно, — согласился я.

Он зажег свечу и раскрыл книгу. Мне приходилось издали видеть иоаннитскую Библию, но никогда не выпадало случая полистать ее. Иоанниты заменяли Ветхий Завет чем-то таким, что даже неверующие, вроде меня, сочли бы богохульством. Обычно приводимый текст Нового Завета сопровождался множеством апокрифов, добавлялись другие произведения, источник которых не мог определить ни один ученый.

Трясущийся палец Мармидона коснулся отрывка в последнем разделе. Я сощурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт. Текст на греческом шел параллельно с переводом на английский. Отдельной строчкой шли пояснения смысла слов вроде тех, что были в распеваемом наверху гимне.

"Свят, свят, свят. Во имя семи громов. О, Мабон, праведный, безмерно Великий ангел Духа Святого, надзирающий над изливающими гнев и хранящими тайну бездонной бездны, приди ко мне на помощь, излей горе на тех, кто причинил зло мне, чтобы могли и они познать раскаяние, и дабы не страдали больше слуги скрытой от очей человеческой истины и Царства, грядет которое. Словами этими призываю тебя, Гелифомар, Мабон Сарут Эннанус Сацинос.

Амен, амен, амен..."

Я закрыл книгу.

— Не думаю, чтобы такого рода заклинания чего-нибудь стоили, — медленно сказал я.

— О, можете повторить это вслух, — выпалил Мармидон. — Вы можете. И обычный церковный причастник может тоже. Но я — звонарь. Или, как вы называете, заклинатель. Не слишком высокого ранга. Не слишком искусный. Но и мне дарована определенная милость.

— Ах, так! — я с болью и ужасом начал понимать истину. — Ваша повседневная работа состоит в том, чтобы вызывать демонов и руководить ими...

— Не демонов. Нет, нет! По большей части, обычных существ сверхъестественного мира. Иногда — ангелов низшего разряда.

— Вы имеете в виду существо, сказавшее вам, что оно ангел?

— Но это и есть ангел!

— Неважно! Так вот что случилось! Вы говорите, что разгневались до безумия, прокляли нас. Прочли эту молитву темным силам. А я утверждаю, что вы, сознательно или нет, занимались колдовством. Поскольку детекторами ничего не зафиксировано, значит, этот род колдовства еще неизвестен науке. Это был призыв кому-то живущему за пределами нашей Вселенной. Что ж, вы, иоанниты, кажется, ухитрились наладить связь с иным миром. Вы верите — большинство из вас верит — что этот мир — Небеса. Я же утверждаю, что вас обманывают. На самом деле этот мир — Ад!

— Нет! — застонал он.

— У меня есть основания для этого утверждения. Вот куда попало мое дитя — в АД!

— А может быть, и нет?

— Демон отозвался на ваш зов. Случилось так, что из всех служащих "Источника Норн" лишь мой дом оказался незащищенным от нападения демона. Так что месть обрушилась на мою семью.

Мармидон расправил хилые плечи.

— Сэр, я не вправе отрицать, что вашего ребенка похитили. Но если девочку украли... в результате моих опрометчивых действий... вам не следует бояться.

— И это когда она находится в Аду? Предположим, мне вернут ее сию же минуту. Какой страшный след оставит в ней пребывание там?..

— Нет, честное слово, не бойтесь. — Мармидон похлопал меня по руке, как раз по побелевшим суставам, обхватившим рукоятку ножа. — Если она сейчас находится в Нижнем Континууме, действия ее по возвращению сопряжены с временем. Вы понимаете, что я имею в виду? Сам я не очень-то хорошо разбираюсь в таких вещах, но адепты глубоко проникли в их суть. И некоторую часть своих знаний они передают посвященным, начиная с Пятой степени и выше. Математическая сторона осталась за пределами моего понимания. Но как я припоминаю, адская Вселенная отличается особой сложной геометрией пространства и времени. Будет не особо трудно вернуть вашу дочь в ту же секунду, из которой ее похитили. Точно так же, как и в любой другой момент времени.

Нож вывалился из моей ладони. В моей голове гудели колокола.

— Это правда?

— Да. Церковный обет не позволяет сказать мне большего.

Я закрыл лицо руками. Слезы бежали у меня между пальцами.

— Я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в том, что поддался гневу.

Подняв глаза, я увидел, что он тоже плачет.

Через некоторое время мы нашли в себе силы приступить к делу.

— Разумеется, мне не следует вводить вас в заблуждение, — объявил он. — Если я сказал, что можно одинаково легко войти в любую точку времени, это не значит, что нет трудностей. На самом деле существуют такие трудности, что преодолеть их могут лишь наши верховные адепты. Никто из ныне живущих геометров, пусть даже гений, не сможет самостоятельно отыскать там дорогу. К счастью, однако, этот вопрос перед нами не стоит. Я просто хотел, чтобы, успокоившись, вы все же увидели, как обстоят дела. Допустим, ваша дочь была действительно похищена в результате моего проклятья. Тогда понятна немилость, проявленная ко мне моим руководством. Но если даже это так, то она находится под защитой ангелов.

— Докажите, — потребовал я.

— Попытаюсь. Я снова нарушаю все правила, если учесть, что на меня наложили эпитимию, а вы — неверующий. Однако я могу попробовать воззвать к ангелу. — Мармидон застенчиво улыбнулся. — Кто знает, если вы отречетесь от своих заблуждений, возможно, девочка будет возвращена немедленно. Обращение в истинную веру человека, обладающего вашими способностями и энергией, — это было бы чудесно. Возможно, все, что случилось, соответствует цели Божьей.

Мне не очень-то понравилась идея с этим "зовом". Если честно, у меня озноб побежал по коже. Мармидон может сколько угодно думать, что явившееся к нему существо — небесного происхождения. Я же так не считаю. Но, вступив на этот путь, я готов встретиться лицом к лицу и с дьяволом.

— Приступим.

Он открыл Библию на новой странице. Текст был мне незнаком. Преклонив колени, Мармидон начал песнопение. Пронзительная, скачущая то вверх, то вниз мелодия била по нервам.

По туннелю порывами пронесся ветер. Огни не погасли, но темнота словно сгустилась. Делалось все темнее. Казалось, будто я умираю. И наконец, я оказался в пронизанной свистом тьме. Я был совершенно один. А вокруг — нескончаемая ночь. Вне-

запно появилось запомнившееся мне бесконечное отчаяние. Никогда прежде не было оно таким сильным — ни в предыдущие три раза, ни когда похитили Валерию, ни когда умерла моя мать. Поскольку кончилась для меня всякая надежда, постиг я тщетность всего сущего. Любовь, радость, честь значили меньше, чем горстка пепла... Их никогда не было. И во всем этом пустом мире существовал только я. Совершенно опустошенный я...

Где-то в неизмеримой дали вспыхнул свет. Он двинулся ко мне. Искра. Звезда. Солнце. Я увидел громадное, напоминающее маску, лицо. Заглянул в лишенные жизни глаза. И ударами зазвучал во мне мерный голос:

— Час настал. Вспомни ифрита, саламандру, инкуба. Ты действовал вопреки логике смертных, но твоя жизнь не оборвалась, Стивен. Вопреки моей воле и моим замыслам. Я предвижу, что в этом цикле развития мира среди моих злейших врагов окажешься ты. Предвижу опасность, которую ты будешь представлять моему новому великому замыслу. Я не желаю знать причины, по какой ты пытаешься уничтожить дело моих рук — по бездумному ли призыву одного дурака, или следуя поспешному повиновению другому. Но теперь ты имеешь возможность проникнуть в мою сокровенную твердыню. Страшись, Стивен. Сам я не могу и коснуться тебя, но у меня есть могущественные слуги, и я пошлю их навстречу тебе. Более могущественные, чем те, с которыми ты сталкивался прежде. Если ты и дальше будешь идти против меня, значит, ты пойдешь навстречу собственной гибели. Возвращайся домой. Покорно, как подобает сыну Адама, смирись со своей потерей. Породи других детей. Перестань вмешиваться в дела, касающиеся всего человечества. Занимайся исключительно своими собственными делами. Тогда тебя ожидает довольство, здоровье и богатство. И долго продлятся твои дни. Но все произойдет, если ты заключишь со мной мир. Если же нет — ты погибнешь, как погибнут и все те, кто поддерживает и любит тебя. Страшись меня!

Видение, голос, тьма — исчезли. Мокрый от пота, я смутно уставился на Мармидона. Мерцали свечи... Не знаю, как я устоял на ногах. Мармидон излучал довольство и потирал руки.

— Вот! Разве я не был прав? Вы удовлетворены? Разве он не великолепен? Будь я на вашем месте, я пал бы на колени, восхваляя Бога за милосердие.

Мне едва удалось понять его.

— Ч-ч-что? — выдавил я.

— Ангел! Ангел!

Я взял себя в руки. Ощущение, будто я выбрался из бешеного потока. И — пустота в сердце. Но разум по инерции продолжал работать. И, повинуясь ему, я с трудом проговорил:

— Возможно, мы по-разному видели одно и то же существо. Что видели вы?

— Увенчанную короной голову, сверкающие крылья. — Он чуть не пел. — Ваша дочь в безопасности. Она будет возвращена вам, когда вы окончательно раскаетесь. И поскольку пало на нее благословение в ее смертной жизни, она будет причислена к лику Святых истинной церкви...

"Что ж, — мелькнуло у меня в голове, — это, без сомнения, бывало уже не раз. Враг использует в своих целях людей, искренне верящих, что они служат Богу. Как там было у Яхонтана Эдварса, жившего в давние времена в Новой Англии? "Земля в Аду вымощена черепами некрещеных детей..." Кто на самом деле был тот Иегова, которому он поклонялся?"

— А что испытали вы? — спросил Мармидон.

Нужно ли сказать то, что открылось мне? Вероятно, нет. Что бы это дало хорошего?

И тут наше внимание привлекли новые звуки — шум приближающихся шагов и голоса.

— Что, если его здесь нет?

— Подождем два-три часа.

— В этой гробнице?

— Все в руках Божьих, брат...

Я окаменел. Шли двое, судя по шарканью их сандалий, монахи. Огромного роста и веса — так гудел у них под ногами камень. У встреченного мною наверху адепта, видимо, возникли подозрения. Или где-то зарегистрировали заклинание Мармидона и появление "ангела". А может, и то, и другое вместе. Если меня намерены схватить — я предупрежден. Но сейчас моя жизнь бесценна, ибо я должен вернуться домой со сведениями, которые помогут возвращению Валерии.

Я направил на себя фонарик. Превратившись, расслышал хныканье Мармидона. Хорошо, что мне некогда. Я был волк, и мои эмоции были эмоциями волка. Будь у меня время, я бы порвал ему глотку за то, что он сделал, но...

Серой молнией я выскочил из кельи. Густой сумрак помог мне. Монахи не замечали меня, пока я не оказался почти рядом с ними. Очень мясистые. У одного была палка, у другого — автоматический пистолет 45-го калибра. У этого второго я проскочил между ног. Он, не удержавшись, упал. Его приятель с треском опустил мне на спину свою дубину. На мгновение движения мои замедлились. Должно быть, сломано ребро... Хотя это снизило скорость, я устремился вперед. Раздался выстрел, и в

камень, что находился совсем рядом, ударила пуля. Если в обойме пистолета есть серебряные пули, для меня это означает смерть. Нужно бежать!

Я взлетел вверх по лестнице. Монахи остались где-то позади. Но тревога уже была поднята, мелодию гимна прорезал бой колоколов. Может, у моих преследователей с собой карманный шар-переговорник, созданный на предприятиях, принадлежащих "Источнику Норн"?

Я ворвался в прихожую первого этажа. Здесь должны быть и другие двери, но я не знал, где они находятся. Волк может развивать скорость, не меньшую той, с какой распространяются плохие новости. Я проскочил занавес, отделяющий ризницу, где пел хор, прежде чем из канцелярии успел выглянуть кто-либо работающий в ночную смену или появился какой-нибудь заспанный монах.

Церковь бурлила. От моего удара с треском распахнулась дверь в боковой придел. Песнопение продолжалось. По нафу, крича, бегали люди. Как раз в этот момент двое закрывали ведущую в вестибюль дверь. Бежать было некуда.

Послышался топот в коридоре. Иоанниты не знали, куда я делся. И конечно, были обескуражены внезапно поднятой непонятной тревогой. Тем не менее времени у меня было мало — лишь до той минуты, пока кто-нибудь не догадается заглянуть сюда.

И вдруг я понял, как нужно действовать. Не знаю причин этого недоступного волчьему мозгу озарения. Видимо, повинуясь инстинкту, я передней лапой щелкнул выключатель на моем фонарике. Голубые огни, горевшие в помещении, не мешали моему превращению в человека. Кинувшись обратно в ризницу, я схватил стихирь и натянул его через голову. Он оказался мне почти до пят. Ноги оставались голыми, но, может быть, этого никто не заметит...

Поднявшись за рекордное время на возвышение, где пел хор, я остановился в арке, чтобы оценить ситуацию. Мужчины и женщины были сгруппированы по голосам. У всех в руках были сборники гимнов. Несколько таких книжек лежало на столе. Вид отсюда вниз, на алтарь, и вверх, на купол, был потрясающий. Я не стал тратить зря мгновения. Выбрал себе группу, взял книжку и торжественно двинулся вперед.

Мне не удалось бы выйти сухим из воды, будь вокруг нормальная обстановка. Хористы были слишком возбуждены, их внимание было приковано к суматохе, которая происходила внизу. Мелодия неуверенно прыгала, постоянно сбиваясь. Я нашел себе место на краю группы баритонов, открыл сборник на той же странице, что и сосед.

— Хейноус халиат ароура мериден слисьон, — пел сосед.

Лучше будет, если я начну издавать такие же звуки. Но это не репетиция, которая проводилась обычно с мирянами. Я не мог даже правильно произнести большинство из этих слов и заботился только о том, чтобы не очень выпадать из ритма.

Сосед искоса взглянул на меня. Это был осанистый, дружелюбный на вид священник. Должно быть, подумал он, что, имея, такое странное устройство ротовой полости, мне не следовало бы становиться рядом. Я одарил его слабой улыбкой.

— Тхатис эталетам тетес абеска русар, — подчеркнуто интонируя, пропел сосед.

Я ухватился за первую же попавшуюся мелодию, имеющую сходство с той, что напевал сосед. Уставившись в книжку, я как можно неразборчиво начал:

"А перед смертью моряк мне сказал:
Не знаю, может быть, ублюдок мне..."

В общем контрапункте это сошло, не упоминая уже о гамме внизу. Сосед отвел взгляд.

Так и продолжаем петь: от — гимн, я — "Большое красное колесо".

Полагаю, что за этот час мне должны проститься многие грехи. Буду петь час, решил я. Как раз не вызывающее подозрение время, которое может провести здесь певец-мирянин. А тем временем — ушки на макушке и взгляд украдкой — я пристально следил, как продвигается охота за мной.

Обширные размеры и запутанная планировка кафедрального собора здорово сыграли мне на руку. Я мог находиться, где угодно. Разумеется, при поисках было пущено в ход колдовство. Но у колдунов было мало зацепок, кроме того, что рассказал обо мне Мармидон. Я был под защитой чар лучшей из ведьм Гильдии — Джинни. Перед моим уходом она сделала все, что только от нее зависело. Выследить меня было не так просто даже для тех существ, которых могли позвать на помощь наиболее могущественные адепты.

Но долго я выжидать не мог. Если вскоре не выберусь отсюда, я погибну. Или со мной случится нечто худшее смерти. Но какой-то частью своего сознания я радовался. Опасность мобилизовала мои силы. Отчаяние, порожденное встречей с исчадием Ада, там, в подземелье, исчезло полностью. Главное, я жив и сделаю все, на что только способен. Я убью каждого, кто встанет между мною и моими любимыми!

Через некоторое время главный вход опять открыли. Хотя и под присмотром монахов. Я придумал план, как обвести их вокруг пальца.

Выбравшись из хора и сняв стихирь, я снова превратился в

волка. В северном коридоре снова стало пустынно. Повезло иоаннитам, которые могли бы мне там встретиться. Конечно, они выставили охрану у каждой двери... и после этого их страсть к охоте охладела. Поиски продолжались, но уже без шума: спокойно и методично, не дискредитируя религиозную атмосферу собора. Мне удалось не попасться на глаза поисковиков: ведь у меня был органы чувств волка. Я искал окно.

На нижних этажах либо в комнатах кто-то был, либо комнаты были заперты. Я поднялся на шестой этаж. Здесь веяло такой враждой, что я едва мог вытерпеть. Но зато я нашел то, что искал: выходящее наружу окно в коридоре. Я прыгнул. Вероятно, мне помогло отчаяние. Разбившееся стекло оставило на моей шкуре глубокие раны. Но эта боль была ничто по сравнению с той болью, которую я ощутил, грохнувшись на бетонную площадку.

Однако я был волком, и повреждения оказались не смертельными. Калекой на всю жизнь я от них не останусь. Уцелевшее от меня кровавое месиво зашевелилось, вновь стало единым целым. Вокруг меня все было залито кровью, не подвергшейся регенерации. Я чувствовал слабость и головокружение. Ничего. Хорошее питание, и все будет в порядке.

В небе еще мерцали звезды. Видно было плохо. И конечно, привратники уже оповещены. Им известно многое, а может быть, и все. Руководители иоаннитов очень хотели как можно скорее покончить с этим хлопотным делом.

Зубами я содрал с себя остатки одежды. Оставил только фонарик — его хорошо скрывали складки шерсти вокруг шеи — и потрусил к воротам, через которые входил в собор.

— Здравствуй, песик! — приветствовал меня юный привратник. — Откуда ты взялся?

Я покорно стерпел ласку от его рук на своем загривке и смылся...

В окутанной тьмой деловой части Силоама я совершил новое преступление. Проник сквозь еще одно окно, на этот раз — в задней части бакалейного магазина. Позднее я обязательно компенсирую ущерб владельцу. "От неизвестного...". Я нашел несколько футов бифштексов и съел все сразу. Но главное — мне нужно было какое-то транспортное средство. Превратившись в человека, я обнаружил, что у меня нет ни одного цента. Более того, я абсолютно гол. Мне пришлось позвонить Барни.

— Прилетай и забери меня, — сказал я. — Буду, обернувшись волком, ждать тебя где-нибудь в одном из этих мест... — Я назвал ему примерно с полдюжины, на тот случай, если охота за мной не ограничится стенами собора.

— Что случилось с моей метлой? — тревожно спросил Барни.

— Оставил ее на месте парковки. Сможешь завтра заявить свои права на нее.

— Сгораю от нетерпения услышать от тебя о твоих похождениях...

— Могу сказать тебе одно: ну и ночка была!..

26

Примчавшись домой, я подробно отчитался перед Джинни. Я лежал как бревно от усталости. Она прижалась ко мне и настойчивым шепотом требовала, чтобы я рассказал ей все немедленно. Ее вопросы вытянули из меня все до последней детальки, даже то, что, казалось, пролетело мимо сознания, на что я и не обращал внимания.

Уже взошло солнце, когда Джинни приготовила мне завтрак и позволила отдохнуть. Я сразу уснул и проспал целые сутки. Иногда просыпался, ел, сонно озираясь, и засыпал снова.

Джинни объяснила нашему фэбээровцу, что мое состояние вызвано нервным истощением. И это не было такой уж неправдой. Заодно она убедила и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож находился в Вашингтоне), что, если они хотят сохранить происшедшее в тайне, им не следует держать нас под замком. Кое-что узнали соседи, и уже поползли слухи. Конечно, слухи можно было быстро пресечь, но до наших друзей и деловых партнеров они все равно дойдут. И если наши знакомые встревожатся, их ворожба может принести кучу неприятностей.

В итоге нам разрешили принимать гостей. И когда в дом залетела соседка Делакорт одолжить четверть пинты серы, мы представили фэбээровца как кузина Луи и мельком упомянули, что пока ищут проникших к нам грабителей, мы отослали Вал из города. То ночное происшествие оказалось почти незамеченным, лишь ежедневная газета поместила на одной из внутренних страниц невнятную заметку.

Как бы то ни было, мне снова позволили работать, а Джинни — выходить за покупками. Нам назвали номер, по которому мы могли позвонить, если потребуется. Но ничего, конечно, не сказали о тех, кто тенью следовал за нами по пятам. "Хвосты" были подготовлены отлично. Если бы ни некоторые наши ухищрения, мы бы их вообще не заметили.

Итак, на третий день утром я явился в "Источник". Барни Стурласон подыскал мне пока работу "не бей лежачего". И я в своем кабинете расхаживал, курил, пускал кольца (мой язык уже напоминал высушенный кожаный ремень) и пил кофе, пока он,

булькая, не полился у меня из ушей. Так я проводил время, ожидая назначенную после обеда встречу. Я знал, что эта встреча действительно может многое решить. Когда по интеркому известили, что совещание начинается, я совсем потерял голову. С трудом вспомнил, что мне тоже надо туда идти... и встретиться с теми, кто решает нашу судьбу.

Комната, где должно было состояться совещание, находилась наверху. Она была заколдована как против промышленного шпионажа, так и против надзора властей. Во главе стола громоздилась туша Барни. Воротник расстегнут, сигара дымится. Собрались одиннадцать человек, это в какой-то степени гарантировало, что среди нас не затаился Иуда...

Кроме Барни, я знал троих — Грисволда, Харди, Яниса Вензеля. И немножечко еще одного — доктора Нобу, метафизика, с которым мы иногда консультировались. Остальные были мне незнакомы. Один, Хью Чарльз, оказался адмиралом в отставке, специалистом по разведке. Другой — математик Фалькенберг. Третий — пастор из церкви, прихожанином которой был Барни.

Все они выглядели усталыми. Им пришлось потрудиться, как галерным рабам. Работу они закончили буквально минуту назад. Правда, у последних двоих вид был свежий. Абсолютно ничего примечательного не было, если не считать наличие у одного из них небольшого чемоданчика, стоящего на полу.

Прежде чем представить нас друг другу, Барни сделал несколько пассов и произнес заклинание.

— О'кей. — сказал он. — Поле секретности опять на полной мощности. Заходи и присоединяйся к шабашу. — Он улыбнулся мне. — Стив, разреши познакомить тебя с мистером Смитом и мистером Брауном. Они — представители компании, деловые предложения которой сегодня ставятся на наше обсуждение.

Фигуры и лица Смита и Брауна сначала заколебались, расплылись у меня перед глазами, а потом сделались четкими. Наваждение кончилось. В падающем из окна свете волосы Джинни отливали медью. Доктор Акман открыл свой чемоданчик, и из него выскочил Свертальф. Уже выздоровевший, большой, черный и, как всегда, самонадеянный. Потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Мыр-р-р, — сказал он ворчливо.

Пастору захотелось приласкать его, и он протянул руку. Я не успел предостеречь его. К счастью, у Акмана вошло в привычку брать с собой аптечку.

Свертальф уселся рядом с Джинни и принялся умываться.

— Как вам удалось пробраться сюда? — спросил с профессиональным интересом адмирал.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Как вы знаете, Барни связался с доктором Акманом. Они назначили время, когда доктор должен был отменить прием больных. Он сходил в ветеринарную лабораторию и принес оттуда Свертальфа. Мой кот, когда нужно, умеет вести себя тихо, даже если лежит в чемодане. Мы уже убедились, что "хвоста" за доктором не было.

Свертальф самодовольно дернул хвостом.

— Тем временем в город вышла я, — продолжала Джинни. — У Барни сегодня распродажа. Самая легкая вещь на свете — это затеряться в толпе. И кто может заметить, если я чуточку поколдую?

Изменив свою внешность, я встретилась с доктором Акманом и изменила внешность и ему.

Свертальф задумчиво уставился на доктора.

— Потом мы пришли сюда. — Джинни слегка улыбнулась. Барни точно знал время нашего прихода и понизил активность поля, чтобы наша маскировка не развеялась.

Джинни открыла сумочку, очень похожую на обычный конверт, вытащила косметичку и посмотрелась в зеркальце. Неяркая косметика, скромное платьице — в ней трудно было заподозрить ведьму высокого полета, если только не догадаться, что все это нарочитое.

— Перейдем к делу, — сказал Барни. — Мы медленно проинформировали собравшихся о том, что тебе удалось обнаружить, Стив. С чисто научной точки зрения твое открытие (с учетом того, что мы уже выяснили) имеет чрезвычайно важное значение. Можно сказать, что наша совместная работа имеет революционное значение. — Он сделал паузу. — Но это значит, что мы вмешиваемся в политику.

— Или в религию, — сказал Янис Вензель.

— Сомневаюсь, — сказал пастор Карлслунд, — есть ли в данном случае между ними какое-нибудь различие.

Пастор был высокого роста, светловолосый, с внешностью настоящего ученого.

— Если иоаннитская церковь действительно есть порождение дьявола... — Грисволд поморщился. — Мне очень бы не хотелось верить в это. Я не согласен с ее догматами. Но утверждение, будто это вероучение не просто ошибочно, а создано злом?! Это означало бы зайти слишком далеко. Вы уверены, мистер Матучек, что действительно встретились с Врагом?

— Во всяком случае, с одним из его наиболее высокопоставленных приближенных, — сказал я. — Или, если предпочитаете, с одним из наиболее низкопоставленных. То, что я увидел и

пережил в прошлых ситуациях, теперь полностью укладывается в целостную картину.

— Э-э... полагаю, вы испытывали тогда значительной силы стрессы. Галлюцинации могут быть очень реальными... если ожидаешь чего-то увидеть...

— Если иоанниты действуют в рамках закона, — оборвала его моя жена, — почему они затаились? Личность Стива уже ими установлена. У них было достаточно времени, чтобы связаться с ним или подать властям жалобу. Но как будто ничего не случилось. Служащий Барни, посланный забрать метлу, взял ее там, где она была оставлена. И никто не задавал ему никаких вопросов. Утверждаю, что они не могут пойти на риск судебного разбирательства...

— Может быть, они пытаются вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы вернуть вашу дочь? — наивно спросил Харди.

Адмирал Чарл фыркнул:

— Как же! Не сомневаюсь, что Врагу хочется, чтобы ничего из случившегося вообще не было. Но как это сделать? Вы говорите, мистер Матучек, что он может вернуть вашу дочь, сведя к нулю ее время пребывания в Аду? Это поразительно. Но как бы то ни было, не могу представить, что он может изменить прошлое. Время, прожитое без нее, уже прошло...

— Если мы будем вести себя тихо, это может помочь ее освобождению, — сказал Харди. — Молчание будет расценено, как выкуп.

— Какой человек согласится вступать в такого рода сделку? — поинтересовался адмирал.

— Во всяком случае никакие соглашения с Нижним миром невозможны, — сказал Карлслунд. — Соглашение подразумевает согласие и намерение поддерживать достигнутую договоренность. Будучи сам нечестным, дьявол не способен поверить, что человек не попытается, в свою очередь, обмануть его.

— Итак, — сказал Чарлз, — освободив Валерию, он ничего не выигрывает, зато теряет ценного заложника.

— Он уже добивался успехов, разобщив силы добра, — с горечью сказал Акман. — У меня создается впечатление, что ваша встреча — на самом деле заговор и акт неповиновения правительству. Умно ли мы поступаем?

— Как я понимаю, вы считаете, что нам нужно открыться Дяде Сэму и решение полностью передоверить ему? — Моя усмешка была рождена болью.

— Сравните, какие возможности у нас и у властей, — сказал Акман. — Правильно ли мы поступаем, скрывая собранные нами сведения? От них зависят благо и жизнь всего общества.

— Разрешите, я отвечу на этот вопрос, — сказал Барни. — У меня имеются связи в Вашингтоне, и... адмирал Чарлз, у которого таких связей еще больше, подтвердил мое предположение, как будут развиваться события. Исходным моментом является следующее: официальный акт похищения скрывается. Глава нашего местного ФБР — человек умный. Он сразу понял, какая будет проводиться политика, и начал действовать в соответствии с ожидаемыми директивами. Причины такой политики сложны и запутаны, но основными являются два пункта. Первый — об адской Вселенной почти ничего не известно. Это один из немногих... может быть, единственный случай прямого физического нападения, произведенного миром демонов. Не вмешательство, а нападение. Никто не знает наверняка, что оно предвещает. При таких обстоятельствах необходимо действовать осторожно. Государственный департамент доказывает, что истинная подоплека событий нам полностью неизвестна. Люди из Министерства Обороны утверждают, что нам не следует с ними связываться до получения большей информации и особенно сейчас, пока не увеличены расходы на военные нужды. Президент, кабинет министров, руководящие деятели конгресса единодушны в том, что не следует поднимать шума. Из этого следует, что информация не должна доводиться до сведения широкой публики, чтобы не вызвать общественного беспокойства.

Второй момент касается иоаннитской церкви. Эта проблема, может быть, носит менее угрожающий характер, и тем не менее она обязательно должна быть разрешена. США — демократическая страна. Многие избиратели либо являются истинными иоаннитами, либо полагают, что иоаннизм — просто вероучение. К тому или иному разряду относится значительное число людей, занимающих видное положение в обществе. Вспомните историю с расследованием, которое пытается провести Комитет конгресса. Сколько из-за этого было шума!

Инцидент, из-за которого мы собрались здесь, наводит на мысль, что правы те, кто утверждает, что церковь иоаннитов порождена Падшим в качестве средства восстановления всех и каждого против каждого. Последнее, чего желала в данной ситуации администрация, — еще раз тщательно рассмотреть все возможности, которые в конечном счете сводятся к двум: свержение правительства либо использование мер подавления. Соблюдение секретности позволяет сохранить пока мир и спокойствие. И выиграть время...

Барни остановился, чтобы разжечь потухшую сигарету. В комнате было очень тихо. Пластами плавал голубой дым, а воздух был тяжелым и несвежим. Джинни и я обменялись через

стол отчаянными взглядами. Вчера мне нужно было спуститься в подвал и заменить сгоревший предохранитель. Джинни пошла со мной, потому что в последнее время мы старались держаться вместе. На полке стояли некоторые вещи Валерии — она вышла из того возраста, когда они ей были нужны, но выбросить их мы не успели. Неиссякаемая бутылочка с молоком. Кольцо Суберборoса, самокормящая крылатая ложка, горшок с радугой вместо ручки...

Мы поднялись наверх, и по нашей просьбе предохранитель был заменен фэбээровцем.

Лежащие на столе кулаки Джинни были крепко стиснуты. Свертальф терся спиной об ее руку — медленно, плавно, не претендуя на ответное внимание.

— Все заключается в том, — сказал Барни, — что правительство сейчас не хочет переходить к активному действию. А может, и не только сейчас, но и вообще. Что касается нас, то наше право и обязанность — сделать все, что от нас зависит. Поймите, доктор, с чисто формальной точки зрения, мы не делаем ничего незаконного. Стив не был арестован. Он имел полное право покидать свой дом и возвращаться обратно. И если ему того хотелось — через окно и в плаще-невидимке. Ни перед кем не отчитываясь. Я имел полное право одолжить ему помело. Кафедральный собор открыт для посещения посторонней публики. Если Стив, в поисках необходимых ему сведений, проник в закрытую часть собора, то самое большое, что он допустил, — это гражданское правонарушение. Он виноват? Пусть руководители церкви преследуют его в судебном порядке. И не забывайте, что он может ответить обвинением в разбойном нападении. Для защиты собственности нельзя применять смертоносное оружие, а в него стреляли и его избивали дубинкой. Соответственно, поскольку никакого преступления Стивом совершено не было, нас нельзя считать соучастниками либо укрывателями. Никто из нас не замышляет ничего преступного, не участвует в заговоре. Заверяю вас, что скоро будет принят Закон о Национальной безопасности. И все остальное, что президент сочтет необходимым принять. Тогда нам трудно будет действовать так, как мы действуем сейчас. Но сейчас наши действия не ограничены никакими официальными запретами. И по Конституции судопроизводство "пост фактум" запрещено.

— Гм... — отозвался Акман.

— Что касается сокрытия важной для правительства информации, — продолжал Барни, — то пусть вас это не беспокоит. Ничего подобного мы не делаем. Сейчас тщательно анализируя собранную информацию, мы, как честные граждане, не хотим, чтобы нас обвинили в том, что какому-то аспекту не

уделено нужного внимания. И мы позаботимся, чтобы поступившие к нам сведения попали по нужному адресу.

— Нужно ли так торопиться? — возразил Акман. — Если девочка может быть возвращена в то же мгновение, когда исчезла... не лучше ли для нее будет, если мы предоставим действовать правительству? Пусть оно действует медленно и осторожно, но разве это не лучше, чем вообще ничего не добиться? Мы, плохо подготовленные, не имеющие нужного оборудования и снаряжения, можем только все испортить.

Лицо адмирала Чарлза потемнело.

— Честно говоря, — сказал он, — не думаю, чтобы власти пожелали действовать, если не произойдет никаких дальнейших инцидентов. Когда в недружелюбно относящихся к нам странах сажают, грабят и убивают в тюрьмах (в том числе и официальных лиц), правительство и то ограничивается протестами. С чего вы взяли, что оно пойдет на смертельный риск, чтобы выручить из Ада маленькую девочку? Сожалею, мистер Матучек, но дела обстоят именно так.

— Как бы то ни было, — взглянув на Джинни, торопливо сказал Фалькенберг (выражение лица моей жены было ужасно), — насколько я понимаю ситуацию, наши враги сейчас в растерянности. Действия мистера Матучека оказались для них неожиданностью. Очевидно, Враг не может сейчас оказать им прямой помощи, не может помочь советом или даже сообщить что-либо. Или считает такого рода помощь неблагоразумной, поскольку это может спровоцировать вмешательство Всевышнего. Несомненно, иоанниты способны творить чудеса. Но они не всезнающи и не всемогущи. Они не могут знать точно, что именно нам удалось сделать и что мы намерены предпринять. Но дайте время, и их растерянность кончится, защитные меры будут усилены, и, вероятно, будут приняты какие-то ответные действия.

— Что бы мы ни решили, — сказала Джинни, — а Стив и я не будем сидеть сложа руки...

— Нет, будь все проклято! — вырвалось у меня.

Свертальф прижал уши, зашипел, сверкнув клыками, и шерсть на нем встала дыбом.

— Видите? — сказал Барни собравшимся. — Я этих двоих знаю. Их невозможно остановить, разве только бросить в тюрьму. Но я не уверен, что существует тюрьма, из которой они не смогли бы выбраться. Наверное, помешать им можно, только убив их. Допустим ли мы, чтобы такое случилось, или поможем им, пока это еще в наших силах?

Голоса сидящих вокруг стола сорвались на крик, руки взметнулись. Громче всех кричал Янис Вензель:

— У меня у самого есть дети, Вирджиния!

Взгляды их обратились на Акмана. Он покраснел.

— Я не собираюсь предавать вас. Просто все это было для меня слишком неожиданно. Я был обязан высказать то, что думал. Но я не верю, что подстрекая родителей Валерии к самоубийству, вы чего-нибудь добьетесь. Их смерть не принесет ей ничего хорошего.

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни.

— Разве я неправильно понял? Разве вы не намерены послать Стивена и Джинни... в адскую Вселенную?

Меня обдало потом. Я был готов ко всему. Я бесился, я сгорал от желания действовать. Но это было так неожиданно, как будто я оказался на краю бездны. Я взглянул на Джинни. Она кивнула.

Все — кто в большей, кто в меньшей степени — оцепенели от ужаса. Потом поднялся ропот, который движением руки погасил Барни. Я едва воспринимал окружающее. Наконец в комнате воцарилось молчание.

— Я должен извиниться перед собравшимися, — сказал Барни. Его голос звучал как колокол — размеренно и низко. — Задача, которую я поставил перед вами, заключалась главным образом в сборе и анализе всей доступной нам информации о Нижнем Континиуме с тем, чтобы выяснить пути спасения девочки. Вы великолепно справились с работой. Получив данные о том, что удалось обнаружить Стиву, вы сделали большой шаг вперед в своих исследованиях. Разработана концептуальная сторона, и, вероятно, мы близки к выработке методики. Но большой объем работы не позволил всем увидеть, что именно кроется за непосредственным выполнением задания. Вам трудно было представить, что это не просто исследование дальнего прицела, что на деле оно не ограничивается выдвижением гипотез. В конечном счете, исследование заключалось в поисках путей защиты против возможных нападений со стороны обитателей адской Вселенной. Сказанное касается большинства присутствующих. Но точно так же и те, чья работа заключалась в рассмотрении политических и религиозных аспектов программы, не видели, как близко мы подошли к тому, чтобы непосредственно вступить в схватку с Нижним Континуумом. Равным образом я сам прежде не понимал возможных результатов нашей работы. Но миссис Матучек тайно встретилась со мной. Я обрисовал ей всю картину, мы подробно обсудили ее и наметили план действий...

Барни отвесил короткий поклон в сторону Акмана:

— Примите мои поздравления. Вы очень проницательны, доктор.

"Она все знала..." — мелькнуло у меня подобие мысли.

И однако никто не подозревал этого. Даже я. Никто ничего не подозревал, вплоть до этой минуты, потому что она так хотела. И еще обрывок мысли: "Приходилось ли другим мужьям когда-либо сталкиваться с подобными неожиданностями?.."

Джинни подняла руку.

— Положение дел таково, что шансы на успех имеет только маленькая, специально подготовленная группа. — В ее голосе звучала решимость. — Большая группа, состоящая из невладеющих нужной сноровкой людей, не имеет никаких шансов. Нет сомнений, что такая обладающая подвижностью группа сможет преодолеть препятствия, недоступные для армейского подразделения или целого отряда фаустов.

— Смерть, увечье, плен в Аду — со всеми вытекающими отсюда последствиями... — прошептал Акман. — Вы допускаете, что Стивен пойдет на это?

— Я знаю Стива достаточно хорошо, чтобы пытаться остановить его, — сказала Джинни.

Ее слова в какой-то мере помогли мне вновь овладеть собой. И не настолько я был растерян, чтобы не заметить, с каким восхищением глядели на меня собравшиеся. Но основное свое внимание я сосредоточил на том, что говорила Джинни.

— Лучше группы, чем я и Свертальф, найти невозможно. Если у кого-нибудь и есть шанс добиться успеха, то это у нас. Вы все поможете нам должным образом подготовиться и будете ждать нашего возвращения. Если мы не вернемся, у вас хотя бы останется собранная информация. Не растеряйте ее, потому что она имеет важное значение для всего общества. Согласитесь, что дело касается не только нашей дочери. Далеко не только ее... Вот главная причина, по которой вы обязаны помочь мне. Сделайте все от вас зависящее, чтобы ваши дети и внуки унаследовали мир, хотя бы не худший, чем тот, в котором живете вы. — Джинни полезла в сумочку. — Черт возьми, у меня нет сигарет!

К ней потянулись пачки. Она предпочла мою, и наши руки на мгновение встретились.

Акман, переплетая пальцы, неотрывно смотрел на них. Внезапно он встал и, выдавив какое-то подобие улыбки, сказал:

— Ладно, я приношу извинения. Вы же должны понять, что моя реакция была естественной. Но вы, наверное, сможете. Может быть, вы и правы, полагая, что найдете способ проникнуть в Ад и вернуться обратно. Я помогу вам всем, что в моих силах. Но могу я узнать план ваших действий?

Барни слегка расслабился. Затушив окурок, он закурил новую сигарету.

— Можете, — сказал он. — Тем более что мы должны объяснить это и остальным присутствующим. Разрешите, я сначала

коротко изложу план. А затем предлагаю в зависимости от того, в какой области науки вы являетесь специалистами, развить и дополнить его. Итак, наша Вселенная обладает прямолинейной геометрией пространства. Исключение составляют обладающие необычными свойствами точки, такие, как, например, ядра белых Карликов. Демоны могут передвигаться в нашем мире без всяких затруднений. Более того, они способны выкидывать фокусы со временем и пространством, что в былые дни создавало им репутацию сверхъестественных созданий. Способны они на это потому, что их собственная Вселенная устроена чрезвычайно сложно, и структура ее постоянно меняется. Современные исследования открыли способы, как войти в эту Вселенную. Но пока никому не известно, каким законам подчиняется там движение и как можно там передвигаться. Непонятно и как оттуда выйти, чтобы остаться целым, невредимым и сохранившим рассудок.

Что ж, Стив выяснил, что можно войти в любую точку по исчислению Ада. Это открывает выход из тупика. И раз перед нами появилась возможность найти, как соотносятся наш и Нижний Континуум, это соотношение может быть математически описано. Доктор Фалькенберг составил уравнения соотношений и уже приступил к их решению. Исследования доктора Грисволда позволили предположить, как реализуются в той Вселенной физические законы. Билл Харди работает в области химии и атомной физики. И так далее. Да, полученные результаты еще не подвергались экспериментальной проверке. Но по крайней мере, мы — доктор Нобу, метафизик, и я, инженер-практик, — имели возможность приступить к созданию заклинаний. Сегодня утром мы закончили нашу работу. План предполагает посылку в Ад экспедиции (наше волшебство обеспечит ей там определенную защиту) и быстрое возвращение обратно. Такой грандиозной цели прежде никто никогда не ставил...

— План неудовлетворителен. — Теперь в роли возражающего выступил Чарлз. — У вас не может быть описания Вселенной Ада. Ведь мы не в состоянии описать даже наш собственный космос. Абсолютно невозможно предвидеть, по каким сумасшедшим законам меняется там матрица в каждой точке.

— Верно, — сказал Барни.

— Следовательно, защитные меры, годные для одной точки пространства-времени, окажутся совершенно никчемными для всех прочих точек...

— Но не в том случае, если перемещение в пространственно-временной конфигурации будет математически выражено, как одно непрерывное целое. Тогда может быть подобрано подходящее волшебство.

— Что?! Но это же невозможно! Такого рода работа... ни один смертный...

— Верно, — сказала Джинни.

Мы изумленно уставились на нее.

— Ключ к решению дает то, что удалось узнать Стиву в подземельях собора, — сказала Джинни. — Ваше замечание абсолютно верно, адмирал. С такой работой ни один смертный человек справиться не может. Но величайшие геометры, каких знала история, уже мертвы.

Над столом повисло удивленное молчание...

27

Наколдовав соответствующее наваждение, запихнув негодующего Свертальфа в чемоданчик, мы покинули здание "Источника" на принадлежавшем компании ковре. Время близилось к четырем. Если наш охранник из ФБР не увидит нас дома к пяти-шести часам, у него могут возникнуть подозрения. Но тут уж я ничего не мог поделать.

Сперва мы приземлились у церкви Святого Олафа. Пастору Карлслунду нужно было кое-что оттуда забрать. Сидевший позади нас Янис Вензель зашептал:

— Может быть, я невежда, но разве мольба, обращенная к святым католической церкви, не оказывается действенней, чем мольба, обращенная к святым лютеран?

Этот вопрос на нашем совещании не поднимался. Карлслунд удовлетворился тем, что пояснил различие между молитвой-мольбой к Всевышнему и заклинанием, которые должны привлечь внимание тех, кто добровольно захочет помочь нам, и некроманией, то есть попыткой заставить действовать души умерших, согласно нашему желанию. Некромания законом запрещена, хотя объясняется это, главным образом, просто уступкой общественному мнению. Достоверных сведений, что удалось хотя бы раз вызвать душу умершего, нет. Запрет — проявление очередного религиозного предрассудка и суеверия.

— Сомневаюсь, что принадлежность к той или иной церкви имеет какое-нибудь значение, — сказала Джинни. — Что такое душа? Никто не знает. Исследователи получили и веские доказательства ее существования, но результаты противоречивы и не поддаются анализу в современных условиях. Как обычно, когда дело касается феноменов сверхъестественного...

— Что, в свою очередь, — вмешался доктор Нобу, — является причиной быстрого развития магии. Мы достигли сути практического понимания волшебства. А в отличие от физических силовых полей — гравитационного, электро-магнитного и про-

чих, силовые поля парафизики — такие, как поля подобия, поля следствия, — превосходят скорость света. Следовательно, они могут, в принципе, перемещать энергию из одной части мироздания в другую. Вот почему ввод исчезающей мощности на входе может дать бесконечно огромную мощность на выходе. Отсюда следует, что для контроля над этими процессами, понимание качественных аспектов имеет гораздо большее значение, чем количественных. Именно поэтому всего три дня назад, после того как мы узнали о непостоянстве адского времени, мы с определенной долей уверенности смогли предположить, что наши новые чары окажутся работоспособными. Что касается души, я склонен полагать, что она скорее относится к явлениям парафизического, а не сверхъестественного мира.

— Я так не считаю, — сказала Джинни. — Я бы назвала душу энергетической структурой параполя. Она формируется телом, но продолжает жить и после смерти этой исходной матрицы. Освободившись от тела, она может без труда переходить из одной Вселенной в другую. И что такое привидение, как не лишившаяся тела душа, которая по какой-либо причине продолжает оставаться возле какого-нибудь определенного места? Что такое перевоплощение, как не проникновение души в только что оплодотворенное яйцо? Что есть спасение? Это когда Всевышний позволяет душе занять место возле него. Что есть вечное проклятие? Это когда притяжение Падшего оказывает на душу большее влияние.

— Неужели? — сказал Янис.

Джинни прерывисто засмеялась.

Барни, сидевший на месте водителя, обернулся.

— Кстати, насчет вопроса, возникшего у вас на этом совещании, хотя вы и высказали его только сейчас. У лютеран нет обычной молитвы святым, но это не значит, что вы отрицаете их вмешательство в людские дела. Иногда такое вмешательство случается. Может, католический священник или раввин и лучше знают, как просить святых о помощи... Но я решил привлечь Джима Карлслунда к сотрудничеству потому, что знаю его многие годы. Говорить о пасторе, как о... э-э...

Все натянуто рассмеялись, потому что как раз в эту минуту руки пастора были заняты перелистыванием экклезиастских томов.

* * *

Мы снова поднялись в воздух, продолжая свой путь к университету Трисмегиста. Памятные мне здания, рощицы, лужайки были залиты солнечным светом. Сейчас, в перерыве между учебными семестрами, народу было мало. Над студен-

ческим городком висела тишина, ее подчеркивал далекий шум города. Казалось, века прошли с того времени, когда здесь учились мы с Джинни. Словно все это было в каком-то другом цикле развития мироздания.

Я искоса посмотрел на Джинни, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

Послышался шум хлопающих крыльев. Следом за нами летел ворон. Что это? Предзнаменование? Что он нам предвещает? Мы приземлились, ворон сделал вираж и исчез вдали.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестницы, заполненные эхом, тонули во мраке. Мы и выбрали это место, потому что здесь сейчас никого не было. Вторая причина заключалась в том, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых. Карлслунд предпочел бы часовню, но была опасность, что там нас заметят. Кроме того, Джинни и Барни, посоветовавшись, решили, что религиозная сторона нашего предприятия является второстепенной.

Нам нужен был кто-нибудь, чья молитва была бы одновременно искренней и бескорыстной. В противном случае ни один святой, вероятно, не пожелает на нее отозваться. Впрочем, святые сравнительно с числом молитв, ежедневно возносящихся к Небу, вообще редко отвечают на просьбы. Всевышний ожидает, что мы сами справимся со своими проблемами. Полагалось, что мы знаем, как проникнуть в царство Врага (по крайней мере, надеялись, что знаем), и что будет учтена наша непреклонная решимость на деле использовать это знание. Слишком уж были тут затронуты интересы Неба, чтобы проигнорировать нашу просьбу. Мы надеялись...

Все качалось и плыло у меня перед глазами. Борясь с головокружением, я подумал, что если последует приступ, нам, наверное, запретят попытку.

Для молитвы мы выбрали философскую лабораторию имени Беркли. Она размещалась в недавно построенном флигеле, примыкавшем к древнему убогому зданию, где ранее, до инцидента с саламандрой, находился отдел Грисволда. Лаборатория была большой и хорошо оборудованной. Здесь выпускники и старшекурсники физического факультета постигали во время научных опытов, как использовать сверхъестественные и паранатуральные силы. Так что тут имелось все, что могло нам понадобиться.

Главное помещение лаборатории представляло собой большой, с высоким потолком, зал, где вдоль стен чинно тянулись шкафы и рабочие столы. Сквозь готические окна с темно-зелеными стеклами прохладной струей лился солнечный свет. На выкрашенных в глубокий голубой цвет потолках светилась

золотом схема атома Бора, окруженная зодиакальными символами. Невозможно было найти место, более далекое по духу от кафедрального собора в Силоаме. В лаборатории работали близкие мне люди. Я чувствовал, что здешние стены лаборатории благотворно действуют на мою психику.

Грисволд запер дверь. Джинни сняла наваждение и выпустила Свертальфа. Кот, на мягких лапах, направился в угол. Хвост его дергался и стучал, словно метроном. Карлслунд расстелил на столе алтарное покрывало, положил на нем распятие, расставил сосуды со священным хлебом и вином. Под руководством Барни мы взялись за работу. Приняв обычные меры против соглядатаев, установили защитное поле и приготовились открыть двери в другую Вселенную.

Это всего лишь расхожее и неточное выражение. На самом деле нет никаких дверей, просто человек переходит из одного Континиума в другой. Переход не зависит от какой-нибудь аппаратуры. Приборы — Библия, открытая на определенной странице, подсвечник (его огромные семь свечей были зажжены огнем, полученным от кремния и железа), пузырек с чистым беспримесным воздухом, коробка священной земли из Иордана, арфа Пифагора — имели не столько симпатическое, сколько символическое значение.

Мне хотелось особо подчеркнуть все это. Данный факт мало известен, между тем он заслуживает, чтобы о нем знали все. Тут кроется одна из причин притягательности гностицизма. Догматы петристской церкви согласуются с принципами нехристианских вероучений и открытий, сделанных современной наукой. Не в наших силах П Р И Н У Д И Т Ь к чему-либо Небеса. Небо слишком велико. Да, на него можно оказать влияние, если будет на то воля Всевышнего.

Наша молитва была выражением горячей мольбы, которую Бог уже прочел в наших сердцах. В известном смысле ее цель заключалась в том, чтобы убедить нас самих, что мы действительно хотим сделать то, что задумали. Точно так же и заклинания наши лишь указывают путь какому-то Духу, который захочет помочь нам. Но не заставляет его оказывать помощь. Суть в том, что мы просто сделали все, от нас зависящее.

Ад — совершенно иное дело. В физическом смысле — это Вселенная, лежащая на более низком в спиритуалистическом смысле энергетическом уровне по сравнению с нашей. Враг и его слуги не заинтересованы в оказании нам какой-либо помощи, если только конечным результатом не является наша гибель. Силой колдовства (обладая, конечно, достаточной мощью) можно принудить демонов вступить на этот путь, если он послужит спасению Валерии.

Формулы призыва к помощи Неба не относятся к числу общеизвестных. Но и тайными они не являются. Их можно найти в соответствующих справочниках. Заклинание адских сил — нечто совершенно иное. Я не стану подробно описывать эти заклинания, но замечу, что вызов сил Ада сопровождается своеобразным ритуалом, где все делается наоборот. Тут необходимо следующее: один из апокрифов "Либер Бенефикардиум", факел, пузырек с воздухом, взятым из урагана, немного праха мумии, тринадцать капель крови, меч. Не могу утверждать, что в этом перечне нет ошибок.

Мы и не думали, что нам понадобится весь этот хлам. Но он был под рукой. Надо было дать Джинни возможность ознакомиться с этими предметами. Ведь даже при ее тонкой интуиции нужно было время, чтобы понять, как правильно следует расположить их.

Колокольчик Карлслунда позвал нас. Он был готов. Мы собрались перед импровизированным алтарем.

— Сначала я должен освятить это место, — заявил он, — и как можно более полно провести обряд богослужения.

Я взглянул на наручные часы — ого, почти пять! Но возражать не осмеливался. Необходимо, чтобы служба была проведена должным образом.

Пастор раздал молитвенники, и мы открыли их. У меня возникло странное ощущение. Как уже упоминалось, я не верил в превосходство каких-либо догм над другими — по крайней мере, придерживался агностицизма. В церкви я бывал редко, но считал, что красочные ритуалы выше у приверженцев епископального направления. Это меня устраивало. Я и сейчас чуть не шепнул Джинни: "Эй, это тайное богослужение или секретная служба?" Но вскоре желание шутить у меня пропало. От этого простого ритуала на меня снизошел покой и невыразимая словами благодать. Мои мысли поворачивались к Богу. Так вот что такое религия... Не то чтобы в этот момент началось мое обращение в веру, но, казалось, передо мной открывается какая-то новая сторона Его могущества.

— Приступил к молитве.

— Отче наш, иже еси на небеси...

Стук в дверь!

Сначала я даже не обратил внимания на него. Но стук не прекращался, и сквозь тяжелые двери просочился голос:

— Доктор Грисволд! Вас просят к телефону. Мистер Сверкающий Нож из ФБР. Говорит, что у него очень срочное и важное дело...

Пол едва не поплыл у меня под ногами. То, что я минуту назад ощутил в душе, исчезло. Ноздри Джинни раздулись, она

так сжала молитвенник, как будто это было оружие. Карлслунд запнулся.

Грисволд, тихо ступая, подошел к двери и сказал привратнику:

— Передайте, что я провожу важный эксперимент и не могу прервать его. Пусть он оставит свой номер, и примерно через час я позвоню ему.

"Спасибо тебе, спасибо! — кричала одна половина моего сознания. Вторая корчилась, опутанная холодными кольцами непонимания. — Где же твое Божье милосердие? Ты захотел, чтобы это случилось... Но что есть твоя воля? Не может быть, чтобы все это было на самом деле... Или люди — всего лишь марионетки в жестокой игре?..

Бог не мог желать крушения наших планов... Он не мог хотеть, чтобы маленькая девочка оставалась в Аду. Но жертвы преступлений уже освобождены смертью, им уже дано утешение. По крайней мере, так утверждают все церкви. Но откуда церковники знают?

Может, ничего нет, кроме игры взаимодействия слепых сил? А может, Всевышний и Падший — одно и то же? А может?.. Нет, это в тебе говорит отчаяние, с которым ты уже сталкивался прежде — отчаяние Ада. Держись, Матучек! Не сдавайся! Выводи своим неправильным баритоном: "Вперед, Христа солдаты..." А если это не сработает, мы попробуем что-нибудь другое".

Прилагая все усилия, мы завершили, наконец, службу. Благословение. Затем Карлслунд, с трудом выговаривая слова, произнес:

— Я не уверен, что нам что-нибудь удастся. Необходимое благоволение утеряно.

Неожиданно ему ответил Харди:

— Пастор, ваша церковь основное значение придает вере. Но для нас, католиков, и дела не менее важны.

Карлслунд не стал спорить:

— Что ж, ладно... Можно попытаться. О какой помощи вы просите?

Барни, Джинни и все прочие обменялись взглядами. Я понял, что в спешке они забыли договориться об этом. Вероятно, точное определение не казалось настолько необходимым, ибо Небо не так ограничено, как Ад. Во всяком случае, наша просьба должна быть разумной.

Барни откашлялся:

— Э-э... Гм... Идея состоит в том, что настоящий ученый, например математик, ведь и после смерти будет заниматься исследованиями, повышать квалификацию, приобретать все новые знания. Он может достигнуть таких высот, что нам и

представить трудно. Поэтому нам необходим математик, занимающий ведущие позиции в неэвклидовой геометрии.

— Таким обычно считают Римана, — сказал Фалькенберг. — Или, например, Гамильтона. И он имел преемников. Мы не знаем, как далеко продвинулся несравненный Гаусс, ведь он опубликовал лишь отрывки своих размышлений. Но в целом, я предпочитаю Лобачевского. Он первый доказал, что геометрия не теряет внутренней согласованности, если отказаться от аксиомы о параллельных. Насколько я помню, это произошло примерно в 1830—1840 годах, хотя, впрочем, я никогда не увлекался историей математики. Все, что было сделано позднее в области неэвклидовой геометрии, берет свое начало в идеях Лобачевского.

— Выберем его, — решил Барни. — При этом примем во внимание, что остается неизвестным, сможем ли мы уговорить вообще какую-либо великую душу стать нашим союзником. Вообще хоть какую-либо... Вот ведь в чем дело... — добавил он упавшим голосом и обратился к Фалькенбергу: — Вы займетесь чарами, а мы с пастором приступим к составлению молитвы...

На все это тоже потребовалось время, но зато мы оказались слишком заняты, чтобы сходить с ума. А ведь только этим мы и занимались с той минуты, как служба была нарушена. Делая пассы, произнося заклинания, напрягая волю, мы ощутили, как нарастает поток энергии, устремившейся к точке прорыва. Давление энергии достигло неописуемой силы. Это было не повседневное чародейство, это была вершина современного научного волшебства. Неизвестно откуда поползли тени. Они делались все гуще. Окна напоминали тусклые, горящие в ночи, фонари. Пламя семи свечей сделалось неправдоподобно высоким, хотя света они не давали.

Символы на потолке засверкали ярче и начали медленно вращаться. С наших поднятых рук, с волшебной палочки Джинни заструились огни Святого Эльма. Такие же огни потекли, потрескивая, с шерсти находящегося на плече Джинни Свертальфа, с ее распущенных волос. Арфа заиграла сама собой, ее струны вторили протяжной музыке сфер, сплетались в рисунок танца.

Я не увидел в темноте, кто из семи медленными размеренными шагами вышел из ряда, лишь услышал крик:

— Алеф!

Много позже:

— Зайн!

При этом выкрике мы остановились.

Арфа смолкла. Нас окутало вечное молчание бесконечного космоса. Знаки зодиака вращались все быстрее и быстрее, пока

не слились, образуя Колесо Времени. Мы все сконцентрировались на пасторе. Карлслунд возвел руки перед алтарем.

— Услышь нас, о Господь Бог, обитающий на Небесах, — воззвал он. — Тебе известно, чего мы жаждем, о чем молим тебя. Пусть эти желания будут чистыми. Ты видишь, вот стоят перед тобой мужчина Стивен и женщина Вирджиния. Они хотят поразить врагов твоих и избавить от заточения невинную девочку — свою дочь. Если Ты позволишь им это, они готовы претерпеть все муки Ада. Не будет у них никакой больше надежды, если Ты не поможешь им. Мы просим Тебя, пусть в диких дебрях Ада найдется тот, кто сможет руководить ими и советовать им. Если мы не заслужили, чтобы Ты послал к ним ангела, то молим Тебя — пошли умершего слугу Твоего, Николая Ивановича Лобачевского, или кого-нибудь еще, кто, будучи живым, занимался научными исследованиями в той же области знаний. Молим во имя Отца и Сына и Духа Святого. Амен!

Сперва воцарилась тишина. Затем распятие на алтаре на мгновение вспыхнуло ярким солнечным светом. Послышался тонкий пронзительный звук. И меня охватила такая волна радости, которую можно, хоть и отдаленно, сравнить лишь с радостью первой любви.

Но тут же раздался другой звук — он походил на шум штормового ветра. Свечи погасли, оконные стекла сделались темными, пол закачался у нас под ногами. Свертальф отчаянно взвыл.

— Джинни! — услышал я свой крик.

И одновременно с этим криком меня закрутил водоворот образов, воспоминаний... Увенчанная луковицеобразными куполами церковь посреди беспредельной равнины. Грязная дорога между рядами низких, крытых соломой домов. Звякающий аммуницией, с саблей у пояса, всадник, скачущий по этой дороге. Ледяная зима, в конце которой — оттепели и блеск разливающихся вод. И возвращение птичьих стай, и покрывающиеся робкой зеленью леса. И беспорядочные нагромождения книг, лиц, снова книг и лиц. Женщина, которая была моей женой. Сын, умерший слишком рано. Казань — половина ее объята пламенем. Год холеры. Письмо из Геттингена. Любовь. Неудача. Слепота, медленно подкрадывающаяся день за днем. И все это был чуждым...

Наши зубы громко стучали. Ветер прекратился, и снова стало светло. Пропало ощущение нависшей над нами грозной силы... Ничего не понимающие, мы опять очутились в привычном мире.

Джинни бросилась в мои объятия.

— Любимая, — крикнул я ей по-русски. — Нет... Любимая,

— уже по-английски. — Господи помилуй, — снова по-русски...

Перед глазами вихрем вращался калейдоскоп чужой памяти. На столе стоял Свертальф. Спина выгнута, хвост трубой. Его трясло не от ярости — от ужаса. Язык, зубы и горло кота странно дергались.Он издавал звуки, на которые не был способен ни один кот... Свертальф пытался заговорить.

— Почему не получилось? — загремел Барни.

Джинни удалось овладеть собой. Она махнула рукой тем, кто стоял поближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву! — крикнула она. Док, обследуйте его!

Я отрывочно слышал ее голос сквозь навалившийся хаос. Друзья, поддерживая меня, довели до стула. Я рухнул на него. Приходилось прилагать усилия, чтобы дышать.

Помутнение сознания продолжалось недолго. Воспоминания об иной стране, об ином времени прекратили свое беспорядочное коловращение. Они ужасали, но лишь потому, что находились вне моего контроля и были чужими. Русский "покой" звучал в моем мозгу, одновременно с английским "миром"... И я знал, что это одно и то же. Возвращалось мое мужество. Я чувствовал, что могу мыслить самостоятельно. Но звенела чужая мысль, и в ней, обертонами, я ощущал странную смесь педантизма и сострадания.

— Прошу прощения, сэр. Это перевоплощение смущает меня не меньше, чем вас. У меня не было времени, чтобы осознать, насколько велики различия, обусловленные разницей более чем в сто лет, и то, что я оказался в совершенно ином государстве. Полагаю, мне будет достаточно нескольких минут предварительного ознакомления, чтобы обеспечить информационную базу для выработки приемлемого для вас модуса вивенди*. Остается заверить вас, что я сожалею о своем вторжении и постараюсь свести его последствия к минимуму. Со всем должным уважением могу добавить: то, что мне пришлось узнать о вашей частной жизни, не имеет особого значения для тех, кто давно лишился земной плоти...

До меня дошло. Лобачевский!..

— К вашим услугам, сэр. Ах, да... Стивен Антон Матучек. Не будете ли вы так добры... Извините, мне необходимо ненадолго отвлечься.

Этот диалог, а также последующее взаимодействие наших двух разумов происходили уже на границе моего сознания, которое било тревогу — слишком уж жутко было все происходящее.

Пробормотав: "Со мной все в порядке", я движением руки отказался от помощи Акмана и уставился на разворачивающуюся передо мной сцену.

Свертальф находился в состоянии истерии. Приближаться к нему было опасно. Джинни схватила чашку, зачерпнула из раковины воды и выплеснула ее на кота. Он взвизгнул, соскочил со стола, метнулся в угол и там припал к полу, разъяренно сверкая глазами.

— Бедный котик, — успокаивающим тоном сказала Джинни. — Извини, я должна была это сделать. — Она разыскала полотенце. — Иди сюда, давай вытремся.

Он позволил ей подойти к себе.

Джинни присела на корточки и протерла коту шерсть.

— Что это вселилось в него? — спросил Чарлз.

Джинни подняла взгляд. Рыжие волосы подчеркивали, как побледнело ее лицо.

— Хорошо сказано, адмирал. Что-то вселилось... Вода вызвала у него шок, и возобладали кошачьи инстинкты. Вселившийся Дух утратил контроль над телом. Однако он по-прежнему находится в нем. Как только Дух разберется в психосоматике Свертальфа, он попытается восстановить контроль и сделать то, для чего он явился.

— Какой Дух?

— Не знаю. Нам лучше не мешать ему.

Я встал:

— Нет, подождите. Я могу это выяснить.

Взгляды всех присутствующих обратились на меня.

— В меня, видите ли... э-э... вселился Дух Лобачевского.

— Что? — запротестовал Карлслунд. — Душа Лобачевского вселилась в ваше... Не может быть! Святые никогда...

Я отмахнулся, встал возле Джинни на колени, зажал голову Свертальфа между ладонями.

— Успокойся. Никто не хочет причинять тебе вреда. Тот, кто вселился в меня, полагает, что понимает, что случилось. Соображаешь? Его имя — Николай Иванович Лобачевский. Кто вы?

— Мышцы кота напряглись, сверкнули клыки, комната заполнилась усиливающимся воем. Свертальф снова был близок к истерике.

— Сэр, с вашего разрешения у меня есть идея. Он не Враг. Я бы знал, если бы он был Врагом. Случившееся приводит его в замешательство, он смущен... А для того, чтоб мыслить, он располагает лишь кошачьим мозгом. Очевидно, ваш язык ему не знаком. Разрешите, я попытаюсь успокоить его?

С моих губ полились журчащие и шипящие русские звуки. Свертальф вскочил, потом я почувствовал, как он понемногу расслабился под моими ладонями. А потом... Он смотрел и слушал так внимательно, с таким наслаждением, будто я был не я, а аппетитная мышка.

Когда я замолчал, он покачал головой и мяукнул.

— Итак, он не русский. Но кажется, он понял наши намерения.

"Посмотрите, я знаю английский, вы понимаете этот язык, Свертальф тоже знает этот язык... Тогда почему же его... ну, тот, который вселился, в отличие от вас, английского не понимает?"

"Уверяю вас, сэр. Кошачий мозг в данном случае не годится. В нем нет структуры, хотя бы схожей с той, что управляет человеческой речью. Вселившейся душе и так приходится задействовать чуть ли не каждую работоспособную клеточку головного мозга вашего Свертальфа. Но она может без затруднений использовать весь накопленный им опыт. Даже у этого маленького зверька хорошая способность к запоминанию и огромный запас памяти. Нужно только воспользоваться языком, на котором говорила при жизни душа".

"Понятно, — подумал я. — Но вы недооцениваете Свертальфа. Он долгое время прожил в нашей семье. Его с рождения воспитывала и обучала ведьма, поэтому он гораздо умнее обычного кота. Кроме того, атмосфера колдовства, в которой он прожил всю жизнь, не могла пройти бесследно".

— Говорите ли вы по-немецки? — обратился я к коту.

Свертальф с жаром кивнул.

— Ми-ей, — сказал он с акцентом.

— Добрый вечер, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, старший советник Российского Казанского университета. Рад приветствовать вас, милейший.

Последняя фраза была сказана по-французски — по всем правилам вежливости девятнадцатого столетия.

Лапа Свертальфа со скрежетом царапнула пол.

— Он хочет писать. — От изумления глаза Джинни широко распахнулись. — Свертальф, послушай. Не сердись. Не бойся. Не мешай Стиву делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда все это кончится, у тебя будет сливок и сардин больше, чем ты сможешь съесть. Обещай мне. Ты же хороший котик. — Она пощекотала ему подбородок.

Не похоже было, чтобы Свертальф полностью примирился с тем, что в его теле поселился дух ученого. Но ласка помогла — он замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд были заняты приготовлениями, я сконцентрировался на обмене мыслями с Лобачевским. Остальные, потрясенные случившимся, столпились вокруг. Пока неизвестно, что произойдет дальше, и это их мучило. Я обрывочно слышал, о чем они переговаривались.

— Черт возьми, никогда даже не слышал, чтоб святые являлись подобным образом, — сказал Чарлз.

— Адмирал, прошу вас, — отозвался Карлслунд.

— Что ж, это верно, — сказал Янис. — Демоны вселяются в одержимых. Но святые, в отличие от демонов, никогда не вселяются в чужое тело.

— Может быть, вселялись, — вставил Грисволд. — Мы иногда с пренебрежением относимся к доказательствам существования взаимного переноса масс при пересечении Континуумов.

— Они не дьяволы, — сказал Карлслунд. — Они никогда не делали этого в прошлом.

— М-м-да, — вмешался Барни. — Давайте подумаем. Дух или мысль из одной Вселенной в другую способна переходить без помех. Может быть, святые всегда так возвращаются к людям — не в телесном своем облике, а как некое видение?

— Некоторые, безусловно, возвращались и во плоти, — сказал Карлслунд.

— Я бы предположил, — сказал Нобу, — что святые могут использовать при создании для своего тела любую материю. Например, в воздухе имеются все необходимые атомы. Вспомните, кто такой Святой. Насколько мы знаем, это взятая на Небо душа. Так сказать, душа, находящаяся рядом с Богом. Занимая такое высокое духовное положение, она наверняка приобретает многие замечательные способности. Ведь она может черпать из Источника всякую силу для творчества.

— Но тогда им вообще не о чем беспокоиться, — сказал Чарлз.

— Господа, — сделав шаг вперед, сказал я, — прошу вас простить меня. Поскольку я еще не совсем освоился с тем, что мне приходится делить с господином Матучеком тело, вы окажете мне честь, вспомнив, что это совсем не то, что владеть собственным телом. Я еще не знаю в подробностях, что именно заставило вас просить помощи. И поскольку сейчас я нахожусь в человеческом теле, у меня нет лучше средств, чем те, которыми располагаете вы, узнать, кто этот господин, вселившийся в кота. Мне представляется, что я знаю и цель его перевоплощения... Но давайте, если у вас нет возражений, подождем и вынесем решение на основании более точной информации...

— Ух ты! — шумно выдохнул Барни. Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо, — сказал я, — и с каждой минутой чувствую себя все лучше...

Это было весьма неточно сказано. Когда мы с Лобачевским достигли согласия, я ощутил, наряду со своими, его эмоции и мысли. Их мудрость и доброта превосходили всякое воображение. Разумеется, я ничего не мог узнать ни о его земной жизни, ни о том, что делается в сонме Святых. Мой смертный мозг и заполненная унынием душа не могли постичь этого. Са-

мое большее, что я мог ощутить, — нечто вроде едва улавливаемых восприятием песен, полных непрекращающегося мира и вечной радости. Все же попробую объяснить, чем стало для меня присутствие Лобачевского. Представьте себе на минутку своего самого старого, самого лучшего друга — и вы в общих чертах поймете, на что похоже это ощущение.

— Мы почти готовы, — сказала Джинни.

Вместе с Грисволдом она установила на столе доску Сунуя — простейшее устройство для тех, кто не имеет рук, а есть лишь лапы. Джинни сидела на краю стола, покачивая ногами. Все-таки у нее были очень стройные ноги. Мне показалось, на них обратил внимание даже Лобачевский, хотя это выразилось в основном в том, что он принялся составлять уравнения, описывающие их форму.

Свертальф занял мое место возле прибора. Я, готовый задавать вопросы, склонился над столом с другой стороны. Тишину нарушало лишь наше дыхание. Планшетка двинулась. К ней был присоединен кусок мела, заколдованный тем же заклинанием, что приводит в движение помело.

Написанную фразу прочитали все:

"Я — Янош Больян из Венгрии".

— Больян! — задохнулся Фалькенберг. — Господи, я совершенно забыл о нем! Не удивительно, что он... Но как?..

— Это для меня большая честь. Ваша работа служила для всех большим вдохновением, — с низким поклоном сказал Лобачевский.

Ни Больян, ни Свертальф не пожелали уступать ему в любезности. Кот встал на задние лапы, поклонился, затем стал отдавать по-военному честь.

Планшетка снова пришла в движение, выписав строку цветистых французских комплиментов.

— Кто это все-таки? — прошипел за моей спиной Чарлз.

— Я... я не знаю его биографии, — так же шепотом ответил Фалькенберг. — Но припоминаю, что он был восходящей звездой на небосклоне неэвклидовой геометрии.

— Я посмотрю в библиотеке, — предложил Грисволд. — Похоже, что этот обмен любезностями может продолжаться еще долгое время...

— Да, похоже, — шепнула мне на ухо Джинни. — Нельзя ли их чуточку поторопить? Мы с тобой уже давно должны быть дома. И если опять зазвонит телефон — жди очередных неприятностей.

Я изложил эти соображения Лобачевскому, который, в свою очередь, все объяснил Больяну. Тот ответил, что, когда возникла необходимость, он стал военным и посему, как офицер, научился

действовать решительно. Именно так он и намерен действовать — в особенности, когда к его чести взывают такие очаровательные девушки. И что он без страха и упрека поддерживал и намерен защищать впредь свою честь на любом поле сражения. Он уверяет, что за всю жизнь ни разу не уронил ее...

У меня нет намерений насмехаться над великим человеком. Для того чтобы мыслить, его душа располагала всего лишь кошачьим мозгом и воспринимала мир лишь через органы чувств Свертальфа. Поэтому его человеческие недостатки предстали перед нами в явно преувеличенном виде. И поэтому ему так трудно было доказать свой гигантский интеллект и свое рыцарство.

Грисволд обнаружил кое-что о нем в энциклопедиях и работах, посвященных истории математики, и мы наскоро познакомились с биографией Больяна, пока он обменивался любезностями с Лобачевским.

Янош Больян родился в Венгрии в 1802 году. Тогда Венгрия была лишь одной из провинций Австрийской империи. Его отец, видный математик, близко знакомый с Гауссом, обучил Яноша технике вычислений и математическому анализу, когда ему не было еще и тринадцати. По совету отца Янош в пятнадцать лет поступил в Королевское инженерное училище в Вене. В двадцать лет он стал офицером королевских инженерных войск.

Он хорошо умел играть на скрипке и владел саблей — встретиться с ним на дуэли было опасно. В 1823 году он послал отцу наброски своей "Абсолютной науки пространства". Некоторые высказанные там идеи были впоследствии использованы Гауссом в работах, носящих философский характер. Сам Больян об этом так никогда и не узнал. В "Абсолютной науке пространства" юный венгр сделал первую серьезную попытку построения неэвклидовой геометрии. Он первым доказал, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой.

К несчастью, его труд — да и то как некий аппендикс к двухтомной работе его отца — не был опубликован до 1833 года. Работа была написана по-латыни и носила чудовищное название. Между тем, независимо от Больяна, сходные результаты были получены Лобачевским. Труды Больяна остались незамеченными.

Похоже, что это его расхолодило. Он поселился вместе с отцом-преподавателем в Реформистском училище Мари-Базареди, где жил, пока не умер в 1860 году. Время его жизни совпало с эпохой нарождавшейся венгерской революции 1848 года, затем ее поражения и следовавшей за этим реакцией. Но в обнаруженных нами статьях ничего не говорилось об его участии в

революции или хотя бы отношении к ней. Он видел отмену военного положения в 1857 году и далее рост либерализма. Правда, его страна не достигла полной национальной независимости, оставаясь в рамках двуединой монархии. Независимость была достигнута лишь через семь лет после смерти Больяна.

Хотел бы я знать, не подождала ли его душа где-нибудь этого события, прежде чем унестись в другие Вселенные?

Гораздо больше нам удалось обнаружить сведений о Лобачевском. Он родился в 1803 году в Нижнем Новгороде. Его мать овдовела, когда ему было семь лет. Они переехали жить в Казань. Семья отчаянно нуждалась, и все же матери удалось дать сыну хорошее образование. В возрасте восьми лет, сдав вступительные экзамены, Николай поступил в гимназию. В четырнадцать был зачислен в местный университет. В восемнадцать получил ученую степень. В двадцать один был назначен ассистентом профессора, а в двадцать три сам стал профессором.

В его ведении оказался университетский музей и библиотека. Разницы между ними, в общем-то, не было — и там и здесь царили запустение и беспорядок. Ассигнования на них были очень малы. Лобачевскому пришлось немало потрудиться, но зато уже через несколько лет музеем и библиотекой гордилась вся Россия. Можно добавить, что при царе Александре, скорее всего, в его обязанности, по-видимому, входила и слежка за студентами. Между тем он ухитрялся обходиться без доносов. И правительство было удовлетворено, и студенты обожали его.

В 1826 году он стал главой университета — ректором. Он строил свой университет. Строил в буквальном смысле слова. Он изучал архитектуру, так что смог самостоятельно заниматься проектированием зданий. В 1830 году, когда разразилась холера, он принимал усиленные меры по поддержанию санитарии. Поэтому смертность среди студентов была невелика. Позже половина города была уничтожена пожаром. Обсерватория и важнейшие здания университета оказались разрушенными. Но Лобачевский смог спасти приборы, инструменты и книги. Всего лишь два года спустя все утраченное было восстановлено.

Уже в 1826 году он начал разрабатывать неэвклидовую геометрию. Живи он не в Казани, а в Канзасе, он все равно занялся бы ею. Весть о его открытии распространялась по Западной Европе так медленно, что менее терпеливый человек полез бы на стену. Но Лобачевский был слишком занят своими делами. Между тем весть медленно, но продвигалась вперед. Когда она дошла до Гаусса, она произвела на него такое впечатление, что он рекомендовал Лобачевского в члены Королевского научного

общества в Геттингене. Это произошло в 1842 году.

Возможно, причину отстранения в 1846 году Лобачевского от должности ректора нужно искать в ненависти и злобной подозрительности царского режима ко всему чужеземному. Ему разрешили заниматься преподавательской деятельностью — не более. Убитый горем, он нашел утешение в том, что целиком ушел в занятия математикой. Зрение ослабело. Сын умер. Лобачевский работал, мечтал и диктовал свою "Общую геометрию". Эта книга, венец всей жизни, была закончена незадолго до смерти. Умер он в 1856 году.

Разумеется, он был святым.

— Нет, Стивен Антонович, не надо преувеличивать мои заслуги. Я уверен, что немало и ошибался, и грешил. Но милость Господня не имеет границ. Я был... Это невозможно объяснить... Пусть будет так. Мне позволено дальше заниматься моим любимым делом...

На доске появились новые фразы. Янис время от времени стирал написанное, и мел скрипел снова. Те, кто знал французский (русский и венгр сочли, что этот язык им более подходит, чем немецкий), постепенно начали понимать, что происходит. Однако лишь я, деля с Лобачевским общее тело, понимал все в достаточной степени. И по мере того как росло мое понимание, я все более ощущал необходимость передать его остальным. А время летело.

Лобачевский отвечал:

— Нужно торопиться, поскольку я согласен, что час поздний, а опасность ужасна, ведь именно поэтому я вынужден использовать современную, отрывистую манеру разговора...

Когда был получен ответ на следующий вопрос, я подозвал присутствующих к себе. Все они — если не считать Джинни, которая и сейчас выглядела чрезвычайно эффектно, а также сидящего у ее ног Свертальфа — представляли собой весьма жалкое зрелище. Усталые, потные, осунувшиеся. Галстуки либо ослаблены, либо просто сняты. Прически растрепаны. У большинства в руках сигареты. Я сидел на стуле, глядя на них. Возможно, у меня был вид еще более разочарованный. То, что сообщил мне находившийся в моем теле святой, было поразительно. Нет, это было просто ужасно.

— Теперь все ясно, — сказал я. — Мы ошибались. Бог ничего не приказывал своим святым и ангелам. По крайней мере, в нашем понимании не приказывал. Появление святых обусловливается лишь молитвой. Пастор, вы-то понимали это и раньше. Но — сознательно или нет — мы все полагали, что являемся более значительными персонами, чем на самом деле.

Лобачевский тут же поправил меня:

— Нет, для Него равно важно все. Но должна быть свобода выбора — даже для сил зла. Более того, существуют соображения, в силу которых... Ну, думаю, тут не совсем подходит этот термин "Политика фактов". Не знаю, существует ли подходящая земная аналогия... Грубо говоря, ни Бог, ни Враг не желали своими действиями спровоцировать чрезмерно ранний Армагеддон. В течение вот уже двух тысяч лет они избегают прямого вмешательства. Э-э... Территория Неба и Ада взаимно не прикасаемы, и такая политика в обозримом будущем не подлежит замене...

Наша молитва была услышана. Лобачевский — святой в прямом смысле этого слова — не мог сопротивляться нашей мольбе. Да это ему и не запрещалось. Но помогать нам в Аду он не может. Это запрещено. Он вправе, оставаясь в моем бренном теле, отправиться с нами туда, но лишь как наблюдатель. Только как наблюдатель, ничего более. Он очень сожалеет. Каждый Дух должен идти своим собственным путем, ибо... Впрочем, неважно. В общем, в наш континуум и в мое тело он вошел, преследуя иные цели.

Больян — другое дело. Он тоже услышал наш призыв. Ведь молитва была так свободно построена, что вполне могла дойти и до него. Далее, он не приобщен к сонму святых. Он говорит, что его душа находилась в Чистилище. Подозревая, что мы не представляем себе этого умозрительно, он объяснил, что это место, где душа не может непосредственно воспринимать мудрость Господню, но может самостоятельно добиваться своего совершенствования. Во всяком случае, он пока не взят на Небо, но и не проклят. Таким образом, ему не запрещено принимать в борьбе активного участия. Похоже, у него появился шанс выиграть. Он понял, о чем мы просили в нашей молитве. Понял все, даже то, что мы не высказали словами. И, как Лобачевский, выбрал для воплощения мое тело. Но Лобачевский не знал о его намерениях. Будучи святым, он обладал большей мощью и поэтому успел на какое-то мгновение раньше...

Я остановился, чтобы зажечь сигарету. Чего мне действительно хотелось, так это пить. Глотка моя была словно пересушена и забита пылью.

Очевидно, в случаях, подобных нашему, Дух должен поступать согласно определенным правилам. Не спрашивайте меня, почему. Уверен, что если бы вам стали известны причины, вы нашли бы их достаточно вескими. В частности, например, полагаю, чтобы хотя бы предохранить нашу смертную плоть от чрезмерного потрясения, от перенапряжения. Больян не обладал силой святости, но мог создать для себя сколь-нибудь пригодное тело. Помните, доктор Нобу предлагал это недавно.

Вероятно, даже если бы мы приготовили все нужные вещества, он не смог бы воспользоваться ими. Единственная для него возможность открыть себя людям — это войти в чье-либо живое тело. Есть еще правило — душа не может перескакивать из одного тела в другое. Она должна оставаться в нем, пока не закончится то дело, из-за которого ей пришлось вернуться на Землю.

Больяну нужно было молниеносно принять решение. Мое тело уже было занято. Правила приличия не позволили ему войти в тело э-э... женщины. Если бы он вселился в кого-то, кто собирался вместе с нами отправиться в Ад, пользы от этого было бы немного. Хотя об этом в молитве и не упоминалось, он уловил, что в экспедиции должен участвовать третий человек мужского пола. А поскольку Больян всегда действовал быстро, он и устремился в такое тело. И слишком поздно обнаружил, что вселился в Свертальфа.

Широченные, могучие плечи Барни обмякли:

— Значит, из задуманного нами ничего не вышло?

— Не обязательно, — сказал я. — Джинни — сильная ведьма. Если она поможет увеличить мощь кошачьего мозга Свертальфа, то мы справимся. После смерти Больян провел много времени, исследуя геометрию различных континуумов. В том числе таких странных и жутких, что не может даже поведать о них и намеком. Идея налета на Ад ему понравилась.

Свертальф качнул хвостом, усы его встали прямо, бакенбарды распушились.

— Значит, получилось! — закричала Джинни. — Ура-а!

В определенной степени, да. Решимости у меня было не меньше, но меньше было энтузиазма. На мрачный лад меня настраивало узнанное от Лобачевского. Я предчувствовал, что здесь будет много трудностей. Вряд ли просто так Враг позволит добиться нам успеха. Против нас будет направлена вся сила, вся его хитрость.

— Так... — с растерянным видом сказал Карлслунд. — Так, так...

Джинни прекратила свой военный танец.

Я сказал:

— Может быть, вы лучше позвоните ему, доктор Грисволд?

Доктор кивнул:

— Я сделаю это из своего кабинета. Вы оставайтесь здесь, будете все видеть и слышать.

Я чуть не выругался. Законно ли это? По-видимому, в какой-то мере... не запрещается.

Несколько минут нам пришлось подождать. Я крепко прижал к себе Джинни. Остальные кто негромко переговаривался, кто

бессильно опустился на стулья. Бодрость хранил только Больян. С помощью Свертальфа он удовлетворял свое ненасытное любопытство — обследовал лабораторию. Просто экскурсант. Но на самом деле перед нами был лучший ученый, лучший математик из всех, кто когда-либо будет на Земле, пока она существует. Его и *после смерти* интересовало, как на нашей планете обстоят дела. Он пришел в полный восторг, когда Янис разыскал ему подшивку "Всемирной географии".

Телефон ожил, звякнул. Мы видели все, что делал Грисволд. Я со свистом втянул воздух. Сверкающий Нож действительно вернулся.

— Извините, что заставил вас ждать, — сказал профессор. — Раньше позвонить никак не мог. Чем могу быть для вас полезен?

Фэбээровец назвал себя, предъявив удостоверение:

— Я пытаюсь разыскать мистера и миссис Матучек. Вы знакомы с ними, не так ли?

— Ну... э-э... да. Давно их не видел, правда... — Врун из Грисволда был плохой.

— Пожалуй, выслушайте меня, сэр. Сегодня днем я вернулся из Вашингтона. Был там в связи с их делом. Это чрезвычайно важно. Я спросил своих подчиненных. Миссис Матучек исчезла, и обнаружить ее не удалось. Ее муж, по крайней мере, некоторое время тому назад находился в защищенном от любого надзора конференц-зале. Никто не видел, чтобы он покинул этот зал после окончания работы. Я послал своего человека разыскать его, но безуспешно. Наши люди сделали фотографии всех, кто входил в здание. Сотрудники криминалистической лаборатории, среди других участников встречи, опознали вас. Вы все еще уверены, что Матучека у вас нет?

— Н-нет. Их нет... Что вы хотите сделать с ними? Обвинить в уголовном преступлении?

— Пока они не окажутся в нем замешаны — нет. У меня на руках специальный приказ, предписывающий не допустить некоторых действий, которые Матучеки, вероятно, захотят предпринять. Всякий, кто окажет им помощь, как и они, в равной степени подлежит аресту.

Грисволд оказался молодцом. Он преодолел испуг и, брызгая слюной, затарахтел:

— Честное слово, сэр, меня возмущает подтекст вашего заявления. И в любом случае ваше предписание *должно* быть предъявлено тем, кого оно касается, то есть Матучекам. Без этого оно не имеет никакой законности. До тех пор оно не ограничивает ни их действий, ни действий их сообщников.

— Верно. Не возражаете, если я приеду осмотреть поме-

щение, в котором вы сейчас находитесь? Возможно, они все-таки там. Без вашего ведома...

— Нет, сэр, возражаю. Вам не следует приходить сюда.

— Будьте благоразумны, доктор Грисволд. Помимо всего прочего, наша задача состоит в том, чтобы защитить их от самих же себя.

— Такого рода намерения весьма присущи теперешней администрации. И мне они очень не нравятся. До свидания, сэр.

— Эй, подождите. — Голос Сверкающего Ножа сделался тише, но трудно было бы ошибиться в его тоне. — Ведь вы не являетесь владельцем здания, в котором сейчас находитесь.

— Но я несу за него ответственность. Трисмегист является частным владением. Я могу осуществлять управление этим зданием по собственному усмотрению, поэтому запрещаю доступ в него... вам и вашим прислужникам.

— Но не в том случае, если они прибудут с ордером на обыск, профессор.

— Тогда я вам советую поскорее получить его... — И Грисволд прервал колдовство телефона.

Мы, оставшиеся в лаборатории, поглядели друг на друга.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Барни пожал плечами:

— Не больше пятидесяти минут. Фэбээровцы уже в пути.

— Не стоит ли нам попытаться удрать отсюда? — спросила у него Джинни.

— Я бы не стал этого делать. Все вокруг, вероятно, взято под наблюдение еще до того, как Сверкающий Нож пытался дозвониться до Грисволда. Думаю, он выждал время просто для того, чтобы узнать, чем мы занимаемся. И ему приказали перейти к решительным действиям только в крайнем случае.

Джинни выпрямилась.

— О'кей, тогда мы отправимся в Ад. — Ее верхняя губа слегка дернулась. — Прямо в Ад. Нельзя упустить эту возможность. Готовиться некогда.

— А-а! — Барни взвыл, как будто получил удар ногой в живот. — Нет, вы сошли с ума! Без подготовки, не имея нужного снаряжения...

— Обойдемся тем, что имеется здесь, — сказала Джинни. — Воспользуемся советами Больяна. Лобачевский, пока мы здесь, тоже имеет право помочь нам. Мы выиграем — на нашей стороне эффект неожиданности. Демоны не успеют организовать свои силы. Наше вторжение, повторяю, произведет на них неожиданный эффект. А поскольку мы выйдем из-под контроля американской юриспруденции, разве будут у Сверкающего Ножа законные основания заставить волшебством нас вернуться?

Он не станет мешать нам. Это будет убийство. Кроме того, подозреваю, он на нашей стороне. Он и сам не в восторге от того, что ему приходится делать. Скорее, он предложит нам свою помощь. — Она подошла к Барни, обеими руками взяла его за руку и заглянула снизу вверх в его изрезанное морщинами лицо. — Не мешайте нам, старый друг, — попросила она. — Необходимо, чтобы вы согласились с нами.

Было больно смотреть, как мучался Барни. Но вот он крепко выругался и отдал приказ. Люди принялись за работу.

В зал вошел Грисволд:

— Вы уже... О, вы не можете отправляться прямо сейчас!

— Не можем не отправляться! — сказал я.

— Но вы... вы даже не обедали! Вы ослабеете и... Ладно, знаю, что мне не остановить вас. Иногда работа в лаборатории продолжается допоздна, и на этот случай у нас имеется холодильник с пищевыми припасами. Пойду посмотрю, что в нем есть...

Янис отдал Джинни свою сумку (из тех, что носят на ремне через плечо), а Барни вручил мне куртку (она была мне велика, и рукава пришлось немного подвернуть). Сумка и карманы куртки были набиты до отказа бутербродами с арахисовым маслом для нас и консервами (копченая селедка) для Свертальфа-Больяна. И еще четыре банки пива...

Вот так мы и отправились штурмовать твердыню Ада.

28

Некоторое снаряжение у нас было. В том числе и принесенное Акманом свидетельство о рождении Валерии. Инструкции, которые он мог дать, как лучше использовать это свидетельство, были главной причиной его приглашения участвовать в совещании. Джинни положила документ в свою сумочку.

Никто, включая наших геометров, не знал наверняка, какие средства окажутся в Аду действенными, а какие — нет. Лобачевский смог сказать только, что религиозные символы не обладают там силой, которую имеют здесь. Их действие основано на благости Всевышнего, а всем известно, что никто из обитателей Ада не способен любить. Кое-что, однако, нам могло дать язычество. Языческие понятия о чести и справедливости ничего не значили там, куда мы собирались, а вот понятие силы и искупительной жертвы значили. И хотя века уже минули с тех пор, как последний раз справлялась служба языческим богам, в их символах еще сохранилось достаточно силы и могущества.

Джинни, как обычно, заколола отворот платья булавкой с изображением совы — знак того, что она имеющая лицензию

ведьма. Грисволд разыскал где-то миниатюрную пластинку зеленовато-желтого цвета. Пластинка была ацтекского происхождения, и на ней было вырезано гротескное изображение скалящей зубы змеи, покрытой перьями. Я прикрепил пластинку к своему фонарику для превращений и спрятал его под рубашку. Немного смущающийся под взглядом пастора Карлслунда Барни выудил из кармана сделанный в форме молоточка серебряный брелок — копию тех, что были распространены в эпоху викингов. Брелок принадлежал его жене, но таскал его с собой сам Барни — на счастье. И теперь он перекинул цепочку через шею Свертальфа.

Не было смысла тащить с собой огнестрельное оружие. И Джинни и я весьма неплохо стреляли, но это в эвклидовом пространстве. Если из-за меняющейся гравитации траектория выстрела меняется самым непредсказуемым образом — забудь об огнестрельном оружии, приятель. Мы вооружились, пристегнув к поясу мечи. У Джинни был тонкий, современного производства, золингеновский клинок. Он предназначался главным образом для ритуальных действий. Однако и режущий край, и острие его были отточены. Мой меч, более древний, тоже обладал магической силой. Тяжелое, надежное оружие.

Воздух тоже мог оказаться проблемой. Ад печально известен своим бесчестием. И вообще это место во всех отношениях беспредельно грязное. В запасе у нас были дыхательные аппараты — из тех, что используют для подводного плавания. Если человек уподобляется русалке или иным подобным созданиям, лучше всего, если ему помогает маг или колдунья, способные к тому же отогнать, например, тюленя. Но тут уж как повезет. Специалистов такого рода немного. Поэтому чаще ограничиваются комплектом, состоящим из обычных баллонов и маски. Маски могут быть различными, в том числе и для различных животных. Мы разыскали еще и комплект, подходящий Свертальфу. И еще один я прикрепил к своему баллону, для Валерии, если нам улыбнется удача.

На этом перечень нашего снаряжения заканчивался. Будь у нас время, мы бы смогли подготовиться лучше. И еще мы могли бы взять с собой не пару метел, а драконов, даже двух. И прихватить несколько тонн всяческого груза — чтобы во всеоружии встретить любую неожиданность, которую может предвидеть группа стратегического анализа. Однако армия уже пыталась действовать подобным образом и... потерпела неудачу. Зато у нас были сведения, которыми не располагали армейцы, и еще у нас был единственный, в своем роде, советник. Может быть, это сработает.

Пока мы вместе с несколькими помощниками торопливо

готовились, Барни и Нобу тоже завершали приготовления к нашему перебросу. Они уже почти закончили, но в последнюю минуту я попросил их сделать кое-что, и как можно скорее.

В центре пола была начертана фигура (не буду открывать, какая именно). Ее обрамляли расставленные правильным пятиугольником освященные свечи. Сверху издавал неприятные звуки огромный колокол. Он предназначался для выброшенной из адской Вселенной массы обмена. Возможно, это будет какое-то живое существо или некий газ. В общем, нечто, с чем будет трудно справиться.

— После нашего переноса, — сказал я, — сразу же помести сюда несколько фунтов какого-либо вещества. Конечно, если не окажется, что внутрь соваться опасно.

— Что? — в изумлении спросил Барни. — Но тогда это даст возможность... кому и чему угодно... Например, преследователю... Совершить переход без затруднений!

— Что бы ни оказалось здесь, оно не сможет выйти за пределы диаграммы, — напомнил я. — Мы будем действовать очень быстро. Будьте наготове, пустите в ход все свое волшебство, чтобы оно не вернулось обратно. Не знаю, что нам удастся там обнаружить. Возможно, это будет иметь большое научное значение. А людям необходимо знать больше об Аде. Хотя, скорее всего, наша добыча будет равна нулю. Но все же подготовьте замену.

— Ладно. Для сумасшедшего ты рассуждаешь разумно. — Барни вытер глаза. — Проклятье, я, должно быть, подцепил какую-то аллергию...

Когда мы попрощались, сухие глаза остались лишь у Яниса.

И в мозгу моем размеренно и печально звучала жуткая мысль:

"Стив Антонович, Вирджиния Виллиамовна и кот, наверняка обладающий своей собственной душой, я больше не могу помогать вам. Теперь я обязан стать простым наблюдателем. Только наблюдателем, удовлетворяющим собственную любознательность. Не буду обременять вас огорчением, которое вызывает у меня эта необходимость. Вы более не будете ни сознавать, ни ощущать моего присутствия. Прощайте! Да благословит вас Бог!.."

Я почувствовал, как он уходит из моего сознания. Как сон, который выцвечивается, когда вы, проснувшись, пытаетесь вспомнить его. И вскоре от него осталось лишь ощущение, что что-то хорошее происходило со мной в течение двух-трех часов. Или нет, не совсем так. Подозреваю, что своим спокойствием в последующие минуты я обязан его незримому присутствию. Он не мог не помогать. Он был Лобачевским...

Рука об руку, со своими метлами, мы с Джинни вступили в фигуру связи. Впереди шествовал Свертальф. В самой ее середине мы остановились, чтобы поцеловаться и шепнуть друг другу последние слова. А потом медленно натянули маски. Оставшиеся приступили к волшебству.

Зал снова окутался тьмой. Я ощутил, как скапливается энергия. Загремел гром, заходил ходуном пол под ногами. Фигуры друзей удалялись, я уже висел над их головами. Сквозь усиливающийся грохот я расслышал, как моя ведьма начала читать то, что написано на пергаменте. Там стояло имя "Викторикс", и теперь силы природы переносили нас туда, где она должна была находиться. Переносили сквозь дьявольское пространство-время.

Зал, звезды, Вселенные, весь мир начал вращаться вокруг нас. Мы находились в центре урагана. Все быстрее и быстрее кружился мир. Он превратился в одну гигантскую мельницу. А потом, словно громадный водопад, остался лишь рев. Нас крутил, топил, засасывал бесконечный водоворот. Последний проблеск со страшной скоростью угасшего света. И когда мы достигли конца бесконечности, свет умер. А в самом конце нас ждал такой ужас, что мы бы никогда не осмелились пойти ему навстречу...

Никогда, если бы не наша дочь, Валерия Викторикс...

29

Должно быть, я на минуту потерял сознание. На минуту, а может, на миллионнолетие. Внезапно, как будто во мне щелкнул выключатель, я начал понимать, что наше путешествие окончено, и мы куда-то прибыли. Куда-то, как бы это ни называлось...

Я привлек Джинни к себе. Мы смотрели, ощупывая друг друга дрожащими пальцами. Никаких повреждений. Свертальф также был в полном порядке. Раз он не требовал, чтобы на него обращали внимания, значит, с ним было все в порядке. Больян тут же заставил его пуститься бегом по расширяющейся спирали, чтобы выяснить, какова обстановка.

Я осторожно двинул маску, вдохнул воздух. Он был ужасающе холодным. Дул ветер, пронизывающий до самых костей. Но воздух казался чистым. Если быть точным — стерильным.

Стерильность. Здесь все было ею пропитано. Беспредельно черное небо. Но каким-то непонятным образом мы видели звезды и планеты, похожие на безобразно сваленные груды шелка. И те, и другие — глаза видели ясно — двигались по хаотичным траекториям. Просто это были пятна как бы еще более глубокой

тьмы. Тьмы, которая означает не отсутствие, а отрицание света.

Мы стояли посреди голой равнины. Серой, ровной, плоской, словно отлитой из железобетона. Ничего вокруг не было, если не считать рассыпанных повсюду камней. Среди них не было двух одинаковых, но все они были неизменно уродливы. Свет излучала почва. Бледный, бесцветный, не дающий теней свет. Равнина, казалось, продолжалась бесконечно. Ни горизонта, ни препятствий. Не было ни движения, ни звука, ни сторон света — лишь тоскливый свист ветра.

Всякие мерзости мне приходилось видеть, но такое... Хотя нет, ужаснее всего было и будет — подкидыш в кроватке нашей дочери...

Мы с Джинни сняли маски. Она вся дрожала, крепко обхватив себя руками.

— Я д-д-думала, что нас в-встретит пламя, — сказала она.

Подходящее высказывание. Впрочем, в исторических случаях только такие и делаются.

— Данте описал седьмой круг ада, как место, где властвует холод, — медленно ответил я. — По-видимому, он что-то знал... Где мы?

— Не знаю. Если волшебство удалось... мы на какой-то планете. Если только слово "планета" имеет тут какой-нибудь смысл. Вал должна быть где-то здесь. Не слишком далеко отсюда. Вернее будет...

Мы, естественно, приложили все усилия, чтобы оказаться здесь раньше нее.

— Не похоже на то, о чем свидетельствовали предыдущие экспедиции.

— Нет. У них был иной перенос. У нас с ними разные ритуалы. К кому же мы двигались против течения времени. Возвращаться будет легче.

Свертальф исчез за ближайшим камнем. Мне это не понравилось.

— Коммен зи цурюк! — закричал я, перекрывая свист ветра. — Ретурне ву!

И догадался, что перед переносом Лобачевский впечатал в мой мозг знание немецкого и французского. Ей-богу, и русского языка тоже!

— Иду, — раздалось сзади.

Я обернулся в ту сторону, где исчез кот.

Но он шел к нам с противоположной стороны.

— Искривленное пространство, — сказала Джинни. — Смотри, Свертальф ставит лапы твердо, но путь его извилист, как будто он напился. Он движется по кривой. А ведь он всего в

нескольких ярдах от нас. Что, если он был в нескольких милях?

Я огляделся:

— Все выглядит прямолинейным.

— Так и должно быть, пока ты не двигаешься. Бр-р. Сделаем, чтобы потеплело.

Она вынула из сумки складную волшебную палочку. Звезда на ее конце не сверкала, лишь тлела. Но наши тела окутало исходящее от нее ласковое тепло. Если честно, сделалось, пожалуй, даже слишком жарко. Я вспотел. Видимо, адская Вселенная обладала такой высокой энтропией, так далеко зашел процесс термодинамического распада, что даже маленькое воздействие на нее вызывало большой эффект.

Свертальф был уже рядом с нами. Оглядывая с беспокойством равнину, я пробормотал:

— Нас здесь ожидает немало трудностей. Как мы с ними справимся?

— Нам благоприятствуют два обстоятельства, — сказала Джинни. — Первое: колдовство переноса оказалось действительно эффективным. Его влияние еще не закончилось. Оно охраняет нас, в какой-то степени сглаживает впечатление и благодаря ему обстановка кажется схожей с земной. Второе: демоны заранее хорошо знали, где и когда им ждать предыдущие экспедиции. У них было достаточно времени для подготовки всяких грязных фокусов. Мы же прокрались незаметно. — Она откинула со лба локон и добавила твердо: — Думаю, что у нас, когда мы тронемся в путь, проблем будет полно.

— А это нужно?

— Да. С какой стати похититель вернется именно сюда, в пустыню? Вряд ли мы могли оказаться точно в нужном месте. Помолчи, сейчас я определю направление.

Она подняла вверх пергамент с именем "Викторикс". Пропела заклинание. Палочка недвусмысленно повернулась в определенном направлении. Но магический шар оставался туманным. Ни намека на то, что нас ждет впереди и сколь долгий предстоит нам путь. Слишком чуждым здесь было время-пространство.

Мы поели, попили, отдохнули несколько минут и тронулись в дорогу. Джинни со Свертальфом на седельном луке держалась впереди. Я летел чуть правее сзади. Метлы работали плохо, двигались медленно. Защитный экран приказал долго жить, и мы остались открытыми дующему справа ветру. Но зато мы успели подняться и выровнять наш полет до того, как он сделался очень сильным.

Сперва началось зрительное искажение. Я смотрел, и рука моя все крепче сжимала рукоять рычага управления. Свер-

тальф, моя красавица Джинни, камни внизу — все пошло рябью, волнами, начало сужаться и растворяться, потекло. Все сделалось неприятно карикатурным. И одна грязная карикатура тут же сменялась другой — еще худшей. Казалось, с тела сшелушивались куски мяса. Обвисая каплями, они утонышались, вытягивались. А потом срывались и пропадали. Звуки изменились тоже. Пронзительный свист перешел в какофонию. Вопли, гул, жужжание — будто быстро произносимые, полные угроз слова. Я почти понимал их. Они вибрировали ниже порога восприятия, я не слышал их, но мое тело слышало. Я отвечал им, содрогаясь от ужаса.

— Не обращай внимания! — закричал я. — Это оптический эффект Доплера... — Но мой окрик не смог пробиться сквозь этот хаос.

Внезапно моя любимая стала удаляться. Уносилась от меня, вращаясь, словно сорванный ветром лист. Я попытался лететь за ней следом, прямо навстречу ветру, выбивающему из глаз слезы. Но чем больше я старался приблизиться к ней, тем быстрее уносилась от меня Джинни.

— Больян, помогите! — закричал я в пустоту.

И пустота поглотила меня.

Я скользил вниз по какой-то невозможно бесконечной кривой. Метла не могла выйти из пикирования.

"Нет, — старался я перебороть страх, — я не разобьюсь!

Нет. Полет скоро выровняется. Выровняется, когда я буду над теми..."

Гряда камней, в направлении которой я падал, оказалась вовсе не грядой камней. Это была горная цепь. Буря смеялась над моими усилиями. Метла подо мной тряслась. Я тянул на себя рычаг управления, мычал заклинания, но ничего не мог поделать. Если мне не удастся сесть, я разобьюсь об утесы...

Видимо, я пролетел несколько тысяч миль. Не меньше — ведь иначе я бы увидел эти горные пики посреди бесконечной равнины. Джинни потеряна... Вал потеряна. Возможно, меня ждет смерть, но все равно я не имел права терять надежду...

— Ию-у-у! — прорезалось сквозь шум и хаос.

Я крутанулся, чуть не свалившись с седла. Ко мне неслась Джинни. Развевающиеся волосы пылали огнем. Звезда на волшебной палочке вновь сияла, словно Сириус. Управляли помелом когтистые лапы Свертальфа, то есть Больяна. Сверкали желтые глаза, сверкали белые клыки. И морда кота походила на морду пантеры.

Они летели совсем рядом. Джинни перегнулась ко мне, и наши руки встретились. Словно ток пробежал по мне от ее ладони. Я смотрел, как управляет метлой кот, и повторял его

движения. На земле такой пилотаж привел бы к аварии. Но здесь мы лишь развернулись и начали набирать высоту.

Как это объяснить? Предположим, вы — плоскостник, мифическое создание. Хотя, впрочем, всякое живое существо — мифическое создание. Так вот, вы — плоскостник, живущий в пространстве двух измерений. Если это плоскость, то ее геометрию мы изучали в средней школе. Параллельные линии не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками есть отрезок прямой, сумма углов треугольника 180 градусов, и так далее...

Но теперь вообразите, что какой-то трехмерный гигант вытащил нас оттуда и опустил на поверхность, имеющую другую форму. Например, это может быть сфера. Вы обнаружите, что пространство изменилось самым фантастическим образом. Подразумевается, что в сфере меридианы и параллели имеют конечную длину. Расстояние между двумя точками тем меньше, чем ближе линии к дуге наибольшей окружности. Сумма углов треугольника оказывается меняющейся величиной, она всегда больше 180 градусов, и так далее. Возможно, вы тут же свихнетесь.

А теперь вообразите конус, гиперболоид, другие тела, полученные вращением логарифмических и тригонометрических кривых или, например, от вращения ленты Мебиуса. Вообразите себе все то, что можете. А теперь представьте еще и планету, где воду беспрерывно вспенивают штормы, где не действуют обычные законы физики. В каждой отдельной точке поверхность имеет свою форму, которая даже не остается постоянной во времени. Превратите два измерения в три. Затем в четыре, еще одно измерение — ось времени. Теперь добавьте гиперпространство, в котором действуют паранатуральные силы. Пусть в этом пространстве действуют законы хаоса и ненависти. И вы получите некоторую аналогию с тем, что представляет собой адская Вселенная.

Мы тогда попали в седловую точку, и Джинни понесло в одну сторону, а меня — в другую. Наши курсы разошлись потому, что такой была кривизна пространства. Моя попытка догнать ее была хуже, чем бесполезной. В области, где я находился, линии направления к ней круто изгибались совсем в другом направлении. Я ошибся и, оказавшись внутри громадной складки пространства, помчался навстречу гибели.

Ни один смертный не смог бы избежать участи, которая была уготована мне. Но Больян не был простым смертным — уже прошло более ста лет, как его Дух высвободился из бесценной для каждого человека, но такой ограниченной плоти. И к природному гению добавились знания и мастерство, приобретен-

ные за это время. Математику удалось достигнуть взаимопонимания с Джинни, воспользоваться ее помощью. И поэтому тело Свертальфа превратилось из ловушки в оружие, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Больян мгновенно оценил, как меняется окружение. Составлял и решал в уме описывающие его уравнения. Рассчитывал, каковы должны быть его свойства. Безошибочно предвидел дальнейшие варианты кривизны пространства. И все это в мельчайшие доли секунды. Он лавировал в вихре изменений, словно футболист, рвущийся к заветным воротам.

Он победил. Не имея другого голоса, он запел песню, которую поют коты после драки с соперником или свидания с кошкой. Круто меняя курс, мы понеслись над горами и устремились к нашей цели...

Наш путь был не прост. Мы не должны были ни на секунду терять бдительность. И реагировать приходилось молниеносно. Нередко мы ошибались, что едва не приводило нас к аварии. Мне пришлось отпустить руку Джинни. Ее помело снова улетело в сторону. Потом, на повороте, под действием мощнейшего гравитационного поля, пространство резко прогнулось, и наши метлы чуть не столкнулись.

От резкого рывка глаза почти вылетели из орбит, а желудок подкатил к горлу. Мы завертелись волчками, когда сила тяжести исчезла. Мы пролетели сквозь складку пространства вместо того, чтобы обогнуть ее, и немедленно оказались в совершенно ином месте. Мы попали в область, где в гиперпространстве было так мало энергии, что метлы перестали работать. Выбирались оттуда, используя аэродинамические свойства метел... Я даже не могу и припомнить всего того, что случилось.

До сих пор нам хватало сил, чтобы справляться с полетом. Но вскоре мы увидели, что равнина кончается, а за ней начинается гряда утесов. А там, на мили, груды нагроможденных скелетов. И пропасть, в которой, казалось, нет дна. И море лавы, над которой вспыхивали языки пламени и поднимались столбы дыма. Мы поспешно натянули маски — пока этот едкий дым не сжег наши легкие. Но до следующей равнины было еще далеко. Теперь лететь стало сравнительно легко. Полет пока не требовал всего нашего внимания. Мы этим воспользовались. Джинни подняла шар. Бледное разгоревшееся сияние показало, что мы близки к своей цели.

Я выпустил ее руку. Мне не хотелось этого делать, но наши пальцы уже болели от напряжения. Не сцепи мы их снова, нас бы разбросало в разные стороны. Некоторое время мы летели в тишине. Осматривались.

Ветер остался где-то позади. Ничего не нарушало тишину —

только шорох разрезаемого метлами воздуха. Все более крепчал кладбищенский запах. Мы глотали тепловатый, пропитанный мерзостью воздух и задыхались. Все же еще пока дышать было можно. Небо по-прежнему было черным, а на нем — чернее самой черноты — медленно ползли планеты. Иногда почти над нашими головами пролетали огромные метеориты. Скорость их полета была ненамного выше нашей. Они пролетали, выходя за пределы узкой атмосферы этого не имеющего горизонта мира, — и исчезали.

Изредка вспыхивало пламя разрыва, и сумрак заполнялся перекатывающимся грохотом.

Наш путь по-прежнему освещало лишь испускаемое почвой унылое свечение. Мы уже летели над окраиной болота — огромного, как и все, что мы видели в этом мире. Где-то вдали виднелись другие болота, пруды, озера. И там, где на них вскипала пена гниения, поверхность тускло блестела. Высились толстые искривленные стволы деревьев. Их ветви переплетались. Над водой, где плавали обломки деревьев, преклоняли колени мрачные кипарисы. И мертв был тесно росший вдоль берегов камыш. Сквозь сумрак ползли желтые испарения. Центральные области болот были полностью покрыты туманом, который медленно вскипал и выбрасывал все новые клубы пара.

Далеко впереди тревожным, красноватым отблеском вспыхивали низко нависшие облака. Внезапно пространство содрогнулось, и мы оказались над ними.

Нас оглушали звуки, буря звуков. Вопли, вой барабанов, вой труб. В облаках открылся просвет. Там — высокий, словно наши темные башни, костер. От него исходил страшный жар. Мне показалось, что на нас нацелен гигантский мясницкий нож. В пламени корчились и визжали какие-то существа, но я не мог разглядеть, какие именно. А вокруг костра плясали люди — черные, тощие, как мумии, и голые. Они увидели нас, и прерывистый рев огня прорезал оглушительный крик. Тамтамы начали слитно выбивать "бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу". С деревьев, на которых не было листьев, сорвалась стая птиц. Размером и окраской они напоминали ястребов, но их черепа и лапы, с безжалостно изогнутыми когтями, были лишены плоти.

Свертальф вызывающе зашипел, дал ускорение, и птицы остались позади.

Внезапно, спустя несколько миль, впереди тоже послышался бой барабанов. А за ним и вдали, уже шепотом, еще и еще доносилось "бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу".

Джинни махнула мне, и я подлетел к ней ближе. Вид у нее был мрачный.

— Если не ошибаюсь, — сказала она, — это "говорящие барабаны", и весть о нас передается все дальше и дальше.

Моя левая рука опустилась на рукоятку меча.

— Что будем делать?

— Изменим направление. Попытаемся подлететь туда с другой стороны. Ну, быстро.

После страшного жара того костра ветер, вызванный полетом, показался почти приятным. Теперь это был прохладный, чистый ветер, уже без зловоний. Воздух вскоре снова сделался холодным. Под нами простиралась голая вересковая пустошь. Там сражались две армии. Должно быть, они занимались этим уже не одно столетие.

Многие были одеты в кольчуги и остроконечные шлемы, другие — в кожу и грубо выделанные ткани. Оружием им служили мечи, топоры, копья. До нас донесся звон металла, шарканье ног, несущие смерть звуки попавших в цель ударов. Но не было слышно ни крика, ни клича труб, ни даже надсадного, как скрежет напильника, дыхания. Мертвецы устало и безнадежно продолжали сражаться. И этой войне не будет конца.

Миновав поляну, мы повернули и снова устремились к своей цели. Пронеслись над лесом виселиц. Затем над рекой — она текла с шумом, похожим на плач. Порывами ветра до нас донесло брызги. Они были теплыми и солеными на вкус. Нам пришлось вытерпеть жар и ядовитые испарения, поднимавшиеся над дорогами, по которым ползли какие-то механические повозки. Каждая повозка упиралась в конец предыдущей. Дорога достигала нескольких метров в ширину. Не знаю, какой она была длины, как и не знаю цели, для которой ее построили.

Потом мы пролетели над холмами, изрытыми окопами и оставшимися после разрывов воронками. И здесь ничего не сохранилось — если не считать заржавевшей пушки и знамени, установленного в знак победы. Знамя давно выцвело. Теперь его цвет был серым.

Холмы тянулись бесконечно. Они громоздились все выше, и очередная их цепь была так высока, что нам пришлось надеть маски. Мы летели сквозь ущелья, увертываясь от падавших камней. Но за горами перед нами вновь развернулась новая страна. Опять бесконечная, усеянная вулканами равнина. Далеко впереди высились гигантские черные башни. На таком расстоянии они казались игрушечными. Магический шар ослепительно вспыхнул. Волшебная палочка подпрыгнула в руках Джинни, указывая на башни.

— Клянусь Гекатой, — крикнула Джинни, — вот оно!

30

Мы летели совсем близко друг к другу. Воздух по-прежнему был холодным. Он выл и причитал, проносясь мимо нас. В его запахе было что-то сродни запаху серы и мокрого железа. Наши метлы развернулись, набрали высоту. Нога Джинни касалась моей, и наши движения были точно согласованы.

Мы глядели в шар. Свертальф-Больян вывернул голову из-под руки Джинни и посмотрел тоже. На таком близком расстоянии, да еще когда пространство имело почти земную геометрию, магический кристалл работал хорошо. Джинни настроила шар на замок. Замок был совершенно черного цвета. Размеры и форма его были чудовищными. Да и имел ли он форму? Он расползался во все стороны, тянулся вверх, подвальные этажи глубоко уходили под землю. Остальные его части ничто не объединяло — ничто, кроме уродства. То поднимающийся над кубической башней тонкий кривой шпиль, то как усеянный вздувшимися прыщами купол. А вон там — громадный каменный зубец, нависший над неправильными очертаниями ворот. Целые квадратные мили воздвигнутого без всякого плана уродства. И кишащие толпы причудливых обличий дьяволов.

Мы попытались заглянуть сквозь стены, однако проникли недалеко. Мы разглядели похожие на пещеры помещения, извилистые лабиринты коридоров. Но слишком уж все здесь было насыщено силами зла. И то нам повезло, учитывая, что хоть и смутно, но кое-что мы поняли.

Вдруг из замка к нам донесся чей-то мысленный сигнал. Нет, не мысль, а волна такой муки, что Джинни громко вскрикнула, а у меня из прокушенной губы потекла кровь. Мы выключили шар и, обнявшись, подождали, пока нас не оставит дрожь.

— Не поддавайся, — сказала Джинни, высвобождаясь. — Времени у нас мало.

Она вновь включила магический кристалл и произнесла заклинание предвидения. В нашей Вселенной это колдовство срабатывало редко, но Лобачевский теоретически доказал, что координатная изменчивость Нижнего Континуума дает определенные шансы. Изображение в шаре поплыло панорамой, остановилось, надвинулось крупным планом. Какой-то двор, имеющий форму неправильного семиугольника, окруженный зданиями с искривленными башнями. Посреди двора стояло невысокое строение без окон, с единственной входной дверью. Над домом возвышался шпиль, напоминающий безобразную черную поганку. Шпиль превосходил высотой окружающие здания, тень его перекрывала весь вымощенный камнями двор.

Мы не смогли заглянуть внутрь этого дома. Создалось, однако, такое впечатление, что там никого нет. И мне показалось (от одной мысли по телу поползли мурашки), что дом каким-то извращенным образом соответствует по назначению нашей часовне.

— Это определенно означает, что она скоро окажется здесь, — сказала Джинни. — Нужно быстро решать, что будем делать.

— Действовать придется быстро, — отозвался я. — Дай-ка все это крупно.

Джинни кивнула. Изображение в шаре изменилось. Теперь мы смотрели сверху. Я снова увидел, как многочисленна заполняющая замок толпа, всегда ли они бывают так возбуждены? Наверняка нет. Мы сфокусировали кристалл на одной из групп демонов. Среди них не было двух одинаковых. В Аду в высшей степени развито тщеславие. У одного все тело было покрыто шипами и иглами. Другой выглядел как динозавр со щупальцами. Неряшливого вида толстяк, соски которого представляли крошечные скалящие зубы головки. Свинья с крыльями. Беспрерывно меняющая свои очертания клякса. Голый мужчина со змеей вместо пениса. Демон с яйцом на животе. Карлик, на тончайших, футов десяти, ногах. И другие, вид которых описать почти невозможно.

Мое внимание привлекло то, что большинство демонов были вооружены. Огнестрельное оружие им, по-видимому, знакомо не было. И все же и средневековое оружие может наделать в бою немало хлопот.

Меняя настройку, мы рассмотрели много таких же групп. Всюду царил совершенно неправдоподобный беспорядок. Ни дисциплины, ни уважения друг к другу. Они метались — так бестолку носится курица, когда ей отрубят голову. Каждый орал что-то свое. На бегу демоны сталкивались, и тут же с руганью начиналась драка. Но ежеминутно откуда-то из внутренних помещений замка доставлялось оружие, все чаще гротескно выглядевшие твари взлетали в воздух и начинали там описывать круги.

— Поднята тревога. Прекрасно, — сказал я. — Барабаны...

— Не думаю, что они знают, чего ожидать, — низким, напряженным голосом прервала меня Джинни. — Там, откуда мы прилетели, никакой особой охраны не выставлялось. Разве Враг не сообщил насчет нас?

— Похоже, что он, как и Лобачевский, избегает лично вмешиваться в это дело. И видимо, по тем же самым причинам. Самое большее, что он может сделать, — это послать какую-нибудь мелочь для наблюдения. А демоны не могут знать наших

возможностей. К тому же, похоже, мы сумели оказаться здесь вовремя.

— Учти еще, что дьявольское воинство всегда отличалось тупостью. Злу не присущи ни ум, ни созидательные способности. Вот их предупредили о том, что нужно ждать нападения, — и погляди на эту сумятицу!

— Но недооценивай их. Идиот тоже способен убить...

Я предложил:

— Если ты согласишься, давай вот что мы сделаем. Летим прямо туда. Действовать придется быстро. Пространство здесь близко к нормальному, метлы работают хорошо. Хотя... Прямо во двор мы спуститься не можем, нам преградят дорогу. Видишь тот дворец? Допускаю, что эта уродина должна служить им дворцом... Слева, с колоннами по фасаду, похожими на кишки? Должно быть, он принадлежит какой-нибудь важной шишке. В последний момент разворачиваемся и мчимся к нашей подлинной цели. Ты влетаешь внутрь, устанавливаешь параестественную защиту и готовишься к колдовству возвращения. Я охраняю дверь. Когда появляется Вал, ты протыкаешь мечом их похитителя и хватаешь ее. Годится?

— Да. Ох, Стив, — слезы медленно поползли по ее лицу, — я люблю тебя!

Там, в небе, мы поцеловались, как в последний раз, а затем бросились в атаку.

Выл разрезаемый нашими метлами воздух. Мчалась навстречу мрачная твердыня Ада. Я услышал крик Свертальфа, — крик вызова, и отозвался ему. Страха не было. Прочь, легионы тьмы, мы пришли сюда за нашей дочерью!

Нас увидели. Карканье, кваканье, вой, подхваченные снизу воплями других демонов. В воздухе замельтешили крылатые демоны. Их становилось все больше, и вскоре их стаи совсем заслонили черные звезды. В воздухе били сотни крыльев. Но скудный разум демонов не мог сообразить, что делать дальше. Мы подлетали все ближе и ближе. Стены замка росли. Но мы пересекли эту границу!

Все силы Джинни уходили на охрану нас от колдовства. Рассыпая голубые искры, в защитное поле ударила молния. Грянул гром, запахло серой. Несущие смерть облака газа вырвались из демоновых труб, окутав нас плотным шаром, — и рассеялись. Я не видел, не слышал этого, но нисколько не сомневался, что на нас дождем сыпались проклятья и заклинания, что вертелись вокруг страшные и искушающие призраки и привидения. Все это отскакивало от созданной Джинни защиты.

Но она была уже на пределе. Краем глаза я видел ее белое,

осунувшееся лицо. Лоб и щеки залиты потом, и к ним липли волосы. Губы беспрерывно шевелились, творя заклинания. В одной руке — волшебная палочка, вторая делает пассы. На переднем сиденье метался Свертальф-Больян. Еще несколько минут, и они просто не выдержат.

Но магия сделала свое дело, остановить нас колдовством оказалось немыслимо. Кинувшиеся в атаку твари, в конце концов, видимо, поняли это. Их нападение застопорилось. На нас стремительно, размером с лошадь, пикировал орел с головой крокодила.

Я выхватил меч, поднялся на стременах. И, заорав: "Не выйдет!", ударил. В мече пробудилась былая сила. Удар попал в цель, да так, что мне самому чуть не вырвало руку. Из отрубленного крыла струей брызнула кровь. Дьявол взвыл и камнем упал вниз.

Вокруг моей правой руки обвивалась змея с крыльями летучей мыши. Она не успела вонзить зубы — левой рукой я схватил ее за шею. Я — волк, даже когда становлюсь человеком. И я откусил ей голову! И тут же — едва успел вовремя — разрубить нападавшего на Джинни двухвостого ската.

Мы пронеслись дальше, и я оглянулся. Скат упал — из брюха у него вываливались внутренности. Потом нас попыталась перехватить крылатая собака. Вскинув меч, я сразил ее острием лезвия.

Завыли трубы. Хлопая крыльями, каркая, испуская пронзительную вонь, стая отступила. Началась обычная для них суматоха. Наша стратегия сработала. Все они — и летающие, и нелетающие — все отступили.

Как и было намечено, оказавшись в пределах замка, мы пролетели еще метров сто. Дворца уже не было видно. Его сплошь закрыли своими телами и крыльями дьяволы. Подавая сигналы, я поднял меч. Мы развернулись вправо и, со свистом рассекая воздух, помчались вниз. Сзади раздались крики.

Посадка была жесткой. Вот он, окруженный стенами дворик, нависавшие макушки башен. "Часовня", темнеющая в сумраке, выглядела грудой камней. Я соскочил с седла, кинулся к двери, схватился за ручку. Дверь со скрипом открылась, мы ворвались внутрь.

Дом состоял из единственной комнаты. Пусто, лишь посередине алтарь. Влажные каменные стены. Помещение без потолка было невелико и залито образовавшимися от башен тенями. Над алтарем — Рука Славы, из которой лился тусклый голубой свет. На полу начертанная диаграмма, такая же, которую мы использовали для переноса. И алтарь — такой же.

Сердце, гулко стукнув, замерло.

— Вал! — воскликнул я.

Джинни вцепилась в меня, пытаясь остановить. Ей не удалось бы этого сделать, если бы не Свертальф, кинувшийся мне под ноги.

— Стой! — Джинни задыхалась. — Не двигайся! Это подменыш.

Я захлебывался, вдыхая воздух. Но как мне было вынести это зрелище стоявшей перед алтарем детской кроватки? Золотые локоны... и пустые, бессмысленные глаза. Дико было видеть очередную... массу обмена. Ведь на самом деле это — домашний мусор, пыль, содержимое свертальфовой коробки с песком, кофейная гуща, использованные салфетки, бумажки, жестянки с надписью: "Суп Кембелла".

Во двор хлынул кипящий поток дьяволов. Лезли через стены, врывались в ворота. Я захлопнул дверь, опустил засов. Засов был прочный. Возможно, он поможет нам выиграть несколько минут... Сколько нам нужно продержаться? Я попытался осмыслить происшедшее. Похититель был, несомненно, слабоумным — даже по критериям Ада. Он услышал проклятие Мармидона. Наверное, многие демоны слышали это проклятие, но никто из них не видел возможности использовать его. Лишь этот заметил уязвимое место.

— Ага! — сказал он и кинулся добывать славу.

Советоваться с теми немногими демонами, которые способны думать, он не стал. Они бы могли отговорить его. Этот поступок открывал связь между Адом и церковью иоаннитов. Таким образом, весь план по уничтожению религии и общества оказался под угрозой. План, над которым Враг работал с тех пор, как удалось ввести в заблуждение первых приверженцев.

Будучи тупоумной, эта тварь не могла понять, как решить проблему импульса и количества движения переносимого тела. Масса обмена должна быть практически подобна по своему строению оригиналу — иного пути он не видел (сам по себе демон мог без помех перейти из одной Вселенной в другую). Тогда он выработал план. Появиться в нашем доме, выяснить, как выглядит Валерия (когда она спала), возвратиться сюда, создать её подобие и вновь возвратиться за нашей дочерью. На выполнение первой части плана ушли считанные секунды, но Свертальф насторожился. Само похищение должно было произойти столь же стремительно, однако кот оказался воинственным и кинулся в драку.

В это мгновение (если понятие одновременности вообще имеет смысл для различных Вселенных) и начался бой, в котором Свертальф пытался защитить Валерию.

Мое горло сжалось, и я нагнулся к Свертальфу.

— Мы все опоздали, кроме тебя, — прошептал я и нежно погладил его по покрытой гладкой шерстью голове.

Он досадливо дернул ушами. В данных обстоятельствах у него не было желания предаваться сантиментам. Впрочем, уши эти в равной степени принадлежали и Яношу Больяну.

Выдвигая защиту против колдовства демонов, Джинни мелом начертила вдоль стен диаграмму. Нельзя было ни в малейшей степени повредить ни алтарь, ни колдовской знак на полу, ни вообще что-либо необходимое для возвращения демона. Если они будут повреждены, когда он находится в нашем космосе, нужно просто прочесть необходимые заклинания. Точно так же, как эти символы и алтарь в лаборатории Грисволда необходимы для нашего возвращения. Так сказать, спасательный трос. Один Бог знает, что случится, если похититель обнаружит, что не может вернуться обратно. Ведь у него в руках наша дочь...

Оставив подменыша, он уже покинул вместе с ней этот дом. Но у нас ни малейшего понятия не было, как именно происходит его возвращение и где он сейчас находится. Соверши мы неосмотрительный поступок, и у Врага появится возможность осуществить свой план.

Шум снаружи нарастал. Топот, удары, звон, вой, свист, хрюканье, стоны, выкрики, какой-то плеск, шипение, лай, мычание... Дверь затряслась. В нее били кулаками, ногами, копытами. Мне пора было превращаться. Я скинул акваланг, сбросил верхнюю одежду. Оставил лишь куртку Барни, обмотав ее вокруг левой руки.

Лязгая зубами, сквозь стену прорвалась чья-то шестифутовая пасть. Я завопил. Свертальф зашипел, заплевался. Джинни схватила волшебную палочку, выкрикнула заклинание изгнания бесов. Пасть исчезла. Но оставалась опасность, что она появится вновь.

Джинни необходимо было установить защиту против проникающих сквозь стену демонов. Лишь потом она могла приступить к волшебству превращения. Этот обряд нельзя было прервать по крайней мере до тех пор, пока между этой "часовней" и оставшейся на Земле лабораторией не установится хотя бы слабое поле. В противном случае волшебство окажется бесполезным. Установив первоначальный контакт, Джинни должна не спеша определить, как соотносится колдовство, и создать такой же баланс, чтобы мы могли перенестись обратно. Но сейчас об этом не могло быть и речи. В результате ее защита действовала слабо и медленно.

Гвалт снаружи несколько уменьшился. Я услышал, как кто-то пролаял команду. Глухие удары, жалобные вопли — видимо,

оставшихся подгоняли дубинками. Стук в дверь усилился. Били изо всех сил. Дверь затряслась.

Я встал сбоку. При очередном ударе дверь соскочила с петель. Ворвавшийся первым дьявол выронил свое бревно и кувырком влетел внутрь. Он несколько походил на гигантского, величиной с человека, таракана. Быстрым ударом я рассек его пополам. Даже разрубленный, он продолжал молотить конечностями. Судорожный взмах его лапы сбил с ног следующее существо, обладающее громадными оленьими рогами. Я воспользовался этой помощью и без труда прикончил упавшего.

Демоны оттащили перекрывающее узкий проход бревно. Но тела убитых по-прежнему мешали им. Мрак снаружи еще больше сгустился — так плотно столпились у входа демоны. Шума было поменьше, но воняло все так же отвратительно.

Вперед выступил демон, походивший на гориллу с человеческими ногами. Он вращал топором, соответствующим его росту. Приняв стойку каратэ, я уклонился. Топор врезался в дерево, полетели осколки. Мой меч запел свою песню. Топор упал, у гориллы оказались отрублены пальцы. Взвыв от боли, она бросилась на меня и воткнулась головой в стену. Я же полоснул ее по ахиллесову сухожилию. Демон упал, но я не стал добивать его. Пытаясь отползти, он мешал остальным наброситься на меня.

Следующим было существо, вооруженное щитом и мечом. В течение двух или трех минут мы обменивались ударами. Это был хороший боец. Я парировал, а часть ударов принимал на левую руку, замотанную курткой. Она была уже вся изрезана. Я никак не мог сразить его из-за этого щита. Лязг металла перекрывал сумасшедшие вопли снаружи. В сумраке вспыхивали искры. Я уже задыхался. Он теснил меня. Потом догадался: дождавшись его взмаха сверху, я присел. Он повернулся. Схватив левой рукой топор, я просунул руку ему между ног и дернул. Он грохнулся, открыв незащищенную шею, и тут я ударил.

Вскочив, бросил топор в следующего монстра. Тот повалился. Стоявший сзади попытался ткнуть меня копьем. Перехватив древко, я рубанул демона по голове.

Больше желающих не было. Пока что не было. Ожесточенно переругиваясь, они крутились возле двери. Я сознавал, что долго так не выдержу. Единственный шанс — принять менее уязвимый облик волка. Я отбросил меч и направил на себя фонарик, но сразу же понял, что превращение идет плохо и медленно. Адское излучение препятствовало трансформации. Это была пытка. Какое-то время я был совершенно беспомощен. Я корчился. Дьявол с пушистой петушиной головой радостно закукарекал и, подняв кинжал, кинулся на меня. Даже будь я уже

волком, такой удар означал бы смерть... Мимо молнией пронесся Свертальф, прыгнул демону на плечи и выцарапал глаза.

Волк! Я снова принял его облик. Кот трусцой убрался обратно. Демонов осенила идея, что воевать можно и на расстоянии. В воздух полетели камни, ножи, копья — все, что попадалось под руку. В основном они промахивались. Ад — не то место, где можно было набить руку в метании. Иногда мне все же попадало, но... Короткая боль, и только. Серьезно демоны ранить меня не могли.

Бомбардировка кончилась. Доведенные до состояния крайней истерии, демоны попытались взять нас штурмом. Дьяволы падали, кувыркались, вскакивали, орали. Возможно, они задавили бы нас количеством, но Джинни, покончив с установлением параестественной защиты, пришла мне на помощь. Ее меч без промаха разил демонов, пытающихся перебраться через груду иссеченных нами тел.

Уже многие были убиты, многие ранены, когда, наконец, волна их наступлений откатилась. Я сел на задние лапы. Вокруг кровь, трупы, стоны. Не было даже сил пошевелить языком. Я сидел и жадно глотал воздух. Полусмеясь, полуплача, Джинни ерошила мне мех. Кое-где дьяволы добрались когтями и до ее кожи. Из царапин сочилась кровь, а изорванное платье походило на боевое знамя. Спасибо Свертальфу. Лишь благодаря его помощи неприятель не смог нанести Джинни серьезных повреждений. Я оглянулся. Воображая себе, что это мышь, Свертальф играл с чьим-то оторванным хвостом.

Вот что действительно важно, так это начерченные на полу мягко светящиеся линии. Конечно, они не защищают от прямого физического воздействия, но колдовство нам теперь не страшно. Чтобы разрушить возведенные Джинни невидимые стены, им понадобится много времени, гораздо больше, чем мы собираемся оставаться здесь.

— Стив, Стив, Стив... — Джинни наконец справилась с собой. — Пожалуй, я займусь приготовлениями к нашему возвращению.

— Хальт! — раздалось из темноты.

Голос был хриплый, в нем чувствовался жуткий гипнотический ритм. Ритм, который не успокаивает, а, напротив, пробуждает ярость и слепую энергию.

— Опустите оружие. Мы — парламентеры.

Дьяволы, даже те, которые лежали ранеными, сразу затихли. Шум прекратился. Стало совсем тихо. Те, кто мог отползти, скрылись во мраке. Судя по тому, как беспрекословно повиновались ему эти сумасшедшие твари, я понял, что голос принадлежит главному демону, хозяину замка, который занимает

высокое место среди приближенных Врага.

По плитам двора звонко застучали сапоги. Перед нами предстал главарь демонов. Меня удивило избранное им обличье. Не только голос, но и внешность у него были совсем как у человека. Облик, в котором не было ничего примечательного. Он был среднего роста, может быть, чуточку ниже. Немного одутловатое лицо. Маленькие усы, щеточкой, и спадающие на лоб волосы темного цвета. На нем было что-то вроде военной формы коричневого цвета, без знаков отличия. Но к чему красная нарукавная повязка с древним знаком свастики?

Свертальф прекратил свои забавы, ощетинился. Несмотря на сильную вонь дьявола, я уловил исходящий от Джинни запах страха. Обхватив себя руками, Джинни подошла ближе. Она была выше дьявола и потому смотрела на него сверху.

— Что тебе надо? — спросила она высокомерно.

Обращение "ты" Джинни употребила намеренно. Она хотела оскорбить дьявола. Сама она немецкий знала плохо, но, пока Больян находился в теле Свертальфа, могла бегло изъясняться на этом языке. Ведь у нее со Свертальфом была постоянная мысленная связь. (Почему князь Ада предпочитает говорить по-немецки? Здесь крылась тайна, которую я так и не понял.) Между тем я достаточно сохранил в себе человеческого, чтобы следить за их разговором.

— Я спрашиваю у вас то же самое, — сказал дьявол.

Местоимение "вас" можно было толковать двояко. Но говорил дьявол тоном, не допускающим возражений.

— Вы вторглись на землю нашей отчизны. Вы попрали наши законы. Вы убили и искалечили наших доблестных воинов, пытавшихся осуществить право на самозащиту. Своим гнусным присутствием вы осквернили Дом Посланий. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам.

— Вот как? Продолжай.

Я предостерегающе зарычал. Но Джинни в предупреждениях не нуждалась.

— Если я скажу больше, вы сможете найти способ помешать нам. Однако хочу заверить, что мы не намерены долго оставаться здесь. Мы скоро закончим нашу миссию. — На лбу у нее блестели капельки пота. — Мне... Мне кажется, что, если вы ненадолго оставите нас в покое, это послужит выгоде обеих сторон.

Дьявол топнул сапогом:

— Я должен знать! Я требую! Это мое право!

— У побежденных нет прав, — сказала Джинни. — Подумай. За оставшееся время вы не сможете ни проникнуть сквозь волшебную стену защиты, ни силой взломать ее. Не успеете.

Единственное, чего вы добьетесь, — это новых потерь. Вряд ли Верховный правитель будет доволен таким расточительством.

Дьявол начал жестикулировать. Его голос возвысился почти до крика:

— Я не допущу поражений! Что касается меня, поражение не возможно. Если меня победят, то только потому, что предатели нанесут удар в спину. — Дьявол на глазах впадал в транс. Его речь превратилась в грубое, но какое-то завораживающее пение. — Мы прорвем железное кольцо! Мы уничтожим весь мир! Нас ждет победа! Нет капитуляции! Нет соглашению! Наши предки зовут нас вперед!

Вся банда чудовищ подхватила призыв и приветственно завопила:

— Хайль!

— Если хотите предложить нам что-нибудь — предлагайте, — сказала Джинни. — В противном случае, убирайтесь. Нам некогда.

По лицу дьявола прошла судорога, но он овладел собой:

— Мне не хотелось бы допустить уничтожение этого здания. В эти камни вложено много труда и много колдовской силы. Сдавайтесь добровольно, и я обещаю вам хорошее отношение.

— Какова цена вашим обещаниям?

— Мы можем обсудить, например, какие мирские блага, в качестве вознаграждения, получит тот, кто, служа правому делу...

Свертальф мяукнул. Джинни стремительно обернулась. Я, почувствовав новый запах, тоже обернулся. Это материализовался похититель. В лапах его лежала Валерия. Она как раз просыпалась. Открыла глаза, повернула голову и поднесла кулачок ко рту.

— Папа? — пробормотала она тихим сонным голосом. — Мама?

Тварь, похитившая дочь, была действительно невелика. Закованное в броню тело на когтистых лапах. Две горбоньих руки, заканчивающиеся смертоносными шипами. И крошечная головка. Из многочисленных ран демона капала кровь. На обвислых губах пузырилась пена. И пока демон не видел нас, он весь скалился в кретинской ухмылке.

Завопив по-английски: "Хозяин, на помощь!", он бросил Валерию и попробовал спастись бегством. Свертальф преградил ему дорогу. Демон занес лапу. Кот увернулся. Тут его и настигла Джинни, ногой припечатав гадину к полу. Я слышал хруст. Демон истошно вопил.

Я снова был на посту. Хозяин замка попытался незаметно проскользнуть у меня за спиной. Я вырвал неплохой кусок из

его икры. Он и на вкус очень походил на человеческий. Ретировавшись, он скрылся во тьме, где мельтешили его приведенные в ужас сподвижники.

Прекрывая их вой, он завизжал:

— Я отомщу! Я пущу в ход секретное оружие! Пусть Дом будет разрушен! Наша гордость требует удовлетворения. Мое терпение истощилось!..

Я приготовился к новой битве. И она действительно едва не началась. Но князь Ада ухитрился усмирить свою команду. Он переорал их. Джинни была права; он не мог больше нести бесполезные потери.

В моем волчьем мозгу мелькнула мысль:

"Хорошо, что он не знает, что сейчас они могут оказаться небесполезными, ибо Джинни уже не могла бы прийти мне на помощь..."

Она торопливо стала передавать дочь Свертальфу. Девочка тут же вцепилась в волосы Джинни. Чтобы отвлечь ее, кот принялся танцевать, шутливо наскакивать, мурлыкать. И я услышал радостный смех. Смех, в котором звучал серебряный колокольчик и шумел дождик, какой бывает только весной. И еще я услышал, как Джинни начала читать заклинание.

Заклинание прерывать было нельзя. Чтобы установить первоначальный контакт с Землей, Джинни нужно было около пяти минут. Потом она сможет передохнуть. И снова потребуется время, необходимое на то, чтобы определить точную конфигурацию векторов и собрать нужное количество параестественной энергии. А уж затем возвращение.

Какой-то невидимый во тьме демон завопил. Пущенный наугад камень попал в меня. Явно, камень был брошен просто так, от злости. Я застыл в дверях. Успеем ли?

Воздух содрогнулся от грохота. Мелькали тени, и пронзительно выли демоны. Я услышал панический топот их ног. Они убежали. Страх ледяной рукой сжал мое горло. Самое трудное в моей жизни — это тот момент, когда я заставил себя остаться на посту.

Замок затрясся до самого основания. С зубчатых стен соскользнули сдвинувшиеся с места глыбы, рухнули оземь, раскололись. В стенах здания прорезались щели. Оттуда выбивались языки пламени. Я задыхался, окутанный клубами дыма. Потом дым рассеялся, и на смену ему пришел запах древнего праха.

— ...ин комине потестатно, фиал йануа, — торопливо читала заклинание Джинни.

Задевая головой небо, возле башни поднялся гигант. Он был выше, чем самый высокий шпиль замка, у стен которого находилась его могила. Он был черен, и в этой тьме померкли звезды

Ада. Трясущейся ногой гигант ударил в стену замка.

Стена с грохотом обрушилась. Громадными столбами взвилась к небу пыль. Земля вздрогнула. С морщинистой кожи с шумом сыпался песок, грязь и камни. Его тело поросло мертвенно-бледными фосфоресцирующими грибами и плесенью. Из глазных впадин выползали и падали вниз черви. Нечем было дышать — так силен был исходящий от него запах гниения. Разложение вызвало жар, и гигант был весь в тлеющих огнях. Он был мертв, но тело его повиновалось воле демонов.

— ...секули этермитатис. — *Джинни ни разу не прервалась.*

Она остановилась лишь тогда, когда это можно было сделать без опасения повредить колдовству. Вот какая у меня была Джинни! Но теперь она упала на колени рядом со мной.

— Любимый! — расплакалась она. — Ведь мы почти сумели!

Я нащупал свой фонарик. Гигант поворачивал голову из стороны в сторону, будто мог видеть. Изъеденное червями лицо замерло, уставившись прямо на нас. Я сдвинул переключатель. Превращение. Я опять человек. Гигант поднял ногу. Те, кто управлял им, старались причинить замку как можно меньше разрушений. Медленно, осторожно гигант перенес ногу через стену.

Я привлек к себе мою девочку. Моя вторая девочка смеялась и шумно возилась с котом. Зачем причинять им лишние муки...

— У нас нет шансов?

— Н-не успеваем... первичное поле установлено, н-но телесный перенос *невозможен, пока я... не закончу. Я люблю тебя,* люблю...

Я сжимал в руке меч Декатура. Его лезвие слабо поблескивало в свете, испускаемом Рукой.

"Что ж, вот и конец нашей жизни, — подумал я. — Нам предстоит умереть здесь. Так не лучше ли встретить смерть, сражаясь? Может быть, хоть наши души сумеют выбраться отсюда?.."

Души!

Я схватил Джинни за плечи и отодвинул от себя, чтобы видеть ее лицо.

— Нам не могут помочь! — вырвалось у меня. — Ни смертные, ни ангелы — им это запрещено. Нет. Но, но... Ты ведь уже установила контакт и... энергетическое состояние этой Вселенной... Для этого не требуется много... Существуют создания, которые... Они не принадлежат Небу, но все равно они враги Аду.

Глаза Джинни вспыхнули. Она резко выпрямилась. Схватив волшебную палочку и меч, вскинула их кверху и начала выкрикивать заклинания.

Нога гиганта опустилась на плиты двора. Дьяволы, те, кого не раздавила его ступня, вопили от ужаса. Громадные пальцы сомкнулись вокруг шпиля.

Не знаю, на каком языке звучало это заклинание, но закончила его Джинни выкриком на английском:

— Вы, которые знают человека! Вы, враги Хаоса! Святостью символа, который мы носим, призываю вас! И говорю вам, что дорога с Земли открыта!

"Часовня" качнулась. Со стен посыпались камни. Шпиля больше не было — его сорвала ладонь гиганта. Поток обломков погреб под собой оставшихся в живых демонов. Их было много — раненых, не сумевших спастись бегством. Гигант на ощупь шарил по двору.

И тут пришло спасение...

Не знаю, кем они были. Возможно, их подлинный вид отличался от того, что мы видели... Стороны света, о которых я говорю дальше, — это условно допускаемые понятия. Ведь говорить о сторонах света в Аду бессмысленно. И вот самое простое объяснение. На призыв Джинни отозвались какие-то существа, которые были рады возможности вторгнуться в царство Врага. Может, они были родом из нашей Вселенной, может, из какой-то другой? Но очевидно, он был и их Врагом.

Мост, выстроенный Джинни, был еще слишком хрупок, чтобы выдержать человеческое тело. Но, как мне кажется, уровень энтропии Нижнего Континуума дал возможность параестественным и сверхъестественным силам действовать так, как это было бы невозможно в любом другом месте.

А в общем, объяснение ищите сами. Какое вам нравится. Но вот что я видел.

На западе появилась царственного вида женщина. Она была одета в белое с голубой оторочкой платье. Глаза у нее были серые, черты лица поражали ледяной красотой. Темные локоны венчал украшенный гребнем шлем. Острие копья мерцало лазурью — так сияют в ночи земные звезды. На плече сидела сова. На левой руке — продолговатый выпуклый щит. К щиту была прикреплена голова еще какой-то женщины, вместо волос у которой — змеи, лицо искажено мукой. (Афина, воинственная богиня мудрости.)

С юга ползла огромная змея. Гигант по сравнению с ней казался маленьким. Глаза змеи сверкали, подобно солнцам, зубы походили на белые сабли. На голове — плюмаж всех цветов радуги. Плюмаж колыхался под порывами ветра, поднимаемого ею. Там, где она ползла, шел дождь, и капли его сверкали, как драгоценные камни. И вдоль спины росли излучающие сияние перья. Чешуя — коралловая, щитки на брюхе покрыты золотом.

Змея свивала кольца, хлестала хвостом. Она походила на гигантскую молнию. (Это был Катцалькоатль, воинственный бог мудрости, земледелия и ремесел. Первоначальный бог грозы и молнии.)

С севера в колеснице, влекомой двумя козлами, мчался мужчина. Огромный, краснобородый, облаченный в шлем и кольчугу. На нем был железный пояс и рукавицы. Правил он стоя. В левой руке держал поводья. В правой сжимал молот на короткой рукояти. Его плащ развевался. Это был плащ-буря. Грохот колесницы разносился по всему небу. Смеясь, краснобородый раскручивал молот и бросал его. Там, куда он падал, вспыхивал огонь, и воздух содрогался раскатами грома. А потом молот возвращался обратно к краснобородому. (Тор, воинственный бог грома. Первоначально — верховное божество.)

Все трое казались такими громадными, что едва умещались на небе. Ад затрепетал при их появлении. Дьяволы пустились в бегство. Когда удрал главарь, искусственная жизнь покинула тело гиганта. Его падение сопровождалось грохотом, от которого я и сам не удержался на ногах, упал на землю. Рухнув, гигант уничтожил большую часть замка. Наши спасители не стали задерживаться, чтобы сравнять с землей остальное. Без промедления кинулись в погоню. Не думаю, что многим удалось спастись от них.

Мы не стали дожидаться конца этой битвы. Джинни закончила читать заклинания и схватила Валерию. Я сунул меч Декатура в зубы. Посадив Свертальфа на локоть, свободной рукой я поднял с пола за шиворот демона — похитителя Валерии. У него была сломана нога. Да будь я проклят, если оставлю тебя здесь!

— Хозяин, не убивай меня, я исправлюсь, я все скажу, я скажу все, что вы хотите, — безостановочно скулил он. Злу незнакомо понятие чести.

Джинни выкрикнула последнее слово, сделала последний пасс.

Перенос!..

31

Этот перенос полностью отличался от предыдущего. Мы возвращались во Вселенную, откуда мы родом. Силы Космоса не препятствовали, а, наоборот, способствовали перемещению. Лишь на мгновение мир перешел во вращение, и мы дома.

Команда Барни по-прежнему ждала нас в лаборатории. Они отшатнулись, когда увидели нас под колоколом. Крик, плач, всхлипывания, благодарственные молитвы. Оказалось, мы от-

сутствовали всего лишь около двух часов. А может, и по адским меркам прошло не больше времени? Но казалось, будто миновали столетия. А когда я взглянул на Джинни с Валерией, почудилось, что и двух-то часов не было. Не было даже секунды...

Девочка недоуменно оглядывалась, моргая огромными небесно-голубыми глазами. Меня вдруг пронзила мысль, что ужасный вид похитившей ее твари мог сильно испугать ее, повредить психику.

Дрожа, я нагнулся к ней:

— Радость моя, с тобой все в порядке?

— Ой, папочка, — она осветилась в улыбке, — было так весело. Давай снова.

Джинни отпустила ее. Усадила. Склонившись, я привлек свою маленькую к себе. Она недовольно оттолкнула меня:

— Хочу кушать.

Я выпустил демона. Когда колокол подняли, пленник попробовал уползти. Но не мог выбраться за пределы пятиугольника. По моей просьбе Джинни наложила на него чары, не дающие ему вернуться в Нижний Континуум без нашего разрешения.

Сверкающий Нож все же получил свой ордер. Он тоже нас ждал, во главе целой банды фэбээровцев. Широко шагая, отодвигая в стороны мешавших, он вошел под колокол и поднял демона за здоровую ногу. Демон казался гротескно крошечным в его ладони.

— Хозяин, не убивайте, — молила тварь. — Я все расскажу... Не мучайте...

Позже мы обнаружили, что наша масса обмена, перенесенная сюда из адской Вселенной, представляла в основном скопления щебня, грязи и так далее. Почему-то было значительное количество серы, дегтя и производных нефти — легких гидрокарбонатов. Харди и Грисволд занялись их классификацией. Все они относились к разряду взрывчатых и горючих веществ. Потом по моей просьбе все это было основательно перемешано с обычными земными веществами. Это было сделано для того, чтобы обезопасить нас на тот случай, если обмену подвергнется лишь небольшая часть этой дряни (и действительно, конечная масса обмена составила всего несколько футов). Все суетились, выбирая на память грязь из бутылки с сильными кислотами, ружейные патроны, бритвенные лезвия и прочую дребедень. Барни впоследствии соорудил управляемую фотоэлементами штуковину, которая воспламенила вещества массы обмена точно в момент выхода из нашей Вселенной. Полагаю, что той части Ада, где масса материализовалась, сильно не поздоровилось.

С возвращением Валерии, разумеется, от подменыша и следа не осталось. Бедный комок плоти, надеюсь, что тебе позволили умереть.

Но тогда я не думал об этих вещах. Убедившись, что с нашей дочерью все в порядке, мы с Джинни кинулись друг к другу в объятия. Наш первый поцелуй был взрывом такой радости, такого счастья, что эхо ее никогда не заглохнет в нас. И когда мы снова нашли в себе силы взглянуть на этот мир, Свертальф уже был только Свертальфом...

В моем мозгу прозвучал полный доброты голос:

"За этот подвиг Янош Больян удостоился сана святого, и ему позволено занять место возле Бога. Как я рад! И как рад, друзья, что вы победили и нанесли поражение врагам Всевышнего, а также, что Валерия Стивеновна спасена. Признаюсь, что у меня есть для радости и собственные эгоистические основания. Увиденное в этом путешествии подсказало мне некоторые новые теоретические анализы... обработка... которых..."

Я понял желание, которое Лобачевский постеснялся высказать откровенно, и сам предложил:

— Вам бы хотелось задержаться здесь еще на некоторое время?

— Честно говоря, да. На несколько дней. Потом я действительно должен буду вернуться обратно. Это было бы замечательно — заниматься исследованиями, став снова не просто душой, а обычным человеком. Это было бы очень интересно, Стивен Антонович. Крайне любопытно посмотреть, на что ты способен, оказавшись вновь человеком. — И добавил торопливо: — Умоляю вас, уважаемый друг, не рассматривайте мое желание как просьбу. Вы и ваша жена рисковали жизнью, испытали такие лишения. Вы находились под страхом потери того, что значит для вас больше, чем даже ваша взаимная любовь. Вы, конечно, хотите отпраздновать вашу замечательную победу. Но поверьте мне, я бы никогда себе не позволил такое неделикатное отношение...

Я нежно и задумчиво посмотрел на Джинни и ответил мысленно:

"Я понимаю, что вы подразумеваете, Ник. Я всегда готов на это — "праздновать победы" со своей Джинни. Я хочу, чтобы вся наша жизнь, каждая мельчайшая ее секунда стала сплошным праздником. И пусть так будет, пока мы совсем не состаримся. Но вы забываете, что наша грешная плоть ограничена не только духовно, но и физически. Джинни нужно как следует отдохнуть. Да и мне не мешало бы. Кроме того, мне хочется увидеть, как то, что вы напишете, появится в каком-нибудь соответствующем издании. Это будет здорово..."

Вот так и случилось, что, хотя по хаосу нас вел Больян, первый отчет об Аде опубликован за подписью Лобачевского...

Не могу сказать, что вся наша дальнейшая жизнь складывалась счастливо и безмятежно. Вам бы понравилось неожиданно стать знаменитым? Может, вам знакомо все это? Репортеры, интервью по магическому кристаллу, ежедневные тонны писем, статьи, поклонники, просящие фотографии и автографы, какие-то воинственно настроенные забулдыги, идиотские телефонные звонки, непрошеные посетители, разные подхалимы... Ну а далее перечисляйте сами.

Я получил в фирме хорошую должность. Лучшую, чем я, вероятно, заслуживал. Джинни открыла собственную студию — об этом она всегда мечтала. Это уже тогда, когда особого общественного интереса мы не представляли.

А тем временем Валерия достигла того возраста, когда начинают дружить с мальчиками. Нам казалось, что друг нашей дочери вполне достоин ее. Говорят, что такие ощущения, как родительская ревность, знакомы каждому, у кого есть дочь. Все проходят через это. Но я был очень занят другими делами, чтобы слишком уж беспокоиться.

Вот и вся история. Публичная лекция-исповедь демона привела к эффективному развалу церкви иоаннитов. Конечно, оставалось еще некоторое число ее самых твердолобых приверженцев, но особого вреда они уже причинить не могли. Впоследствии образовалось ее реформистское ответвление — во главе с моим старым знакомым Мармидоном. Эта обновленная церковь объявила, что Евангелие Любви — такое же Евангелие, как и остальные, а их вера — одна из многих в числе других. Поскольку ни гностицизм, ни тайный сатанизм не проник туда, не думаю, чтобы Святой Петр или кроткий добряк Святой Иоанн стали бы особенно возражать.

Перед тем как вознестись на небо, Лобачевский продемонстрировал мне доказательства нескольких теорем. Я ничего не понял. Но те, кто хоть как-то смог разобраться, утверждают, что отныне эффективность волшебства, созданного нами в те давние жуткие времена, может быть повышена вдвойне. Нашему приятелю, Бобу Сверкающему Ножу, пришлось немало потрудиться, подготавливая почву для распространения новых научных взглядов. Но действовать ему приходится осторожно, и предстоит еще большая работа. Нельзя безоговорочно доверяться каждому старому чудаку, наделенному от природы выдающимися способностями. И все же правительству Соединенных Штатов (и не только ему) известно, как вторгнуться в Ад,

если тот вынуждает к этому. Маловероятно, чтобы армия Земли смогла завоевать Нижний Континуум, но бед неприятелю она может доставить предостаточно. Так что у нас нет оснований опасаться еще одного прямого нападения со стороны Врага. Вот со стороны человека — да. Потому что есть еще на нашей планете люди развращенные и испорченные, подверженные искушению и соблазну. Люди-лжецы и люди-предатели. Но думаю, что если нам удастся сохранить свою честь незапятнанной, а порох сухим, то не придется претерпеть слишком многого.

Оглядываясь назад, я часто не могу поверить, что это было на самом деле. Что мы прошли через такие ужасы, со всем справились... Рыжеволосая ведьма, волк-оборотень с обрубленным хвостом и высокомерно щеголяющий черный кот... И когда я вспоминаю все, то понимаю, что Враг лишен чувства юмора. И наоборот, уверен, что Бог любит посмеяться...

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ
Роман
3

КРЕСТОНОСЦЫ КОСМОСА
Роман
153

ОПЕРАЦИЯ "ХАОС"
Роман
259

Литературно-художественное издание

Андерсон Пол

КРЕСТОНОСЦЫ КОСМОСА

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *С.А. Кукуш*
Художественное оформление студии "Парсек"
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.09.92.
Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9.
Уч.-изд. л. 32,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 169.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф».
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Отпечатано в полиграфическом производственном
предприятии «Офсет»
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

